

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2025

№ 95

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета;
Дацышен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США);
Иванова Наталья Анатольевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва);
Киришин Юрий Федорович, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул);
Красильников Сергей Александрович, д-р ист. наук, проф., кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН;
Мерлин Од, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);
Функ Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, проф., директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва);
Ермекабай Жарас Акишевич, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахского филиала МГУ (Астана); **Рожнева Жанна Анатольевна**, кандидат исторических наук, декан факультета исторических и политических наук Томского государственного университета; **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Федосов Егор Андреевич**, канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры российской истории – ответственный секретарь; **Молодин Вячеслав Иванович**, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрылов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, заведующий кафедры российской истории Томского государственного университета; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия Томского государственного университета; **Саидов Илхомжон Мухиддинович**, д-р ист. наук, профессор кафедры историографии и источниковедения Самаркандского государственного университета (Узбекистан, г. Самарканд); **Троицкий Евгений Флорентьевич**, д-р ист. наук., проф. кафедры мировой политики Томского государственного университета; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения Томского государственного университета; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета; **Чиндина Людмила Александровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

**EDITORIAL COUNCIL OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul**, PhD, prof. Colby College (Waterville, USA), **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, head of the Center for the study of strategic issues in northeast Asia and the SCO of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Director, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Ermekbay Zharas A.**, Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Zhanna A. Rozhneva**, Candidate of Historical Sciences, Dean of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University; **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasilii P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Fedosov Egor A.**, Executive Editor, PhD (History), Senior Lecturer of Department of Russian History; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Rumyantsev Peter P.**, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Ryndina Olga M.**, Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage, Tomsk State University; **Troizkiy Eugeniy F.**, Dr. of History, Professor of the Department of World Politics, Tomsk State University; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies, Tomsk State University; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Saidov Ilkhomjon M.**, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Historiography and Source Studies, Samarkand State University (Samarkand, Uzbekistan); **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Антонова Е.К. Метеорологические наблюдения в Томской губернии в 1900 г.	5
Боднарчук Д.В. «Разочарованные» в Западе: столкновение реального и идеального как причина переоценки отдельных понятий в русском обществе XIX–XX вв. на примере отдельных его представителей	10
Владимирски И.В., Герасимова В.А. Политическая ориентация евреев Сибири и Дальнего Востока в 1918–1920-е гг.: случай М. Новомейского	19
Геворкян А.А. Роль Менделеевых–Капустиных–Поповых в развитии науки и культуры дореволюционного Томска	24
Красникова Ю.Н. Лашманы и изменения в структуре ведомственного управления во второй четверти XIX в.	34
Никulina И.Н. Материалы сибирских архивохранилищ о биографиях ссыльных католических священников, находившихся в Западной Сибири (1830-е гг. – конец XIX в.)	42
Пожарская К.А., Брюханова Е.А. Роль крестьянства в формировании городского населения Тобольской губернии на рубеже XIX–XX вв.	48
Салфетников Д.А. Азово-Черноморский край к середине 1930-х гг.: особенности и проблемы промышленного развития	56
Тишкина К.А. Основные направления деятельности Российского общества Красного Креста в Ойратской автономной области в 1920-е гг.	65
Фантров П.П., Даниюкова А.В. Особенности социальной защиты инвалидов, участников Великой Отечественной войны в контексте обеспечения государственной безопасности СССР в послевоенный период (1945–1953 гг.)	72
Шулбаев О.Н., Баранцева Н.А. Из истории взаимоотношений политических ссыльных с местной администрацией в Восточной Сибири (на примере Минусинского округа в 1820–1890-е гг.)	79

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Грива И.П., Шевцов К.Ю. Публичная дипломатия – деструктивный инструмент влияния западных стран на государства постсоветского пространства: пример Республики Молдова	89
Карпов Г.А. Колониальная Кения: вопросы идентичности	97
Керимов А.А. Женщина и политическое участие: ретроспективный взгляд на проблему	104
Михайленко В.И. Региональная политика безопасности Австралии в эпоху неопределенности	112
Сурков М.Ю. Соперничество СССР и США в области культурной дипломатии в Иране в 1939–1953 гг.	121
Турдикулов О.Т., Муминов А.Г. Развитие филиалов зарубежных вузов в Узбекистане при Президенте Ш.М. Мирзиёеве	130
Shah S. Tradition and Transformation: The Role of Pashtunwali in Shaping Women’s Political Identities	140

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, МЕТОДОВ
ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Мочалов Д.П. Проблемы сравнительно-исторического метода и исторических аналогий в публикациях Г.С. Фридлянда	149
Семенов Ю.В. Организация Первой всеобщей переписи населения 1897 года в Вооруженных силах Российской империи	156
Сивкина Н.Ю., Борисова Е.Ю. Матримониальная политика Филиппа II Македонского: новый взгляд на старую дискуссию	162

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Antonova E.K. Meteorological observations in Tomsk province in 1900	5
Bodnarchuk D.V. “Disappointed” in the “West”: the clash of the real and the ideal as the reason for the reassessment of certain concepts in Russian society of the XIX–XX centuries on the example of its individual representatives”	10
Vladimirsky I.V., Gerasimova V.A. Political orientation of Siberian and Far Eastern Jewry in 1918–1920: M. Novomeysky case study	19
Gevorkyan A.A. The role of the Mendeleevs–Kapustins–Popovs in the development of science and culture in pre-revolutionary Tomsk	24
Krasnikova Yu.N. Lashmans and changes in the structure of Departmental management in the second quarter of the 19th century	34
Nikulina I.N. The materials of Siberian archives about the biographies of Catholic priests who were in Western Siberia (1830s – the end of the 19 century)	42
Pozharskaya K.A., Bryukhanova E.A. The peasantry role in the urban population’s formation of the Tobolsk province at the turn of the 19th and 20th century	48
Salfetnikov D.A. The Azov–Chemomorsky Territory by the mid 1930-s: features and problems of industrial development	56
Tishkina K.A. The main activities of the Russian Red Cross Society in the Oirat Autonomous Region in the 1920s	65
Fantrov P.P., Danyukova A.V. Features of social protection of disabled people, participants of the Great Patriotic War, in the context of ensuring state security of the USSR in the post-war period (1945–1953)	72
Shulbaev O.N., Barantseva N.A. From the history of relations of political exiles with the local administration in Eastern Siberia (on the example of the Minusinsk district in 1820s–1890s)	79

PROBLEMS OF WORLD HISTORY
AND INTERNATIONAL RELATION

Griva I.P., Shevtsov K.Y. Public diplomacy is a Destructive Instrument of Influence of Western Countries on the states of the Post-Soviet Space: the Example of the Republic of Moldova	89
Karpov G.A. Colonial Kenya: Identity issues	97
Kerimov A.A. Women and political participation: a retrospective view of the problem	104
Mikhaylenko V.I. Australia’s regional security policy in an uncertain era	112
Surkov M.Yu. The Clash of Cultural Diplomacy Strategies of the USSR and the U.S. in Iran in 1939–1953	121
Turdikulov O.T., Muminov A.G. Development of international branch campuses in Uzbekistan under President Sh.M. Mirziyoyev	130
Shah S. Tradition and Transformation: The Role of Pashtunwali in Shaping Women’s Political Identities	140

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY,
SOURCE STUDIES, METHODS
OF HISTORICAL RESEARCH

Mochalov D.P. Problems of the comparative-historical method and historical analogies in the publications of G.S. Fridlyand	149
Semenov Yu.V. Organization of the First General Population Census of 1897 in the Armed Forces of the Russian Empire	156
Sivkina N.Yu., Borisova E.Yu. The matrimonial policy of Philip II of Macedon: a new look at an old discussion	162

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Павличенко Д.И. Визуальный образ Царства Польского во второй половине XIX – начале XX в. в российской прессе и печатных изданиях	170
---	-----

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Мамадаков Ю.Т., Серегин Н.Н., Радовский С.С., Семибратов В.П. Новые материалы комплекса Быстрянка: к вопросу о начальном этапе истории населения северных предгорий Алтая скифо-сакского времени	181
---	-----

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Костерев А.Г., Ким М.Ю. Формирование томской научной школы кибернетики (1950–1960-е гг.)	192
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

Расколец В.В. «...мы сделали то, что мы были должны»: рецензия на книгу Буториной О.В., Ничикова А.В., Юновидова А.С. Обычная дивизия великой войны. 385-я стрелковая Кричевская. 1941–1945. М.: Весь мир, 2024. 672 с.	202
Шевцов В.В. Рецензия на монографию Бик-Булатова А.Ш. Очерки истории казанской журналистики 1758–1918. Выпуск 2. Казань: Издательский дом Маковского, 2021. 976 с.	206

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Лекаренко О.Г., Кочев И.А. Всероссийская научная конференция «Основные тенденции во внешней политике США XX–XXI вв.»	209
---	-----

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Pavlichenko D.I. Visual image of Congress Poland in the second half of the 19th – early 20th centuries in the Russian press and printed publications	170
---	-----

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY

Mamadakov Yu.T., Seregin N.N., Radovsky S.S., Semibratov V.P. New materials of the Bystryanka complex: to the question of the initial stage of the history of the population of the Altai northern foothills in the Scythian-Saka period	181
---	-----

PROBLEMS OF THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Kosterev A.G., Kim M.Yu. The Formation of the Tomsk Scientific School of Cybernetics (1950–1960s)	192
--	-----

BOOK REVIEW

Raskolets V.V. “...we did what we had to”: Review of the book by Butorina O.V., Nichikov A.V., Yunovidov A.S. An ordinary division of the great war. 385th rifle Krichevskaya. 1941–1945. Moscow: Ves mir, 2024. 672 p.	202
Shevtsov V.V. Review of the book by Bik-Bulatov A.Sh. Essays on the history of Kazan Journalism 1758–1918. Issue 2. Kazan: Makovsky Publishing House, 2021. 976 p.	206

SCIENTIFIC LIFE

Lekarenko O.G., Kochev I.A. All-Russian scientific conference “Major trends in US foreign policy in the 20th–21st centuries”	209
---	-----

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Научная статья

УДК 94(57)

doi: 10.17223/19988613/95/1

Метеорологические наблюдения в Томской губернии в 1900 г.

Евгения Константиновна Антонова

Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томск, Россия, antonovatomsk@gmail.com

Аннотация. Рассматривается история зарождения метеорологических наблюдений в Сибири и Томской губернии, начиная с метеорологических наблюдений Великой северной экспедиции Витуса Беринга и появления первых метеорологических станций Томской губернии в 1734 г. Раскрывается деление метеорологических станций по статусу на станции второго и третьего разрядов. Перечисляется, какие наблюдения проводили метеорологические станции Томской губернии в 1900 г. и как эти наблюдения могли способствовать проведению сельскохозяйственной переписи 1901 г. в Томской губернии. Анализируются сведения добровольных корреспондентов Алтайского округа за 1900 г.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Томская область, метеорологические станции, засуха

Для цитирования: Антонова Е.К. Метеорологические наблюдения в Томской губернии в 1900 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 95. С. 5–9. doi: 10.17223/19988613/95/1

Original article

Meteorological observations in Tomsk province in 1900

Evgenia K. Antonova

Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering, Tomsk, Russian Federation, antonovatomsk@gmail.com

Abstract. The end of the 19th – beginning of the 20th century was the time of great trials for the weather phenomena of Western Siberia and, in particular, the Tomsk province. The drought of 1900-1901 in Tomsk province led to crop failures. Malnutrition has become a common cause of socio-economic tension in the West Siberian region. Tomsk province suffered from drought more significantly than other regions of Western Siberia. All this subsequently led to the agricultural census of 1901 in Tomsk province. Information from meteorological stations and volunteer correspondents of Tomsk province served as one of the justifications for starting a census company. The purpose of this work is to show the influence of meteorological data on the agricultural census of 1901 in Tomsk province. The objectives of the study are to show the history of the creation of meteorological observations in Tomsk province, to study the work and data of meteorological stations and volunteer correspondents of Tomsk province for 1900. The study is based on published historical sources, and that allows us to get an idea of the meteorological history of the West Siberian region and Tomsk Province, in particular. The historical research is based on the work of the Main Geophysical Observatory of the Russian Empire, the Nikolaev Main Geophysical Observatory, and the Statistical Department at the Main Directorate of the Altai District. The article analyzes the data of 23 meteorological stations of Tomsk province for 1900 according to the main meteorological indicators, relative humidity, maximum temperature, maximum precipitation, and the number of days with precipitation. Attention is paid to the information of volunteer correspondents of the Altai region for 1900. Based on the studied material, it is concluded that the history of meteorological observations in Tomsk province has a long historical tradition. Observations by meteorological stations and volunteer correspondents reflected the development of drought in the West Siberian region in the early twentieth century, which became one of the justifications for the agricultural census of 1901 in Tomsk province.

Keywords: Western Siberia, Tomsk region, meteorological stations, drought

For citation: Antonova, E.K. (2025) Meteorological observations in Tomsk province in 1900. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 95. pp. 5–9. doi: 10.17223/19988613/95/1

Конец XIX – начало XX в. стали для Западной Сибири, в частности Томской губернии, временем больших испытаний. Засуха 1900–1901 гг. привела к неурожаю сельскохозяйственных культур. Недород стал общей причиной социально-экономической напряженности в Западносибирском регионе. Томская губерния пострадала от засухи значительно больше, чем другие территории Западной Сибири. Все это привело в последующем к сельскохозяйственной переписи 1901 г. в Томской губернии. Информация метеорологических станций и добровольных корреспондентов Томской губернии послужила одним из обоснований для начала переписной кампании, цель которой заключалась в определении наиболее пострадавших от засухи уездов и волостей для справедливого распределения государственной помощи, выделенной Министерством финансов.

Цель настоящей работы – показать влияние метеорологических данных по губернии на принятие решения о проведении подворной переписи 1901 г.

Задачи исследования заключаются в рассмотрении истории проведения метеорологических наблюдений в Томской губернии, изучении работы и данных метеорологических станций и добровольных корреспондентов Томской губернии за 1900 г.

Необходимо отметить, что метеорологические наблюдения в Томской губернии имеют давнюю историческую традицию. Их начало в Сибири связано с деятельностью Великой северной экспедиции Витуса Беринга в 1733–1743 гг. [1. С. 11]. Первые метеорологические станции в Томской губернии появились в 1734 г. в Томске, Нарыме, Мариинске, Каинске, Колывани, Барнауле, Бердске, Кузнецке, Алатау, Бийске, селах Дубровинском, Зюзинском, Булатовском, Карпысакском, Тулинском, Медведском, Салаир, Улала, Никоновском и на Зыряновском руднике.

В период 1848–1888 гг. координирующим центром развития метеорологии в Сибири стала Пекинская магнитно-метеорологическая обсерватория. Первоначально обсерватория находилась под управлением Департамента горных и соляных дел Министерства финансов, затем была передана в ведение Главной физической обсерватории Санкт-Петербурга. В Томске метеорологические наблюдения долгое время проводились работниками учебных заведений: так, в 1830–1843 гг. метеорологические наблюдения вел директор училищ Томской губернии И.Г. Новотроицкий, в 1846–1873 гг. – учитель гимназии С. Эльснер. Впоследствии метеорологическими наблюдениями занимался инспектор томских народных школ П.А. Буткеев. Общую организацию метеорологических работ в Сибири, в частности в Томске, осуществлял директор Пекинской магнитометеорологической обсерватории Г.А. Фритше [2. С. 190, 193].

В конце XIX в. метеорологические наблюдения в Сибири усилились благодаря строительству Транссибирской железнодорожной магистрали, для которой необходимы были данные о погоде. Все метеорологические станции Томской губернии находились в ведении Географического общества Российской империи. [3. С. 138–139]. С 1900 г. метеорологические исследования на территории Западной Сибири были возложе-

ны на Екатеринбургскую магнитометеорологическую и Иркутскую обсерватории [1. С. 11].

Метеорологические станции Томской губернии делились по статусу на станции второго и третьего разрядов [3. С. 59, 195, 303]. Станции второго разряда отвечали за наблюдения над такими физическими явлениями, как атмосферное давление, влажность воздуха, облачность, температура, ветер, осадки, продолжительность солнечного дня. Станции третьего разряда занимались дождемерными и грозowymi наблюдениями [4. С. 38].

В Российской империи были введены определенные стандарты метеорологических наблюдений: температура воздуха выражалась в градусах Цельсия, абсолютная влажность – в миллиметрах, скорость ветра – в метрах в секунду. Метеорологические наблюдения производились утром в 07.00, днем в 13.00 и вечером в 21.00 [5. С. 2]. Главными метеорологическими показателями считались значения температуры и количество осадков [6. С. 166].

В 1900 г. на территории Томской губернии работало 26 метеорологических станций, из них 23 станции смогли собрать информацию о погоде в Томской губернии за 1900 г. в полном объеме.

В 1900 г. метеорологические станции Томской губернии располагались в таких местах, как Чулым, Томск, Нарым, Кургатский форпост, Каинск (станция железной дороги), Колывань, Правая Обь, Тоуракское, Мариинск, Томская казенная ферма, Барнаул, Татарская, Кольчугинское, Кузнецк, Бийск, Каинск (город), Иткульский завод, Бельгагачское зимовье, Бурлинские озера, Боровые озера, Неожиданный прииск, Зыряновский рудник, село Локтевское [7. С. 19, 470]. Метеорологические станции Томской губернии фиксировали температуру воздуха, влажность, облачность, скорость ветра, осадки.

Наиболее важным источником информации о погоде в Томской губернии за 1900 г. можно считать 4 основных метеорологических показателя 23 метеорологических станций второго разряда, которые отражены в табл. 1.

Первый показатель – относительная влажность воздуха, т.е. плотность в нем водяного пара, которая выражалась в процентах от 0 до 100. Вторым показателем – максимальная температура, исчислялась в градусах Цельсия: за 0°C принималась температура таяния льда, а за 100°C – температура кипения воды. Температура показывала состояние воздуха в зависимости от рельефа, поверхности, времени года, времени суток, воздушных масс и т.д. Третий показатель – максимальное количество осадков в миллиметрах. Атмосферные осадки – влага, которая образовывалась в результате выпадения снега, дождя, града и т.д. Количество осадков – высота слоя воды в миллиметрах на поверхности земли. Один миллиметр – один килограмм воды на квадратный метр. В Томской губернии стандартная норма выпадения осадков в год – 556 мм. Четвертый показатель – число дней с осадками за год [7. С. 2–6].

Ориентируясь на сведения об относительной влажности, максимальной температуре и максимальном количестве осадков, а также зная число дней в году,

когда выпадали осадки, можно предположить наличие или отсутствие засушливых явлений в Томской губернии в 1900 г.

Рассматривая, относительную влажность в Томской губернии, можно отметить, что процент плотности водяного пара в воздухе в 1900 г. на метеорологических станциях варьировал от 43 до 66%. Шкала относительной влажности от 0 до 100%. Сухо – от 0 до 40%, норма – от 40 до 60%, влажно – от 60 до 75%, сыро – 75 до 100%. Влажность прежде всего влияет на процесс испарения почвы и растений. Чем меньше

величина относительной влажности, тем больше дефицит влажности и суше воздух [8. С. 48]. Необходимо указать, что сырой и сухой воздух не зафиксировала в течение 1900 г. ни одна метеорологическая станция Томской губернии. Некоторые метеорологические станции зафиксировали влажный воздух: Томская казенная ферма – 63%, Мариинск – 64%, Каинск – 64%, Чулым – 65%, Томск – 66%, Правая Обь – 66%. Метеорологические нормы зафиксировали восемь станций: в диапазоне от 43% – Бурлинские озера, до 59% – Иткульский завод.

Таблица 1

Сведения метеорологических станций второго разряда по Томской губернии за 1900 г.

№	Название метеорологической станции	Относительная влажность (%) (за год)	Температура, °С, максимальная (за год)	Количество осадков, мм, максимальное (за год)	Число дней с осадками (за год)
1	Чулым	65	14,5	15,6	125
2	Томск	66	35,6	17,0	181
3	Нарым	–	32,5	25,0	181
4	Каргатский форпост	–	32,9	25,1	126
5	Каинск (станция железной дороги)	57	33,0	63,2	150
6	Колывань	50	33,0	41,5	107
7	Правая Обь	66	33,3	41,1	124
8	Тоуракское	–	33,5	26,0	119
9	Мариинск	64	34,9	26,0	129
10	Томская казенная ферма	63	35,0	10,0	152
11	Барнаул	57	35,1	15,8	143
12	Татарская	64	35,8	20,9	104
13	Кольчугинское	65	36,3	16,7	100
14	Кузнецк	58	36,3	31,4	165
15	Бийск	–	36,5	23,3	128
16	Каинск (город)	64	34,6	28,5	108
17	Иткульский завод	59	36,6	26,6	130
18	Бельагачское зимовье	51	36,8	21,4	84
19	Бурлинские озера	43	37,0	22,7	96
20	Боровые озера	–	37,1	7,3	91
21	Неожиданный прииск	58	37,5	24,7	168
22	Зырянский рудник	–	39,0	35,5	90
23	Локтевское	–	40,5	16,5	94

Примечание. Составлено по: [7. С. 146, 158, 160, 162, 164, 282, 283, 284].

Важным показателем внешней среды можно считать максимальную температуру воздуха. Оптимальный рост растений достигается при температурах от 25 до 30°C, температура выше 30°C приводит к засухе и уменьшению фотосинтеза растений, резкому спаду роста сельскохозяйственных культур [8. С. 41–43]. Двадцать две метеорологические станции Томской губернии зафиксировали высокую температуру воздуха в диапазоне от 32,5 до 40,5°C. Так, в Каргатском форпосте зафиксировано 32,5°C, в Каинске – 34,6°C, в Мариинске – 34,9°C, в Барнауле – 35,1°C, в Томске – 35,6°C, в Бийске – 36,5°C, на Неожиданном прииске – 37,5°C и т.д.

Необходимо отметить, что в течение 1900 г. все метеорологические станции Томской губернии указали на низкое количество максимальных осадков. Если один миллиметр воды – это один ее килограмм, или один литр, на квадратный метр, то получается, что за год на территорию Боровых озер вылилось 7,3 мм воды, или 7 л 300 мл, на Барнаул вылилось 15,8 мм, или 15 л 800 мл воды, на Томск – 17,0 мм, или 17 л, на Каинск – 28,5 мм воды, или 28 л 500 мл, на Кузнецк вылилось 31,4 мм воды, или 31 л 400 мл, на Колывань –

41,5 мм воды, или 41 л 500 мл, и т.д. При этом, как указывалось выше, в Томской губернии на рубеже веков стандартная норма выпадения осадков в год – 556 мм, или 46,3 мм в месяц (46 л 300 мл на квадратный метр). Таким образом, получается, что все метеорологические станции Томской губернии в 1900 г. зафиксировали значительный недостаток выпавших осадков.

Важным метеорологическим показателем можно считать число дней с осадками и без осадков. Один год – 365 дней. Минимальное число дней с осадками зафиксировано за 1900 г. на Бельагачском зимовье – 84 дня, или 281 день без осадков, в Мариинске – 129 дней, или 236 дней без осадков, в Барнауле – 143 дня, или 222 дня без осадков, в Кузнецке – 165 дней, или 200 дней без осадков, максимальное количество дней с осадками зафиксировано в Томске и Нарыме – 181 день, или 184 дня без осадков. Отсутствие достаточного количества осадков приводило к иссушению почвы и созданию неблагоприятных условий для роста и развития сельскохозяйственных растений.

Дополнительные сведения о состоянии погоды Томской губернии за 1900 г. дает табл. 2, где приведены

ежемесячные сведения метеорологических станций двух ключевых городов Алтайского округа – Томска на севере и Барнаула на юге – за период с января по декабрь 1900 г. Важно отметить, что ежемесячное количество осадков, зафиксированное этими метеорологическими станциями в зимний период, варьировало от 10,2 до 32,4 мм, в весенний период – от 8,4 до 26,8 мм на квадратный метр, в то время как метеорологическая норма в Томской губернии составляла 46,3 мм на квад-

ратный метр в месяц. Получается, что влаги в почве не хватало в то время, когда земля должна напитаться водой перед весенним посевом и летним ростом трав и хлебов. Летом на метеорологических станциях зафиксировано нестабильное количество осадков – от 32,1 до 76,4 мм. В осенний период осадки варьировали от 15,4 до 38,8 мм на квадратный метр, что было очень опасно для озимых сельскохозяйственных культур: это задерживало рост семян и появление всходов.

Таблица 2

Сведения метеорологической станции г. Томска и г. Барнаула за 1900 г.

Месяц	Количество осадков в Томске, мм в месяц	Количество осадков в Барнауле, мм в месяц
Январь	19,0	32,4
Февраль	13,8	10,2
Март	17,8	19,8
Апрель	26,8	17,8
Май	15,4	8,4
Июнь	32,1	65,8
Июль	76,4	58,5
Август	40,6	60,6
Сентябрь	19,5	25,6
Октябрь	22,1	15,4
Ноябрь	38,8	28,5
Декабрь	38,7	32,8

Примечание. Подсчет по: [7. С. 337–348].

Информация, полученная метеорологическими станциями Томской губернии за 1900 г., подтверждается информацией добровольных корреспондентов Алтайского округа. В 1900 г. 324 добровольных корреспондента оставили свои наблюдения, из них 258 (79,9%) указали, что осень 1900 г. была сухой, 28 (8,4%) отметили, что осень 1900 г. была средней, 38 (11,7%) зафиксировали, что осень дождливая в горных районах Томского, Бийского и Змеиногорского уездов. Добровольные корреспонденты указывали, что в западной части Алтайского края осадков было меньше, чем в его восточной части. В октябре–ноябре 1900 г. в западных регионах Алтайского округа на Бурлинских озерах выпало 10,0 мм, на Боровых озерах – 19,3 мм, на Оби – 20,7 мм, в восточных регионах Алтайского края на Бель-Агаче – 38,2 мм, в с. Локтевском – 39,2 мм. Из 258 добровольных корреспондентов Алтайского округа 78,1% указали на то, что земля в осенний период промокла плохо, 6,7% – что земля промокла по среднему, и только 15,2% посчитали, что земля промокла хорошо, и это были в основном земли в горных регионах Алтайского края. Большинство добровольных корреспондентов указали, что снежный покров в 1900 г. в Томском уезде, левобережной части Барнаульского уезда был небольшой толщины, и весной 1901 г. весеннего разлива рек в Алтайском округе совсем не было [9. С. 2–3, 7].

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Метеорологические наблюдения в Томской губернии к началу XX в. велись на достаточно высоком уровне, были включены в государственную систему наблюде-

ния за погодой. В 1900 г. на территории Томской губернии работало 26 метеорологических станций, из них 23 станции смогли собрать информацию о погоде в Томской губернии за 1900 г. в полном объеме. Относительная влажность в Томской губернии в 1900 г. на метеорологических станциях показала норму, ни одна метеорологическая станция не зафиксировала сырой или сухой воздух. Двадцать две метеорологические станции Томской губернии зафиксировали высокую температуру воздуха в диапазоне от 32,5 до 40,5°C. В течение 1900 г. все метеорологические станции Томской губернии указали на низкое количество максимальных осадков и значительное количество дней без осадков. Данные метеорологических станций Томской губернии о погоде подтверждаются информацией добровольных корреспондентов Алтайского округа за 1900 г. о сухости почвы и недостаточном количестве осадков в Томской губернии.

Наблюдения метеорологических станций и добровольных корреспондентов убедительно свидетельствовали о дефиците влаги и развитии засухи в Западносибирском регионе, это впоследствии привело к низкому урожаю сельскохозяйственных культур, общей социально-экономической напряженности, осознанию на правительственном уровне необходимости экономической помощи крестьянам Томской губернии. Для определения наиболее пострадавших от засухи районов по всей губернии в 1901 г. была проведена подворная перепись, материалы которой полностью сохранились и являются сейчас ценнейшим источником по аграрной истории России.

Список источников

1. Ахунова Е.Д., Федотова Е.П., Литовский В.В. История геомагнитных наблюдений на Урале (18–19 век) // 170 лет обсерваторских наблюдений на Урале: история и современное состояние : материалы Междунар. семинара, Екатеринбург, 17–23 июля 2006 г. Екатеринбург : Ин-т геофизики УрО РАН, 2006. С. 11–15.

2. Феклова Т.Ю. Возвращение имени. Г.А. Фритше – организатор метеорологических станций в Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 65. С. 190–194.
3. Бергман Р.Р. О распределении и деятельности метеорологических станций в Российской империи с начала их возникновения до 1889 г. включительно : читано в заседании Физико-математического отделения 4 ноября 1892 г. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1892. IV, 350 с. (Приложение к 71-му тому «Записок Императорской Академии наук»; № 4).
4. Лейст Э.Е. Метеорология : курс лекций, читанных в 1915 г. М., 1915. 99 с.
5. Вильд Г. Летописи Главной геофизической обсерватории. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1894. Ч. 2: Метеорологические наблюдения по международной системе станций 2-го разряда. 228 с.
6. Селянинов Г.Т. О сельскохозяйственной оценке климата // Труды по сельскохозяйственной метеорологии. 1928. Вып. 20. С. 165–177.
7. Рыкачев М. Летописи Николаевской Главной геофизической обсерватории, 1900. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1901. Ч. 2: Метеорологические наблюдения по международной системе станций 2-го разряда в России. 521 с.
8. Венцкевич Г.З. Сельскохозяйственная метеорология. Ленинград : ГИМИЗ, 1952. 325 с.
9. Сельскохозяйственный обзор Алтайского округа за 1901 г. / Стат. отд. при Главном упр. Алтайского округа. Барнаул : Типолит. Главного управления Алтайского округа, 1902. [5], 71, 19, 149 с.

References

1. Akhunova, E.D., Fedotova, E.P. & Litovskiy, V.V. (2006) Istoriya geomagnitnykh nablyudeniya na Urale (18 – 19 vek) [History of geomagnetic observations in the Urals (18th – 19th centuries)]. In: *170 let observatorskikh nablyudeniya na Urale: istoriya i sovremennoe sostoyanie* [170 years of observations in the Urals: History and current state]. Proc. of the International Seminar. Yekaterinburg, July 17–23, 2006. Yekaterinburg: UrB RAS. pp. 11–15.
2. Feklova, T.Yu. (2020) The name's return. G.A. Fritsche the founder of meteorological stations in Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 65. pp. 190–194. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/65/24
3. Bergman, R.R. (1892) *O raspredelenii i deyatelnosti meteorologicheskikh stantsiy v Rossiyskoy imperii s nachala ikh vozniknoveniya do 1889 g. vkluchitelno: chitano v zasedanii Fiziko-matematicheskogo otdeleniya 4 noyabrya 1892 g.* [On the distribution and activities of meteorological stations in the Russian Empire from their inception to 1889 inclusive: at the meeting of the Physics and Mathematics Department on November 4, 1892]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
4. Leist, E.E. (1915) *Meteorologiya: kurs lektsiy, chitannykh v 1915 g.* [Meteorology: Lectures delivered in 1915]. Moscow: [s.n.].
5. Wild, G. (1894) *Letopisi Glavnoy geofizicheskoy observatorii* [Annals of the Main Geophysical Observatory]. Vol. 2. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
6. Selyaninov, G.T. (1928) O selskokhozyaystvennoy otsenke klimata [On the agricultural assessment of climate]. In: *Trudy po selskokhozyaystvennoy meteorologii* [Proceedings on Agricultural Meteorology]. Vol. 20. pp. 165–177. (In Russian).
7. Rykatchev, M. (1901) *Letopisi Nikolaevskoy Glavnoy geofizicheskoy observatorii, 1900* [Annals of the Nikolaev Main Geophysical Observatory, 1900]. Vol. 2. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
8. Ventskevich, G.Z. (1952) *Selskokhozyaystvennaya meteorologiya* [Agricultural Meteorology]. Leningrad: GIMIZ.
9. Statistical Department of the Main Directorate of the Altai District. (1902) *Selskokhozyaystvennyy obzor Altayskogo okruga za 1901 g.* [Agricultural review of the Altai District for 1901]. Barnaul: Main Directorate of the Altai District.

Сведения об авторе:

Антонова Евгения Константиновна – кандидат исторических наук, директор информационно-консультационного центра Томского государственного архитектурно-строительного университета (Томск, Россия). E-mail: antonovatomsk@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Antonova Evgeniya K. – Candidate of Historical Sciences, Director of the Information and Consulting Center of Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering (Tomsk, Russian Federation). E-mail: antonovatomsk@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.02.2025; принята к публикации 15.05.2025

The article was submitted 10.02.2025; accepted for publication 15.05.2025

Научная статья

УДК 93/94

doi: 10.17223/19988613/95/2

«Разочарованные» в Западе: столкновение реального и идеального как причина переоценки отдельных понятий в русском обществе XIX–XX вв. на примере отдельных его представителей

Дмитрий Владимирович Боднарчук

*Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица,
Санкт-Петербург, Россия, funsie@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена причинам разочарования в «Западе» среди представителей русского общества в начале XIX – конце XX в. Идеальный образ «Запада» как образца для развития любого другого общества часто не выдерживал испытания реальностью. Цель статьи – проследить, каковы основные причины разочарования и как они менялись в зависимости от эпохи и ситуации, в которой находился человек, изменивший свое отношение к Западу. Для достижения заявленной цели были изучены источники личного происхождения, публицистика, тексты интервью и публичных выступлений. Механизмы разочарования в «западной» идее зависели от событий внутри России. У эмиграции и оставшихся в России они могли различаться.

Ключевые слова: образ «Запада», образ «Другого», история идей

Для цитирования: Боднарчук Д.В. «Разочарованные» в Западе: столкновение реального и идеального как причина переоценки отдельных понятий в русском обществе XIX–XX вв. на примере отдельных его представителей // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 95. С. 10–18. doi: 10.17223/19988613/95/2

Original article

“Disappointed” in the “West”: the clash of the real and the ideal as the reason for the reassessment of certain concepts in Russian society of the XIX–XX centuries on the example of its individual representatives

Dmitrii V. Bodnarchuk

*Saint Petersburg State Academy of Art and Industry named after A.L. Stieglitz,
Saint Petersburg, Russian Federation, funsie@mail.ru*

Abstract. The concept of "West" is one of the constants of Russian culture. From the 19th century, the time of the reception of this concept in Russia, to the present, it has occupied a strong place among the basic concepts that describe the world around Russia. As a rule, there are two mutually exclusive approaches to assessing the "West": either unconditional delight, or unconditional condemnation. A balanced approach, recognizing the positive and negative aspects of Western civilization, is less common. An interesting case is the transition from love for the "West" to disappointment or even hatred for it. This article is devoted to this case. Its purpose is to reveal the strategies of "disillusionment" in Western civilization among the representatives of Russian culture during the 19th–20th centuries. For this, sources of personal origin were studied, such as diaries, memoirs, letters, in which the authors in one form or another recorded a change in their attitude towards the "West". The texts of well-known authors, such as A. N. Tolstoy, S. A. Yesenin, Z. N. Gippius, as well as less well-known ones, were studied. For example, the memoirs of I. M. Bogolepov, the son of the famous Russian and Soviet economist M. I. Bogolepov. The son, unlike his father, went to the West and experienced there an acute disappointment in the culture, which seemed to him exemplary before a direct collision with it.

As a result of work on the research topic, the author came to the conclusion that the mechanisms of disappointment in the "West" depended on events in Russia itself. So, in the XIX century, a part of Russian society has gone from the perception of Western states and societies as identical to Russia, but, unlike it, went the "right" way, to the realization of the "otherness" of these societies and states in relation to their Fatherland. In the era of Revolution and later, among emigrants, "West" frustration was caused by "West" refusal to "save" Russia from the Bolsheviks. This position was perceived by emigrants and opponents of the Bolsheviks in Russia as a betrayal. Another mechanism of disappointment in the "West" among the Russian intelligentsia after the Revolution is associated with the unwillingness of Western elites to distinguish between "Soviet" and "Russian", as phenomena that are not identical and even hostile to each other. Part of the intelligentsia perceived the Revolution as evidence of Russia's readiness to build a new society, which they could not do in the "West". It also led to disillusionment with the idea of the "West" as a model for Russia's development. In the final part of the article, the author asks whether the desire of inner thinkers to find the ideal model for the development of society was the result of their independent scientific research and how much it was the inertia of ideas of the Enlightenment, whose intellectuals sought the answer to the same question.

Keywords: the image of the "West", the image of the "Other", the history of ideas

For citation: Bodnarchuk, D.V. (2025) "Disappointed" in the "West": the clash of the real and the ideal as the reason for the reassessment of certain concepts in Russian society of the XIX–XX centuries on the example of its individual representatives. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 95. pp. 10–18. doi: 10.17223/19988613/95/2

«Воображаемый Запад» является важной составляющей русской культуры [1]. Это своего рода «земля обетованная», которой на самом деле не существует. «Воображаемый Запад» – эталон справедливого общества, каким его представляли разные поколения русских интеллектуалов и интеллигентов. Однако такая ментальная конструкция редко переживает столкновение носителя данного образа с реальным прототипом, в данном случае с реальным Западом. Пересмотр отношения к Западу можно назвать «разочарованием в Западе». Данная статья посвящена вопросу о «разочаровании в Западе» среди представителей русской интеллигенции в XIX–XX вв. Объединение таких разных периодов в истории России позволит проследить, существуют ли некие универсальные для русской культуры стратегии «разочарования в Западе». Кроме этого, XIX век был временем, когда понятие «Запад» появилось в русской культуре в современном его смысле – для обозначения группы государств Западной Европы с рядом характерных для них черт в развитии общества, политической системы, культуры. К XX в. мы обратились, так как в это время Россия развивалась отличным от государств Западной Европы путем. Это привело к актуализации образа Запада как в самой Советской России, так и в эмигрантской среде.

Под словосочетанием «разочарование в Западе» мы понимаем изменение отношения к Западу как образцу развития для русского общества и разочарование в «западных идеях», таких как универсальность европейского пути развития, либерализм и парламентаризм, например.

Цель данной статьи – выяснить, как именно меняется отношение к Западу у русских интеллектуалов. Претерпевает оно незначительную корректировку или человек приходит к полному отказу от мысли, что западное общество может служить примером для развития общества в России? Чем отличалось «разочарование в Западе» у мыслителей царской России и в советский период отечественной истории?

При отборе материала мы исходили из одного критерия: автор анализируемого текста должен был поменять свое отношение к Западу и объяснить его. Главное, чтобы его отношение изменилось с положительного на отрицательное.

Одним из первых русских мыслителей, разочаровавшихся в Западе, стал Николай Михайлович Карамзин. Хотя в «Письмах русского путешественника» мы не найдем прямого восхваления западных идей, но революционный Париж летом 1790 г. Николай Михайлович описывает с симпатией [2, 3]. Более того, Ю.М. Лотман, специально занимавшийся исследованием политических взглядов Н.М. Карамзина, пришел к выводу, что в начале 1800-х гг. идеалом государственного устройства для Карамзина была «президентская республика» [4].

Конечно, все это не делает его западником или либералом, но позволяет уверенно говорить о переоценке западных идей Карамзиным на протяжении жизни [5]. Позже, в августе 1818 г., он писал князю Вяземскому: «Россия не Англия, даже не Царство Польское: имеет свою судьбу, великую, удивительную...» [6]. То есть Россия – самостоятельная страна со своей судьбой, поэтому нельзя требовать от нее соответствия судьбам других стран и народов. Даже славянских, таких как Польша.

Иван Васильевич Киреевский, один из столпов славянофильства, также пережил разочарование в Западе. В журнале «Европеец» он однозначно высказывался в пользу западного просвещения как единственного возможно пути для развития России, и развивать просвещение нужно, внедряя западный быт [7]. То есть перемена быта должна была повлечь за собой, по мнению И.В. Киреевского, перемену сознания. Журнал «Европеец» был закрыт после выпуска третьего номера [8]: властям он показался слишком либеральным. Совсем иную оценку Киреевский дает европейскому просвещению в статье «О просвещении в Европе и России» 1852 г. [9], написанной через 20 лет после публикаций в «Европейце». Здесь прослеживается разочарование в западном просвещении как развивающем «отвлеченный ум». Следствием этого являются разочарование западного человека в любых убеждениях и духовный кризис. Связана такая эволюция с духовными исканиями самого Киреевского: в 1840-е гг. он часто бывает в Оптиной пустыни и изучает творения святых отцов.

Примером разочарования в западных идеях можно считать эволюцию политических взглядов публициста, журналиста, издателя Михаила Никифоровича Каткова. В молодости он был близким другом В.Г. Белинского, исповедовал либеральные взгляды. После окончания Московского университета путешествовал по Бельгии и Франции, продолжил обучение в Берлинском университете, где слушал лекции Шеллинга по философии и даже был вхож в его дом. Тогда они не касались оценок государственного устройства. Каткова поразила духовная философия Шеллинга, он стал больше интересоваться религией, Богом, Церковью. В это же время наблюдается его разрыв с В.Г. Белинским, приблизившимся в своих взглядах к атеизму. После возвращения в Россию из Германии начинается процесс изменения взглядов Каткова «вправо».

Интересную характеристику Каткову дал его знакомый, французский историк-русист профессор Анатоль Леруа-Болье. Он считал, что Катков «своим воспитанием, своими вкусами, всею своею личностью этот ярый защитник славянства был западником, настоящим европейцем» [10]. Действительно, во второй половине 1850-х гг. Катков становится англоманом.

После поражения в Крымской войне общество искало модели для модернизации России. Одной из таких моделей как раз явилась Англия. Каткову в Англии нравилось широко развитое самоуправление, соединенное с преданностью монархии [11]. Однако так продолжалось до польского восстания 1863 г. Катков и многие его современники восприняли восстание как угрозу территориальной целостности России, и с этого времени он считал своей главной задачей борьбу за сохранение государства, отказ от следования западным образцам государственного развития.

Среди разочаровавшихся в Западе были не только русские консерваторы, но и революционеры. Так, Александр Иванович Герцен, убежденный критик самодержавия и его сторонников, также на начальном этапе своей жизни увлекался Западом, но позже отошел от этих убеждений. Причиной оказалось знакомство с западным миром на практике, а решающим стало наблюдение за подавлением парижской революции 1848 г. Герцен начал считать, что ничего нового на Западе быть уже не может, и будущее находится в России [12]. Именно здесь еще можно создать новый общественный порядок. Для Герцена главная причина разочарования в Западе – его косность и невозможность принятия чего-либо нового.

Вероятно, один из самых известных случаев разочарования в либеральных идеях связан с революционером-народником Львом Александровичем Тихомировым [13–17]. Активный революционер, он изменил свои взгляды, получил царское прощение и начал заниматься публицистикой в консервативном ключе. В работе «Почему я перестал быть революционером» он много внимания уделяет критике революционных идей и «иностранных книг». Главная проблема либерального движения в том, что оно слишком теоретично, оторвано от реальности. Тихомиров характеризует это «ненормальным господством книги» [18]. Русские интеллигенты формируют «свой ум по иностранным книгам» [18]. Как следствие, интеллигенция, выпускники университетов не знают России и требуют невозможного [18], т.е. осуществления того, что сказано в иностранных книгах. Он делает своего рода признание: «Эти книжные “знания” и “ощущения” держали много лет и меня в своей власти» [18]. Таким образом, главная причина разочарования в «иностранных», по сути, западных идеях – осознание инаковости России, малой пригодности иностранных теорий для ее развития.

В некоторых случаях в текстах встречается не «разочарование» в Западе, а любовь-ненависть к Западу [19. С. 71–72]. Такие авторы одновременно ругают Запад и ждут от него помощи, признают свое родство с западной культурой. Хороший пример подобного «разочарования» – воспоминания поэтессы Зинаиды Гиппиус, написанные в Петрограде в первые годы после Октябрьской революции. Понятия «Европа», «Запад» выступают в этом тексте как синонимичные. Европа позиционируется как отдельный мир, отдельный живой организм, между частями которого идет война. Гиппиус иногда даже обращается к Европе: «Европа! Во имя вселенского разума, во имя единой культуры человечества – приклони ухо к нам! Услышь наш по-

лузашенный голос. Ведь и мы, хотя мы русские, мы люди одного Духа, мы – интеллигенты-работники той же всемирной нивы человеческой! <...> Европа, не забывай: мы с тобой, хотя ты не с нами» [20. С. 376]. В данном случае «разочарование» происходит от отверженности России и русских Европой. Но, еще раз подчеркну, это не полное разочарование, а своего рода обиженность изгнанных из рая на тех, кто в раю остался. Интересно, что Запад и Европа четких границ в представлении Гиппиус не имеют. Так, Германия то называется частью Европы, то, наоборот, автор воспоминаний указывает, что Германии нужна победа над Европой, противопоставляя их таким образом [20. С. 391].

Представители русской эмиграции тоже не всегда оставались довольны Западом. Интересны наблюдения Н.Н. Берберовой, автора известной книги воспоминаний «Курсив мой. Автобиография». «Западными людьми» она называет тех, «кто живет в современных, техникой обусловленных городах» [21. С. 48]. Автор пишет о французском языке: «...язык, который хоть я и знала, но оказавшийся вдруг не совсем таким, какому меня учили в детстве: изысканно-трудный, с неожиданными препятствиями, которые то и дело отбрасывали меня от него» [21. С. 209]. Негативное отношение к Западу прослеживается в случаях, когда какие-либо «западные» черты наносят вред русской эмиграции. Так, принятие Советского Союза частью французской интеллигенции Берберова объясняет тем, что на Западе (во Франции и США) люди, «когда хотят чего-либо не зная, умеют это делать безнаказанно» [21. С. 271]. Само «западничество» воспринимается двояко: как нечто, что может как соединять с Россией, так и разъединять [21. С. 377]. По словам Берберовой, эмиграция делилась на два типа: одни жили в инокультурной среде и пытались взять от нее как можно больше; вторые жили рядом с этими же людьми, но между собой и внешним миром повесили «лично-семейный, складной и портативный нержавеющий железный занавес» [21. С. 498], т.е. они не хотели принимать новый мир, сравнивали его с Россией, и пользовались им из необходимости, потому что Россия была недосытаема. Восприимчивость, отношение к западной культуре среди русских эмигрантов зависели преимущественно от двух факторов: страны пребывания и опыта жизни в России.

Сделаем оговорку: одни и те же черты западного общества могли восприниматься русскими эмигрантами как положительно, так и отрицательно. В книге воспоминаний В.С. Яновского «Поля Елисейские» [22], служащей своего рода «апологией» западного уклада жизни, даются положительные оценки черт западного общества, которые критиковались не только противниками Запада, но и самими западниками. Это касается «скупости», «мелочности» западного общества. Яновский замечает, что «что лучшие русские западники во главе с Герценом единодушно отталкивались от мнимой европейской скупости». Западники, Герцен вместе с ними, не поняли, что «скупость» и «мелочность» на самом деле являются расчетливостью и бережливостью [22. С. 163]. Такое непонимание объясняется тем, что в России привыкли к расточительству,

в то время как без расчетливости и бережливости невозможно никакое ведение хозяйства.

Одним из эмигрантов, разочаровавшихся в Западе, был известный философ Н.А. Бердяев. В книге «Самопознание» он сравнивает себя с Герценом, с его разочарованием в Западе, и пишет следующее: «Герцен был разочарован в Западе после революции 48 года, он оттолкнулся от мещанства Запада. Я тоже имею основания быть разочарованным, и еще больше оснований. Я ранен не менее К. Леонтьева уродством демократического века и тоскою по красоте, которой было больше в столь несправедливом прошлом. Но разочарование носит более глубокий характер, и утешение должно быть более глубоким, чем у Герцена. Разочарование связано с судьбами не только Европы, но и всего человечества и всего этого мира» [23. С. 367–368]. Это признание важно тем, что Бердяев, неоднократно обращавший внимание на недостатки западного мира, нигде не указывал, что эти недостатки заставляют его разочаровываться в Западе. Он писал о его недостатках, просто указывая на них, без оценочного суждения. Здесь стоит обратить внимание на то, что Бердяев пишет о своем разочаровании в Западе, сравнивая себя с Герценом и Леонтьевым, русскими мыслителями, также изменившими свое суждение в отношении западного мира. Но разочарования здесь разного порядка. Бердяев далее прямо пишет, что он разочаровался не столько в самом Западе, сколько вообще в мире, и его надежды на лучшее будущее связаны не с «русским мужиком», как у Герцена, а с «наступлением Царства Божьего» на земле. Главный недостаток западного общества для Бердяева в сравнении с русским – обсуждение проблем не по сути их, а в проявлении в человеческой мысли. Например, западные философы обсуждают проблему одиночества в творчестве Петрарки, Руссо или Ницше, в то время как русские философы пытаются постичь проблему одиночества как таковую, не связывая ее с каким-то конкретным мыслителем. Для Бердяева в этом проявляется некая поверхностность западной культуры. Но здесь есть и положительные стороны. Не пытаюсь постичь суть вопроса, западные мыслители относятся к изучаемым проблемам спокойнее, взвешеннее. Бердяев ссылается на Белинского: «Белинский говорил после спора, продолжавшегося целую ночь: “Нельзя расходиться, мы еще не решили вопроса о Боге”». На Западе тоже спорили о Боге, но их споры не продолжались всю ночь [23. С. 198].

Человеком, пережившим разочарование в Западе, был поэт Сергей Есенин. Случай Есенина интересен тем, что «западником» он и не был. Он никогда не утверждал, что Россия должна следовать по пути Франции или Великобритании в развитии своей политической модели государства или общества. То есть поездка в Америку была для него и первым знакомством с Западом, закончившимся разочарованием. Есенин категорически не принимает американского образа жизни. Так, в письме к А.Б. Мариенгофу из Нью-Йорка 12 ноября 1922 г. поэт пишет: «Милый мой Толя! Как рад я, что ты не со мной здесь в Америке, не в этом отвратительнейшем Нью-Йорке. Было бы

так плохо, что хоть повеситься... Сегодня в американской газете видел очень большую статью с фотог[рафией] о Камер[ном] театре, но что там написано, не знаю, никак не желаю говорить на этом проклятом аглицком языке. Кроме русского, никакого другого не признаю и держу себя так, что ежели кому-нибудь любопытно со мной говорить, то пусть учится по-русски... Боже мой, лучше было есть глазами дым, плакать от него, но только бы не здесь, не здесь. Все равно при этой культуре “железа и электричества” здесь у каждого полтора фунта грязи в носу» [24]. Хотя в этом же письме, до процитированного нами фрагмента, Есенин обмолвился, что раньше, до приезда в США, его «при всех российских лишениях» поддерживали мысли о загранице. Теперь же, когда он ее увидел, то молит «Бога не умереть душой и любовью к моему искусству». То есть, хотя Есенин западником и не был, как мы уже писали, но, вероятно, представление о Западе как о месте, где жизнь лучше, чем в России, у него было и разрушилось после непосредственного знакомства с западной культурой. То, что казалось В.С. Яновскому одним из условий «успеха» Запада, Есенин оценил строго негативно.

Алексей Николаевич Толстой тоже может быть отнесен к разочаровавшимся в Западе, хотя ярым поклонником Запада он никогда не был. Непродолжительное время в эмиграции, в 1919–1923 гг., позволило ему вынести достаточно критические суждения о западном мире. Главный пункт этой критики – фактическая гибель западной цивилизации. Россия в то же время переживает тяжелый период своей истории, но сама она жива и она дает ощущение жизни [25], которого на Западе уже нет. Революцию и Гражданскую войну он оценивает как произошедшее ради спасения мира: «Я чувствую, как Россия уже преодолела смерть. Действительно – смертью смерть поправ. Если есть в истории Разум, а я верю, что он есть, то все происшедшее в России совершенно для спасения мира от безумия сознания смерти... Европа, вообще не привыкшая к безднам, до сих пор не может отвести глаз, душа ее угнетена и мрачна. Разумеется, все это лишь самые общие очертания, скорее – таково впечатление от Запады, когда поживешь в его городах. Но, может быть, это самая правда и есть: уныние опустошенных душ» [25]. Запад навевает на писателя ощущение смерти. Интересно упоминание слов из пасхального тропаря: «Смертию смерть поправ». Полностью первая часть тропаря звучит: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровал». Россия, в понимании Толстого, совершила чудо воскресения, равное тому, что совершил Христос Крестной Смертью.

Интересный материал для изучения темы «разочарования в Западе» дает книга И.М. Боголепова «В отлучение за Мадрит: мемуары жертв холодной войны» [26]. Уже во вступлении к книге автор заявляет, что во время рабочих командировок на Запад он убедился, «что главной опорой анти-народного, анти-русского ленинско-сталинского режима являются западные левые “либералы”», а корни русской революции – на Западе [26. С. 1]. В книге встречаются такие оригинальные

нальные формулировки, как «либеральный “сталинизм” Запада» [26. С. 1]. Запад обвиняется в том, что русские эмигранты вместо свободы «столкнулись... с традиционной русофобией» [26. С. 8]. Основной упрек ко всему – равнодушие Запада по отношению к русским эмигрантам. Запад оставил их «жить, как могут, и умирать, как хотят» [26. С. 21]. Второй пункт претензий к Западу – это западный либерализм. Если равнодушие к эмигрантам присуще всему Западу, то либерализма придерживается лишь часть западного общества. Однако именно либерализм – основной порок западного общества, который может в дальнейшем привести к гибели Запада. Автор критикует западных «кремленологов» (очевидно, искаженное «советологов») за упрощенное, ошибочное понимание отношения России к Западу. Во-первых, западные специалисты слишком много внимания сосредоточивают «на покрытых вековой пылью догматических спорах верхушечной части русской интеллигенции царского времени, на спорах между славянофилами и западниками» [26. С. 45]. Вторая ошибка западных специалистов по истории России в том, что они не поняли, что споры западников и славянофилов в итоге превратились в споры между двумя группами западников. Одни стояли «за рабское копирование западных либерально-демократических декораций», а другие добивались «смены не только декораций, а и режиссеров, пьесы и зрителей – по западному же марксистскому рецепту и, при том, и в России, и на Западе» [26. С. 47].

И.М. Боголепов иронично и критически оценивает свое собственное отношение к Западу и называет себя «ходячей рекламой Запада» [26. С. 53]. Он пишет, что во время его рассказов о Западе на молодежных дружеских вечерах одна из особенно «расфуфыренных» девушек «обычно вешалась мне на шею с воплем, что хочет дотронуться до того, кто “оттуда”» [26. С. 53–54].

Среди причин такого восторженного, некритического отношения к Западу автор воспоминаний указывает на влияние своих наставников – профессоров юридического факультета Петербургского университета. Так, для профессора Пергамента сборник текстов немецкого права был «наивысшим словом юридической премудрости, недостижимым светочем западной справедливости и государственной мудрости» [26. С. 58]. Боголепов замечает, что профессор Пергамент так свято верил в немецкое право, что не замечал его нарушения со стороны самих немцев во время Первой мировой войны. Профессор Магазинер также подвергся критике со стороны Боголепова, так как «вложил в мою бедную голову идею всеспасительности западного парламентаризма и прочей буржуазно-демократической пиротехники. <...> британский парламентаризм вызывал у профессора такой же трепет благоговения, как и Гезецбух у Пергамента» [26. С. 58–59]. Сам Боголепов считал, что главная функция британского парламента – ничего не делать, и он с ней справляется «удивительно хорошо» [26. С. 59]. Профессор Лазаревский именуется «ученым бардом западного конституционного права» [26. С. 59]. На истории его смерти Боголепов останавливается немного подробнее, с ее помощью он демонстрирует наивность русской интеллигенции и «ковар-

ство» Запада: «У посланца британского парламентаризма, агента Сикрет сервис Локкарта, – того, кто втягивал политически наивных русских интеллигентов в детские заговоры, нашли при аресте фамилию и адрес барда – с отметкой, что бард может быть использован в освобожденной от большевиков будущей англо-саксонской колонии для заполнения того пробела, который существует в самой Англии, т.е. составления писаной конституции. Я лично считаю, что Лазаревского это спасло от худшего: от западной эмиграции» [26. С. 59].

Профессор, известный философ С.Л. Франк характеризуется И.М. Боголеповым как дрессировщик, из-за которого долгое время сам автор воспоминаний при упоминании слова «свобода», словосочетаний «достоинство и права человеческой личности», «ничем не стесненная творческая деятельность» был приучен «становиться на задние лапки и истекать слюною, как заправская опытная собачка Павлова» [26. С. 60]. Более того, эмигрант Боголепов пишет, что «Советская власть спасла меня от окончательной автоматичности тем, что вскоре выслала на Запад философского корифея, утверждавшего, что солнце восходит на Западе. Как и полагается в случае эмигрантов из России, собственное его солнце зашло, где полагается, на Западе, – не успев и взойти из-за отсутствия аудитории» [26. С. 60]. Конечно, нельзя утверждать, что И.М. Боголепов одобрял высылку ученых, мыслителей и публицистов из России. Но высылка С. Л. Франка понималась им как благо.

Последним из профессоров Петербургского университета, попавших под критику Боголепова за свои симпатии Западу, был экономист И.М. Кулишер. Его автор мемуаров винит в своих финансовых проблемах и критикует наивное представление о свободном рынке: «“Невидимая рука”, как оказалось, регулировала не всеобщее благо, а благо только тех, кто сам водил своими невидимыми, но алчными руками сию “невидимую руку”» [26. С. 60]. Антиподом ко всем обозначенным выше профессорам выступает отец И.М. Боголепова М.И. Боголепов, который в ответ на «забуренные» его сыном в университете восторги перед Западом отвечал: «Держись за родные грядки» [26. С. 61]. Интересно, что эта «мудрость» характеризуется Боголеповым, как «вынесенная из народной толщи». То есть здесь присутствует противопоставление народной мудрости и университетской учености. Отец также считал, что корни большевизма на Западе, в среде левой интеллигенции, там же его основная опора. Эти оценки были переняты И.М. Боголеповым.

В университете профессора дали И.М. Боголепову «неверное знание» о Западе, что привело потом ко многим злоключениям: «Воспитанный ими (университетскими наставниками. – Д.Б.) пламень восхищения Западом оказался болотным огоньком, заведшим меня и многих из моих сверстников в трясины несчастий, ужаса и позора» [26. С. 62].

Воспоминания Боголепова интересны не только по самому своему антизападному характеру, но также и потому, что он уделяет много внимания русскому западничеству. Русское западничество для него – не просто идея, присущая части русской интеллигенции, но идея,

ставшая причиной гибели царской России, а большевики – один из типов русских западников. Едва ли будет ошибкой предположить, что одной из причин такой острой критики Запада И.М. Боголеповым была неустроенность его жизни на Западе. Он неоднократно пишет о скитаниях, поиске работы, финансовых проблемах, с которыми ему постоянно приходилось сталкиваться после эмиграции из СССР как в Европе, так и в США.

Известный писатель, юрист, деятель культуры русского зарубежья Марк Вениаминович Вишняк в книге «Годы эмиграции (1919–1969 гг.)» [27] также пишет о разочаровании в Западе. Оно связано с нежеланием Запада учитывать интересы России на Версальской мирной конференции и непониманием на Западе сути происходивших в России перемен. Так, для Вишняка события февраля–марта 1917 г. – это Великая русская революция, а события октября – «реакционный октябрьский переворот большевиков» [27. С. 61]. Однако для Запада все это связанные события. Нужно оговориться, что здесь не идет речь о недовольстве Западом как цивилизацией, а, скорее, о недовольстве западными элитами. Причиной, по которой Запад обязан был учитывать интересы России в Версале, М.В. Вишняк считает самопожертвование русских солдат на Восточном фронте во время Первой мировой войны.

Писатель, публицист и журналист Роман Борисович Гуль также высказывал разочарование в Западе. Например, он пишет о гибели 15 миллионов крестьян в ходе сталинской коллективизации со ссылкой на «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына. И что «культурный Запад» отреагировал на это лишь статьями в леворадикальных печатных органах, которые написали об «интересном экономическом эксперименте» в России [28]. Большевизм для Р.Б. Гуля – «смесь западных ядов с истинно русской сивухой». Здесь он ссылается на П.Б. Струве [28]. В то же время на Западе он признает и хорошее. Хотя Запад «разлагается», «рано петь ему отходную», потому что Запад ценен своей свободой человека. Именно эта свобода смогла одолеть натиск гитлеровской Германии. Однако Гуль выделяет тех деятелей Запада, которые понимают Россию и СССР как разные явления и не ставят между ними знак равенства. Такие политики вызывают у автора воспоминаний одобрение, вселяют надежду на возрождение России при помощи Запада.

Разочаровался в Западе и известный публицист и писатель, активный деятель русской эмиграции Иван Фёдорович Наживин. В воспоминаниях «Среди потухших маяков» он пишет: «Чем больше вглядывался я в водоворот европейской взбаламученной жизни, тем больше осязал я... свою наивность!» [29. С. 52]. Автор разочарован тем, что Запад не хочет помогать России в борьбе с большевизмом. При этом на Западе знают об «апокалиптической жизни, <...> ее ужасе» в России и никак не хотят помочь. Ближе к концу своих воспоминаний Наживин пишет, что считает необходимым для эмигрантов (или всех русских?) переход от собственного им «благородного идеализма» к «практическому реализму», который мы все с такой гордостью склонны называть «западным мещанством» [29. С. 216].

Интересно, что для автора в такой позиции нет противоречия с ранее высказанными претензиями к Западу относительно его нежелания помочь борьбе эмигрантов с большевиками.

В воспоминаниях участника Белого движения на Юге России журналиста Николая Николаевича Чухнова «В смятенные годы. Очерки нашей борьбы в годы 1941–1965» [30] есть эпизод, в котором напрямую разочарование в Западе не сформулировано, но его можно прочесть. Он пишет о преимуществах идеи расчленения России от гитлеровской Германии к современной Чухнову администрации Пентагона и Госдепартамента США [30. С. 52]. При этом сам Чухнов сражался в добровольческом полку СС «Варяг» против югославских партизан, и его ожидания «освобождения» России от большевиков посредством вермахта достаточно быстро исчезли.

Разочаровавшимся в Западе был и известный писатель, публицист А.И. Солженицын. Высланный из Союза ССР в 1974 г., он стал со временем критиковать Запад. Нужно оговориться, что главным предметом его критики было отношение западных стран к России. Александр Исаевич убедился, что западная критика коммунизма является, по сути своей, критикой России. Но критиковал он и некоторые стороны жизни в Западной Европе и США. Так, Солженицын осуждал западную политику в области свободы слова. Он отмечал, что прямой цензуры ни в Европе, ни в США нет, однако каждая газета и журнал дают оценки тому или иному событию в строго оговоренных рамках и не выходят за их пределы. Также существенный порок западной культуры для Солженицына – в ее «юридической форме существования» [31]. Всякий конфликт решается законом, отношения между людьми законом же регулируются. По этому поводу Солженицын замечает: «Когда вся жизнь пронизана отношениями юридическими, создается атмосфера душевной посредственности, омертвляющая лучшие взлеты человека» [31]. Иными словами, Солженицын повторяет суждение Герцена о «мещанстве» Запада.

Разочарование в Западе сопровождает русских мыслителей и публицистов на протяжении всего времени существования самого концепта «Запад» в русской культуре. Причины разочарования могут быть разными. Герцен писал о «мещанстве» Запада, сосредоточенности на вопросах быта. Бердяев указывал на поверхностность западных мыслителей, обсуждавших не суть вопроса, а его отражение в культуре. Солженицын считал главным недостатком Запада критику России и юридизм повседневной жизни, вылившийся в поверхностность отношений между людьми. В тексте выше были упомянуты и другие примеры разочарования в Западе, но Герцен, Бердяев и Солженицын, на наш взгляд, наиболее характерны, представляют разное время и разные типы русских мыслителей. Все они ставили вопрос о лучшем устройстве человеческого общества и искали на него универсальный ответ. В силу высокого экономического и технического развития стран Запада именно западная модель развития государства и общества считалась русскими мыслителями наиболее совершенной. Однако при ближайшем

знакомстве с Западом оказывалось, что столь глубокая постановка вопроса, характерная для самих этих мыслителей, не присуща жителям Запада. Представители интеллектуальной элиты, писатели и философы там не спорят о Боге ночи напролет в надежде разрешить этот вопрос. Там интересны как раз вопросы улучшения быта, благодаря чему и возможны техническое развитие и рост экономики. Комфорт напрямую связан с уровнем технологического развития. Не будет ошибкой сказать, что причина разочарования русских мыслителей в Западе в том, что Запад оказался отличным от них самих, другим. На определенном этапе своего интеллектуального развития они отождествляли себя с Западом, считая, что на Западе уже нашли ответы на интересовавшие их универсальные вопросы о лучшей модели развития общества. То есть между ними и Западом есть некое тождество. При непосредственном столкновении с западной цивилизацией оказывалось, что технологии и юридическое право развиваются на Западе не для построения справедливого общества, «Царства Божия на земле», а потому, что это упрощает повседневную жизнь.

Здесь нужно заметить, что такой фокус западной цивилизации отторгался не всеми русскими писателями и мыслителями. Кроме упоминавшегося Яновского уместно привести здесь известные слова писателя Владимира Емельяновича Максимова: «А может, лучше было бы, чтоб Достоевский был у швейцарцев? А у нас взамен чтоб была нормальная жизнь?» К сожалению, нам не удалось найти первоисточник данной цитаты, хотя она широко распространена в русской части сети Интернет. Однако даже если В.Е. Максимов ее не произносил, и цитата ему лишь приписывается, чего в данном случае исключать нельзя, то идея, выраженная в этом высказывании, отражает суждения части современного российского общества [32]. Максимов прямо противопоставляет глубину познания человеческой души, присущую творчеству Ф.М. Достоевского, и «нормальную жизнь», вероятно, как в Швейцарии. Здесь можно увидеть не только противопоставление комфортной жизни и глубины человеческого познания. Отсутствие «нормальной жизни» можно понимать как плату за возможность появления Достоевского в русской культуре.

Оценка образа «Запада» русским обществом зависит от событий в самой России. От этого же зависит «механизм» разочарования в Западе. Период в истории

русской общественной мысли после Наполеоновских войн — время активного поиска дальнейшего пути в развитии русских общества и государства. В истории этого поиска важную роль сыграло восстание декабристов, когда часть русского офицерства пыталась насильственно установить в России конституционную, по сути, «западную» форму правления. Провал мятежа не означал провала самой идеи, которая лишь актуализировалась в связи с нескрываемой антипатией Николая I к любой либерализации политической системы в Российской империи. Однако по мере знакомства как с самим Западом, так и с Россией отечественные мыслители осознавали, что Запад неверно воспринимать как своего рода тождественные России государства и общества, которые пошли «правильным путем». Запад начинал восприниматься как «иной» по отношению к России.

В эпоху революции и среди последовавшей за ней эмиграции разочарование в Западе происходило из-за не оправдавшихся ожиданий в отношении него. Эмигранты ждали, что Запад по разным причинам поспешит помочь России в борьбе с властью большевиков. Но западные правительства предпочитали прагматическое сотрудничество с большевиками оправданию идеалистических надежд русской эмиграции.

Наконец, в советский период механизм разочарования в Западе стал схож с тем, что происходило в XIX в. Так, писатель Алексей Толстой считал, что на Западе ничего нового возникнуть уже не может, поэтому будущее связано с Советской Россией. Образ «гибнущего» Запада контрастировал с образом «России, устремленной в будущее», на строительство нового общества. Еще одной причиной разочарования в Западе для эмигрантов и симпатизантов Запада была его враждебность по отношению к России. От Запада требовалось разграничивать Россию и советскую власть, чего представители политической и культурной элиты Запада не делали.

Заканчивая данную статью, обозначим еще один вопрос, связанный с рассмотренной темой. Необходимо выяснить, насколько стремление русских мыслителей найти универсальную модель построения передового общества на земле было итогом их самостоятельного интеллектуального поиска, а в какой мере это были отголоски идей завершившейся к тому времени эпохи просвещения с ее стремлением к обществу всеобщего благоденствия.

Список источников

1. Боднарчук Д.В. Историография конца XX — начала XXI в. понятия «Запад» в российском обществе // Вопросы истории. 2020. № 11 (2). С. 276–287.
2. Лотман Ю. Сотворение Карамзина. Продолжение путешествия по Швейцарии. URL: <http://karamzin.lit-info.ru/karamzin/biografiya/lotman-sotvorenie-karamzina/prodolzhenie-puteshestviya-po-shvejcarii.htm>
3. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. 717 с.
4. Лотман Ю. Сотворение Карамзина. На рубеже. URL: <http://karamzin.lit-info.ru/karamzin/biografiya/lotman-sotvorenie-karamzina/na-rubezhe.htm>
5. Куприн Л.Ю. Был ли Карамзин консервативом? Консервативно-монархическая концепция Н.М. Карамзина в современной историографии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2017. Т. 19, № 3. С. 81–88.
6. Карамзин Н.М. Из писем к П.А. Вяземскому // Карамзин Н.М. История государства Российского: в 4 кн., 12 т. М.: Рипол-Классик, 1998. Т. 4. С. 602.
7. «Горе от ума» на московском театре // Европеец: журнал И.В. Киреевского. 1832. С. 108.
8. Фризман Л.Г. Иван Киреевский и его журнал «Европеец» // Европеец: журнал И.В. Киреевского, 1832. М.: Наука, 1989. С. 385–479. (Литературные памятники).

9. Киреевский И.В. О просвещении в Европе и России // Московский сборник. М. : Тип. Александра Семена, 1852. Т. 1. С. 1–68.
10. Леруа-Болье А. [Б. н.] Journal des Debats. Отзывы французской, бельгийской и итальянской печати. Памяти М.Н. Каткова // Русский вестник, издаваемый С. Катковой. М., 1887. Т. 190. [№ 7.] Июль. С. 201.
11. Гаврилов И.Б. Катков М.Н. Жизнь, труды, мировоззрение // Труды кафедры богословия СПбДА. 2018. № 1 (2). С. 150–151.
12. Каррер д'Анкос Э. Александр II. Весна России. Герцен и разочарование в Западе // ВикиЧтение. URL: <https://history.wikireading.ru/183491>
13. Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Льва Тихомирова. М. : Academia, 2011. 558 с.
14. Смолин М.Б. Всеобъемлющий идеал Льва Тихомирова // Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. М. : Ред. журнала «Москва», 1997. С. 5–14.
15. Смолин М.Б. «Если нам суждено жить, мы должны искать иных путей» // Тихомиров Л.А. Критика демократии. М. : Ред. журнала «Москва», 1997. С. 5–20.
16. Смолин М.Б. Государственно-правовые идеи Л.А. Тихомирова : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. СПб., 2004. 22 с.
17. Твардовская В.А. Социалистическая мысль в России на рубеже 1870–1880-х гг. М. : Наука, 1969. 239 с.
18. Тихомиров Л.А. Почему я перестал быть революционером. Paris, 1888. URL: http://dugward.ru/library/xxvek/tihomirov_pochemu.html
19. Алленова В.А. Образ Запада в контексте русского мессианизма XIX – начала XX века // Консерватизм в России и Германии: опыт интернационального диалога : сб. науч. тр. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2012. С. 71–72.
20. Звенья : исторический альманах. М. ; СПб. : Феникс : Atheneum, 1992. Вып. 2. 653 с.
21. Берберова Н. Курсив мой : автобиография. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2017. 526 с.
22. Яновский В.С. Поля Елисейские. М. : Пушкинский фонд, 1993. 278 с.
23. Бердяев Н.А. Самопознание. М. ; Берлин : Директ-Медиа. 2016. 452 с.
24. Есенин С.А. Полное собрание сочинений : в 7 т. М. : ИМЛИ РАН, 2005. Т. 6: Письма // Библиотека русской и советской классики. URL: https://ruslit.rau.ru/library/net/book/esenin-pss07-06/esenin-pss07-06.html#t_es6233_965
25. Толстой А.Н. Из письма // Толстой А.Н. Полное собрание сочинений. М. : Худож. лит., 1958. Т. 10: Статьи, выступления, письма, очерки // Библиотека русской и советской классики. URL: <https://ruslit.rau.ru/library/net/book/tolstoyan-ss10-10/tolstoyan-ss10-10.html#s001011>
26. Боголепов И.М. В отлучение за Мадрит: мемуары жертв холодной войны. Зап. Самиздат, 1977. Т. 1. 277 с.
27. Вишняк М.В. Годы эмиграции (1919–1969 гг.). Paris–New York–Stanford : Hoover Inst. Press, Stanford Univ., 1970. 276 с.
28. Гуль Р. Я унес Россию. Т. 1: Россия в Германии. URL: http://www.dk1868.ru/history/gul1_1.htm
29. Наживин И.Ф. Среди потухших маяков. Из записок беженца. Берлин : Икар, 1922. 237 с.
30. Чухнов Н. В смятенные годы. Очерки нашей борьбы в годы 1941–1965. Нью-Йорк : Всеславянское изд-во, 1967. 304 с.
31. Солженицын А.И. Гарвардская речь. URL: <https://introvertum.com/rech-v-garvarde-aleksandra-solzhenitsyna-polnyj-tekst/>
32. Полный Альбац¹ // Эхо Москвы². URL: <https://echo.msk.ru/blog/dragunsky/1100084-echo/>

References

1. Bodnarchuk, D.V. (2020) Istoriografiya kontsa XX – nachala XXI v. ponyatiya “Zapad” v rossiyskom obshchestve [Historiography of the late 20th – early 21st century of the concept “the West” in Russian society]. *Voprosy istorii*. 11(2). pp. 276–287.
2. Lotman, Yu. (n.d.) *Sotvorenie Karamzina. Prodolzhenie puteshestviya po Shveysarii* [The Creation of Karamzin. A continued Journey through Switzerland]. [Online] Available from: <http://karamzin.lit-info.ru/karamzin/biografiya/lotman-sotvorenie-karamzina/prodolzhenie-puteshestviya-po-shveysarii.htm>
3. Karamzin, N.M. (1984) *Pisma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian Traveler]. Leningrad: Nauka.
4. Lotman, Yu. (n.d.) *Sotvorenie Karamzina. Na rubezhe* [The Creation of Karamzin. At the Turn]. [Online] Available from: <http://karamzin.lit-info.ru/karamzin/biografiya/lotman-sotvorenie-karamzina/na-rubezhe.htm>
5. Kuprin, L.Yu. (2017) Byl li Karamzin konservatorom? Konservativno-monarkhicheskaya kontseptsiya N.M. Karamzina v sovremennoy istoriografii [Was Karamzin a Conservative? The Conservative-Monarchist Concept of N.M. Karamzin in Modern Historiography]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Sotsialnye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*. 19(3). pp. 81–88.
6. Karamzin, N.M. (1998) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian State]. Vol. 4. Moscow: Ripol-Klassik.
7. Anon. (1832) “Gore ot uma” na moskovskom teatre [“Woe from Wit” at the Moscow Theater]. *Evropeets: zhurnal I.V. Kireevskogo*. p. 108.
8. Frizman, L.G. (1989) Ivan Kireevskiy i ego zhurnal “Evropeets” [Ivan Kireevsky and his journal “The European”]. *Evropeets: zhurnal I.V. Kireevskogo*, 1832. Moscow: Nauka. pp. 385–479.
9. Kireevsky, I.V. (1852) O prosveshchenii v Evrope i Rossii [On Enlightenment in Europe and Russia]. *Moskovsky sbornik*. 1. pp. 1–68.
10. Leroy-Beaulieu, A. (1887) [No title] Journal des Debats. Otyzvy frantsuzskoy, belgiyskoy i ital'yanskoy pechati. Pamyati M.N. Katkova [Reviews from French, Belgian and Italian press. In memory of M.N. Katkov]. *Russky vestnik, izdavaemy S. Katkovoy*. 190(7). p. 201.
11. Gavrilov, I.B. (2018) Katkov M.N. Zhizn, trudy, mirovozzrenie [Katkov M.N. Life, Works, Worldview]. *Trudy kafedry bogosloviya SPbDA*. 1(2). pp. 150–151.
12. Carrère d'Encausse, E. (n.d.) *Aleksandr II. Vesna Rossii. Gertsen i razocharovaniye v Zapade* [Alexander II. Spring of Russia. Herzen and Disappointment in the West]. [Online] Available from: <https://history.wikireading.ru/183491>
13. Repnikov, A.V. & Milevsky, O.A. (2011) *Dve zhizni Lva Tikhomirova* [Two Lives of Lev Tikhomirov]. Moscow: Academia.
14. Smolin, M.B. (1997) Vseob'emlyushchiy ideal Lva Tikhomirova [The Comprehensive Ideal of Lev Tikhomirov]. In: Tikhomirov, L.A. *Religiozno-filosofskie osnovy istorii* [Religious and Philosophical Foundations of History]. Moscow: Moskva. pp. 5–14.
15. Smolin, M.B. (1997) “Esli nam suzhdeno zhit, my dolzhny iskat inyykh putei” [“If We Are Destined to Live, We Must Seek Other Paths”]. In: Tikhomirov, L.A. *Kritika demokratii* [Criticism of Democracy]. Moscow: Moskva. pp. 5–20.
16. Smolin, M.B. (2004) *Gosudarstvenno-pravovye idei L.A. Tikhomirova* [L.A. Tikhomirov's State and Legal Ideas]. Abstract of History Cand. Diss. St. Petersburg.
17. Tvardovskaya, V.A. (1969) *Sotsialisticheskaya mysl v Rossii na rubezhe 1870–1880-kh gg.* [Socialist Thought in Russia at the Turn of the 1870s–1880s]. Moscow: Nauka.
18. Tikhomirov, L.A. (1888) *Pochemu ya perestal byt revolyutsionerom* [Why I Ceased to Be a Revolutionary]. Paris. [Online] Available from: http://dugward.ru/library/xxvek/tihomirov_pochemu.html
19. Allenova, V.A. (2012) *Obraz Zapada v kontekste russkogo messianizma XIX – nachala XX veka* [The Image of the West in the Context of Russian Messianism of the 19th – Early 20th Century]. In: *Konservativizm v Rossii i Germanii: opyt internatsionalnogo dialoga* [Conservatism in Russia and Germany: Experience of International Dialogue]. Voronezh: Voronezh State University. pp. 71–72.
20. Anon. (1992) *Zvenya: istorichesky almanakh* [Links: Historical Almanac]. Vol. 2. Moscow; St. Petersburg: Feniks; Atheneum.
21. Berberova, N. (2017) *Kursiv moy: avtobiografiya* [The Italics Are Mine: An Autobiography]. Moscow; Berlin: Direkt-Media.
22. Yanovsky, V.S. (1993) *Polya Eliseyskie* [Champs Elysées]. Moscow: Pushkinsky fond.

¹ 29 июля 2022 г. Министерство юстиции России внесло Альбац Е.М. в реестр СМИ – «иностранных агентов».

² 1 марта 2022 г. «Эхо Москвы» было отключено от эфирного вещания по требованию Генеральной прокуратуры России.

23. Berdyaev, N.A. (2016) *Samopoznanie* [Self-Knowledge]. Moscow; Berlin: Direkt-Media.
24. Esenin, S.A. (2005) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 6. Moscow: IWL RAS. [Online] Available from: https://ruslit.rau.ru/book/esenin-pss07-06/esenin-pss07-06.html#t_es6233_965
25. Tolstoy, A.N. (1958) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 10. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. [Online] Available from: <https://ruslit.rau.ru/book/tolstoyan-ss10-10/tolstoyan-ss10-10.html#s001011>
26. Bogolepov, I.M. (1977) *V otmoshchenie za Madrit: memuary zhertv kholodnoy voyny* [In Retribution for Madrid: Memoirs of Cold War Victims]. Vol. 1. [Samizdat].
27. Vishniak, M.V. (1970) *Gody emigratsii (1919–1969 gg.)* [Years of Emigration (1919–1969)]. Paris; New York; Stanford: Hoover Inst. Press, Stanford University.
28. Gul, R. (n.d.) *Ya unes Rossiyu* [I Took Russia Away]. Vol. 1. [Online] Available from: http://www.dk1868.ru/history/gul1_1.htm
29. Nazhivin, I.F. (1922) *Sredi potukhshikh mayakov. Iz zapisok bezhentsa* [Among Extinguished Beacons. From a Refugee's Notes]. Berlin: Ikar.
30. Chukhnov, N. (1967) *V smyatennye gody. Ocherki nashey borby v gody 1941–1965* [In Troubled Years. Essays of Our Struggle in 1941–1965]. New York: Vseslavianskoe izd-vo.
31. Solzhenitsyn, A.I. (n.d.) *Garvardskaya rech* [The Harvard Speech]. [Online] Available from: <https://introvertum.com/rech-v-garvarde-aleksandra-solzhenitsyna-polnyj-tekst/>
32. *Ekho Moskvy*. (n.d.) *Polny Albats* [Full Albats]. [Online] Available from: <https://echo.msk.ru/blog/dragunsky/1100084-echo/>

Сведения об авторе:

Боднарчук Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных дисциплин и истории искусств Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии им. А.Л. Штиглица (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: funsie@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Bodnarchuk Dmitry V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Social Sciences and History of Arts of the St. Petersburg State Academy of Art and Industry named after A.L. Stieglitz (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: funsie@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.04.2022; принята к публикации 15.05.2025

The article was submitted 05.04.2022; accepted for publication 15.05.2025

Научная статья

УДК 94(47)

doi: 10.17223/19988613/95/3

Политическая ориентация евреев Сибири и Дальнего Востока в 1918–1920-е гг.: случай М. Новомейского

Ирена Владимировна Владимирски¹, Виктория Александровна Герасимова²

¹ Академический колледж Ахва, Аругот, Израиль

² Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

¹ irena@achva.ac.il

² gerasimova@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена одному из видных еврейских политических деятелей Сибири и Дальнего Востока М.А. Новомейскому. Анализ кратковременного эпизода политической биографии Новомейского позволяет осуществить реконструкцию политических процессов, вызванных, с одной стороны, возрождением еврейской национальной жизни внутри России после Февральской революции, а с другой – всплеском интереса к сионистской идеологии после принятия декларации Бальфура. В распространении идей сионизма среди евреев за Уралом Новомейский видел возможность связать будущее евреев отдаленной окраины с судьбами мирового еврейства.

Ключевые слова: М.А. Новомейский, сионистское движение в России, Февральская революция, еврейство Сибири и Дальнего Востока, еврейское периодическое издание

Для цитирования: Владимирски И.В., Герасимова В.А. Политическая ориентация евреев Сибири и Дальнего Востока в 1918–1920-е гг.: случай М. Новомейского // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 95. С. 19–23. doi: 10.17223/19988613/95/3

Original article

Political orientation of Siberian and Far Eastern Jewry in 1918–1920: M. Novomeysky case study

Irena V. Vladimirska¹, Victoria A. Gerasimova²

¹ Achva Academic College, Arugot, Israel

² Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

¹ irena@achva.ac.il

² gerasimova@bk.ru

Abstract. Main purpose of the article is to provide the overview of political priorities of the Jewish population of Siberia and Far East during the 1918–1920 through political biography of Moshe Novomeysky (1873–1961). The researchers use Novomeysky's biography as an essential tool of microhistory approach in reconstruction of a broader historical picture of the period. Archival sources from the State Archive of the Russian Federation (GARF), State Archive of the Irkutsk region (GAIO) and personal archive of Moshe Novomeysky located in the National Library of Israel served as an article research basis. Political views of Moshe Novomeysky made transformation from being a social democrat in 1897 to a convinced Zionist in 1904. February revolution caught him in Saint Petersburg. In his short stay in central Russia he saw the opportunity to establish close contacts with some leaders of the world Zionist movement such as M. Ussishkin and some others. He was sure that promotion of a Palestine Zionist project could provide a strong foundation for revival of Jewish political life in Siberia and Far East. Besides, he was inspired by the Balfour declaration proclaiming a support for the establishment of a national home for Jewish people in Palestine. Novomeysky was a brilliant organizer and upon returning to Irkutsk at the beginning of 1918 he found himself strongly involved into organization of all-Siberian Zionist congresses. In November 1918 he became a member of the Presidium of the 3rd all-Siberian Zionist congress and in January 1919 he held an appointment of a head of the National Council of Jews of Siberia and Ural. Since February 1919 he initiated the publication of a weekly journal "Jewish Life" which became a common informative and political ground for the Siberian and Far Eastern Jewry and greatly contributed to formation of its political priorities. The consolidation of the Soviet power and the end of the Far Eastern republic forced Novomeysky to move to Shanghai. Here he initiated an educational project on publishing Jewish prayer books, textbooks and vocabularies for Jewish population of Siberia and the Far East, but unsuccessfully. He resumed the publication of the weekly journal "Sibir-Palestina", the only Russian-language Zionist edition in Siberia, Far East and Manchuria that was published until 1943 under its previous name "Jewish Life". In 1920 Novomeysky left his dreams about returning to Siberia and emigrated to Palestine instead, where he combined his activity as successful businessman and political activist. Moshe Novomeysky biography served as an

illustration for a personal political initiative on the one hand, but on the other hand, demonstrated the lack of political experience of Siberian Jews who were inspired by personal charisma and chose to follow a Zionist idea.

Keywords: M.A. Novomeysky, Zionism in Russia, February Revolution, Jew in Siberia and Far East, Jewish periodicals

For citation: Vladimirsky, I.V., Gerasimova, V.A. (2025) Political orientation of Siberian and Far Eastern Jewry in 1918–1920: M. Novomeysky case study. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 95. pp. 19–23. doi: 10.17223/19988613/95/3

Мощным триггером к пробуждению еврейской национальной жизни за Уралом послужила Первая мировая война. С 1915 г. в Сибирь начали прибывать евреи-выселенцы и беженцы, а также военнопленные. Значительные по численности группы еврейского населения, зачастую не говорившего на русском языке и плохо знакомого с сибирскими реалиями, оказались на попечении местных еврейских общин. Необходимость оказывать помощь соплеменникам мобилизовала еврейскую общественность Сибири, а также заставила задаться вопросом о будущем российского еврейства и месте сибирских евреев в этом сообществе. Подлинно активная общественно-политическая еврейская жизнь началась в Сибири с весны 1917 г. Одной из видных, но кратковременных фигур в возрождении еврейской жизни и распространении идей сионизма за Уралом был М.А. Новомейский (1873–1961). Политическая биография и общественно-политический контекст деятельности этого лидера еврейской национальной жизни Сибири в период смены властных режимов станут предметом исследования в статье. Источниковая база исследования уникальна, поскольку включает в себя как отечественные материалы, прежде всего освещающие общественно-политическую деятельность Новомейского в Сибири, так и документы из личного архива Новомейского (Национальная библиотека Израиля) и материалы пражского архива, проливающие свет на период его жизни после эмиграции. Объединенные усилия двух авторов позволили всесторонне изучить деятельность М. Новомейского не только как яркого сионистского идеолога, но и как талантливого бизнесмена, определить его роли в российском и палестинском контекстах. Используя биографический подход, мы попробуем проследить не только персональную идейно-политическую траекторию еврейского лидера, но и ответить на более широкий вопрос о судьбе еврейской национальной элиты Сибири в конце 1910-х – начале 1920-х гг. Поставленный вопрос рассматривается в историографии впервые.

1917 год стал переломным в политическом мировоззрении золотопромышленника и социал-демократа Новомейского, потомка ссыльных евреев из Баргузина. Если Февральскую революцию М.А. Новомейский встретил как социалист, то Октябрьская революция и приход к власти большевиков разочаровали сибирского предпринимателя в социализме и перспективах российского еврейства как национального меньшинства в России и окончательно привели его в иной политический лагерь¹. Оптимизм Новомейского в успехе сионистского проекта в немалой степени был стимулирован декларацией лорда Бальфура о поддержке создания еврейского национального дома в Палестине. Следует заметить, что Новомейский и его жена Берта

были лично знакомы с деятелями мирового сионистского движения и с некоторыми даже состояли в переписке (см., напр., письмо Берты Новомейской Менахему Усышкину из Москвы в Одессу, март 1917 г. Архив Моше Новомейского. Ящик 3. Различные бумаги). Вернувшись из поездки в Петроград и Москву в Иркутск, он начал активную деятельность по созданию демократических еврейских общин и их переориентации на сионистский проект.

В 1917 г. М.А. Новомейский по-прежнему фигурировал в сведениях о деятельности сионистской организации в Иркутске как «рядовой член» [2. Л. 8]. В марте 1917 г. в новостях из Иркутска о местном сионистском комитете имени Новомейского не было в списке лидеров организации [3], не встречается его имя и в развернутом репортаже о политической борьбе вокруг выборов двух гласных в иркутскую городскую думу в апреле того же года [4]. Однако уже через полтора года, в ноябре 1918 г., М.А. Новомейский стал членом президиума III Всесибирского сионистского съезда, а в январе 1919 г. – главой Национального совета евреев Сибири и Урала. Талантливый организатор и политик, М.А. Новомейский сумел стать авторитетным лидером в глазах сибирского еврейства.

Сионизм, гонимый в период царской власти, находил отклик среди сибирского еврейства. Первый сибирский сионистский съезд прошел в Томске еще в 1902 г. Однако наибольшую популярность идеи создания национального еврейского очага в Палестине получили в период Первой мировой войны [5, 6]. Можно с уверенностью сказать, что в 1917–1919 гг. сионистские идеи разделяло абсолютное большинство сибирских евреев. Проведенные в этот период выборы в реорганизованные на демократической основе общины продемонстрировали уверенную победу сионистов [7. С. 174–241].

С 11 по 16 января 1919 г. в Иркутске прошел съезд еврейских общин Сибири и Урала. Это событие стало кульминационным не только в процессе демократической реорганизации еврейских общин за Уралом (к этому моменту, по данным И. Нам и Н. Наумовой, более 60% общин Сибири и Урала еще не прошло процесс реорганизации) [7. С. 224], но и в консолидации еврейского населения за Уралом и совместной борьбе за экстерриториальную еврейскую автономию. На съезде присутствовали 47 делегатов (из них 30 сионистов, 14 беспартийных и 3 социалиста). Несмотря на то, что официально съезд был беспартийным, сионистское большинство определяло происходившее на нем: зал заседания был украшен «бело-голубыми флажками с надписью “сион”», на стенах были сионистские лозунги и портрет Т. Герцля, а вступительная речь произносилась на древнееврейском языке [8].

Председателем съезда был избран М.А. Новомейский. На протяжении всех шести дней Новомейский руководил съездом, лавируя между различными политическими группами. В заключительном слове на закрытии съезда организаторские качества председателя съезда заслужили особое внимание: «Только благодаря его исключительному такту, спокойному и чуткому отношению ко всему, что происходило в течение работы съезда, мы благополучно пережили и изжили многие острые моменты, которые были совершенно неизбежны в нашей общей деятельности» [9].

Наиболее ожесточенная борьба развернулась, как и ожидалось, между сионистами и левыми. В результате сионисты одержали уверенную победу, заняв четыре позиции из шести в президиуме съезда. Представители бунда настаивали на смене формата собрания со съезда на конференцию, мотивируя это тем, что съезд не имеет соответствующих полномочий для решения поставленных задач. В результате бундовцы покинули съезд и не поддержали создание Национального совета евреев Сибири и Урала, развивая альтернативные формы еврейской национальной жизни в виде Сибирской еврейской культур-лиги с сетью учреждений по Сибири и Дальнему Востоку [10]. Таким образом, по сути, именно сионисты представляли большинство сибирского еврейского населения и определяли вектор еврейской национальной политики в Белой Сибири.

Деятельность Национального совета, во главе которого стал М.А. Новомейский, концентрировалась преимущественно в трех направлениях: легализации Национального совета как органа еврейского самоуправления в Сибири, координации помощи беженцам и военнопленным и борьбе с антисемитизмом. Наибольшей эффективности удалось добиться лишь по второму направлению, тогда как процесс легализации и борьба с антисемитизмом практически не увенчались успехом. На протяжении всего 1919 г. председатель совета М.А. Новомейский вел интенсивную и обширную переписку с представителями еврейских общин на всей территории Сибири и Урала (в совет приходила корреспонденция из Челябинска, Екатеринбург, Троицка, Кустаная и т.д.), частными лицами, еврейскими и нееврейскими организациями не только в России, но и в Маньчжурии, США, Палестине.

В течение всего 1919 г. евреи Сибири неоднократно предпринимали попытки обратиться к белому правительству с требованием принять меры по пресечению нараставших антисемитских настроений в армии и среди гражданского населения. В материалах Национального совета, доступных исследователям, отложилось как минимум три таких докладных записки². Одна из них была написана непосредственно М.А. Новомейским и направлена Верховному Правителю. Как отмечают М. Стельмак и В. Сушко, публикаторы записки, остается неясным, последовала ли какая-то реакция и вообще дошла ли записка до адресата [12]. Содержание записки Новомейского мало отличается от аналогичных документов, составленных омской и томской общинами. Сибирское еврейство ожидало от Временного правительства решительных мер по защите от антисемитской агрессии, но тщетно [12].

Одной из главных заслуг в деятельности совета стало создание общесибирского периодического издания. Уже в середине февраля 1919 г., через месяц после съезда, в Иркутске начал издаваться еженедельный общественно-политический и литературный журнал «Еврейская жизнь». В редакцию журнала вошли Г.И. Гительсон (Омск), А.М. Евзеров, Л.С. Цыбин, З.И. Шкундин и М.А. Новомейский. Журнал носил яркий сионистский характер и распространялся по всей территории Сибири³. Созданное журналом единое информационное пространство, безусловно, способствовало консолидации еврейства на территории Временного Правительства.

Одной из своих задач М.А. Новомейский определил целесообразность создания информационного печатного органа, служащего своего рода связующим звеном между мировым еврейством и еврейством такой отдаленной окраины, как Сибирь и Дальний Восток. Двоюродный брат М.А. Новомейского Я.Д. Фризер упоминал о разработке далеко идущих планов по объединению Сибирского и Дальневосточного еврейства и возрождению активной еврейской жизни [15]⁴.

Начавшаяся Гражданская война и образование ДВР вынудили Новомейского изменить планы и перебраться из Иркутска в Шанхай. Пребывание в Шанхае сначала рассматривалось как временная мера, но реалии военного времени и политические изменения сделали невозможным возвращение в Сибирь. Следует отметить, что М. Новомейский отлично чувствовал международную политическую обстановку и зачастую использовал ее не только для продвижения интересов дела сионизма и установления контактов с видными сионистскими деятелями, многих из которых он знал со времени своего обучения в Германии, но и для реализации собственных экономических планов. Впоследствии он «откорректировал» свою биографию, вышедшую изначально в Лондоне в 1956 г., усилив экономическую составляющую и значительно уменьшив упоминание о своей деятельности на почве сионизма [16]. В Шанхае Новомейским задумывается обширный издательский проект общеобразовательного характера для еврейского населения Сибири и Урала. В рамках проекта, осуществляемого за счет личных денежных средств Новомейского, была отпечатана на иврите и русском языке первая партия молитвенников, учебников и словарей, которые в результате так и не были доставлены по назначению и осели в Харбине [17]. Тогда он принимает решение о возобновлении издания журнала «Сибирь–Палестина», который начинает публиковаться в 1919 г. сначала как орган Дальневосточного Палестинского Информационного Бюро для Сибири и Дальнего Востока, потом как орган объединенных Палестинских комиссий при общинных советах Дальнего Востока, а когда они перестают функционировать в 1920 г., создает паевое товарищество «Сибирь–Палестина». Свой журнал он определяет как единственный еврейский орган печати на далекой восточной окраине на русском языке, доступный большинству евреев Сибири, Дальнего Востока и полосы отчуждения КВЖД [18]. Нумерация выпусков журнала продолжает серию номеров, изданных в Иркутске.

Возобновление издания в Шанхае объяснимо сложившейся политической ситуацией, которая временно делает невозможным продолжение процесса возрождения еврейской общинной жизни и удовлетворения повседневных потребностей еврейских масс. С первого же выпуска подчеркивается необходимость связи евреев Сибири и Дальнего Востока (включая и Маньчжурию) с мировым сионистским движением. Специальный посланник Исполкома мировой сионистской организации из Лондона И. Коуэн впервые посещает со специальной миссией еврейские общины Австралии, Индии и Дальнего Востока с целью разъяснения решений Мировой конференции по вопросу создания в Палестине еврейского национального центра, развития и укрепления сионистской организации и сбора сумм, необходимых для реализации сионистских проектов в Палестине [19]. В рамках своей миссии он встречается с М.А. Новомейским и А.М. Евзеровым в Шанхае. Можно предположить, что встреча с Коуэном укрепляет решение М.А. Новомейского эмигрировать в Палестину и начать реализацию своего проекта по разработке солей Мертвого моря и созданию предприятия по производству поташа. Палестинским Информационным бюро для Дальнего Востока было принято решение о переносе всей организационной работы в Харбин как географический и культурный центр еврейства Дальнего Востока в сложившихся политических реалиях. Также было решено перенести в Харбин и издание печатного органа «Сибирь–Палестина», ко-

торый начинает издаваться в Харбине под названием «Еврейская жизнь» и просуществует до 1943 г. В качестве уполномоченного для Дальнего Востока в Харбине назначается А.М. Евзеров, а заведующим Шанхайским отделом бюро после отъезда М.А. Новомейского в Палестину избирается Э.П. Гоберник. М.А. Новомейский успешно реализовал себя в Палестине, получив разрешение на создание концессий Мертвого моря у британского правительства [20], а после создания государства Израиль доля британцев была выкуплена американскими химическими корпорациями [21].

Особенности организации еврейской национальной жизни в Сибири (географическая удаленность общин, слабый уровень общественного активизма, преобладание сионистских настроений) привели к тому, что с приходом советской власти в Сибири фактически не осталось легитимных представителей еврейской национальной элиты. Фактическое слияние сионистской организации с Национальным советом евреев Сибири и Урала в 1919 г. означало, что их ликвидация парализовала практически всю деятельность среди евреев в этом регионе.

Биография М.А. Новомейского – довольно типичный пример политической траектории представителей еврейского национального истеблишмента эпохи смены политических режимов: большинство из них (А. Евзеров, З. Шкундин, С. Кадыш и др.) вынуждены были отказаться от своих политических притязаний и покинуть Россию навсегда.

Примечания

¹ Л. Кальмина отмечает, что сионистскими идеями Новомейский проникся гораздо раньше, его имя даже мелькало в иркутских жандармских сводках после революции 1905 г. Однако тогда сионизм не был основой его политической карьеры. Подробнее см.: [1. С. 92–93, 96–97].

² Первая записка была составлена томской еврейской общиной и направлена в совет министров В.П. Вологодскому, вторая была направлена омской еврейской общиной лично Верховному Правителю, а третья составлена лично М.А. Новомейским. Материалы работы Национального совета составляют отдельный фонд в Государственном архиве Иркутской области, однако в настоящее время лишь одно дело доступно для исследователей в связи с плохим физическим состоянием документов. Тексты записок сохранились в материалах единственного доступного дела: [11. Л. 78–82; 98–101 об.]

³ Полного комплекта выпусков иркутского периода «Еврейской жизни», вероятно, не существует. Отдельные экземпляры хранятся в Нью-Йорке, Новосибирске. Советские органы госбезопасности впоследствии активно использовали «Еврейскую жизнь» как источник информации, подтверждающий сионистское прошлое обвиняемых. Так произошло в 1920 г. при формулировке обвинения Г.И. Гительсона [13], а также в 1953 г. в связи с делом О.Л. Лурье [14. Л. 27–28].

⁴ Я. Фризер имел в виду «Еврейскую жизнь», ошибочно датируя начало издания 1918 годом.

Список источников

1. Кальмина Л.В. Баргузинский «след» в Иркутске: Моисей Новомейский и Яков Фризер // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2016. Т. 16. С. 91–99.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5325. Оп. 4. Д. 393: Историческая справка о еврейских организациях в Иркутской губернии и городе Иркутске. Списки лиц этих организаций.
3. Разные сообщения // Вестник сибирских евреев. 1917. № 1. 24 марта. С. 10.
4. За или против сионизма? // Вестник сибирских евреев. 1917. № 3. 1 мая. С. 5–6.
5. Викторовская В.А. Иркутская сионистская организация 1917–1919 гг.: задачи и идеи // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2013. № 2.2. С. 115–124.
6. Кальмина Л.В. Сионизм в Сибири в 1914–1920 годах: эволюция идеи // Мировой кризис 1914–1920 гг. и судьба восточноевропейского еврейства: сб. ст. по материалам конф. М.: РОССПЭН, 2005. С. 203–214.
7. Нам И.В., Наумова Н.И. Еврейская диаспора Сибири в условиях смены политических режимов (март 1917 – февраль 1920 гг.). Красноярск: Кларетианум, 2003. 271 с.
8. Съезд еврейских общин // Новая Сибирь. 1919. № 9. 14 янв. Прибавление.
9. Бюллетени съезда еврейских общин Сибири и Урала. 1919. № 3. 17 янв. С. 3.
10. А.К. Сибирская Лига Еврейской Культуры // Цукунфт: сб. ст. Иркутск: Еврейская свободная мысль, 1919. С. 11–16.
11. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-2482. Оп.1. Д. 3: Докладные записки об антисемитских действиях и еврейских погромах. Переписка о борьбе еврейских организаций против большевиков и списки добровольцев Сибирской армии.
12. Сушко А.В., Стельмак М.М. «...Еврейство Сибири и Урала с тревогой ждет ответа»: докладная записка М. А. Новомейского Российскому правительству А. В. Колчака (май 1919 г.) // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 2. С. 555–567.
13. Локшин А.Е. «Сионистскую организацию признать контрреволюционной и ликвидировать». Из истории борьбы с сионистским движением в Советской России // Восточный архив. 2016. № 2. С. 52–63.
14. ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 38242: Лурье Осип Львович.

15. Фризер Я. Как мало прожито, как много пережито // Еврейская жизнь. 1930. № 39-40. С. 8-9.
16. Publisher's Contract. Max Parrish Ltd. 1951 // Национальная библиотека Израиля. Архив Моше Новомейского. Ящик 3 (Различные бумаги).
17. Изгур А. Десять лет на посту // Еврейская жизнь. 1930. № 39-40. С. 5-6.
18. От редакции // Сибирь-Палестина. 1920. № 8. С. 1.
19. На Дальнем Востоке. Миссия Израйля Коуэна // Сибирь-Палестина. 1920. № 8. С. 8.
20. Memorandum presented to the Colonial Office in December 1922 // Национальная библиотека Израиля. Архив Моше Новомейского. Ящик 4 (Различные бумаги).
21. Palestine Potash Limited Memorandum. By M.A. Novomeysky. New York, January 1951 // Национальная библиотека Израиля. Архив Моше Новомейского. Ящик 4 (Различные бумаги).

References

1. Kalmina, L.V. (2016) Barguzinskiy "sled" v Irkutsk: Moisey Novomeyskiy i Yakov Frizier [The Barguzin "Trace" in Irkutsk: Moses Novomeysky and Yakov Frizier]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya*. 16. pp. 91-99.
2. The State Archive of the Russian Federation (GARF). *Istoricheskaya spravka o evreyskikh organizatsiyakh v Irkutskoy gubernii i gorode Irkutsk. Spiski lits etikh organizatsiy* [Historical note on Jewish organizations in Irkutsk province and the city of Irkutsk. Lists of persons of these organizations]. Fund R-5325. List 4. File 393. (In Russian).
3. *Vestnik sibirskikh evreev*. (1917a) Raznye soobshcheniya [Miscellanea]. 24th March. p. 10.
4. *Vestnik sibirskikh evreev*. (1917b) Za ili protiv sionizma? [For or against Zionism?]. 1st May. pp. 5-6. (In Russian).
5. Viktorovskaya, V.A. (2013) Irkutskaya sionistskaya organizatsiya 1917-1919 gg.: zadachi i idei [Irkutsk Zionist Organization 1917-1919: Tasks and Ideas]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Politologiya. Religiovedenie*. 2.2. pp. 115-124.
6. Kalmina, L.V. (2005) Sionizm v Sibiri v 1914-1920 godakh: evolyutsiya idei [Zionism in Siberia in 1914-1920: The Evolution of the Idea]. In: Budnitskiy, O.V. (ed.) *Mirovoy krizis 1914-1920 gg. i sudba vostochnoevropeyskogo evreystva* [World Crisis of 1914-1920 and the Fate of Eastern European Jewry]. Moscow: ROSSPEN. pp. 203-214.
7. Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2003) *Evreyskaya diaspora Sibiri v usloviyakh smeny politicheskikh rezhimov (mart 1917 - fevral 1920 gg.)* [The Jewish Diaspora of Siberia in the Context of Changing Political Regimes (March 1917 - February 1920)]. Krasnoyarsk: Klatetianum.
8. *Novaya Sibir*. (1919) Sezd evreyskikh obshchin [Congress of Jewish Communities]. 14th January. Supplement.
9. Anon. (1919) *Byulleteni sezda evreyskikh obshchin Sibiri i Urala* [Bulletins of the Congress of Jewish Communities of Siberia and the Urals]. 17th January. p. 3.
10. A.K. (1919) Sibirskaya Liga Evreyskoy Kultury [Siberian League of Jewish Culture]. In: *Tsukunft* [Future]. Irkutsk: Evreyskaya svobodnaya mysl. pp. 11-16.
11. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). *Dokladnye zapiski ob antisemitskikh deystviyakh i evreyskikh pogromakh. Perepiska o borbe evreyskikh organizatsiy protiv bolshevikov i spiski dobrovol'tsev Sibirskoy armii* [Memoranda on anti-Semitic actions and Jewish pogroms. Correspondence about the struggle of Jewish organizations against the Bolsheviks and lists of volunteers of the Siberian Army]. Fund R-2482. List 1. File 3; (In Russian).
12. Sushko, A.V. & Stelmak, M.M. (2021) "...Evreystvo Sibiri i Urala s trevogoy zhdet otveta": dokladnaya zapiska M.A. Novomeyskogo Rossiyskomu pravitel'stvu A.V. Kolchaka (may 1919 g.) ["...The Jewry of Siberia and the Urals is anxiously waiting for an answer": Memorandum by M.A. Novomeysky to the Russian Government of A.V. Kolchak (May 1919)]. *Noveyshaya istoriya Rossii*. 11(2). pp. 555-567.
13. Lokshin, A.E. (2016) "Sionistskuyu organizatsiyu priznat kontrevolyutsionnoy i likvidirovat." Iz istorii bor'by s sionistskim dvizheniem v Sovetskoy Rossii ["To recognize the Zionist organization as counter-revolutionary and liquidate it." From the history of the struggle against the Zionist movement in Soviet Russia]. *Vostochnyy arkhiv*. 2. pp. 52-63.
14. The State Archive of the Russian Federation (GARF). *Lure Osip Lvovich* [Lurie Osip Lvovich]. Fund R-8131. List 31. File 38242.
15. Frizher, Ya. (1930) Kak malo prozhito, kak mnogo perezhito [How Little Has Been Lived, How Much Has Been Experienced]. *Yevreyskaya zhizn'*. 39-40. pp. 8-9.
16. The M. Novomeysky Archive. (1951) *Publisher's Contract. Max Parrish Ltd.* National Library of Israel. Box 3 (Various papers).
17. Izgur, A. (1930) Desyat' let na postu [Ten Years in Office]. *Yevreyskaya zhizn'*. 39-40. pp. 5-6.
18. Anon. (1920) Ot redaktsii [From the Editor]. *Sibir'-Palestina*. 8. p. 1.
19. Anon. (1920) Na Dal'nem Vostoke. Missiya Izrailya Kouena [In the Far East. The Mission of Israel Cowen]. *Sibir'-Palestina*. 8. p. 8.
20. The M. Novomeysky Archive. (1922) *Memorandum presented to the Colonial Office. December*. National Library of Israel. Box 4 (Various papers).
21. The M. Novomeysky Archive. (1951) *Palestine Potash Limited Memorandum. By M.A. Novomeysky. New York, January*. National Library of Israel. Box 4 (Various papers).

Сведения об авторах:

Владимирски Ирена Владимировна – доктор исторических наук, профессор Академического колледжа Ахва (Аругот, Израиль). E-mail: irena@achva.ac.il

Герасимова Виктория Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: gerasimova@bk.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Vladimirsky Irena V. – Doctor of Historical Sciences, Professor at the Academic College of Ahva (Arugot, Israel). E-mail: irena@achva.ac.il

Gerasimova Victoria A. – Candidate of Historical Sciences, Senior researcher at Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: gerasimova@bk.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.01.2022; принята к публикации 15.05.2025

The article was submitted 11.01.2022; accepted for publication 15.05.2025

Научная статья

УДК 001+008(517.16)

doi: 10.17223/19988613/95/4

Роль Менделеевых–Капустиных–Поповых в развитии науки и культуры дореволюционного Томска

Ануш Артаваздовна Геворкян

Томский государственный университет, Томск, Россия, anushgevorkyan71@mail.ru

Аннотация. На основе архивных документов, периодической печати, источников личного происхождения, а также интервью выявляется роль семейств Менделеевых, Капустиных и Поповых в истории науки и культуры Сибири. Полученные материалы позволяют более детально реконструировать повседневную жизнь представителей научного и культурного сообществ, судьбы которых были переплетены родственными связями. Автор выдвигает гипотезу о том, что совокупность взаимодействий между учеными и деятелями культуры стала организующим фактором, способствующим всестороннему развитию дореволюционного Томска.

Ключевые слова: Томск, университет, наука, образование, культура

Благодарности: Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2024-0008.

Для цитирования: Геворкян А.А. Роль Менделеевых–Капустиных–Поповых в развитии науки и культуры дореволюционного Томска // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 95. С. 24–33. doi: 10.17223/19988613/95/4

Original article

The role of the Mendeleevs-Kapustins-Popovs in the development of science and culture in pre-revolutionary Tomsk

Anush A. Gevorkyan

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, anushgevorkyan71@mail.ru

Abstract The article deals with the relationship between the Mendelev, Kapustin and Popov families, whose destinies were interrelated and connected with Tomsk. The representatives of the families were engaged in scientific research, educational activities, and also contributed to the development of culture of Tomsk Governorate. The most prominent representatives were D.I. Mendelev, known for being a descendant of a large family, many members of which were connected with the scientific and cultural life of Tomsk Governorate. In addition, D.I. Mendelev was directly connected with the process of the establishment and opening of the Imperial Tomsk University (ITU); it was he who recommended his nephew F.Y. Kapustin, one of the first professors-physicists of the ITU, for a professorship in the Siberian temple of science. There was the so-called «Mendelev clan», many members of which were related to each other, lived nearby (now the memorial museum-reserve (museum-estate) of D.I. Mendelev and A.A. Blok), and were engaged in research activities. Among other things, the name of Fyodor Yakovlevich Kapustin is associated with the spread of Alexander Stepanovich Popov's invention – the radio receiver. F.Y. Kapustin's wife was A.S. Kapustina (Popova), a famous artist, organizer of the Tomsk Society of Art Lovers (TOLH), as well as organizer of numerous art exhibitions. Of particular interest is the family of D.I. Mendelev himself, some members of which also lived in Tomsk. The article considers the biographies of five brothers and sisters of D.I. Mendelev, whose destinies were connected with Tomsk, including the mother of F.Y. Kapustin – Ekaterina Ivanovna Kapustina (Mendeleva). The work is based on archival documents, periodicals, sources of personal origin, as well as on interview materials with a contemporary descendant of F.Y. Kapustin. As a result, biographical plots from the lives of the representatives of the three families and their environment were revealed, allowing to reconstruct in more detail the everyday life of a representative of the scientist and cultural community of pre-revolutionary Tomsk, as well as their contribution to the development of science and culture of Tomsk Governorate.

Keywords: Tomsk, university, science, education, culture

Acknowledgements: This research was supported by Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project No FSWM-2024-0008

For citation: Gevorkyan, A.A. (2025) The role of the Mendeleevs-Kapustins-Popovs in the development of science and culture in pre-revolutionary Tomsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 95. pp. 24–33. doi: 10.17223/19988613/95/4

Научная и культурная жизнь Томской губернии в значительной степени формировалась вокруг университета. Местные ученые создавали особую томскую ауру, одновременно являясь как представителями учебного сообщества, так и культурными деятелями. Несмотря на то, что выдающийся российский химик и общественный деятель Дмитрий Иванович Менделеев так и не посетил Томск, он оказал большое влияние на город. Как известно, Д.И. Менделеев напрямую был связан с процессом открытия в Томске университета, он входил в состав Особой комиссии по обустройству Сибирского университета [1. С. 74]. Впоследствии Д.И. Менделеев был членом комитета по строительству Томского технологического института, помогал оснащать лаборатории и кабинеты химического отделения, подбирая научные кадры. Помимо Д.И. Менделеева, с Томском была связана деятельность его племянника Федора Яковлевича Капустина, жены Ф.Я. Капустина Августы Степановны Поповой (сестры Александра Степановича Попова), а также некоторых сестер и братьев самого Дмитрия Ивановича.

Императорский Томский университет (ИТУ) с момента своего основания был местом притяжения представителей научного сообщества, предпринимательства и властных структур. Первый в Сибири университет положил начало научным исследованиям сибирского региона, в то время не столь тщательно изученного. До открытия университета исследования велись силами Петербургской (Российской) Академии наук, а также благодаря общественным организациям и научным обществам; в том числе особое значение имело Русское географическое общество [2. С. 64].

16 мая 1878 г. Александр II подписал указ об учреждении и открытии в Томске Императорского Сибирского университета, но двери университета были открыты лишь в 1888 г., поскольку его строительство потребовало большого количества времени и средств. Профессор Казанского университета Василий Маркович Флоринский был членом Строительного комитета по возведению зданий Сибирского университета. Помимо него, значимая роль в судьбе Императорского Томского университета принадлежит Дмитрию Ивановичу Менделееву, ординарному профессору Санкт-Петербургского университета. Д.И. Менделеев консультировал В.М. Флоринского по вопросам строительства Сибирского университета. Несмотря на то, что кандидатура Д.И. Менделеева рассматривалась на должность первого ректора университета, в Томск известный профессор не приехал, и руководителем университета стал профессор физики Николай Александрович Гезехус. После отъезда Н.А. Гезехуса ему на смену в Томск приехал племянник Д.И. Менделеева Федор Яковлевич Капустин.

Все возрастающий интерес к истории высшей школы определяется всесторонними исследованиями в данной области. Это предполагает особое внимание к изучению истории формирования университетов. К настоящему времени в отечественной историографии сформировался устойчивый пласт работ, связанных с данной тематикой. Особенно важно подчеркнуть, что с момента своего возникновения классические университе-

ты представляли собой научные центры, где велись исследования преимущественно в области естественных наук [1. С. 3]. Кроме исследований высшей школы как таковой, изучаются отдельные отрасли наук, а точнее – их история, становление, сравниваются некоторые области знаний в разных классических университетах [3]. Несмотря на то, что в составе Императорского Томского университета изначально был открыт лишь медицинский факультет и преимущественно развивались естественнонаучные исследования, этот период характеризуется зарождением точных наук в сибирском храме науки [1. С. 125]. Таким образом, в становлении науки в Сибири дореволюционный период сыграл важную роль, поскольку именно в то время был открыт университет, который способствовал всестороннему изучению края.

В Российской империи в 1880-е гг. профессоров-физиков было относительно немного: помимо Н.А. Гезехуса и Ф.Я. Капустина профессорами физики являлись Ф.Н. Шведов (Императорский Санкт-Петербургский университет), Н.А. Углов (Императорский Новороссийский университет), Н.Г. Егоров (Военно-медицинская академия), А.П. Соколов (Императорский Московский университет), Б.В. Станкевич (Императорский Варшавский университет, с 1894 г.) [4]. Такое ограниченное число профессоров подтверждает сложность получения ученой степени доктора физики в Российской империи.

Исследователи неоднократно обращались к вопросу, связанному с изучением физического образования и сообщества в Томском университете. Так, особую ценность представляет сборник статей «Физики о физике и физиках», в котором собраны воспоминания выпускников разных лет о факультете и учителях [5]. Кроме того, биографии Ф.Я. Капустина и других профессоров Томского университета представлены в первом томе биографического словаря «Профессора Томского университета» [6]. Обращение к биографии и профессиональному пути Ф.Я. Капустина обусловлено актуализацией интереса к организации и становлению физических исследований в классическом университете дореволюционного периода. Как известно, Н.А. Гезехус и Ф.Я. Капустин были первыми профессорами-физиками в Императорском Томском университете [7. С. 169–170]. Однако некоторые стороны деятельности и профессионального пути Ф.Я. Капустина остаются не до конца изученными, одним из таких сюжетов является взаимосвязь между жизненными путями самого Капустина и семейств Менделеевых и Поповых. Цель работы – проанализировать деятельность представителей семейств Менделеевых, Капустиных и Поповых в контексте научной и культурной жизни Томской губернии XIX – начала XX в. и выявить их вклад в развитие города.

Историографическую базу исследования составили работы, посвященные культурной жизни дореволюционного Томска, а также более частным аспектам – жизни и творческой деятельности Августы Степановны Капустиной (Поповой). В работе К.В. Фадеева освещается культурная жизнь Томской губернии в конце XIX – начале XX в., в том числе анализируются разные грани функционирования учреждений культуры,

среди которых библиотеки, художественные выставки, театр и пр. [8]. В работах Ю.И. Чежиной и И.П. Тюриной рассматривается творческая деятельность А.С. Капустиной (Поповой), сыгравшей значимую роль в развитии художественного образования в Сибири [9, 10].

Следует отметить, что в настоящее время живы потомки Д.И. Менделеева (но не прямые) и Ф.Я. Капустина, которые сохраняют память о них как немало-важную связь между прошлым и настоящим. Одним

из потомков является кандидат искусствоведения Елена Федоровна Королькова. Автор статьи провела с ней интервью, которое стало одним из источников настоящего исследования [11]. Как известно, семейства Менделеевых–Капустиных–Поповых отмечены присутствием нескольких выдающихся деятелей науки и культуры. Родственные связи между представителями этих семейств показаны на рис. 1 (указаны только персоналии, жизни которых были связаны с Томском).

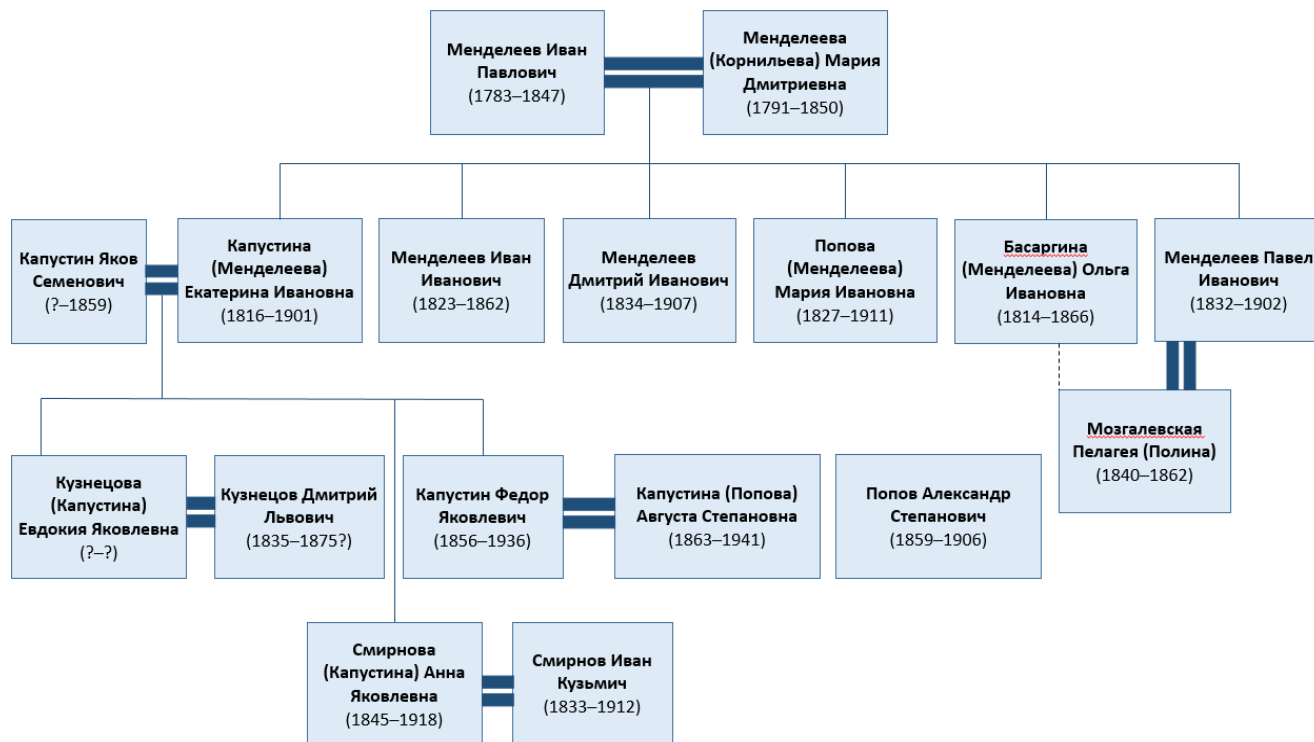

Рис. 1. Родственные связи между представителями семейств Менделеевых–Капустиных–Поповых

Федор Яковлевич Капустин родился в 1856 г. в Омске в семье Якова Семеновича Капустина и Екатерины Ивановны Капустиной, родной сестры Д.И. Менделеева. Начальное образование он получил дома; семью часто посещали путешественники, политические ссыльные, писатели, в том числе Ф.М. Достоевский. Затем он отучился в томской и 5-й петербургской гимназиях [11]. Федор Яковлевич Капустин в 1880 г. окончил физико-математический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета со степенью кандидата и был назначен лаборантом химической лаборатории, где работал под руководством Д.И. Менделеева [12; 13. Л. 5 об.]. С 1881 г. он занимался преподавательской деятельностью в гимназиях, а с 1885 г. стал преподавателем Минных офицерских классов в Кронштадте, где работал Александр Степанович Попов (изобретатель радио). Ф.Я. Капустин состоял в дружеских отношениях с ним, вместе они посетили Томск и увидели здание Императорского Томского университета за год до его открытия – в 1887 г., когда они принимали участие в Красноярской экспедиции по наблюдению солнечного затмения. Во время пребывания в Томске участники экспедиции получили возможность посетить главный корпус университета, уже готовый к занятиям [14].

Первые шаги в науке молодой физик Капустин сделал в лаборатории Д.И. Менделеева. В 1883 г. А.С. Попов и Ф.Я. Капустин были приглашены в качестве преподавателей в Минный офицерский класс в Кронштадте, по тем временам лучшую электротехническую школу в России. Так, вместе с А.С. Поповым Ф.Я. Капустин учился, работал и преподавал в Минном офицерском классе; также имеются свидетельства их совместной работы, связанной с интересом к развитию физики и электротехники [14]. Федор Яковлевич познакомился и с родной сестрой А.С. Попова Августой Степановной (впоследствии стала известной томской художницей): в тот период семья Поповых проживала в Кронштадте. Федор Яковлевич и Августа Степановна поженились перед открытием Томского университета и в 1889 г. уехали в Томск, где жили долгие годы. Все дети Федора Яковлевича и Августы Степановны родились в Томске: Анна Федоровна (1890–1962; старшая дочь, бабушка Елены Федоровны Корольковой), Екатерина Федоровна (1892–1946), Мария Федоровна (1899–1972) и Яков Федорович (1903–1927; скончался от туберкулеза) [11].

В 1889 г. Ф.Я. Капустин перешел в физический кабинет Санкт-Петербургского университета, а через год был назначен экстраординарным профессором кафедр

ры физики Императорского Томского университета, которая первоначально носила название кафедры общей физики с физической географией и метеорологией [5; 12; 13. Л. 7 об.–8 об.]. На своих лекциях он активно использовал демонстрации физических опытов [6. С. 107]. Таким образом, он стал одним из первых профессоров Императорского Томского университета и две трети дореволюционной истории Томского университета был в нем единственным профессором физики [6. С. 107]. На эту должность его порекомендовал Д.И. Менделеев, химик, принимавший активное участие в открытии Томского университета. Помимо этого, он был дядей Федора Яковлевича и одним из членов большого семейства. Свои первые исследования в Томске Ф.Я. Капустин выполнил по теме будущей магистерской диссертации, которую защитил в 1895 г. в Санкт-Петербурге, – он занимался наблюдениями над атмосферным электричеством. Работая над магистерской диссертацией, он изучал вопросы «приобретения гражданства» электромагнитной теорией Максвелла после опытов Герца [14].

Еще до заседания физического отделения Русского физико-химического общества (РФХО) Ф.Я. Капустин был осведомлен о процессе изобретения радио, о чем свидетельствует переписка, в которой Александр Степанович Попов предлагал Ф.Я. Капустину провести опыты по совершенствованию когерера [14]. 25 апреля (7 мая) 1895 г. А.С. Попов, преподаватель Минного офицерского класса в Кронштадте, продемонстрировал в действии свою радиосистему, и так началась эра радио. Согласно Протоколу заседания физического отделения РФХО, «А.С. Попов сделал сообщение: “Об отношении металлических порошков к электрическим колебаниям”. Исходя из опытов Бранли, докладчик исследовал резкие изменения в сопротивлении, испытываемые металлическими порошками в поле электрических колебаний. Пользуясь высокой чувствительностью металлических порошков к весьма слабым электрическим колебаниям, докладчик построил прибор, предназначенный для показывания быстрых колебаний в атмосферном электричестве» [15]. Менее чем через год после этих событий Ф.Я. Капустин привез в Томск первый радиоприемник А.С. Попова, устройство служило в его экспедиции в устье Енисея [16. С. 115]. Таким образом, начало распространения радио по планете связано с Томском, а также с именем Ф.Я. Капустина [17], который в 1889 г. стал профессором кафедры физики, физической географии и метеорологии Императорского Томского университета [18].

Как отмечалось выше, изобретения А.С. Попова с конца XIX в. и по сей день широко используются в науке и практической деятельности в области метеорологии. Так, в 1895/1896 гг. велись интенсивные приготовления к наблюдениям солнечного затмения в июле 1896 г., в которых активное участие приняли А.С. Попов и Ф.Я. Капустин [13. Л. 120 об.]. К лету 1896 г. завершился второй этап работ А.С. Попова в области радио. Изобретатель усовершенствовал и продемонстрировал свою аппаратуру радиосвязи для сигнализации без проводов сначала в одном помещении, а затем между разными зданиями. Однако в ходе работ, свя-

занных с изобретением радио, перед А.С. Поповым возникли следующие задачи: необходимость выяснить, не будут ли атмосферные разряды мешать радиосвязи и нельзя ли применить приемник непосредственно для метеорологических наблюдений. Впоследствии он создал новый прибор, отличный от приемника связи по назначению и конструкции, названный грозоотметчиком. Поездки в Петербург и переписка с А.С. Поповым позволили Ф.Я. Капустину быть хорошо осведомленным о достижениях коллеги в изобретении радио и применении этого изобретения в метеорологии [14].

В апреле 1896 г. профессор Ф.Я. Капустин доложил на совете ИТУ о подготовке экспедиции в устье Енисея, которая предусматривала широкую программу исследований с применением новейших достижений науки и техники. В программу экспедиции входили и наблюдения над атмосферным электричеством [8; 13. Л. 34–37 об.]. Вместе с ним в экспедицию отправился сотрудник физического кабинета Дмитрий Татаринов [13. Л. 40]. В 1896 г. грозоотметчик А.С. Попова был применен Ф.Я. Капустин в Енисейской экспедиции, снаряженной Томским университетом для наблюдения солнечного затмения [12; 13. Л. 40]. Однако исследования были выполнены лишь частично, и в своем отчете об экспедиции профессор Ф.Я. Капустин ничего не зафиксировал о работе грозоотметчика А.С. Попова [12]. Ученые надеялись в Енисейской экспедиции зафиксировать с помощью этого прибора перемены в атмосферном электричестве, вызванные изменением излучения Солнца во время затмения [14]. На сегодняшний день известно, что данный грозоотметчик не обладал необходимой чувствительностью, чтобы зарегистрировать изменения интенсивности радиоволн во время солнечного затмения. Несмотря на это, в университетской газете «За советскую науку» отмечалось, что мысль о том, что Солнце может излучать не только видимый свет, но и радиоволны, была гениальной и особенно значимой в тот период времени. Считается, что первыми, кто предполагал радиоизлучение небесных тел и сделал попытку экспериментально обнаружить его, были изобретатель радио А.С. Попов и профессор Томского университета Ф.Я. Капустин [12].

В 1897 г. А.С. Попов докладывал в Электротехническом институте о применении своего прибора для решения вопроса о том, присутствуют ли в атмосфере колебания, и если присутствуют, то насколько они часты и от каких причин зависят. Применение аппаратуры А.С. Попова в экспедиции по наблюдению солнечного затмения в 1896 г. демонстрирует, что изобретение русского ученого сразу же нашло разнообразное практическое применение, вполне соответствующее многофункциональному назначению «прибора для обнаружения и регистрации электрических колебаний». Профессор Ф.Я. Капустин предпринял попытку осуществить радиоастрономический эксперимент. Как отмечалось в периодической печати, прибор А.С. Попова был получен Ф.Я. Капустин по крайней мере к лету 1896 г., до того как появились сообщения о первых опытах Г. Маркони [14]. В 1897 г. Ф.Я. Капустин прочитал лекцию «Некоторые сведения о климате г. Томска» в рамках серии публичных лекций, которые

организовал Томский отдел Императорского Московского общества сельского хозяйства по инициативе профессора Н.Ф. Кашенко [7. С. 170; 19].

А.С. Попов и далее продолжал работать над проблемами радио и применением его в метеорологии, о чем свидетельствует письмо Ф.Я. Капустину, написанное в 1898 г.: «Прежде всего я займусь специальным делом: прибором для записи гроз» [18]. Можно с полной уверенностью говорить, что приборы, изобретенные А.С. Поповым, заложили основы для развития будущей радиофизики.

Помимо применения радиоприемника А.С. Попова в метеорологических исследованиях, Ф.Я. Капустин принимал участие в развитии и других направлений физики, таких как рентгенология и магнитные исследования. В томский период деятельности Ф.Я. Капустин заложил основы сибирской рентгенологии, выписав из Германии в 1896 г. рентгеновскую трубку. В результате на базе Императорского Томского университета были получены первые рентгеновские снимки. В области магнитных исследований Ф.Я. Капустин стал основоположником, добившись от университета выделения средств на приобретение приборов для таковых исследований. Им было проведено более 20 наблюдений над состоянием магнитных элементов около Томска [7. С. 169–170].

С 1903 г. Ф.Я. Капустин был исполняющим должность ординарного профессора кафедры физики Томского университета [13. Л. 97]. За годы работы в ИТУ он не раз командировался за границу, а также принимал участие в различных съездах, связанных с его научно-исследовательской деятельностью. В 1901 г. он принял участие в XI съезде естествоиспытателей и врачей в Санкт-Петербурге [13. Л. 81–88]. В газете «Сибирская жизнь» о Ф.Я. Капустине написано следующее: «Почтенный лектор в самой общедоступной форме объяснил слушателям предмет науки, явления природы и их изучение, наблюдение, опыт и т.п. Лекция все время сопровождалась физическими опытами. Интересность предмета, простота изложения лекции и масса опытов сделали лекцию очень интересной, и она с начала до конца была прослушана с большим вниманием. К сожалению, слушателей почему-то было немного, не больше 200 человек. Среди публики немало было простого народа» [20]. Резюмируя, Ф.Я. Капустин был отличным лектором, сопровождал свое повествование опытами, а также мог вызвать интерес к физике в том числе у простой публики. В мае 1907 г. было учреждено Общество любителей естествознания, целями которого стали создание условий для студентов для более глубокого изучения естественных наук и формирование навыков самостоятельной научной работы. Председателем общества был избран профессор Ф.Я. Капустин, а товарищем председателя – сверхштатный лаборант при кафедре общей химии И.К. Куликовский. В 1908 г. члены Общества любителей естествознания при ИТУ совершили экскурсию вверх по Енисею под руководством профессоров Ф.Я. Капустина и П.П. Орлова [1. С. 175–177].

Особый интерес вызывает и деятельность Августы Степановны Капустиной (в девичестве Поповой), жены

Федора Яковлевича Капустина, сестры Александра Степановича Попова. Будучи профессиональной художницей, она внесла значительный вклад в развитие культурной жизни Томской губернии. А.С. Капустина (Попова) родилась в семье С.П. Попова, сельского священника, который содержал начальную школу для девочек. Художественные навыки проявились у девушки еще в юности. С 1877 г. она обучалась в Санкт-Петербурге, а с 1880 г. в качестве вольнослушательницы посещала класс живописного отделения Академии художеств, где с 1881 г. была переведена в постоянные ученики. В 1884 г. она завершила полный обязательный научный курс, а в 1886 г. перешла в последний класс и работала в мастерской И.Е. Репина. Она училась у крупнейших мастеров своего времени П.П. Чистякова и И.Е. Репина [10. С. 483–484].

А.С. Капустина (Попова) вместе с сестрой Анной жила в квартире А.С. Попова, товарищем которого, как упоминалось, был Ф.Я. Капустин. Таким образом они познакомились и через некоторое время отправились в Томск. Проживая в Сибири, Августа Степановна продолжала уделять много времени творчеству: она писала портреты и пейзажи, особенно сибирские, используя пастель, масло и акварель [10. С. 485; 21]. Из сюжетов в работах А.С. Капустиной (Поповой) зачастую встречаются изображения семейного быта, а также сибирские темы. Она ездила в с. Манжерок (ныне Республика Алтай), писала этюды. Связь А.С. Капустиной (Поповой) с университетской жизнью проявилась в том числе в создании этюда главного корпуса Томского университета (в настоящее время хранится в Томском областном художественном музее) [9. С. 17].

Вклад А.С. Капустиной (Поповой) в развитие культуры Томской губернии характеризует организация художественных выставок. В 1898 г. вместе с М.И. Черепановой они добились проведения художественной выставки с привлечением не только местных художников, но и известных русских мастеров, также в выставку были включены работы из частных коллекций [10. С. 485]. Помимо А.С. Капустиной (Поповой), экспонировались известные мастера И.К. Айвазовский и В.А. Яблочкин [21]. Несмотря на то, что на выставке велся сбор в пользу общества попечения о начальном образовании и сама выставка имела успех, к сожалению, не удалось собрать необходимую сумму, на которую надеялись устроители, нуждавшиеся в средствах на содержание рисовальных классов [10. С. 485; 21]. А.С. Капустина (Попова) и далее продолжала организовывать художественные выставки.

В 1903 г. в качестве выпускницы Академии художеств она была приглашена к участию в Первой сибирской передвижной выставке, которую организовали петербургские живописцы в некоторых сибирских городах, в числе которых был и Томск. Сама А.С. Капустина (Попова) отмечала значение этой выставки для культурной жизни Сибири. В 1908 г. в Томске состоялась первая грандиозная выставка, не имевшая аналогов среди городов Сибири. А.С. Капустина (Попова) выставила более 40 своих работ, а всего экспонировалось 350 картин (среди участников выставки

были и ее ученики). О выставке писал известный областник Г.Н. Потанин, отдельно отмечая детские портреты художницы. Вместе с окончившей московское Строгановское училище Л.П. Базановой, супругой профессора-юриста Томского университета И.А. Базанова, они выступили инициаторами создания Томского общества любителей художеств (ТОЛХ), основанного в марте 1909 г. Общество стало первым самостоятельным художественным объединением в Сибири. [10. С. 486]. Помимо А.С. Капустиной (Поповой) и Л.П. Базановой, учредителями общества стали их мужья – профессор Ф.Я. Капустин и И.А. Базанов, художники В.И. Лукин, Н.П. Ткаченко, М.М. Щеглов, а также этнограф и путешественник Г.Н. Потанин, предприниматель и общественный деятель П.И. Макушин и др. Благодаря обществу была открыта школа живописи и рисования, оно стало организовывать ежегодные художественные выставки [22. С. 47–48].

В университете Ф.Я. Капустин проработал вплоть до 1909 г. (хотя до 1916 г. числился в составе внештатных профессоров ИТУ), когда вышел в отставку и семья вернулась в Петербург. Ф.Я. Капустин был одним из первых профессоров-физиков в Сибири, заложивших основы для развития точных наук в классическом университете конца XIX – начала XX в. Вклад Ф.Я. Капустина в развитие и становление нескольких областей физического знания считается значимым, поскольку именно он привез и впервые применил в экспедициях радиоприемник А.С. Попова (исследуя метеорологию), а также повлиял на формирование сибирской рентгенологии и магнитных исследований. Он заложил основы в области таких наук, как радиофизика и геофизика, которые в последующем получили развитие в стенах Томского университета.

Тогда же Капустины купили поместье рядом с усадьбой Боблово в селе Покровском. Д.И. Менделеев еще до основания Императорского Томского университета приобрел имение в Боблово (Клинский уезд Московской губернии), которое обустроил для исследований. Связь с Д.И. Менделеевым в семье всегда была тесной, поскольку Дмитрий Иванович опекал всех своих сестер. К тому времени, когда Капустины купили это поместье, Д.И. Менделеева уже не было в живых, но все родственники жили вокруг Боблово – в пяти километрах (например, рядом с Боблово в Бабайках жил Михаил Яковлевич Капустин, брат Ф.Я. Капустина, сын старшей сестры Д.И. Менделеева, доктор медицины, профессор гигиены Варшавского и Казанского университетов, депутат II и III Государственной думы). Среди членов этого семейства было много деятелей науки и культуры, в частности сын Анны Яковлевны Капустиной, в замужестве Смирновой, старшей сестры Федора Яковлевича, Яков Иванович Смирнов, археолог и историк искусства (крупный византист), член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, ординарный академик Российской академии наук, который проработал в Государственном Эрмитаже более 20 лет, а также преподавал в Санкт-Петербургском университете. Семья Я.И. Смирнова проживала рядом с Бобловым на Стрелицах (бревенчатое подворье). Жена Я.И. Смир-

нова была певицей в Мариинском театре (хористкой) [11; 23]. Усадьбу в Боблово посещала различная публика: например, поэт и драматург Александр Александрович Блок в 1898 г. впервые посетил имение, увлекшись Любовью Ивановной Менделеевой (дочерью Д.И. Менделеева), на которой впоследствии женился в 1903 г. [24].

Однако жизнь Я.И. Смирнова закончилась трагично: он скончался в возрасте 49 лет из-за недостатка продовольствия в 1918 г. в Петрограде. Если его семья, находившаяся в поместье Боблово, имела возможность прокормиться благодаря хозяйству, то в Петрограде царил настоящий голод. «В Менделеевском архиве я изучила переписку Смирновых, которая началась со времени сватовства Ивана Кузьмича Смирнова к Анне Яковлевне Капустиной и длилась всю их жизнь, затем и в период жизни Я.И. Смирнова, который писал своим родителям и жене. В 1918 г. он писал, что заходил к Федору Яковлевичу (он называет его дядей Федей) и вдоволь поел хлеба. Он подробно писал о ценах, которые значительно взлетели во время Первой мировой войны, отчего жизнь стала достаточно сложной. Они общались семьей очень тесно, это был так называемый “Менделеевский клан”» – подчеркивает Елена Федоровна Королькова [11].

В настоящее время в Боблове, на территории усадьбы Шахматово, находится Мемориальный музей-заповедник (музей-усадьба) Д.И. Менделеева и А.А. Блока. В музей-заповедник также входит усадьба соседней деревни Тараканово.

Особый интерес представляет семейство самого Д.И. Менделеева, некоторые члены которого также проживали в Томске. Родителями Д.И. Менделеева были Мария Дмитриевна Менделеева (Корнильева) и Иван Павлович Менделеев. В семье именитого химика было 17 детей (Дмитрий Иванович – самый младший), однако некоторые из них скончались в младенчестве. С Томском связана судьба одной из сестер Д.И. Менделеева – Ольги Ивановны Басаргиной (Менделеевой), во втором браке она была замужем за декабристом Н.В. Басаргиным, другом декабристов И.И. Пущина и И.Д. Якушина. После замужества они переехали в Ялуторовск, где жили друзья Н.В. Басаргина, затем взяли на воспитание дочь покойного декабриста Н.О. Мозгалева Пелагею (Полину). После смерти И.П. Менделеева Н.В. Басаргин и И.И. Пущин оказывали посильную помощь семье. В 1857 г. семье было разрешено покинуть Ялуторовск и вернуться в Россию. В 1862 г. Н.В. Басаргин скончался, а О.И. Басаргина (Менделеева) умерла в Томске в 1866 г. от водяной болезни. Помимо О.Д. Басаргиной, в Томске в 1862 г. скончался и Иван Иванович Менделеев (их брат) [25].

Одной из сестер Д.И. Менделеева была Екатерина Ивановна Капустина (Менделеева), жена Якова Семеновича Капустина, крупного сибирского чиновника – начальника Главного управления Западной Сибири (они – родители Ф.Я. Капустина). Долгое время пара проживала в Тобольске, затем два десятка лет – в Омске (в связи с переводом Главного управления Западной Сибири в Омск). В 1859 г. Я.С. Капустин был

назначен управляющим Томской казенной палаты, однако в Томске он прослужил недолго и в том же году скончался. Е.И. Капустина (Менделеева) жила в Томске с детьми вплоть до 1865 г., пока А.К. Смирнов (ее зять) не сообщил ей о том, что от министра внутренних дел был получен документ, в котором она обвинялась в передаче польских писем. В 1867 г., после смерти сестры Марии, Е.И. Капустиной (Менделеевой) пришлось переехать из Томска сначала в имение ее брата в Боблово (Московская губерния), а затем в его петербургскую квартиру [25].

С Томском связан и сюжет из жизни сестры Д.И. Менделеева Марии Ивановны Поповой (Менделеевой), которая была замужем за бывшим директором Томской гимназии Михаилом Логиновичем Поповым. В томский период жизни у пары родилась одна из дочерей. Но с 1867 г. семья переехала из Томска в Москву, однако там по несчастному случаю муж М.И. Попов (Менделеевой) потерял накопленные 10 тыс. рублей, и семья осталась без обеспечения с семьей детьми. Д.И. Менделеев помог паре: он выделил им отдельный кусок плодородной земли на Стрелицах (недалеко от Боблово) с родником размером в 8 десятин с родником, а также материал для постройки дома и служб. Так Д.И. Менделеев помог своей сестре [25].

Брат Д.И. Менделеева Павел Иванович Менделеев начал службу в г. Колывань Томской губернии, а затем переехал в Томск, где стал первым редактором губернских ведомостей – об этом в 1854 г. И.И. Пущин сообщал Г.С. Батенькову [26. С. 17]. В 1862 г. П.И. Менделеев получил должность советника в Томском губернском правлении. Его первой супругой стала Пелагея (Полина) Мозгалевская, которую воспитывали Басаргины, а венчание со второй женой проходило в Томской Богоявленской церкви в 1863 г. [25]. С газетой «Томские губернские ведомости» был связан и супруг Евдокии Яковлевны Кузнецовой (Капустиной), одной из дочерей Е.И. Капустиной (Менделеевой), Дмитрий Львович Кузнецов, который был редактором неофициальной части периодического издания. По субботам в квартире Кузнецовых проводились редакционные беседы, в которых участвовали не только сотрудники газеты, но и Е.И. Капустина (Менделеева) и ее дочери Евдокия Яковлевна Кузнецова (жена Д.Л. Кузнецова) и Анна Яковлевна Смирнова (жена И.К. Смирнова), а также ее племянница Анастасия Михайловна Попова (дочь М.Л. Попова и М.И. Поповой (Менделеевой)) [22. С. 86–87].

Таким образом, деятельность нескольких родственников Д.И. Менделеева напрямую связана с Томской губернией. В таблице обобщен их жизненный и профессиональный путь.

Родственники Менделеева, связанные с Томском

ФИО	Годы жизни в Томске	Степень родства	Род деятельности
Басаргина (Менделеева) Ольга Ивановна	Не ранее 1857 – 1866 (умерла в Томске)	Сестра Дмитрия Ивановича Менделеева	Ведение домашнего хозяйства
Капустина (Менделеева) Екатерина Ивановна	1859–1867	Сестра Дмитрия Ивановича Менделеева	Ведение домашнего хозяйства
Менделеев Иван Иванович	Не позднее 1861 – 1862 (умер в Томске)	Брат Дмитрия Ивановича Менделеева	Губернский секретарь
Попова (Менделеева) Мария Ивановна	Не позднее 1860 – 1867	Сестра Дмитрия Ивановича Менделеева	Ведение домашнего хозяйства
Менделеев Павел Иванович	Не позднее 1854 – не ранее 1865 и не позднее 1872	Брат Дмитрия Ивановича Менделеева	Советник в Томском губернском правлении, первый редактор «Томских губернских ведомостей»
Менделеева (Мозгалевская) Пелагея (Полина)	Не ранее 1857 – 1862 (умерла в Томске)	Супруга Павла Ивановича Менделеева	Ведение домашнего хозяйства
Капустин Яков Семенович	1859–1859 (умер в Томске)	Отец Федора Яковлевича Капустина	Управляющий Томской казенной палатой
Капустин Федор Яковлевич	1887, 1889–1909	Сын Якова Семеновича Капустина	Физик-исследователь
Попов Александр Степанович	1887	Шурин Федора Яковлевича Капустина	Физик-исследователь
Капустина (Попова) Августа Степановна	1889–1909	Сестра Александра Степановича Попова	Художница
Кузнецова (Капустина) Евдокия Яковлевна	?	Дочь Якова Семеновича Капустина	Ведение домашнего хозяйства
Кузнецов Дмитрий Львович	1858 – не ранее 1865	Супруг Евдокии Яковлевны Кузнецовой (Капустиной)	Редактор неофициальной части «Томских губернских ведомостей»
Смирнова (Капустина) Анна Яковлевна	?	Дочь Якова Семеновича Капустина	Ведение домашнего хозяйства
Смирнов Иван Кузьмич	1858–1868, 1874–1881	Супруг Анны Яковлевны Смирновой (Капустиной)	Преподаватель церковной истории в Томской духовной семинарии, директор Томской гимназии

Очередное переплетение судеб произошло, когда младшая сестра Ф.Я. Капустина Надежда Яковлевна какое-то время после переезда из Сибири проживала в квартире Д.И. Менделеева в здании Двенадцати коллегий на Университетской набережной Васильевского

острова в Санкт-Петербурге. Это было в то время, когда Екатерина Ивановна Капустина (Менделеева) овдовела, а Михаил Яковлевич Капустин учился в Медико-хирургической академии, и Е.И. Капустина (Менделеева) с младшими детьми – Федором Яковле-

вичем и Надеждой Яковлевной – переехала в Петербург, где они жили в квартире Д.И. Менделеева, а сам Дмитрий Иванович оказывал им помощь. Будучи в Сибири, семья Капустиных сначала жила в Омске (где и родился Федор Яковлевич), затем переехала в Томск в связи со службой главы семейства. Примечательным фактом является то, что Федор Михайлович Достоевский, пребывая в ссылке в Омске, общался с семьей Капустиных. Во время интервью Елена Федоровна Королькова отметила: «Будучи в Омске с выставкой Эрмитажа, я посетила Омский государственный музей имени Ф.М. Достоевского и увидела на экспозиции фотографии своих предков и их родственников, поскольку Ф.М. Достоевский был с ними знаком и писал о них» [11]. Они принимали и заботились о писателе, когда он находился в ссылке в заключении. Особенное внимание ему уделяли Екатерина Ивановна Менделеева и ее семья [27. С. 497].

Елена Федоровна Королькова бережет мемориальные вещи, принадлежавшие ее предкам, сохраняя память об их деятельности. Она занимается исследованиями, пишет научные статьи и принимает участие в конференциях, повествуя о членах своей семьи (Ф.Я. Капустин, А.С. Попова (Капустина), Я.И. Смирнов и др.). Кроме того, ее регулярно приглашают различные учреждения, чтобы она выступила на тех или иных мероприятиях, среди таковых Музей-архив Д.И. Менделеева.

В семье Е.Ф. Корольковой есть различные истории, среди них примечательна следующая. По возвращении из Томска в Петербург Федор Яковлевич преподавал физику в Санкт-Петербургском университете и на Бестужевских курсах, и на одном из экзаменов девушка-курсистка вместо космической пыли сказала «косметическая пыль», на что Федор Яковлевич язвительно отреагировал: «Это что, пудра что ли?» [11].

Когда они купили усадьбу в Старом Покрове (Покровском), рядом с Бобловым, Ф.Я. Капустин решил заняться сельским хозяйством. Но ни у Д.И. Менделеева, ни у Ф.Я. Капустина этого не вышло, однако у них были земля и пропитание, которые позволили Капустиным и Менделеевым выжить в период Первой мировой войны. Примерно в 1930 г. было продано Покровское. Ф.Я. Капустин умер в 1936 г., а А.С. Капустина (Попова) – в 1941 г. [11].

На данный момент в Томске нет родственников Е.Ф. Корольковой, все они уехали еще в период жизни Ф.Я. Капустина. Могут быть лишь дальние родственники по линии Якова Семеновича Капустина, по-

скольку он был женат вторым браком на Екатерине Ивановне Капустиной (Менделеевой), а от первого брака (он овдовел), по воспоминаниям Елены Федоровны, у него было двое детей – сын и дочь, которые могли иметь потомков в Сибири, однако у Елены Федоровны с ними нет связи. А Ф.Я. Капустин, будучи по рождению сибиряком, снова попал в Сибирь по рекомендации Д.И. Менделеева, который курировал подготовку и открытие Томского университета и привлек своего племянника. Возможность попасть в Томский университет на должность профессора для Ф.Я. Капустина была перспективной, поскольку в Санкт-Петербургском университете так быстро получить эту должность у него бы не получилось. А поехав в Томск, он получил должность профессора на кафедре.

Для семьи Елены Федоровны наследие Федора Яковлевича является очень важным, она занимается изучением истории своей семьи, собирая воедино информацию о потомках. Также вместе с родственниками Е.Ф. Королькова посещала бывшее с. Покровское, где находилось поместье Ф.Я. Капустина. Семья Федора Яковлевича и Августы Степановны отличалась прочностью и единством несмотря на то, что Августа Степановна, будучи художницей, активно работала, занимаясь творческой деятельностью и выезжая на этюды, что не было обыденным для женщин в конце XIX в. В их семье взаимодействие этих аспектов осуществлялось гармонично, что позволило им прожить до старости лет в полном взаимопонимании, любви и уважении. Подобная модель отношений была характерна в целом для семей Капустиных, Менделеевых и Поповых.

Деятельность таких женщин, как А.С. Капустина (Попова) и Л.П. Базанова, в конце XIX – начале XX в. оказала серьезное влияние на Томск, ставший «Сибирскими Афинами». Они организовывали художественные выставки, привлекая к участию известных русских мастеров, выступили инициаторами создания Томского общества любителей художеств, экспонировались самостоятельно и обучали рисованию. Впоследствии Томск стал не только научно-образовательным центром в азиатской части Российской империи, но и культурным, чему способствовали жены профессоров, которые выступили трансляторами культуры.

Таким образом, представители семейств Менделеевых, Капустиных и Поповых, чьи жизни напрямую были связаны с Томском, сыграли важную роль в жизни Томской губернии. Томский университет по сей день сохраняет память о них.

Список источников

1. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. Т. 1. 514 с.
2. Фоминых С.Ф. Роль Императорского Томского университета в развитии образования и науки в Сибири (1888–1917 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2000. № 4 (20). С. 61–66.
3. Корзухина А.М. Физика в России в научно-дисциплинарном аспекте: на материале Московского и Санкт-Петербургского университетов 1860–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.10. М., 1999. 214 с.
4. Семенов О.Ю. История развития академической физики в России // Образование и воспитание. 2015. № 5 (5). С. 18–23. URL:
5. Физики о физике и физиках : сб. ст. / под. ред. И.Н. Анохиной. Томск : Изд-во НТЛ, 1998. 220 с.
6. Профессора Томского университета : биографический словарь / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та. 1996. Вып. 1: 1888–1917. 288 с.
7. Сорокин А.Н., Некрылов С.А. Первые профессора-физики и физические исследования в Императорском Томском университете в дореволюционный период // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 4 (12). С. 167–172.

8. Фадеев К.В. Культурная жизнь Томской губернии (1890-е – февраль 1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2006. 26 с.
9. Тюрина И.П. Капустина Августа Степановна (1863–1941) // Отчет Клуба краеведов «Старый Томск» за 2004 г. Томск : Том. обл. науч. б-ка им. А.С. Пушкина, 2004. С. 15–18.
10. Чежина Ю.И. А.С. Попова-Капустина: неизвестная петербургская и известная сибирская художница // Актуальные проблемы теории и истории искусства : сб. науч. ст. / под ред. А.В. Захаровой, С.В. Мальцевой. СПб. : НП-Принт, 2014. Вып. 4. С. 483–491.
11. Интервью с Е.Ф. Корольковой (июнь 2024 г.) // Архив НУИЛ «Сибирь: исторические традиции и современность».
12. 75 лет радиоастрономии в Томске // За советскую науку. 1973. 10 мая.
13. Государственный архив Томской области. Ф. 102. Оп. 9. Д. 258: Ф.Я. Капустин.
14. Начало отсчета // За советскую науку. 1978. 21 сент.
15. Протокол 151 (201) заседания Физического Отделения РФХО 25 апреля 1895 г. // Рождение радио. URL: <https://radi0.ru/ob-izobretatelyah/protokol-152-201-zasedaniya-fizicheskogo-otdeleniya-rfho-25-aprelya-1895-goda/> (дата обращения: 15.10.2024).
16. Кузнецова С.И. Первые радиотехники в Томском технологическом // Известия Томского политехнического университета. 2008. № 4. С. 115–120.
17. Радиогород // Томский вестник. 1991. 7 мая.
18. Радио и метеорология // Alma Mater. 1995. 5 мая.
19. Капустин Ф.Я. Некоторые сведения о климате г. Томска : из серии публичных лекций, организованных Томским отделом Императорского Московского общества сельского хозяйства в осеннем полугодии 1897 года. Томск : Типолит. М.Н. Кононова и И.Ф. Скулимовского, 1898. 9 с.
20. Томская хроника // Сибирская жизнь. 1903. 21 янв.
21. Выставка картин // Сибирская жизнь. 1898. 5 апр.
22. Дмитриенко Н.М., Голев И.А. Томск. Потанин : экскурсионный маршрут. Томск : Изд-во Том. ун-та. 2020. 126 с.
23. Королькова Е.Ф. «Фактопеклонник» Яков Иванович Смирнов: антиковед, византист, археолог // Труды Государственного Эрмитажа. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2016. Т. 80: Белградский сборник : к XXIII Международному конгрессу византистов, Белград, Сербия, 22–27 августа 2016 г. С. 292–310.
24. Блок А.А. Дневник 1918 г. 30 авг. URL: <http://blok.lit-info.ru/blok/dnevnik/dnevnik-1918.htm>
25. Софронов В.Ю. Семья Менделеевых: новые факты и даты // Краеведческая конференция «Наше наследие». 2023. URL: <http://zkm-nasledie.ru/blog-nashe-nasledie/2940-semya-mendeleevykh-novye-fakty-i-daty.html> (дата обращения: 23.12.2024).
26. Софронов В.Ю. Хроника семьи Менделеевых на основе семейной переписки и архивных документов // Национальные приоритеты России. 2020. № 1 (36). С. 8–18.
27. Вибс П.П. Капустин Яков Семенович // Энциклопедия города Омска : в 3 т. / под ред. И.А. Кольца, Г.А. Павлова, А.П. Толочко. Омск : Издатель-Полиграфист, 2011. Т. 3: Омск в лицах; кн. 1: А–К. 690 с.

References

1. Nekrylov, S.A. (2010) *Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870-kh gg. – 1919 g.)* [Tomsk University – the first scientific center in the Asian part of Russia (mid 1870s – 1919)]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
2. Fominykh, S.F. (2000) *Roľ Imperatorskogo Tomskogo universiteta v razvitii obrazovaniya i nauki v Sibiri (1888–1917 gg.)* [The role of the Imperial Tomsk University in the development of education and science in Siberia (1888–1917)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4(20). pp. 61–66.
3. Korzukhina, A.M. (1999) *Fizika v Rossii v nauchno-distiplinarnom aspekte: na materiale Moskovskogo i Sankt-Peterburgskogo universitetov 1860–1917 gg.* [Physics in Russia in the scientific-disciplinary aspect: On the material of the Moscow and St. Petersburg Universities 1860–1917]. History Cand. Diss. Moscow.
4. Semenov, O.Yu. (2015) *Istoriya razvitiya akademicheskoy fiziki v Rossii* [History of the development of academic physics in Russia]. *Obrazovanie i vospitanie*. 5(5). pp. 18–23.
5. Anokhina, I.N. (ed.) (1998) *Fiziki o fizike i fizikakh* [Physicists about Physics and Physicists]. Tomsk: NTL.
6. Fominykh, S.F. (ed.) (1996) *Professora Tomskogo universiteta : biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University. Biographical Dictionary]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
7. Sorokin, A.N. & Nekrylov, S.A. (2010) *Pervyye professora-fiziki i fizicheskie issledovaniya v Imperatorskom Tomskom universitete v dorevolutsionnyy period* [The first professors of physics and physical research at the Imperial Tomsk University in the pre-revolutionary period]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. *Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4(12). pp. 167–172.
8. Fadeev, K.V. (2006) *Kul'turnaya zhizn' Tomskoy gubernii (1890-e – fevral' 1917 gg.)* [The cultural life of the Tomsk province (1890s – February 1917)]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
9. Tyurina, I.P. (2004) *Kapustina Augusta Stepanovna (1863–1941)*. In: *Otchet Kluba kraevedov "Staryy Tomsk" za 2004 g.* [Report of the Club of Local Historians «Old Tomsk» for 2004]. Tomsk: Tomsk A.S. Pushkin Regional Research Library. pp. 15–18.
10. Chezhina, Yu.I. (2014) A.S. Popova-Kapustina: neizvestnaya peterburgskaya i izvestnaya sibirskaya khudozhnitsa [A.S. Popova-Kapustina: an unknown St. Petersburg and famous Siberian artist]. In: Zakharova, A.V. & Maltseva, S.V. (eds) *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva* [Topical problems of theory and history of art]. Vol. 4. St. Petersburg: NP-Print. pp. 483–491.
11. Korolkova, E.F. (2024) *Interv'yu* [Interview]. June 2024. The Archive of the National Research Institute “Siberia: Historical Traditions and Modernity.”
12. *Za sovetскую nauku*. (1973) 75 let radioastronomii v Tomске [75 years of radio astronomy in Tomsk]. 10th May.
13. The State Archive of the Tomsk Region. *F.Y. Kapustin*. Fund 102. List 9. File 258.
14. *Za sovetскую nauku*. (1978) Nachalo otscheta [The beginning of the countdown]. 21st September.
15. The RFHO Physics Department. (1895) *Protokol 151 (201) zasedaniya Fizicheskogo Otdeleniya RFKhO 25 aprelya 1895 g.* [Minutes 151 (201) of the meeting of the RFHO Physical Department on April 25, 1895]. [Online] Available from: <https://radi0.ru/ob-izobretatelyah/protokol-152-201-zasedaniya-fizicheskogo-otdeleniya-rfho-25-aprelya-1895-goda/> (Accessed: 15th October 2024).
16. Kuznetsova, S.I. (2008) *Pervyye radiotekhniki v Tomskom tekhnologicheskoy universitete* [The first radio engineers at Tomsk Technological University]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. 4. pp. 115–120.
17. *Tomskiy vestnik*. (1991) Radiogorod [Radiocity]. 7th May.
18. *Alma Mater*. (1995) Radio i meteorologiya [Radio and meteorology]. 5th May.
19. Kapustin, F.Ya. (1898) *Nekotorye svedeniya o klimate g. Tomska: iz serii publichnykh lektsiy, organizovannykh Tomskim otdelom Imperatorskogo Moskovskogo obshchestva sel'skogo khozyaystva v osennem polugodii 1897 goda* [Some information about the climate of Tomsk: From a series of public lectures organized by the Tomsk Department of the Imperial Moscow Society of Agriculture in the autumn half of 1897]. Tomsk: [s.n.].
20. *Sibirskaya zhizn'*. (1903) Tomskaya khronika [Tomsk Chronicle]. 21st January.
21. *Sibirskaya zhizn'*. (1898) Vystavka kartin [Exhibition of paintings]. 5th April.
22. Dmitrienko, N.M. & Golev, I.A. (2020) *Tomsk. Potanin: ekskursionnyy marshrut* [Tomsk. Potanin: An excursion route]. Tomsk: Tomsk State University.

23. Korolkova, E.F. (2016) “Faktopoklonnik” Yakov Ivanovich Smirnov: antikoved, vizantinist, arkeolog [“Fact-worshipper” Yakov Ivanovich Smirnov: antiquarian, Byzantine, archaeologist]. In: *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. Vol. 80. St. Petersburg: The Hermitage Museum. pp. 292–310.
24. Blok, A.A. (1918) *Dnevnik 1918 g.* [The Diary]. 30th August. [Online] Available from: <http://blok.lit-info.ru/blok/dnevnik/dnevnik-1918.htm>
25. Sofronov, V.Y. (2023) Sem'ya Mendelevykh: novye fakty i daty [The Mendeleev family: new facts and dates]. *Nashe nasledie* [Our Heritage]. Local History Conference. [Online] Available from: <http://zkm-nasledie.ru/blog-nashe-nasledie/2940-semya-mendelevykh-novye-fakty-i-daty.html> (Accessed: 23rd December 2024).
26. Sofronov, V.Y. (2020) Khronika sem'i Mendelevykh na osnove semeynoy perepiski i arkhivnykh dokumentov [Chronicle of the Mendeleev family based on family correspondence and archival documents]. *Natsional'nye priority Rossii*. 1(36). pp. 8–18.
27. Vibe, P.P. (2011) Kapustin Yakov Semenovich. In: Koltso, I.A., Pavlov, G.A. & Tolochko, A.P. (eds) *Entsiklopediya goroda Omska* [Encyclopedia of the City of Omsk]. Vol. 3. Omsk: Poligraf.

Сведения об авторе:

Геворкян Ануш Артаваздовна – магистрант факультета исторических и политических наук, младший научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: anushgevorgyan71@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Gevorkyan Anush A. – Master's Student, Junior Research Fellow, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: anushgevorgyan71@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.12.2024; принята к публикации 15.05.2025

The article was submitted 28.12.2024; accepted for publication 15.05.2025

Научная статья
УДК 94(47)
doi: 10.17223/19988613/95/5

Лашманы и изменения в структуре ведомственного управления во второй четверти XIX в.

Юлия Николаевна Красникова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, julia2404@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена малоизученной теме – передаче лашманов, занимавшихся заготовкой леса для нужд российского флота, из ведения государственного ведомства под управление Департамента уделов. Во второй четверти XIX в. произошел обмен территориями между государством и Департаментом уделов. При обмене были преданы не только недвижимые имущества, но и проживавшие на этих землях крестьяне, лашманы, однодворцы и пахотные солдаты. Изменение юридической принадлежности привело и к изменениям в структуре ведомственного управления. Существенные изменения коснулись хозяйства и быта лашманов.

Ключевые слова: лашманы, Департамент уделов, Российская империя, первая половина XIX в.

Для цитирования: Красникова Ю.Н. Лашманы и изменения в структуре ведомственного управления во второй четверти XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 95. С. 34–41. doi: 10.17223/19988613/95/5

Original article

Lashmans and changes in the structure of Departmental management in the second quarter of the 19th century

Yulia N. Krasnikova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, julia2404@mail.ru

Abstract. The article deals with a poorly studied topic of the Lashmans transferring from the State Department competence under the Appanage Department management; Lashmans are a special social group of the population engaged in logging for the Russian fleet needs. The research is based mainly on archival sources stored in the Russian State Historical Archive Fund of the Appanage Department (f. 515). Many sources are introduced into scientific circulation for the first time. In the second quarter of the 19th century the Imperial Court Ministry initiated territorial exchange between the Government and the Appanage Department for more compact concentration and administrative activities convenience. Such exchange was supposed to reduce the costs of Appanages properties managing that belonged to the members of the Imperial Family on the rights of conditional ownership. Many researchers consider that such exchange was beneficial to the Appanage Department, but it was unprofitable for the Government. During the territorial exchange not only real estate was transferred, but also peasants, lashmans, *odnodvortsy* and plowed soldiers living on these lands. The change in legal affiliation has brought to changes in the department management structure. The Lashmans have become the object of our research. Thus, the possibility of Lashmans transferring to appanage peasants was discussed. As a result, it was decided to preserve their social status. Formally they were under the control of the Appanage Department, but at the same time they carried out their duty to supply timber for the fleet needs. The Appanage authorities themselves paid the incomes and taxes for Lashmans to the treasury. Significant changes have touched the economy and life of Lashmans. Firstly, they were obliged, like the rest of the peasants, to start a public plow to fill bread shops, and that caused an intense protest. Secondly, the control over the forests was established. The Lashmans understood the use of forests quite freely, that's why they gradually cut them down for personal needs. The Appanage Department counted all the woodlands and put them on the Department balance. Now the Lashmans could not use the forest uncontrollably, as it was in the opinion of the local authorities before that. Thirdly, the vast majority of Lashmans were Muslims. Provokers appeared among them. They spread rumors and written documents about the forcible Lashman transferring to Orthodoxy and the prohibition of polygamy. All these reasons led to thousands of protests, which were stopped only with the help of military teams.

Keywords: Lashmans, Appanage Department, the Russian Empire, 19th century

For citation: Krasnikova, Y.N. (2025) Lashmans and changes in the structure of Departmental management in the second quarter of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 95. pp. 34–41. doi: 10.17223/19988613/95/5

Во второй четверти XIX в. был произведен обмен землями и находившимися на них крестьянами между государством и удельным ведомством. Департамент уделов сосредоточил свои имения более компактно для лучшего и более эффективного управления. Территориальная сосредоточенность владений позволяла сэкономить средства на содержание аппарата управления. Уделы при обмене передавали государству перенаселенные и выпаханные земли центральных, западных и южных районов, а получали не только большую земельную площадь, но и земли лучшего качества в дополнение «к богатым источникам промыслового дохода» [1. С. 205]. В результате этого обмена Департамент уделов также получал лесные угодья, в том числе и корабельные рощи, где несли свою повинность лашманы. Лашманами принято называть податную категорию лиц, обязанных в порядке государственной повинности заготавливать и вывозить на пристани корабельный лес и выполнять другие подобные работы для строительства российского флота.

Целью исследования является рассмотрение вопроса о передаче лашманов в управление Департамента уделов. Задачи исследования: проследить изменения в правовом положении лашманов после передачи их в уделы, определить политику удельных властей в их отношении, изучить причины протеста лашманов.

Историография изучения социальной группы лашманов достаточно скудна. В основном они рассматриваются в работах, посвященных судостроению в Российской империи, где в большинстве случаев изучение лашманства носит фрагментарный характер. В историографии есть немного работ, которые подробно рассматривают основные этапы развития лашманства. В исследовании И.З. Файзрахманова содержится много ценного статистического материала по истории лашманов. Автор подробно описывает тяжесть труда, сложности по доставке леса. Он приходит к выводу, что «правительственные меры, направленные на улучшение положения лашманов (повышение заработной платы, определение сроков лесозаготовок, освобождение от рекрутской повинности и т.д.), способствовали тому, чтобы поволжский лес по-прежнему исправно доставлялся до своего главного места назначения – в Санкт-Петербург на постройку кораблей Балтийского флота» [2. С. 373]. В статье И.А. Гафарова утверждается, что лашманство было одной из труднейших повинностей того времени. Автор на примере материалов судебного процесса в Буинском уездном суде показывает, что чиновники, пользуясь плохим знанием татарами русского языка, старались всячески обманывать их [3. С. 51]. В статье В.А. Кузнецова проведен краткий обзор возникновения, становления и функционирования образованного государством сословия лашманов, ядром которого были служилые татары. Автор отмечает уникальность сословия, существовавшего почти полтора века только на территории поволжских губерний [4]. В исследовании Н.М. Дружинина уделено достаточно внимания рассмотрению отношения государственных крестьян, которые были определены к передаче в уделы, в том числе и лашманов. На основании архивных источников Н.М. Дружинин

пришел к выводу, что многие государственные крестьяне не хотели обмена и выступали против него. Причинами их недовольства автор считал усиление эксплуатации после передачи их в удельное ведомство. Ему удалось детально рассмотреть и проанализировать отношение лашманов к обмену [1. С. 207, 220–224].

Источниковой базой данного исследования стали архивные документы официального происхождения. В статье использованы архивные источники Российского государственного исторического архива, фонда Департамента уделов (Ф. 515). Нами были использованы распоряжения по ведомству, отчеты официальных лиц, данные ревизий. В фонде Непременного (Государственного) Совета (Ф. 1147) нами были использованы протоколы чрезвычайных собраний Совета, особые мнения отдельных его членов о преобразовании Департамента уделов. Для написания статьи использовались также документы Государственного архива Псковской области, фонда Псковской удельной канторы (Ф. 40). Кантора была расформирована в результате обмена между государственным и удельным ведомствами. Многие документы впервые вводятся в научный оборот.

Во второй четверти XIX в. удельное ведомство значительно расширило свои территории путем обмена государственных и удельных имений и территорий. Интересно, что проект схожего размена с казной был предложен еще министром уделов Н.Б. Юсуповым в докладной записке от 30 декабря 1801 г. [5. Л. 88–109]. Но политическая ситуация начала XIX в. отложила реализацию плана более чем на четверть века. Департаментом предлагалась безвозмездная передача территорий в состав уделов, но после переговоров с Министерством финансов договорились о «промене» государственных и удельных имений. Идея была озвучена вице-президентом Департамента уделов в 1829 г. А с 1830 г., с Высочайшего разрешения, началась активная переписка между министерствами. Основные территории, которые готовились к передаче, располагались в Симбирской губернии. Недостающую землю казна была обязана отвести в многоземельной Оренбургской губернии. В свою очередь, уделы передали казне крестьян в Пензенской, Тамбовской, Воронежской, Харьковской, Екатеринославской, Таврической, Курской, Полтавской, Черниговской, Смоленской, Могилевской, Витебской, Псковской, Тульской, Калужской, Рязанской, Ярославской губерниях. Также для казенного управления передавались крестьяне и Санкт-Петербургского отделения. Однако Выборгское и Красносельское удельные имения, входившие в него, остались в ведении Департамента [6. Д. 43. Л. 11–12 об.]. Красное Село было решено оставить в связи с тем, что эти земли и деревни были приобретены для матери Николая Марии Федоровны и в изучаемый нами период активно использовались для военных маневров [6. Д. 41. Л. 93–94].

Казалось, это был более или менее равноценный обмен. Но на самом деле он решал преимущественно проблемы Департамента уделов, но не государственной казны. Такая политика позволила сосредоточить четвертую часть до этого разбросанных по стране

удельных имений, локализовав их в одном месте. Это удешевляло хозяйственное управление имениями. Более того, из архивных документов следует, что в основном к обмену из состава удельных предназначались малоокладные и малоэффективные, по мнению самого ведомства, деревни и крестьяне. За некоторыми территориями, которые передавались казне, к тому же числились большие недоимки, как, например, за Псковским удельным имением. На крестьянах, переданных в казенное ведомство, числилось 3 594 037 руб. асс. 72 коп. недоимок, которые резолюцией императора в 1837 г. были сложены [6. Д. 45. Л. 191–192 об.]. Хотя, согласно документам, с 1834 г. Псковскому удельному имению, для выправления тяжелой экономической ситуации, начали безвозмездно передавать казенные леса [7]. В итоге Департаменту уделов было проще отказаться от земли в Псковской губернии, и они сделали это спешно, не завершив даже процесса передачи лесов.

Исходя из вышесказанного, видно, что равноценного обмена не получилось. Сделка была выгодна исключительно уделам и проходила по их инициативе. Если ежегодный доход ведомства в 1835 г., накануне обмена, составлял 5 847 064 руб. асс., то в 1838 г. – 7 446 446 руб. асс. В целом доходность уделов в этот период увеличилась более чем на 20%, а общая капитализация всего удельного имущества к 1839 г. оценивалось самим ведомством в 50 008 038 руб. асс. [6. Д. 42. Л. 160–161; Д. 46. Л. 126; Д. 47. Л. 26–70.]. По мнению целого ряда исследователей, такой обмен был больше похож на «практически безвозмездную передачу государственных земель и крестьян» [8. С. 6.]. Имущества удельных контор, вышедших из состава уделов, согласно условиям 1836 г., в скором порядке распродавались, зачастую даже ниже стоимости покупки. В 1837 г. дома Пензенской, Псковской, Смоленской удельных контор, которые были собственностью ведомства, были проданы министерству финансов за 49 900 руб. при цене покупки 76 047 руб. [6. Д. 45. Л. 14–14 об.]. Прибыль от поступающих земель все равно была выше.

Министр финансов Е.Ф. Канкрин пытался возражать против дополнительного отвода земли в Оренбургской губернии, которая служила резервом переселения государственных крестьян, но министр императорского двора П.М. Волконский заручился поддержкой Николая I, и обмен состоялся. Общее количество губерний, где находились удельные имения, уменьшилось с 36 до 14. Такое компактное сосредоточение, в свою очередь, положительно сказалось на эффективности управления имениями [6. Д. 45. Л. 108–108 об.].

При передаче государственного имущества в уделы были переданы не только крестьяне, но и лашманы, однодворцы и пахотные солдаты. Формально они не должны были передаваться в удельное ведомство. Но для единообразного управления переданными территориями было решено определить эти категории населения в административное управление удельным конторам. «Те крестьяне, которые не подлежат к передаче в удел, для единообразия по всей губернии управления, оставить и их в заведовании удельного начальства, полученные доходы с них вносить в казну» [1. С. 221]. Они продолжали выполнять свою повинность по по-

ставке леса на нужды флота, но административное управление переходило к Департаменту уделов. Доходы и подати за них удельные власти вносили в казну сами.

Лашманами принято называть податную категорию лиц, обязанных в порядке государственной повинности заготавливать и вывозить на пристани корабельный лес и выполнять другие подобные работы для строительства российского флота. «Таким образом, многие работники, выполнявшие аналогичные работы наймом, в эту категорию не входили» [2. С. 373]. До передачи в уделы лашманы находились под контролем Департамента корабельных лесов, который, в свою очередь, с 1828 г. подчинялся Морскому министерству. По «Положению о лашманах», изданному 22 августа 1817 г., было образовано правление низового округа корабельных лесов. Низшей инстанцией местного управления являлась вновь учрежденная лашманская волость. Сельский староста и волостной старшина отвечали за поставку каждого работника «в срок и в исправности» [4. С. 155].

Первоначально в лашманы определяли иноверцев. Но те из них, кто принимал христианство, освобождались от повинности. «Потому что после выхода Сенатского указа, повелевшего освобождать от лашманской повинности иноверцев, принявших православную веру, нерусские лесорубы предпочли принять христианство, получив за это не только освобождение от лашманского тягла, но и другие льготы». Поэтому после 40–50-х гг. XVIII в. лашманы состояли практически из одних татар, которые в подавляющем большинстве остались верны исламу [3. С. 53]. На территории Симбирской губернии, которая и войдет в состав уделов, лашманы состояли в основном из татар, но встречались среди них и русские, и чуваша. К середине XIX в. лашманы «встречались только в Буинском, Курмышском и Симбирском уездах и по управлению составляли особенные лашманские приказы» [4. С. 158]. В целом лашманы представляли собой достаточно однородный этнический и конфессиональный состав. Они старались селиться вместе с единоверцами, создавая целые поселения. Особая внутренняя атмосфера внутри таких общин способствовала формированию определенного сепаратизма, особенно после выстраивания внутренней политики в рамках Теории официальной народности. Это, в частности, отразилось уровне протеста против перехода в уделы.

Обмен имуществом между уделами и государством был разбит на этапы. Начало ему было положено еще в 1830 г. Обмениваемые территории поступали в управление уделов со всеми землями, лесами, оброчными статьями и прочими угодьями. Для этого надо было составить описи передаваемого имущества и крестьянства, что заняло достаточно много времени. Леса были приняты в удельное ведомство на основании указа 15 марта 1832 г. [6. Д. 41. Л. 22–56]. Особо оговаривалось, что если в числе лесов окажутся корабельные, «то с ними поступать по силе указа 1808 г., те заклеивив деревья и учинив им надлежащие описи, отдать их под надзор удельного начальства» [6. Д. 38. Л. 19–23 об.]. Вместе с корабельными лесами передавались и лашманы.

В 1834 г. в уделы было принято 27 787 душ лашманов, лесов 1 137 312 десятин. В 1838 г. лашманов в Симбирской губернии в удельных имениях числилось 27 871 мужского и 29 150 женского пола, а в 1842 г. 37 581 и 40 011 соответственно. Всего удельных крестьян на 1842 г. числилось 1 454 964 душ обоего пола. То есть количество включенных в состав удельных крестьян лашманов составляло около 18% душ обоего пола к общему числу удельных крестьян [6. Д. 46. Л. 25–41; Д. 51. Л. 13]. Если обратиться к «Положению о лашманах», изданному в 1817 г., их численность сократилась и составляла в среднем приписанными к адмиралтейству 120 тыс. душ [4. С. 155]. Соответственно, в уделы было передано чуть больше 3% от общего числа лашманов.

Конечно, возникала идея о переводе лашманов в состояние удельных крестьян. Разговоры об этом лашманы восприняли с недовольством. Одни из них собрали значительную сумму в пользу своего поверенного и отправили его ходатайствовать в управление низовой округи о неисклучении их из числа лашманов. Лашманы Симбирской губернии обратились к императору лично с просьбой оставить их «по-прежнему в звании лашман». Согласно резолюции императора, было решено 11 361 душу, числящихся в Симбирской губернии, оставить «в своем положении» [6. Д. 45. Л. 150–151 об.]. Позже было принято общее решение: лашманов оставить в их состоянии. При этом удельные власти брали на себя обязательство вносить доходы с них в уездное казначейство [6. Д. 42. Л. 141–144]. Вице-президент Департамента уделов при объезде полученных имений в отчете отмечал, что «на одной сходке крестьяне хоть и не жаловались, но сожалели о прежнем своеволии». На предложение «хотят ли они перейти снова в казенное ведомство, но с тем, чтобы леса остались в ведении удельном, они отвечали, что желают быть там, где лесные угодья» [6. Д. 45. Л. 112–131]. Во время ревизии трех приказов Симбирской губернии в официальных делопроизводственных документах был воспроизведен диалог между лашманами: «Нельзя ли оставить нас в лашманах и не передавать в удел? Удельные крестьяне ставят рекрут, а лашманы от этой повинности избавлены». – «Вы не можете оставаться лашманами, потому что указ об этом уже подписан Государем, а если хотите, то можно перечислить вас в казенные крестьяне». – «Да какая нам от этого будет польза?» [6. Д. 45. Л. 112–131]. Удельное крестьянство воспринималось лашманами как частновладельческое, что в их представлении могло принести сплошные ограничения в их уже сложившемся укладе. Отношение населения передаваемых территории к удельным властям нашло отражение в анекдоте, который также приведен в официальном отчете: «Проезжий чиновник из Саратова встретил человек пять крестьян на дороге и просил их помочь ему перебраться чрез овраг с своим экипажем. Мужики между собою переговаривали и потом спросили его: не удельный ли он? Но чиновник, по вопросу их догадавшись, должен был клятвою удостоверить их, что он не удельный, и тогда только получил просимую им помощь» [6. Д. 45. Л. 135–145].

При передаче посчитали хлебные запасы лашманов, пахотных солдат и ямщиков Симбирской губернии. Учет запасов вели отдельно и не включали в общий удельный запас хлеба [6. Д. 46. Л. 25–41]. Оказалось, что хлебные магазины были практически пусты. В уделах практиковался сбор хлеба в запасные магазины с общественной запашки, которая была введена с 1827 г. Особенностью процесса организации общественной запашки стало то, что была произведена замена денежных выплат крестьянами для приобретения и хранения запасов хлеба на отработочную систему, с точки зрения чиновников, наиболее стабильную и давно зарекомендовавшую себя форму надежного пополнения запасных магазинов. Лашманы в Симбирской губернии также организовали общественную запашку по правилам Департамента уделов. Под нее удельные власти разрешили отвести только третью часть положенной по положению земли, чтобы не вызывать недовольства. Но такого объема земли общественной запашки не хватало для наполнения запасных магазинов, особенно в неурожайный год. В 1839 г. было решено расширить удельную запашку до норм по удельному ведомству. В резолюции Николая Павловича написано: «...исполнить, но со внушением, для чего это делается» [6. Д. 47. Л. 145–146]. Интересно, что при строительстве запасных магазинов, которые должны были возводиться по образцовым чертежам, мусульманское население увидело, что нарисованные перекладины и стойки в поперечном разрезе чертежа амбара образуют форму креста. Пошли слухи, что их обманывают, и на самом деле они строят не запасные магазины, а христианские храмы, что вызвало очередное недовольство [1. С. 235]. Недовольство лашманов после передачи их в уделы касалось не только изменения их быта и появления новых обязанностей, но и приобретало конфессиональные черты, в некоторых случаях лашманы подстрекались духовными лидерами.

В первой трети XIX в. леса не являлись доходной частью удельного бюджета, а больше использовались для удовлетворения повседневных нужд крестьян. Лесной капитал впервые появился в удельном бюджете в конце 30-х гг. XIX в., после их передачи из казенного управления в распоряжение ведомства [9. С. 26]. И эта сфера крестьянского права практически сразу была подвергнута регламентации. Для контроля над несанкционированной вырубкой Положением 1808 г. вводилась должность лесовщика, который выбирался из крестьян. Рубка леса разрешалась только по специальным билетам, которые выдавал управляющий конторой. Ответственность за несанкционированную вырубку леса, в случае если виновник оставался неизвестным, накладывалась на ближайшее селение, что, по мнению чиновников, должно было повысить контроль со стороны местного населения [10]. Несмотря на это, незаконные вырубки продолжались, и это привело к ужесточению наказания. Так, 13 удельных крестьян было решено отправить в Сибирь за порубку на сумму, превышающую 100 руб. [6. Д. 21. Л. 62–63]. При передаче лесов в уделы поступили лица, которые исполняли обязанности лесных чиновников и объездчиков. В их обязанности входило смотреть за лесами

совместно с лесным отделением казенной палаты. Только в Симбирской губернии им надо было платить жалование в размере 26 600 руб. Удельные чиновники предложили перенести на поступившие в уделы леса уже сложившуюся практику. Предлагалось прежние должности упразднить, чиновников уволить с выплатой годового оклада. Надзором же должны были заниматься лесные сторожа, которые избирались из крестьян сельскими приказами [6. Д. 43. Л. 6–7].

Казенные палаты с неохотой передавали уделам леса. На 1835 г. «значительная часть их в удел не поступила по разным затруднениям, возникшим при переписке с местными казенными палатами». Уделы не могли оценить их доходность, так как местные чиновники не предоставляли сведения. Казенные палаты отписывались удельным конторам, что «доходов сего рода получасемо не было», хотя никоим образом нельзя согласиться, чтобы столь значительное количество лесов не приносило казне дохода [6. Д. 43. Л. 11–12 об.]. Нежелание передавать леса, по мнению вице-президента Департамента уделов Л.А. Перовского, было вызвано тем, что «в прежнее управление кто хотел пользоваться лесами, тот и пользовался, главное было найти подход к лесничему. Когда незаконные рубки были прекращены, вся губерния вопияла, как будто ее лишили законного права на собственность. Даже губернское начальство просило разрешения о беспрепятственном пользовании лесом» [6. Д. 45. Л. 112–131]. При приеме лесных угодий выяснилось, что строевой лес был переведен в дровяной, а он, в свою очередь, – в кустарник, что позволяло по небольшой цене выкупать хороший лес заинтересованным лицам. Так, в одном селении, где крестьяне не принесли ни одной жалобы на притеснения, один из них сказал: «Хотя теперь нам и не худо, но прежде было еще лучше». – «Почему?». – «Вот почему: придет, бывало, время платить подати, поедешь в лес, да нарубишь воз дров, или взвалишь бревно, оттуда в город на базар – вот и деньги. Только разве кто не в меру много станет рубить казенного леса, тот попадется, да и тут из беды можно выйти: стоит поклониться лесничему, или Заседателю, который придет для следствия. – Теперь дело другое: сам приказ должен сохранять лес, не смей никто рубить, да и только, работай поле, да продавай хлеб, а хлеб ни по чем. Нельзя ли, батюшка, позволить нам рубить лес по-прежнему?» [6. Д. 45. Л. 112–131]. Запрет свободного пользования лесами крестьяне воспринимали как ограничение их свободы и лишение их возможности подработать. А таких селений, где крестьяне жили за счет казенных лесов, в Симбирской губернии было весьма много.

На случай пожара в удельном ведомстве были предусмотрены пособия крестьянам. Им выдавалось по 50 руб. на каждое семейство или с возвратом в удельный бюджет, или без возврата. Соответствующее решение принималось удельными властями в каждом случае индивидуально. В отношении лашманов пришлось принимать отдельный локальный нормативный акт. В нем оговаривалось, что пособие погорельцам из состава лашманов может быть выдано из штрафного капитала только с возвратом всей суммы «на

счет общественных капиталов тех поселян» [6. Д. 46. Л. 84–86].

В целом лашманы характеризовались удельными властями как «класс народа, довольно буйный» [6. Д. 45. Л. 112–131]. Удельные власти ожидали волнений при оглашении указа о передаче Симбирских земель и лесов в уделы. В помощь удельным властям был командирован военным министром полковник Протасов. Управляющим конторами было дано распоряжение в случае необходимости просить помощи у военного губернатора в присылке военных команд. Николай I в своей резолюции дописал, чтобы Протасов в каждом случае неповиновения лично присутствовал вместе с военной командой [6. Д. 44. Л. 18–18 об.]. Перед объявлением крестьянам и лашманам о переходе в уделы местные чиновники в качестве превентивной меры ездили по селениям и разъясняли. Те из них, кто добился успеха, и передача в уделы прошла спокойно, позже были награждены подарками на сумму 1 200 руб. [6. Д. 43. Л. 7]. Но в целом бывшие государственные крестьяне были возмущены переводом их в уделы. Так, лашманам показалось, что удельное начальство хочет подчинить себе их не только в хозяйственном плане, но и в бытовом. «Их принуждали вводить общественную запашку, пытались ликвидировать среди них многоженство, старались уравнивать их положение с жизнью удельных крестьян» [1. С. 221]. Многие считали, что они могут потерять с переходом в уделы свое право собственности на купчие земли. Это выливалось в массовые волнения среди лашманов. Так, в 1836 г. в с. Бездна Буинского уезда Симбирской губернии несколько десятков тысяч бунтующих оказали сопротивление удельным властям. Все это подогревалось слухами о том, что мусульман насильно будут обращать в христианство [1. С. 222].

Основой формой протеста стал отказ выделять и запашивать общественную запашку. Так, на слова гражданского губернатора, что запашка – воля закона и императора, а не удельных властей, «...ответом был общий крик, из которого можно было отличить только слова “Хоть всех нас убейте, пахать не станем и земли не дадим”». По мнению чиновников, зачинщиками волнений в ряде селений были поверенные от крестьянского общества, которые подавали жалобы, в том числе и императору. В Симбирской губернии таких поверенных называли «коштан» (т.е. живущий на кошт мирского общества). По мнению удельных властей, «эти вредные люди в прежнее время беспрестанно таскались по судам, вовлекали крестьян в несправедливые тяжбы, всегда готовы были писать не дельные просьбы, а между тем собирали с них на расходы в судебных местах иногда весьма значительные суммы». Крестьяне уважали поверенных, они часто выступали неформальными лидерами в общине или просто были более компетентными. В с. Горемыкине было шесть коштанов, трое из них были признаны главными возмутителями и отданы в солдаты, остальные определены в смиренный дом. Им вменялось в вину, что после уже наказания виновных они собрали деньги с общины и отправились в город, чтобы ходатайствовать за преступников [6. Д. 45. Л. 112–131].

В 1836 г. в с. Бездна Буинского уезда началось многотысячное восстание. Когда в деревню приехало удельное начальство, крестьяне заперли их в избе и поставили караул. Привести в покой лашманов попытался подполковник жандармерии Стогов, но сделал он это весьма специфично. Он «объявил себя единственным начальником и покровителем симбирских лашманов, предложил им избрать депутатов, торжественно принимал их у себя в городе в ярком цветном халате, разбирал судебные споры» [1. С. 222]. Сам Стогов в Департамент уделов отписывался, что крестьяне весьма огорчены поступками с ними удельных чиновников, «но, страшась мщения, опасаются высказывать свои чувства; что крестьяне говорили единогласно, что лучше бы желали быть господскими, чем удельными, потому что господские имеют суд и у них есть кому жаловаться; а они, когда обижены Головою или чиновниками, то, придя в удельную контору, жалобы от них не принимают и приказывают подать в Приказ; в Приказе также не принимают их жалоб, — остается терпеть и не возбуждать мщения Головы, на которого жаловаться решительно некому, что дерзкие и лихоимственные поступки Головы остаются ненаказанными от того, что они платят дань удельному начальству, собирая сами с крестьян; что крестьяне жалуются на непомерные тягости от податей и разных денежных сборов и что они уже продали по лошади и по две, а прежде считали себя богачей; что с переименованием их в удельные они приходят в отчаяние, думая о будущем». Стогов добавил, что после раздольной жизни крестьян в казенном ведомстве новое состояние кажется им более тяжелым. И что «даже самое наименование удельных для крестьян антипатически ненавистно». По его мнению, чтобы навести порядок, «необходимо хотя бы два года поставить в Симбирскую губернию дивизию войск». Ведь неповиновения крестьян при переходе в удельные перекидываются из селения в селение, и наказание крестьян в других имениях не оказывает никакого эффекта, «что доказывает ожесточение крестьян против удельного управления» [6. Д. 45. Л. 135–145].

Удельные власти увидели в действиях Стогова умысел и нежелание успокоить бунтовщиков. Поэтому управляющий удельной конторой А.В. Бестужев отправился в Петербург с докладом вице-президенту Департамента уделов Л.А. Перовскому. Для более решительных мер из Петербурга был отправлен в Симбирск генерал-адъютант князь А.Я. Лобанов-Ростовцев, доверенное лицо императора Николая I. В удельные селения были введены военные команды. Были даны конкретные инструкции в отношении зачинщиков, виновных в беспорядках: наказывать отдачей в рекруты, а в случае неспособности на службу передать на поселение, остальных виновных наказывать плетью [6. Д. 43. Л. 93]. В результате расследования были выявлены 17 человек, признанных главными зачинщиками. Первоначально наказание определяло 13 человек отправить в рекруты, четверых, неспособных по возрасту, — на поселение в Сибирь, 55 человек наказали розгами, 8 человек, имеющих преклонные года, отправили для исправления в смиренный дом. Кроме того, удель-

ная контора должна была собрать и уничтожить приказы о запрещении многоженства, которые распространялись бунтовщиками. Император уточнил приговор своей резолюцией: рекрут отправить в полицию Финляндии, неспособных по летам оставить на поселении в Сибири, 55 человек, определенных к наказанию розгами, «не наказывать, а объявить, что милостью Его Величества извывается от наказания освободить, но с тем, что они никогда больше не будут выступать против начальства». Восемь человек отправить в смиренный дом на 1 месяц [6. Д. 43. Л. 93–93 об.]. Смягчение наказания должно было еще раз показать покровительство императора крестьянам. Но это имело и обратный эффект: такие решения позволяли крестьянам в очередной раз удостовериться в недоброжелательном отношении к ним удельных чиновников.

Похожие выступления прошли и в других селениях, где скученно проживали лашманы. Губернатор снова стал их убеждать, но крестьяне, «стоя на коленях, повторяли тоже, что лучше умрут, чем согласятся». Так как бунтовщики все равно упорствовали, была вызвана команда из 150 человек гарнизонного батальона и 25 жандармов. «16 числа в 7 часов утра я велел поставить команду в две шеренги по одну сторону улицы, по другую поставить взятых из околных помещичьих селений понятых, а к приготовленному арестантскому двору сверх караула из гарнизонного батальона нарядить пришедших с понятыми рядовых, находящихся в бессрочном отпуске, и отставных солдат. По приведении всего в порядок потребовался мирской сход, на который прибыли 531 человек крестьян всех селений приказа, которые были поставлены между понятыми и командой, остальные же крестьяне остались в некотором отдалении, но большая часть их укрывалась за задками селения, без шума ожидая окончания» [6. Д. 45. Л. 77–82]. В дальнейшем опрашивали каждого поодиночке: кто из них покорен воле начальства, а кто нет. Первые, которых оказалось 47 человек, были отсылаемы в стороны, а неповинующихся поодиночке отводили под караул, где им завязывали назад руки, таковых оказалось 484 человека. «Огородив себя таким образом от могущих произойти с их стороны буйственных поступков и составив им именной список, я приказал вывести на площадь более замеченных в упорстве 8 человек, которым объявил наказание, коему они себя подвергают, но упорство их было так сильно, что каждый, перекрестя, кланялся предстоящим, как бы готовясь к смерти», повторяя «что повиноваться не будут». «Наказав их таким образом, заковал в кандалы. Пример этот сильно на всех подействовал, так, что арестованные один по одному начали просить милости, объявляя, что немедленно отдадут землю и будут пахать, в течение часа, кроме 11 человек упорствующих все приведены в повиновение». Оказавших большее сопротивление было решено отправить в рекруты с зачетом, а неспособных — в арестантские работы [6. Д. 45. Л. 77–82].

При таком большом количестве недовольных были и ошибки в определении виновных. Так, один из них Маняв Ахтямов был признан виновными в том, что приезжал тайно в Симбирск и подговаривал Ильяса

Надырова бежать из-под стражи. «Ныне же по ближайшему изысканию открылось, что Ахтямов оставался всегда покорным удельному начальству и уговаривал Надырова не бежать, а быть послушным, и за это и был оклеветан». Оставить его на месте жительства, «не вменяя ему в бесчестие назначенного прежде наказания» [6. Д. 43. Л. 103–103 об.].

Вице-президент Департамента уделов свидетельствовал, что в селениях его принимали хорошо. Но в каждом из них были и те, кто готов был перейти в подчинение уделов, и те, кто сопротивлялся. Так в Нагаевском приказе «татары не приносили никакой жалобы и были весьма довольны; другие, напротив, жаловались на обременительность денежных сборов, делаемых с них Головою и Писарем, и в письменной просьбе ко мне объяснили, что в продолжение года Писарь получил от них около 100 рублей» [6. Д. 45. Л. 112–131].

В целом же с помощью военных команд лашманы были приведены в подчинение, хотя на местах случались локальные случаи неповиновения, особенно в пользовании лесами. Департамент уделов рапортовал, что до передачи в уделы в селениях все обросло злоупотреблениями. С переходом в уделы в деревнях установился «должный порядок». Так, «богатый откупщик Бенардаки... содержит на откупе всю губернию и вместе с тем ведет значительный торг хлебом, мало кто в губернии не имеет с ним надобности. При прежнем управлении Земская полиция покорялась влиянию его богатства, смотрела сквозь пальцы на все беспорядки при винной продаже и оставляла без всякого взыскания отступления от откупных условий: в то время можно было беспрепятственно построить в казенном селении лишний кабак или учредить выставку там, где ей не следовало быть, даже в лашманских селениях,

где живут одни магометане, заведены питейные дома и тамошние муллы недовольны этим распоряжением. Притом кабаки не только не запирались в определенное время, но всю ночь наполнены были народом. Теперь он терпит убытки. В прошлом году получил меньше на 84 000» [6. Д. 45. Л. 112–131].

Итак, в результате переговоров и по инициативе министра императорского двора П.М. Волконского в состав удельного владения вошли обширные территории Симбирской губернии, причем в оклад поступили высокодоходные деревни и земли. Департамент уделов также получил в управление обширные лесные массивы. С лесами под управление уделов были переданы и лашманы, которые со времен Петра Первого занимались заготовкой леса для флота. Для управления лесами Департамент уделов организовал специальные службы, состоящие из удельных крестьян. Содержать лесных чиновников было уделам невыгодно, поэтому они были уволены с выплатой жалования. В Департаменте была идея о возвращении лашманам прежнего крестьянского состояния. Но многочисленные просьбы со стороны лашманов, массовые случаи неповиновения, которые, по мнению Н.М. Дружинина, «все больше напоминали пугачевщину», нападения на удельных чиновников сохранили за ними их прежнее состояние. Со вступлением в уделы у лашманов появились дополнительные обязанности. Для наполнения хлебных магазинов Департамент уделов распространил на них общественную запашку. Лашманы восприняли это как прямой отъем их земли, причем чиновники неоднократно напоминали, что земля принадлежит императору. Все это перерастало в многотысячные случаи неповиновения, успокоить которые смогли только с помощью военных команд.

Список источников

1. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1946. Т. 1. 635 с.
2. Файзрахманов И.З. Лашманы в строительстве российского флота: основные вехи истории // Казанское адмиралтейство (1718–1830 гг.): народы Поволжья и традиции российского судостроения : материалы Всерос. науч. конф. 2018. С. 353–375.
3. Гафаров И.А. «Корабельная повинность» лашманов Буинского уезда в XVIII – первой половине XIX века: некоторые штрихи. // Казанское адмиралтейство (1718–1830 гг.): народы Поволжья и традиции Российского судостроения. Материалы Всероссийской научной конференции. 2018. С. 51–62.
4. Кузнецов В.А. Лашманы как уникальное сословие в истории Среднего Поволжья истории // Казанское адмиралтейство (1718–1830 гг.): народы Поволжья и традиции Российского судостроения. Материалы Всероссийской научной конференции. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 146–161.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1147. Оп. 1. Д. 236.
6. РГИА. Ф. 515. Оп. 1.
7. Государственный архив Псковской области. Ф. 40. Оп. 1. Д. 61.
8. Седов А.В. Удельные крестьяне Нижегородской губернии (1797–1863 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Горький, 1954. 16 с.
9. Никулина Н.Ю. Удельное хозяйство в пореформенной России // Северо-запад в аграрной истории России. Калининград : Изд-во КГУ, 1995. С. 21–28.
10. Положение департамента уделов // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб. : Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XXX: 1808–1809. № 23020. С. 226–258.

References

1. Druzhinin, N.M. (1946) *Gosudarstvennye krest'yane i reforma P.D. Kiseleva* [State Peasants and P.D. Kiselev's Reforms]. Vol. 1. Moscow: USSR Academy of Sciences.
2. Fayzrakhmanov, I.Z. (2018) Lashmany v stroitel'stve rossiyskogo flota: osnovnye vekhi istorii [Lashmans in the Construction of the Russian Navy: Key Milestones of History]. In: Fayzrakhmanov, I.Z. (ed.) *Kazanskoe admiralteystvo (1718–1830 gg.): narody Povolzhya i traditsii rossiyskogo sudostroeniya* [Kazan Admiralty (1718–1830): Peoples of the Volga Region and Traditions of Russian Shipbuilding]. Kazan: Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. pp. 353–375.
3. Gafarov, I.A. (2018) "Korabelnaya povinnost" lashmanov Buinskogo uезда v XVIII – pervoy polovine XIX veka: nekotorye shtrikhi [The "Ship Duty" of Lashmans in Buinsky District in the 18th – First Half of the 19th Century: Some Highlights]. In: Fayzrakhmanov, I.Z. (ed.) *Kazanskoe admiralteystvo (1718–1830 gg.): narody Povolzhya i traditsii rossiyskogo sudostroeniya* [Kazan Admiralty (1718–1830): Peoples of the Volga Region and Traditions of Russian Shipbuilding]. Kazan: Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. pp. 51–62.

4. Kuznetsov, V.A. (2018) Lashmany kak unikalnoe soslovie v istorii Srednego Povolzhya [Lashmans as a Unique Estate in the History of the Middle Volga Region]. In: Fayzrakhmanov, I.Z. (ed.) *Kazanskoe admiralteystvo (1718–1830 gg.): narody Povolzhya i traditsii rossiyskogo sudostroeniya* [Kazan Admiralty (1718–1830): Peoples of the Volga Region and Traditions of Russian Shipbuilding]. Kazan: Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. pp. 146–161.
5. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1147. List 1. File 236.
6. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 515. List 1.
7. The State Archive of Pskov Region. Fund 40. List 1. File 61.
8. Sedov, A.V. (1954) *Udel'nye krest'yane Nizhegorodskoy gubernii (1797–1863 gg.)* [Appanage Peasants of Nizhny Novgorod Province (1797–1863)]. Abstract of History Cand. Diss.
9. Nikulina, N.Yu. (1995) Udel'noe khozyaystvo v poreformennoy Rossii [Appanage Economy in Post-Reform Russia]. In: *Severo-zapad v agrarnoy istorii Rossii* [North-West in the Agrarian History of Russia]. Kaliningrad: KSU. pp. 21–28
10. Russian Empire. (1830) Polozhenie departamenta udelov [Regulation of the Department of Appanages]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. First Coll. Vol. XXX. No. 23020. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. pp. 226–258.

Сведения об авторе:

Красникова Юлия Николаевна – доктор исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: julia2404@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Krasnikova Yulia N. – Doctor of Historical Sciences, Senior Lecturer, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: julia2404@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.03.2022; принята к публикации 15.05.2025

The article was submitted 09.03.2022; accepted for publication 15.05.2025

Научная статья
УДК 930.253:272
doi: 10.17223/19988613/95/6

Материалы сибирских архивохранилищ о биографиях ссыльных католических священников, находившихся в Западной Сибири (1830-е гг. – конец XIX в.)

Ирина Николаевна Никулина

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, innikulina@mail.ru

Аннотация. Представлены материалы сибирских архивохранилищ, отражающие биографические сведения о католических священниках, находившихся в ссылке в Западной Сибири с 1830-х гг. до конца XIX в. Архивные документы как вид исторических источников характеризуются с позиций содержательности и информативности. Рассматриваются официально-документальные материалы западносибирских государственных архивов Омска, Томска, Тобольска, Барнаула, являющиеся документальной основой для воссоздания биографий ссыльных католических священников.

Ключевые слова: ссыльные католические священники, Западная Сибирь, биография

Для цитирования: Никулина И.Н. Материалы сибирских архивохранилищ о биографиях ссыльных католических священников, находившихся в Западной Сибири (1830-е гг. – конец XIX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 95. С. 42–47. doi: 10.17223/19988613/95/6

Original article

The materials of Siberian archives about the biographies of Catholic priests who were in Western Siberia (1830s – the end of the 19 century)

Irina N. Nikulina

Altai State University, Barnaul, Russian Federation, innikulina@mail.ru

Abstract. The state archives of Western Siberia are the most important custodians of invaluable material covering a wide range of problems of Russian and Siberian history, among which the topic of the political exile occupies a significant place. The identification of the biographical information about Catholic priests who were exiled to Siberian is an interesting and poorly studied issue. The study of the biographies of exiled Catholic priests makes it possible to significantly supplement the ideas about the Siberian political exile of the XIX century and the internal policy of the autocracy. The purpose of this study is to draw the attention of specialists to the materials of Siberian archival storage facilities containing information about the Catholic priests serving exile in Western Siberia from the 1830s until the end of the XIX century. The author identified and studied the official documentary materials in the state archives of Omsk (fund of the Main Directorate of Western Siberia), Tomsk (funds of the Tomsk Provincial Administration, metric books of churches of the Tomsk province), Tobolsk (Tobolsk General Provincial Administration Fund), Barnaul (Biysk Police District Administration Fund). The funds contain correspondence from the government, police and gendarmerie, among which the reports are important. The numerous letters of central and regional authorities are presented, reflecting the implementation of instructions and orders on the ground. The information on the implementation of constant control and supervision over the behavior of exiled the Catholic priests in the settlement allows us to obtain factual information about the daily life of exiled clergy, their occupations, and destinies. Some cases cover the issue of assigning cash benefits from the treasury, allowing the religious activities in places of residence to the exiled priests. A significant number of cases relates to the applications by the exiled priests for exemption from supervision and return to their homeland. In general, thanks to the consideration of these archival materials, it has become possible to significantly add biographical information revealing the identities of specific priests, their self-sacrifice activity in exile. The state archives of Western Siberia have the richest materials, which are a valuable historical source, a documentary basis for recreating the biographies of exiled Catholic priests, and have tremendous scientific potential that opens up great prospects for further scientific research.

Keywords: exile Catholic priests, Western Siberia, biography

For citation: Nikulina, I.N. (2025) The materials of Siberian archives about the biographies of Catholic priests who were in Western Siberia (1830s – the end of the 19 century). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 95. pp. 42–47. doi: 10.17223/19988613/95/6

Государственные архивы Сибири являются важнейшими хранителями богатейшего бесценного материала, охватывающего обширный спектр проблем российской и сибирской истории, среди которых тема политической ссылки занимает значительное место. Выявление биографических сведений о католических священниках, находившихся в западносибирской ссылке в XIX в., является интереснейшим и малоизученным вопросом, требующим широкого привлечения специалистов. Изучение биографий ссыльных католических священников позволяет существенно дополнить и уточнить наши представления о сибирской политической ссылке XIX в. и внутренней политике самодержавия. Следует отметить, что многочисленные документы государственных архивов Западной Сибири, касающиеся биографий католических духовных лиц, до сих пор остаются малоизвестными и в целом недостаточно изученными. В связи с этим автором были выявлены документальные источники в государственных архивохранилищах Омска, Томска, Тобольска, Барнаула. Найденные и изученные нами материалы хранятся в Историческом архиве Омской области, Государственном архиве Томской области, Государственном учреждении Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске», Государственном архиве Алтайского края, часть из них впервые была введена автором в научный оборот. В данной работе охарактеризована имеющаяся информация о ссыльных ксендзах, содержащаяся в исследованных материалах. Отметим, что среди них были неблагонадежные в политическом отношении римско-католические священники 30-х – начала 40-х гг. XIX в., участники польского национально-освободительного движения второй половины XIX в., прежде всего восстания 1863–1864 гг. в Царстве Польском.

В фондах вышеназванных государственных архивов находится большое количество официальных документов, содержащих биографические сведения о католических священниках, находившихся в сибирской ссылке в указанный период. Следует особо выделить переписку органов правительства, полиции и жандармерии, в которой важное место занимают различные донесения. В фондах западносибирских архивохранилищ находится информация по осуществлению постоянного контроля и надзора за поведением ссыльных католических священников на поселении. Это позволяет получить фактические сведения о повседневной жизни ссыльных духовных лиц, их занятиях, дальнейших судьбах, в какой-то мере отражающих общие черты жизненного пути многих поляков, сосланных в Сибирь.

В фондах Исторического архива Омской области содержатся сведения о причинах высылки и местах отбытия наказания некоторых духовных лиц, находившихся на Алтае (на территории Алтайского горного округа) во второй четверти XIX в. [1. Л. 1, 10]. Здесь представлены многочисленные письма центральных и региональных органов власти, отражающие исполнение указаний и распоряжений на местах. В них имеется информация, существенно дополняющая биографии ссыльных католических священников.

Большую ценность представляют сведения о политических ссыльных, находившихся под полицейским надзором в Западной Сибири в 60–70-х гг. XIX в., позволяющие определить их сословную принадлежность, время поступления многих католических священников в места отбытия наказания, а также наличие членов семьи, прибывших вместе с ссыльным [2. Л. 19–22]. В одном из дел фонда содержится информация о разрешении поездки на некоторое время ксендзу В. Громадскому в деревню Новая станция (около Омска) для лечения кумысом [3. Л. 1–3]. В фонде хранятся ходатайства со стороны родственников ссылаемых об облегчении их участи, прошения ссыльных ксендзов Э. Чернецкого о переводе в другие места отбытия наказания [4. Л. 3, 7; 5. Л. 3, 4; 6. Л. 5], Н. Сволькена о дозволении совершать богослужения в Колывани, а также мнения администрации о разрешении благонадежным ксендзам, не лишенным духовного сана, осуществлять церковные службы в Томской губернии [7. Л. 1, 4, 11–14]. В этой связи большой интерес представляет донесение настоятеля Омской римско-католической церкви, уезжавшего в отпуск на два месяца, о разрешении исполнять духовные требы во время его отсутствия ссыльному ксендзу М. Радзюканису, содержащееся в одном из дел фонда. Показательно, что генерал-губернатор Западной Сибири дал на это согласие [8. Л. 1, 2]. Вместе с тем в некоторых делах имеются сведения о запрещении отдельным ксендзам совершать богослужения (например, Э. Чернецкому (Чернецкому), находившемуся в Березове) [9. Л. 13]. В фонде также содержится информация о венчании ксендзом С. Ольшевским политического ссыльного С. Саноцкого с А. Эйсмонт [10. Л. 1].

Значительное количество дел фонда касается ходатайств со стороны ссыльных ксендзов об освобождении от надзора, выдаче кормового довольствия, перемещениях в Европейскую Россию и возвращении на родину. Благодаря этим материалам известно об удовлетворении ходатайств об освобождении от полицейского надзора ксендзов И. Шарковского, А. Кржижановского, М. Свенцкого, А. Олая и др. [11. Л. 8; 12. Л. 4, 8, 13, 13 об.; 13. Л. 1, 1 об., 3], о перемещениях в 1873 г. из Нарыма ксендзов Д. Сташкевича в Казанскую губернию, А. Колендо в Костромскую губернию, З. Русецкого в 1875 г. из Тобольска в Екатеринославскую губернию [14. Л. 4; 15. Л. 1, 1 об.], о возвращении в Царство Польское М. Радзюканиса и др. [16. Л. 1, 5]. Следует отметить, что все освобожденные от полицейского надзора имели благоприятные отзывы со стороны начальства и характеризовались хорошим поведением. Вместе с тем некоторые ходатайства были отклонены (например, У. Торгонского, Ф. Кринского, О. Бакевича) [17. Л. 4; 18. Л. 3 об.; 19. Л. 1, 3].

Обширные материалы фонда 3 государственного архивохранилища в Томске отражают судьбы отдельных католических священников, их деятельность в изгнании. В некоторых делах освещаются вопросы назначения денежных пособий от казны ссыльным ксендзам, среди которых упоминаются И. Лавкович, Г. Коссиловский [20. Л. 4; 21. Л. 5–7]. Одно из дел фонда является показательным при рассмотрении во-

проса о разрешении осуществления религиозной деятельности в местах проживания ссыльным духовным лицам. В нем указываются имена католических священников, подававших прошения о возможности совершать церковные службы. Особенно ценным представляется мнение городничего Бийска, допускающего возможным подобную деятельность ссыльных ксендзов, а также мнения представителей местных органов власти относительно этого вопроса. Здесь же имеется информация о занятиях в ссылке ксендзов Ф. Линковского и Г. Волошинского [22. Л. 82 об.]. Эти сведения существенно дополняют биографии католических священников. Отметим, что проблема разрешения осуществления богослужений и исполнения треб сосланным католическим священникам нашла отражение и в других делах фонда. Важная информация о причинах удаления в 1861 г. ксендза В. Громадского из Волынской губернии в Западную Сибирь (в Омск) под полицейский надзор, запрете осуществления какой-либо религиозной деятельности и отъезде из определенного ему места проживания, а также о его переводе из Омска в Томск в августе 1869 г. под негласный надзор полиции имеется в одном из дел фонда [23. Л. 3–5, 8]. Известие об удовлетворении ходатайства 1898 г. об увольнении на покой и о назначении пожизненной пенсии с начала будущего года курата Томской римско-католической церкви В. Громадского представляет большую биографическую ценность [24. Л. 17, 17 об.]. В материалах фонда отражено наблюдение за поведением ссыльных ксендзов Ю. Келпша, И. Виткевича, П. Шарковского, их занятиями на поселении [25. Л. 3, 4, 25].

Биографии сосланных в Сибирь участников восстания 1863–1864 гг. практически начинаются со статейных списков, в которых прослеживается их жизненный путь до отмены надзора полиции и восстановления прав. Статьиные списки, дающие наиболее полную информацию о каждом, сосланном в Сибирь за участие в восстании 1863–1864 гг. в Царстве Польском, содержат сведения о возрасте, семейном положении, причине ареста и содержании приговора, месте назначения, сроках прибытия, условиях надзора ксендзов М. Скорупского, В. Улинского, А. Войшнара, Н. Гиртовича [26. Л. 14–20]. Тем не менее необходимо отметить, что в статейных списках не всегда заполнены все графы (например, место рождения), обычно отсутствует дата заполнения и не указывается год рождения ссылаемого. Таким образом, не представляется возможным говорить об исчерпывающих обстоятельных сведениях, содержащихся в них.

Значительного внимания заслуживают списки и ведомости о ссыльных, отбывающих сроки наказания в Западной Сибири, представленные в фонде. В этой связи следует особо отметить список ссыльных представителей католического духовенства из губернского правления Томска, содержащий сведения о местах назначения в Томской губернии и причинах высылки 39 человек [27. Л. 2–9]. В списке политических преступников, прибывших в Томскую губернию в 1865–1875 гг. без документов, значатся ссыльные ксендзы Е. Буйно, Р. Соболевский, А. Витковский, А. Григалонович, В. Юстинович и другие [28. Л. 51, 54–56].

Сведения о католических священниках М. Торчановском, А. Анкудовиче, П. Шишко, А. Михайловиче, причинах их высылки и содержании приговора, назначении места отбытия наказания и времени поступления в Томскую губернию под полицейское наблюдение, о том, как они вели себя в местах проживания, имеются в одной из ведомостей о политических ссыльных за 1844 г. [29. Л. 11–13 об.].

Информация о 15 ксендзах, находившихся под надзором полиции в Мариинске, содержится в одной из ведомостей фонда. Здесь же отмечено о необходимости получения ими казенного пособия для оплаты за проживание в квартирах, а также о выдаче им кормового пособия [30. Л. 12–15, 40, 41]. О каждом ксендзе представлена информация о месте его высылки, семейном положении (наличие жены и детей, прибывших с ним) [30. Л. 27–29, 34]. Необходимо отметить, что благодаря сведениям, содержащимся в списках и ведомостях, становится также возможным определение общей численности ссыльных ксендзов, находившихся в изгнании.

В фонде хранятся дела, содержащие просьбы ксендзов (например, Я. Демидовича в 1873 г.) об освобождении от надзора и разрешении совершать богослужения [31. Л. 11], о возвращении на родину И. Дешкленича (в 1884 г. изъявившего желание остаться в Томске), К. Стефановича, И. Витковского и др. [32. Л. 4; 33. Л. 1]. Имеются также ходатайства католических священников К. Скирмонта о переезде на жительство под надзор полиции в Астраханскую губернию и свидетельство на выезд [34. Л. 7, 12, 12 об.], С. Микутювича в Костромскую губернию с разрешением проживания в любом месте, кроме столичных городов и губерний Западного края и Царства Польского [35. Л. 12, 14]. Необходимо подчеркнуть, что имеющиеся материалы не являются исчерпывающими, поскольку часто вопрос о судьбе ходатайства оставался открытым.

Мощным информационным потенциалом, представляющим значительный интерес для специалистов, обладают метрические книги. Их большое значение для исследования польской диаспоры отмечается многими историками [36. С. 40, 41]. По мнению некоторых исследователей, несомненной ценностью метрических книг является их большая достоверность [37. С. 135]. Особую важность представляют материалы фонда метрических книг Томской губернии (ф. 527), содержащие биографические сведения о католических священниках, находившихся в Сибири. В метрических книгах католической церкви в Томске содержится информация о совершении церковных обрядов крещения, венчания ксендзами В. Громадским, М. Олехновичем, К. Скибневским, В. Мосием и др. [38. Л. 1, 3–6, 7, 36–39; 39. Л. 1, 3–5, 33, 35, 37]. Благодаря записям метрических книг удалось установить причины, даты смерти, места захоронения ксендзов К. Стефановича, П. Залеского, А. Коссаржевского, скончавшихся от воспаления легких, И. Витковского, умершего от удущья [38. Л. 51; 39. Л. 44; 40. Л. 62].

Материалы, хранящиеся в фонде 152 государственного архивохранилища в Тобольске, содержат подробные сведения из Тобольской казенной палаты о предоставлении денежных средств из казны на переезд из

Тобольска в города Курган, Пермь, Варшаву, Вильно сосланных ксендзов О. Стецкого, Вышинского, Маевского и др. [41. Л. 2–3]. К сожалению, не у всех католических священников в документах указываются имена. В одном из дел фонда в сообщении тобольскому губернатору, отправленному из западносибирского главного управления, рассматривается возможность перевода по указанию министра внутренних дел находившегося в Тобольске ксендза Ю. Мелеховича в Енисейскую губернию (в Красноярск), а также о недопущении его к совершению богослужений и треб как обнаружившего глубокую враждебность по отношению к российской власти и сохранившего это чувство во время проживания в Сибири, о чем свидетельствует его письмо к священнику Сцегенному [42. Л. 1, 2, 18]. Сведения о данном послании Ю. Мелеховича имеются также в деле фонда [43. Л. 1, 1 об.].

Некоторые сведения о ссыльных католических священниках, отбывающих сроки наказания на Алтае, содержатся в фондах государственного архивохранилища Алтайского края, находящегося в Барнауле. В одном из дел представлена информация о получении политическими ссыльными в 1867 г. пособий из казначейства Бийска. Здесь же содержатся записи о выдаче кормовых и квартирных денег ксендзам В. Улинскому, М. Олехновичу, А. Косаржевскому, Ф. Дышо [44. Л. 2, 2 об.]. В именном списке политических преступников, проживающих в селениях Бийской волости и состоящих под надзором полиции, хранящимся в одном из дел, имеются важные сведения о хорошем поведении и занятиях ксендза К. Стефановича [45. Л. 3]. Таким образом, становится известной достоверная информация о жизни ссыльного в изгнании.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что сибирские государственные архивохранилища обладают богатейшими материалами, являющимися ценным источником информации, документальной основой для воссоздания биографий ссыльных католических священников, находившихся в Западной Сибири, без

которых практически невозможно изучение сибирского периода в жизни ссыльных. Представленный в работе обзор материалов западносибирских государственных архивов не претендует на исчерпывающую полноту и свидетельствует об их разнообразии. Данные документы позволяют проследить жизненный путь католических священников, находившихся в сибирской ссылке. Благодаря рассмотрению архивных материалов стало возможным существенное дополнение биографических сведений, раскрывающих личности конкретных священников, их подвижническую деятельность в условиях изгнания. Пребывание в ссылке еще более проявило их характеры и индивидуальность.

Изучение биографий ссыльных католических священников позволяет существенно дополнить наши представления о сибирской политической ссылке и внутренней политике самодержавия. Вместе с тем следует подчеркнуть достаточную сложность решения вопроса о дальнейших судьбах многих представителей католического духовенства ввиду отсутствия конкретных архивных данных об их отъезде из Западной Сибири на основании полученных разрешений или принятия ими решения остаться здесь навсегда после истечения срока наказания, о чем уже говорилось ранее [46. С. 176]. Несомненно, необходимы дальнейшие уточнения и дополнения имеющейся информации о каждом ссыльном католическом священнике, а также выявление новых имен в результате вовлечения в научный оборот новых пластов исторических источников.

Государственные архивы Западной Сибири располагают колоссальным научным потенциалом, открывающим большие перспективы для дальнейших продуктивных научных исследований данной темы с привлечением широкого круга специалистов. Думается, что представленная работа будет полезной для будущих исследователей.

Список источников

1. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 3. Оп. 13. Д. 18084.
2. ИАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7784.
3. ИАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 8310.
4. ИАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6297.
5. ИАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 10940.
6. ИАОО. Ф. 3. Оп. 5. Д. 7560.
7. ИАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6318.
8. ИАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 1205.
9. ИАОО. Ф. 3. Оп. 5. Д. 7677.
10. ИАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 9789.
11. ИАОО. Ф. 3. Оп. 5. Д. 11555.
12. ИАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 12089.
13. ИАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 12049.
14. ИАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 10896.
15. ИАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 12707.
16. ИАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 12709.
17. ИАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 8371.
18. ИАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 8439.
19. ИАОО. Ф. 3. Оп. 5. Д. 7698.
20. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 4. Д. 360.
21. ГАТО. Ф. 3. Оп. 54. Д. 643.
22. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 295.
23. ГАТО. Ф. 3. Оп. 54. Д. 754.
24. ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 3055.

25. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1153а.
26. ГАТО. Ф. 3. Оп. 54. Д. 1007.
27. ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 1197.
28. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 315.
29. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 105.
30. ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 728.
31. ГАТО. Ф. 3. Оп. 54. Д. 1111.
32. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 1420.
33. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 1552.
34. ГАТО. Ф. 3. Оп. 54. Д. 1033.
35. ГАТО. Ф. 3. Оп. 54. Д. 1017.
36. Островский Л.К. Поляки в Западной Сибири в конце XIX – первой четверти XX века. Новосибирск : Наука, 2016. 808 с.
37. Косенкова Н.А. Метрические книги – источник по региональной истории // Роль архивных учреждений в истории Казахстана : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию со дня основания Государственного архива Восточно-Казахстанской области. Усть-Каменогорск : Шығыс ақпарат, 2010. С. 130–135.
38. ГАТО. Ф. 527. Оп. 1. Д. 249.
39. ГАТО. Ф. 527. Оп. 1. Д. 295.
40. ГАТО. Ф. 527. Оп. 1. Д. 7.
41. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГУТО ГАТ). Ф. 152. Оп. 1. Д. 58.
42. ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 81.
43. ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 66.
44. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 170. Оп. 1. Д. 730а.
45. ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 729а.
46. Никулина И.Н. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в. (20-е – первая половина 70-х гг.). Иркутск : Оттиск, 2011. 254 с.

References

1. The Historical Archives of Omsk Region (IAOO). Fund 3. List 13. File 18084.
2. The Historical Archives of Omsk Region (IAOO). Fund 3. List 6. File 7784.
3. The Historical Archives of Omsk Region (IAOO). Fund 3. List 6. File 8310.
4. The Historical Archives of Omsk Region (IAOO). Fund 3. List 4. File 6297.
5. The Historical Archives of Omsk Region (IAOO). Fund 3. List 7. File 10940.
6. The Historical Archives of Omsk Region (IAOO). Fund 3. List 5. File 7560.
7. The Historical Archives of Omsk Region (IAOO). Fund 3. List 4. File 6318.
8. The Historical Archives of Omsk Region (IAOO). Fund 3. List 8. File 1205.
9. The Historical Archives of Omsk Region (IAOO). Fund 3. List 5. File 7677.
10. The Historical Archives of Omsk Region (IAOO). Fund 3. List 6. File 9789.
11. The Historical Archives of Omsk Region (IAOO). Fund 3. List 5. File 11555.
12. The Historical Archives of Omsk Region (IAOO). Fund 3. List 8. File 12089.
13. The Historical Archives of Omsk Region (IAOO). Fund 3. List 8. File 12049.
14. The Historical Archives of Omsk Region (IAOO). Fund 3. List 7. File 10896.
15. The Historical Archives of Omsk Region (IAOO). Fund 3. List 8. File 12707.
16. The Historical Archives of Omsk Region (IAOO). Fund 3. List 8. File 12709.
17. The Historical Archives of Omsk Region (IAOO). Fund 3. List 6. File 8371.
18. The Historical Archives of Omsk Region (IAOO). Fund 3. List 6. File 8439.
19. The Historical Archives of Omsk Region (IAOO). Fund 3. List 5. File 7698.
20. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 4. File 360.
21. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 54. File 643.
22. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 4. File 295.
23. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 54. File 754.
24. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 12. File 3055.
25. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 2. File 1153a.
26. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 54. File 1007.
27. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 11. File 1197.
28. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 4. File 315.
29. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 4. File 105.
30. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 19. File 728.
31. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 54. File 1111.
32. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 4. File 1420.
33. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 4. File 1552.
34. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 54. File 1033.
35. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 54. File 1017.
36. Ostrovskiy, L.K. (2016) *Polyaki v Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – pervoy chetverti XX veka* [Poles in Western Siberia in the late 19th – first quarter of the 20th Century]. Novosibirsk: Nauka.
37. Kosenkova, N.A. (2010) *Metricheskie knigi – istochnik po regional'noy istorii* [Metric Books as a Source of Regional History]. *Rol' arkhivnykh uchrezhdeniy v istorii Kazakhstana* [The Role of Archival Institutions in the History of Kazakhstan]. Proc. of the International Conference. Ust-Kamenogorsk: Shygys akparat. pp. 130–135.
38. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 527. List 1. File 249.
39. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 527. List 1. File 295.
40. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 527. List 1. File 7.
41. The State Institution of the Tyumen Region “The State Archives in Tobolsk” (GUTO GAT). Fund 152. List 1. File 58.
42. The State Institution of the Tyumen Region “The State Archives in Tobolsk” (GUTO GAT). Fund 152. List 1. File 81.
43. The State Institution of the Tyumen Region “The State Archives in Tobolsk” (GUTO GAT). Fund 152. List 1. File 66.
44. The State Archives of the Altai Territory (GAAK). Fund 170. List 1. File 730a.
45. The State Archives of the Altai Territory (GAAK). Fund 170. List 1. File 729a.

46. Nikulina, I.N. (2011) *Religiya i politicheskie ssyl'nye Zapadnoy Sibiri v XIX v. (20-e – pervaya polovina 70-kh gg.)* [Religion and political exiles of Western Siberia in the 19th century (1920s – first half of the 1970s)]. Irkutsk: Ottisk.

Сведения об авторе:

Никулина Ирина Николаевна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: innikulina@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Nikulina Irina N. – Doctor of Science in History, docent, Altai State University. Leading scientific researcher of the laboratory for Interdisciplinary Study of Archaeology of Western Siberia and the Altai (Barnaul, Russian Federation). E-mail: innikulina@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.12.2022; принята к публикации 15.05.2025

The article was submitted 27.12.2022; accepted for publication 15.05.2025

Научная статья

УДК 93/94

doi: 10.17223/19988613/95/7

Роль крестьянства в формировании городского населения Тобольской губернии на рубеже XIX–XX вв.

Ксения Александровна Пожарская¹, Елена Александровна Брюханова²

^{1,2} Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

¹ kse-pozhar@mail.ru

² elena@hist.asu.ru

Аннотация. На основе преимущественно статистических материалов реконструируется роль крестьянства в формировании городского населения Тобольской губернии во второй половине XIX в. Определяются причины привлекательности для крестьян городской среды, числовые параметры внешних и внутренних миграций крестьян в города губернии, дается анализ отдельных демографических параметров данной категории населения (половой состав, уровень грамотности, национальная принадлежность и др.). Приводятся примеры изменения демографических и экономических характеристик лиц сельского состояния, менявших социально-бытовой уклад.

Ключевые слова: крестьянство, городское население, Тобольская губерния, демографические параметры

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-78-10020 «Урбанизационные процессы в Сибири на рубеже XIX–XX вв.: комплексный подход к анализу городского населения по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.».

Для цитирования: Пожарская К.А., Брюханова Е.А. Роль крестьянства в формировании городского населения Тобольской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 95. С. 48–55. doi: 10.17223/19988613/95/7

Original article

The peasantry role in the urban population's formation of the Tobolsk province at the turn of the 19th and 20th century

Ksenia A. Pozharskaya¹, Elena A. Bryukhanova²

^{1,2} Altai State University, Barnaul, Russian Federation

¹ kse-pozhar@mail.ru

² elena@hist.asu.ru

Abstract. At the end of the 19th century, peasantry became one of the leading class sources of urban population growth in the Tobolsk province. However, this problem has not yet received proper attention in modern Siberian studies. The predominant attention to other classes and professional groups is probably due to the difficulty of correlating the peasantry with the urban lifestyle and society, the limited and scarce sources on the history of peasants living in cities, and the focus of research interest on agricultural migrations of peasants at the turn of the 19th–20th centuries (mainly from the European part of the Russian Empire, as well as intra-Siberian). Meanwhile, the influx of peasants into the cities directly influenced the social situation in the Tobolsk province. The peasantry role in the urban population's formation of the Tobolsk province is reconstructed in the article based mainly on statistical materials (the First General Census of the Russian Empire in 1897 for the Tobolsk province, one-day census of Tobolsk in 1882). Observations and judgments of contemporaries are also involved, relating to various aspects of the Tobolsk province cities' development. The article identifies the most "peasant" cities of the Tobolsk province. The reasons for the attractiveness of the urban environment for peasants, the numerical parameters of the external and internal migrations of peasants to the cities of the province are determined; an analysis of individual demographic parameters of this population category is given (sex, literacy level, nationality, etc.). Specific examples of changes in the demographic and economic characteristics of rural population who have changed the social and household practices are given to illustrate the social modernization's level of the Tobolsk province cities. The article concludes that the process of including peasants in urban society was dichotomous: on the one hand, peasants had directly influenced the socio-cultural appearance and socio-economic conditions of cities, on the other hand, they transformed themselves as a result of the urban environment impact and the refusal from the rural lifestyle. The first trend consisted in such demographic parameters of peasant migrants as the predominance of the male population over the female population, the low percentage of persons with physical disabilities, the "rejuvenation" of the marriageable age, the decrease in the general level of literacy of the population, etc. The second

is illustrated by such facts as the relatively high percentage of literate people among “urban” peasants, the inclusion of women in the sphere of professional employment, etc.

Keywords: peasantry, urban population, Tobolsk province, demographic parameters

Acknowledgements: the research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation, project No. 19-78-10020 “Urbanization processes in Siberia at the turn of the 19th–20th centuries: an integrated approach to the analysis of the urban population based on the materials of the First General Population Census of the Russian Empire in 1897.”

For citation: Pozharskaya, K.A., Bryukhanova, E.A. (2025) The peasantry role in the urban population’s formation of the Tobolsk province at the turn of the 19th and 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 95. pp. 48–55. doi: 10.17223/19988613/95/7

В связи с практически полным отсутствием в распоряжении исследователей письменных источников рубежа XIX–XX вв. личного происхождения, созданных крестьянами Западной Сибири (письма, мемуары, записки, автобиографии и т.д.), в исторической науке крестьянство нередко именуется «молчаливым сословием». Это обстоятельство обуславливается целым комплексом причин, в том числе и низким уровнем грамотности данной категории населения Российской империи. Кроме того, отождествление крестьянства с сельским образом жизни и хозяйствования практически оставило за рамками внимания историков крестьян, проживающих в городах. И если проблема роли крестьянства в формировании городского населения Европейской части России конца XIX – начала XX в. нашла отражение в отдельных исследованиях [1–3], то в сибиреведении была затронута лишь фрагментарно, в контексте изучения урбанистических или демографических процессов в Западной Сибири в целом и Тобольской губернии в частности [4–8], а также истории городской [9, 10] и крестьянской семей губернии рубежа веков [11–14]. Меж тем в пореформенное время в указанной губернии именно из крестьянской среды активно рекрутировалось городское население, и крестьянство непосредственно влияло на демографический потенциал и социокультурный облик городов Тобольской губернии. В этой связи важное значение для реконструкции истории «городского» крестьянства конца XIX в. приобретают источники, созданные «сторонними наблюдателями», прежде всего статистические материалы, такие как данные Первой всеобщей переписи 1897 г. по Тобольской губернии и переписи 1882 г. в г. Тобольске, содержащие наиболее распространенные материалы (преимущественно демографического характера) о крестьянском сословии, проживающих в городах и позволяющие формировать комплексное представление о данной категории городского населения.

В пореформенный период население городов Тобольской губернии быстро росло, и в трех городах губернии его численность преодолела отметку в 10 тыс. чел.: в Кургане (10 301 чел.), Тобольске (20 425 чел.), Тюмени (29 455 чел.). Таким образом, в указанных городах проживало почти 2/3 (70%) городского населения губернии. Однако все городское население Тобольской губернии, согласно переписи 1897 г., составляло 87 351 чел. (44 995 д.м.п. и 42 356 д.ж.п.) и равнялось лишь 6,1% всего населения губернии, т.е. по-прежнему сельское население в регионе доми-

нировало и составляло 93,9% жителей [15. С. 46–47]. Для сравнения в Европейской части Российской империи средний показатель городского населения в конце XIX в. составлял 12,5%, что свидетельствует о более низких темпах урбанизации в регионе [15. С. XIII]. Причина более низкого значения показателя жителей городов в общей структуре населения Западной Сибири в целом и Тобольской губернии в частности заключалась в более слабом развитии здесь промышленности и торговли. Тем не менее общесибирская тенденция конца XIX столетия к концентрации экономической активности в городах затронула и рассматриваемую губернию. В частности, торгово-промышленный «задел» Тюмени создавали кожевенная отрасль [16. С. 74] и дубильное производство [17. С. 18; 18. С. 105], а также функционирование железной дороги Екатеринбург–Тюмень, соединявшей Обь-Иртышский бассейн с Волжско-Камским [19. С. 255]. Росту численности населения Кургана содействовал не только приток ссыльных (факт, отмечаемый современниками), но и деятельность контор по скупке масла [20. С. 61–62, 86], в том числе и иностранных (датских и немецких) [17. С. 18; 18. С. 108].

В 90-е гг. XIX в. новой тенденцией демографического и социально-экономического развития Западной Сибири в целом и Тобольской губернии в частности становится зарождение переселенческого движения крестьян (на фоне сокращения фонда свободных и удобных для развития зернового хозяйства земель в южных районах Европейской части империи и роста аграрного перенаселения во внутренних губерниях, а также в связи со строительством Транссибирской магистрали) [21. С. 68–69; 22. С. 66; 23. С. 95–96]. Миграции имели преимущественно земледельческую направленность, и крестьяне активно демонстрировали стремление обосноваться в местностях, идентичных по своим естественным характеристикам районам прежнего проживания, поэтому они, безусловно, устремлялись прежде всего в сельскохозяйственные районы [18. С. 32]. При этом рекордное число переселенцев в губернию было зафиксировано «накануне» проведения всеобщей переписи – в 1896 г. [23. С. 99]. Желая упорядочить переселенческое движение земледельцев, правительство с середины 90-х гг. XIX в. обратилось к практике «ходачества» как удобному способу ознакомления с Сибирью будущих новопоселенцев. Однако под видом ходоков часто скрывались «рабочие», которые, воспользовавшись льготным проездом в регион, нередко безвозвратно оседали в городах Тобольской губер-

нии [23. С. 103]. В связи с отмеченными факторами массовые миграции земледельцев на территорию Зауралья делали менее заметным «скромный поток, вызванный иными мотивами и обстоятельствами, например приток населения в города» [24 С. 139], и отодвигали исследование миграции крестьянства в города Тобольской губернии на второй план. Тем не менее массовое движение крестьян не могло не отразиться на демографическом потенциале сибирских городов. И если в 1860 г. крестьян в городах Тобольской губернии было 8,7% [10. С. 17], то, по данным переписи 1897 г., недавние жители деревни составили уже почти половину жителей, 47,3% (41 292 чел.) [15. С. 47]. Для сравнения отметим, что доля крестьян в постоянном населении городов Европейской России с 1858 по 1897 г. в среднем возросла с 21 до 43% [3. Т. 2. С. 341]. Исследователь Западной Сибири М. Петров еще в начале XX столетия особо подчеркивал, что влияние пришло-го населения из Европейской России сильнее сказывается именно на городах, в то время как в деревнях переселенцы «сами поддаются местным сибирским влияниям» [20. С. 86]. Таким образом, в 1897 г. крестьянское сословие выступило одним из ведущих источников пополнения городского населения Тобольской губернии. Так, Б.Н. Миронов особо отмечал, что «...резко усилившийся поток мигрантов из деревни повлек за собой окрестывание городского населения как по социальному составу, так и по образу мысли и образу жизни» [3. Т. 2. С. 341]. Для сравнения следующей по количественному показателю значимой категорией населения городов Тобольской губернии являлось мещанское сословие – 39,7% (34 729 лиц обоего пола), из чего следует, что 12,9% населения городов Тобольской губернии составляли все остальные сословия (различные категории дворян, представители духовенства, купцы, казаки, инородцы и т.д.) [15. С. 47].

Самым многонаселенным городом Тобольской губернии являлась Тюмень (29 544 чел.). Она же была и самым «крестьянским» городом губернии: здесь крестьяне составляли 56,7% (т.е. 16 748 чел.). Следующим городом по численности данной категории в общей структуре населения являлся Тобольск, где было 7 627 крестьян, что составляло 37,3% населения (общая численность 20 425 чел.). Показательно, что однодневная перепись 1882 г. зафиксировала в Тобольске 3 889 крестьян обоего пола. т.е. за 15 лет численность крестьян в данном городе выросла практически вдвое [25]. Высокая доля крестьянства была также в составе населения Кургана (52,6%), Туринска (51,7%), Ишима (50,6%), Тюкалинска (50,6%) и Ялуторовска (48,3%). Самым малочисленным согласно переписи 1897 г. являлось крестьянское население Сургута: 205 чел., т.е. 18,3% населения (общая численность населения 1 120 чел.) [15. С. 47]. Оседание крестьян в городах, либо расположенных по линии Транссибирской магистрали и ее ответвлений, либо занимающих более южное географическое положение, кроме прочего, можно объяснить самим алгоритмом миграции земледельцев, которые нередко лишь зимовали в городах (перепись 1897 г. была проведена в январе), а в дальнейшем от-

правлялись на поиск удобных и свободных для хлебопашества земель.

Поскольку Сибирь в Российской империи традиционно выступала в качестве региона активной колонизации, а на рубеже XIX–XX вв. миграционное движение проходило новый активный виток своей истории, интересным представляется выяснения вопроса о «пришлом» компоненте среди лиц сельского состояния в городах Тобольской губернии. Из общего состава населения десяти городов губернии 17 017 чел. обоего пола (40%) являлись местными жителями, уроженцами других округов, губерний и государств были 25 381 чел. обоего пола (60%). При этом, как и в Европейской части Российской империи, в крупнейших городах Тобольской губернии доля «внешних» мигрантов, т.е. прибывших из других округов Тобольской губернии, других губерний или государств, была выше: в Тюмени 77% лиц сельского состояния, в Тобольске – 67%, в Ишиме – 44%, в Кургане – 40%. При этом в Тюмени из 16,8 тыс. жителей-крестьян 8,2 тыс. переселились из других губерний (49%), в Тобольске – 1,7 тыс. из 7,9 (21,5%), в Ишиме – 1,3 тыс. из 3,6 (36%), в Кургане – 1,7 тыс. из 5,4 (31%) жителей-крестьян [15. С. 35]. Миграции крестьян, уроженцев Тобольской губернии, в города вполне объяснимы экономическими причинами: неурожаи и голодные годы приводили к оттоку сельского населения в города, найму крестьян в услужение или чернорабочими, а также «превращению» их в городских маргиналов [7. С. 20]. В то же время обращает на себя внимание высокий процент лиц сельского состояния из числа местного населения в так называемых «малых городах» губернии (исключение составляет население города Тюкалинска). Так, в Сургуте местными являлись 72% лиц сельского состояния (192 чел. обоего пола из 266), в Березове – 68% (280 из 410) [15. С. 35]. Таким образом, пути пополнения населения сельским элементом в малых и больших городах различались. И если крупные города притягивали крестьян из-за пределов Тобольской губернии, то в малые, более северные, города направлялся поток местных сельчан.

О более широкой (в географическом отношении) мобильности мужчин свидетельствует то обстоятельство, что среди «городских» крестьян выходцев из других губерний в численном выражении доминировало мужское население. Согласно переписи 1897 г. диспропорция выглядела следующим образом: 9 117 мужчин были уроженцами других губерний, в то время как только 6 266 крестьянок родились за пределами Тобольской губернии. Более легкие на подъем мужчины являлись поставщиками отходников и переселенцев, что в дальнейшем рельефно проявится в период реализации переселенческой политики правительства П.А. Столыпина. В то время как женщины, сравнительно более сильно эмоционально привязанные к дому, родным и знакомым, опасавшиеся за жизнь и здоровье детей, демонстрировали меньшую расположенность к переселению, нередко выступали в роли отговаривающих мужей от столь судьбоносного и сопряженного с рисками шага [26. С. 128–129].

Половая диспропорция была характерна и для всего крестьянского населения Тобольской губернии. Так,

численность лиц женского пола в губернии была на 2 788 чел. меньше, чем мужского, т.е. на 22 040 мужчин приходилось 19 252 женщины. При этом женщин-дворянок (потомственных и имеющих личное дворянство, представителей чиновничества) было на 393 чел. больше, чем мужчин данной категории. Превалирование женского населения над мужским было характерно и для купцов и мещан. Все остальные категории населения, учтенные переписью 1897 г., демонстрировали незначительную половую диспропорцию [15. С. 46–47]. Численное преобладание в городах Тобольской губернии мужчин объясняется сосредоточением в них солдат, арестантов, приходом рабочих из сельского хозяйства в свободное от полевых работ время, а также ходоков, ссыльных и чиновников на пенсии [27. С. 5]. Нельзя забывать, что Сибирь не только являлась «местом каторги и ссылки», но и выступала как «страна» колонизирующаяся, привлекавшая людей, заинтересованных в улучшении своей жизни, ищущих Беловодье либо несогласных с порядками, существовавшими в Европейской части страны [28. С. 325].

Еще одним «доказательством» того, что большая часть крестьян, проживавших к началу 1897 г. в городах Тобольской губернии, являлась пришлым населением, выступают данные о лицах, имеющих физические недостатки. Так, Первая всеобщая перепись зафиксировала крестьян в числе лиц сельского состояния (т.е. совместно с казаками, иностранными поселенцами и т.п.), среди которых слепыми от рождения являлись только 0,06% (29 чел. обоего пола), глухонемыми – 0,06% (29 чел. об. п.), немыми – 0,01% (7 чел. об. п.), ослепшими – 0,12% (54 чел. об. п.), умалишенными – 0,14% (60 чел. об. п.). Наиболее частым недугом, встречающимся у лиц сельского состояния, проживающих в городах губернии (60 чел. об. п., из них в Тобольске – 38 чел. об. п.), выступали психические заболевания, что вполне объяснимо фактом функционирования в Тобольске больницы для умалишенных [15. С. XLV, 145]. В целом среди лиц сельского состояния имели физические недостатки (слепота, глухота, немота, слабоумие (врожденные или приобретенные) 179 чел., или 0,42%. Таким образом, количество людей с врожденными или приобретенными физическими недостатками среди лиц сельского состояния было незначительным. При этом важно понимать, что слепота и глухота не означали неспособность к труду, и, например, при проведении однодневных переписей в Омске и Иркутске в 1882 г. вопрос о физических недостатках был сформулирован иначе: респондентов спрашивали о неспособности к производительному труду по дряхлости или увечью [29. С. 23].

Данные переписи 1897 г. позволяют определить национальный состав сельских обывателей городов Тобольской губернии на основании сведений о родном языке. Так, из 41 292 крестьян русских (великороссы вместе с белорусами и украинцами) было 39 029 чел., или 94,5%; татар – 674 чел.; поляков – 491 чел.; финнов – 367 чел.; мордвы – 251 чел.; евреев – 240 чел. [15. С. 225]. Исследователи отмечали тесное межкультурное взаимодействие в городах. М. Петров сделал следующее наблюдение: «...евреи гораздо сильнее

сливаются с местным населением; их обособленность от русских не так резко заметна, как в России; вероятно, это происходит от того, что в Сибири на них не открывают гонений и притеснений, заставляющих евреев в России ныне сплотиться и обособиться» [20. С. 94]. Схожее наблюдение о влиянии соседского проживания русских и татар Тобольской губернии содержал «Список населенных мест»: «Живя среди русских, татары успели усвоить себе некоторые обычаи их, например женщины уже не прячутся от мужчин и находятся не в столь загнанном положении, как бывало прежде, или ныне в домах татар, особенно пригородных, можно заметить на стенах обои, на окнах шторы и цветы» [30. С. 157].

Представляют определенный интерес данные о грамотности лиц сельского состояния Тобольской губернии. Данные переписи рельефно свидетельствуют о том, что около трети лиц сельского состояния, проживавших в городах Тобольской губернии, являлись грамотными: в частности, 33% в Туринске, 32% в Сургуте, по 30% в Тобольске и Березове, по 29% в Кургане и Ялуторовске. Только в Тюмени, Таре, Тюкалинске и Ишиме 27%, 22%, 23% и 25% сельских обывателей соответственно были грамотными. В целом, 27,3% крестьян (37,2% мужчин и 16,1% женщин), проживающих в городах Тобольской губернии, владели грамотой [15. С. 50]. При этом только 8,7% крестьян из сельской местности губернии были грамотными, а доля грамотных среди горожан, принадлежавших другим сословиям (дворянство, духовенство, почетные граждане, купцы и др.), составляла 40% [15. С. 48–49, 50]. Отмечая сравнительно высокую грамотность городского населения Западной Сибири, И.И. Завалишин писал: «Много есть грамотных и между крестьянами, из которых достаточно отдают детей своих, как выражаются они, “в науку”, иногда церковнослужителям, но большею частью ссыльнопоселенцам» [16. С. 77]. Роль ссыльных (прежде всего политических) в деле просвещения городского населения отмечалась и другими современниками [20. С. 90]. В то же время необходимо понимать, что сравнительно с Европейской частью России Сибирь в целом демонстрировала отставание по показателю грамотности населения. Так, согласно сведениям, представленным в статистико-документальном справочнике «Россия 1913 г.», в городах всей Сибири грамотными являлись 39,4% жителей обоего пола, а в городах Европейской части России – 45,3% [31. С. 327]. При этом, как отмечал Б.Н. Миронов, движение крестьян в город тормозило темпы роста грамотности всего городского населения, особенно в крупных городах, куда направлялся основной приток мигрантов [3. Т. 2. С. 342].

Наиболее высокий процент грамотных, согласно данным переписи по городам Тобольской губернии, давали две возрастные группы крестьян: 10–19 и 20–29 лет. В Ялуторовске они составляли 68% от числа грамотных, в Кургане – 63%, в Ишиме – 61%, в Тобольске – 60%, в Таре – 59%, в Туринске – 55%, в Тюкалинске – 59%, в Тюмени – 58%. Только в двух городах губернии количество грамотных детей и лиц до 30 лет не преодолело отметку в 50%: в Сургуте и Бере-

зове 40 и 49% соответственно. Данные показатели демонстрируют общую тенденцию, характерную для городских жителей и заключающуюся в стремлении дать образование детям. Интересно отметить, что в крупнейших «крестьянских» городах губернии сравнительно большим был процент грамотных молодых крестьянок. Например, в Тобольске среди грамотных лиц от 10 до 29 лет женщины составляли 32%, в Тюмени – 33%, в Кургане – 37% [15. С. 50]. Объяснить эти показатели можно фактом функционирования в городах женских учебных заведений. Так, в Тобольске работала первая в Сибири Мариинская школа, а в воскресных школах в Тобольске, Тюмени и Кургане только в 1897 г., по сведениям Словаря издательства Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, обучались около 200 лиц женского пола. В целом, согласно информации данного энциклопедического издания, в губернии работали шесть женских гимназий, одно женское двухклассное училище, повивально-фельдшерская школа, школы народные и сельские разных министерств, церковно-приходские, школы грамоты и др. [32. С. 380].

Одним из проявлений социальной модернизации в пореформенное время выступало снижение уровня брачности, имевшее под собой целый ряд причин: более быстрый рост безбрачия среди городского населения, диспропорция между полами в пользу мужчин за счет переселенцев из сельской местности и др. [33. С. 158]. Данные переписи 1897 г. не позволяют вычислить коэффициент брачности (количество браков на 1 000 чел.) среди крестьян, учтенных в городах Тобольской губернии. Тем не менее материалы переписи содержат числовые данные о количестве холостых лиц обоего пола, состоящих в браке и вдовых мужчинах и женщинах, а также разведенных и не указавших семейного положения лицах обоего пола, проживавших в Тюмени, Тобольске и Кургане. Так, согласно материалам переписи, в трех крупнейших городах губернии среди лиц сельского состояния мужского пола холостыми являлись 54,2% (8 574 чел.), женатыми 40,6% мужчин (6 421 чел.), вдовыми – 5% (791 чел.), разведенными – 0,1% (19 чел.), не указали данные о семейном положении – 0,1% (17 чел.). Среди женщин незамужними были 49,5% (6 968 чел.), замужними – 38,5% (5 428 чел.), вдовами – 11,8% (1 666 чел.), разведенными – 0,1% (19 чел.), не указали информацию – 0,1% (10 чел.) [15. С. 73]. Как видно из данных подсчетов, лица обоего пола, не вступившие в брак, превалировали над другими категориями лиц, имеющими иной семейный статус, что лишь подтверждает ранее приведенную тенденцию. Несмотря на то, что материалы переписи не позволяют установить возраст вступления «городских» крестьян в первый брак, целесообразно привести мнение современной исследовательницы городской семьи Тобольской губернии Л.В. Юнусовой о том, что крестьяне, переселявшиеся в города, привносили свои брачные традиции и в том числе несколько «омолаживали» брачный возраст в разрезе всех жителей губернии [10. С. 18]. В целом, если обратиться к проблеме установления брачного возраста населения городов Тобольской губернии без распределения его по сословной принадлежности, то

картина выглядела следующим образом: 0,15% женщин, имеющих статус «замужем», были в возрасте 15–16 лет, 3,5% – 17–19 лет, 30,5% – 20–29 лет, 28,8% – 30–39 лет, 19,4% – 40–49 лет, 11% – 50–59 лет, 6,3% – в возрасте старше 60 лет. У мужчин возрастная планка несколько повышалась: перепись не зафиксировала мужчин 15–16-летнего возраста, состоящих в браке; 0,3% из женатых мужчин вступили в брак в 17–19 лет, 19,6% – в 20–29 лет, 29% – в 30–39 лет, 23,4% – в 40–49 лет, 15,4% – в 50–59 лет, и 12% мужчин старше 60 лет находились в браке [15. С. 26–27].

Интересно, что данные переписи зафиксировали низкий уровень занятости жителей городов Тобольской губернии. Так, из 87 351 жителей городов губернии, лишь 43 757 чел., или 50%, имели какие-либо занятия. При этом «сельское хозяйство (земледелие)» в качестве занятия в городах указали 1 330 чел., т.е. если предположить, что в данную сферу деятельности вовлекались крестьяне городов Тобольской губернии, то получается, что лишь 3,2% крестьян сохранили свою земледельческую специализацию в городской местности [15. С. 130]. Как отметили Ю.М. Гончаров и В.С. Чутчев, низкий статус земледельческих занятий горожан объяснялся социально-экономическими факторами: развитием товарно-денежных отношений в пореформенную эпоху и сокращением сельскохозяйственных ресурсов городов [34. С. 179]. Поскольку данные переписи 1897 г. по Тобольской губернии не содержат сведений о распределении занятий по сословиям, целесообразно обратиться к данным однодневной переписи Тобольска 1882 г. Так, согласно ее сведениям, большинство крестьян, проживавших в городе, занимались поденным чернорабочим трудом (304 чел.), служили прислугой (570 чел.), а также занимались различными ремеслами, преимущественно плотницким (100 муж.) и швейным делом (31 жен.). При этом на 1 645 крестьян обоего пола, самостоятельно трудящихся, согласно данной переписи, приходилось 2 244 чел., находящихся на иждивении, что свидетельствует о высокой экономической нагрузке, которую несли крестьяне – жители города, так как на каждого жителя приходилось 1,4 иждивенца. Однодневная перепись Тобольска 1882 г. позволяет также определить процент женщин, принадлежавших к крестьянскому сословию и зарабатывающих на жизнь самостоятельно – 590 чел., или 31,4% жительниц [25. С. 397]. Важно отметить, что данный показатель был самым высоким среди других сословий города. Так, процент женщин, зарабатывающих на жизнь самостоятельно, у купечества составлял 9,6%, среди почетных граждан – 17,3%, духовенства – 18,9%, разночинцев – 19%, мещан – 20,4%, дворян – 21,5% [25. С. 397–398]. Объяснением данной «победы» могут выступать финансовые соображения, потребность вовлечения женщин в сферу оплачиваемого, а не только домашнего, труда в условиях городского образа жизни (часто съемное жилье, отсутствие приусадебного хозяйства, потеря кормильца и т.д.), а также, как уже отмечалось, значительное количество иждивенцев в структуре семей. Современный алтайский историк Ю.М. Гончаров приводит следующие примеры женских «промыслов» Тобольска: делание

рукавиц и чирков, прядение ниток, тkanie рогож, выделыванием мехов, приготовление и продажа калачей и кваса и др. [28. С. 331].

Таким образом, на рубеже XIX–XX в. в городах Тобольской губернии ведущим источником пополнения и «обновления» городского населения выступили русские крестьяне. Процесс формирования населения крупнейших городов губернии осуществлялся в результате внешних миграций крестьян (Тюмень, Тобольск, Ишим), в то время как в малых городах рост населения осуществлялся за счет внутренних мигрантов и рекрутинга местных крестьян (Березов, Сургут). Процесс адаптации недавних сельских жителей в городской среде носил разнонаправленный характер. Так, материалы Первой всеобщей переписи 1897 г. позволили установить, что, с одной стороны, крестьяне непосредственно влияли на демографическую конъюнктуру городов Тобольской губернии (преобладание мужского населения над женским, низкий процент лиц

с физическими недостатками, «омоложение» брачного возраста, понижение общего уровня грамотности населения), с другой стороны, вовлечение в городской образ жизни и необходимость выживания в новой социально-экономической среде приводили к видимым трансформациям новых горожан (отказ от земледельческого труда, сравнительно высокий процент грамотных, участие женщин в профессиональном труде, нивелирование этнической обобщенности отдельных национальных групп крестьян). Включение крестьян, проживающих в городах, в сферу наемного труда свидетельствовало о развитии буржуазных отношений и размывании сословной структуры российского общества рубежа веков, а сам акт крестьянских миграций в города (а не другие сельскохозяйственные районы), приводивший к отказу от традиционных видов занятий (земледелие, скотоводство, промыслы) и деревенского образа жизни, являл собой важный этап его модернизации.

Список источников

1. Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в дореформенной России // Вопросы истории. 1955. № 9. С. 26–40.
2. Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX в. : (взаимоотношение города и деревни в социально-экономическом строе России). М. : Наука, 1983. 269 с.
3. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 548 с.; Т. 2. 583 с.
4. Горюшкин Л.М. К характеристике народонаселения Сибири периода империализма // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1975. С. 74–86.
5. Сагайдачный А.Н. Демографические процессы в деревне Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 2000. 141 с.
6. Тяпкина О.А. Сословный состав населения малых городов Западной Сибири во второй половине XIX в. // Гуманитарные исследования на пороге нового тысячелетия. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. С. 25–28.
7. Панишев Е.А. Социально-демографическое развитие Тобольской губернии в 1861–1913 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010. 23 с.
8. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Барнаул : Алт. гос. ун-т, 2014. 252 с.
9. Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. 384 с.
10. Юнусова Л.В. Городская провинциальная семья Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2013. 26 с.
11. Зверев В.А. Внутрисемейные отношений у русских крестьян Сибири конца XIX – начала XX в. // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск : Новосиб. гос. пед. ин-т, 1981. С. 92–108.
12. Зверев В.А. Особенности естественного движения городского и сельского населения Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Город и деревня Сибири в досоветский период. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 1984. С. 103–113.
13. Зверев В.А. Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма (историко-демографический анализ). Новосибирск : Новосиб. гос. пед. ин-т, 1991. 148 с.
14. Лобанова Л.В. Русская крестьянская семья Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX в. : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2013. 26 с.
15. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел, 1905. Т. 78: Тобольская губерния. 247 с.
16. Завалишин И. Описание Западной Сибири. Томская губерния. М. : О-во распространения полез. зн., 1865. 276 с.
17. Головачев П.М. Экономическая география Сибири. М. : тип. т-ва И.Д. Сытина, 1914. 183 с.
18. Огановский Н.П. Народное хозяйство Сибири. Омск : Сиб. отд-ние Всеросс. центр. союза потреб. о-в, 1921. 175 с.
19. Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
20. Петров М. Западная Сибирь: губернии Тобольская и Томская. М., 1908. 205 с.
21. Рашин А.Г. Население России за 100 лет : статистические очерки. М. : Госстатиздат, 1956. 351 с.
22. Степанин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962. 561 с.
23. Вибс П.П. Переселение крестьян Европейской России в Тобольскую губернию во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1994. № 3. С. 94–114.
24. Покшишевский В.В. Заселение Сибири (историко-географические очерки). Иркутск : Иркут. обл. гос. изд-во, 1951. 202 с.
25. Дмитриев-Мамонов А.И. Однодневная перепись населения города Тобольска 11 апреля 1882 г. // Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. Тобольск, 1884. С. 351–404.
26. Зверев В.А. Дети – отцам замена. Воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск : Изд-во НГПИ, 1993. 244 с.
27. Население Западной Сибири в XX в. / отв. ред. Н.Я. Гушин, В.А. Исупов. Новосибирск : Изд-во Сиб. отд-ния Рос. акад. наук, 1997. 171 с.
28. Гончаров Ю.М. Женщины фронта: сибирячки в региональном социуме середины XIX – начала XX в. // Социальная история. 2003 : ежегодник. М. : Наука, 2003. С. 324–341.
29. Однодневные переписи населения главных городов Сибири // Записки Западно-Сибирского отдела государственного Русского географического общества. Омск, 1882. Кн. IV. С. 18–29.
30. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб. : Тип. Карла Вульфа, 1871. Вып. 60: Тобольская губерния: ... по сведениям 1868–1869 гг. 196 с.
31. Россия, 1913 г. : статистико-документальный справочник / отв. ред. А.П. Корелин. СПб. : Блиц, 1995. 416 с.

32. Кауфман А.А. Тобольская губерния // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб. : Тип. Брокгауз–Ефрон, 1901. Т. 33. С. 375–384.
33. Гончаров Ю.М. Демографические процессы в городах Тобольской губернии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2007. Вып. 7. С. 158–165.
34. Гончаров Ю.М., Чутчев В.С. Мещанское сословие Западной Сибири. Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2012. 244 с.

References

1. Ryndzyunskiy, P.G. (1955) *Krestyane i gorod v doreformennoy Rossii* [Peasants and the city in pre-reform Russia]. *Voprosy istorii*. 9. pp. 26–40.
2. Ryndzyunskiy, P.G. (1983) *Krestyane i gorod v kapitalisticheskoy Rossii vtoroy poloviny XIX v.:* (vzaimootnoshenie goroda i derevni v sotsialno-ekonomicheskom stroye Rossii) [Peasants and the city in capitalist Russia of the second half of the 19th century: the city – village relationship in the socio-economic structure of Russia]. Moscow: Nauka.
3. Mironov, B.N. (2003) *Sotsialnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [Social history of Russia during the imperial period (18th – early 20th century)]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
4. Goryushkin, L.M. (1975) K kharakteristike narodonaseleniya Sibiri perioda imperializma [On the characteristics of the population of Siberia during the imperialist period]. In: Goryushkin, L.M. (ed.) *Voprosy istorii sotsialno-ekonomicheskoy i kulturnoy zhizni Sibiri* [Problems of the History of Socio-economic and Cultural Life of Siberia]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 74–86.
5. Sagaydachnyy, A.N. (2000) *Demograficheskie protsessy v derevne Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [Demographic processes in the rural Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th century]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography.
6. Tyapkina, O.A. (2001) Sosloynnyy sostav naseleniya malykh gorodov Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX v. [Class composition of the population of small towns in Western Siberia in the second half of the 19th century]. In: *Gumanitarnye issledovaniya na poroge novogo tysyacheletiya* [Research in Humanities on the threshold of the new millennium]. Barnaul: Altai State University. pp. 25–28.
7. Panishev, E.A. (2010) *Sotsialno-demograficheskoe razvitiye Tobolskoy gubernii v 1861–1913 gg.* [Socio-demographic development of Tobolsk province in 1861–1913]. Abstract of History Cand. Diss. Tyumen.
8. Skubnevskiy, V.A. & Goncharov, Yu.M. (2014) *Goroda Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.:* *Naselenie. Ekonomika. Zastroyka i blagoustroystvo* [Cities of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th century: Population. Economy. Development and Improvement]. Barnaul: Altai State University.
9. Goncharov, Yu.M. (2002) *Gorodskaya semya Sibiri vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [Urban Family of Siberia in the Second half of the 19th – Early 20th Century]. Barnaul: Altai State University.
10. Yunusova, L.V. (2013) *Gorodskaya provintsialnaya semya Tobolskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Urban provincial family of Tobolsk province in the second half of the 19th – early 20th century]. Abstract of History Cand. Diss. Ekaterinburg.
11. Zverev, V.A. (1981) Vnutrisemeynye otnosheniya u russkikh krestyan Sibiri kontsa XIX – nachala XX v. [Intra-family relations among Russian peasants of Siberia in the late 19th – early 20th century]. In: *Krestyanstvo Sibiri perioda razlozheniya feodalizma i razvitiya kapitalizma* [Peasantry of Siberia during the decomposition of feudalism and development of capitalism]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical Institute. pp. 92–108.
12. Zverev, V.A. (1984) Osobennosti estestvennogo dvizheniya gorodskogo i selskogo naseleniya Sibiri (konets XIX – nachalo XX vv.) [Natural movement of urban and rural population of Siberia (late 19th – early 20th centuries)]. In: *Gorod i derevnya Sibiri v dosovetskiy period* [City and village of Siberia in the pre-Soviet period]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical Institute. pp. 103–113.
13. Zverev, V.A. (1991) *Semeynoe krestyanskoe domokhozyaystvo v Sibiri epokhi kapitalizma (istoriko-demograficheskiy analiz)* [Peasant family household in Siberia during capitalism (a historical and demographic analysis)]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical Institute.
14. Lobanova, L.V. (2013) *Russkaya krestyanskaya semya Tobolskoy gubernii vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [Russian peasant family of Tobolsk province in the second half of the 19th – early 20th century]. Abstract of History Cand. Diss. Ekaterinburg.
15. Troynitskiy, N.A. (ed.) (1905) *Pervaya Vseobshchaya perepis naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [First General Census of the Russian Empire in 1897]. Vol. 78. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs.
16. Zavalishin, I. (1865) *Opisanie Zapadnoy Sibiri. Tomskaya guberniya* [Description of Western Siberia. Tomsk province]. Moscow: O-vo rasprostraneniya polezn. kn.
17. Golovachev, P.M. (1914) *Ekonomicheskaya geografiya Sibiri* [Economic Geography of Siberia]. Moscow: I.D. Sytin.
18. Oganovskiy, N.P. (1921) *Narodnoe khozyaystvo Sibiri* [National Economy of Siberia]. Omsk: Sib. otd-nie Vseross. tsentr. soyuza potreb. o-v.
19. Dameshek, L.M. & Remnev, A.V. (eds) (2007) *Sibir v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia as part of the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
20. Petrov, M. (1908) *Zapadnaya Sibir: gubernii Tobolskaya i Tomskaya* [Western Siberia: Tobolsk and Tomsk provinces]. Moscow: [s.n.].
21. Rashin, A.G. (1956) *Naselenie Rossii za 100 let* [Population of Russia for 100 years]. Moscow: Gosstatizdat.
22. Stepynin, V.A. (1962) *Kolonizatsiya Eniseyskoy gubernii v epokhu kapitalizma* [Colonization of Yenisei province during capitalism]. Krasnoyarsk: [s.n.].
23. Vibe, P.P. (1994) *Pereselenie krestyan Evropeyskoy Rossii v Tobolskuyu guberniyu vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Resettlement of peasants from European Russia to Tobolsk province in the second half of the 19th – early 20th century]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*. 3. pp. 94–114.
24. Pokshishevskiy, V.V. (1951) *Zaselenie Sibiri (istoriko-geograficheskie ocherki)* [Settlement of Siberia (historical and geographical essays)]. Irkutsk: Irkut. obl. gos. izd-vo.
25. Dmitriev-Mamonov, A.I. (1884) Odnodnevnyaya perepis' naseleniya goroda Tobolska 11 aprelya 1882 g. [One-day census of the population of Tobolsk on April 11, 1882]. In: *Pamyatnaya knizhka Tobolskoy gubernii na 1884 god* [Memorial book of Tobolsk province for 1884]. Tobolsk: [s.n.]. pp. 351–404.
26. Zverev, V.A. (1993) *Deti – ottsam zamena. Vosproizvodstvo selskogo naseleniya Sibiri (1861–1917 gg.)* [Children are fathers' replacement. Reproduction of the rural population of Siberia (1861–1917)]. Novosibirsk: NSPU.
27. Gushchin, N.Ya. & Isupov, V.A. (eds) (1997) *Naselenie Zapadnoy Sibiri v XX v.* [Population of Western Siberia in the 20th century]. Novosibirsk: RAS.
28. Goncharov, Yu.M. (2003) Zhenshchiny frontira: sibiryachki v regionalnom sotsiume serediny XIX – nachala XX v. [Women of the Frontier: Siberian Women in the Regional Society of the Mid-19th – Early 20th Century]. In: *Sotsialnaya istoriya. 2003* [Social History. 2003]. Moscow: Nauka. pp. 324–341.
29. The State Russian Geographical Society. (1882) Odnodnevnyye perepisi naseleniya glavnykh gorodov Sibiri [One-day censuses of the population of the main cities of Siberia]. In: *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela gosudarstvennogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the West Siberian Department of the State Russian Geographical Society]. Vol. 4. Omsk: [s.n.]. pp. 18–29.
30. Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. (1871) *Spiski naselennykh mest Rossiyskoy imperii, sostavlenkiye i izdavaemye Tsentralnym statisticheskim komitetom Ministerstva vnutrennikh del* [Lists of populated areas of the Russian Empire, compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs]. Vol. 60. St. Petersburg: Karl Wulf.
31. Korelin, A.P. (ed.) (1995) *Rossiya, 1913 g.: statisticheskoe-dokumentalnoye spravochnik* [Russia, 1913: statistical and documentary reference book]. St. Petersburg: Blits.

32. Kaufman, A.A. (1901) Tobolskaya guberniya [Tobolsk province]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Vol. 33. St. Petersburg: Tip. Brokgauz-Efron. pp. 375–384.
33. Goncharov, Yu.M. (2007) Demograficheskie protsessy v gorodakh Tobolskoy gubernii [Demographic processes in the cities of Tobolsk province]. *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii*. 7. pp. 158–165.
34. Goncharov, Yu.M. & Chutchev, V.S. (2012) *Meshchanskoe soslovie Zapadnoy Sibiri* [The petty bourgeois class of Western Siberia]. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.

Сведения об авторах:

Пожарская Ксения Александровна – кандидат исторических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: kse-pozhar@mail.ru

Брюханова Елена Александровна – кандидат исторических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: elena@hist.asu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Pozharskaya Ksenia A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: kse-pozhar@mail.ru

Bryukhanova Elena A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: elena@hist.asu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.02.2022; принята к публикации 15.05.2025

The article was submitted 07.02.2022; accepted for publication 15.05.2025

Научная статья
УДК 94(470.6)“1930...”
doi: 10.17223/19988613/95/8

Азово-Черноморский край к середине 1930-х гг.: особенности и проблемы промышленного развития

Дмитрий Анатольевич Салфетников

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, Краснодар, Россия, da.salfetnikov@mail.ru

Аннотация. Поставлен вопрос о специфике развития промышленности Азово-Черноморского края в период его образования в контексте задач индустриализации. Показаны особенности роста промышленного сектора края в связи с преобладанием аграрной специфики большинства его районов. Анализируется степень зависимости промышленных предприятий Дона и Кубани, входивших в край, от своей ресурсной базы. Показано отличие донских районов от кубанских как более индустриальных. Отмечены производственные проблемы, связанные с обеспечением ресурсами, дисциплиной и организацией труда, внедрением новой техники.

Ключевые слова: Азово-Черноморский край, промышленность, производственный план, аграрный сектор

Для цитирования: Салфетников Д.А. Азово-Черноморский край к середине 1930-х гг.: особенности и проблемы промышленного развития // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 95. С. 56–64. doi: 10.17223/19988613/95/8

Original article

The Azov-Chernomorsky Territory by the mid 1930-s: features and problems of industrial development

Dmitriy A. Salfetnikov

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russian Federation, da.salfetnikov@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to consider the state of the Azov-Chernomorsky Territory industry since its foundation in 1934, the ratio of the industrial sectors of the Kuban and Don, which were the parts of the region, as well as their production tasks and problems. The sources of the study were the materials of the State Archives of the Krasnodar Territory and the Rostov Region, the materials of statistical collections, analytical works of the author concerning the period under study, the collections of party and state documents, and the works of contemporary authors on this topic. They showed the features of the Don and Kuban region industry, the differences in their production orientation and potential, due to the presence of a local raw material base and the degree of its development. In this regard, it is stated that industry, including heavy industry and agriculture, was more developed in the Don regions. There was also a coal industry with its development prospects. In Kuban, the state of the oil industry was mainly determined by the production capacity growth of oil refineries. The coal and oil industry of the Azov-Black Sea Territory was the most important segment of its economy. They emphasized their importance for the development of the fuel and energy complex as a whole. The conclusion is made about the close relationship between industry and agriculture of the region, which determined the prospects for its development. If the largest plant in Rostov-on-Don, "Rostselmash", produced agricultural machinery for the region and the country, then most of the Kuban enterprises were focused on processing agricultural products. There were several well-known factories related to heavy industry in the Kuban: the factory named after Sedin, "Armalit" and others. The Kuban was also distinguished by the presence of the sea coast, where a resort area began to be built during this period, which also contributed to the rise of the regional socio-economic status. The problems of the industrial sector of the region are shown, associated with the shortcomings in the material and raw material supply of factories, with the discipline in production and organization of labor, which negatively affected the implementation of production plans. The factors of industrial growth, labor productivity increase, the introduction of new equipment, and new methods of work in production are also analyzed. The author also draws a conclusion about the uneven distribution of industrial enterprises on the territory of the region, about the relative scarcity of large factories. At the same time, they noted the importance of the mining, processing, light, food, and heavy industries of the region for the country's economy during the studied period.

Keywords: Azov-Black Sea region, industry, production plan, agricultural sector

For citation: Salfetnikov, D.A. (2025) The Azov-Chernomorsky Territory by the mid 1930-s: features and problems of industrial development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 95. pp. 56–64. doi: 10.17223/19988613/95/8

Современные трактовки индустриального развития в нашей стране в 1930-е гг. далеко не всегда учитывают все многообразие факторов и исторических мотиваций, формирующих объективную картину индустриализации как исторического феномена и ответа на вызов эпохи. В частности, он раскрывается через рассмотрение экстраполяции общих задач и целеполагания индустриального развития на региональный уровень, где сказывались свои специфические условия – как природно-географические, ресурсные, так и демографические, социальные. В рамках существовавших тогда парадигм и социально-политических изменений вопросы развития промышленного сектора экономики имели первостепенное значение, и региональная картина промышленных отраслей к середине 1930-х гг. уже достаточно детально «вписывалась» в процесс и общую стратегию индустриализации.

В этот период в основном завершилась коллективизация, план второй пятилетки имел более реалистичный характер, чем первой, ставка на трудовой энтузиазм и социальное соревнование приобрела новый размах с появлением стахановского движения. Каждый регион в этой напряженной работе играл свою значимую роль, преодолевая достаточно сложные проблемы производственной жизни. Для южных районов России это был еще и новый этап развития, сопряженный как с проблемами экономического роста, так и с административно-территориальными изменениями, имеющими тенденцию к разукрупнению региональных субъектов.

В трудах исследователей тех лет, несмотря на явную пропагандистско-идеологическую канву, содержались попытки (иногда небезуспешные) анализа отдельных сторон индустриальных процессов, происходивших на Северном Кавказе, в том числе и в районах только что образованного Азово-Черноморского края. Они касались технических и кадровых изменений, проблем реконструкции и социалистического соревнования между производственными коллективами, которое было одним из важных факторов интенсификации труда [1]. В работах советских историков более позднего времени (70–80-е гг. XX в.) большое внимание уделялось роли партийного руководства промышленным строительством в регионе, был серьезно расширен фактологический материал [2]. На современном этапе исследований главной задачей остается комплексное рассмотрение как промышленного развития в районах края в целом, так и отдельных его сторон и аспектов во взаимосвязи с вопросами административно-территориальных преобразований с рассмотрением их причин.

Административно-территориальные преобразования, проводившиеся в районах Северного Кавказа в начале осуществления 2-го пятилетнего плана, были вызваны как социально-экономическими сдвигами в регионе, так и политической конъюнктурой того периода. На Юге России эти процессы не только были продолжением политики районирования в 1920-е гг., но и обуславливались затем национальной политикой советской власти на фоне последствий сплошной коллективизации. С 1930 г. система управления в созданном Северо-Кавказском крае (после ликвидации округов) работала не всегда с должным учетом местных специ-

фических условий. По мнению современных исследователей, в условиях административно-командной системы укрепление районов замыкалось часто не столько на учет их экономических особенностей, сколько на бюрократизации их аппарата, на прямом государственном управлении. И установление границ административных районов связывалось тогда с деятельностью и расположением сельскохозяйственных подразделений, в первую очередь совхозов [3. С. 96].

Система землеустройства в крае градировала свои подходы по видам хозяйств в условиях сплошной коллективизации, проводившейся нажимными действиями. В первую очередь проводилось землеустройство колхозов, имело место их укрупнение. Землеустройство совхозов в начале 1930-х гг. предполагало: выбор места для центральной усадьбы и размещение отделений, определение территориальных площадей и пастбищ, состава угодий и их местоположения, а также проектирование дорог [4. С. 81].

Эта сторона социально-экономических трансформаций в стране вписывалась в логику процессов индустриализации и коллективизации. Поэтому и административные, национальные и территориальные факторы напрямую были связаны с глобальными задачами модернизации страны. Проблемы и свершения первой пятилетки, в свою очередь, находили отражение в дальнейшей модификации административно-территориального устройства регионов, в частности в разделении в январе 1934 г. Северо-Кавказского края уже на два субъекта в составе РСФСР: Азово-Черноморского края (ранее занимавшую его северо-западную часть) и собственно Северо-Кавказского края с его довольно богатым и разнообразным этническим составом. Столицей Азово-Черноморского края стал г. Ростов-на-Дону, а первым секретарем Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) – Б.П. Шеболдаев [5. С. 185].

Следует сказать также и о том, что на период начала индустриализации в конце 1920-х гг. подавляющая часть (9/10) всей промышленной продукции на Северном Кавказе производилась в городах Ростове-на-Дону и Грозном, а также в Кубанском, Черноморском, Донском и Шахтинском округах. К началу 2-й пятилетки в автономных областях Северного Кавказа уже были построены десятки достаточно крупных промышленных предприятий, объем производства которых значительно возрос. Соответственно, изменилось и территориальное размещение промышленности, хотя новообразованный Азово-Черноморский край продолжал занимать в развитии промышленности Северо-Кавказского региона ведущие позиции [6. С. 37].

Кроме Северо-Донского округа (с Ростовом-на-Дону) с 26 районами и Адыгейской автономной области (5 районов), Азово-Черноморский край включал в себя 109 районов. Из них подавляющее большинство было кубанскими. В русле национальной политики того времени выделялось 6 национальных районов, из которых только один – Калмыцкий – находился среди донских, а остальные 5 были на территории Кубани. Так же, как и на Дону, на Кубани было три крупных города со своей довольно разнообразной промышленностью: Краснодар, Новороссийск и Армавир [7. С. 5–6].

Если практически все районы вновь образованного Северо-Кавказского края имели в своей экономике ярко выраженную сельскохозяйственную направленность, то в Азово-Черноморском это преобладание было характерно в основном для районов Кубани, но при этом со своей динамикой развития промышленности и спецификой этого сектора экономики. Районы Дона в большей степени отличались объемом промышленного производства, причем по тяжелой промышленности они были в лидерах: выделялся, конечно, Ростов-на-Дону с «Ростсельмашем», «Красным Аксаем» и другими заводами, но не только. Так, завод «Красный Котельщик» в Таганроге к началу 1934 г. поставлял котельное оборудование для автогигантов Горького и Ярославля, тракторных заводов Харькова, Сталинграда, Челябинска, для домен Тулы, Липецка, Кривого Рога и других больших строек первых пятилеток [8. С. 58].

В районах Кубани, входивших с 1924 г. в Северо-Кавказский, а с 1934 г. в Азово-Черноморский край (до 1937 г.), задачи промышленного развития во многом подчинялись нуждам сельского хозяйства. Прежде всего внимание акцентировалось на развитии мукомольной, маслособойной, кожевенной и других отраслей промышленности группы «Б», на рациональном распределении рабочей силы и концентрации мелкого производства. К моменту образования края население кубанских станиц, поставлявшее сырье для маслособойного и мукомольного производства, особенно тяжело пережило эпопею коллективизации с невосполнимыми потерями из-за голода и репрессивных действий комиссии по хлебозаготовкам зимой 1932–1933 гг.

Тем не менее в начале 2-й пятилетки «огромная роль в хозяйстве края и страны» отводилась росту пищевой промышленности, как и объем запланированных капиталовложений (почти 200 млн руб.). Шла дальнейшая реконструкция маслособойной, рыбной, консервной, мясной и сахарной промышленности. Пищевая промышленность края составляла 5,8% производства этой отрасли в стране. С образованием края развертывалось строительство кондитерской, безалкогольной, кисломолочной и холодильной промышленности. Здесь важно отметить не только увеличение мощности кубанских сахарных заводов, но и прорыв в маслособойной промышленности. Завершение строительства маслоэкстракционного завода в Краснодаре стало событием, поскольку старый прессовый способ производства заменялся технологически новым – экстракцией [8. С. 89, 112].

Из 2-го пятилетнего плана развития народного хозяйства районов СССР видно, какое значение имели районы Дона и Кубани в контексте задач промышленного развития новообразованного Азово-Черноморского края. Констатировалось, что из «аграрного района с незначительной промышленностью» он превратился в край с высокоразвитым сельским хозяйством в сочетании с крупной добывающей и обрабатывающей промышленностью. Особую роль государственные, партийные и хозяйственные органы (краевые и центральные) отводили топливной промышленности – угольной и нефтяной, в сфере как добычи, так и переработки. Угледобывающая отрасль географически была

расположена в донских районах, особенно выделялся здесь г. Шахты. Угледобыча составляла почти 11% по всему Донбассу (большая часть геологических запасов приходилась на высококачественные антрацитовые угли) и свыше 7% добычи угля по стране [8. С. 86, 111].

Надо сказать, что эта отрасль была одной из нескольких отраслей бывшего Северо-Кавказского края, которые отошли к Азово-Черноморскому краю полностью; к их числу относились еще черная металлургия, сахарная и табачная промышленность. Что же касается цветной металлургии, то она осталась в составе вновь образованного Северо-Кавказского края.

Нефтяная промышленность в основном находилась к моменту образования края на территории кубанских районов и занимала 23% от общей выработки нефти на Северном Кавказе. Крупнейший трест «Грознефть» находился как раз на территории Северо-Кавказского края. Из указанного объема меньше половины приходилось на добычу нефти, важное место отводилось на Кубани нефтепереработке. Трудно было переоценить работу Краснодарского и особенно Туапсинского нефтеперегонных заводов для краевой, республиканской, да и союзной экономики. Также ставилась плановыми органами и задача усиления геологоразведочных действий, эксплуатационного бурения с целью вовлечения в нефтедобычу новых районов – Хадзыженского и нескольких кубанских [8. С. 109, 113]. Но следует отметить, что геологоразведку приходилось осуществлять в непростых условиях: отсутствие достаточных технических или финансовых средств, нестыковки во взаимодействии ответственных за дело структур и организаций были частым явлением.

Например, в отчете о производственной деятельности за 1934 г. Азово-Черноморского геолого-гидрогеодезического треста отмечалось, что работы по бурению скважин должны были по плану начаться в апреле месяце. Но «ввиду отсутствия у Коммухоза лимитов к организации работы приступили лишь с 20 мая. Между тем станок, посланный трестом в Ейск, был пароходством задержан доставкой и доставлен только в июне. Однако к бурению приступить не удалось, так как у скважины ни штанг, ни обсадных труб не было, а Геолснаб, который должен был к этому времени доставить обсадные трубы, своего обязательства не выполнил. Благодаря этому скважина фактически не работала. Пробовали в июле все же бурить без обсадных труб, но из-за обвалов продолжать бурение было нельзя. Положение осложнилось еще тем, что буровая скважина заложена в самом центре города, по соседству с очень важными складами, потому бурение должно было производиться с особыми противопожарными предосторожностями... Был приглашен консультант из «Майнефти», который указал на необходимость принятия немедленных мер предосторожности, применения при бурении особой аппаратуры» [9. Л. 32].

К 1934 г. индустриализация в целом сохраняла форсированный характер, но деятельность Наркомата тяжелой промышленности (НКТП), возглавляемого Г.К. Орджоникидзе – сторонником более реальных и умеренных темпов индустриализации, повлияла на политику партии по отношению к инженерно-тех-

ническим работникам. Повлияла она и на плановые показатели, утвержденные XVII съездом ВКП(б) и оказавшиеся более выполнимыми в сравнении с показателями первой пятилетки [10. С. 204]. Проведение этого съезда – знакового события как в политической, так и в социально-экономической жизни советской страны, совпало по времени (январь–февраль 1934 г.) с административно-территориальными изменениями на юге России и выделением Азово-Черноморского края.

Его хозяйственная специфика обуславливала повышенное внимание властей разных уровней к данному региону в рамках задач, которые ставились его промышленности и сельскому хозяйству. Перспективы развития промышленности края во многом определялись его географическим положением и базой сырьевых ресурсов. Они были довольно выгодными: большое количество теплых дней в году, солнечного света, плодородные почвы (особенно на Кубани), наличие полезных ископаемых, ряд групп которых имел промышленное значение (уголь, нефть, газ, некоторые виды руд, цемент). Кроме того, если на Донской земле присутствовала лишь относительно небольшая полоса побережья Азовского моря (Таганрогский залив, у Азова и др.), то Кубань располагала тогда, как и сейчас, протяженным побережьем и Черного, и Азовского морей – единственных теплых незамерзающих морей России. Этот важный фактор не только способствовал развитию рыбной отрасли и портовой инфраструктуры, но и благоприятствовал отдыху и лечению людей [11. С. 11].

И в этом смысле значение причерноморских и приазовских районов Кубани трудно переоценить. Если из группы прибрежных городов Туапсе стал развиваться в это время как промышленный город (два его завода – нефтеперегонный и механический «Имени 11-летия Октябрьской революции» уже были известны и за пределами края), то Сочи ожидала другая судьба. Постановление Совнаркома СССР о строительстве курорта Сочи-Магиста с внесением его в реестр ударных строек 2-й пятилетки также выходит одновременно с образованием Азово-Черноморского края, в январе 1934 г. Совершенно новый советский курорт не просто противопоставлялся старым дореволюционным курортным центрам. Его создание входило в закономерную составляющую в индустриальную программу по формированию как материально-технической базы страны, так и культуры человека нового общества. Формирование Сочи-Магистинской курортной зоны заметно повлияло и на развитие городского хозяйства [12. С. 17].

На заседании бюро Азово-Черноморского крайкома ВКП (б) в присутствии тт. Метелева (он станет начальником стройки Сочи-Магистинской зоны), Ароцкера, Шеболдаева и др., было поручено в кратчайшие сроки провести опрос и дать предложения по строительству курортной зоны, его промышленной и городской инфраструктуры, улучшению работы железнодорожного транспорта на участке Туапсе–Сочи и пр. [13. Л. 17 об.].

Мы видим, что к середине 1930-х гг. в районах Юга России происходили существенные изменения в социально-экономическом развитии, в первую очередь –

в промышленном. Но были в начале 2-й пятилетки в этой сфере и свои проблемы, причем довольно острые, касались они не только и не столько планирования, сколько вопросов конкретной производственной жизни и их решения. Соответствующую аналитику можно увидеть на примере различных партийных, государственных и партийных форумов. Так, в 1934 г. на 1-й краевой Азово-Черноморской партконференции в резолюции по отчету Краевого комитета ВКП(б) речь шла о качественных показателях промышленности по итогам прошлого 1933 г. Были отмечены первые успехи по снижению себестоимости выпускаемой продукции, повышению производительности труда и снижению количества прогулов. Вместе с тем на конференции было указано, что эти качественные успехи являются первыми, но «далеко не достаточными».

Констатировалось, что, во-первых, новая техника осваивается медленно; во-вторых, качество выпускаемой продукции признавалось еще неудовлетворительным, особенно в легкой и пищевой промышленности. Следует заметить, что речь шла не о том, как наказать «отстающих» и какие санкции к ним принять, а больше о том, «какими еще огромными ресурсами» располагали отрасли местной промышленности. Снизил производительность труда почти все отрасли легкой промышленности в процентах к прошлому году, за исключением полиграфической. Например, в швейной промышленности этот показатель составил более 92%: процент немалый, но производственный план требовал большего. Среди отраслей впереди была тяжелая промышленность края, расположенная главным образом в промышленных городах Дона (кроме треста «Май-нефть», чьи предприятия находились на кубанской земле). В общем машиностроении производительность труда повысилась почти на 130%, сельскохозяйственное машиностроение («Ростсельмаш») прибавило на 122%, а завод «Трубопасталь» – на 103%. Также обстояло дело и на угольных шахтах Дона. В целом же выработка на одного рабочего к моменту образования края выросла более чем на 10% [14. С. 40].

Известный государственный и партийный деятель экономист Н.И. Бухарин, полемизируя со сторонниками теории «первоначального социалистического накопления», признавал, что определяющая роль в экономике принадлежит промышленности. Но в то же время он большое значение придавал развитию сельского хозяйства, которое, по его мнению, должно иметь равные возможности с промышленностью, а перераспределение средств между ними может быть только «до известных пределов» [15. С. 103].

Тесная связь промышленности Азово-Черноморского края с его сельским хозяйством была очень естественной и наглядной, особенно в районах Кубани. Но именно они и пострадали более других районов Советского Союза от последствий коллективизации и голода, от проводимой здесь в это время политики «раскалывания». Это негативно повлияло на экономику кубанских районов, но не на промышленную политику вообще, в условиях доминирования нажимных, административно-командных методов управления народным хозяйством во всех регионах страны.

Здесь уместно привести вывод, с которым согласны многие исследователи. К голоду тех лет привело во многом то, что форсированное развитие отраслей группы «А» (в основном тяжелой промышленности) не было сбалансировано с развитием сельского хозяйства, а также отраслей группы «Б» (легкой и перерабатывающей промышленности)» [16. С. 46].

Приоритет в развитии тяжелой промышленности определялся логикой развития советской экономики и партийно-государственной идеологией, что фиксировалось в решениях съездов и пленумов ЦК ВКП(б). Так, в начале 2-й пятилетки подчеркивалась преобладающая роль в области роста промышленной продукции уже не старых предприятий, а новых, также то, что технику предстояло осваивать, а это приносило «больше трудностей, чем использование старых или обновленных заводов...» [17. С. 74].

При этом необходимо учитывать, что пополняли рабочий класс Азово-Черноморского края, как, собственно говоря, и по всей стране, выходцы из сельских районов и рабочая молодежь «из пролетарских семей». Как отмечал один из ведущих специалистов в области индустриализации В. С. Лельчук, усугублялся процесс промышленного развития «слабостью технической базы легкой индустрии», наличием огромного количества мелкофабричного и полукустарного производства; деятельность этих предприятий упиралась в нехватку оборудования. В начале 2-й пятилетки сложность отношений между отраслями промышленного производства проявилась в неменьшей степени, чем в начале индустриализации [18. С. 155]. Поэтому в декабре 1935 г. на совещании ЦК ВКП(б) присутствовали представители всех крупных строек пятилетки, а также представители промышленности стройматериалов. Г.К. Орджоникидзе поднял вопрос о механизации труда и о том, что необходимо «правильно организовать работу», «избавляться от кустарщины» [19. С. 192].

В новообразованном Азово-Черноморском крае по отдельным отраслям тяжпрома ситуация была сравнительно позитивной. Но в отношении топливной промышленности следует прояснить отдельные моменты. В нефтяной промышленности некоторое снижение (по предприятиям не столько «Майнефти», сколько «Грознефти», размещенным на территории края) было обусловлено изменением методов добычи нефти. Вместо фонтанного способа стали больше использовать механизированные способы добычи, что требовало больших затрат труда по сравнению с первым. Кстати, это снижение учли даже в производственном плане. Несмотря на разворачивающуюся механизацию угольной промышленности, которая серьезно изменила угледобычу технически и технологически, в целом Донбасс оказался в сложном положении, а значит – и тесно связанные с ним шахты Дона. Анализ ситуации показал, что необходим пересмотр всего подхода к организации труда, текучести рабочих кадров и уравниловке на производстве [18. С. 173–174].

Кстати, именно в угольной промышленности больше всего и было проблем с уравниловкой в этот период: из-за частого использования рабочих не по своей квалификации, переброски их на другие участки, что

снижало и фактическую зарплату рабочих. По ее уровню в начале пятилетки угольная промышленность занимала четвертое место, а по плану предполагалось первое; горнорудная промышленность, наоборот, занимала первое вместо положенного по плану пятого. То есть расхождения между планируемыми показателями и реально достигаемыми, конечно, были: коррективы вносила сама производственная действительность, которая ставила в повестку дня новые проблемы. Так, недостаточно внедрялась сдельная форма оплаты труда. Приводился пример по «переброскам» с одной из шахтерских бригад, которая вынуждена была 58% своего рабочего времени использовать на другую работу, в результате выработала вполовину меньше нормы угля, а дневной заработок рабочего при этом составил 5,75 руб. вместо 9,08 [8. С. 80–81].

Решение данных проблем в области производительности труда, нормирования вышло на новый уровень уже в 1935 г., когда развернулось стахановское движение, нацеленное на максимально полное выявление возросших возможностей рабочих, мобилизацию их способностей к высокопроизводительному труду [20. С. 118]. Неслучайно оно началось как раз в угольной промышленности. Роль угля и нефти в набирающей обороты индустриализации трудно было переоценить, и эта сторона, безусловно, влияла на повышение экономического статуса Азово-Черноморского края. Дисциплина на производстве также приобретала все большее значение, не только экономическое, но и политическое. Ее усиление мотивировал и рост механизации производства. Неявки, прогулы расстраивали нормальный ритм работ, срывали производственный график.

В каждом конкретном случае причины увольнений работников предприятий рассматривались по их заявлениям, например, на заседаниях городских советов профсоюзов или их комиссий (РКК). А случаи были разные, иногда приходилось отстаивать права уволенных с работы по спорным моментам. Так, в декабре 1934 г. на заседании членов Президиума Краснодарского Горсовпрофа разбиралось заявление одной рабочей – сверловщицы Пуговичной фабрики – о неправомерности ее увольнения за прогул. В постановлении было отмечено следующее: «Учитывая, что невыход тов. Иост П.М. на работу 28.11. не является злостным прогулом, предложить директору УПП тов. Либерт изменить мотивы увольнения тов. Иост. Считать увольнение ее – по собственному желанию, согласно поданного заявления от 29.11. сего года, и немедленно выделить ей справку о работе на фабрике. Предложить председателю ГК тов. Воробьевой тщательно проверить причины ухода тов. Иост с работы и принять соответствующие меры к закреплению работниц на фабрике» [21. Л. 10]. Прогулы, увольнения обостряли проблему текучести рабочей силы и заставляли более тщательно и серьезно относиться к кадровой политике.

Вообще вопросам трудовой дисциплины, борьбе с прогулами уделялось большое внимание практически все 1930-е гг. На уровне высших правительственных, партийных и профсоюзных органов в Советском Союзе были приняты довольно жесткие постановления,

касающиеся укрепления трудовой дисциплины в производственной сфере. В частности, в данный период реализовывалось Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об увольнении за прогулы без уважительных причин» [22. С. 87].

В начале 2-й пятилетки прогулы в тяжелой промышленности сократились почти в 5 раз (50 тыс. «человекодней» против 240 тыс. в 1932 г.). Особенно положительная динамика была достигнута в той же угольной промышленности края: к концу 1933 г. сокращение прогулов было здесь в 27 раз против последнего года 1-й пятилетки. Но в сельхозмашиностроении («Ростсельмаш»), цементной промышленности «кривая» прогулов росла, хотя и не достигла уровня 1932 г. Главной причиной этого явления называлось «ослабление применения декрета о борьбе с прогулами, особенно по части запрещения принимать в течение полугодия уволенного прогульщика». Что касается легкой промышленности, то, кроме швейной, прогулы сократились в этой отрасли в 4,5 раза. Борьба за улучшение организации производства упиралась также в проведение мероприятий по уплотнению рабочего дня и «ликвидации излишков рабочей силы». Оправдывалось это хозяйственниками зачастую тем, что предприятия недогружены, а сокращать рабочую силу пропорционально уровню производства, по их мнению, было тогда невозможно [14. С. 41].

Недостатки в организации процесса производства, например на «Ростсельмаше», приводили к тому, что в некоторых цехах один производственный рабочий обслуживался несколькими вспомогательными рабочими. Кроме того, на примере этого замечательного предприятия демонстрировалась еще одна проблема: отставание в организации материального снабжения и складского хозяйства. Это приводило к слабой уплотненности рабочего дня и, соответственно, понижало производительность труда. Заявки на необходимое сырье не гарантировали его своевременного получения, ведь они проходили десятки инстанций. Но и при наличии сырья его разгрузка, распределение и хранение были часто таковы, что крайне нужные металлические профили, например, были «свалены в кучу» и хранились «в безобразном виде» [14. С. 43].

Анализируя работу краевой промышленности в 1934 г., специалисты отмечали, что недостаточная загрузка сырьем, получаемым централизованно, была одной из главных причин неполного использования производственной мощности предприятий большинства отраслей. Констатировалась неудовлетворительная работа снабженческих организаций, и ставилась задача упорядочить снабжение сырьем «сверху донизу», максимально улучшить работу центральных сбытовых контор, а реализацию части продукции передать трестам [23. С. 18]. Целей было две: приблизить производство к потребителю (что стимулировало бы и выработку предприятиями продукции для потребностей края), а также «заставить предприятия добиваться выпуска более качественной продукции».

В этот период сравнительно большое внимание уделялось выпуску продукции ширпотреба. Азово-Черноморскому краю правительство выделило на ор-

ганизацию соответствующих производств более 1 млн 300 тыс. руб. Этим поручено было заниматься районным организациям края, ведавшим выпуском промышленных товаров широкого потребления: в основном ими были РИКи (районные исполнительные комитеты) и городские советы. В их ведении находилось подавляющее большинство предприятий этого вида промышленности. Однако проблема заключалась в том, что районам проще было не новые производства у себя организовывать, а заниматься ходатайствами о передаче в их ведение предприятий, уже находящихся на их территории. Это при том, что только 19 районов (из почти полутора сотен районов края) имели свою промышленность. В основном по объему производства эти небольшие заводы и фабрики были сосредоточены в городах Ростове-на-Дону, Таганроге, Азове и в Ейском районе. Из них почти 28% приходилось на производство обуви (3 обувных фабрики), затем по объему – производство музыкальных (щипковых) инструментов, металлообработка и производство стройматериалов (в основном кирпича), деревообработка и даже добыча угля (только 2%). В аналитике того времени 1934 год заявлялся «переломным периодом» по части риковской и горсоветской промышленности, ведь по сравнению с 1933 г. объем производства вырос на 51%. Тем не менее по плановым заданиям итоги были «неудовлетворительными»: директивная политика требовала обязательного выполнения плана, а здесь он был выполнен «только» на 80% [23. С. 19].

Среди субъективных моментов, повлиявших на невыполнение плана, назывались и нарушения финансового порядка, имевшие место во взаимоотношениях предприятий райисполкомовской и горсоветской промышленности с местными бюджетами. Свою определяющую роль в развитии промышленности играло и преобладание аграрного сектора экономики Азово-Черноморского края. Например, его мукомольные предприятия за 1934 г. выпустили продукции на сумму, в 5 раз превышающую сумму объема продукции, выпущенной этой промышленностью, управляемой районными исполнительными комитетами и городскими советами, о чем говорилось выше [23. С. 18].

Этот фактор заключал в себе экономическую и политическую составляющие, причинами невыполнения плана назывались плохое руководство этой промышленностью районными исполкомами и горсоветами, недостаточная поддержка со стороны краевых органов. Но, кроме этого, были и проблемы со снабжением ряда предприятий сырьем, а также топливом и необходимыми материалами вспомогательного характера, отсюда – их неполная загрузка.

Для содействия в решении этих проблем, оперативного руководства местной промышленностью создавались промышленные отделы, которые, как отмечала тогда официальная пресса, «работали неплохо». В частности, центральная газета «Правда» в пример другим городам страны ставила один из городов Азово-Черноморского края – Таганрог, где сумели «деловито заняться своими местными предприятиями и освоить на местном сырье новые производства» [23. С. 13].

Как уже отмечалось, аграрный сектор Кубани был выражен в хозяйственной системе края в соотношении с промышленным даже больше, чем на Дону, но и здесь к моменту образования края позитивно зарекомендовали себя некоторые предприятия, внесшие заметный вклад в индустриальное развитие. Предприятия эти стали известными именно в рассматриваемый нами период, сделав немало и для сельского хозяйства Кубани, и для экономики края в целом. Так, в Краснодаре был открыт завод капитального ремонта моторов. Он был напрямую связан с сельским хозяйством, его механизацией, поскольку здесь ремонтировали моторы тракторов и уже работавших на полях комбайнов. Радиус его действия покрывал почти 100 МТС (машинотракторных станций), расположенных в кубанских районах. Связано с сельскохозяйственными агрегатами было и производство армавирского завода «Армалит», который стал крупным промышленным предприятием Азово-Черноморского края.

С переходом в ведение треста «Союззапчермет» определяется производственное направление завода им. Седина в сторону черной металлургии. Этот завод осваивал в 1933–1934 гг. стальное литье и другие виды производства в дополнение к выпускаемым им асфальтоукладчикам, кантовальным лебедкам, канавокопателям и другим видам продукции, столь необходимым на стройках 2-й пятилетки, в том числе крупных. Трудящиеся этого выдающегося предприятия именно в данный период, пережив огромные трудности со снабжением, кадрами, реорганизацией и прочими производственными проблемами, уверенно заявляли о выполнении плана в начале второй пятилетки и готовились к выпуску совершенно новых и современных видов промышленной продукции [24. Л. 43]. Деятельность подобных предприятий становилась заметной даже в общесоюзном масштабе. Хотя в целом она не меняла аграрной направленности региона, вместе с территориальными и производственными проблемами сельского хозяйства в определенном смысле влияла на преодоление административно-территориальной громоздкости, в частности на выделение именно в рассматриваемый период Азово-Черноморского края.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что промышленное развитие Азово-Черноморского края с начала его образования смогло преодолеть сложные препятствия, связанные как со специфическими чертами региона, так и с проблемами его аграрного и промышленного развития. С одной стороны, середина 1930-х гг. – это время завершения коллективизации как процесса радикальных изменений в сельском хозяйстве, из ко-

торых именно аграрный сектор Кубани вышел наиболее пострадавшим, но не потеряв своей значимости для экономики региона. С другой стороны, это период 2-й пятилетки с более взвешенными производственными планами, когда в целом завершается реконструкция старых заводов и идет строительство новых промышленных предприятий.

Окончательно утвердились методы административно-командной системы, которые проявились в административно-территориальных переменах на северном Кавказе, в реализации задач промышленного развития Азово-Черноморского края, где важнейшим сегментом была переработка сельскохозяйственного сырья и добыча энергоресурсов – в первую очередь угля и нефти.

Основной объем наиболее значительных промышленных предприятий приходился на немногочисленные города края: Ростов-на-Дону, Краснодар, Новороссийск, Таганрог, Новочеркасск, Туапсе и др. Край отличался неравномерностью размещения промышленных предприятий, кроме того, большая часть районов края не имела своей промышленности. Но именно этот период отличался развертыванием небольших (подчиненных местным органам власти) предприятий, смогших в сложных условиях индустриализации несколько увеличить выпуск товаров широкого потребления, крайний дефицит которых наблюдался в годы первой пятилетки. Полностью преодолеть его не было возможности, как и выполнить план по выпуску промтоваров, поскольку основной упор был сделан на переработку сельскохозяйственной продукции и добычу энергоресурсов, что было необходимо для союзной экономики.

К середине 1930-х гг. в промышленном развитии Азово-Черноморского края оставались проблемы, связанные с борьбой за улучшение организации производства, сокращение количества прогулов и укрепление дисциплины труда, за выпуск более качественной продукции. Проблемой оставалось и неполное использование производственной мощности заводов, связанное с недогрузкой сырья из-за его нехватки или длительных бюрократических согласований по его доставке, неудовлетворительной работы снабженческих организаций. Кроме кадровых вопросов, в ряде отраслей (нефтяной, угольной и др.) остро стоял и вопрос о внедрении новой техники и новых методов работы. Это актуализировало задачу повышения производительности труда накануне нового этапа соревновательного движения в промышленности края, учитывая ее структурные особенности и производственную направленность, востребованные экономикой страны в рассматриваемый период.

Список источников

1. Карцовник П.Б., Попов А.В. Соцсоревнование на новом подъеме. М. : Изд-во и тип. Профиздата, 1934. 78 с.
2. Болдырев А.Н. Советская историография партийного руководства индустриализацией на Северном Кавказе : дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1988. 226 с.
3. Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. 304 с.
4. Барсукова Г.Н., Юрченко К.А., Радчевский Н.М. Земельные отношения: исторический опыт и современные проблемы. Краснодар : КубГАУ, 2013. 200 с.
5. Ратушняк В.Н. История Кубани в датах, событиях, фактах. Краснодар : Экоинвест, 2003. 299 с.
6. Потоков Н.Ш. Развитие индустрии Кубани в 1926–1932 годах// Индустриализация Кубани и дальнейшее развитие промышленного производства (1920–1985 годы) : межвуз. сб. науч. тр. Краснодар : Краснодар. политехн. ин-т, 1986. С. 29–38.

7. Азово-Черноморский край и его регионы : справочни. / Азово-Черномор. краевое упр. нар.-хоз. учета. Ростов н/Д : РостСоюзоргучет, 1935. 488 с.
8. История индустриализации Северного Кавказа (1933–1941 гг.) : документы и материалы / под ред. В. И. Филькина и др. Грозный : Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1973. 622 с.
9. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-1855. Оп. 1. Д. 84.
10. Верт Н. История советского государства, 1900–1991 : пер. с фр. М. : Прогресс : Прогресс-Академия, 1992. 480 с.
11. Ахметгареева М.М., Нагалецкий Ю.Я. Гидрографическая сеть черноморского побережья Краснодарского края // Современные территориальные исследования : сб. ст. Краснодар : Просвещение-Юг, 2018. С. 11–13
12. Багдасарян С.Д., Самсоненко Т.А. Этапы формирования советского курорта: на примере города Сочи // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. № 4 (269). С. 15–21.
13. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 26.
14. Азово-Черноморский край : двухмесячный журнал. 1934. № 1-2.
15. Бухарин Н.И. Новое откровение о советской экономике или как можно погубить рабоче-крестьянский блок : к вопросу об экономическом обосновании троцкизма. М. : Политиздат, 1988. 497 с.
16. Погребинская В.А. Институциональные особенности начала индустриализации России (последняя треть XIX – первая треть XX вв.) : автореф. ... д-ра экон. наук. М., 2009. 50 с.
17. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1971). 8-е изд., испр. и доп. М., 1970. Т. 5: 1931–1941. 479 с.
18. Лельчук В.С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М. : Политиздат, 1984. 304 с.
19. Совещание по вопросам строительства в ЦК ВКП(б). Л. : Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. 340 с.
20. Салфетников Д.А. Процессы рационализации и проблемы стахановского движения на Кубани в 30-е гг. XX в. // Власть. 2011. № 4. С. 117–119.
21. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-340. Оп. 1. Д. 3.
22. Чупрытников С.А. Северо-Кавказские профсоюзы в социально-производственной сфере в 1930-е годы // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. № 1 (156). С. 84–94.
23. Соломин В.В. Местная промышленность Азово-Черноморского края // Азово-Черноморский край : двухмесячный журнал. 1935. № 1. С. 12–28.
24. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 55.

References

1. Kartsovnik, P.B. & Popov, A.V. (1934) *Sotssozovnoye na novom pod"eme* [Social competition on a new rise]. Moscow: Profizdat.
2. Boldyrev, A.N. (1988) *Sovetskaya istoriografiya partiynogo rukovodstva industrializatsiy na Severnom Kavkaze* [Soviet historiography of the party leadership of industrialization in the North Caucasus]. History Cand. Diss. Krasnodar.
3. Krinko, E.F. & Khlynina, T.P. (2009) *Istoriya Severnogo Kavkaza v 1920–1940-e gg.: sovremennaya rossiyskaya istoriografiya* [History of the North Caucasus in the 1920s – 1940s: Current Russian historiography]. Rostov on Don: RAS.
4. Barsukova, G.N., Yurchenko, K.A. & Radchevsky, N.M. (2013) *Zemel'nye otnosheniya: istoricheskiy opyt i sovremennyye problemy* [Land Relations: Historical Experience and Modern Problems]. Krasnodar: KubSAU.
5. Ratushnyak, V.N. (2003) *Istoriya Kubani v datakh, sobytiyakh, faktakh* [History of Kuban in Dates, Events, and Facts]. Krasnodar: Ekoinvest.
6. Potokov, N.Sh. (1986) *Razvitie industrii Kubani v 1926–1932 godakh* [Development of the Kuban industry in 1926–1932]. In: *Industrializatsiya Kubani i dal'neyshее razvitiye promyshlennogo proiz-vodstva (1920–1985 gody)* [Industrialization of the Kuban and further development of industrial production (1920–1985)]. Krasnodar: Krasnodar Polytechnic Institute.
7. Azov-Black Sea Regional Administration of National Economics. (1935) *Azovo-Chernomorskiy kray i ego regiony: spravochnik* [Azov-Black Sea Territory and its regions: A Handbook]. Rostov on Don: RostSoyuzorguchet.
8. Filkin, V.I. et al. (eds) (1973) *Istoriya industrializatsii Severnogo Kavkaza (1933–1941 gg.): dokumenty i materialy* [History of the Industrialization of the North Caucasus (1933–1941) Documents and Materials]. Grozny: Chech.-Ing. kn. izd-vo.
9. The State Archive of the Rostov Region (GARO). Fund R-1855. List 1. File 84.
10. Wert, N. (1992) *Istoriya sovetskogo gosudarstva, 1900–1991* [History of the Soviet state. 1900–1991]. Translated from French. Moscow: Progress: Progress-Akademiya.
11. Akhmetgarееva, M.M. & Nagalevsky, Yu.Ya. (2018) *Gidrograficheskaya set' chernomorskogo poberezh'ya Krasnodarskogo kraya* [Hydrographic network of the Black Sea coast of the Krasnodar Territory]. In: *Sovremennyye territorial'nye issledovaniya* [Modern Territorial Research]. Krasnodar: Prosveshchenie-Yug. pp. 11–13.
12. Bagdasaryan, S.D. & Samsonenko, T.A. (2020) *Etapy formirovaniya sovetskogo kurorta: na primere goroda Sochi* [Stages of the Soviet resort development: Sochi]. *Vestnik Adygeyskogo gosudar-stvennogo universiteta. Ser. 1. Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya.* 4(269). pp. 15–21.
13. The Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region (TsDNIRO). Fund R-8. List 1. File 26.
14. *Azovo-Chernomorskiy kray: dvukhmesyachnyy zhurnal.* (1934) № 1-2.
15. Bukharin, N.I. (1988) *Novoe otkrovenie o sovetskoy ekonomike ili kak mozno pogubit' raboche-krest'yanskiy blok: k voprosu ob ekonomicheskoy obosnovanii trotskizma* [New revelation about the Soviet economy, or how to destroy the workers' and peasants' bloc: on the question of the economic justification of Trotskyism]. Moscow: Politizdat.
16. Pogrebinskaya, V.A. (2009) *Institutsional'nye osobennosti nachala industrializatsii Rossii (poslednyaya tret' XIX – pervaya tret' XX vv.)* [Institutional features of the beginning of industrialization of Russia (last third of the 19th – first third of the 20th centuries)]. Economics Dr. Diss. Moscow.
17. The Communist Party of the Soviet Union. (1970) *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK (1898–1971)* [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenary sessions of the Central Committee (1898–1971)]. 8th ed. Vol. 5. Moscow: [s.n.].
18. Lelchuk, V.S. (1984) *Industrializatsiya SSSR: istoriya, opyt, problemy* [Industrialization of the USSR: History, Experience, Problems]. Moscow: Politizdat.
19. The Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). (1936) *Soveshchanie po voprosam stroitel'stva v TsK VKP(b)* [Conference on construction issues in the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)]. Leningrad: Partizdat TsK VKP(b).
20. Salfetnikov, D.A. (2011) *Protsessy ratsionalizatsii i problemy stakhanovskogo dvizheniya na Kubani v 30-e gg. XX v.* [Rationalization processes and problems of the Stakhanovite movement in Kuban in the 1930s]. *Vlast'*. 4. pp. 117–119
21. The State Archive of the Krasnodar Territory (GAKK). Fund R-340. List 1. File 3.

22. Chuprynnikov, S.A. (2015). Severo-Kavkazskie profsoyuzy v sotsial'no-proizvodstvennoy sfere v 1930-e gody [North Caucasian trade unions in the social and industrial sphere in the 1930s]. *Vestnik Adygeyskogo gosudar-stvennogo universiteta. Ser. 1. Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*. 1(156). pp. 84–94.
23. Solomin, V.V. (1935) Mestnaya promyshlennost' Azovo-Chernomorskogo kraia [Local industry of the Azov-Chernomorsky region]. *Azovo-Chernomorskiy kray: dvukhmesyachnyy zhurnal*. 1. pp. 12–28.
24. The State Archive of the Krasnodar Territory (GAKK). Fund R-1547. List 1. File 55.

Сведения об авторе:

Салфетников Дмитрий Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина (Краснодар, Россия). E-mail: da.salfetnikov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Salfetnikov Dmitry A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Political Science at the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: da.salfetnikov@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.02.2022; принята к публикации 15.05.2025

The article was submitted 26.02.2022; accepted for publication 15.05.2025

Научная статья

УДК 94:614.885(571.151)“192”

doi: 10.17223/19988613/95/9

Основные направления деятельности Российского общества Красного Креста в Ойратской автономной области в 1920-е гг.

Ксения Алексеевна Тишкина

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, ksetishkina@mail.ru

Аннотация. На основе привлечения архивных источников и материалов периодической печати представлены основные направления деятельности Российского общества Красного Креста (РОКК) в Ойратской автономной области в 1920-е гг. Особое внимание уделено процессу формирования ячеек организации в населенных пунктах Ойратии, а также проведению профилактики венерических заболеваний среди коренного населения области. Установлено, что работа сотрудников учреждения РОКК сталкивалась с проблемой, связанной с установлением контактов с коренным населением, которое сохраняло традиционные взгляды и практики в отношении медицинской помощи.

Ключевые слова: РОКК, Сибирь, Ойратская автономная область, медицина, алтайцы, коренное население Сибири

Благодарности: Работа поддержана средствами программы развития Алтайского государственного университета «Приоритет-2030».

Для цитирования: Тишкина К.А. Основные направления деятельности Российского общества Красного Креста в Ойратской автономной области в 1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 95. С. 65–71. doi: 10.17223/19988613/95/9

Original article

The main activities of the Russian Red Cross Society in the Oirat Autonomous Region in the 1920s

Ksenia A. Tishkina

Altay State University, Barnaul, Russian Federation, ksetishkina@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to highlight the main activities of the Russian Red Cross Society (RRCS) in the Oirat Autonomous Region in the 1920s, the work is based on the involvement of a wide range of sources, mainly unpublished materials identified in the State Archive of the Altai Republic (Gorno-Altaysk) and the State Archive of the Altai Territory (Barnaul), and supplemented with information from the periodical press of the 1920s. The activities of the Russian Red Cross Society were restored in Siberia in 1922. In Omsk, the Siberian Regional Office of the RRCS (SIBRRCS) was opened, which was the official representative of the RRCS in the region. Initially, SIBRRCS was engaged in the formation and dispatch of medical and nutritional detachments to help the starving of the Volga region and Siberia. After the settlement of the famine problem in the country, the activities of the RRCS focused around providing medical support to the indigenous population of Siberia. This was largely due to the growth of epidemiological diseases in the region. In 1923-24 ocular and venereal detachments with qualified personnel were sent to the Oirat Autonomous Region, which provided both outpatient admission of patients and performed operations. One of the main objectives of the RRCS was to increase the number of members and open new branches of the organization on the territory. The Oirat Autonomous Oblast, as a new administrative-territorial unit, was one of the promising areas for expanding the sphere of influence of the RRCS. By 1929, there were 11 branches of the organization with 738 members in the region. There are several directions in the work of the RRCS in the Oirat Autonomous Region. One of them was the identification and treatment of sexually transmitted diseases among the indigenous population. However, the fear of a high percentage of the spread of syphilis among the Altaians turned out to be in vain. Basically, the Russian population arriving from the European part of Russia and local Old Believers suffered from this disease. They were the main source of infection of Altaians with syphilis by contact and household means. Another direction can be distinguished by work with infancy and motherhood. Significant funds were allocated by the RRCS for the opening of a nursery in the field. The RRCS staff carried out work on the creation of first aid circles and chemical teams. Collecting donations was also one of the key areas in the work of the RRCS. The "RRCS Week" campaign, as well as events related to the celebration of the 10th anniversary of the RRCS in 1928, contributed not only to replenishing the budget of the organization and its cells, but also to attracting a new number of members. At the end of the study, it is concluded that the activities of the RRCS in the Oirat

Autonomous Region were of great importance for the development of the healthcare system in the region. The absence of large settlements with hospitals or paramedic stations made it difficult to obtain the necessary assistance. However, the problem of establishing contact with the indigenous population was an urgent one for the employees of the RRCS. Not only language barrier, but also to the preservation of traditional views and practices regarding medical care among the Altaians in the 1920s played their roles.

Keywords: RRCS, Siberia, the Oyrat Autonomous Oblast, medicine, Altaians, Indigenous peoples of Siberia

Acknowledgements: This work was supported in the framework of “Priority-2030” Program by the Altai State University.

For citation: Tishkina, K.A. (2025) The main activities of the Russian Red Cross Society in the Oirat Autonomous Region in the 1920s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 95. pp. 65–71. doi: 10.17223/19988613/95/9

В дореволюционный период Российское общество Красного Креста (РОКК) являлось одной из крупнейших организаций Российской империи с отделениями во многих населенных пунктах страны. С приходом к власти в октябре 1917 г. большевистского правительства все имущество РОКК было национализировано. С января 1918 г. начал действовать Комитет по реорганизации Общества Красного Креста, который принял на себя все функции организации [1. С. 11]. После подписания Брест-Литовского мирного договора весной 1918 г. советское правительство обратилось Международный Комитет Красного Креста с заявлением о принятии и соблюдении Женевской конвенции [2. С. 21]. В августе 1918 г. права РОКК в Советской России были утверждены в качестве самостоятельного юридического лица.

После окончания Гражданской войны работа РОКК была сосредоточена вокруг оказания помощи жертвам голода в Поволжье. Официальное признание деятельности Красного Креста в Советской России было провозглашено Международным комитетом Красного Креста 15 октября 1921 г. Данное событие имело большое значение для молодого государства. Работа РОКК в Советской России противопоставлялась деятельности организации в дореволюционный период, объединявшей «преимущественно дворян и привилегированный класс» и действовавшей «главным образом во время войны, а потому трудящиеся рабочие и крестьяне практически не получали помощи, на которую <...> имели право рассчитывать, при достигших их бедствиях: пожарах, наводнениях, неурожаях, эпидемиях и т.п.» [3. Л. 123]. В своем Уставе деятельность РОКК в Советской России опиралась на Международную Конвенцию 1906 г. и Гаагскую Конвенцию 1907 г. Целью общества являлись: «а) врачебная помощь больным и раненым воинам, удовлетворение их духовных и материальных нужд во время войны, как внешней, так и гражданской, б) врачебно-санитарная помощь во время стихийных и иных бедствий, в) помощь военнопленным» [4. С. 1].

В своей работе РОКК выступало как организация, содействующая правительству РСФСР по военной, морской и гражданской военно-санитарной службе. В случае мобилизации общество переходило в подчинение военно-санитарному отделу Народного комиссариата здравоохранения. Членами РОКК могли стать как «пролетарские организации», так и граждане РСФСР, «пользующиеся активным и пассивным избирательным

правом». Организации должны были вносить ежегодный членский взнос в размере 16 руб. золотом, а граждане – рубль золотом [5. С. 1]. Деятельностью РОКК управляли Совет и Центральный комитет. Вся отчетная документация направлялась Народному комиссариату здравоохранения. Согласно «Положению о низовых ячейках РОКК», ячейки могли формироваться как в населенных пунктах, так и при отдельных учреждениях, фабриках, воинских частях, вузах и т.д. При этом количество членов ячейки РОКК должно было быть не менее трех человек. В задачи низовых ячеек входили: пропаганда и популяризация деятельности РОКК; сбор членских взносов и пожертвований; участие в мероприятиях РОКК; шефство над лечебными учреждениями и пионерскими отрядами и т.д. Учреждение должно было предоставлять по одному из своих представителей на пленарные заседания комитетов РОКК.

В Сибири деятельность РОКК была восстановлена в 1922 г. В марте 1922 г. в Омске прошло совещание Сибирского областного управления РОКК (СИБРОКК) с заведующими губздравами, на котором были определены основные задачи РОКК в регионе: оказание помощи голодающим Поволжья и Сибири; осуществление поддержки коренного населения Сибири; обеспечение питанием беженцев; осуществление всесторонней медицинской помощи населению Сибири. Основные силы в первый год деятельности СИБРОКК были направлены преимущественно на поддержку голодающих в Сибири и прибывающих с западных территорий страны (голбеженцам). Учреждением было сформировано 14 врачебно-питательных отрядов (один из них был направлен в Поволжье), а по пути следования голбеженцев по Сибири действовали врачебно-питательные пункты, обслуживавшие ежедневно до 1 500 чел. [6. С. 4].

После урегулирования проблемы голода деятельность РОКК сосредоточилась вокруг оказания поддержки коренному населению Сибири. Во многих районах наблюдался рост эпидемиологических заболеваний – оспы, тифа, дизентерии и холеры [7. С. 420]. Невозможность оказания своевременной квалифицированной медицинской помощи приводило к росту заболеваемости и высокому уровню смертности среди населения региона. Изучение проблемы способствовало выявлению ряда наиболее серьезных болезней, среди которых были сифилис и трахома. Основная задача сотрудников РОКК заключалась во вступлении в контакт с коренными жителями Сибири, «...которые ра-

нее, при капитализме, были совершенно обойдены медицинской помощью» [3. Л. 145].

Одним из районов, нуждавшихся в квалифицированной медицинской поддержке, стала Ойратская автономная область (с 1929 г. – Ойротская автономная область). Новая административно-территориальная единица с центром в с. Улала (с 27 февраля 1928 г. – город) была выделена из состава Алтайской губернии летом 1922 г. [8. С. 64]. Количество жителей области составляло 82 948 чел. [9. С. 18]. По национальному составу в области преобладали русские и представители коренного «туземного» населения, объединенные под общим названием «алтайцы». В марте 1923 г. заместитель полномочного представителя Ойротской автономной области И.И. Зяблицкий направил письмо в Народный комиссариат здравоохранения, в котором обращал внимание на тяжелое положение в регионе после Гражданской войны. Существенная нехватка наблюдалась в медицинском оборудовании и персонале, особенно в условиях эпидемии тифа и холеры [10. Л. 68]. В серьезном ремонте нуждалась областная больница. В связи с отсутствием квалифицированного персонала в июле 1923 г. Ойратским облздравотделом было объявлено о начале приема на временные краткосрочные курсы сестер милосердия. На занятия приглашались женщины от 16 до 35 лет, грамотные и владеющие алтайским наречием. Продолжительность курсов составляла три месяца по программе, близкой к краткосрочным курсам сестер милосердия Красного Креста [11. Л. 7].

В конце 1923 г. Управлением Уполномоченного РОКК по Сибири было объявлено о начале подготовки подвижных отрядов по борьбе с трахомой и венерическими заболеваниями среди населения. Уездным уполномоченным РОКК были направлены анкеты, в которых предлагалось отметить количество туземного населения в уезде, название народностей, населенные пункты с высоким процентом проживания коренных жителей, основные заболевания среди граждан и т.д. В 1924 г. от РОКК было сформировано семь подвижных медицинских отрядов, которые должны были оказывать врачебную помощь, проводить обследования и организовывать санитарно-просветительную работу с малыми народами. Один из отрядов был направлен в Ойратскую автономную область.

Первый глазной отряд (глазотряд) СИБРОКК для обследования больных трахомой прибыл в конце января 1924 г. в с. Шебалино. Проведенное ранее медицинское обследование показало, что в данном населенном пункте был наиболее высокий процент распространения болезни среди алтайцев. Финансирование глазотряда шло за счет средств Сибирской потребительской кооперации. Отряд состоял из двух врачей, сестры милосердия, инструктора по охране материнства и младенчества, сиделки и служителя, а также был снабжен необходимыми хирургическими инструментами и медикаментами. Во главе отряда был врач-окулист Чепурин. Врачами отряда предполагалось проводить не только амбулаторный прием пациентов, но и операции [12. С. 1]. За первый месяц работы глазотрядом было зафиксировано 1 834 амбулаторных по-

сещения, из них 1 024 обратившихся были с глазными заболеваниями. Кроме этого, было проведено 123 операции, в результате чего 12 слепым людям возвращено зрение. За второй месяц работы отряда обратившихся было уже 3 295 человек, из них 2 370 – с глазными заболеваниями [13. С. 2].

Весной 1924 г. в Новониколаевске (с 1926 г. – Новосибирск) началось формирование венерического отряда (венотряд) для выявления среди жителей Ойратской автономной области болевших сифилисом или другими венерическими заболеваниями. Кроме того, в регион были посланы две «летучие амбулатории» под флагом РОКК с медикаментами и оборудованием.

Вопрос об открытии отделения РОКК в Ойратской автономной области был поднят еще в 1922 г., но более конструктивная деятельность по формированию отдела началась с 1924 г. Уполномоченным РОКК по Ойратской автономной области стал заведующий Ойратским облздравотделом врач Д.Г. Калениченко. Запись в члены общества проходила в канцелярии общего отдела облисполкома. В феврале 1924 г., после доклада Уполномоченного РОКК по Сибири А. Сереброва, вышло постановление Сибревкома о проведении с 1 по 7 апреля «Недели РОКК». Это мероприятие должно было привлечь население Сибири к ряду проблем, таких как «...восстановление сельской медицинской лечебной сети, организация медпомощи среди туземного населения, борьба с малярией, детской беспризорностью и возможными стихийными бедствиями» [8. Л. 115]. В «Неделю РОКК» также планировалось проведение различных мероприятий (спектаклей, концертов, лекций) с целью сбора денежных средств на нужды РОКК. Организационными вопросами по проведению мероприятия в уездах должна была заниматься специальная комиссия в составе представителей укома, уисполкома, упрфосоюза, уздрава, уездного отделения Губсоюза и РОКК. В с. Улала в пользу «Недели РОКК» был устроен благотворительный концерт.

В середине 1920-х гг. РОКК в Сибири приняло решение о пересмотре ранее поставленных задач своей работы. Это было связано с потерей актуальности изначально намеченного плана работы. К 1925 г. РОКК в сибирском регионе значительно расширил свою деятельность. Отделения организации действовали в семи губерниях и двух автономных республиках, а общее количество членов составляло 15 177 чел. [14. Л. 24].

Первостепенной задачей своей деятельности в Сибири РОКК видело оказание помощи коренным жителям региона. Летом 1924 г. Управление Уполномоченного РОКК по Сибири объявило о начале создания музея, «характеризующего быт туземного населения Сибири» [15. Л. 20]. В состав формирующейся коллекции должны были войти предметы, собранные сотрудниками отрядов СИБРОКК. Знание о быте коренного населения Сибири должно было дать представление о причинах их болезней и смертности. В перспективе СИБРОКК планировал организовать в Новониколаевске выставку собранных предметов.

Помимо установления контактов с коренным населением, РОКК планировало направить свою деятельность на повсеместное открытие ячеек «Службы здо-

ровья юных пионеров», а также особое внимание уделить проблеме охраны младенчества и материнства. В связи с широким распространением в советской пропаганде идей о «постоянной угрозе войны со стороны империалистов», РОКК взяло на себя работу по «укреплению санитарной обороны страны», которая выражалась в открытии кружков первой помощи, школ медицинских сестер, курсов дезинфекторов и т.д. Для привлечения большего количества членов РОКК был снижен членский взнос. Для городского населения он составил 30 коп., для сельских жителей – 15 коп., для красноармейцев и моряков – 5 коп. [16. Л. 31]. Кроме того, по решению Всероссийского съезда Уполномоченных РОКК от 5 июля 1924 г., 50% от членских взносов должны были оставаться в местных отделениях РОКК.

В 1926 г. Ойратский облздрав, обеспокоенный возможной проблемой высокой заболеваемости сифилисом среди коренного населения области, обратился в СИБРОКК с просьбой направить в регион специальный венотряд. Сформированное учреждение возглавил доктор Смородинов. В 1926–1927 гг. отрядом было обследовало четыре района, из них только в Улаганском и Кош-Агачском отмечена высокая доля коренного населения [17. С. 23]. Опасения Ойратского облздрав не оправдались: исследование венотряда показало, что степень распространения сифилиса не превышала средние показатели по количеству заболевших по Сибири. В Улаганском и Кош-Агачском районах случаи сифилиса были единичными с заражением контактно-бытовым путем. Наибольший процент страдающих сифилисом фиксировался в Уймонском районе среди русского населения и староверов, которые из-за тесного контакта с коренными жителями способствовали их заражению. Для решения сложившейся проблемы сотрудники отряда предлагали ограждать коренное население от контактов с заболевшими, а также проводить тщательную проверку приезжавших в Ойратскую автономную область переселенцев из Европейской части России. К 1927 г. отрядами РОКК была оказана помощь 9 202 чел., проживавшим в Шебалинском-Абайском, Уймонском, Улаганском, Кош-Агачском и Лебединском районах Ойратской автономной области.

Для ознакомления жителей Уймонского района со сложившейся проблемой распространения венерических заболеваний осенью 1928 г. врач четвертого венпункта СИБРОКК Селиванов предпринял поездку по населенным пунктам района. Он прочитал ряд тематических лекций «Сифилис в русской деревне», «Бич деревни – сифилис» и т.д., а также провел беседы с населением о необходимости обращения к специалистам в случае обнаружения заболевания [18. Л. 1].

В апреле 1927 г., согласно декретам ВЦИК и СНК РСФСР от 3 августа 1922 г. «О порядке учреждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли и порядке надзора за ними» и ЦИК и СНК СССР от 9 мая 1924 «О порядке утверждения уставов и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли и распространяющих свою деятельность на территории всего Союза ССР, и о надзоре за ними» был зарегистрирован

Ойратский областной комитет РОКК, который действовал в с. Улала. В состав организации вошли заведующий Облздравотделом врач И.И. Сысоев (председатель), заведующий больницей Г.М. Рябкин, заведующий организационным отделом Обкома ВЛКСМ М.К. Шарафудинов, инструктор Облотдела юных пионеров О.В. Тыдыкова, заведующая женотделом Востротина [19. Л. 38].

С конца мая 1927 г. в Лебедском аймаке при содействии облздрав начал работу тубдиспансер, при котором действовало стационарное отделение на 17 коек и осуществлялся амбулаторный прием. Кроме этого, сотрудники тубдиспансера проводили санитарно-просветительскую работу среди населения. За период действия медучреждения до 1 ноября 1927 г. в нем стационарное лечение прошли 53 человека (из них 47 русских, 6 алтайцев). Как отмечалось в отчете о работе тубдиспансера, терапия алтайцев проходила гораздо медленнее, чем у русских. Это было связано преимущественно с бытовыми условиями нахождения в медицинском учреждении. Алтайцы жаловались на питание и требовали большего количества чая, игнорируя другие напитки – кофе и какао. Основной проблемой для больных стационара являлся высокий процент курящих. Амбулаторным приемом воспользовались 937 алтайцев. Наплыв больных был связан с отсутствием медицинских учреждений в районе [20].

Осенью 1927 г. СИБРОКК объявил о проведении кампании среди отделов организации по сбору средств на санитарный самолет имени РОКК. Стоимость такого самолета была около 30 тыс. руб. СИБРОКК сделал приблизительный подсчет суммы пожертвований с каждого крупного населенного пункта и административно-территориальной единицы. Так, предполагалось, что по Ойратии удастся собрать 300 руб. Однако в «Неделю оборов» удалось собрать только 135 руб. 68 коп. [21. Л. 4]. Больше всего денег было собрано в Улале и Чемале. СИБРОКК не был доволен результатами сбора. Всего в организацию на строительство именно такого самолета поступило 2 000 руб. Неудачу в проведении акции сотрудники СИБРОКК видели как в ошибочном переводе средств на счет Осовиахима в пользу кампании «Наш ответ Чемберлену», так и в слабой подготовленности отделений РОКК к «подлинно общественной работе».

Одной из основных проблем для коренного населения Сибири являлась высокая детская смертность. В целом детская смертность до 5 лет в Сибири была значительно выше, чем в европейской части РСФСР, на 8–10% [22. С. 110]. Для решения данного вопроса был сформирован ряд учреждений по охране младенчества и материнства, которые действовали и в Ойротской области.

Важной задачей являлось повсеместное формирование в сельской местности яслей, которые должны были облегчить жизнь крестьянке, а также способствовать установлению контроля над здоровьем и развитием детей. Для открытия таких учреждений требовались финансовые вложения. Так, весной 1925 г. СИБРОКК выделил 300 руб. на оборудование яслей в с. Усть-Кан. В мае 1927 г. СИБРОКК дополнительно

выделил Ойратскому областному комитету РОКК кредит на 837 руб. 15 коп. на содержание воспитательных учреждений [23. Л. 8].

Летом 1929 г. Усть-Канский аймак посетила передвижная консультация охраны материнства и младенчества Наркомздрава. Для работы с коренным населением в учреждение была принята фельдшерица-акушерка, владеющая алтайским языком [24. Л. 13]. В отчете, подготовленном врачом Гуриной, отмечалось, что прогресса в медицинском обслуживании женщин и детей в населенных пунктах аймака не наблюдалось. Многие женщины не приходили на проводимые передвижной консультацией беседы и медосмотры. Во многом это было связано с тем, что большинство населения айлов находилось на полевых работах. Кроме того, женщины из числа коренного населения предпочитали обращаться к более традиционным формам поддержания женского здоровья. Пропаганда устройства яслей в Усть-Канском аймаке также проходила слабо. Сотрудники передвижной консультации взяли на себя устройство показательных яслей в колхозе Кырлык. Для этой цели к помощи была привлечена жена председателя сельсовета, которая во главе небольшой группы женщин занялась подготовкой и обустройством помещения под ясли. Уже 1 сентября 1929 г. ясли приняли 10 детей.

В ноябре 1929 г. на городском собрании членов РОКК в с. Улала был озвучен доклад тов. Власенко о положении областного комитета РОКК. К этому времени из 11 членов комитета активных оставалось только 2 человека. Ранее созданные РОКК учреждения – кружки первой помощи и химкоманды – работали слабо [25. Л. 19]. Для восстановления деятельности комитета требовался перезапуск его работы. В связи с этим был создан временный комитет РОКК, в состав которого вошли 8 человек.

В конце 1929 г. было объявлено о проведении в Ойротской автономной области с 1 по 8 декабря 1929 г. «Недели РОКК». Как отмечалось в газете «Ойротский край» за 3 декабря 1929 г., предпосылкой к организации мероприятия стал конфликт между СССР и Китаем. В газете отмечалось: «Поведение китайских империалистов заставляет нас усилить свою зоркость и серьезнее отнестись к вопросам строительства санитарной обороны» [26. С. 1]. В «Неделю РОКК» планировалось как проведение активной агитационной работы среди населения для привлечения новых членов в ряды организации, так и сбор средств на содержание детских яслей и организацию кружков первой помощи сестер запаса. С 2 по 8 ноября 1929 г. в помещении вендиспансера была открыта выставка, посвященная работе РОКК.

К 1928 г. количество членов РОКК по Ойратской автономной области составляло более 500 человек. Всплеск численности членов и открытия новых ячеек был во многом связан с празднованием 10-летия РОКК. Так, в с. Нижний Уймон осенью 1928 г. был проведен праздник в честь юбилейных событий. Организационной работой занимались врач Селиванов и местный драматический кружок. В день празднования был прочитан доклад «10 лет Советского Красного

Креста», а также прошел показ спектакля по произведению Б.С. Гинзбурга «Суд над врачом медучастка». Всего в мероприятии приняли участие 150 человек. В результате праздника было принято решение о создании в селе Комиссии по оздоровлению труда и быта, кружка первой помощи, а также ячейки РОКК, в которую сразу записались два человека [18. Л. 14].

В 1929 г. в Ойротской автономной области действовали ячейки РОКК в Улале и селах Нижний Уймон, Катанда, Горбуново, Усть-Кокса, Верх-Уймон, Терект, Турочак, Лебедское, Озеро-Куреево, Дмитриевка с общим количеством приблизительно 738 членов, по национальному составу преимущественно русских [27. Л. 9 об.]. Ячейки РОКК действовали и при различных организациях и учреждениях, например при инвалидной артели «Путь», Союзе СХИР и добровольной пожарной дружине.

К 1929–1930 гг. по Сибири регистрировалось около 38 тыс. членов РОКК (для Ойратской автономной области контрольная цифра по количеству членов РОКК на 1930 г. была определена в 900 чел.). Больше половины из них составляли представители крестьянства и рабочего класса. Для реализации планов организации требовались большие финансовые вложения. В 1927–1928 гг. бюджет СИБРОКК составлял 365 тыс. руб., а в 1929–1930 гг. – 523 тыс. руб. Несмотря на высокие показатели, в деятельности РОКК в Сибири отмечались недочеты, требовавшие дальнейшей корректировки. Так, необходимо было привлечь большее количество членов организации из рабочей среды, расширить работу РОКК в сельской местности, увеличить количество курсов, кружков и дружин и т.д. В 1930 г. было объявлено о пятилетнем плане работы РОКК по Сибири, нацеленном на обслуживание «растущего социалистического строительства Советского Союза, на укрепление санитарной обороны страны» [28. Л. 2].

Российское общество Красного Креста – одна из немногих организаций, которая смогла продолжить свою работу в годы советской власти. Признание деятельности Красного Креста на территории Советской России (а затем и СССР) законной способствовало закреплению ее положения в качестве равноправного с европейскими странами государства. Деятельность РОКК также активно использовалось в СССР в качестве пропагандистского элемента. В многонациональном советском государстве все люди уравнивались в своих правах, а значит, каждый человек мог рассчитывать на получение бесплатной медицинской помощи. Сотрудники РОКК не только проводили обследования населения, но и сообщали политическую повестку. В новой административно-территориальной единице – Ойратской автономной области – требовалось уделить значительное внимание здравоохранению. Отсутствие крупных населенных пунктов с больницами или фельдшерскими пунктами затрудняло получение необходимой помощи. Кроме того, требовалось привлечение кадров, владеющих алтайским языком, для установления контакта с коренным населением. Появление в населенных пунктах области ячеек РОКК положительно сказалось на развитии здравоохранения. Сотрудники организации старались в первую очередь оказывать помощь лицам,

страдающим наиболее распространенными болезнями – трахомой, туберкулезом и сифилисом. Несмотря на это, проблема установления контакта с коренным населением,

которое сохраняло традиционные взгляды и практики в отношении медицинской помощи, продолжала быть актуальной в 1920-е гг.

Список источников

1. Асеев И.А., Каримов Р.Р. Реорганизация Российского общества Красного Креста после октября 1917 года (историко-правовой аспект) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 2. С. 10–17.
2. Вебер Л.Г. История краснокрестного движения. РОКК, его деятельность и задачи : (краткий очерк). М.–Л. : Рос. мед. изд-во, 1930. 64 с.
3. Государственный архив Алтайского края (ГAAK). Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 15.
4. Устав Российского общества Красного Креста. Иркутск, 1922. 2 с.
5. Калениченко Д.Г. Российское общество Красного Креста // Ойратский край. 1924. 12 фев.
6. Пять лет работы Общества Красного Креста в Сибири / под ред. М.И. Баранова; сост. М.А. Айзин. Новосибирск : Сиб. комитет О-ва Красного Креста РСФСР, 1927. 33 с.
7. Мальцева О.В. Работа Красного Креста среди малых народностей Сибири: по материалам государственного архива Новосибирской области (1920-е годы) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2010. Т. XVI. С. 419–422.
8. Белозерова М.В. К истории образования Ойротской автономной области (начало 1920-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 308. С. 61–65.
9. Материалы по статистике сельскохозяйственной, демографической, народного образования и экономической за 1923 г. по Ойратской автономной области / Обл. стат. бюро Ойратской автономной обл. Улала : Тип. Комунодела, 1923. Вып. 2. 31 с.
10. Казенное учреждение Республики Алтай «Государственный архив Республики Алтай» (КУ РА «Госархив РА»). Ф. 45. Оп. 1. Д. 4.
11. КУ РА «Госархив РА». Ф. 45. Оп. 1. Д. 1.
12. Красный Крест – Ойрату // Ойратский край. 1924. 6 фев.
13. Красный Крест ойратам // Ойратский край. 1924. 19 апр.
14. ГAAK. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 317.
15. ГAAK. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 136.
16. ГAAK. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 119.
17. Айзин М.Л. Сифилис в Ойротской области (по данным отчета венотряда Красного Креста) // Сибирский медицинский отряд. 1927. № 8-9. С. 23–26.
18. КУ РА «Госархив РА». Ф. 199. Оп. 1. Д. 3.
19. Там же. Ф. 51. Оп. 1. Д. 274.
20. В Ойротии... // Сибирский медицинский журнал. 1927. № 10-11. С. 135.
21. КУ РА «Госархив РА». Ф. 199. Оп. 1. Д. 2.
22. Васеха М.В. Политика охраны материнства и младенчества 1920-х гг. и «конструирование» матерей нового типа: опыт сибирской деревни // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 107–119.
23. КУ РА «Госархив РА». Ф. 100. Оп. 1. Д. 2.
24. КУ РА «Госархив РА». Ф. 199. Оп. 1. Д. 4.
25. КУ РА «Госархив РА». Ф. 199. Оп. 1. Д. 5.
26. Н. С 1 по 8 декабря проводится неделя РОКК // Ойротский край. 1929. 3 дек.
27. КУ РА «Госархив РА». Ф. 199. Оп. 1. Д. 6.
28. КУ РА «Госархив РА». Ф. 199. Оп. 1. Д. 7.

References

1. Aseev, I.A. & Karimov, R.R. (2019) Reorganizatsiya Rossiyskogo obshchestva Krasnogo Kresta posle oktyabrya 1917 goda (istoriko-pravovoy aspekt) [Reorganization of the Russian Red Cross Society after October 1917 (a historical and legal aspect)]. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2. pp. 10–17.
2. Veber, L.G. (1930) *Istoriya krasnokrestnogo dvizheniya. ROKK, ego deyatel'nost' i zadachi: (kratkiy ocherk)* [History of the Red Cross movement. ROKK, its activities and tasks: (a brief essay)]. Moscow; Leningrad: Ros. med. izd-vo.
3. The State Archives of the Altai Territory (GAAK). Fund R-104. List 1. File 15.
4. The Russian Red Cross Society. (1922) *Ustav Rossiyskogo obshchestva Krasnogo Kresta* [Charter of the Russian Red Cross Society]. Irkutsk: [s.n.].
5. Kalenichenko, D.G. (1924) Rossiyskoe obshchestvo Krasnogo Kresta [Russian Red Cross Society]. *Oyratskiy kray*. 12th February.
6. Baranov, M.I. (ed.) (1927) *Pyat' let raboty Obshchestva Krasnogo Kresta v Sibiri* [Five years of the Red Cross Society's work in Siberia]. Novosibirsk: Siberian Committee of the Red Cross Society of the RSFSR.
7. Maltseva, O.V. (2010) Rabota Krasnogo Kresta sredi malyykh narodnostey Sibiri: po materialam gosudarstvennogo arkhiva Novosibirskoy oblasti (1920-e gody) [The work of the Red Cross among small ethnic groups of Siberia: based on materials from the State Archive of Novosibirsk Region (1920s)]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. XVI. Novosibirsk: RAS. pp. 419–422.
8. Belozeroval, M.V. (2008) K istorii obrazovaniya Oyratskoy avtonomnoy oblasti (nachalo 1920-kh gg.) [On the history of the formation of the Oirat Autonomous Region (early 1920s)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 308. pp. 61–65.
9. Regional Statistical Bureau of the Oirat Autonomous Region. (1923) *Materialy po statistike selskokhozyaystvennoy, demograficheskoy, narodnogo obrazovaniya i ekonomicheskoy za 1923 g. po Oyratskoy avtonomnoy oblasti* [Materials on agricultural, demographic, educational and economic statistics for 1923 in the Oirat Autonomous Region]. Vol. 2. Ulala: Tip. Kомунодела.
10. The State Institution of the Altai Republic “The State Archives of the Altai Republic.” Fund 45. List 1. File 4.
11. The State Institution of the Altai Republic “The State Archives of the Altai Republic.” Fund 45. List 1. File 1.
12. *Oyratskiy kray*. (1924a) Krasnyy Krest – Oyratu [The Red Cross to Oirat]. 6th February.
13. *Oyratskiy kray*. (1924b) Krasnyy Krest oyratam [Red Cross to Oirats]. 19th April.
14. The State Archives of the Altai Territory (GAAK). Fund R-100. List 1. File 317.
15. The State Archives of the Altai Territory (GAAK). Fund R-17. List 1. File 136.
16. The State Archives of the Altai Territory (GAAK). Fund R-17. List 1. File 119.
17. Ayzin, M.L. (1927) Sifilis v Oyratskoy oblasti (po dannym otcheta venotryada Krasnogo Kresta) [Syphilis in the Oirat Region (according to the report of the Red Cross venereal disease team)]. *Sibirskiy meditsinskiy otryad*. 8-9. pp. 23–26.
18. The State Institution of the Altai Republic “The State Archives of the Altai Republic.” Fund 199. List 1. File 3.
19. The State Institution of the Altai Republic “The State Archives of the Altai Republic.” Fund 51. List 1. File 274.

20. Anon. (1927) V Oyrotii... [In Oirotia...]. *Sibirskiy meditsinskiy zhurnal*. 10–11. p. 135.
21. The State Institution of the Altai Republic "The State Archives of the Altai Republic." Fund 199. List 1. File 2.
22. Vasekha, M.V. (2019) Politika okhrany materinstva i mladenchestva 1920-kh gg. i "konstruirovaniye" materey novogo tipa: opyt sibirskoy derevni [The policy of maternal and infant welfare in the 1920s and the "construction" of a new type of mothers: the experience of a Siberian village]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. 2. pp. 107–119.
23. The State Institution of the Altai Republic "The State Archives of the Altai Republic." Fund 100. List 1. File 2.
24. The State Institution of the Altai Republic "The State Archives of the Altai Republic." Fund 199. List 1. File 4.
25. The State Institution of the Altai Republic "The State Archives of the Altai Republic." Fund 199. List 1. File 5.
26. N. (1929) S 1 po 8 dekabrya provoditsya nedelya ROKK [From December 1 to 8, the ROKK week is held]. *Oyratskiy kray*. 3rd December.
27. The State Institution of the Altai Republic "The State Archives of the Altai Republic." Fund 199. List 1. File 6.
28. The State Institution of the Altai Republic "The State Archives of the Altai Republic." Fund 199. List 1. File 7.

Сведения об авторе:

Тишкина Ксения Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: ksetishkina@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Tishkina Ksenia A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: ksetishkina@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.09.2022; принята к публикации 15.05.2025

The article was submitted 03.09.2022; accepted for publication 15.05.2025

Научная статья
УДК 364.4.025.224
doi: 10.17223/19988613/95/10

Особенности социальной защиты инвалидов, участников Великой Отечественной войны в контексте обеспечения государственной безопасности СССР в послевоенный период (1945–1953 гг.)

Павел Петрович Фантров¹, Алла Владимировна Даниюкова²

^{1,2} *Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия*

¹ *pavelfantrov@volsu.ru*

² *yub-183_526152@volsu.ru*

Аннотация. Необходимость проведения социальной политики в отношении инвалидов, являвшихся участниками боевых действий, в первые послевоенные годы обусловлена огромным количеством лиц с ограниченными возможностями здоровья, что представляло внутреннюю угрозу государственной безопасности СССР. В статье дается оценка актуальных на тот период социальных проблем инвалидов войны в контексте обеспечения безопасности Советского государства на основе анализа научной литературы и архивных источников.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, инвалид, социальная защита, государственная безопасность, пенсионное обеспечение

Для цитирования: Фантров П.П., Даниюкова А.В. Особенности социальной защиты инвалидов, участников Великой Отечественной войны в контексте обеспечения государственной безопасности СССР в послевоенный период (1945–1953 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 95. С. 72–78. doi: 10.17223/19988613/95/10

Original article

Features of social protection of disabled people, participants of the Great Patriotic War, in the context of ensuring state security of the USSR in the post-war period (1945–1953)

Pavel P. Fantrov¹, Alla V. Danyukova²

^{1,2} *Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation*

¹ *pavelfantrov@volsu.ru*

² *yub-183_526152@volsu.ru*

Abstract. The expediency of carrying out social policy measures in relation to disabled people who returned from the war in the first post-war years was due to the huge number of people with disabilities (about 3.8 million people), which created an internal threat to the state security of the USSR. At the end of the Great Patriotic War, the Soviet state faced one of the priority tasks, which was to provide social protection for the above-mentioned category of the population.

The purpose of the article is to identify the features of social protection of disabled people who returned from Great Patriotic War, through the prism of ensuring the state security of the USSR. To achieve this goal, the authors of the article used a system of scientific methods based on the principle of consistency, an institutional approach and analysis of archival sources, which made it possible to identify the social problems of disabled people among combatants who directly affected the security of the Soviet Union, and also consider the implementation of a number of areas of social protection in relation to them.

The theoretical and methodological foundations of the study are the ideas of I.V. Antonovich, N.F. Basova, G.N. Gordienko, V.Yu. Zolotareva, G.F. Krivosheeva and D.G. Khayarov, engaged in the study of the problems of social protection of the disabled in the post-war period.

In the process of the study, the authors come to the following conclusions:

1. One of the priority areas of social protection of disabled people in the post-war period (1945–1953) was pension provision. The levels of state disability pensions were highly differentiated and low. Mutual aid funds of collective farms played an important role.
2. The activities of medical and labor expert commissions caused a lot of complaints from the disabled who suffered as a result of Great Patriotic War. Nevertheless, when a significant percentage of demobilized citizens began to find jobs in large numbers at enterprises, cases of dismissal of disabled people were recorded in a number of regions of Soviet Union, and there were also cases of discrimination against this category of the population.
3. The management of large Soviet enterprises, supported by party workers, provided special workstations to facilitate the work of disabled people.

4. The Soviet post-war system of vocational training as a whole effectively solved the problems of training professional personnel. However, when a large proportion of the demobilized citizens began to seek employment in factories on a massive scale, there were cases in several regions of the Soviet Union where disabled persons who had been forced to work during the Great Patriotic War were dismissed. There have also been cases of discrimination against this population group.

5. With the end of Great Patriotic War, the problem of food provision was not completely resolved, as there were still disruptions in local supplies.

Keywords: Great Patriotic War, disabled person, social protection, state security, pension provision

For citation: Fantrov, P.P., Danyukova, A.V. (2025) Features of social protection of disabled people, participants of the Great Patriotic War, in the context of ensuring state security of the USSR in the post-war period (1945–1953). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 95. pp. 72–78. doi: 10.17223/19988613/95/10

Проблемы социальной защиты инвалидов, вернувшихся с фронта, в первые послевоенные годы являлись одними из наиболее актуальных внутренних угроз государственной безопасности. Тяжелым следствием Великой Отечественной войны было огромное количество инвалидов в стране. Согласно статистическим данным, за период Великой Отечественной войны по ранению и болезни из Красной Армии было демобилизовано примерно 3,8 млн человек, из них 2,6 млн получили инвалидность [1. С. 140]. Экономика того исторического периода существенно ограничивала возможности органов власти в сфере социальной защиты, не позволяя в должной степени создавать благоприятные условия для нормального функционирования всех инвалидов.

Отправляясь на войну молодыми здоровыми мужчинами, большинство из них вернулись озлобленными инвалидами, утратившими веру в счастливое будущее. Государство стремилось устроить вернувшихся искалеченных бойцов на работу, таким образом показав заинтересованность в их труде. Но все бремя боли раненого солдата несла, конечно, его семья. О том, с каким чувством они возвращались с войны, не написано в официальных источниках. Сколько из них желали для себя смерти, боялись возвращаться домой и становиться обузой близким? Многие инвалиды, пришедшие с войны, заливали свою боль алкоголем, и это становилось еще одной бедой для их семей.

В послевоенный период инвалидность устанавливалась не от тяжести увечий, а исходя из трудоспособности человека. Приобретая статус инвалида, который было крайне тяжело получить, бывший военный служащий включался в систему социальной поддержки нетрудоспособного населения и мог рассчитывать на государственную помощь, однако некоторые из них были вынуждены включиться в систему производства, например в деятельность по восстановлению хозяйства, разрушенного войной. Остальные инвалиды, вернувшиеся с фронта, не выдерживая испытаний, становились маргиналами, что способствовало интенсивному процессу люмпенизации. Часть инвалидов нищенствовала, остальные выполняли порученную им работу недостаточно эффективно, что вызывало недовольство руководителей и даже приводило к репрессиям. В качестве примера можно привести депортацию инвалидов на Соловки. Эти факторы представляли внутреннюю угрозу государственной безопасности.

Политика Советского государства в области социальной защиты инвалидов Великой Отечественной

войны в период с 1941 по 1953 г. несла в себе массу противоречий. Партия принимала ряд мер для улучшения жизни данной категории населения, но нельзя сказать, что все они были удачными. В послевоенное время наблюдались недостатки в работе органов социальной защиты. Особенно ярко эти недостатки проявились в 1945 г., когда система социальной защиты была практически разрушена, но с конца 1940-х гг. наблюдается некоторое улучшение в области медицинского обеспечения, укомплектования домов для инвалидов. Так, после восстановления протезных заводов в СССР в 1948 г. улучшилось обеспечение искалеченных войной протезами (увеличились количественные показатели, хотя качественные оставались по-прежнему на достаточно низком уровне). В этом же году согласно Приказу от 31 августа предусматривалась выдача инвалидам войны велоколясок [2], если они предоставляли медицинское заключение и справку врачебно-трудовой экспертной комиссии. При этом выдача велоколясок осуществлялась лишь тем инвалидам, которые не могли управлять мотоколяской.

Несмотря на позитивные изменения, у инвалидов, вернувшихся с фронта, оставались существенные социально-медицинские проблемы. В частности, протезная промышленность по Сталинградской области даже в первом полугодии 1945 г. работала с большими перебоями. Это можно объяснить разрушением Сталинградского протезного завода, постановление о восстановлении которого было принято на заседании бюро Сталинградского горкома ВКП(б) от 16 марта 1945 г. Строительство было поручено возглавить начальнику Гражданстроя и директору протезного завода [3]. Однако это постановление не было выполнено, что подтверждено архивными документами: «Несмотря на ряд решений Обкома ВКП(б) и Исполкома Облсовета и заключение договоров с гражданстроем, который обязан приступить к строительству с августа месяца, а до сих пор не приступил...» [4].

Наличие вышеуказанной проблемы объяснялось отсутствием строительных материалов. В частности, в докладной записке заведующего облбесом т. Дединова в обком ВКП(б) указано о неоднократном обращении в Гражданстрой и НКССО, но даже это не ускорило строительство протезного завода, который находился после Великой Отечественной войны в полуразрушенном состоянии. Другой причиной столь медленного восстановления производства были текучесть кадров и халатное отношение к обязанностям. В архивных документах отмечалось еще и то, что Сталинградский

протезный завод не был подготовлен к работе в зимних условиях. Причина – недостаток кожаных товаров и полуфабрикатов [4]. Неблагоприятная ситуация стала выправляться лишь с июля 1945 г. Помимо протезного завода в Сталинградской области, как и в других регионах СССР, функционировали мастерские по изготовлению протезов, благодаря которым удавалось избежать острого кризиса в протезировании инвалидов Великой Отечественной войны. В мастерской, расположенной в г. Камышине, за первое полугодие 1945 г. планировалось произвести 1 115 единиц протезных изделий и ортопедической обуви, а было выпущено лишь 719 единиц, т.е. 64,5%, из них за июль – 186 единиц (16,7%), за сентябрь – 192 единиц (17,2%). Таким образом, план выполнен на 98,4%. Сталинградский завод план за полугодие выполнил на 88%; в августе план не был выполнен по причине болезни мастеров, главным образом шорников [4].

В советских домах для инвалидов предусматривалось предоставление раненым медицинской помощи, так называемой медицинской реабилитации. Говоря о медицинском обслуживании, нельзя не отметить, что в учреждениях проживания инвалидов оно было на крайне низком уровне. Как правило, врачи не были прикреплены к домам для инвалидов, у них зачастую отсутствовали необходимые медикаменты и перевязочные средства. Например, дома для инвалидов Сталинградской области находились в запущенном санитарном состоянии. В архивных документах того времени описываются случаи, когда «смена белья производится несвоевременно, нарушаются правила внутреннего распорядка; недостаточный контроль работников домов инвалидов» [5].

В контексте темы исследования представляет интерес оценка функционирования учреждений для содержания инвалидов и контроля советского государства в этой области в период с 1945 по 1953 г. С 1945 г. начинается активная работа по обследованию домов для инвалидов, выявлению злоупотреблений, отмечается увеличение количества документов, свидетельствующих о работе этой сферы государственного обеспечения. Однако не стоит идеализировать ситуацию в данной области. К 1945 г. выявлены неоднократные злоупотребления в бытовом обеспечении инвалидов Великой Отечественной войны. Например, в Новоторжском доме-интернате в течение месяца несколько дней инвалидам не выдавался хлеб. В Старицком доме за инвалидов незаконно получали питание из столовой служащие. Не исключением было хищение средств, выделяемых домам для инвалидов. Только в 1945 г. в трех домах для инвалидов, где была проведена ревизия, обнаружены хищения на 60 тыс. руб. [6].

Давая оценку эффективности реализуемых государством мер, предпринимаемых по трудоустройству, материальному и бытовому обеспечению инвалидов Великой Отечественной войны, необходимо отметить, что в период с 1945 по 1953 г. произошли некоторые изменения по указанным направлениям социальной защиты. Хотя процент трудоустроенных инвалидов, вернувшихся с войны, и приблизился к ста, тем не менее недостатки в области их трудоустройства не были

устранены полностью. В послевоенные годы особенно актуальной для инвалидов являлась проблема переосвидетельствования и вследствие этого неправильного присвоения им группы инвалидности. Достаточно большую роль не только в трудоустройстве, но и в обеспечении населения товарами широкого потребления играла кооперация инвалидов, являвшихся участниками боевых действий. Неквалифицированность и текучесть кадров приводила к некачественной работе органов социальной защиты.

Таким образом, можно говорить о совокупности факторов, приводивших к неэффективности работы органов социальной защиты и, как следствие, к невыполнению постановлений правительства.

Материальным обеспечением инвалидов Великой Отечественной войны зачастую занимались местные органы советской власти, а также дополнительно создававшиеся учреждения. Большая часть нетрудоспособного населения проживала в домах для инвалидов или школах-интернатах, которые находились в ведении местной власти. Государство контролировало их деятельность и направляло соответствующие постановления и приказы о мерах по улучшению состояния данных учреждений.

Проблемы обучения, переквалификации инвалидов боевых действий, восстановления их трудоспособности и интеграции в жизнь советского социума в послевоенные годы были наиболее актуальными для данной категории населения. Решение этих проблем было значимо и для укрепления государственной безопасности СССР. Естественно, на практике не всегда получалось реализовывать все законодательные инициативы в отношении этой слабо защищенной категории граждан. Тем не менее забота об инвалидах Великой Отечественной войны в то время стала важнейшей государственной задачей. Государство тем самым компенсировало издержки, которые были обусловлены выполнением долга по защите Советской Родины. Руководство СССР в первые послевоенные годы пыталось усовершенствовать меры социальной поддержки данной категории населения. Г.Н. Гордиенко отмечает, что «...значительное внимание партия и правительство уделяли их материально-бытовому обслуживанию» [7. С. 66]. Большое количество инвалидов из числа бывших участников боевых действий в послевоенный период побуждало органы советской власти искать альтернативные способы и источники улучшения материально-бытовых условий рассматриваемой категории граждан.

Советскому руководству предстояло решить целый ряд неотложных задач в целях адаптации инвалидов Великой Отечественной войны к реалиям послевоенной жизни: разработать действенную систему пенсионного обеспечения, наладить функционирование медицинских учреждений, вовлечь инвалидов третьей группы в трудовую деятельность и пр.

Одно из приоритетных направлений социальной защиты инвалидов в послевоенный период (1945–1953) – пенсионное обеспечение. В первое время после окончания Великой Отечественной войны организацией выплат пенсий инвалидам занималось Управление по

государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. Согласно п. 3 Постановления Совета Министров СССР № 1759 от 13 августа 1946 г., функции этого ведомства были переданы Министерству социального обеспечения СССР. Такие изменения были обусловлены, по мнению советского руководства, тем, что данная реорганизация могла существенно улучшить работу с нетрудоспособными демобилизованными инвалидами [8. С. 142]. Министерство социального обеспечения СССР выплачивало инвалидам войны пенсии, даже несмотря на финансовые трудности. Однако размеры государственных пенсий по инвалидности были крайне дифференцированными и низкими. Они зависели от трех факторов: величины заработка, который инвалид получал до мобилизации; военного звания; группы инвалидности [9. С. 142–143].

Государственная политика, направленная на обязательное привлечение всех советских трудоспособных граждан к труду, не предполагала оказания поддержки тем, кто был не в состоянии работать в прежних условиях. Жизнь таких беспомощных, как правило, зависела от работников домов для инвалидов, тех, кто организовывал шефство. Для многих инвалидов из числа участников боевых действий, не считая попрошайничества, оставался единственный выход для обеспечения – трудоустройство. На это и была направлена государственная социальная политика.

Пенсионное обеспечение в послевоенный период оставалось на низком уровне: продолжали иметь место переплаты или недоплаты. Немаловажную роль играли кассы взаимопомощи колхозов. Сами колхозы зачастую выполняли функции обеспечения инвалидов, находившихся под их опекой. Кроме пенсий и пособий инвалидам, а также их семьям предоставлялись налоговые и иные льготы. Тем самым граждане, получившие инвалидность в результате участия в боевых действиях, были обеспечены пенсией, которая способствовала решению их материальных проблем. Однако большая часть инвалидов была не удовлетворена пенсионными выплатами и требовала от органов власти соответствующей материальной компенсации как жертвы войны. Данная ситуация, несомненно, негативно влияла на обеспечение государственной безопасности. Чтобы как-то материально обеспечить инвалидов Великой Отечественной войны, в целом ряде регионов Советского Союза для них были предусмотрены единовременные финансовые и материальные пособия. Однако эта мера социальной поддержки нанесла ущерб местным бюджетам, в результате чего местной власти пришлось обратиться за помощью к населению в сборе средств, предметов первой необходимости для инвалидов из числа участников Великой Отечественной войны. Из этого можно сделать вывод, что была частично возрождена своеобразная благотворительная деятельность, свойственная проведению НЭПа в 1920-е гг. В послевоенный период в условиях дефицита был предусмотрен временный возврат к «буржуазным» практикам. Так, церковь и местные жители собирали пожертвования. Органы власти, комсомол и профсоюзы также были заинтересованы в социальной защите

инвалидов, являвшихся участниками Великой Отечественной войны.

Занятости инвалидов, участвовавших в военных действиях, как одному из приоритетных направлений социальной защиты также уделялось повышенное внимание в послевоенные годы. К актуальным формам в этой сфере необходимо отнести вовлечение инвалидов в трудовую деятельность, бесплатное профессиональное обучение, обустройство их жизни. Д.Г. Хаяров отмечает, что «...предполагалось дифференцированно, учитывая заболевания и травмы людей с ограниченными возможностями здоровья, подбирать место работы, лечения и отдыха в санаториях либо интернатах» [10. С. 292–293]. Тем самым перед органами социальной защиты стояла труднейшая задача по решению обозначенных ученых проблем.

Во всех регионах СССР в планах работы республиканских, краевых, областных отделов государственного обеспечения на первый квартал 1946 г. намечалась проверка трудоустройства инвалидов Великой Отечественной войны. Это объясняется недостаточной работой в данной сфере социального обеспечения. Например, в 1945 г. в Сталинградской области был обучен 221 и обучался 721 инвалид [11]. В постановлении бюро обкома ВКП(б) от 5 февраля 1943 г. ситуация в этой сфере описана следующим образом: «...в большинстве районов области совершенно недостаточно внимания уделяется трудоустройству инвалидов» [12]. Данная проблема неоднократно поднималась и в ряде других постановлений советских органов социального обеспечения до конца 1950 г.

При органах центрального и местного управления создавались дополнительные учреждения, направленные на улучшение эффективности функционирования системы государственного обеспечения, которые решали и социальные проблемы инвалидов из числа участников Великой Отечественной войны, что можно проиллюстрировать примером из архивных источников Государственного архива Волгоградской области. В стенограмме областного совещания председателей райисполкомов, заведующих отделами государственного обеспечения, заведующих отделами РК (райком) и ГК (горком) ВКП(б) и председателей советов жен офицерского состава при военкоматах говорится о создании при исполкомах советов депутатов отделов по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих, которые взяли на себя работу по учету семей военнослужащих и проведению мероприятий по их трудовому и бытовому устройству [13].

Важнейшими организациями в послевоенный период являлись врачебно-трудовые экспертные комиссии (ВТЭК). Право присвоения инвалидности было передано именно в их компетенцию. Комиссии находились в ведении органов социального обеспечения. ВТЭК вели свою работу, как правило, в лечебных учреждениях (поликлиниках, амбулаториях, диспансерах). Перечень этих учреждений был установлен министерствами социального обеспечения автономных республик и областными, краевыми и городскими отделами социального обеспечения по согласованию с соответствующими министерствами и отделами

здравоохранения. Исходя из опубликованного в 1948 г. положения о врачебно-трудовых комиссиях, где определялся ряд возложенных на них функций, можно заключить, что их деятельность не изменилась с начала Великой Отечественной войны до конца 1950-х гг. На ВТЭК возлагался следующий ряд обязанностей: установление причин инвалидности; определение для инвалидов условий и видов труда, изучение его условий на предприятиях; содействие восстановлению трудоспособности [14].

Органам ВТЭК не доставало квалифицированных врачей. Это приводило к сбоям в их деятельности, что документально подтверждено архивными источниками: «...из-за неудовлетворительной работы врачебно-трудовой комиссии задерживается оформление документов на инвалидность и неправильное присвоение инвалидности» [15]. Инвалиды войны были обязаны не менее одного раза в год проходить переосвидетельствование. Причем инвалиды первой группы после процедуры переосвидетельствования неоднократно переходили во вторую и даже третью группу инвалидности. По данным различных социальных учреждений в послевоенный период число жалоб среди инвалидов резко возросло, особенно на перевод в третью группу, ведь инвалиды данной группы не освобождались от трудовой мобилизации. Лишь единичные их жалобы были удовлетворены. Основаниями для жалоб были преимущественно регулярные контрольные обследования инвалидов. Исходя из этого, можно сделать вывод, что инвалидность неоднократно присваивалась неквалифицированными работниками. Второй причиной постоянных переосвидетельствований являлось частое изменение критериев инвалидности. Это можно объяснить тем, что органы советской власти, возможно, пытались снять с себя бремя выплат пенсий по инвалидности. Однако даже такая мера не могла решить проблем инвалидов из числа участников войны в области социальной защиты, подрывая государственную безопасность.

Выполняя решения органов советской власти, учреждения социального обеспечения в послевоенные годы (1945–1953) увеличивали количество трудоустроенных инвалидов [16. С. 145]. Инвалидам, получившим увечья в результате Великой Отечественной войны, было предоставлено право первоочередного приема на работу [17]. По всему Советскому Союзу были организованы и реализовывались курсы по профессиональной переподготовке этой категории населения. В основном инвалиды направлялись на работу в различного рода кооперации и артели, которые существовали задолго до начала Великой Отечественной войны. Как правило, они находились под особым контролем советского государства и должны были получать определенные законодательством льготы. Однако закон о подоходном налоге, принятый на Восьмом съезде Верховного совета СССР, гласил, что «подоходный налог уплачивают смешанные промыслово-сельскохозяйственные артели (промхозы) и кооперации инвалидов, имеющие сельскохозяйственные доходы».

Руководством крупных советских предприятий при поддержке партийных организаций были оборудованы

специальные рабочие места, которые облегчали труд лиц с ограниченными возможностями здоровья. Как справедливо отмечает Д.Г. Хаяров, «...для инвалидов с тяжелыми увечьями и слепых создавались кооперации инвалидов, где были обеспечены специальные условия для их работы» [18. С. 31]. Данный тезис подтвержден статистическими данными, согласно которым в 1950 г. были трудоустроены 91% инвалидов, получивших увечья в ходе Великой Отечественной войны [19. С. 200]. Широкое распространение в послевоенные годы получило надомничество. Тем не менее, далеко не все инвалиды, которые вернулись с войны, изъявляли желание трудиться.

Советская послевоенная система профессионального обучения в целом, по мнению В.Ю. Золотаревой, «...эффективно решала задачи по подготовке профессиональных кадров, при этом выполняя иные важные социальные функции, например выпуск военной продукции и оказание поддержки инвалидам, принимавшим участие в Великой Отечественной войне» [20. С. 145]. Тем не менее не все социальные проблемы инвалидов, подрывающие государственную безопасность, советской властью были решены. Так, в послевоенное время, когда значительный процент демобилизованных граждан стал массово трудоустраиваться на предприятия, в ряде регионов Советского Союза были зафиксированы случаи увольнения инвалидов, вынужденно трудоустроенных в период Великой Отечественной войны. На местах были случаи, когда некоторые директора коллективных хозяйств в целях избавления от малопродуктивных инвалидов войны доносили на них как на «тунеядцев» в органы советской власти, тем самым приговаривая их к депортации. Растущая дискриминация инвалидов, получивших увечья в результате Великой Отечественной войны, была отмечена Генеральным прокурором СССР в докладе Верховному Совету СССР. Однако изменить кардинальным образом данную ситуацию повсеместно в конечном счете не удалось [19. С. 201].

Несмотря на то, что государство всячески пыталось решить проблему продовольственного снабжения населения в первые послевоенные годы, это сделать оказалось довольно трудно. Неоднократно встречались жалобы инвалидов сельской местности на плохое обеспечение их продуктами питания. Тем не менее в ряде архивных документах военного периода и вплоть до 1946 г. отмечается необходимость проверки домов для инвалидов на их подготовленность к весеннему севу. Из этого можно сделать вывод, что домам для инвалидов предоставлялись участки для посева, а также семена. Следовательно, государство перекладывало часть своих обязательств по обеспечению инвалидов Великой Отечественной войны на содержащие их учреждения.

С окончанием Великой Отечественной войны проблема обеспечения питанием не была решена, и на местах по-прежнему наблюдались перебои в доставке. В одной из докладных записок, составленных заведующим сектором трудоустройства М. Фроловым, было описано одно из его посещений весной 1947 г. домов инвалидов в Сталинградской области: «При очередном посещении домов инвалидов Отечественной войны

установлено ненормальное положение с питанием. Инвалиды с желудочными заболеваниями не получают белого хлеба... почти не получают молочных продуктов. Нет капусты и картофеля» [21]. Исходя из анализа архивных источников, можно установить, что несмотря на постоянные собрания социальных работников, постановления и приказы, из года в год ситуация в государственном обеспечении фактически не улучшалась, что негативно влияло на обеспечение государственной безопасности.

Немаловажным в послевоенные годы являлся вопрос психологической реабилитации инвалидов, вернувшихся с фронта, которым, на наш взгляд, в этот период советская власть не уделяла должного внимания. Послевоенная жизнь инвалида отражена в творчестве большинства не только фронтового, но и современного поколения писателей и художников. Особенно ярко показаны тяжелые послевоенные годы и стремление защитников Родины получить право на достойное существование.

Таким образом, можно сказать, что действия органов советской власти в области социальной защиты инвалидов, вернувшихся с фронта, с одной стороны, способствовали укреплению государственной безопасности СССР. Так, инвалидам, являвшимся наиболее уязвимой частью населения, гарантировалась государственная защита. В послевоенный период расширилась сеть социальных учреждений, возникли новые предприятия с приложением труда инвалидов, являвшихся участниками военных действий, проводилось

их обучение. В послевоенный период (1945–1953) меры социальной защиты были направлены на заботу об инвалидах первой и второй групп, а также о советских семьях, потерявших во время Великой Отечественной войны кормильца. В эти годы совершенствовались подходы в социальном обеспечении рассматриваемой категории граждан по сравнению с довоенным и военным периодами. Например, уделялось повышенное внимание трудоустройству и профессиональному обучению инвалидов, вернувшихся с фронта, медицинскому обслуживанию и уходу в домах-интернатах для инвалидов. Министерство социального обеспечения СССР координировало деятельность социальных учреждений по реализации направлений социальной защиты инвалидов. Например, организовывались специализированные госпитали для лечения и протезирования раненых после ампутации. Тем не менее, с другой стороны, распространялись случаи недовольства инвалидов из числа участников военных действий по отношению к органам власти. Причины тому – бытовые и материальные трудности данной категории населения, а также довольно жестокая политика советского государства, на их взгляд, по отношению к ним. Помимо этого, нельзя сказать, что все постановления и указы в области социальной защиты инвалидов строго выполнялись. Система социальной защиты инвалидов в послевоенный период была далека от совершенства и не могла гарантировать помощь всем нуждающимся в полной мере, тем самым подрывая обеспечение государственной безопасности СССР.

Список источников

1. Кривошеев Г.Ф., Андроников В.М., Буриков П.Д. Гриф секретности снят: потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование. М.: Воениздат, 1993. 416 с.
2. Приказ № 544 от 31.08.1948 о порядке снабжения инвалидов велоколясками // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 4650. Оп. 1. Д. 27. Л. 358.
3. Копия выписки приказа № 109 заседания бюро горкома ВКП(б) от 16.03.1945 // ГАВО. Ф. 4650. Оп. 1. Д. 15. Л. 3.
4. Докладная записка в обком ВКП(б). Отдел кадров // ГАВО. Ф. 4650. Оп. 1. Д. 11. Л. 40.
5. Народный Комиссариат Сталинградской области. Исх. док. № 4-483 от 29.08.1945. Приказ № 16. // ГАВО. Ф. 4650. Оп. 2. Д. 15. Л. 25.
6. Информационный отчет // ГАВО. Ф. 4650. Оп. 1. Д. 11. Л. 23.
7. Гордиенко Г.Н. Помощь Русской православной церкви инвалидам Отечественной войны в Советской Украине в послевоенный период // Государство, общество, церковь в истории России XX века : материалы XIII Междунар. науч. конф. Иваново : Ивановский гос. ун-т, 2014. С. 66–71.
8. Arnold S.R. Schwierige Momente können auch wunderschön sein : Interview mit Viktor Petrovič Litz am 1.2.1992 in seiner Wohnung in Moskau // Deutsche Studien. 1993. Bd. 118. S. 142–143.
9. Хаяров Д.Г. Инвалиды Отечественной войны в первые мирные годы (исторический аспект) // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2005. Т. 7. С. 71–74.
10. Хаяров Д.Г. Численность инвалидов Отечественной войны в Западной Сибири в первые послевоенные годы. // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2011. Т. 6. С. 292–294.
11. Информационный отчет о работе с кадрами по системе Сталинградского областного отдела за 1945 г. // ГАВО. Ф. 4650. Оп. 1. Д. 11. Л. 46.
12. Выписка из протокола заседания бюро Сталинградского обкома ВКП(б) от 05.02.1943. Постановление ЦК ВКП(б) «О мерах улучшения работы совещательных органов и местных партийных организаций по оказанию помощи военнослужащим» // ГАВО. Ф. 4650. Оп. 2. Д. 3. Л. 1.
13. Стенограмма областного совещания председателей районных исполкомов, заведующих отделами государственного обеспечения, заведующих отделами РК и ГК ВКП(б) и председателей советов жен офицерского состава при военкоматах за 1944 г. // ГАВО. Ф. 4650. Оп. 2. Д. 10. Л. 3.
14. Положение о врачебно-трудовых экспертных комиссиях от 05.11.1948 // Антология социальной работы : в 5 т. / сост. М.В. Фирсов. М.: Сварог : НВФ СПТ. Т. 3: Социальная политика и законодательство в социальной работе. С. 331–333.
15. Отчет о работе Сталинградского областного отдела социального обеспечения за 1946 г. // ГАВО. Ф. 4650. Оп. 2. Д. 21. Л. 13.
16. Басов Н.Ф. Социальное обеспечение, защита и поддержка инвалидов в советской и современной России // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Сер. Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2012. № 4. С. 143–149.
17. О мерах по трудовому устройству инвалидов Отечественной войны : постановление СНК СССР от 20.01.1943 № 73 // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=48151#Z2niMIUGqVkrq29u>
18. Хаяров Д.Г. Жизнедеятельность коопераций инвалидов в Западной Сибири во второй половине 1940-х гг. // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2007. Т. 6. С. 31–33.
19. Антонович И.В. Становление системы социального обеспечения в Алтайском крае в советский период // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2. С. 200–204.
20. Золотарева В.Ю. Социальная адаптация инвалидов Великой Отечественной войны // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2013. № 4. С. 137–149.
21. Докладная записка 1947 г. // ГАВО. Ф. 4650. Оп. 2. Д. 27. Л. 17.

References

1. Krivosheev, G.F., Andronikov, V.M. & Burikov, P.D. (1993) *Grif sekretnosti snyat: poteri Vooruzhennykh Sil SSSR v voynakh, boevykh deistviyakh i voennykh konfliktakh: statisticheskoe issledovanie* [The secrecy stamp is removed: losses of the USSR Armed Forces in wars, combat operations and military conflicts: a statistical study]. Moscow: Voenizdat.
2. The State Archive of the Volgograd Region (GAVO). *Prikaz № 544 ot 31.08.1948 o poryadke snabzheniya invalidov velokolyaskami* [Order No. 544 of 08/31/1948 on the procedure for supplying disabled people with wheelchair bicycles]. Fund 4650. List 1. File 27. p. 358.
3. All-Union Communist Party of Bolsheviks. (1945) *Kopiya vypiski prikaza № 109 zasedaniya byuro gorkoma VPK(b) ot 16.03.1945* [Copy of extract from order No. 109 of the meeting of the bureau of the city committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks dated March 16, 1945]. Fund 4650. List 1. File 15. p. 3.
4. All-Union Communist Party of Bolsheviks. (n.d.) *Dokladnaya zapiska v obkom VKP (b). Otdel kadrov* [Memorandum to the regional committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks. Personnel Department]. Fund 4650. List 1. File 11. p. 40.
5. People's Commissariat of Stalingrad Region. (1945) *Iskh. dok. № 4-483 ot 29.08.1945. Prikaz № 16* [Out. doc. No. 4-483 dated August 29, 1945. Order No. 16]. Fund 4650. List 2. File 15. p. 25.
6. The State Archive of the Volgograd Region (GAVO). *Informatsionnyy otchet* [Information report]. Fund 4650. List 1. File 11. p. 23.
7. Gordienko, G.N. (2014) Pomoshch Russkoy pravoslavnoy tserkvi invalidam Otechestvennoy voyny v Sovetskoy Ukraine v poslevoenny period [Assistance of the Russian Orthodox Church to disabled veterans of the Patriotic War in Soviet Ukraine in the post-war period]. In: *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov v istorii Rossii XX veka* [State, Society, Church in the History of Russia of the 20th Century]. Ivanovo: Ivanovo State University. pp. 66–71.
8. Arnold, S.R. (1993) Schwierige Momente können auch wunderschön sein: Interview mit Viktor Petrovič Litz am 1.2.1992 in seiner Wohnung in Moskau. *Deutsche Studien*. Bd. 118. pp. 142–143.
9. Khayarov, D.G. (2005) Invalidy Otechestvennoy voyny v pervye mirnye gody (istoricheskiy aspekt) [Disabled veterans of the Patriotic War in the first peaceful years (historical aspect)]. *Interesko Geo-Sibir*. 7. pp. 71–74.
10. Khayarov, D.G. (2011) Chislennost' invalidov Otechestvennoy voyny v Zapadnoy Sibiri v pervye poslevoennyye gody [The number of disabled veterans of the Patriotic War in Western Siberia in the first post-war years]. *Interesko Geo-Sibir*. 6. pp. 292–294.
11. The State Archive of the Volgograd Region (GAVO). *Informatsionnyy otchet o rabote s kadrami po sisteme Stalingradskogo oblastnogo otdela za 1945 g.* [Information report on personnel work according to the system of the Stalingrad Regional Department for 1945]. Fund 4650. List 11. p. 46.
12. The State Archive of the Volgograd Region (GAVO). *Vypiska iz protokola zasedaniya byuro Stalingradskogo obkoma VKP(b) ot 05.02.1943. Postanovlenie TsK VKP(b) "O merakh uluchsheniya raboty soveshchatelnykh organov i mestnykh partiynykh organizatsiy po okazaniyu pomoshchi voennosluzhashchim"* [Extract from the minutes of the meeting of the bureau of the Stalingrad Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks dated February 5, 1943. Resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks "On measures to improve the work of advisory bodies and local party organizations to provide assistance to military personnel"]. Fund 4650. List 2. File 3. p. 1.
13. The State Archive of the Volgograd Region (GAVO). *Stenogramma oblastnogo soveshchaniya predsedateley rayonnykh ispolkomov, zaveduyushchikh otdelami gosudarstvennogo obespecheniya, zaveduyushchikh otdelami RK i GK VKP(b) i predsedateley sovetov zhen ofiterskogo sostava pri voenkomatakh za 1944 g.* [Transcript of the regional meeting of chairmen of district executive committees, heads of departments of state security, heads of departments of the RK and GK of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and chairmen of councils of wives of officers at military registration and enlistment offices for 1944]. Fund 4650. List 2. File 10. p. 3.
14. Anon. (1994) Polozhenie o vrachebno-trudovykh ekspertnykh komissiyakh ot 05.11.1948 [Regulations on medical and labor expert commissions dated November 5, 1948]. In: Firsov, M.V. (ed.) *Antologiya sotsialnoy raboty* [Anthology of Social Work]. Vol. 3. Moscow: Svarog: NVF SPT. pp. 331–333.
15. The State Archive of the Volgograd Region (GAVO). *Otchet o rabote Stalingradskogo oblastnogo otdela sotsialnogo obespecheniya za 1946 g.* [Report on the work of the Stalingrad Regional Department of Social Security for 1946]. F. 4650. Op. 2. D. 21. L. 13.
16. Basov, N.F. (2012) Sotsialnoe obespechenie, zashchita i podderzhka invalidov v sovetskoy i sovremennoy Rossii [Social security, protection and support for disabled people in Soviet and modern Russia]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Ser. Pedagogika. Psikhologiya. Sotsialnaya rabota. Yuvnologiya. Sotsiokinetika*. 4. pp. 14–149.
17. The Council of People's Commissars of the USSR. (1943) *O merakh po trudovomu ustroystvu invalidov Otechestvennoy voyny: postanovlenie SNK SSSR ot 20.01.1943 № 73* [On measures for the employment of disabled veterans of the Patriotic War: Decree of the Council of People's Commissars of the USSR dated January 20, 1943, No. 73]. [Online] Available from: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=48151#Z2niMIUGqVKRq29u>
18. Khayarov, D.G. (2007) Zhiznedeatelnost' kooperatsii invalidov v Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine 1940-kh gg. [Life activity of disabled cooperatives in Western Siberia in the second half of the 1940s]. *Interesko Geo-Sibir*. 6. pp. 31–33.
19. Antonovich, I.V. (2010) Stanovlenie sistemy sotsialnogo obespecheniya v Altaiskom krae v sovetskiy period [Formation of the social security system in the Altai Territory during the Soviet period]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2. pp. 200–204.
20. Zolotareva, V.Yu. (2013) Sotsialnaya adaptatsiya invalidov Velikoy Otechestvennoy voyny [Social adaptation of disabled veterans of the Great Patriotic War]. *Problema sootnosheniya estestvennogo i sotsialnogo v obshchestve i cheloveke*. 4. pp. 137–149.
21. The State Archive of the Volgograd Region (GAVO). (1947) *Dokladnaya zapiska 1947 g.* [Memorandum of 1947]. Fund 4650. List 2. File 27. p. 17.

Сведения об авторах:

Фантров Павел Петрович – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры процессуального права и криминалистики Волгоградского государственного университета (Волгоград, Россия). E-mail: pavelfantrov@volsu.ru

Данюкова Алла Владимировна – студент Института права Волгоградского государственного университета (Волгоград, Россия). E-mail: yub-183_526152@volsu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Fantrov Pavel P. – Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer at the Department of Procedural Law and Criminology at Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: pavelfantrov@volsu.ru

Danyukova Alla V. – Student at the Institute of Law of Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: yub-183_526152@volsu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.04.2022; принята к публикации 15.05.2025

The article was submitted 06.04.2022; accepted for publication 15.05.2025

Научная статья

УДК 94(571.5).073/.082:[323.281-058.56+352.075]

doi: 10.17223/19988613/95/11

Из истории взаимоотношений политических ссыльных с местной администрацией в Восточной Сибири (на примере Минусинского округа в 1820–1890-е гг.)

Олег Никитович Шулбаев¹, Наталья Анатольевна Баранцева²

^{1,2} Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Абакан, Россия

¹ Shulbaev9@rambler.ru

² barantzeva@inbox.ru

Аннотация. На основе архивных материалов и нарративных источников личного происхождения дан анализ взаимоотношений политических ссыльных с минусинской окружной администрацией в 1820–1890-е гг. Рассмотрены эволюция системы полицейского надзора над политическими ссыльными в округе и ее влияние на условия их пребывания в ссылке; отмечены объективные и субъективные факторы, оказывавшие существенное влияние на отношения политических ссыльных и местных окружных чиновников.

Ключевые слова: Минусинский округ, местные чиновники, польские ссыльные, декабристы, политическая ссылка, политический надзор, административная ссылка

Для цитирования: Шулбаев О.Н., Баранцева Н.А. Из истории взаимоотношений политических ссыльных с местной администрацией в Восточной Сибири (на примере Минусинского округа в 1820–1890-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 95. С. 79–88. doi: 10.17223/19988613/95/11

Original article

From the history of relations of political exiles with the local administration in Eastern Siberia (on the example of the Minusinsk district in 1820s–1890s)

Oleg N. Shulbaev¹, Natalia A. Barantseva²

^{1,2} N.F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russian Federation

¹ Shulbaev9@rambler.ru

² barantzeva@inbox.ru

Abstract. The article deals with the problem of the relationship of political exiles with the local administration in Eastern Siberia on the example of the Minusinsk District in the 1820s - 1890s. As sources, the authors used materials from the State Archive of the Irkutsk Region, the National Archive of the Republic of Khakassia, memoirs and epistolary heritage of political exiles and officials of the Minusinsk District administration.

The article focuses on the structure of authorities in the Yenisei province, on changes in the conditions and peculiarity of police supervision of various categories of exiles - Decembrists, exiled Poles, populists ("Narodniks") and administrative exiles. The problem of the relationship of political exiles with the local administration is studied through the prism of relations at various stages of political exile - individual Decembrists, M. V. Petrashevsky, other well-known political exiles (A. A. Kropotkin, F. Y. Kon) with the Minusinsk District chiefs and police officers, which made it possible to clearly show their character and peculiarities.

The friendly relations of the Decembrists with the officials of the district administration and the support provided by the local authorities to some of them were due to the solidarity of the nobility and the circle of their contacts in the conditions of the Siberian province. The relations of M. V. Petrashevsky with the Siberian administration were determined by personal traits of character and, despite the benevolent attitude of a number of provincial and district officials towards him, they were characterized by the intransigence of the exile to legal "arbitrariness" in relation regarding his personality on their part.

The loyal attitude towards the exiled Poles on the part of the local district authorities was determined by the presence among them of a significant number of persons of the "privileged class" - nobles and gentry ("szlachta"). Despite a number of restrictions on professions imposed as part of the rules for Poles to stay in East Siberian exile, as well as absences of exiles from their places of settlement, the lack of educated personnel in the Minusinsk District led to the demand for Polish exiles. Many of them were allowed to engage in prohibited activities.

The attitude of the local administration to political exiles within the framework of administrative exile in the Minusinsk District in the 1880s - 1890s was friendly, especially to persons of noble origin, for example, to Prince ("Knyaz") A.A. Kropotkin. Strict observance by administrative exiles of the conditions of public supervision was often in the power of the district police officer and depended on his official zeal and character.

Thus, the relationship of political exiles with local authorities was influenced by such factors as the social origin of exiles, the conditions of police supervision of exiles, the lack of intellectual communication, as well as the personal qualities of district officials and their attitude towards exiles. Practice has shown that often the benevolent attitude of local officials towards political exiles led to their resignation from their positions, and in some cases, for example, with the Decembrists, the establishment of friendly relations for the rest of their lives.

Keywords: Minusinsk District, local officials, Polish exiles, Decembrists, political exile, political supervision, administrative exile

For citation: Shulbaev, O.N., Barantseva, N.A. (2025) From the history of relations of political exiles with the local administration in Eastern Siberia (on the example of the Minusinsk district in 1820s–1890s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 95. pp. 79–88. doi: 10.17223/19988613/95/11

Политическая ссылка в Сибирь со второй четверти XIX в. являлась действенным видом наказания «государственных и политических преступников», участников национально-освободительного восстания в Польше 1863–1864 гг., лиц, «вредных для государственного и общественного спокойствия» и широко использовалась царским правительством в борьбе с революционным и национально-освободительным движением в России. Жесткие правовые ограничения, существовавшие в рамках полицейского надзора над политическими ссыльными в условиях Сибири, превращали их жизнь в тяжелое испытание в материальном и духовном плане. Условия, качество жизни и характер деятельности политических ссыльных в местах поселения во многом зависели от человеческого фактора, т.е. характера их личных взаимоотношений с представителями местной власти, позволяя обходить регламентированные законограничения режима ссылки.

В настоящей статье поставлена цель рассмотреть взаимоотношения между политическими ссыльными и окружной администрацией Минусинского округа в 1820–1890-е гг. и выявить основные факторы, определявшие их характер и формы.

Специфика данной темы заключается в том, что взаимоотношения между политическими ссыльными и местной сибирской администрацией, в частности Минусинского округа, не становились предметом отдельного исследования, а рассматривались в контексте проблемы становления и развития политической ссылки в Восточной Сибири в XIX в. В этой связи в историографии, посвященной вопросу развития отношений между политическими ссыльными и сибирской администрацией в XIX в., можно условно выделить две тематические группы исследований, позволяющих осветить различные аспекты данной темы.

Во-первых, это работы, посвященные истории формирования и развития полицейской системы и полицейского надзора над политическими ссыльными в сибирской ссылке. К этой группе относятся работы Л.М. Дамешека, И.Л. Дамешек [1], О.В. Коноваловой [2], в которых освещены вопросы юридического оформления и регулирования ссылки и каторги в Сибири в российском законодательстве, становления и эволюции полицейской системы в XIX в., в частности в Енисейской губернии. Представляет интерес работа начальника главного тюремного управления А.П. Соломона, в которой дана оценка возможностей полиции по реализации политического надзора над ссыльными в Енисейской губернии в конце 1890-х гг. [3]. В статьях

А.А. Иванова [4] и А.А. Савилова [5] рассмотрены историко-юридические вопросы становления и развития системы полицейского надзора над ссыльными поляками – участниками январского восстания 1863 г. в Польше и административно-ссыльными в 1880–1905 гг. в Восточной Сибири, указаны трудности его реализации и эффективность. Также следует отметить работы Т.А. Бочановой [6] и Т.А. Перцевой [7], посвященные особенностям правового режима сибирской ссылки декабристов во второй четверти XIX в., их взаимоотношениям с местными и губернскими чиновниками в Восточной Сибири.

Во-вторых, целесообразно выделить труды о пребывании и деятельности в сибирской ссылке декабристов, польских ссыльных, народников и представителей других революционных организаций. Одними из первых исследователей, рассмотревших вопросы декабристской ссылки в Минусинском округе, стали В.А. Ватин-Быстрянский [8] и А.П. Косованов [9]. Однако, указанные авторы фрагментарно осветили взаимоотношения отдельных декабристов с местными окружными чиновниками, отметив, что последние сыграли позитивную роль в жизни декабристов в сибирской ссылке, например П.И. Фаленберга [10]. Акцент в этих работах был сделан на освещении хозяйственно-бытовой и культурно-просветительской деятельности декабристов, вместе с тем вопрос, изучаемый в настоящей статье, затронут лишь опосредованно.

Общественно-политической деятельности петрашевцев и борьбе М.В. Петрашевского с произволом местных властей и правительства в сибирской ссылке была посвящена работа В.И. Семевского [11]. Сибирским историком А.В. Дуловым были исследованы взаимоотношения М.В. Петрашевского с сибирскими властями [12, 13]. В работах Е. Владимировой [14] и В.В. Шевцова [15] были показаны личные отношения М.В. Петрашевского с минусинским окружным начальником, включая борьбу против произвола со стороны местной администрации.

Некоторые аспекты адаптации польских ссыльных в сибирском обществе сквозь призму отношения к ним губернских и местных окружных властей во второй половине XIX в. рассмотрены Е.П. Береговой [16], О.Н. Шульбаевым [17]. Отношения между административно-ссыльными, в частности князем А.А. Кропоткиным, и местными окружными чиновниками в 1880–1890-е гг. в минусинской ссылке были освещены в работе О.А. Милевского [18].

Для глубокого понимания взаимоотношений декабристов и местной администрации в Минусинском округе представляют интерес работы Г.А. Порхунова [19], М.Ф. Ершова [20], посвященные повседневной жизни и деятельности декабристов в сибирской ссылке, а также их системе ценностей.

Таким образом, тема настоящего исследования не получила должного отражения в работах историков, так как фундаментальные исследования в основном посвящены вопросам хозяйственной, культурно-просветительской и научной деятельности политических ссыльных в Енисейской губернии и Минусинском округе.

В настоящей статье использованы материалы фондов региональных архивов Восточной Сибири, в основном документы, отложившиеся в Государственном архиве Иркутской области. В них представлены делопроизводственные материалы, включающие в себя документы губернской и окружной администраций, донесения уездного полицейского управления, рапорты станowych приставов, волостных правлений о поведении ссыльных в местах поселения и др. Особое внимание авторами уделено переписке между губернской администрацией и политическими ссыльными, представленной различными жалобами со стороны ссыльных на притеснения со стороны местной администрации, просьбами об изменении условий надзора и другими документами, позволяющими оценить их взаимоотношения с местными властями. Кроме того, в работе использованы опубликованные воспоминания политических ссыльных А.П. Беляева [21], И.П. Белоконоского [22], Ф.Я. Кона [23], в которых даны личные характеристики минусинских окружных чиновников, освещена их жизненная позиция в отношении политических ссыльных, и другие нарративные источники.

Енисейская губерния была учреждена 22 июня 1822 г. в составе пяти округов, одним из которых был Минусинский. В этом же году г. Минусинск получил статус окружного города. Минусинский округ выделялся среди других территорий Енисейской губернии своим климатом, плодородием, местоположением и считался житницей всей Сибири [24. С. 111–112]. В 1829 г. в письме своей матери декабрист С. Кривцов писал о Минусинском округе: «Все, кто бывали в Минусинске, с восхищением отзываются об этом крае, называя его здешней Италией» [25. С. 231]. Вместе с тем с начала возникновения история развития Минусинского округа была неразрывно связана с политической ссылкой в Восточной Сибири.

Минусинский округ стал местом поселения лиц, сосланных на поселение и высланных административным порядком под гласный надзор полиции, начиная со второй четверти XIX в. В разное время на поселении в округе находились декабристы, ссыльные поляки – участники восстаний в Польше 1830–1831 гг. и 1863 г., М.В. Буташевич-Петрашевский, представители различных течений народничества, польские социал-демократы и др.

В Минусинском округе на поселении пребывали 11 декабристов – С.Г. Краснокутский, С.И. Кривцов, братья А.А. и Н.А. Крюковы, А.П. Беляев и П.П. Беляев,

П.И. Фаленберг и др. [8. С. 1–34]. Практически все декабристы, кроме С.Г. Краснокутского и Н.О. Мозгалевского, были определены на поселение в Минусинский округ после окончания срока каторги.

Изначально для надзора над ссыльнопоселенцами использовались все звенья аппарата управления Западной и Восточной Сибири: от генерал-губернаторов, гражданских губернаторов, областных начальников до волостных правлений, которые выполняли административно-полицейские функции. Кроме того, сибирские жандармские подразделения занимались политическим сыском и надзором и подчинялись генералу, возглавлявшему созданный в 1833 г. Сибирский жандармский округ [6. С. 101–102].

В круг обязанностей генерал-губернаторов входило наблюдение за условиями пересылки «государственных преступников» к местам поселения, условиями их быта и материального обеспечения, а также за деятельностью чиновников всех уровней: от губернских органов до волостных правлений, урядников и сельских старост, непосредственно контактировавших с декабристами [7. С. 136]. Гласный полицейский надзор над ссыльными осуществлялся земскими судами. В городах надзор над ссыльнопоселенцами был возложен на управы благочиния и порядка во главе с полицмейстерами и городские управы с городничими [1. С. 376]. По причине удаленности многих округов Восточной Сибири от губернских центров большую роль в адаптации декабристов к жизни на поселении играли местные окружные чиновники.

Существенную роль в жизни декабристов в Минусинском округе сыграл окружной начальник – коллежский советник А.К. Кузьмин. В своих воспоминаниях декабрист А.П. Беляев характеризовал его «как умного, хорошо образованного, начитанного и остроумного человека, пользующегося любовью подчиненных за доброту» и «руководителя, боровшегося со злоупотреблениями и кляузными» [21. С. 271].

А.К. Кузьмин имел дружеские отношения с декабристами, особенно с С.И. Кривцовым и братьями Беляевыми [8. С. 5, 9]. Например, А.К. Кузьмин и декабрист П.П. Беляев составили товарищество на табачную плантацию, а с декабристом С. И. Кривцовым он часто ездил по округу с целью закупа лошадей для казенных поселений [21. С. 272; 26. С. 420].

Окружной начальник А.К. Кузьмин оказал большую помощь декабристу П.И. Фаленбергу, которому в первые годы пребывания в с. Шушенском пришлось выдержать борьбу с волостным старостой, пытавшимся применить к декабристу свои обычные грубые приемы управления по отношению к ссыльнопоселенцам. Одной из причин конфликта являлось то, что П.И. Фаленберг «не являлся немедленно в волостное правление по его требованию, а наоборот, требовал к себе волостного голову». Только благодаря покровительству А.К. Кузьмина, ставшего на сторону декабриста в этом конфликте, «это дело не вызвало неприятных последствий» для последнего [10. С. 36, 57]. Наряду с этим окружной начальник помог П.И. Фаленбергу «выстроить мельницу, исходатайствовал ежегодный пансион в 200 рублей, паек и одежду» [26. С. 422].

Это позволило декабристу в дальнейшем вести собственное хозяйство.

В дружеских отношениях с декабристами был и другой минусинский окружной начальник П.А. Меркушев. Так, декабрист А.А. Крюков проводил вечера в его доме, играя в вист или бостон [9. С. 70].

Благосклонно расположены были к декабристам и другие минусинские чиновники. А.П. Беляев вспоминал, что во время их пребывания в Минусинске сменились три городничих, с которыми они (с братом П.П. Беляевым. – *Авт.*) либо «сошлись дружески», либо «пользовались особенною приязнью» [21. С. 276, 279]. В хороших отношениях декабристы Беляевы были и с минусинским исправником Шихутским, дом которого был для них «самым приятным приютом» [21. С. 279].

Анализируя взаимоотношения декабристов с Минусинской окружной администрацией, можно согласиться с точкой зрения исследователя Г.А. Порхунова, который указал, что декабристы в глазах местных сибирских чиновников были «временными гостями, которые могли быть помилованы царской властью в любой момент». Поэтому «обходились с ними вежливо и учтиво, давали им большую свободу, чем предусматривалось в инструкциях... стремились свести с ними дружбу» [19. С. 25]. В ряде случаев дружеские отношения, сложившиеся между декабристами и местными чиновниками в период ссылки, надолго связывали их судьбы. Так, окружной начальник А.К. Кузьмин после окончания службы стал управляющим имением Кривцовых в Балашовском уезде» [21. С. 275].

Важным фактором, способствовавшим сближению декабристов и местного чиновничества, была «сословная и имущественная дифференциация жителей небольших городов, которая ограничивала круг общения размерами небольшой компании хорошо знакомых людей и вызывала потребность поддерживать добрососедские отношения» [20. С. 157]. В то же время, по мнению В.А. Ватина-Быстрянского, в этот период «единственной представительницей интеллигенции в Минусинске была бюрократия» [8. С. 8].

В середине XIX в. политической ссылке в Сибирь подверглись петрашевцы. М.В. Бутаевич-Петрашевский был отправлен на каторгу в Шилкинский завод, затем переведен в Нерчинский завод. После манифеста о помиловании 1856 г. он был освобожден от каторжной работы и заявил о своем желании поселиться в Енисейской губернии. Благодаря доброжелательному отношению к петрашевцам со стороны генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского М.В. Бутаевич-Петрашевский остался жить в г. Иркутске, хотя формально был приписан в Кударинскую волость. Официально он был выслан в Енисейскую губернию из Иркутска 27 февраля 1860 г. [12. С. 58–59, 61].

В Енисейской губернии местом поселения М.В. Бутаевича-Петрашевского было определено с. Шушенское Минусинского округа. Его жизнь на поселении в округе можно условно разбить на два периода: первый – с 27 февраля по декабрь 1860 г. – пребывание в с. Шушенском и г. Минусинске, второй – с 21 марта 1864 г. до весны 1866 г. – пребывание в с. Шушен-

ском, затем с. Ермаковском с последующим переводом в д. Верхний Кебеж.

В Минусинском округе М.В. Бутаевич-Петрашевский находился «в весьма хороших отношениях» с местным окружным начальником князем Н.А. Костровым, назначенным на эту должность в 1855 г. [11. С. 48]. Н.А. Костров «облегчил положение Петрашевского, оставил его в г. Минусинске, не отправив в с. Шушенское [15. С. 148]. Н.А. Костров, описывая встречи с М.В. Бутаевичем-Петрашевским, сочувствовал ему как человеку, чрезмерно «пострадавшему для искупления своих увлечений», и отмечал, что встречался с ним ежедневно, «проводя целые вечера с глазу на глаз, разговаривая о прошлом и рисуя узоры будущего» [15. С. 147–148]. В сентябре 1860 г. Н.А. Костров распоряжением генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова был переведен на должность советника енисейского губернского суда в г. Красноярск. Причиной его перевода из Минусинска, как писал позже Н.А. Костров, стали дружеские отношения с М.В. Петрашевским: «Я хорошо знал... что перевод мой есть не что иное, как кара... за теплый и гостеприимный приют, данный Петрашевскому» [15. С. 149]. При этом Н.А. Костров подчеркивал, что енисейский губернатор В.К. Падалка и образованное общество Минусинска сочувственно относились к М.В. Петрашевскому, а его гонителями называл нового генерал-губернатора М.С. Корсакова и своего преемника на посту минусинского окружного начальника Е.М. Романовича [15. С. 148].

Новый окружной начальник Е.М. Романович стал немедленно притеснять М.В. Петрашевского и потребовал высылки его из г. Минусинска обратно в с. Шушенское, на место поселения. Однако М.В. Петрашевскому удалось собрать среди чиновного населения подписи о том, что он не мешает жителям города. Возможно, в Минусинске он жил благодаря этой подписке [12. С. 67]. Местное городское общество выказывало симпатии к М.В. Петрашевскому и выступило с протестом по поводу его преследования со стороны окружного начальника Е.М. Романовича. В этой связи минусинские чиновники, например городничий Кузьминский, не хотели брать на себя ответственность за его высылку из Минусинска, не желая портить отношения с жителями города» [11. С. 71; 12. С. 66–67].

Вскоре М.В. Бутаевичу-Петрашевскому для консультации с врачом удалось выехать из Минусинского округа в г. Красноярск, где он прожил с декабря 1860 г. по март 1864 г., а затем вновь был выслан в с. Шушенское [14. С. 127]. Однако минусинский земский исправник просил губернатора Енисейской губернии выслать его из Минусинского округа, мотивируя это тем, что М.В. Бутаевич-Петрашевский «всякими неправдами старается противодействовать распоряжениям начальства и подбивает к неповиновению других» [11. С. 73].

В письме декабристу Д.И. Завалишину летом 1860 г. М.В. Бутаевич-Петрашевский, характеризуя свои отношения с местными сибирскими властями, писал, что статус политического ссыльного поставил «меня в положение истца против местной администрации...

и вести против нее гражданский или уголовный процесс... Мои личные и нравственные интересы требуют положить законом пределы для безумного самовластительства» сибирских властей [27. С. 140]. Распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова о его высылке из Иркутска в Шушенское М.В. Буташевич-Петрашевский считал незаконным, «делом личного произвола, самоуправства». Борьбу с высшей сибирской администрацией Петрашевский полагал своим общественным долгом [11. С. 44, 50].

Безусловно, неуживчивый характер, готовность незамедлительно и бескомпромиссно отвечать на различные «несправедливости» со стороны властей, желание решительно добиться и высказать «всю правду» негативно отражались на его общении с окружающими. Администрация губернии, местные чиновники испытывали к нему настоящую ненависть [13. С. 353]. Военный губернатор Красноярска и енисейский гражданский губернатор П.Н. Замятин перевел Петрашевского из Минусинского округа в с. Бельское. В своем донесении генерал-губернатору Корсакову он указал, что Петрашевский «по-прежнему занимается одною самую ябедою, ложью и клеветою на всех и вся» [14. С. 129].

Самой многочисленной категорией ссыльных в Минусинском округе были ссыльные поляки – участники январского восстания 1863 г., которые стали водворяться в округ с 1864 г., но основная их часть прибыла в период с 1866 по 1871 г. В конце 1867 г. из общего числа сосланных в Енисейскую губернию поляков (3 719 человек) были направлены на поселение под строгий надзор полиции 1 737 чел., на каторжные работы – 141 чел., в разряд «ссыльных на жительство» – 141 чел. [28. Р. 1146]. В Минусинский округ были направлены 1 026 польских ссыльных, которые были размещены в Тесинской, Шушенской и Абаканской волостях округа [29. Л. 4; 30. Л. 83.]. Основная масса польских политических ссыльных в Минусинском округе в конце 1860-х – 1870-е гг. была представлена осужденными и отправленными в ссылку на поселение, на «жительство», водворение, а также административно высланными по политической неблагонадежности. После размещения польских ссыльных в округе по местам их причисления над ними был установлен гласный и негласный надзор со стороны полиции.

Во главе уездного полицейского управления во второй половине XIX в. в Енисейской губернии стоял уездный исправник. Но ключевой фигурой, осуществлявшей надзор и контактировавшей с польскими ссыльными, был становой пристав, которому подчинялись урядники, сотские из числа местного населения в участках стана, десятские – в селениях [2. С. 74–75].

Пребывание польских ссыльных в ссылке регулировалось особыми правилами и другими законодательными актами, обеспечивавшими эффективную организацию надзора над ними и их размещением. Перечень запрещаемых занятий для них был гораздо шире обычного, а контроль над перемещением – строже [4. С. 13].

Об отношении к ссыльным полякам со стороны минусинских окружных властей можно судить из от-

чета ревизора поселений коллежского асессора Кузьминского, направленного из Иркутска в Минусинский и Канский округа в декабре 1866 г. в целях выяснения «возможности возникновения беспорядков в этих округах». В отчете указывалось, что «польские ссыльные Бруно Попроцкий, являвшийся гувернером в доме золотопромышленника Подсосова, и Фадей Радзицкий бывают «в Минусинском благородном собрании и играют в тамошнем обществе видную и влиятельную роль» [30. Л. 7, 18, 21–21 об.]. Другой ссыльный Валериан Сарнецкий вошел «в доверие земского исправника Вахрушева и был избран старостою, а Ангелина Радзицкая, несмотря на запрещение со стороны губернских властей, занималась преподаванием уроков музыки» [30. Л. 18, 21 об.].

Как известно, постоянными членами городского благородного собрания г. Минусинска были в основном дворяне и чиновники, которые собирались вместе для приятного времяпрепровождения [31]. Названные политические ссыльные по социальному происхождению были дворянами, представителями привилегированного слоя польской ссылки в округе. Их численность на 20 июня 1867 г. среди ссыльных поляков составляла 69,2%, среди западнопольских переселенцев – 1% [30. Л. 88–93]. По замечанию временного военно-окружного начальника Минусинского округа ротмистра Шелашникова, направленного сюда в апреле 1867 г. из Иркутска, среди польских ссыльных в Минусинском округе было «немного лиц без всякого занятия. Это большей частью люди с собственными средствами и привилегированного звания» [30. Л. 86].

Как отмечает Л.В. Кальмина, сибирские чиновники, несмотря на известную долю настороженности по отношению к полякам – участникам восстаний в Польше, рассматривали их «как почти привилегированное сословие». Вследствие этого отношение к полякам со стороны сибирской администрации было максимально лояльным [32. С. 74–75]. Несмотря на существовавшие ограничения в профессиональной, особенно интеллектуальной, деятельности для польских ссыльных, потребность в образованных кадрах в Минусинском округе приводила к значительным послаблениям для некоторых из них. Так, «обязанности сельских писарей в Минусинском округе занимали политические преступники. Например, в Назаровской волости должностное волостного писаря исполнял поляк» [30. Л. 37 об., 38].

В донесении генерал-губернатору Восточной Сибири указывалось о принятии срочных мер по замене «писарей из поляков другими» и впредь недопущение подобного, а также «жестких мер по прекращению послабления в отношении ссыльных и отступления от утвержденных правил» [30. Л. 38–38 об.]. В этой ситуации не осталась без внимания генерал-губернатора и деятельность земских исправников и городничих, особенно минусинского подполковника Фелькнера, которые были строго предупреждены о том, что если подобные «послабления вновь повторяются, то они будут уволены с занимаемых должностей и преданы законной ответственности» [30. Л. 38 об.].

Между тем в полицейском обзоре Минусинского округа за 1897 г. было отмечено, что ссыльные поляки,

находящиеся под гласным надзором, занимаются педагогической деятельностью, и эти сведения неоднократно доводились до минусинского окружного исправника. «Однако пользы от этого никакой не было, так как сказанные поднадзорные продолжают заниматься этой деятельностью» [16. С. 138].

Таким образом, взаимоотношения польских ссыльных с местной окружной властью сводились к контактам с исправником, полицейскими надзирателями или полицмейстером г. Минусинска, которые осуществляли непосредственный гласный и негласный надзор над ними. Жизнь польских ссыльных в округе во многом определялась отношением к ним местных чиновников, которые в силу объективных обстоятельств разрешали им заниматься запрещенными видами деятельности, что вызывало нарекания со стороны губернских чиновников, требовавших соблюдения правил пребывания поляков в сибирской ссылке.

В 1880–1890-х гг. в Минусинском округе значительно увеличилось число административно-ссыльных, отправленных в ссылку по политическим мотивам. Среди ссыльных было немало членов различных течений народничества и других революционных организаций России и Польши, в частности Д.А. Клеменц, Ф.Я. Кон, И.П. Белоконский, П.А. Аргунов, С.В. Мартынов, В.С. Лебедев, Н.С. Тютчев, С.А. Миртова, С.А. Никонов, А.Н. Макаревский и др. Административная ссылка применялась к лицам, «вредным для государственного и общественного спокойствия», которых высылали на безотлучное проживание в отдельные местности Восточной Сибири с наложением ограничений на выбор занятий, переписку и установлением над ними гласного надзора полиции» [5. С. 98]. Осуществление функций гласного надзора над административно-ссыльными в округе было возложено на окружного исправника, земских заседателей, волостных, сельских и инородческих начальников. В Минусинске эти обязанности выполнялись помощником исправника и полицейскими надзирателями, которые имели полную информацию о каждом ссыльном [33. Л. 15–15 об.]

В начале 1880-х гг. полицейский надзор над политическими ссыльными был не особенно жестким. Сибирская администрация снисходительно относилась к контактам последних с местными населением и «даже сама не чуждалась их» [34. С. 91–92]. Например, административно-ссыльный князь А.А. Кропоткин, брат П.А. Кропоткина, известного теоретика анархизма, члена народнической организации «чайковцев», находился в хороших отношениях с окружным исправником Барановым и был тепло принят в двух домах, занимавших важное служебное и общественное положение в Минусинске [35. Л. 8 об.]. Административно-ссыльные могли подселаться в Минусинском округе только к таким домохозяевам, которые зарекомендовали себя перед полицией «с лучшей стороны» [33. Л. 15–15 об.].

Начальник местной команды Бехтерев в своем рапорте отмечал, что дружеские отношения с минусинским исправником позволили князю А.А. Кропоткину «практически не выполнять установленные законом ограничения... он свободно и по собственному усмот-

рению отлучался из города по округу за сотни верст, посещал заводы, наполненные рабочими, и т.п.» [35. Л. 8, 9–9 об.]. Однако в 1880 г. с назначением нового исправника в Минусинский округ режим ссылки ужесточился, жизнь князя А.А. Кропоткина существенно изменилась, так как всем ссыльным было предписано ежедневно лично являться к исправнику. Все прошения князя А.А. Кропоткина в вышестоящие инстанции об отмене этого распоряжения по отношению к политическим ссыльным не были удовлетворены. В условиях угрозы высылки из Минусинского округа в Турханск он был вынужден смириться с существующими порядками полицейского надзора, унижавшими его самолюбие [18. С. 8].

Возникали и ситуации, в которых административно-ссыльные обращались к полиции с просьбой защитить их от местного населения и чиновников. Так, в Минусинске в мае 1881 г. группа административно-ссыльных обратилась к минусинскому исправнику с требованием оградить их от клеветы со стороны начальника местной команды подполковника Бехтерева и купца Попова, «обвинявших их в поджогах и пожаре в г. Минусинске в 1880 г.» и настраивавших против них местное население, которое словесно оскорбляло их при встречах на улице» [35. Л. 23 об.]. В связи с этим некоторые административно-ссыльные обратились с прошением к окружному исправнику разрешить им иметь «при себе оружие в целях самозащиты» [35. Л. 24 об.]. В результате инициаторы прошения из числа административно-ссыльных решением минусинского исправника были переведены из Минусинска в волости округа [35. Л. 55–55 об.].

В своих воспоминаниях административно-ссыльный И.П. Белоконский, характеризуя деятельность местных властей по исполнению «Положения о полицейском надзоре» от 12 марта 1882 г., отмечал, что она во многом зависела от личности земского исправника. И.П. Белоконский указывал, что «покуда исправником в Минусинском округе был корректный и мягкий Шишко», Правила о поднадзорных в отношении ссыльных, «применялись не особенно усердно». Однако после назначения исправником Знаменского, грубого и ограниченного человека, положение ссыльных стало «весьма тяжелым» [22. С. 309]. Большое влияние на последнего, по мнению И.П. Белоконского, имел жандарм Иванов, постоянно выражавший на словах соболезнование и сочувствие ссыльным, тем самым вводивший в заблуждение немногих из них. В то же время он занимался систематическими доносами и запугиванием исправника Знаменского, а также науськиванием его на ссыльных [22. С. 288].

Отставка земского исправника Шишко связывалась И.П. Белоконским с инцидентом с женой ссыльного Е.З. Новаковского С. Новаковской, которая, явившись в полицейское управление, намеревалась дать пощечину исправнику Шишко, хотя на деле этого не сделала. Поступок С. Новаковской был признан властями как оскорбление действием исправника Шишко. При этом сам минусинский исправник не хотел «давать ход этому делу и даже ходатайствовал за С. Новаковскую, однако из этого ничего не вышло: ее выслали в Якутскую область» [22. С. 309–310].

Необходимо отметить, что уездные исправники представляли ежемесячные отчеты в губернское жандармское управление о поведении, занятиях, круге общения ссыльных и степени их «благонадежности». Большое значение в жизни политических ссыльных играли также надзиратели, приставы, становые, имевшие право в любое время войти в их жилище, проверить характер занятий и другие полномочия. Это приводило к возникновению определенных «трений» между ссыльными и чинами местной администрации и полиции, которые обе стороны старались не обострять и не делать публичными во избежание лишнего внимания к себе со стороны губернатора и других вышестоящих инстанций [36. С. 152]. Для политических ссыльных огласка конфликта с местной администрацией грозила переводом в другое место поселения с более худшими условиями, как в случае с С. Новаковской.

Вместе с тем во второй половине 1890-х гг. для осуществления тотального полицейского надзора над ссыльными в Сибири не хватало полицейских чинов, исходя из «параметров народонаселения и пространств участков». Например, в Енисейской губернии надзор над населением городов и волостей был возложен на 38 чиновников. На Минусинский округ приходилось 8 чинов, из них двое находилось в Минусинске» [3. С. 295]. Полицейским приходилось вступать в непосредственный контакт с административно-ссыльными только в случае «прямого подозрения в совершении какого-нибудь преступления или бесписьменного и недозволенного проживания ссыльных в городах» [3. С. 295]. Это минимизировало взаимоотношения административно-ссыльных с местной администрацией, которые сводились к отдельным инцидентам, связанным с нарушением правил гласного надзора со стороны ссыльных.

В этом русле весьма интересно представлены взаимоотношения между минусинскими окружными властями и ссыльными, например Ф.Я. Коном – революционером, сосланным в Сибирь по делу польской организации «Пролетариат» и находившемся на поселении в Минусинском округе с 1897 по 1904 г. Ф.Я. Кон отмечал, что в отношениях с начальством во время пребывания в Минусинском округе было два периода. Первый был связан с пребыванием в должности главы местного полицейского управления исправника старого типа Мухина, придерживавшегося традиционного правила: «Вы меня не трогайте, и я вас не буду трогать, лишь бы все было “шито-крыто”». И он нас не трогал» [23. С. 477–478]. Второй период ссылки Ф.Я. Кона был связан с деятельностью нового исправника Стоянова, зарекомендовавшего себя крайне грубым отношением к административно-ссыльным по месту прежней службы в г. Енисейске. Эти же методы он попытался распространить на минусинских поднадзорных, в частности Кона [23. С. 477–478]. Противостояние между исправником Стояновым и Коном, являвшимся не только ссыльным, но достаточно известным ученым, закончилось тем, что исправник «подал заявление... чтобы либо меня убрали, либо его уволили из Минусинского округа, так из-за меня получают ненормальные отношения со ссыльными» [23. С. 480]. Ф.Я. Кон, оцени-

вая взаимоотношения ссыльных с минусинским исправником, отмечал, что «как и во всякой ссылке, отношения с начальством довольно много портили нервов, но в то же время заполняли до некоторой степени существование и доставляли нам немало веселых моментов» [23. С. 480].

Подводя итоги, отметим, что отношения между местной администрацией и политическими ссыльными складывались в рамках существовавших правил полицейского надзора над последними, которые отличались в зависимости от категорий политических ссыльных и мер наказания.

Декабристов с местной окружной администрацией связывали дружеские связи и совместная хозяйственная деятельность, обусловленные общностью их сословной принадлежности и солидарностью. Минусинское чиновничество тесно общалось с декабристами, некоторые из которых были выходцами из семей привилегированных дворянских сословий и крупного чиновничества и имели родственные связи с влиятельными высшими сановниками. В то же время для декабристов чиновничество представляло собой единственный круг общения в округе для ведения привычного им образа жизни.

Иначе складывались взаимоотношения с сибирскими властями известного революционера М.В. Буташевича-Петрашевского. Доброжелательное отношение к нему и поддержка со стороны минусинского окружного начальника Н.А. Кострова привели к отставке последнего с занимаемой должности. Дальнейшее пребывание М.В. Буташевича-Петрашевского в округе протекало в русле острого конфликта и противостояния с окружной и губернской администрациями, которые привели к ужесточению полицейского надзора и высылке его из Минусинского округа.

Взаимоотношения местных властей и польских политических ссыльных во многом определялось значительной частью среди них лиц привилегированного дворянского сословия. Условия пребывания поляков в ссылке предусматривало широкий перечень запрещенных занятий и строгий контроль над перемещением в местах поселения. Однако острый недостаток образованных кадров в Минусинском округе обусловил лояльное отношение к ним со стороны местной администрации, разрешавшей им заниматься на поселении запрещенными видами деятельности.

Взаимоотношения между административно-ссыльными и местными полицейскими властями в Минусинском округе складывались в рамках существовавшей системы гласного надзора над политическими ссыльными, сложившейся в 1880–1890-х гг. Неукоснительное соблюдение правил отбывания административной ссылки со стороны административно-ссыльных в округе во многом зависело от субъективных факторов – личности земского исправника и его отношения к политическим ссыльным. В целом же отношения политических ссыльных и местных окружных чиновников следует рассматривать как сложное взаимодействие и переплетение различных факторов (строгое исполнение правил полицейского надзора местными властями, стремление ссыльных добиться уступок по смягчению

условий ссылки, личные качества ссыльных и местных чиновников, потребности тех и других в обществе образованных людей в условиях сибирской провинции и др.),

среди которых в зависимости от конкретных обстоятельств ситуационно первостепенным становился какой-то определенный фактор.

Список источников

1. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). 2-е изд., испр. и доп. Иркутск : Оттиск, 2018. 416 с.
2. Коновалова О.В. Основные вехи истории полиции Красноярья // Научный компонент. 2019. № 2. (2). С. 66–79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyye-vehi-istorii-politsii-krasnoyara> (дата обращения: 12.03.2022).
3. Саломон А.П. Ссылка в Сибирь : очерк ее истории и современного положения. СПб. : Тип. С.-Петерб. тюрьмы, 1900. 339 с.
4. Иванов А.А. Правовые особенности пребывания поляков – участников Январского восстания – в Иркутской ссылке в 1863–1883 гг. // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7, № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osobennosti-prebyvaniya-polyakov-uchastnikov-yanvarskogo-vosstaniya-v-irkutskoy-sylke-v-1863-1883-gg> (дата обращения: 12.03.2022).
5. Савилов А.А. Особенности надзора за политическим и ссыльными в Иркутской губернии в период с 1880 по 1905 гг. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2017. № 3 (29). С. 97–102.
6. Бочанова Т.А. Правовой режим декабристской ссылки // Юридические науки. 2021. № 2 (8). С. 100–105.
7. Перцева Т.А. Доносы на декабристов как средство решения конфликтов в администрации Восточной Сибири // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2012. № 2-1. С. 135–140.
8. Ватин-Быстрянский В.А. Политическая ссылка в Минусинском округе // Декабристы в Минусинском округе : к 100-летию юбилею восстания декабристов, 1825 – 26 (14) декабря – 1925. Минусинск : Гос. тип., 1925. Т. 3, вып. 2. С. 1–34.
9. Косованов А. Новые страницы из жизни минусинских декабристов // Декабристы в Минусинском округе : к 100-летию юбилею восстания декабристов, 1825 – 26 (14) декабря – 1925. Минусинск : Гос. тип., 1925. Т. 3, вып. 2. С. 67–84.
10. Косованов И.П. Годы изгнания декабристов Фаленберга и Фролова // Декабристы в Минусинском округе : к 100-летию юбилею восстания декабристов, 1825 – 26 (14) декабря – 1925. Минусинск : Гос. тип., 1925. Т. 3, вып. 2. С. 35–66.
11. Семевский В.И. М.В. Буташевич-Петрашевский в Сибири // Голос минувшего. 1915. № 5. С. 43–84.
12. Дулов А.В. Петрашевцы в Сибири. Иркутск : Иркут. ун-т, 1996. 565 с.
13. Дулов А.В., Иванов А.А. Петрашевцы в Восточной Сибири // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2012. № 9 (68). С. 349–357.
14. Владимирев Е. Мужественный революционер. К 150-летию со дня рождения М.В. Петрашевского // Сибирские огни. 1971. № 12. С. 124–129.
15. Шевцов В. В. «Томские губернские ведомости» (1857–1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. Томск : Том. гос. ун-т, 2012. 414 с.
16. Береговая Е.П. Просветительская деятельность ссыльных – участников польского восстания 1863 г. в Енисейской губернии // Польская интеллигенция в Сибири XIX–XX вв. : сб. материалов межрегион. тематических чтений «История и культура поляков Сибири» 2006–2007 гг. / сост. С.В. Леончик. Красноярск : Журналист, 2007. С. 135–139.
17. Шудбаев О.Н. Политические ссыльные в Минусинском округе участники восстания 1863 г. в Польше // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. Сер. 3. История. Право. 2002. Вып. 2. С. 28–32.
18. Милевский О.А. История одного выстрела: самоубийство А.А. Кропоткина // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 46. С. 5–12.
19. Порхунов Г.А. Декабристы в Сибири: жизнь и деятельность // Омский научный вестник. 2001. № 15. С. 24–27.
20. Ершов М.Ф. Ссыльные декабристы и провинциальное население Зауралья // Вестник Пермского университета. 2015. Вып. 2 (29). С. 156–161.
21. Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном: 1805–1850. СПб. : А.С. Суворин, 1882. 507 с.
22. Белокопский И.П. Дань времени: воспоминания. М. : Задруга, 1918. 372 с.
23. Кон Ф. За пятьдесят лет. 2-е изд. М. : Сов. писатель, 1936. Т. 1-2. 520 с.
24. Степанов А.П. Енисейская губерния. СПб. : Тип. Конрада Вингебера, 1835. Ч. 1-2. 364 с.
25. Гершензон М.О. Декабрист Кривцов и его братья. М. : М. и С. Сабашниковы, 1914. 299 с.
26. Декабристы в воспоминаниях современников : сб. ст. / сост., общ. ред., вступ. ст. и коммент. В.А. Федорова. М. : Изд-во МГУ, 1988. 507 с.
27. Петрашевцы в воспоминаниях современников : сб. материалов : в 3 т. / сост. П.Е. Щеголев; предисл. Н. Рожкова; ред. П.Е. Щеголев. М. : Л. : Гос. изд-во, 1926. Т. 1. 295 с.
28. Anisimova L.J., Andusev B.E., Akhtamov E.A., Sheviakov I.S. The Polish Political Exile in the Yenisei Government in the second part of XIX century // Bylye Gody. 2019. Vol. 3 (53). P. 1144–1152.
29. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 3. Д. 35. К. 1807.
30. ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 70. К. 1766.
31. Устав городского Благородного собрания // Минусинский краеведческий музей им. Н.М. Мартянова. URL: <https://музей-мартянова.рф/politika.html?mode=events&id=439> (дата обращения: 06.03.2022).
32. Кальмина Л.В. Поляки и евреи: два полюса в этнической политике самодержавия в Сибири // Сибирский сборник – 3. Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской / отв. ред. П.О. Рыкин. СПб. : МАЭ РАН, 2011. С. 71–79.
33. Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. Н-2. Оп. 1. Д. 1283.
34. Федорова В.И. Народническая ссылка Сибири в общественно-политической и идейной борьбе в России в последней четверти XIX века. Красноярск : Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 1996. 160 с.
35. ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 916. К. 2248.
36. Нефедовский Г.В. К вопросу о правовом регулировании ссылки в России (конец XIX – начало XX вв.) // Современная научная мысль. 2013. № 3. С. 149–158.

References

1. Dameshek, L.M. & Dameshek, I.L. (2018) *Sibir' v sisteme imperskogo regionalizma (1822–1917 gg.)* [Siberia in the system of Imperial Regionalism (1822–1917 gg.)]. 2nd ed. Irkutsk: Ottisk.
2. Konovalova, O.V. (2019) *Osnovnye vekhi istorii politicii Krasnoyars'ya* [The historical milestones of the police of Krasnoyarsk Region]. *Nauchnyy component*. 2(2). pp. 66–79.
3. Salomon, A.P. (1900) *Ssylka v Sibir': ocherk ee istorii i sovremennogo polozheniya* [Exile to Siberia: An essay on its history and current situation]. St. Peterburg: Tipografiya S.-Peterburgskoy tyur'my.

4. Ivanov, A.A. (2016) Pravovye osobennosti prebyvaniya polyakov – uchastnikov Yanvarskogo vosstaniya – v Irkutskoi ssylke v 1863–1883 gg. [Legal features of the stay of Poles - participants of the January Uprising - in Irkutsk exile in 1863–1883]. *Baikal Research Journal*. 7(5). p. 13.
5. Savilov, A.A. (2017) Osobennosti nadzora za politicheskimi i ssyl'nymi v Irkutskoy gubernii v period s 1880 po 1905 gg. [Features of supervision over political exiles in Irkutsk province from 1880 to 1905]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*. 3(29). pp. 97–102.
6. Bochanova, T.A. (2021) Pravovoy rezhim dekabristskoy ssylki [The legal regime of the Decembrist exile]. *Yuridicheskie nauki*. 2(8). pp. 100–105.
7. Pertseva, T.A. (2012) Donosy na dekabristov kak sredstvo resheniya konfliktov v administratsii Vostochnoy Sibiri [Denunciations against the Decembrists as a means of resolving conflicts in the administration of Eastern Siberia]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya*. 2-1. pp. 135–140.
8. Vatin-Bystryansky, V.A. (1925) Politicheskaya ssylka v Minusinskom okruge [Political exile in Minusinsk district]. In: *Dekabristy v Minusinskom okruge: k 100-letnemu yubileyu vosstaniya dekabristov, 1825 – 26 (14) dekabrya – 1925* [The Decembrists in the Minusinsk District: on the 100th anniversary of the Decembrist uprising, 1825 – 26 (14) December – 1925]. Vol. 3(2). Minusinsk: Gos. tip. pp. 1–34.
9. Kosovanov, A. (1925) Novye stranitsy iz zhizni minusinskikh dekabristov [New pages from the life of Minusinsk Decembrists]. In: *Dekabristy v Minusinskom okruge: k 100-letnemu yubileyu vosstaniya dekabristov, 1825 – 26 (14) dekabrya – 1925* [The Decembrists in the Minusinsk District: on the 100th anniversary of the Decembrist uprising, 1825 – 26 (14) December – 1925]. Vol. 3(2). Minusinsk: Gos. tip. pp. 67–84.
10. Kosovanov, I.P. (1925) Gody izgnaniya dekabristov Falemburga i Frolova [Years of exile of the Decembrists Falenberg and Frolov]. In: *Dekabristy v Minusinskom okruge: k 100-letnemu yubileyu vosstaniya dekabristov, 1825 – 26 (14) dekabrya – 1925* [The Decembrists in the Minusinsk District: on the 100th anniversary of the Decembrist uprising, 1825 – 26 (14) December – 1925]. Vol. 3(2). Minusinsk: Gos. tip. pp. 35–66.
11. Semevsky, V.I. (1915) M.V. Butashevich-Petrashkevsky v Sibiri [M.V. Butashevich-Petrashkevsky in Siberia]. *Golos minuvshogo*. 5. pp. 43–84.
12. Dulov, A.V. (1996) *Petrashkevtsy v Sibiri* [Petrashkevists in Siberia]. Irkutsk: Irkutsk State University.
13. Dulov, A.V. & Ivanov, A.A. (2012) Petrashkevtsy v Vostochnoy Sibiri [Petrashkevists in Eastern Siberia]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 9(68). pp. 349–357.
14. Vladimirov, E. (1971) Muzhestvennyy revolyutsioner. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya M.V. Petrashevskogo [Courageous revolutionary. To the 150th anniversary of the birth of M.V. Petrashevsky]. *Sibirskie ogni*. 12. pp. 124–129.
15. Shevtsov, V.V. (2012) “Tomskie gubernskie vedomosti” (1857–1917 gg.) v sotsiokulturnom i informatsionnom prostranstve Sibiri [“Tomskie gubernskie vedomosti” (1857–1917) in the socio-cultural and information space of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
16. Beregovaya, E.P. (2007) Prosveshitel'skaya deyatel'nost ssyl'nykh – uchastnikov pol'skogo vosstaniya 1863 g. v Eniseyskoy gubernii [Educational activities of exiles - participants of the Polish uprising of 1863 in Yenisei province]. In: Leonchik, S.V. (ed.) *Pol'skaya intelligentsiya v Sibiri XIX–XX vv.* [Polish Intelligentsia in Siberia in the 19th – 20th Centuries]. Krasnoyarsk: Zhurnalists. pp. 135–139.
17. Shulbaev, O.N. (2002) Politicheskie ssylnye v Minusinskom okruge uchastniki vosstaniya 1863 g. v Pol'she [Political exiles in Minusinsk district participants of the 1863 uprising in Poland]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova. Ser. 3. Istoriya. Pravo*. 2. pp. 28–32.
18. Milevskiy, O.A. (2017) The History of one shot: A.A. Kropotkin's suicide. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 46. pp. 5–12. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/46/1
19. Porkhunov, G.A. (2001) Dekabristy v Sibiri: zhizn' i deyatel'nost [Decembrists in Siberia: Life and work]. *Omskiy nauchnyy vestnik*. 15. pp. 24–27.
20. Ershov, M.F. (2015) Ssyl'nye dekabristy i provintsial'noe naselenie Zauralya [Exiled Decembrists and provincial population of Trans-Urals]. *Vestnik Permskogo universiteta*. 2(29). pp. 156–161.
21. Belyaev, A.P. (1882) *Vospominaniya dekabrta o perezhitom i perechuvstvovannom: 1805–1850* [Memoirs of a Decembrist about what he experienced and felt: 1805–1850]. St. Petersburg: A.S. Suvarin.
22. Belokonsky, I.P. (1918) *Dan' vremeni: vospominaniya* [Tribute to time: Memoirs]. Moscow: Zadruga.
23. Kon, F. (1936) *Za pyat' desyat let* [For fifty years]. 2nd ed. Vol. 1–2. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
24. Stepanov, A.P. (1835) *Eniseyskaya guberniya* [Yenisei province]. Vol. 1–2. St. Petersburg: Tip. Konrada Vingeberga.
25. Gershenzon, M.O. (1914) *Dekabrist Krivtsov i ego bratya* [Decembrist Krivtsov and his brothers]. Moscow: M. i S. Sabashnikov.
26. Fedorov, V.A. (ed.) (1988) *Dekabristy v vospominaniyakh sovremennikov* [Decembrists in the memoirs of contemporaries]. Moscow: MSU.
27. Shchegolev, P.E. (ed.) (1926) *Petrashkevtsy v vospominaniyakh sovremennikov* [Petrashkevists in the memoirs of contemporaries]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo.
28. Anisimova, L.J., Andusev, B.E., Akhtamov, E.A. & Sheviakov, I.S. (2019) The Polish Political Exile in the Yenisei Government in the second part of XIX century. *Bylye Gody*. 3(53). pp. 1144–1152.
29. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 24. List 3. File 35. K. 1807.
30. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 24. List 3. File 70. K. 1766.
31. The City Noble Assembly. (n.d.) *Ustav gorodskogo Blagorodnogo sobraniya* [Charter of the City Noble Assembly]. [Online] Available from: <https://музей-мартыанова.рф/politika.html?mode=events&id=439> (Accessed: 6th March 2022).
32. Kalmina, L.V. (2011) Polyaki i evrei: dva polyusa v etnicheskoy politike samodержaviya v Sibiri [Poles and Jews: Two poles in the ethnic policy of autocracy in Siberia]. In: Rykin, P.O. (ed.) *Sibirskiy sbornik – 3. Narody Evrazii v sostave dvukh imperiy: Rossiyskoy i Mongolskoy* [Siberian Collection – 3. Peoples of Eurasia as part of two empires: Russian and Mongolian]. St. Petersburg: MAE RAS. pp. 71–79.
33. The National Archive of the Republic of Khakassia (NARKh). Fund N-2. List 1. File 1283.
34. Fedorova, V.I. (1996) *Narodnicheskaya ssylka Sibiri v obshchestvenno-politicheskoy i ideynoy bor'be v Rossii v posledney chetverti XIX veka* [Peoples' exile of Siberia in the socio-political and ideological struggle in Russia in the last quarter of the 19th century]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
35. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 24. List 3. File 916. K. 2248.
36. Nefedovsky, G.V. (2013) K voprosu o pravovom regulirovani ssylki v Rossii (konets XIX – nachalo XX vv.) [On the legal regulation of exile in Russia (late 19th – early 20th centuries)]. *Sovremennaya nauchnaya mysl*. 3. pp. 149–158.

Сведения об авторах:

Шулбаев Олег Никитович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института истории и права Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Кatanова (Абакан, Россия). E-mail: Shulbaev9@rambler.ru

Баранцева Наталья Анатольевна – кандидат исторических наук, заведующая кафедрой истории Института истории и права Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Кatanова (Абакан, Россия). E-mail: barantzeva@inbox.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Shulbaev Oleg N. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History. Institute of History and Law of N.F. Katanov Khakass State University (Abakan, Russian Federation). E-mail: Shulbaev9@rambler.ru

Barantseva Natalia A. – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of History, Institute of History and Law of N.F. Katanov Khakass State University (Abakan, Russian Federation). E-mail: barantseva@inbox.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.03.2022; принята к публикации 15.05.2025

The article was submitted 21.03.2022; accepted for publication 15.05.2025

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Научная статья

УДК 94(478); 32.019.5

doi: 10.17223/19988613/95/12

Публичная дипломатия – деструктивный инструмент влияния западных стран на государства постсоветского пространства: пример Республики Молдова

Иван Павлович Грива¹, Кирилл Юрьевич Шевцов²

¹ Томский государственный университет, Томск, Россия

² Молдавский государственный университет, Кишинев, Молдова

¹ Hryvaivan19@mail.ru

² ksevcov88@gmail.com

Аннотация. На основе данных отечественных и зарубежных источников анализируется инструментарий публичной дипломатии западных стран в Республике Молдова, ее механизмы и последствия. Дается оценка ее эффективности с точки зрения долгосрочного влияния на внутреннюю политику и международные отношения страны.

Ключевые слова: публичная дипломатия, Молдова, внутренняя политика, внешняя политика

Для цитирования: Грива И.П., Шевцов К.Ю. Публичная дипломатия – деструктивный инструмент влияния западных стран на государства постсоветского пространства: пример Республики Молдова // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 95. С. 89–96. doi: 10.17223/19988613/95/12

Original article

Public diplomacy is a destructive instrument of influence of Western countries on the states of the post-Soviet space: the example of the Republic of Moldova

Ivan P. Griva¹, Kirill Y. Shevtsov²

¹ Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

² Moldova State University, Chisinau, Republic of Moldova

¹ Hryvaivan19@mail.ru

² ksevcov88@gmail.com

Abstract. Based on data from domestic and foreign sources, the article analyzes the tools of public diplomacy of Western countries in the Republic of Moldova, its mechanisms and consequences. Its effectiveness is assessed in terms of its long-term impact on the country's domestic policy and international relations.

The purpose of the study is to analyze the tools of public diplomacy of Western countries in the Republic of Moldova, its mechanisms and consequences. Its effectiveness is assessed in terms of its long-term impact on the country's domestic policy and international relations.

The article assumes the solution of the following tasks to achieve the goal: 1) analyze the tools of public diplomacy in Western countries; 2) identify the destructive potential of public diplomacy; 3) to determine the degree of influence of Western countries and foundations on the political system of the Republic of Moldova.

Thus, studying the mechanisms of public diplomacy in Western countries not only reveals the destructive potential of public diplomacy, but also suggests approaches to minimizing its negative consequences for the states under geopolitical pressure.

From a methodological point of view, the phenomenon of public diplomacy in Western countries as a destructive element of influence on the political regimes of the post-Soviet countries can be studied on the basis of a comparative analysis using foreign and domestic scientific literature, as well as official statements by government representatives. In addition, the theoretical and methodological basis of public diplomacy helps to reveal the main characteristics and ways of influence of public diplomacy in the Republic of Moldova.

Conclusions: the study of public diplomacy as a destructive instrument of influence of Western countries on the states of the post-Soviet space allows us to identify the main trends, processes, patterns that determined the development of the Republic of Moldova, provides an opportunity to re-imagine and understand the opposite side of public diplomacy as a tool of soft power in Western countries.

Keywords: public diplomacy, Moldova, domestic policy, foreign policy

For citation: Griva, I.P., Shevtsov, K.Y. (2025) Public diplomacy is a Destructive Instrument of Influence of Western Countries on the states of the Post-Soviet Space: the Example of the Republic of Moldova. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 95. pp. 89–96. doi: 10.17223/19988613/95/12

Введение

Современная система международных отношений характеризуется глобальным противостоянием между основными геополитическими центрами влияния. В этих условиях публичная дипломатия становится важным инструментом, который позволяет государствам продвигать свои интересы за рубежом, используя стратегию мягкого воздействия на общественное мнение. Постсоветское пространство, будучи регионом с уникальным геополитическим положением, становится ареной интенсивной конкуренции между Западом и Востоком.

Одним из наиболее уязвимых государств в этом контексте является Республика Молдова. Географическая близость к Европейскому союзу и историческая связь с Россией создают предпосылки для острых политических и социальных конфликтов внутри страны. Публичная дипломатия западных стран, направленная на поддержку демократических реформ и продвижение европейских ценностей, на практике часто сопровождается усилением внутренних противоречий, ростом социального неравенства и подрывом традиционных ценностей.

Актуальность темы обусловлена усилением евроскептицизма в регионе и ростом критики в адрес внешнего вмешательства в суверенные дела государств. В условиях, когда понятие «мягкой силы» переосмысливается с точки зрения его манипулятивного потенциала, становится важным исследовать, каким образом публичная дипломатия трансформируется в деструктивный инструмент влияния. Более того, актуальность обусловлена и видимым ростом значимости публичной дипломатии в контексте последних избирательных циклов в Республике Молдова.

Исследование на примере Республики Молдова позволяет выявить ключевые аспекты этого феномена. Во-первых, это методы, которыми западные страны продвигают свои интересы, включая официальные дипломатические каналы, поддержку неправительственных организаций (НПО) и работу с местными средствами массовой информации. Во-вторых, это последствия применения таких инструментов, выражающиеся в политической нестабильности, социальной поляризации и изменении национального самосознания.

Цель статьи – проанализировать публичную дипломатию западных стран в Республике Молдова, ее механизмы и последствия, а также оценить ее эффективность с точки зрения долгосрочного влияния на внутреннюю политику и международные отношения страны.

Анализ концепта soft power и взаимосвязь с публичной дипломатией, концептами традиционной дипломатии и пропаганды

Теория «мягкой силы» (soft power), разработанная американским политологом Джозефом Наем, представляет собой один из базовых подходов к анализу межгосударственных отношений. В отличие от «жесткой силы», основанной на военном и экономическом принуждении, мягкая сила основывается на способности государства добиваться своих целей через привлечение и убеждение. Основные инструменты мягкой силы включают культурное влияние, идеологическое воздействие и публичную дипломатию [1].

Публичная дипломатия как составная часть мягкой силы направлена на формирование позитивного образа государства, поддержку демократических процессов и продвижение ценностей, выгодных инициатору. Однако, как показывает практика многих стран постсоветского пространства, данный инструмент может использоваться не только в созидательных, но и в деструктивных целях, манипулируя общественным мнением и подрывая стабильность и устойчивость государств. Один из ключевых механизмов – использование медиаплатформ и образовательных программ для изменения восприятия реальности внутри целевой страны. А.О. Наумов отметил, что «важнейшим компонентом киберсилы являются социальные сети, ставшие новыми политическими акторами» [2]. Теория Окна Овертона четко показывает, как публичная дипломатия может быть направлена на постепенное изменение общественных ценностей и норм, ранее считавшихся недопустимыми. Этот концепт позволяет насадить в обществе любую, даже самую деструктивную, идею [3. Р. 33].

Например, на первом этапе через культурные инициативы и образовательные проекты вводятся новые идеи. На втором этапе эти идеи начинают обсуждаться как приемлемые в экспертной и академической среде. В конечном счете происходит их институционализация через законодательные изменения, изменения политической риторики и поддержку целых общественных движений и объединений. Такой подход позволяет западным странам трансформировать общественные приоритеты в странах-мишенях. Таким механизмом воздействия на массы, по утверждению Овертона, возможно насадить даже самую деструктивную идею в самом консервативном обществе (например, легализация наркотических веществ, однополых браков и т.д.)

Учитывая, что публичная дипломатия является относительно новым концептом благодаря революции

в области коммуникации и развития политической и социальной жизни, стоит обратить внимание на восприятие и определение публичной дипломатии именитых политологов и социологов.

Робин Браун в рамках своего доклада на International Studies Association Convention (San Diego) в апреле 2012 г. отметил, что публичная дипломатия может быть исследована с четырех перспектив: как продолжение традиционной дипломатии, как проекция национального имиджа, как культурные взаимоотношения и в качестве политической коммуникации [4]. Браун считает публичную дипломатию актом внешней коммуникации, соотнося это представление с теориями Вальтера Липпмана о формировании общественного мнения. Одновременно Браун отводит роль отдельного института пропаганды, которую отделяет от публичной дипломатии.

В то же время в дипломатическом словаре Palgrave термин «публичная дипломатия» обретает значение «пропаганды, осуществляемой дипломатами», которая имеет целью изменения общественного мнения [5. Р. 62–63].

Анализируя философские аспекты холодной войны, стоит отметить, что публичной дипломатии незаслуженно отвели роль альтернативы пропаганды, что привело к негативной коннотации всех попыток влияния [6]. Развивая концепт политики открытой дипломатии Вудро Вильсона, Гуллион отделил публичную дипломатию от пропаганды, уточнив, что первая должна быть основана исключительно на правде [7].

Алан Генриксон с традиционалистской точки зрения отделил публичную дипломатию от классической, уточнив, что публичная дипломатия отличается взаимодействием политических истеблишментов разных государств не напрямую, а через своих граждан. [8. Р. 8].

Историк Николас Дж. Калл обратил внимание на ключевые составляющие публичной дипломатии, ассимилировав ее с современным представлением о soft power, и основал свои размышления на том, что никаких новшеств в этом концепте нет благодаря тому, что в положениях Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. уже содержатся все инструменты для реализации потенциала этих составляющих: сбор информации об иностранной публике и анализ общественного мнения; продвижение общего интереса государства перед иностранной публикой через международную коммуникацию; культурная дипломатия: обмены, использование близости культур и т.д.; непосредственные контакты: льготный режим въезда иностранных граждан, продвижение обучения своих граждан в иностранных вузах и т.д.; СМИ, которые призваны устранить границы информационного пространства между публиками разных государств (ТВ, Интернет, социальные сети и т.д.) [9].

В реалистском изложении Ганса Моргентау существует три вариации внешней политики государства: империалистская политика, политика статуса-кво и «политика престижа». Основной целью «политики престижа» является произведение впечатления на иные страны своей силой, которая есть или которую нужно им показать. Интерес вызывает то, что, предвосхищая

концепцию «мягкой силы», Моргентау отдает пропаганде лишь роль политического инструмента, полагая, что «сила нации определяется привлекательностью ее политической философии, общественных институтов и политических стратегий» [10. Р. 67]. Он утверждает, что эффективность пропаганды недопустимо ограничена ввиду того, что не может быть однородного общественного мнения по всему миру [10. Р. 138].

В лагере неолиберализма Дж. Най для объяснения публичной дипломатии апеллирует не к пропаганде, а именно к мягкой силе. В то же время разница между публичной дипломатией и мягкой силой состоит в том, что у последней есть способность привлекать иностранную публику, а публичная дипломатия ставит своей целью лишь влияние [1. С. 96–100]. Несмотря на критику своего концепта, Дж. Най настаивает на определении публичной дипломатии как составляющей мягкой силы наряду с классической (традиционной) дипломатией. Таким образом, в нашем анализе мы вынуждены пользоваться разработками теоретиков противоположного политического лагеря, поскольку отечественные политологи не накопили пока достаточного теоретического багажа.

Что касается молдавских исследователей, то очевидно, что их научная мысль полностью повторяет концепцию «мягкой силы» Джозефа Ная. Доктор юридических наук Ион Гучак четко определил благоприятные последствия продвижения и развития публичной дипломатии: распространение демократических политических режимов сопровождается постоянным давлением на политический истеблишмент со стороны общества, превратив легитимность государственной политики в основу внутренней стабильности в государстве; увеличение роли многостороннего подхода к решению межгосударственных проблем определяет важность убеждения общества из иных стран; установление эры информационных технологий позволяет информации очень быстро циркулировать, что устранило границы государств в информационном пространстве; глобализация позволяет государствам конкурировать с целью обеспечения экономического роста, прироста иностранного капитала, притока квалифицированной рабочей силы и т.д.; в конъюнктуре нового мира не существует четкого разделения между внутренней политикой государства и региональной, международной повесткой, т.е. политический кризис в государстве может спровоцировать дестабилизацию международного сообщества [11. Р. 7].

Следовательно, проследив генезис и видоизменение терминов «публичная дипломатия» и «мягкая сила», мы можем констатировать, что ввиду несправедливо отведенной им роли альтернативы пропаганды на протяжении прошлого столетия эти термины сегодня могут вызывать негативную коннотацию.

Кейс Республики Молдова

В Республике Молдова западные страны применяют как официальные, так и неофициальные каналы влияния для продвижения своих интересов. Официальные дипломатические представительства, такие как

посольства и консульства, играют ключевую роль в формировании внешней политики и продвижении ценностей своих стран. Они организуют культурные мероприятия, образовательные программы и политические диалоги, направленные на укрепление связей с Молдовой и продвижение демократических реформ.

Наряду с официальными каналами значительное влияние оказывают неправительственные организации (НПО) и международные фонды. Они реализуют проекты, направленные на развитие гражданского общества, защиту прав человека и поддержку независимых СМИ. Однако их деятельность иногда обретает форму вмешательства во внутренние дела страны и служит интересам иных политических акторов.

Большой интерес в анализе ситуации Республики Молдова представляет именно «теневое влияние» через различные сетки структур и неправительственных организаций. Для этого молдавский законодатель в Законе 86/2020 о некоммерческих организациях обеспечил благоприятную почву для их развития и существования [12]. Согласно официальным данным из Реестра некоммерческих организаций, в Республике Молдова насчитывается более 16 тысяч зарегистрированных НКО под видом общественного объединения, фонда, частного института, религиозной общины и профсоюза [13]. В этом контексте важно уточнить, что в законодательстве Республики Молдова не существует института «иностранный агент», как и механизмов фактической установки бенефициаров той или иной организации. Весь контроль государства за этим аспектом сводится к заполнению формальной декларации о фактическом бенефициаре организации (заполняется на этапе создания НКО) и периодическому контролю Государственной налоговой службой (единственная цель контроля – проверка легальности финансирования и уплаты налогов). При этом предусмотрен механизм роспуска и ликвидации судом общей юрисдикции подобных организаций по запросу Министерства юстиции в случае выявления деятельности, «противоречащей принципам правового государства и демократического общества» [12].

Исходя из вышесказанного, нетрудно догадаться, что западные центры влияния используют все возможные рычаги воздействия на массы молдавского общества уже долгое время. Следует отметить основных спонсоров этого деструктивного для консервативного молдавского общества влияния.

Одним из самых успешных стал Фонд Сороса, который, согласно своему финансовому отчету за 2023 г., инвестировал более 1,2 млн евро в различные программы и проекты. Примечательно тесное взаимодействие Фонда Сороса и иных спонсоров с нынешней властью в Молдове. Так, в 2023 г. более 150 тыс. долларов США было выделено Фондом Генеральному Инспекторату Полиции Молдовы для «укрепления и консолидирования возможностей представителей правоохранительных органов» [14. Р. 17].

Примером откровенного вмешательства в дела государства со стороны фонда «Открытое сообщество» Джорджа Сороса может быть лоббирование миграционной политики в Венгрии, результатом чего стало

выдворение из Венгрии сотрудников Фонда и принятие пакета законов под общим названием «Стоп Сорос» в 2018 г. В кейсе Республики Молдова также прослеживается четко спланированная стратегия лоббирования определенных политических решений через программы спонсирования Фонда, сопровождаемая систематическими встречами глав государства с руководством Фонда [15]. Такое мнение высказал молдавский депутат парламента и автор книги «Гражданское сообщество в Республике Молдова: Спонсоры. НПО-кратия. Культурные войны» Богдан Цырдя [16. Р. 196–197, 220]. Порой вмешательство Фонда обретало немалый масштаб, спонсируя абсолютно непрозрачным образом нескольких советников из кабинета премьер-министра Молдовы в 2014 г. [16. Р. 259]

Не менее продуктивна деятельность USAID в Молдове. Их присутствие чувствуется обывателями повседневно. Любой, кто проедет какой-то отремонтированный на их средства участок дороги, пользующийся электронным порталом судебных инстанций, учащийся в университете или школе-бенефициаре помощи от них, прочитавший научную литературу, выпущенную при их содействии, обязательно увидит их логотип [17]. Полагаем, что это создает эффект сопричастности и присутствия, что крепко откладывается в коллективном сознании молдавских граждан. Финансирование со стороны USAID более обширно, они готовы спонсировать как частные коммерческие инициативы, инфраструктурные проекты в населенных пунктах, так и молдавские НКО и СМИ [16. Р. 193].

В контексте референдума об изменении Конституции Республики Молдова, на котором 20 октября 2024 г. с минимальным отрывом граждане РМ проголосовали за внесение в Конституцию положений о европейской интеграции страны, большой интерес представляет влияние на молдавское общество со стороны Европейского союза и стран ЕС. Самым эффективным механизмом воздействия со стороны ЕС остается проект Erasmus+, направленный на организацию студенческих обменов с университетами стран ЕС. Согласно информации из официальных отчетов программы, в конце 2023 г. общее число всех участников программы с года ее основания (1987) превысило 15 млн человек. Имидж участия в подобных программах обеспечил формирование «лидеров мнений» с четкой прозападной позицией [18].

В представлении доктора юридических наук в области конституционного права Иона Гучака, процесс вступления в ЕС тесно связан с развитием мягкой силы. Процесс евроинтеграции заставил страны-участницы переосмыслить свой образ и позицию на международной арене, убедить собственное население в необходимости применения норм ЕС и верности выбранного геополитического курса. В качестве примера используется опыт стран Центральной и Восточной Европы в период 2000–2004 гг., когда публичная дипломатия применялась параллельно с переговорными процессами о вступлении стран в ЕС [11. С. 8].

Помимо влияния ЕС, мы можем говорить о воздействии отдельных государств, спонсирующих НКО и СМИ в Молдове. Самым ярким примером может быть

Sverige (Швеция) и Посольство Нидерландов в РМ. Многие НПО регионального уровня получают финансирование именно из этих источников в рамках программ защиты прав этнических и иных меньшинств в РМ. Под видом выдачи грантов реализуется процесс создания инфлюенсеров в регионах. На данный момент практически невозможно отследить и провести подсчет всех бенефициаров и участников проектов, реализуемых западными странами, однако влияние их активной деятельности на территории РМ можно отследить по результатам последних избирательных циклов, которые были достаточно благоприятны для западных государств.

Мы можем утверждать, что западные страны воспользовались в период предвыборной агитационной кампании (так же, как и в последние годы) лазейками в избирательном законодательстве Республики Молдова. Фактически отсутствие каких-либо положений, регламентирующих деятельность НКО в рамках электорального цикла, позволило всем этим организациям развернуть масштабную кампанию по продвижению европейской интеграции и изменению Конституции РМ. Этот факт подтвержден и в отчетах наблюдателей от ОБСЕ о результатах конституционного референдума, которые рекомендуют молдавским властям позволить НКО на официальном уровне участвовать и агитировать в рамках избирательных циклов, т.е. сделать их субъектами избирательного права [19].

Одним из самых ярких примеров влияния по схеме НПО-сателлитов в контексте электоральной кампании конституционного референдума о европейской интеграции Молдовы может стать следующий кейс:

– НПО Minority Youth занимается защитой прав этнических и лингвистических меньшинств на территории РМ. Директор – Михаил Пейков, этнический болгарин, выпускник Академии Challenger (проект National Democracy Institute). НПО существует на гранты посольств Нидерландов и Германии [20].

– В 2023 г. основано другое НПО – Центр гражданских инициатив этнических меньшинств. При поддержке регионального медиаресурса TUK.md (тоже НКО, существующее за счет гранта USAID), которое работает на болгарскую часть населения южных районов Молдовы, Пейков начал организацию встреч-ликбезов среди жителей южных районов страны, в особенности населенных этническими болгарами [21].

– В 2024 г. Пейков начал агрессивное продвижение нарративов о европейской интеграции и необратимости европейского курса Молдовы в рамках полученного финансирования от нескольких посольств западных стран.

– Логический финал – на организованный за счет финансирования Фонда Конрада Аденауэра и USAID Форуме этнических меньшинств (за месяц до выборов президента и референдума) была приглашена кандидат президентом Майя Санду. Участники форума открыто поддержали не только изменение Конституции, но и Майю Санду [22].

Помимо названных ранее спонсоров «публичной дипломатии», нельзя не обратить внимание на взаимосвязь Республики Молдова с Румынией. Используя

классические методы мягкой силы и апеллируя к культурной, исторической и этнической близости, Румынии удалось на протяжении нескольких десятилетий не просто подготовить почву, но и культивировать довольно опасный феномен – «унионизм», целями которого являются ликвидация молдавской государственности и объединение с Румынией. Основной посредник в подобном взаимодействии – Департамент по связям с румынами отовсюду (Departamentul Politici pentru Relația cu România de Pretutindeni). В 2023 г. им было спонсировано 475 проектов в 35 странах [23. Р. 5]. Стоит уточнить, что среди этих проектов 137 касались образования, 131 проект – в области культуры, 128 – в области духовности (спонсирование румынских православных приходов / этнофилетизм), 42 – в сфере СМИ, 37 – в области гражданского сообщества [23. Р. 5].

В случае со спонсируемыми Румынией НПО Богдан Цырдя выделяет основные месседжи / идеи, которые продвигаются экспонентами этого государства в Молдове: культивирование русофобии, в том числе через нарратив о неизбежном конфликте с Россией и ее желании подчинить РМ; атаки в адрес Молдавской Православной Церкви и продвижение подконтрольной структуры, называемой «Бессарабская митрополия»; ассоциирование молдовенизма (идеи государственности и суверенитета) со сталинизмом; продвижение «положительных эффектов» румынско-нацистской оккупации Бессарабии в 1941–1944 гг. и замалчивание ужасов Холокоста; насаждение идеи о ликвидации суверенитета и государственности Республики Молдова, убеждая в нецелесообразности существования РМ и отсутствии исторической разницы между Молдовой и Румынией; продвижение нарратива о том, что конфликт на Днестре в 1992 г. был не братоубийственной войной, а войной между Молдовой и Россией [16. Р. 338–349].

В результате системного подхода и эффективного воздействия через механизмы «публичной дипломатии» число сторонников объединения с Румынией в некоторые периоды времени можно оценить до 40% от респондентов [24].

Реализуемый деструктивный потенциал

Оценив изложенные ранее аспекты, считаем необходимым выявить основные социальные, политические и культурные вызовы, которые стали следствием использования мягкой силы в Республике Молдова.

Во-первых, создание подконтрольной политической элиты: западная дипломатия, активно поддерживая одни политические силы и игнорируя другие, способствует росту политической фрагментации. В Молдове поддержка прозападных партий, таких как Партия действия и солидарности (PAS), сопровождается ослаблением пророссийских и промолдавских / прогосударственных сил, что приводит к обострению конфликтов между политическими элитами. Финансирование предвыборных кампаний через международные гранты и программы НКО иногда вызывает критику со стороны оппозиции, которая воспринимает это как вмешательство во внутренние дела страны. Однако на данный момент у молдавской оппозиции не суще-

стствует адекватных механизмов противодействия подобному влиянию.

Во-вторых, влияние на избирательные процессы: публичная дипломатия очень активно работает с избирателями. Поддержка прозападных партий часто осуществляется через образовательные программы, медиакампании и финансирование гражданских инициатив, ориентированных на привлечение молодых избирателей. В отчетах ОБСЕ по выборам президента РМ в 2024 г. также зафиксированы случаи, когда НПО, финансируемые западными донорами, фактически играли роль активных участников избирательного процесса, что подрывало доверие к выборам как нейтральному инструменту свободного волеизъявления граждан [19. Р. 3].

В-третьих, поляризация и раскол общества: публичная дипломатия усиливает разделение общества на два противоположных лагеря: сторонников европейской интеграции и приверженцев традиционных связей с Россией. Согласно данным социологического исследования, проведенного в 2023 г. Центром стратегических исследований в Кишинёве, 42% населения поддерживают интеграцию в ЕС, 37% выступают за сближение с Россией. Такая поляризация приводит к углублению социального раскола. Молодежь, обучающаяся по программам Erasmus+, чаще всего имеет проевропейские взгляды, что контрастирует с консервативной позицией старших поколений, ориентированных на постсоветское пространство.

В-четвертых, эрозия национальной идентичности: одним из наиболее ощутимых эффектов западной публичной дипломатии является изменение национального самосознания. Через образовательные программы, культурные обмены и медиакампании страны продвигают универсальные ценности, такие как права человека и гендерное равенство. Хотя эти принципы могут способствовать модернизации общества, они нередко воспринимаются как угроза традиционным молдавским ценностям.

В-пятых, диктовка повестки СМИ и уничтожение независимой прессы: западные доноры, поддерживая независимые СМИ, фактически создают медиаплатформы, которые продвигают проевропейскую повестку и лоббируют нужных кандидатов. В результате значительная часть общества, не имеющая доступа к альтернативным источникам информации, становится восприимчивой к пропаганде, а критическое мышление не формируется.

Рассмотрев использование механизмов soft power в Республике Молдова, мы можем оценить эффективность их применения. Так, программа Erasmus+ обусловила образование и идеологические установки нынешних сотрудников и руководителей ключевых государственных ведомств: более 5 000 молдавских студентов участвовали в обменах с европейскими университетами с 2014 по 2023 г. [25]. Эти молодые специалисты часто занимают ключевые позиции в правительстве и гражданском секторе, ожидаемо продвигая проевропейскую повестку.

Публичная дипломатия способствовала укреплению связей Республики Молдова с Европейским союзом

в ущерб традиционному партнерству с Российской Федерацией и странами ЕАЭС.

Соглашение об ассоциации РМ с ЕС (подписано в 2014 г.) обозначило углубление экономических и политических связей. Упрощение визового режима для молдавских граждан сделало Европу более доступной для них. Однако стоит критически рассмотреть это явление, ведь следствием стало «бегство» граждан РМ на подработку в страны ЕС. Более того, эта ориентация на Европу негативно сказалась на отношениях с Россией, традиционным экономическим и энергетическим партнером Молдовы.

Одним из стратегических результатов западной дипломатии стало создание позитивного образа проевропейского правительства в РМ. Через финансирование медиапроектов, таких как независимые новостные платформы, западные акторы формируют общественное мнение, поддерживающее проевропейских политиков.

Выводы

Мягкая сила – это инструмент, который может как служить во благо общества, так и приводить к деструктивным последствиям, если он используется без учета культурных, социальных и политических особенностей целевых государств. Говоря о концептах, мы являемся сторонниками ассимилирования терминов «публичная дипломатия» и «мягкая сила», однако считаем необходимым отделить их от концепта пропаганды. Тем не менее констатируем, что каждый из них успел приобрести негативную коннотацию в различных обстоятельствах.

Основываясь на анализе публичной дипломатии западных стран на примере Республики Молдова, можно сделать несколько ключевых выводов. Мягкая сила обладает значительным потенциалом для создания позитивных изменений. Она может стимулировать развитие гражданского общества, поддерживать демократические реформы и способствовать международному сотрудничеству. Такие инициативы, как образовательные обмены и культурные проекты, способствуют укреплению связей между странами и развитию человеческого капитала.

Однако важно отметить, что применение мягкой силы нередко сопровождается деструктивными последствиями. Публичная дипломатия как часть мягкой силы может использоваться в целях манипуляции общественным мнением, подрыва традиционных ценностей и усиления социальных конфликтов. Пример Республики Молдова демонстрирует, как использование НКО, медиаплатформ и образовательных программ может приводить к поляризации общества, политической нестабильности и утрате национальной идентичности.

Ключевым вызовом, связанным с публичной дипломатией, является ее способность трансформироваться в инструмент скрытого влияния, направленного на подрыв суверенитета целевых государств. При отсутствии прозрачных механизмов регулирования деятельность иностранных акторов может способствовать

усилению зависимости страны от внешних доноров и формированию зависимой элиты.

Для минимизации деструктивного потенциала публичной дипломатии считаем необходимым: обеспечить прозрачность финансирования НКО и медиаплатформ, участвующих в реализации программ публичной дипломатии; установить четкие механизмы государственного контроля деятельности организаций, получающих иностранное финансирование.

Таким образом, на примере Республики Молдова мы приходим к выводу, что публичная дипломатия не является универсально позитивным феноменом. Ее эффективность и влияние определяются целями, которые стоят за ее применением и подходом, которым она реализуется. Это подчеркивает важность критического осмысления ее роли в современных международных отношениях и учета мягкой силы как важнейшего инструмента в политике России.

Список источников

1. Nye J.S. Jr. Public Diplomacy and Soft Power // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 616 (1). P. 94–109. doi: 10.1177/0002716207311699
2. Наумов А.О. «Мягкая сила» и публичная дипломатия : курс лекций. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2019. 215 с.
3. Simineanu V. Războiul hibrid: abordare conceptuală. // *Relații internaționale. Plus*. 2018. № 1. P. 32–43. URL: https://ibn.idsi.md/sites/default/files/imag_file/32-43.pdf (accessed: 20.01.2025).
4. Brown R. *The Four Paradigms of Public Diplomacy: Building a Framework for Comparative Government External Communication Research*. San Diego : International Studies Association Convention, 2012. 19 p. URL: <https://pdnetworks.files.wordpress.com/2012/04/isa-2012-v4.pdf> (accessed: 20.01.2025).
5. Beridge G.R., James A. *A dictionary of Diplomacy*. Wittshire : Palgrave, 2001. 270 p.
6. Cull N.J. “Public Diplomacy” before Gullion: The evolution of a phrase // CPD Blog. 2006. Apr. 18. URL: https://uscpublicdiplomacy.org/blog/060418_public_diplomacy_before_gullion_the_evolution_of_a_phrase (accessed: 20.01.2025).
7. Wolf Ch. Jr., Rosen B. *Public Diplomacy: how to think about and improve it*. Santa Monica : Rand Corporation, 2004. 30 p.
8. Henrikson A.K. *What Can Public Diplomacy Achieve?* Netherlands Institute of International Relations, 2006. 38 p. (Discussion Papers in Public Diplomacy).
9. Cull N.J. Public Diplomacy: Taxonomies and Histories // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 616 (1). P. 31–54. doi:10.1177/0002716207311952
10. Morgenthau H.J. *Politica între națiuni, Iași : Polirom*, 2013. 735 p.
11. Guceac I., Porcescu S. Diplomația publică – componentă indispensabilă a discursului extern în condițiile globalizării // *Akadememos*. 2016. № 1 (16). P. 6–10. URL: https://ibn.idsi.md/sites/default/files/imag_file/6_10_Diplomatia%20publica%20-%20component%20indispensabila%20a%20discursului%20extern%20in%20conditiile%20globalizarii.pdf (accessed: 20.01.2025).
12. О некоммерческих организациях : закон Республики Молдова № 86 от 11.06.2020 // Министерство Юстиции Республики Молдова. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=129338&lang=ru (дата обращения: 23.01.2025).
13. Государственный Реестр Некоммерческих Организаций, действующих в Республике Молдова. URL: <https://www.asp.gov.md/ro/date-deschise/date-statistic> (дата обращения: 23.01.2025).
14. Annual Report, 2023. 17 p. // Soros Foundation Moldova. URL: <https://soros.md/wp-content/uploads/2024/07/Fundatia-Soros-Moldova-Raport-anual-2023-RO.pdf> (accessed: 25.01.2025).
15. Встреча премьер-министра Республики Молдова с Алексом Соросом, главой Фонда «Открытое общество». URL: <https://www.facebook.com/share/p/19a69h4JXr/> (дата обращения: 25.01.2025).
16. Țirdea B. *Societatea civilă în Republica Moldova: Sponsori. ONG-uri. Războaie culturale*. Chisinau, 2020. 795 p.
17. Fiscal Year 2024 Agency Financial Report // USAID. 2025. URL: https://www.usaid.gov/sites/default/files/2024-11/USAID_2024AFR_508.pdf (accessed: 25.01.2025).
18. Erasmus+ Annual Report 2023 // European Commission. Luxembourg, 2024. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/884d8a20-ac87-11ef-acb1-01aa75ed71a1/language-en> (accessed: 25.01.2025).
19. Declarația privind constatările și concluziile preliminare // Organization for Security and Co-operation in Europe. 2024. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/c/b/578857_0.pdf (accessed: 25.01.2025).
20. Minority Youth. Chisinau, Moldova. URL: <https://www.facebook.com/minority.youth.moldova/>
21. Centrul de Initiative Civice pentru Minoritati Nationale. Chisinau, Moldova. URL: <https://icpmn.md/ro> (accessed: 26.01.2025).
22. Выступление г-на Михая Пейкова – исполнительного директора Центра гражданских инициатив для национальных меньшинств. URL: <https://www.facebook.com/share/v/198hi292aC/> (дата обращения: 25.01.2025).
23. Raport Periodic de Activitate Pentru Anul 2023 // Departamentul Pentru Românii De Pretutindeni. URL: <https://dprp.gov.ro/web/wp-content/uploads/2024/04/Raportul-de-activitate-al-Departamentului-pentru-Romanii-de-Pretutindeni-pentru-anul-2023-1.pdf> (accessed: 26.01.2025).
24. Studiul de audiență. Studiul socio-politic iData. Septembrie 2021 // iData. URL: <https://idata.md/studiul-de-audienta-studiul-socio-politic-idata-septembrie-2021> (accessed: 26.01.2025).
25. Европейский Союз и Республика Молдова // Европейский Союз. Представительство в Республике Молдова. 2021. 2 авг. URL: https://www.eeas.europa.eu/moldova/молдова-и-ес_ru?s=223 (дата обращения: 30.01.2025).

References

1. Nye, J.S. Jr. (2008) Public Diplomacy and Soft Power. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 616(1). pp. 94–109. DOI: 10.1177/0002716207311699
2. Naumov, A.O. (2019) *"Myagkaya sila" i publichnaya diplomatiya* ["Soft Power" and Public Diplomacy]. Moscow: Moscow State University.
3. Simineanu, V. (2018) Războiul hibrid: abordare conceptuală. *Relații internaționale. Plus*. 1. pp. 32–43. [Online] Available from: https://ibn.idsi.md/sites/default/files/imag_file/32-43.pdf (Accessed: 20th January 2025).
4. Brown, R. (2012) *The Four Paradigms of Public Diplomacy: Building a Framework for Comparative Government External Communication Research*. San Diego: International Studies Association Convention. [Online] Available from: <https://pdnetworks.files.wordpress.com/2012/04/isa-2012-v4.pdf> (Accessed: 20th January 2025).
5. Beridge, G.R. & James, A. (2001) *A Dictionary of Diplomacy*. Wittshire: Palgrave.

¹ Деятельность социальной сети Facebook признана экстремистской и запрещена на территории России с 21 марта 2022 г.

6. Cull, N.J. (2006) "Public Diplomacy" before Gullion: The evolution of a phrase. *CPD Blog*. 18th April. [Online] Available from: https://uscpublicdiplomacy.org/blog/060418_public_diplomacy_before_gullion_the_evolution_of_a_phrase (Accessed: 20th January 2025).
7. Wolf, Ch. Jr. & Rosen, B. (2004) *Public Diplomacy: how to think about and improve it*. Santa Monica: Rand Corporation.
8. Henrikson, A.K. (2006) *What Can Public Diplomacy Achieve?* Netherlands Institute of International Relations.
9. Cull, N.J. (2008) Public Diplomacy: Taxonomies and Histories. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 616(1). pp. 31–54. DOI: 10.1177/0002716207311952
10. Morgenthau, H.J. (2013) *Politica între națiuni*. Iași: Polirom.
11. Guceac, I. & Porcescu, S. (2016) Diplomația publică – componentă indispensabilă a discursului extern în condițiile globalizării. *Akados*. 1(16). pp. 6–10. [Online] Available from: https://ibn.idsi.md/sites/default/files/imag_file/6_10_Diplomatia%20publica%20-%20component%20indispensabila%20a%20discursului%20extern%20in%20conditiile%20globalizarii.pdf (Accessed: 20th January 2025).
12. Ministry of Justice of the Republic of Moldova. (2020) *O nekommercheskikh organizatsiyakh: zakon Respubliki Moldova № 86 ot 11.06.2020* [On Non-Profit Organizations: Law of the Republic of Moldova No. 86 of June 11, 2020]. [Online] Available from: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=129338&lang=ru (Accessed: 23rd January 2025).
13. The Republic of Moldova. (n.d.) *Gosudarstvennyy Reestr Nekommercheskikh Organizatsiy, deystvuyushchikh v Respublike Moldova* [State Register of Non-Profit Organizations operating in the Republic of Moldova]. [Online] Available from: <https://www.asp.gov.md/ro/date-deschise/date-statistice> (Accessed: 23rd January 2025).
14. Soros Foundation Moldova. (2023) *Annual Report*. [Online] Available from: <https://soros.md/wp-content/uploads/2024/07/Fundatia-Soros-Moldova-Raport-anual-2023-RO.pdf> (Accessed: 25th January 2025).
15. Facebook. (n.d.) *Vstrecha prem'er-ministra Respubliki Moldova s Aleksom Sorosom, glavoy Fonda "Otkrytoe obshchestvo"* [Meeting of the Prime Minister of the Republic of Moldova with Alex Soros, Head of the Open Society Foundation]. [Online] Available from: <https://www.facebook.com/share/p/19a69h4JXr/>¹ (Accessed: 25th January 2025).
16. Țirdea, B. (2020) *Societatea civilă în Republica Moldova: Sponsori*. ONGcrație. Războaie culturale. Chisinau.
17. USAID. (2025) *Fiscal Year 2024 Agency Financial Report*. [Online] Available from: https://www.usaid.gov/sites/default/files/2024-11/USAID_2024AFR_508.pdf (Accessed: 25th January 2025).
18. European Commission. (2024) *Erasmus+ Annual Report 2023*. Luxembourg. [Online] Available from: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/884d8a20-ac87-11ef-acb1-01aa75ed71a1/language-en> (Accessed: 25th January 2025).
19. Organization for Security and Cooperation in Europe. (2024) *Declarația privind constatările și concluziile preliminare*. [Online] Available from: https://www.osce.org/files/f/documents/c/b/578857_0.pdf (Accessed: 25th January 2025).
20. Facebook. (n.d.) *Minority Youth*. Chisinau, Moldova. [Online] Available from: <https://www.facebook.com/minority.youth.moldova/>¹
21. The Republic of Moldova. (n.d.) *Centrul de Initiative Civice pentru Minoritati Nationale*. Chisinau, Moldova. [Online] Available from: <https://icpmn.md/ro> (Accessed: 26th January 2025).
22. Peykov, M. (n.d.) *Vystuplenie g-na Mikhaya Peykova – ispolnitel'nogo direktora Tsentra grazhdanskikh initsiativ dlya natsional'nykh men'shinstv* [Speech by Mr. Mihai Peicov – Executive Director of the Center for Civic Initiatives for National Minorities]. [Online] Available from: <https://www.facebook.com/share/v/198hi292aC/>¹ (Accessed: 25th January 2025).
23. Departamentul Pentru Românii De Pretutindeni. (2023) *Raport Periodic de Activitate Pentru Anul 2023*. [Online] Available from: <https://dprp.gov.ro/web/wp-content/uploads/2024/04/Raportul-de-activitate-al-Departamentului-pentru-Romanii-de-Pretutindeni-pentru-anul-2023-1.pdf> (Accessed: 26th January 2025).
24. The Republic of Moldova. (2021) *Studiul de audiență. Studiul socio-politic iData*. Septembrie. [Online] Available from: <https://idata.md/studiul-de-audienta-studiul-socio-politic-idata-septembrie-2021> (Accessed: 26th January 2025).
25. European Union. Representation in the Republic of Moldova. (2021) *Evropeyskiy Soyuz i Respublika Moldova* [European Union and the Republic of Moldova]. 2nd August. [Online] Available from: https://www.eeas.europa.eu/moldova/молдова-и-ес_ru?s=223 (Accessed: 30th January 2025).

Сведения об авторах:

Грива Иван Павлович – аспирант факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Hryvaivan19@mail.ru

Шевцов Кирилл Юрьевич – студент цикла лиценциата факультета права Молдавского государственного университета (Кишинев, Молдова). E-mail: ksevcov88@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Griva Ivan P. – PhD Graduate Student of the Faculty of Historical and Political Studies of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Hryvaivan19@mail.ru

Shevtsov Kirill Yu. – Licentiate Student at the Faculty of Law of the Moldovan State University (Chisinau, Republic of Moldova). E-mail: ksevcov88@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.02.2025; принята к публикации 15.05.2025

The article was submitted 11.02.2025; accepted for publication 15.05.2025

¹ The Facebook activities have been recognized as extremist and banned in Russia from March 21, 2022.

Научная статья

УДК 93/94

doi: 10.17223/19988613/95/13

Колониальная Кения: вопросы идентичности

Григорий Алексеевич Карпов

Институт Африки Российской академии наук, Москва, Россия, gkarpov86@mail.ru

Аннотация. Материал посвящен изучению проблематики зарождения и развития идентичности местного населения Кении колониальной эпохи. Выявлено лидирующее влияние британских властей в процессе формирования и распространения самовосприятия коренных кенийцев на основе племени, языковой и территориальной принадлежности. Установлено, что важная роль в возникновении и укреплении идентификации кенийцев принадлежала миссионерским структурам. Христианство служит важнейшим фактором сохранения традиций и обычаев исторической родины среди кенийских диаспор за рубежом.

Ключевые слова: Кения, Великобритания, идентичность, самовосприятие, колониализм

Для цитирования: Карпов Г.А. Колониальная Кения: вопросы идентичности // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 95. С. 97–103. doi: 10.17223/19988613/95/13

Original article

Colonial Kenya: Identity issues

Grigory A. Karpov

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, gkarpov86@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the problems of development of the indigenous population identity in Kenya during the colonial era. The object of the study is self-perception of Kenyans during the reign of the British Empire. The subject of the study is transformation, under the influence of colonizers, of the tribal and group identification of local residents into an identity based on a tribe, later on a nationality. Special attention is paid to the activities of missionaries in the spread of Christianity, as the most important aspect of Kenyan identity. Using the example of the Luo people, the positive aspects of the introduction of the European vision of identity are demonstrated.

The Kenyans' identitarian ideas were archaic, but not primitive, at the time of the arrival of the colonizers. The social structure of each particular community could be at a different level of development. The same person could belong to several groups at the same time, his status, rights and duties varied depending on the internal hierarchy of each community. The imperial authorities did not immerse themselves in the nuances of the social organization of the indigenous Kenyans and settled on the tribal stratum as a basic element. Tribes, and later peoples, could be managed more efficiently and easier. The transfer of the concept of tribal identity to property and land relations laid the foundations for numerous local conflicts and tensions during the period of independence.

The consolidation and formation of large supranational structures – nationalities and ethnicities – has been a positive result of the planting of a European understanding of identity for local residents. The modern identity of Kenyans is characterized by collectivism, religiosity, communal identity, family values, and clear gender behaviors. Abroad, Kenyans are doing their best to preserve and pass on the languages, traditions and cultural practices of their historical homeland to the younger generation. Their own churches and parishes emphasize the otherness of Kenyan diasporas in Western countries, strengthen self-identification, maintain a system of ideological coordinates, preventing migrants from breaking away from their historical homeland.

Keywords: Kenya, UK, identity, self-perception, colonialism

For citation: Karpov, G.A. (2025) Colonial Kenya: Identity issues. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* – Tomsk State University Journal of History. 95. pp. 97–103. doi: 10.17223/19988613/95/13

Введение

В современном мире происходят глобальные политические, экономические и миграционные сдвиги. Мы наблюдаем перманентный рост объема информации, размывание этнических и социальных страт, бурное развитие интернет-технологий. Естественным образом трансформируется и самовосприятие людей, их идентичность на индивидуальном и групповом уровне.

Идентичность – сложный и многогранный предмет для изучения. Точной формулировки данного термина в научных кругах не существует. Применительно к нашему исследованию мы воспользуемся наиболее широким определением этого явления, а именно: идентичность – категория социально-гуманитарных наук, применяемая для описания индивидов и групп в качестве относительно устойчивых, «тождественных самим себе» целостностей [1].

В течение жизни отдельной личности и общественных групп идентичность может эволюционировать, например с изменением географического положения, сферы деятельности, материального благосостояния, религиозной принадлежности и в свете других факторов. Пластичность идентичности дает основания предположить, что мы имеем дело не с данностью, а с процессом, отличающимся множественностью. В зависимости от того, что выступает основным признаком (или совокупностью таковых) идентификации, вполне могут сосуществовать друг с другом огромное количество разных идентичностей (профессиональная, семейная, региональная, религиозная, этническая, племенная, расовая, национальная и пр.). На неустойчивость идентичности в условиях современного глобального общества указывали английские социологи Энтони Гидденс и Зигмунт Бауман [2]. Самоидентичность, по словам Гидденса, воспринимается сегодня в качестве незавершенного развивающегося проекта [3].

Большой вклад в идентитарные разработки внесли российские ученые. В частности, В.С. Малахов обращал внимание на различия внутри иммигрантских групп и отсутствие в их среде единой культурной лояльности [4]. В африканистике интересны работы Т.М. Гавристовой, базирующиеся в том числе на изучении автобиографий и творчества представляющих Африку деятелей и писателей. Такое явление, как афрополитизм, она рассматривает в качестве трансконтинентальной идентичности, получившей распространение в XXI в. среди интеллектуалов африканского происхождения по всему миру [5].

Истоки же обозначенного выше дискурса, на наш взгляд, следует искать в колониальном прошлом африканских стран. Тогда европейцы насаждали свои взгляды и образ жизни по всему миру, привнося не только новации, но и подчас совершенно революционные для традиционных обществ смыслы, в том числе само понятие идентичности. Даже термин «Африка» до прихода колонизаторов не существовал, да и сейчас для африканцев это, прежде всего, географическое обозначение, а не принадлежность к какому бы то ни было социуму, расовой или этнической группе.

История Кении в этом отношении весьма показательна и достаточно содержательна для раскрытия важных аспектов, относящихся к становлению и развитию идентитарных представлений коренного населения данной страны. Обращение к деталям и перипетиям взаимодействия британских властей с туземцами в части определения и самоопределения участников этого исторического процесса открывает широкую панораму эволюции кенийского общества, от традиционного родоплеменного строя до осознания самих себя племенами и народностями, исповедующими монотеистическую религию.

Светское начало

Установление господства Британской империи в Восточной Африке на рубеже XIX–XX вв. застало местное население на родоплеменном уровне. Однако архаика в этом контексте совсем не означала простоту. Социальная структура коренных кенийцев была существенно сложнее, чем это представлялось колониальной администрацией, и у каждой конкретной общины она могла находиться на разном уровне развития.

К 1900 г. среди кикуйю, например, наиболее распространенной была трехчастная структура. Самым низовым звеном была группа, «мбари» (mbari), которая представляла собой нуклеарную либо расширенную семью. Несколько таких единиц, объединенных общим происхождением (ближайшие и дальние родственники) и местом проживания, составляли клан, «мохерега» (moherega). Третий элемент назывался «риика» (riika) и включал наиболее возрастных и уважаемых членов общины, которые прошли обряд инициации (обрезания) [6. Р. 587].

Один и тот же человек мог принадлежать одновременно к нескольким группам, но при этом его статус, права и обязанности варьировали в зависимости от внутренней иерархии каждой общины. Структура была гибкой, с разными уровнями сопряжения, но при этом стабильной и позволяющей выживать и развиваться. Выходцы из кикуйю первыми европейскими землепроходцами оценивались как трудолюбивые, общительные и опытные земледельцы [6. Р. 587].

Имперские власти в нюансы общественной организации коренных кенийцев обычно не погружались, остановившись на страте племени в качестве базовой составляющей. Соответственно, и представления британцев о племенной идентичности были весьма однолинейны, без учета нюансов отношений между группами на местах. Администрация не принимала туземную социальную систему, она выглядела слишком сложной, местами аморфной и в целом трудно контролируемой. Племенами, позднее – народностями, можно было управлять эффективнее (формировать административно-территориальное устройство, распределять землю, собирать налоги, осуществлять воинский призыв, бороться с эпидемиями, развивать образование и пр.), с меньшими трудозатратами.

Многие кенийцы узнали, что они принадлежат к тому или иному племени, только с приходом европейцев. Крупные надплеменные объединения (supra-tribes),

такие, например, как лухья, календжин или миджикенда, возникли и осознали себя в качестве народов и народностей только в XX в. Термин «кикуйю» поначалу очень часто отражал только определенный уровень сельскохозяйственных знаний и социального взаимодействия. Между этническими группами, которые власти относили к кикуйю, могла существовать масса различий в языке, культуре, обычаях и т.д. [7. Р. 65–68]

Конечно, такой подход порождал и неизбежные трения, проявлявшиеся, в частности, при необходимости переселить часть жителей из резерваций одного округа в другой, например из Киамбу в Меру. В этом случае новоселов вынуждали становиться теми, к кому они переезжали, а местных старейшин обязывали воспринимать новых соседей в качестве своих соплеменников. Это порождало на местах массу прямых и латентных конфликтов [7. Р. 65–68].

Закрепленное представление об идентичности подерживало племенную (общинную) форму собственности на землю, весьма замедляя развитие товарно-денежных отношений и частной инициативы в сельской глубинке. Перераспределение высокопродуктивных угодий в интересах европейцев формировало в резервациях кенийских племен перманентное демографическое давление. Например, к 1914 г. приблизительно 1 тыс. белых землевладельцев владела 17 тыс. кв. миль земли, реально используя в хозяйственных целях не более 12% от этой площади, остальные территории были объектом спекуляций. Между тем к началу 1930-х гг. численность только кикуйю превысила 400 тыс. человек, плотность их расселения в резервациях достигала 283 человек на кв. милю с ежегодным естественным приростом в 2,5% [7. Р. 72–73].

Впрочем, не приходится говорить о сугубо односторонней насильственной составляющей процесса развития идентичности у коренного населения Кении. Для местных жителей это был шанс сформировать надродовые и надплеменные общности и организации, посредством которых можно было бы отстаивать свои интересы. По такому пути пошли, в частности, луо, истоки солидарности которых восходят к 1920-м гг., когда они начали создавать союзы на основе языковой принадлежности и территориального происхождения.

Спусковым механизмом для зарождения этнической идентичности луо послужила миграция. В начале XX в. земельная и фискальная политика вынудила их искать заработок и лучшую долю за пределами традиционного ареала проживания (провинции Ньянза). Данная тенденция усилилась в 1940–1950-х гг., когда рабочая диаспора луо была представлена почти во всех городах колониальной Кении. К началу 1960-х гг. действовало не менее 80 различных клановых и племенных организаций луо за пределами их исторической родины, хотя вплоть до конца Второй мировой войны большая их часть себя с одноименной языковой группой не ассоциировала, предпочитая идентификацию на основе рода, клана и племени [8. Р. 53–57].

Только с ростом влияния «Союза луо» (Luo Union), зародившегося в 1920-х гг., ситуацию в этом отношении удалось переломить. Взятый курс на создание крупной организации национального масштаба, кото-

рая смогла бы объединить разрозненные группы и диаспоры в одну общину национального уровня без конфликтов с имперской администрацией, оказался успешен. Политические амбиции здесь не звучали. Доминантами были выбраны социальная ориентация, помощь и взаимовыручка по отношению к друг другу, выработка чувства общности интересов луо, что чрезвычайно импонировало колониальным властям. Более того, данный опыт британские чиновники пытались применять и к другим этническим группам Кении. Например, в 1944 г. прозвучало предложение создать аналогичное объединение и среди кипсигов [8. Р. 53–57].

Луо извлекли максимум выгоды из благожелательного отношения к ним официальных органов. В 1945 г. при «Союзе луо» была создана «Торговая корпорация луо» (Luo Thrift and Trading Corporation), своеобразный кооператив взаимопомощи, по сути – экономическое крыло организации, на базе которого велась легальная финансовая (в том числе выпуск акций) и экономическая деятельность. В том же году была принята Конституция «Союза луо», в основу которой был положен принцип «единство – сила» (Unity Is Strength, RiwrwokETeko). Цели в данном документе были провозглашены исключительно «травоядные»: развивать взаимопонимание и единство среди народа луо, изучать свои обычаи и традиции, проверяя их на совместимость с прогрессом, сотрудничать с властями, предоставлять независимое мнение и пр. [8. Р. 57–59]

«Союз луо» внес бесценный вклад в развитие идентичности данной народности. Были сформированы полноценные социальные сети и сообщества по всей стране. Кварталы «маленький Кисуму» (little Kisumu) стали неотъемлемым атрибутом всех крупных поселений Кении. Члены данной организации принимали активное участие в работе с соплеменниками по профилактике социальных проблем (алкоголь, преступность, проституция). Практиковалась даже репатриация отличившихся наиболее вызывающим поведением членов общины на историческую родину, прежде всего это касалось «злых» (wicked) и «своенравных» (wayward) женщин [8. Р. 60–65].

В 1956 г. «Союз луо» выпустил целый меморандум, посвященный жизни сообщества в Момбасе – «Поддержке» (The maintenance of progress for the Luo Community in the Proper Manner), где была зафиксирована инициатива по выселению из города всех незамужних и пребывающих без сопровождения и письменного разрешения местного отделения организации женщин.

За влияние среди соплеменников с «Союзом луо» не без успеха конкурировало другое общественное объединение, «Африканская благотворительная организация Рамоги» (Ramogi African Welfare Association), возникшая на основе одноименного и весьма популярного печатного издания из Найроби. С конца 1940-х гг. она принимала активное участие в поддержании порядка. Главным инструментом данной структуры была пропаганда, активное публичное обсуждение самого разнообразного круга вопросов и проблем (брак, язык, семья, политика и пр.) [8. Р. 60–65].

Опора британских властей на племенную идентичность позволяла управлять весьма разнообразными этническими группами на огромной и практически неосвоенной территории. Для местного населения данный подход был новаторским, его внедрение (особенно трансфер на имущественные и территориальные отношения) не всегда проходило гладко и заложило множество подспудных проблем на будущее. Однако были и положительные моменты, относящиеся к консолидации прежде разрозненных общин и формированию крупных этносоциальных структур. Племенное самосознание также было дополнено распространением христианства, когда к объединяющим факторам, помимо языка и происхождения, добавилась монотеистическая религия.

Влияние религии

Миссионерские организации (различные течения протестантизма) начали в Кении работать с туземным населением на несколько лет раньше официальных властей. Одна из первых христианских организаций на восточноафриканском побережье, «Африканская внутренняя миссия» (Africa Inland Mission), например, была основана еще в 1895 г. [9. Р. 56]. С 1913 г. активно действовал «Национальный совет кенийских церквей» (National Council of Churches of Kenya), координирующий орган протестантских церквей в данном регионе [10]. Миссионеры открывали школы, больницы, занимались распространением сельскохозяйственных технологий, очень часто выступали как проводники интересов кенийцев во взаимоотношениях с администрацией и локальной номенклатурой в лице вождей [11. Р. 380–383].

Роль протестантов в развитии кенийской идентичности трудно переоценить. Привнесенная ими религиозная модель успешно укоренилась на местной почве и дала своеобразные, уже во многом именно африканские, «побеги» в виде собственных течений христианства. В частности, в 1920-х гг. возникла «Кенийская независимая церковь» (Kenyan Independent Church), известная также как «Церковь Святого Духа» (Holy Spirit Church). Ее основатель Альфайо Одонго Манго (Alfayo Odongo Mango) был одним из первых луо, кто получил образование в миссионерской школе (в 1913 г.). Он в 1927 г. был назначен дьяконом и пользовался среди соплеменников огромным авторитетом. В начале 1930-х гг. руководители данной организации заняли антиколониальные позиции, практикуя пение гимнов, культ одержимости, медиумизм, исцеление верой, транс и пророчества о конце господства европейцев в Кении и распространении истинного африканского христианства [12. Р. 395–401].

О том, насколько быстрым и глубоким было проникновение миссионеров на места, можно судить на примере деятельности американских квакеров в Западной Кении среди народности лухья (в ее отношении используется также термин «абалуя»). Первую станцию трое членов «Общества друзей» основали в месте под названием Камойси (Kaimosi) в 1903 г. Первоначально целевая аудитория была ограничена только четырьмя (из семнадцати) региональными

группами абалуя – мараголи (Maragoli), идахо (Idakho), исуха (Isukha) и тирики (Tiriki). Квакеры практически сразу обозначили их в качестве «южных абалуя» (Southern Abaluyia), запустив процесс формирования самоидентификации. За первые годы работы кроме штаб-квартиры было открыто еще две станции – в Вихиге (Vihiga) и Лиханде (Lirhanda) [13. Р. 273–274].

К 1910 г. квакеры открыли пять школ, где обучались не менее 200 абалуя. Местное население познакомилось с английским языком и базовыми техническими решениями, на племенном уровне распространялась идея о том, что колонизация – это благо, а с европейцами возможен пусть и неравноправный, но все-таки политический альянс. К 1916 г. количество школ выросло до 42, а учеников – до 3 тыс. В 1919 г., когда численность неофитов-абалуя среди квакеров достигла 1 тыс. человек, при всемерной поддержке американских братьев по вере из пяти местных религиозных общин была создана полноценная местная самостоятельная церковь. И уже в следующем году началось возвратное движение квакеров из числа африканцев в родные места, они начали создавать «христианские деревни» (Christian villages) или «христианские линии» (Christian lines) за пределами миссионерских миссий среди своих соплеменников [13. Р. 275–276]. Уже к 1930-м гг. можно говорить о заметном распространении среди этой совокупности родоплеменных образований самоидентификации под общим для них названием.

Протестанты внесли неоценимый вклад в пропаганду различных видов спорта, прежде всего схожих по физической нагрузке с традиционным для кенийцев времяпрепровождением (охота, скотоводство, танцы, метание копий и др.). И если за рубежом известны в основном кенийские бегуны и легкоатлеты, то внутри Кении, безусловно, самым популярным видом спорта был и остается футбол. Его развитие также способствовало консолидации этнических групп, которые, как правило, имеют множество своих футбольных клубов и команд. Возникновение профессионального футбола в Восточной Африке принято связывать с созданием в 1923 г. «Арабской и Африканской спортивной ассоциации» (Arab and African Sports Association). С 1940-х гг. кенийцы в составе национальной сборной могли гордиться несколькими выдающимися игроками [14].

В итоге христианство стало одним из столпов кенийской идентичности, особенно важным при эмиграции из страны. Например, большинство (до 90%) выходцев из Кении в Великобритании считают себя христианами. В ходе опроса 2010 г. 86% кенийцев-христиан отметили, что религия занимает в их жизни очень важное место, не менее 80% респондентов посещают церковь как минимум один раз в неделю. Особой популярностью в кенийской диаспоре пользуются церкви пятидесятников. В Великобритании насчитывается несколько десятков кенийских пятидесятнических церквей, их количество и численность прихожан постоянно увеличиваются [15]. В Кении пятидесятничество не так заметно, там преобладают другие направления христианства (католицизм, англиканство,

пресвитерианство и методизм, получившие распространение еще с конца XIX в.) [16].

Кенийские церкви самостоятельны и формируют так называемое «Черное христианство» (Black Christianity), известное также под более нейтральным названием «независимые» (Black Independent Churches). В основных постулатах эти организации опираются на каноны европейских единоверцев, но по составу руководителей, проповедников и паствы это, конечно, африканцы. Форма отправления культа, внутриобщинная жизнь, даже проповеди имеют очевидные отличия от европейских церквей [17].

Постколониальное эхо

После распада Британской империи вопрос идентичности для кенийцев был и остается одним из основополагающих вопросов мировоззрения. Широкий резонанс в этой связи приобрело творчество известного кенийского писателя Нгуги Ва Тхионго. По его мнению, реальная история Кении доколониального и колониального периодов была намеренно искажена профессиональными историками в угоду западным стандартам и по канонам европейского мировоззрения. Четыре тематических направления характеризуют воссоздание Нгуги правдивой истории его родины: мирное прошлое до прихода европейцев, фиксирование несправедливостей колониализма, славная борьба местного населения за независимость, предательство интересов простых людей на фоне безусловной жизнестойкости кенийцев. Главной добродетелью в традиционном африканском обществе этот автор видит общую собственность на землю, покушения пришельцев с Запада на эту святыню спровоцировали конфликты и огромные страдания местного населения [18].

Заметным проявлением становления кенийской идентичности стала кампания по сносу памятников колониальной эпохи. Они символизировали господство Британской империи, утверждая неразрывную связь с метрополией, были одним из символов внешней непререкаемой власти. Всего в Кении существовало три вида мемориалов, которые были посвящены, соответственно, британским монархам, двум мировым войнам и европейским поселенцам. Вопрос о будущем этих объектов культурного наследия был поднят приблизительно за полгода до «ухуру» (uhuru, т.е. свобода), фактического провозглашения независимости страны 12 декабря 1963 г. Дж. Кениата (премьер-министр с июня 1963 г.) выразил мнение, что абсолютное большинство памятников обезличены и довольно скромны по исполнению, что, однако, не мешало уничтожению сотен монументов [19. Р. 45–47].

Сносу подверглась, в частности, статуя лорда Деламера, установленная в 1946 г. Для европейских поселенцев это был герой-первопроходец, один из зачинателей сельского хозяйства страны. Для кенийцев данный английский аристократ олицетворял всю несправедливость колониального режима. 6 ноября 1963 г. с согласия сына лорда и при содействии городского совета Найроби данный памятник под одобрительные возгласы собравшей толпы был демонтирован [19. Р. 48–56].

Сложные времена настали с уходом колонизаторов у когда-то достаточно лояльных к ним народностей, в том числе луо. К 1953 г. представительства «Союза луо» действовали практически во всех регионах колонии и за ее пределами. Они пользовались всемерной поддержкой властей, были подчеркнута аполитичны и оправдали ожидания колониальной администрации, осудив восстание мау-мау. Многие луо занимали официальные посты в местных органах власти. Чрезвычайное положение в городах давало все основания для выселения из них представителей других народностей (кикуйю, меру, эмбу), подозреваемых в симпатиях к мау-мау, чем не преминули воспользоваться лидеры луо.

После обретения независимости Кении эта проколониальная активность еще долго ставилась в вину «Союзу луо», который с середины 1960-х гг. фактически находился в оппозиции к действующему политическому режиму. Президент Мои в 1980 г. указом о запрете этнических объединений в стране фактически свел к нулю всю общественно-политическую деятельность данного объединения. На плаву остались только благотворительная и спортивная составляющие – футбольные клубы, культурные центры, танцевальные конкурсы и т.п. После 1980 г. «Союз луо» не исчез, он трансформировался в различного рода тематические клубы и объединения (образовательные, благотворительные и др.) [8. Р. 57–68].

В религиозной сфере также наблюдались интересные коллизии. Европейские миссионеры принесли христианство, активно насаждали его среди кенийцев, по мере возможностей обучая и вовлекая в свои организации, в том числе на руководящие посты, кадры из числа африканцев. Однако за столь короткий промежуток времени (несколько десятилетий, с конца XIX в. до середины XX в.) племенные культы и веками складывающиеся обрядовые практики полностью вытеснены не были, они органично вплетались в религиозную практику. Миссионеры в этом отношении проявляли удивительную гибкость, охотно шли на сотрудничество и компромиссы.

Кенийские христианские течения порой демонстрировали совершенно невообразимый сплав библейских постулатов и местных духовных практик. Заимствовал у европейцев столь эффективный организационный инструмент, как церковная иерархия и система приходов вкупе с представлениями о субординации, дисциплине и авторитете, туземцы не преминули использовать эти религиозные течения, которые они уже начали считать собственными, в антиколониальной борьбе, по факту десекуляризовав их. По разным подсчетам в целом в Африке насчитывается до 7 тыс. независимых самоуправляющихся церквей, в Кении около 200–300 [12. Р. 394].

Яркие проявления самосознания, как правило, возможны в инокультурном окружении. Массовая миграция из Африки в страны Запада во второй половине XX – начале XXI в. дала возможность закрепить идентичность африканцев уже в рамках диаспоры, которая выступает как развивающий фактор «стратегии выживания», дающий возможность выехать из Африки и устроиться в другой стране. Влияние диаспоры выходит за пределы культурно-религиозных коммуникаций

и охватывает политические институты, сетевые связи мигрантов (внутри и вне своих сообществ), бизнес-структуры, финансовые сервисы и взаимодействие с исторической родиной. Африканцы в рамках диаспоры не свободны в определении своей идентичности [20].

Символично также то, что именно в новейшее время для кенийцев за рубежом стало актуальным «общинное воспитание» (community parenting). Традиционная расширенная семья в условиях западного общества способствовала возникновению данной поведенческой парадигмы, при которой ответственность за воспитание подрастающего поколения, а также заботу о социально незащищенных слоях населения берут на себя (помимо прямых родственников) члены общественных и благотворительных организаций диаспоры. Объединения подобного рода оказывают социальную и материальную поддержку соплеменникам, принимают участие в сохранении идентичности, традиций и норм исторической родины [21].

Заключение

Идентичность – это многофакторный процесс, определяющий самовосприятие отдельных людей и социальных групп, расхождения между ними и тождественность друг другу. Данному явлению присущи полимерность и гибкость. Человек одновременно способен идентифицировать себя с семьей, городом, профессией, страной, религией и т.п. С течением времени, в результате конфликтов, миграции или под влиянием других внешних факторов идентичность может трансформироваться, укрепляться или ослабевать.

К началу колониального периода на территории Кении проживало множество этнических групп, обладавших самовосприятием различного уровня – семейным, групповым, родовым, языковым и пр. Британские власти не занимались систематическим изучением всех аспектов самосознания туземного населения. Разнообразие взаимоотношений среди местных жителей, огромная территория, нехватка ресурсов, наличие более утилитарных и первостепенных задач обусловили низкий уровень интереса и, как следствие, приоритета для таких исследований.

Задача эффективного управления колонией при перманентном дефиците кадров в условиях фактически отсутствующей инфраструктуры предопределила обращение администрации к племенной идентичности. Вычленив племя из сложной совокупности больших семей, родов и групп в качестве основной локальной единицы кенийского населения, идентичность на ее основе власти внедряли принудительно и повсеместно. Распространение данного видения идентичности кенийцев на имущественные и территориальные отношения заложило фундамент для множества локальных конфликтов в постколониальную эпоху.

Положительным итогом насаждения европейского понимания идентичности для местных жителей стали консолидация и образование крупных надплеменных структур на основе региона происхождения и языковой группы – кикуйю, луо и др. Привнесенное миссионерами христианство породило в Кении сеть местных самостоятельных церквей, цементирующих самосознание туземцев в качестве носителей мировой монотеистической религии.

Для современной идентичности кенийцев характерны коллективизм, религиозность, общинное самосознание, семейные ценности, четкие гендерные модели поведения. За рубежом выходцы из Кении стараются всемерно сохранять и передавать подрастающему поколению языки, традиции и культурные практики исторической родины. Собственные церкви и приходы подчеркивают инакость кенийских диаспор в западных странах, укрепляют самоидентификацию, поддерживают систему мировоззренческих координат, не давая мигрантам оторваться от исторической родины.

Дальнейшее развитие, вероятно, идет в направлении формирования национальной идентичности – кенийской. Этому может помешать усиление в период независимости трайбализма и ориентации на интересы именно своего племени и народности, что пока не дает надежд на снятие перманентного внутреннего напряжения между этносами страны. Вероятно, для перехода на следующий уровень самосознания потребуется внешняя сила, сопоставимая по возможностям с Британской империей рубежа XIX–XX вв.

Список источников

1. Идентичность // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В.С. Стёпина М. : Мысль, 2001. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/new-philosophical/articles/603/identichnost.htm> (дата обращения: 30.06.2024).
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2002. 390 с.
3. Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge : Polity Press, 1991. 256 p.
4. Малахов В.С. Грозит ли Европе исламизация? // Отечественные записки. 2013. № 1. С. 281–301.
5. Гавристова Т.М. Афрополитизм: альтернатива космополитизму или трансформация идентичности // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Востоковедение и африканистика. 2017. № 2. С. 159–172.
6. Kiragu S. Conceptualising children as sexual beings: pre-colonial sexuality education among the Gikūyū of Kenya // Sex Education: Sexuality, Society and Learning. 2013. Vol. 13 (5). P. 585–596.
7. Parsons T. Being Kikuyu in Meru: Challenging the Tribal Geography of Colonial Kenya // The Journal of African History. 2012. Vol. 53 (1). P. 65–86.
8. Carotenuto M. Riwarok E. Teko: Cultivating Identity in Colonial and Postcolonial Kenya // Africa Today. 2006. Vol. 53 (2). P. 53–73.
9. Mufaka K. Scottish Mission and the Circumcision controversy in Kenya 1900–1960 // International Review of Scottish Studies. 2003. Vol. 3. P. 47–87.
10. UK Parliament. Colonial Policy in Relation to Coloured Races. Vol. 233: Debated on Wednesday 11 December 1929. Columns 601–603. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/1929-12-11/debates/faa8e1ff-9fb8-4e1e-be35-cab9f7078732/ColonialPolicyInRelationToColouredRaces> (accessed: 30.06.2024).
11. Wamagatta E.N. British Administration and the Chiefs' Tyranny in Early Colonial Kenya. A Case Study of the First Generation of Chiefs from Kiambu District, 1895–1920 // Journal of Asian and African Studies. 2009. Vol. 44 (4). P. 371–388.
12. Hoehler-Fatton C. Founders and Foundresses: Revising the History of a Kenyan Independent Church // Religion. 1998. № 28. P. 393–404.
13. Kay S. African roles, responses and initiatives in colonial education: the case of Western Kenya // Paedagogica Historica: International Journal of the History of Education. 1976. Vol. 16 (2). P. 272–293.

14. Simiyu Njororai W.W. Colonial legacy, minorities and association football in Kenya // *Soccer & Society*. 2009. Vol. 10 (1). P. 866–882.
15. Fesenmyer L. African-initiated Pentecostal churches are on the rise in the UK – what role do they seek to play in wider society? // *LSE Religion and Global Society*. 2016. Nov. 23. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/religionglobalsociety/2016/11/african-initiated-pentecostal-churches-are-on-the-rise-in-the-uk-what-role-do-they-seek-to-play-in-wider-society> (accessed: 30.06.2024).
16. Kenyan Pentecostals in London: Reflections on religion and migration // COMPAS Communication. 2014. Sept. 09. URL: <https://www.compas.ox.ac.uk/2014/kenyan-pentecostals-in-london-reflections-on-religion-and-migration> (accessed: 01.07.2024).
17. Kalilombe P. Black Christianity in Britain // *Ethnic and Racial Studies*. 1997. Vol. 20 (2). P. 306–323.
18. Ogude J.A. Ngugi's Concept of History and the Post-Colonial Discourses in Kenya // *Canadian Journal of African Studies / Revue Canadienne des Études Africaines*. 1997. Vol. 31 (1). P. 86–91.
19. Larsen L. Re-placing imperial landscapes: colonial monuments and the transition to independence in Kenya // *Journal of Historical Geography*. 2012. № 38. P. 45–56.
20. Mohan G., Zack-Williams A.B. Globalisation from below: Conceptualising the Role of the African Diasporas in Africa's Development // *Review of African Political Economy*. 2002. Vol. 29 (92). P. 211–236.
21. Reynolds T. Black to the community: an analysis of 'black' community parenting in Britain // *Community, Work & Family*. 2003. Vol. 6 (1). P. 29–45.

References

1. Stepin, V.S. (ed.) (2001) *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. Moscow: Mysl'. [Online] Available from: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/new-philosophical/articles/603/identichnost.htm> (Accessed: 30th June 2024).
2. Bauman, Z. (2002) *Individualizirovannoe obshchestvo* [An Individualized Society]. Moscow: Logos.
3. Giddens, A. (1991) *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press.
4. Malakhov, V. (2013)) Grozit li Evrope islamizatsiya? [Is Islamization threatening Europe?]. *Otechestvennye zapiski*. 1. pp. 281–301.
5. Gavristova, T. (2017) Afropolitizm: alternativa kosmopolitizmu ili transformatsiya identichnosti [Afropolitism: an alternative to cosmopolitanism or the transformation of identity]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika*. 2. pp. 159–172.
6. Kiragu, S. (2013) Conceptualising children as sexual beings: pre-colonial sexuality education among the Gikūyū of Kenya. *Sex Education: Sexuality, Society and Learning*. 5. pp. 585–596.
7. Parsons, T. (2012) Being Kikuyu in Meru: Challenging the Tribal Geography of Colonial Kenya. *The Journal of African History*. 1. pp. 65–86.
8. Carotenuto, M. (2006) Riuruok E Teko: Cultivating Identity in Colonial and Postcolonial Kenya. *Africa Today*. 2. pp. 53–73.
9. Mufaka, K. (2003) Scottish Mission and the Circumcision controversy in Kenya 1900–1960. *International Review of Scottish Studies*. 3. pp. 47–87.
10. UK Parliament. (1929) *Colonial Policy In Relation To Coloured Races*. Vol. 233. Debated on Wednesday 11 December 1929. Column 601–603. [Online] Available from: <https://hansard.parliament.uk/Commons/1929-12-11/debates/faa8e1ff-9fb8-4e1e-be35-cab9f7078732/ColonialPolicyInRelationToColouredRaces> (Accessed: 1st July 2024).
11. Wamagatta, E. (2009) British Administration and the Chiefs' Tyranny in Early Colonial Kenya. A Case Study of the First Generation of Chiefs from Kiambu District, 1895–1920. *Journal of Asian and African Studies*. 4. pp. 371–388.
12. Hoehler-Fatton, C. (1998) Founders and Foundresses: Revising the History of a Kenyan Independent Church. *Religion*. 28. pp. 393–404.
13. Kay, S. (1976) African roles, responses and initiatives in colonial education: the case of Western Kenya. *Paedagogica Historica: International Journal of the History of Education*. 2. pp. 272–293.
14. Simiyu Njororai, W. (2009) Colonial legacy, minorities and association football in Kenya. *Soccer & Society*. 1. pp. 866–882.
15. Fesenmyer, L. (2016) African-initiated Pentecostal churches are on the rise in the UK – what role do they seek to play in wider society? *LSE Religion and Global Society*. 23rd November. [Online] Available from: <https://blogs.lse.ac.uk/religionglobalsociety/2016/11/african-initiated-pentecostal-churches-are-on-the-rise-in-the-uk-what-role-do-they-seek-to-play-in-wider-society> (Accessed: 1st July 2024).
16. The United Kingdom. (2016) *Kenyan Pentecostals in London: Reflections on religion and migration*. COMPAS Communications. [Online] Available from: <https://www.compas.ox.ac.uk/2014/kenyan-pentecostals-in-london-reflections-on-religion-and-migration> (Accessed: 1st July 2024).
17. Kalilombe, P. (1997) Black Christianity in Britain. *Ethnic and Racial Studies*. 2. pp. 306–323.
18. Ogude, J. (1997) Ngugi's Concept of History and the Post-Colonial Discourses in Kenya. *Canadian Journal of African Studies / Revue Canadienne des Études Africaines*. 1. pp. 86–91.
19. Larsen, L. (2012) Re-placing imperial landscapes: colonial monuments and the transition to independence in Kenya. *Journal of Historical Geography*. 38. pp. 45–56.
20. Mohan, G. & Zack-Williams, A. (2002) Globalisation from below: Conceptualising the Role of the African Diasporas in Africa's Development. *Review of African Political Economy*. 92. pp. 211–236.
21. Reynolds, T. (2003) Black to the community: an analysis of 'black' community parenting in Britain. *Community, Work & Family*. 1. pp. 29–45.

Сведения об авторе:

Карпов Григорий Алексеевич – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки Института Африки Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: gkarpov86@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Karpov Grigory A. – Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at the Center for the Study of Russian-African Relations and Foreign Policy of the African Country of the Federal State Budgetary Institution of Science, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). Email: gkarpov86@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.07.2024; принята к публикации 15.05.2025

The article was submitted 04.07.2024; accepted for publication 15.05.2025

Научная статья
УДК 323.22/28
doi: 10.17223/19988613/95/14

Женщина и политическое участие: ретроспективный взгляд на проблему

Александр Алиевич Керимов

*Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, kerimov68@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются проблемы участия женщин в политической жизни государства. Основное внимание уделяется вопросам, связанным с причинами исключения женщин из этой сферы, анализу факторов, обусловивших процессы эволюции роли и места женщин на лестнице общественно-политических отношений, а также изменениям в статусе женщин, повлиявшим на ход истории человечества, модернизационные процессы на современном этапе.

Ключевые слова: женщина, государство, политика, политическое участие

Для цитирования: Керимов А.А. Женщина и политическое участие: ретроспективный взгляд на проблему // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 95. С. 104–111. doi: 10.17223/19988613/95/14

Original article

Women and political participation: a retrospective view of the problem

Alexander A. Kerimov

*Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation, kerimov68@mail.ru*

Abstract. The purpose of the article is to analyze the problems of women's participation in the political life of the state. The main attention is paid to issues related to the reasons for the exclusion of women from this sphere. It also analyzes the factors that caused the processes of evolution of the role and place of women on the ladder of socio-political relations, as well as changes in the status of women that influenced the course of human history.

Methodologically, the article is based on the theoretical developments of foreign researchers. This problem is reflected in the studies of G. Bock, L. Edwards, S. Greenblatt, L. Lange, A. Styrkarsdottir, A. Towns, etc. Scientists and publicists of the past – C. Campbell, S. Lewis, E. Man, S. Young, etc. - made a significant contribution to the development of the problems of women's participation in politics.

The position of women in politics has not always been the same. Different epochs, different socio-cultural environment influenced the process of women's participation in politics. The 19th century seems to be interesting, when there is a displacement of women from the political sphere. The question arises: why did this happen? It would seem that the development of democracy, the spread of suffrage and representative government should have contributed to the improvement of the position of women in politics, but we are witnessing the opposite process.

The displacement of women from politics can be explained by civilizational development. The problem of regulating the relations of three principles – women, the state and civilization - was actualized. In this triad, a woman begins to be viewed as an ontologically separate category, as a weak, conservative being. Women are assigned the role of the guardian of the house, family, religion, etc. Her main duty is the birth of children. The idea was imposed on society that a woman should give up power over her body for the public good. Exclusion from politics was considered a blessing for a woman, there was an opinion that she had the right not to participate in politics.

Thus, at the turn of the century, European civilization successfully ousted women from the political sphere. A norm has emerged: civilized states should not cede political power to women. The rationale supporting this rule was twofold. On the one hand, it was believed that the liberation of women from participation in politics indicates an improvement in her position, and on the other hand, that the maintenance and development of certain spheres of public life ensures further progress, while each sex devotes its energy to the corresponding tasks.

Keywords: woman, state, politics, political participation

For citation: Kerimov, A.A. (2025) Women and political participation: a retrospective view of the problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 95. pp. 104–111. doi: 10.17223/19988613/95/14

Наверное, XIX столетие с точки зрения участия женщин в политике, управленческих делах можно считать не самым удачным временем. В эту эпоху происходит отрицание роли женщины в государственно-политических отношениях, вытеснение ее из данной сферы.

До XIX в. женщины из землевладельческих сословий в ряде европейских стран имели доступ к государственному аппарату. Более того, они правили королевствами и империями. Доступ женщин к власти был обусловлен единым идеалом бытия и управления, концептуализацией гендерного аспекта в общественных отношениях. Данный подход берет свое начало из античной философской мысли, которая рассматривала всех людей, по сути, как представителей одного пола [1. Р. 133]. В такой интерпретации гендерной проблемы женщина воспринималась как уменьшенная копия мужчины, более низкая версия мужской анатомии [2. Р. 9]. Эта однополая модель восприятия человека была популярна в Европе в XVI–XVII вв. Более распространенными были представления о том, что, будучи однополовыми, все человеческие существа содержат как «мужские», так и «женские» элементы, не устанавливая четких биологических границ, которые порождают сексуальные различия. Мужские элементы как генеративные включали в себя энергию, физическую силу, мужество и, следовательно, предрасположенность к созиданию и доминированию. Женские элементы считались инертными и включали в себя благородство, физическую слабость, трусость и, следовательно, склонность к подчинению [3. Р. 35].

Таким образом, до XIX в. мужчины и женщины не рассматривались как взаимоисключающие категории, определяемые их существенными половыми различиями. Несмотря на то, что мужские качества ценились выше женских и мужские элементы способствовали приходу к власти, это не обязательно означало, что мужчины доминировали над женщинами. Женщина могла править, как правило, при отсутствии альтернативы мужчине и если она проявляла соответствующие мужские характеристики.

До XIX в. в европейских государствах не существовало единого подхода к вопросу о политическом статусе женщин. Некоторые абсолютистские государства представляли некоторое пространство как для женщин-монархов, так и для женщин-государственных чиновников, в то время как другие, например Россия, запрещали женщинам наследовать престол и были более строгими в отношении женщин, выполняющих государственные функции. В эту эпоху наблюдалось значительное разнообразие с точки зрения взаимосвязи между полом и политической властью. Впоследствии это разнообразие уступило место более стандартизированному подходу, предполагающему ограничение политических прав женщин. Женщинам было запрещено использовать официальные каналы политического влияния и занимать государственные должности. Начиная с конца XVIII в. полномасштабные запреты были официально закреплены в законах. Так, в 1778 г. английская Палата общин запретила женщинам присутствовать в зале и слушать ее дебаты [4. Р. 48]. В 1832 г. женщинам было запрещено голосовать в Па-

лате общин, поскольку в законе об избирательном праве был введен термин «лицо мужского пола» вместо предыдущего «лица» [5. Р. 686]. В 1793 г. во Франции женские политические организации были распущены и им было запрещено перерегистрироваться, а новые законы 1848 г. запрещали женщинам создавать политические клубы и ассоциации и быть их членами [5. Р. 686]. Прусский закон 1851 г. лишил женщин всех политических прав и запретил им посещать политические собрания, 14-я поправка 1868 г. к Конституции США впервые определила избирательное право для «граждан мужского пола», а реформированный закон о выборах в Нью-Джерси также лишил избирательных прав всех женщин [4. Р. 48]. Аналогичные законодательные изменения, прямо запрещающие женщинам участвовать в государственном управлении, были внесены в Нидерландах (1887), Германии (1900), Австрии (1907), Италии (1912) и Португалии (1913) [1. Р. 133]. Таким образом, европейские государства в XIX в., развиваясь в парадигме так называемых «цивилизованных» государств, вытеснили женщин из политической сферы, выделив их в отдельную категорию населения.

Этот процесс сопровождался поиском удачной конфигурации трех начал – женщины, государства, цивилизации – и регулированием их отношений. Важно отметить, что на формирование всех трех начал сильное влияние оказывала система правления государства. Если в период абсолютизма в Европе еще существовала идея об однополой модели власти, при которой женщины были суверенными монархами, а некоторые категории женщин имели доступ к государственным должностям, то между концом XVIII и началом XIX в., в ходе преобразований абсолютизма, сопровождавшихся развитием науки, секуляризмом и процессами индустриализации, представление о том, что такое «личность» и «государство», как они объединены и как должны взаимодействовать, резко изменилось. Произошла двойная бифуркация: государство–общество, мужчина–женщина. Вместо того чтобы оправдывать и обосновывать включение женщин в политическую жизнь государства, наука, либерализм и зародившаяся парламентская демократия помогли создать то, что понималось как онтологически отдельная категория женщин и исключение этой категории из политической сферы. В результате исключение женщин из официальных государственных учреждений стало практикой «цивилизованного» мира. До того как женщины могли получить политические полномочия в Европе, они были дифференцированы как отдельные существа от мужчин и, следовательно, оказались политически бесправными как таковые.

Как показали М. Стейнберг и другие исследователи, «общественно-политическая борьба в 1830–1840-х гг. послужила основой для укрепления дискурсов и практик оправдания мужского доминирования и оправдания подчинения женщин» [6. С. 43]. Превращение женщины в особый пол, воплощенный и определяемый ее привязанностями, породило по крайней мере возможности для дифференциации мужского и женского начал и оправдания ее вытеснения из политической среды. Мужчина стал озвучиваться как плотская, био-

логическая противоположность женщины, воплощение особых качеств и свойств. Природа «политической» сферы государства и «человека» переплелась теснее, чем прежде, что в конечном счете узаконило физическую силу и принуждение. Поэтому, по мнению немецкого историка XIX в. фон Трейчке, для некоторых слово «государство» явно ассоциировалось с «мужским полом», «чисто мужской сущностью» [1. Р. 133].

Практика исключения женщины из политики стала не только стандартной политикой в Европе, но и сознательным, хотя и неформальным, стандартом цивилизации. Женщина XIX столетия рассматривалась как существо с характеристиками и способностями к действию, которые были прямо противоположны характеристикам самого государства: по мере того как государство стало характеризоваться разумом и силой, за женщиной укрепились такие качества, как эмоции и слабости; по мере того как государство стало характеризоваться наукой, женщина прониклась верой и религией; по мере того как государство стало современным, женщина стала восприниматься как традиционная; по мере того как государство стало эгоистичным, женщина стала бескорыстной. Будучи отстраненными от процесса обсуждения и принятия решений, женщины стали важным объектом целей нового, открытого государства. В многочисленных научных дискуссиях о государстве и роли представительного правительства, предшествовавших XIX в., было много споров о необходимости того, чтобы женщина подчинила себя мужчине и отказалась от власти над своим телом ради общественного блага [7, 8]. К XIX в. такие представления о политически неактивных женщинах как о ресурсе для общественного блага стали преобладающими, хотя они никогда не были бесспорными в формирующихся европейских национальных государствах.

Таким образом, практика строгого отделения политики от женской сферы распространилась в условиях продолжительных дебатов и споров по всей Европе в XIX в. Основа модели двух полов стала в значительной степени неоспоримой предпосылкой. Однако на этом основании женский вопрос был открытым и горячо обсуждаемым [1. Р. 133]. Тот факт, что отличие женщины неизбежно диктовало ее исключение из государства, так и не стал простой самоочевидной, неоспоримой предпосылкой, и это столкнулось с растущим сопротивлением по мере того, как пространство вокруг женщин сокращалось в течение столетия.

Средневековая интерпретация государства как божественного установления постепенно претерпела трансформацию под влиянием прогресса и идей философов, и оно стало рассматриваться как творение человеческого разума. С тех пор как государство стало рассматриваться как преднамеренный институт для регулирования общественных отношений, были изобретены механизмы его ограничения. Таким механизмом стала конституция, которая впервые появилась в 1787 г. в США.

С появлением конституций наступает эпоха ограничения монархий. Так, уже в первой половине XIX в. конституционные парламенты появились в Бельгии, Нидерландах, Норвегии в союзе со Швецией, а еще

раньше в Англии, в 1860-х гг. – в Австрии, в 1870-х гг. – во Франции, в 1880-х гг. – в Италии.

Эта трансформация имела ряд специфических особенностей. Во-первых, в начале XIX в. Европа состояла из территориально ограниченных национальных государств со своей единой валютой, финансовой и правовой системой, которые все чаще предъявили претензии на национальный язык и национальное образование. В сложившейся ситуации структуры государственной власти должны были быть коренным образом перестроены. Появилась другая форма государственного правления, которая все больше обезличивалась, больше не понималась как дарованная их населению в первую очередь волей Бога посредством действий суверенного монарха. Закон, который больше не давался свыше, стал пониматься как основанный на народном суверенитете и обсуждался в избранных национальных собраниях. Во-вторых, изменились отношения между государством и обществом. Подразумевалось, что суверенное государство больше не управляет обществом, а общество управляет самим собой через государство. Такая постановка вопроса предполагала введение народных форм правления в общенациональном масштабе. Если в Европе эта идея нашла понимание в правящих кругах и прерогативы правителей были существенно ограничены конституциями, то в России все еще господствовала неограниченная царская власть.

В данном контексте актуализируется вопрос о том, насколько была возможна постановка вопроса о расширении политических прав и возможностей женщин. Как уже отмечалось, возникновение в XIX в. конституционного государства, основанного на законности и праве как продукте разума, было тесно связано с исключением женщин из политической сферы. Массовым общественным движениям потребовались бы значительные усилия для преобразования конституционного государства, чтобы оно стало более инклюзивным. Не менее важно и то, что исключение – а не включение – женщин из политики приветствовалось как передовая и цивилизованная мера, которая, как предполагалось, должна была отделить «современные» и западные государства от «традиционных» обществ.

К концу XVIII в. положение женщин в системе политических отношений стало тесно увязываться с продвижением государств и других политических систем по ступеням цивилизации. Французскому социалисту-утописту Шарлю Фурье обычно приписывают то, что он первым в 1808 г. прямо связал положение женщин с уровнем цивилизации государства. Однако, похоже, эта связь была установлена одновременно или независимо рядом мыслителей. Например, теоретик просвещения Джон Миллар в 1771 г. в первом издании своего труда «Происхождение различия рангов» включил положение женщин в государстве в качестве показателя уровня цивилизации.

Дебаты о женщине, ее положении в политической сфере и цивилизации набрали полную силу к середине XIX в. Однако большинство участников дискуссии были единодушны в том, что «неважно, рассматривается ли история самого далекого прошлого или раз-

личные цивилизации настоящего, эмансипация и возвышение женщины – она синоним прогресса» [9. Р. 71]. Однако, оценивая женщину как категорию на иерархической шкале цивилизации и определяя ее как более или менее «цивилизованный» или «отсталый» пол, такой подход к определению места женщины в государственной системе превратил ее в физический ресурс, использование которого могло бы помочь или помешать прогрессу государства.

Процесс исключения женщины из политической сферы был тесно связан с изменением характера международного сообщества и его социальной иерархии. Европейская концептуализация цивилизации, понимаемая примерно как процесс преодоления природного, «естественного» состояния существования [10], возникла одновременно с конституционным государством. Считалось, что хорошо продуманный закон, продукт разума, укрощает грубую силу не только внутри страны, но и в межгосударственных отношениях. В конце XVIII в., как утверждает Дж. Бартельсон, «европейские государства гордились своим внутренним законодательством, однако их внешние отношения регулировались тем же набором нецивилизованных принципов по организации дикарей нового света, которым законодательство было неизвестно» [11. Р. 8].

Такая тактика двойных стандартов в толковании законов была направлена на защиту интересов «цивилизованных» стран. В Европе после наполеоновских войн угроза войны таилась на заднем плане. Развитие международного права и его институтов обеспечивало ощущение соблюдения правил, которые якобы гарантировали, что европейские колонизаторы не просто опираются на военную мощь, но и руководствуются идеалами прогресса и процветания [11. Р. 8].

Европейский колониализм был четко встроен в понимание этапов цивилизации. С точки зрения европейских столиц, мир воспринимался как разделенный на два класса государств и народов: цивилизованных и нецивилизованных. Неравенство было подходящим принципом международной организации, а стандарты и способы поведения, проявляемые по отношению к другим международным субъектам, зависели от того, к какой категории относились эти другие. По отношению к «нецивилизованным» считалось разумным вести себя по-отечески, покровительственно и диктаторски, и было приемлемо вести себя жестоко, если этого требовала ситуация. По отношению к «цивилизованным» странам нормальное поведение должно было демонстрировать сдержанность и уважение: торг был общепринятым способом взаимодействия, уступка не обязательно означала потерю лица, об унижении не могло быть и речи, а завоевание для порабощения не было законным [12. Р. 254].

Применение силы было одновременно узаконено в отношениях между каждой европейской державой и ее колониальными подданными. Приобретение самой цивилизации стало предпосылкой, установленной Европой для признания суверенной государственности и последующего привилегированного отношения. Способность к самоуправлению (которая, как это ни парадоксально, была сведена на нет самим фактом колони-

зации) и создание внутренней системы государственных структур, основанной на законе, были одними из критериев, установленных для достижения цивилизации [13]. Однако, поскольку цивилизация определялась в относительных терминах вместе с варварством, критерии постоянно менялись, были неуловимыми и давали мало шансов для продвижения в «цивилизованное» русло официальной государственности.

Государства в XIX в. жили без общеевропейской войны. «Столетний мир» (1815–1914) еще раз подчеркнул, что закон действительно может увести Европу от варварства войны к цивилизованности мира. Эта законопослушная, «мирная» группа государств, которая ранее разделяла некоторое чувство единства в христианском мире во взаимодействии с нехристианами, медленно, но верно стала характеризовать свое внутреннее законодательство и международные отношения как «цивилизованные» [14. Р. 8].

Как принято считать, причиной исключения женщины из политической сферы стало развитие человечества по цивилизационной лестнице. Рассматривая мужское начало как творческую силу, порождающую прогресс, европейская мысль концентрировалась на его изучении, а женщине отводилось второстепенное место. В основе такого подхода к определению значения и ценности полов лежала эволюционная биология, основанная на примерах из мира природы для разработки вопроса о половом отборе. Развивая свою теорию, Ч. Дарвин отмечал, что формы прогресса зависели «не от борьбы за существование по отношению к другим органическим существам или внешним условиям, а от борьбы особей одного пола, обычно мужчин, за обладание другим полом» [15]. Ученый далее утверждал, что физическая сила и интеллект мужчин постоянно улучшались и развивались благодаря сексуальному соперничеству за женщин, в то время как способности женщин оставались неизменными [15].

Согласимся с ученым, что основное различие в интеллектуальных способностях двух полов проявляется в том, что мужчина достигает более высокого положения, чем женщины, во всем, чем он занимается. Однако вопрос: требует ли это глубокой мысли, разума или воображения или просто использования чувств и рук, – остается открытым. Но очевидно, если бы было составлено два списка самых выдающихся мужчин и женщин в области науки, техники, истории, философии, поэзии, живописи, скульптуры, музыки и т.д., то они не выдержали бы сравнения.

Также можно сделать вывод о том, что если превосходство мужчин во многих сферах очевидно над женщинами, то средний уровень умственных способностей у мужчин должен быть выше, чем у женщин. Мужчинам приходилось защищать своих женщин и детей, охотиться для обеспечения их пропитанием. Эти умения всегда требовали совершенства, изворотливости, что невозможно было без помощи умственных способностей на основе наблюдательности, разума, изобретательности или воображения. Таким образом, эти различные способности постоянно подвергались испытанию и отбирались в ходе эволюции.

Социальная антропология, география и этнология помогли связать концепцию полового отбора с этапами цивилизации, добавив исследования из человеческого мира. Женщины, как стало ясно из простого наблюдения, не способствовали прогрессу. При переходе от дикости к цивилизации они продолжали вести домашнее хозяйство, прясть, использовать тот же словарный запас, придумывать те же предложения, воспроизводить те же формы украшений, верить, как и раньше, только используя модифицированные и лучшие орудия труда. Отсюда можно сделать вывод, что постоянное выполнение одних и тех же действий и размышление об одних и тех же предметах из поколения в поколение превращают физическую активность и умственные процессы в полуавтоматическую привычку. «Очень немногие мужчины делают то, что делали их отцы, поэтому их мнение должно быть составлено на основе изучения и прецедентов. Почти все женщины, будь то в дикости или в цивилизации, делают то, что делали их матери и бабушки, и поэтому их умения рождаются в них и повторяются» [9. Р. 73], практически исключая возможность интерпретации и радикального пересмотра устоявшегося образа мышления и сложившихся традиций.

Ученые и путешественники в своих исследованиях определяют женщин как консервативную, а не прогрессивную силу, неспособную развиваться самостоятельно. При этом условие благополучия женщин они видят в успехе мужчин на пути к прогрессу. Как считают исследователи, если бы закон действительно ограничивал и цивилизовывал грубую силу, то женщины как слабый пол могли бы только выиграть, но в условиях правления «сила – это право» женщины, скорее всего, уступят. Поскольку женщины – рудиментарные существа, полные страстей, чрезвычайно важно, чтобы им не доверяли принимать законы и создавать другие формы цивилизации. Если бы они это сделали, то состояние цивилизации и их собственное благополучие оказались бы под угрозой [9. Р. 73]. Таким образом, женщины больше всего нуждаются в цивилизации, чтобы оградить и защитить их от деградации с целью поддержания цивилизации.

Если считалось, что цивилизация защищает женщин, то, наоборот, стало установленным фактом, что в Европе «положение женщины было наиболее деградированным, ближе к естественному состоянию» [5]. Грубое порабощение женщин в XIX в. представлялось следствием «полуварварского заблуждения», признака «презренного отношения к женщинам как к подчиненным и низшим существам» [16. Р. 17].

К концу XIX в. ряд социологов попытался развеять трюизмы о жестоком обращении с женщинами за пределами Европы, но это не принесло результата. В 1892 г. географ Ч. Кэмпбелл объяснял, что во время пребывания в Корее его представления о «порабощении женщин, которое, вероятно, являлось самой распространенной из принятых теорий на Востоке, изменились. Оказалось, что женщины в этих частях света занимают более высокое положение и имеют большее влияние, чем им приписывают» [17]. Антрополог Э.Х. Ман точно так же заявляет о жителях Андаманских островов:

«...одной из поразительных особенностей их социальных отношений является заметное равенство и привязанность, существующие между мужем и женой. Тщательные наблюдения, проведенные в течение многих лет, доказывают, что власть мужа не только более или менее номинальна, но и что для андаманских бенедиктов вовсе не редкость быть в значительной степени на побегушках у своих лучших половинок» [18]. Вместо того чтобы разрушать господствующее мнение о том, что уровень цивилизации влияет на статус женщин, такие попытки в Европе были сдержанны и осмысливались с помощью представлений о том, что женщина в политике является устаревшей идеей и что ее неучастие в политике обеспечивает ей защиту, даже возвышение.

Известный американский историк Фрэнсис Паркман утверждал, что социальная власть женщин росла с развитием цивилизации, но их политическая власть уменьшилась. В прежние времена и при низких социальных условиях женщины иногда обладали такой степенью власти в государственных делах, какой не было в передовых странах современного мира. Самые дикие племена на североамериканском континенте, например в демографическом заповеднике «Шести наций», слушали на торжественном собрании советы своих матрон с почтением, не имеющим аналогов среди их цивилизованных преемников. Жители древней Ликии в то время, когда они были полуварварами, давали своим женщинам такую власть, что, как сообщалось, они жили при гинекократии, или женском правительстве. За 400 лет до Рождества Христова вопрос о предоставлении политической власти женщинам волновал самый цивилизованный из древних народов, афинян, и они не хотели следовать примеру своих соседей-варваров [9. Р. 74].

Исключение женщин из политической сферы широко представлялось как возвышение женщины и характерный эффект государства, достигшего продвинутой стадии. Далеко не все соглашались с подобной оценкой. В XIX в. также преобладало представление о женщинах как о наиболее важном цивилизующем агенте. Часто утверждалось, что женщины выполняют особую миссию по преобразованию природы в культуру, особенно в том, что касается социализации детей. Например, Л.-Э. Мартин, оценивая роль матери, утверждал, что «не существует более универсального агента цивилизации, чем наши матери» [1. Р. 89].

Многие из тех, кто выступал с позиции защиты прав и свобод женщин, возражали не против характеристики женщины как бескорыстного, консервативного, мирного и религиозного существа, определяемого ее привязанностями, а скорее, против, обесценивания таких качеств и доминирования одной сферы над другой. Основополагающая ценность женщин как ресурса для общественного блага и национального величия редко подвергалась публичному сомнению. «Единственное качество, от которого зависит ценность и влияние женщины, – это самоотречение», – утверждала С. Льюис в 1839 г. в бестселлере «Миссия женщины». Она расширила дискуссию Л.-Э. Мартина и отмечала, что «основополагающий принцип верен – женщины

должны жить для других, и поэтому все, что нам нужно сделать, это применить данный фундаментально правильный принцип в более широком значении» [19]. Для С. Льюис, Л.-Э. Мартина и других это более «широкое значение» абсолютно не включало государственные организации и политическую сферу. Вместо этого С. Льюис утверждала: «Величайшее благо, которое женщины могут принести обществу, состоит в том, чтобы быть такими, какими они должны быть во всех своих домашних отношениях» [19]. Женщины должны демонстрировать «преданность идеальному благу, самопожертвование и подчинение эгоистичным чувствам», чтобы их можно было отделить от мужчин, которые были разрушены «эгоистичным и пресмыкающимся утилитаризмом» государства [19].

В домашней сфере женщины, кроме того, выполняли жизненно важную функцию по отношению к «безбожному» государству, поскольку «они могут быть главными агентами Бога в возрождении человечества» [19]. Если бы женщины вошли в публичную сферу государства, они рисковали бы поддаться эгоизму. Уничтожив свою природу, они, таким образом, перестанут быть «мощным средством улучшения человечества», что приведет к вырождению цивилизации [19]. По словам С. Янга, если женщина не воспитана должным образом в домашней сфере, ей «суждено стать матерью дикарей и варваров, которые были погружены в невежество, запятнаны преступлениями и запятнаны кровью на протяжении всех веков» [16. Р. 17].

Ответом на вопрос, который задает книга С. Льюис и который касался стольких государственных деятелей того времени: «Можно ли достичь максимально возможного блага, выведя женщину из ее нынешней сферы на арену общественной жизни?» – было решительное «НЕТ». «Империя женщин – это империя их привязанностей», и значительное влияние, которое женщины оказывают в семье, – это «культивирование моральной части человеческой природы, культивирование которой еще не предпринималось ни одним правительством, над которой, по сути, правительства и государственные учреждения практически не имеют контроля» [19]. «Благотворное влияние женщины сводится на нет, если однажды ее мотивы или ее личный характер станут предметом нападения; и только этот факт должен побудить ее терпеливо согласиться с планом уединения от государственных дел» [19]. Отделение женщины от государственных учреждений, более того, соответствовало Божьей воле, поскольку «принцип разделения труда, по-видимому, является максимой божественного правления» [19].

Французский социалист-утопист Ш. Фурье превратил причинно-следственную связь между статусом женщин и уровнем цивилизации государства в общий тезис, который действовал в течение двух столетий. Из-за важности мысли Ш. Фурье возникает необходимость процитировать его несколько подробнее. Используя сравнительный метод, характерный для эволюционной теории, Ш. Фурье в 1808 г. заявил, что среди признаков, которые обещают счастливые результаты от расширения привилегий женщин, мы должны привести опыт других стран. Мы видели, что лучшие

нации – это всегда те, которые предоставляют женщинам наибольшую свободу; это можно увидеть как среди варваров и дикарей, так и среди цивилизованных. Японцы, которые являются самыми трудолюбивыми, самыми храбрыми и самыми благородными из варваров, также наименее ревнивы и наиболее снисходительны к женщинам; это настолько верно, что некоторые китайцы отправляются в Японию, чтобы предаваться любви, которая запрещена им их собственными лицемерными обычаями. Точно так же таитяне были лучшими среди дикарей; учитывая их относительную скудость природных ресурсов, ни один другой народ не развил свою промышленность до такой степени. Среди цивилизованных французы, которые наименее склонны преследовать женщин, являются лучшими в том, что они – наиболее гибкая нация, та, от которой умелый правитель может добиться наилучшего результата в любом деле. Однако, несмотря на некоторые недостатки, такие как легкомыслие, индивидуальность, самонадеянность и нечистоплотность, французы являются передовой цивилизованной нацией благодаря этому единственному факту приспособляемости, черте, наиболее чуждой варварскому характеру. Точно так же можно видеть, что самыми коррумпированными нациями всегда были те, в которых женщины были наиболее поработаны [20].

В качестве обобщающего тезиса отметим, что социальный прогресс и исторические изменения происходят в силу продвижения женщин к свободе, а упадок социального порядка – в результате уменьшения свободы женщин. Другие события также влияют на эти политические изменения, но нет причины, которая приводила бы к социальному прогрессу или упадку так быстро, как изменение статуса женщин. «Простое принятие закрытых гаремов быстро превратило бы нас в варваров, и простого открытия гаремов было бы достаточно, чтобы переместить / перевести варваров в цивилизацию» [20]. Таким образом, расширение привилегий женщин является общим принципом для всего социального прогресса.

Выступая против включения женщин в политику, поскольку это было бы унижением женщины, С. Льюис вторит таким чувствам, заявляя, что «в таком случае это закон вечной справедливости – мужчина не может унижать женщину, не впадая в деградацию: он не может возвысить ее, не возвышая в то же время себя» [19]. Следует отметить, что С. Льюис была далеко не одинока в своем желании возвысить цивилизацию, удерживая женщину вне политики. В частности, когда речь заходила об избирательных правах женщин, А. Крадитор, излагая настроения XIX в. по данному вопросу, отметил: «...неправильно говорить, что женщина не имела права голоса; скорее, она имела право не голосовать, она была освобождена от этого бремени. Она была освобождена, чтобы посвятить свой разум и свою энергию тем занятиям, которые приносят наибольшую пользу обществу» [21]. Антропологи, возможно, еще более резко выразили связь между статусом женщины и цивилизацией, заявив, что «в соответствии с законом выживания наиболее приспособленных, племя или группа людей, в которых

имеет место подобная жестокость, просто выбирает путь вниз и исчезает» [22].

К концу XIX в., очевидно, действовала следующая норма: цивилизованные государства исключают женщин из политики. События в Европе свидетельствуют об этой норме. Возможно, еще более показательными являются правовые изменения в государствах, формально вступающих в общество цивилизованных, а также практика европейских колониальных держав в Африке и Азии. Одновременно с официальным вступлением в цивилизованное общество в конце XIX в. Япония впервые кодифицировала полный запрет на политическую деятельность женщин, такую как посещение политических собраний и вступление в политические партии [23]. Китайская конституция 1912 г. в попытке внедрить англосаксонскую демократическую практику в этой первой из азиатских республик полностью исключила женщин из партийной жизни и участия в избирательном процессе [24. Р. 622]. Ликвидация матрилинейных систем родства и политической власти женщин была проведена во имя прогресса и на всех территориях, находящихся под колониальным правлением. Например, завоевав Судан в 1899 г., британцы регламентировали и кодифицировали политику как исключительно неженскую сферу. Отражая шовинизм цивилизации, эль-Бакри и соавт.

утверждают, что британцы «рассматривали те области, где отношения между полами были относительно эгалитарными, как “нецивилизованные”... В ситуациях, когда женщины имели относительно равный статус с мужчинами, они теряли этот статус под предлогом “цивилизации”» [25. Р. 177]. Подобным образом строительство колониальных политических институтов систематически закрепляло отчуждение женщин, вытесняя прежние формы институционализированной женской политической власти, которые существовали во многих местах.

Таким образом, на рубеже веков европейская цивилизация успешно вытеснила женщин из политической сферы. Существовала международная норма: цивилизованные государства не должны уступать политическую власть женщинам. Обоснование, поддерживающее эту норму, было двояким. С одной стороны считалось, что освобождение женщины от участия в политике свидетельствует об улучшении ее положения, а с другой – что поддержание и развитие отдельных сфер общественной жизни обеспечивает дальнейший прогресс, в то время как каждый пол посвящает свою энергию соответствующим задачам. В эту норму была четко встроена международная иерархия, которая проводила различие между цивилизованными, варварскими и дикими государствами.

Список источников

1. Bock G. Women in European History. Oxford: Blackwell, 2002. 304 p.
2. Lange L. Woman is not a Rational Animal: On Aristotle's Biology of Reproduction // Discovering Reality: Feminist Perspectives on Epistemology, Metaphysics, Methodology and Philosophy of Science / S. Harding, M.B. Hintikka (eds.). Boston, MA : D. Reidel, 1983. P. 1–15.
3. Greenblatt S. Fiction and Friction // Reconstructing Individualism: Autonomy, Individuality, and the Self in Western Thought / T. Heller, M. Sosna, D.E. Wellbery (eds.). Stanford, CA : Stanford University Press, 1986. P. 30–52.
4. Styrkársdóttir A. From Feminism to Class Politics: The Rise and Decline of Women's Politics in Reykavik, 1908–1922. Umeå universitet, Statsvetenskapliga institutionen, 1998. 185 p.
5. Towns A. The Status of Women as a Standard of «Civilization» // European Journal of International Relations. 2009. Vol. 15 (4). P. 681–706. URL: <http://www.sagepub.co.uk/journalsPermissions.nav> (accessed: 05.04.2022).
6. Стейнберг М. «Великий конец всякого правительства...»: формирование требований гражданства трудящимися в Англии начала девятнадцатого века и классовые вопросы // Международный обзор социальной истории. 1995. № 40 (S3). С. 37–63.
7. Okin S.M. Woman in Western Political Thought. Princeton, NJ : Princeton University Press, 1979. 371 p.
8. Jonasdottir A. Why Women Are Oppressed. Philadelphia, PA : Temple University Press, 1994. 298 p.
9. Towns A. Women and States: Norms and Hierarchies in International Society. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. 249 p.
10. Ortner S.B. Is female to male as nature is to culture? / Woman, culture, and society / M.Z. Rosaldo, L. Lamphere (eds.). Stanford, CA : Stanford University Press, 1974. P. 68–87. URL: https://www.uio.no/studier/emner/sv/sai/SOSANT1600/v12/Ortner_Is_female_to_male.pdf (accessed: 05.04.2022).
11. Bartelson J. A Genealogy of Sovereignty. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. 318 p.
12. Puchala D., Hopkins R. International Regimes: Lessons from Inductive Analysis // International Regimes / S. Krasner (ed.). Ithaca, NY : Cornell University Press, 1983. P. 245–275.
13. Gong G. The Standard of «Civilization» in International Society. Oxford : Oxford University Press, 1984. 267 p.
14. Neumann I. Uses of the Other: 'The East' in European Identity Formation. Minneapolis, MN : University of Minnesota Press, 1999. Vol. 56. 283 p.
15. Дарвин Ч. Сочинения. М. : Изд-во АН СССР, 1936. Т. 3: Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/darvin_proishozhdenie_vidov.pdf (дата обращения: 05.04.2022).
16. Young S. Suggestions on the Best Mode of Promoting Civilization and Improvement; or, the Influence of Woman on the Social State : lecture delivered before the Young Men's Association for Mutual Improvement in Albany. Albany, NY : Hoffman & White, 1837, 37 p. URL: https://play.google.com/store/books/details/Suggestions_on_the_Best_Mode_of_Promoting_Civiliza?id=NvJMAQAAMAAJ&hl=et&gl=US (accessed: 05.04.2022).
17. Campbell Ch.W. A Journey through North Korea through the Ch'ang-pai shan // Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography. 1892. № 14 (3). P. 141–161. URL: <https://www.jstor.org/stable/i304196> (accessed: 05.04.2022).
18. Man E.H. The Andamanese Islanders. London : Bibling & Sons Ltd., 1885. URL: <https://glottolog.org/resource/reference/id/550566> (accessed: 05.04.2022).
19. Lewis S. Woman's Mission. London : John W. Parker, West Strand, 1840. 169 p. URL: https://ia800900.us.archive.org/13/items/womans_missionby00chamgoog/womansmissionby00chamgoog.pdf (accessed: 05.04.2022).
20. Fourier Ch. Oeuvre's completes. Aux Bureaux de laphalange, 1846. 471 p. URL: <http://irw.rutgers.edu/research/ugresearch/international/fourier.html> (accessed: 05.04.2022).
21. Kraditor A. The ideas of the woman suffrage movement, 1890–1920. Garden City, NY : Anchor Books, 1971. 313 p. URL: <https://archive.org/details/ideasofwomansuff00krad> (accessed: 05.04.2022).
22. Mason O.T. Woman's Share in Primitive Culture. London : Macmillan and Co, 1895. 295 p. URL: <https://archive.org/details/dli.granth.94084> (accessed: 05.04.2022).

23. Mackie V. *Creating Socialist Women in Japan: Gender, Labour, and Activism, 1900–1937*. New York : Routledge, 1997. 252 p. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/bulletin-of-the-school-of-oriental-and-african-studies/article/abs/vera-mackie-creating-socialist-women-in-japan...> (accessed: 05.04.2022).
24. Edwards L. Women's Suffrage in China: Challenging Scholarly Conventions // *Pacific Historical Review*. 2000. № 69 (4). P. 616–638.
25. el-Bakri et al. *Sudanese Sub-Project: Women in Sudan in the Twentieth Century* // *Women's Movement and Organizations in Historical Perspective* / S. Wieringa (ed.). The Hague : Institute of Social Studies, 1987. P. 130–137.

References

1. Bock, G. (2002) *Women in European History*. Oxford: Blackwell.
2. Lange, L. (1983) "Woman is not a Rational Animal: On Aristotle's Biology of Reproduction". In: Harding, S. & Hintikka, M.B. (eds) *Discovering Reality: Feminist Perspectives on Epistemology, Metaphysics, Methodology and Philosophy of Science*. Boston, MA: D. Reidel. pp. 1–15.
3. Greenblatt, S. (1986) Fiction and Friction. In: Heller, T., Sosna, M. and Wellbery, D.E. (eds) *Reconstructing Individualism: Autonomy, Individuality, and the Self in Western Thought*. Stanford, CA: Stanford University Press. pp. 30–52.
4. Styrkárðóttir, A. (1998) *From Feminism to Class Politics: The Rise and Decline of Women's Politics in Reykavik, 1908–1922*. Umeå universitet: Statsvetenskapliga institutionen.
5. Towns, A. (2009) The Status of Women as a Standard of "Civilization". *European Journal of International Relations*. 15(4). pp. 681–706. [Online] Available from: <http://www.sagepub.co.uk/journalsPermissions.nav> (Accessed: 5th April 2022).
6. Steynberg, M. (1995) "Velikiy konets vsyakogo pravitel'stva...": formirovaniye trebovaniy grazhdanstva trudyashchimsya v Anglii nachala devyatnadsatogo veka i klassovye voprosy ["The Great End of All Government...": The Formation of Citizenship Demands by Working People in Early Nineteenth-Century England and Class Issues]. *Mezhdunarodnyy obzor sotsial'noy istorii*. 40(S3). pp. 37–63.
7. Okin, S.M. (1979) *Woman in Western Political Thought*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
8. Jonasdottir, A. (1994) *Why Women Are Oppressed*. Philadelphia, PA: Temple University Press.
9. Towns, A. (2010) *Women and States: Norms and Hierarchies in International Society*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Ortner, S.B. (1974) Is female to male as nature is to culture? In: Rosaldo, M.Z. & Lamphere, L. (eds) *Woman, culture, and society*. Stanford, CA: Stanford University Press. [Online] Available from: https://www.uio.no/studier/emner/sv/sai/SOSANT1600/v12/Ortner_Is_female_to_male.pdf (Accessed: 5th April 2022).
11. Bartelson, J. (1995) *A Genealogy of Sovereignty*. Cambridge: Cambridge University Press.
12. Puchala, D. & Hopkins, R. (1983) "International Regimes: Lessons from Inductive Analysis. In: Krasner, S. (ed.) *International Regimes*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
13. Gong, G. (1984) *The Standard of "Civilization" in International Society*. Oxford: Oxford University Press.
14. Neumann, I. (1999) *Uses of the Other: 'The East' in European Identity Formation*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
15. Darwin, Ch. (1936) *Sochineniya* [Works]. Vol. 3. Moscow: USSR AS. [Online] Available from: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/darvin_proishozhdenie_vidov.pdf (Accessed: 5th April 2022).
16. Young, S. (1837) "Suggestions on the Best Mode of Promoting Civilization and Improvement; or, the Influence of Woman on the Social State": lecture delivered before the Young Men's Association for Mutual Improvement in Albany, NY. Albany: Hoffman & White. [Online] Available from: https://play.google.com/store/books/details/Suggestions_on_the_Best_Mode_of_Promoting_Civiliza?id=NvJMAQAAMAAJ&hl=et&gl=US (Accessed: 5th April 2022).
17. Campbell, C. (1892) "A Journey through North Korea through the Ch'ang-pai shan." *Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography*. 14(3). pp. 146–171. [Online] Available from: <https://www.jstor.org/stable/i304196> (Accessed: 5th April 2022).
18. Man, E. H. (1885) *The Andamanese Islanders*. London: Bibling & Sons Ltd. [Online] Available from: <https://glottolog.org/resource/reference/id/550566> (Accessed: 5th April 2022).
19. Lewis, S. (1840) *Woman's Mission*. London: John W. Parker, West Strand. [Online] Available from: <https://ia800900.us.archive.org/13/items/womansmissionby00chamgoog/womansmissionby00chamgoog.pdf> (Accessed: 5th April 2022).
20. Fourier, C. (1846) *Oeuvre's complètes I*. [Online] Available from: <http://irw.rutgers.edu/research/ugresearch/international/fourier.html> (Accessed: 5th April 2022).
21. Kraditor, A. (1971) *The ideas of the woman suffrage movement, 1890–1920*. Garden City, N.Y.: Anchor Books. [Online] Available from: <https://archive.org/details/ideasofwomansuff00krad> (Accessed: 5th April 2022).
22. Mason, O.T. (1895) *Woman's Share in Primitive Culture*. London: Macmillan and Co. [Online] Available from: <https://archive.org/details/dli.granth.94084> (Accessed: 5th April 2022).
23. Mackie, V. (1997) *Creating Socialist Women in Japan: Gender, Labour, and Activism, 1900–1937*. New York: Routledge. [Online] Available from: <https://www.cambridge.org/core/journals/bulletin-of-the-school-of-oriental-and-african-studies/article/abs/vera-mackie-creating-socialist-women-in-japan...> (Accessed: 5th April 2022).
24. Edwards, L. (2000) Women's Suffrage in China: Challenging Scholarly Conventions. *Pacific Historical Review*. 69(4). pp. 616–638.
25. el-Bakri et al. (1987) *Sudanese Sub-Project: Women in Sudan in the Twentieth Century*. In: Wieringa, S. (ed.) *Women's Movement and Organizations in Historical Perspective*. The Hague: Institute of Social Studies.

Сведения об авторе:

Керимов Александр Алиевич – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой политических наук департамента политологии и социологии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: kerimov68@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kerimov Alexander A. – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Political Sciences of the Department of Political Science and Sociology, Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: kerimov68@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.04.2022; принята к публикации 15.05.2025

The article was submitted 11.04.2022; accepted for publication 15.05.2025

Научная статья

УДК 94

doi: 10.17223/19988613/95/15

Региональная политика безопасности Австралии в эпоху неопределенности

Валерий Иванович Михайленко

*Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, valery.mikhaylenko@urfu.ru*

Аннотация. Администрация Дональда Трампа не представила определенную концепцию своей индо-тихоокеанской стратегии. Более того, провозглашенный подход «сделки» и установление высоких таможенных тарифов в отношении лояльных США азиатских государств поставил под сомнение сложившийся баланс сил в регионе, который удерживал региональную архитектуру безопасности. В целях обеспечения национальной безопасности и стратегической стабильности Австралия будет опираться на минилатеральные соглашения с азиатскими и европейскими партнерами, стремиться сохранить партнерские отношения с США, усилит вовлеченность в сотрудничество с АСЕАН, НАТО и ЕС и будет проводить политику «гибкого балансирования» в отношениях с Китаем.

Ключевые слова: Стратегия безопасности Австралии, минилатерализм, стратегическое балансирование, Индо-Тихоокеанский регион, Индо-тихоокеанская стратегия Трампа, китайско-австралийские отношения

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-01710 «Процессы регионального строительства и экономической интеграции в Азии в условиях конкуренции великих держав».

Для цитирования: Михайленко В.И. Региональная политика безопасности Австралии в эпоху неопределенности // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 95. С. 112–120. doi: 10.17223/19988613/95/15

Original article

Australia's regional security policy in an uncertain era

Valery I. Mikhaylenko

*Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation, valery.mikhaylenko@urfu.ru*

Abstract. In Southeast Asia, and especially in the Indo-Pacific Region, the role of Australia's position as a "regional power with global interests" is increasing. In the strategic regional balance of powers it ranks fifth after the United States, China, India, and Japan. In terms of the development of regional military partnerships, which act as an amplifier of its military potential, Australia comes second after the United States. Russian scholars study various aspects of Australia's domestic, foreign, and economic policies. However, most of them are dominated by categorical assessments regarding the Australian anti-Chinese position. This article supports the idea of the dynamics of Australia's foreign policy from hedging to strategic balancing. This article analyzes Australia's regional security policy in the context of geopolitical uncertainty. Particular attention is paid to Australia's security challenges and an analysis of the dynamics of the national security strategy, Australia's participation in minilateral agreements and the influence of Australian policy on the regional security architecture. The author adheres to the research principle of "analytical eclecticism" formulated by R. Sil and P.J. Katzenstein. To achieve the objectives, in the introductory part, the author gave a brief analysis of the features of the security architecture in the region, which consists of the intersection of multilateral, minilateral agreements, the hub-and-spoke alliance structure and latticework supported by the United States. Australia has revised its national defense strategy, based on the fact that its geographical position is no longer a guarantor of security. The article examines the supporting blocks of Australia's security partnership, which allow it to rearm and create security belts. China uses the means at its disposal for political, economic or military coercion of regional states, including Australia, to accept the Chinese model of Asian order. Nevertheless, the Australian leadership seeks to avoid demonstrating an openly anti-Chinese position. In the context of strategic uncertainty associated with the lack of a specific concept of US policy in the region, Australia will continue the policy of strategic balancing, strengthening minilateral agreements with regional and external actors.

Keywords: Australian Security Strategy, minilateralism, strategic balancing, Indo-Pacific, Trump's Indo-Pacific Strategy, China-Australia relations

Acknowledgements: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-01710.

For citation: Mikhaylenko, V.I. (2025) Australia's regional security policy in an uncertain era. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 95. pp. 112–120. doi: 10.17223/19988613/95/15

Введение

Смена администрации в США вызывает обоснованное обсуждение среди австралийских политиков и аналитиков перспектив архитектуры безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР). Как отмечает австралийский исследователь Кай Хэ, одним из важных факторов устойчивости в Азии является «уникальная архитектура безопасности, которая обеспечивает баланс между двусторонними союзами и азиатской многосторонностью» [1. Р. 297]. В регионе реализуется уникальная структура безопасности, которая построена на военных союзах, многосторонности и минилатеральных соглашениях.

Многосторонность под руководством АСЕАН характеризуется как «инклюзивная институциональная стратегия равновесия». Она подразумевает вовлечение целевого государства (targeted State) в АСЕАН, используя правила и нормы коллективного института для влияния и ограничения поведения самого целевого государства. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что АСЕАН не является блоком безопасности, сопоставимым, например, с НАТО.

Минилатерализм предполагает создание института, который намеренно исключает целевое государство и использует консолидацию участников соглашения для оказания давления на выбранную внешнюю цель. Организованные с участием США минилатеральные соглашения по безопасности являются практическим применением стратегии «исключительного институционального балансирования» (exclusive institutional balancing), при котором Китай определяется как внешняя таргетированная цель [1. Р. 301].

Азиатская архитектура безопасности испытывает сильное давление со стороны все усиливающейся конкуренции и растущей эскалации сдерживания в регионе со стороны КНР и США. В последние годы активизировались и даже составляют конкуренцию многосторонним институтам поддержанные США минилатеральные соглашения – модели «спиц в ступице» (the hub-and-spoke alliance structure) и «решетчатой конструкции» (lattice-work) [2]. Назовем среди них возобновленный с участием Австралии Четырехсторонний диалог по безопасности (Quadrilateral Security Dialogue, QUAD), Трехстороннее партнерство в области безопасности AUKUS (Австралия, США, Великобритания), разведывательный альянс «Пять глаз» (Австралия, Канада, Новая Зеландия, Великобритания, США).

Администрация Д. Трампа делает заявку на широкую перестройку глобального участия США в архитектуре азиатской безопасности, ставя во главу угла в отношениях с партнерами принцип экономической эффективности – «сделку» (deal). Трамп рассматривает альянсы как зависимости, которые можно использовать, извлекая максимальную выгоду для удовлетворения своей повестки дня «Америка прежде всего». К примеру, США заморозили свое участие в ряде ин-

вестиционных проектов в регионе или вышли из них. Объявленный выход США из Партнерства по справедливому энергетическому переходу (Just Energy Transition Partnership, JETP), платформы для развитых стран по оказанию помощи развивающимся странам в переходе с угля на чистую энергию, поставил под угрозу срыва многомиллиардные проекты в Индонезии и Вьетнаме [3]. Правительство Австралии рассматривает как недружественный шаг со стороны администрации Трампа повышение тарифов на импорт австралийских стали и алюминия [4].

Главный вопрос, которым задаются в регионе: будут ли США продолжать следовать своей традиционной политике поддержания интегрированной системы сдерживания в регионе? Часть аналитиков считают, что администрация Трампа сократит военные активы в Европе, чтобы усилить свое стратегическое положение и влияние в Восточной Азии. Эта оценка предполагает, что Трамп «осознает жизненно важное значение азиатских альянсов, урегулирует разногласия с союзниками и будет реализовывать всеобъемлющую и разумную стратегию по борьбе с Китаем» [5].

Вместе с тем Д. Синх, аналитик из сингапурского института (Yusof Ishak Institute), призывает осторожно относиться к вышезаявленной позиции, исходя из непредсказуемости политики президента Трампа. Существует неопределенность относительно того, как Трамп будет выстраивать свои отношения с важнейшими союзниками в области безопасности. Под вопросом находится готовность США защищать Тайвань в случае военных действий Китая против острова. Не исключено, что США будут оказывать давление на Японию и Южную Корею, чтобы они заплатили гораздо больше за гарантии безопасности [5]. Под ударом американского повышения импортных тарифов могут оказаться все азиатские страны. Трамп ясно дал понять, что он рассматривает соглашения США о безопасности с другими странами по принципу «за защиту нужно платить». Если США откажутся от международного и регионального лидерства, то это приведет к изменению баланса сил в ИТР в пользу Китая и поднимет значение самих региональных государств в архитектуре безопасности. Региональные державы в ИТР приступили к пересмотру стратегий с учетом новых возможностей и рисков.

Китайские аналитики прогнозируют наступление «нового регионализма», который формируется на протесте со стороны малых и средних азиатских государств против ограничений со стороны США на распространение критически важных технологий и промышленности в эти страны. Китайское руководство выражает готовность использовать сложившуюся ситуацию, чтобы поддерживать региональное развитие [6].

Австралийская стратегия региональной безопасности формируется в условиях острого соперничества между США и Китаем за влияние в регионе, которое проявляется в нескольких функциональных областях –

внешней политике, торговле, идеологии, безопасности, нетрадиционных вызовах безопасности, науке и технологиях.

В отечественной историографии анализируется региональная политика Австралии. При этом, например, Я.О. Захарьев отказывает Австралии в осуществлении политики балансирования, утверждая, что «страна не способна создать эффективный курс самостоятельной ведущей державы региона» и превращается в «ведомое государство» [7. С. 560]. Это мнение разделяет В.Л. Сведенцов, который отмечает «окончательный» отказ Австралии от политики «стратегической неоднозначности» и переход на антикитайские позиции [8. С. 218]. С.Е. Пале анализирует динамику соперничества США и Китая в субрегионе Австралии и Океании и приходит к выводу, что Китай стремится взять регион под свой контроль [9. С. 67]. А.И. Никитин обращает внимание на «ценностные основания» противостояния с Китаем, против которого США сформировали «идеологическое облако» антикитайской группировки [10. С. 263]. Д.А. Кочегуров отмечает центральную роль Австралии, отводимую ей США в системе комплексного сдерживания Китая и общей архитектуре безопасности Индо-Тихоокеанского региона, однако считает, что сотрудничество нуждается в модернизации [11].

В настоящей статье анализируется региональная политика Австралии в области безопасности в условиях геополитической неопределенности. Особое внимание уделяется вызовам безопасности Австралии и анализу динамики национальной стратегии безопасности, участию Австралии в минилатеральных соглашениях и влиянию австралийской политики на региональную архитектуру безопасности.

Методологические подходы

Автор придерживается исследовательского принципа «аналитического эклектизма», сформулированного Р. Сила и П.Дж. Катценштейном. Цель аналитического эклектизма состоит в том, чтобы раскрыть, как различные факторы релевантны по отношению к конкретным исследовательским вопросам [12]. В статье используется неореалистический подход, подчеркивающий важность учета распределения силы на формирование поведения государства. Теория баланса сил предполагает, что государства склонны балансировать против самых могущественных игроков в международной системе. В развитие этого подхода важно учитывать «угрозы», «страх», «чувства уязвимости» и «близости» угрозы, которые возникают из-за изменений в распределении силы в международной системе. С учетом этих факторов стратегии балансировки используют военные союзы против потенциальных противников. Изменение Австралией позиции от «мягкой» к «жесткой» и наоборот можно интерпретировать как стратегию баланса сил в ответ на растущую мощь Китая и связанные с этим угрозы, которые он представляет для австралийских интересов. Таким образом, Австралия придерживается стратегии балансирования против Китая, проявляющейся в наращивании военной мощи, усилении сотрудничества в сфере безопасности

с Соединенными Штатами и региональными державами. Изменение политики Австралии обусловлено не только растущей мощью Китая, но и его напористым поведением, которое рассматривается в Австралии как потенциальная угроза.

Конструктивистский подход учитывает нормы, интересы, идентичности, традиции, онтологическую незащищенность и намерения государств, которые конструируют культуру национальной безопасности, влияя на разработку политики безопасности. В частности, в последние годы австралийское руководство на официальном уровне стало признавать значение разделяемых демократических ценностей. «Австралийские лидеры постоянно боролись с всепроникающим страхом быть покинутыми, ищут защиты у могущественного союзника, чтобы преодолеть эту тревогу» [13]. Определенную роль в формировании государственных внешнеполитических предпочтений выполняют австралийские политические элиты и СМИ.

Индо-Тихоокеанский регион в приоритете австралийской внешней политики. На официальном сайте министерства иностранных дел и торговли Австралии зафиксировано, что Австралия является страной Индийского океана, регион имеет важное стратегическое значение для безопасности и процветания страны. И Австралия намерена играть активную роль в отстаивании его статуса в соответствии с «международными правилами, нормами и стандартами» [14].

Согласно принятой австралийским Институтом Лоуи (Institute Lowy) классификации, Австралия является «средним» государством (Middle Power). На официальном уровне Австралия позиционирует себя как «региональная держава с глобальными интересами» (regional power with global interests) [15]. По оценке совокупной мощи Австралия занимает пятое место в ИТР после США, Китая, Индии, Японии. По развитию регионального военного партнерства, которое действует как усилитель ее военного потенциала, Австралия находится на втором месте после США [16].

Австралия сотрудничает с большинством региональных организаций и развивает партнерские отношения для «продвижения безопасного и процветающего Индо-Тихоокеанского региона и укрепления основанного на правилах международного порядка» [15]. Как и многие государства региона, она отдает предпочтение минилатеральным договоренностям по широкому спектру сотрудничества. В региональной стратегии австралийское руководство исходит из принципа «включенная безопасность», имея в виду реагирование на совокупность военных, экономических, климатических, демографических и других вызовов.

Министр иностранных дел и торговли с 2022 г. Пенни Вонг (Пенелопа Ин-Янь Вонг) 80% из более чем полусотни зарубежных визитов осуществила в страны ИТР. По официальным данным, в бюджете помощи на 2023–2024 гг. 74% расходов Австралии направляются в страны ИТР [17].

Австралия пересматривает национальную оборонную стратегию. Несмотря на амбициозные планы перевооружения, австралийские аналитики сдержанно оценивают современное состояние австралийских су-

хопутных и военно-морских сил. Постоянные силы обороны насчитывают лишь 58 тысяч человек [18].

Принятие новой оборонной стратегии (2024 National Defence Strategy) вместе с Интегрированной инвестиционной программой (2024 Integrated Investment Program) стало реакцией австралийского руководства на изменившиеся обстоятельства, главное из которых – обострение соперничества между США и Китаем за гегемонию в регионе. В Стратегии национальной безопасности недвусмысленно говорится, что с точки зрения страны «больше нет десятилетнего окна времени стратегического предупреждения о конфликте» [19].

Особенностью новой военной доктрины является согласование развития вооруженных сил с инвестиционной программой. Одним из направлений национальной стратегии стало развитие военных сил повышенной дальности. В рамках этого подхода рассматривается возможность приобретения американских стратегических бомбардировщиков. Данная стратегия представляет собой переход австралийских сил обороны (Australian Defence Force, ADF) от сбалансированной силы, готовой к ряду непредвиденных обстоятельств, к силе, сосредоточенной на «наиболее существенных рисках». Речь идет о стратегии «сдерживания путем отрицания» (deterrence by denial), что может означать воздействие на волю оппонента путем превентивных угроз. Несмотря на то, что национальная стратегия не конкретизирует военные сценарии и риски, в ней упоминается укрепление северных позиций [19].

Такие «средние» государства, как Австралия, находятся перед сложным выбором между рисками и выгодами участия в минилатеральных пактах с Соединенными Штатами. В начале 2025 г. китайские военные корабли в течение нескольких недель огибали побережье Австралии, проводя военные учения с боевой стрельбой. В австралийском экспертном сообществе учения рассматривались как репетиция морского ракетного удара по австралийским военным объектам и критически важной национальной инфраструктуре. Расширение демонстрации китайской военной мощи на регион, близкий к Австралии, поставило перед правящими элитами страны вопрос о недостаточной эффективности национальной системы безопасности и надежности союзных отношений [20].

В качестве военного эксперта бывший заместитель министра обороны Австралии М. Пеццуолло сформулировал возможные ответы с австралийской стороны на военные вызовы [21]. Он исходит из того, что Австралия должна быть готова к прямому столкновению между США и Китаем из-за Тайваня, которое, по его мнению, может произойти в 2027 г. Главная стратегическая задача заключается в достижении и затем поддержании контроля над морем в ключевых морских районах вокруг Австралии, превращении обширной дуги архипелагов от Суматры до Фиджи в большой стратегический барьер против нападения на Австралию. Для успешной реализации этого плана М. Пеццуолло сформулировал программу из десяти пунктов. Первый – усилить непрерывное широкомасштабное наблюдение за австралийской зоной прямого военного интереса, используя все виды современных инструментов не-

прерывного широкомасштабного наблюдения. Второй – повысить оперативную готовность австралийских сил обороны, которые должны сосредоточиться на обороне зоны прямого военного интереса Австралии, а не выполнять пограничные функции. Третий – срочно приобрести возможности ведения противокорабельной войны на больших расстояниях. С этой целью радикальным было бы приобретение от шести до десяти бомбардировщиков B-1B Lancer из запасов ВВС США. Четвертый – достижение превосходства в воздухе на большей дистанции, чтобы предотвратить угрозу дальних атак китайских бомбардировщиков по материку. Пятый – восстановить возможности ведения морской войны. Для этого поставить на боевое дежурство имеющиеся подводные лодки и пополнить морской флот новыми надводными и подводными военными судами. Шестой – сделать ставку на быструю модернизацию и расширение возможностей Королевских военно-воздушных сил (Royal Australian Air Force, RAAF) путем приобретения большего количества самолетов F-35, а в перспективе и B-21 Raider. Седьмой – улучшить подготовку армии к морской войне. Для борьбы с кораблями противника приобрести ракетные системы Typhon, освоить навыки борьбы с диверсантами. Восьмой – устранить имеющиеся пробелы в противовоздушной и противоракетной обороне как на суше, так и на море путем создания интегрированной системы. Девятый – договориться о военном союзе с Папуа – Новой Гвинеей, чтобы обеспечить создание баз ADF на островах для поддержки морских разведывательных, противолодочных и воздушно-десантных миссий. Аналогичное соглашение заключить с Филиппинами. Рассматривать Папуа – Новую Гвинею и Филиппины как тихоокеанские сторожевые башни морских и воздушных подходов к Австралии. Наконец, десятый – срочно обновить мобилизационное расписание центральных и правительственных учреждений (war book) с учетом новых реальностей [21].

Австралийские эксперты считают, что для защиты жизненно важных интересов на море Австралия должна разработать всеобъемлющую морскую стратегию и обеспечить ее ресурсами. Вместе с тем они реалистично оценивают пределы возможностей страны. Австралия не должна и не может надеяться сравниться с военно-морской мощью Китая [22].

Опорные блоки партнерства в сфере безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе

Взаимодействие Австралии с отдельными странами региона находится в приоритете ее внешней политики. С 2018 г. Австралия подписала документы о стратегическом партнерстве с Малайзией, Индонезией и Вьетнамом. Она также расширила свою экономическую поддержку стран в долине Меконга, содействуя инициативам по улучшению инфраструктуры, финансированию проектов по смягчению последствий изменения климата и расширению программ, направленных на развитие человеческого капитала. Признавая стратегическую важность региона для Австралии и растущую сложность взаимодействия, правительство премьер-

министра Э. Альбанезе создало Управление Юго-Восточной Азии в Министерстве иностранных дел и торговли, которому поручено координировать политику Австралии в регионе [19].

Австралия участвует практически во всех значимых региональных многосторонних институтах. При этом австралийское руководство признает ведущую роль АСЕАН в области региональной безопасности и сотрудничества. В 2018 г. премьер-министр М. Тернбулл провел в Сиднее первый специальный саммит между Австралией и государствами-членами АСЕАН. Спустя три года на саммите лидеров АСЕАН–Австралия был дан старт Всеобъемлющему стратегическому партнерству АСЕАН–Австралия (ASEAN-Australia Comprehensive Strategic Partnership). Трехсторонний диалог АСЕАН–Австралия–Новая Зеландия (ASEAN-Australia-New Zealand Dialogue, AANZ) использует механизмы дипломатии Track 1.5¹ и Track 2². Использование этих механизмов направлено на содействие сплоченности и подготовке перевода ожиданий в реализацию через официальные каналы. К примеру, чтобы обсудить, как стороны могут укрепить двустороннее оборонно-промышленное сотрудничество, австралийский председатель и Группа оборонно-промышленных инициатив провели два семинара Track 1.5 в Вашингтоне и Канберре с участием американских и австралийских заинтересованных сторон, а также участвовали во встречах с правительственными чиновниками и представителями промышленности из 28 американских и австралийских компаний.

В Австралии констатируют растущее стратегическое расхождение с государствами-членами АСЕАН, в центре которого находятся отношения с Китаем [23]. В связи с этим основу австралийской архитектуры безопасности составляют АНЗЮС, QUAD и AUKUS с участием США. Союз с Соединенными Штатами, закрепленный Договором АНЗЮС 1951 г., остается основополагающим для безопасности Австралии, особенно в части расширенного ядерного сдерживания. Австралия усилила свою приверженность альянсу с США посредством возрождения Четырехстороннего диалога по безопасности (QUAD) и создания трехстороннего оборонного соглашения с США и Великобританией (AUKUS). Стратегия обороны Австралии основана на том, что Соединенные Штаты являются главным фактором благоприятного для нее регионального баланса сил. AUKUS стал центральным элементом австралийской стратегии сдерживания.

Относительно перспектив развития сотрудничества с администрацией Трампа австралийские военные, политики и ученые демонстрируют осторожный оптимизм. Прежде всего речь идет о перспективах реализации военно-технического сотрудничества. Соглашение AUKUS включает в себя два столпа: Pillar 1 и Pillar 2. Pillar 1 предусматривает расширенное трехстороннее стратегическое партнерство, которое включает поставку Австралии восьми атомных обычных ударных подводных лодок к 2040-м гг. В январе 2025 г. Австралия инвестировала полмиллиарда долларов США из запланированных 3 млрд в американское производство заказанных подводных лодок. По оценкам экс-

пертов, вся программа AUKUS обойдется в 368 млрд долларов США к 2050-м гг. [24]. А Pillar 2 служит платформой для передового технологического сотрудничества, к которому кроме США привлекаются Япония и Южная Корея. Программа технического сотрудничества включает подводные разработки, сферы квантовой науки, искусственного интеллекта, кибербезопасности, исследований в области гиперзвука и электронной борьбы. Ставится задача сократить отставание от Китая в новых технологиях двойного назначения [25].

Австралийские эксперты отмечают, что в реализации технического сотрудничества с США Австралии удалось добиться ощутимых результатов. При участии рабочих групп по критическим и новым технологиям происходит укрепление промышленной базы сотрудничества, осуществляется подготовка квалифицированных специалистов для новых областей сотрудничества, идет стимулирование инновационного производства и исследований. Однако поддержание положительного импульса сотрудничества зависит от последовательной и заинтересованной политики американского руководства [26]. Австралия рассчитывает на смягчение таможенных тарифов со стороны США, учитывая важность австралийской продукции и инвестиций для американского партнера. Австралия – ключевой поставщик деталей для корпораций Boeing (крылья для самолета 787 Dreamliner) и Lockheed Martin Corporation (истребитель F-35). Австралия также является основным поставщиком редкоземельных металлов в США и тем самым помогает преодолеть монополию Китая на эти важнейшие для США цепочки поставок [27].

Помимо QUAD и AUKUS, непредсказуемая политика Трампа может повлиять на перспективы реализации таких минилатеральных соглашений, как Трехсторонний диалог по безопасности между США, Японией и Австралией. Именно Япония вела переговоры о соглашениях о взаимном доступе вооруженных сил (Reciprocal Access Agreement) с такими странами-партнерами, как Австралия, Великобритания и др. Австралия имеет соглашение с Филиппинами о статусе вооруженных сил на территории другого государства [28]. Армия США впервые разместила батареи ракетной системы THAAD на территории Австралии и Филиппин и планирует провести боевые стрельбы во время учений Talisman Sabre, что станет первым запуском ударного оружия большой дальности на иностранной территории [29].

В настоящее время отношения Австралии и НАТО регулируются индивидуально разработанной программой партнерства (Individually Tailored Partnership Programmes, ITPPs), которая была согласована в июле 2023 г. Австралия наряду с Японией, Южной Кореей и Новой Зеландией (IP4) принимает участие на уровне глав правительств в саммитах НАТО. Усиление диалога со странами ИТР и вовлечение их в сотрудничество было внесено в Стратегическую концепцию НАТО (2022). Позиция НАТО в отношении ИТР была сформулирована на саммите 2024 г. в резюме совместного коммюнике: «...заявленные амбиции и политика при-

бросают вызов нашим интересам, нашей безопасности и нашим ценностям» [30]. Австралийское руководство стремится дистанцироваться от публичной поддержки НАТО в его стратегиях противостояния Китаю. В переговорах с руководством НАТО оно сосредоточилось на обсуждении вопросов «кибербезопасности, новых технологий, противодействия гибридным угрозам» [31]. Австралия является одной из стран, которые имеют расширенные возможности для диалога и сотрудничества с НАТО (Enhanced Opportunities Partners). Это дает ей возможность с целью «углубления оперативной совместимости» участвовать в работе комитетов по таким вопросам, как логистика, обмен информацией между оперативными партнерами, авиация, кодификация и сотрудничество в области вооружений. Австралия участвует в программах НАТО в областях новых и прорывных технологий и энергетической безопасности.

Тем не менее неопределенность политики администрации Трампа в отношении стратегии безопасности в ИТР позволяет авторитетному австралийскому ученому из Университета Ла Троба Н. Бисли предсказывать «чрезвычайное стратегическое одиночество» Австралии [32].

Китайская дилемма для Австралии: между Сциллой и Харибдой. Одновременно Китай является региональным вызовом и ресурсом для Австралии. Страна значительно выиграла от экономического подъема Китая. В конце 2007 г. Китай обогнал Японию, став крупнейшим торговым партнером Австралии. С 2015 г. между двумя странами действует Всеобъемлющее стратегическое партнерство, означающее тесные связи на высоком уровне в экономической, политической областях и даже в области безопасности. Австралия и Китай также являются сторонами Соглашения о всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве [33]. В 2023–2024 гг. Китай – крупнейший торговый партнер Австралии. Двусторонний товарооборот составил в общей сложности 325 млрд долларов. Китай – пятый по величине прямой иностранный инвестор в Австралии (инвестиционный фонд на сумму 47 млрд долларов в 2023 г.), его доля составляет 4,0% от общего объема прямых иностранных инвестиций. В последние годы китайские инвестиции направляются в горнодобывающую промышленность, на развитие инфраструктуры и здравоохранения. Австралийские прямые иностранные инвестиции в Китай составили 2,2 млрд долларов в 2023 г. Австралийские компании продолжают успешно выходить на китайский рынок [34]. Тем не менее в 2024 г. только треть австралийского экспорта направлялась в Китай. Ожидается снижение китайского спроса на австралийскую железную руду и коксующийся уголь, сокращение китайских инвестиций в инфраструктуру Австралии и развитие недвижимости.

Отношения между двумя странами стали ухудшаться в связи с критикой с австралийской стороны принятых в Китае законов о шпионаже и иностранном вмешательстве и выдвинутыми требованиями независимого расследования происхождения COVID-19. Китай резко реагировал на участие Австралии в AUKUS. В качестве реакции на ухудшение политических от-

ношений Китай ввел тарифы и неофициальные запреты на ряд австралийских экспортных товаров, таких как ячмень, говядина и вино, а также заморозил переговоры на высоком уровне. В 2023–2024 гг. обе стороны предприняли попытки к улучшению двусторонних отношений, состоялся обмен визитами на уровне глав правительств. Однако взаимная настороженность в отношениях сохранилась. Дальнейшее ухудшение отношений связано с растущим влиянием Китая в зоне тихоокеанских островов. Китай имеет стратегические соглашения о сотрудничестве с Островами Кука, Кирибати, Соломоновыми островами и Вануату. Австралия и Новая Зеландия опасаются, что Китай создает сеть альянсов для уменьшения влияния Запада в регионе. Как отмечают американские аналитики, Китай продвигается в регионе, не нападая, используя сочетание юридических лазеек, экономического проникновения, преступных сетей и информационной войны, чтобы занять выгодную позицию [35].

Заключение

В марте 2025 г. Королевским колледжем Лондона и Школой международных исследований им. С. Раджаратнама (RSIS) из Сингапура был проведен совместный семинар «Время стратегического предупреждения», одним из результатов которого стал вывод о том, что возвращение межгосударственного соперничества, если не прямая война, является определяющей геополитической чертой для оценки нарративов национальной безопасности. И это в условиях сокращения времени предупреждения с индикаторами угроз, которые сложнее предсказать, и требуются более высокие уровни готовности, включая ускоренное наращивание потенциала и более прочные, более надежные партнерства и системы альянсов [36]. Пока нет явных признаков того, что администрация США, сокращая свои гарантийные обязательства перед союзниками на Западе и показывая пренебрежение к многосторонности, смещает свои стратегические интересы в зону ИТР. Хотя аналитики обратили внимание, что сразу после инаугурации президента госсекретарь М. Рубио провел заседание Четырехстороннего диалога по безопасности (QUAD) [37].

Китай попытается усилить имеющиеся в его распоряжении средства для политического, экономического или военного принуждения региональных государств к принятию китайской модели азиатского порядка. Риск отдельных насильственных инцидентов остается выше, чем риск полномасштабной войны. Но насколько кумулятивный эффект отдельных инцидентов отдалит от полноценной войны? Следует ожидать роста соперничества между Австралией и Китаем за влияние на островные государства в ИТР. Но на обострение отношений до грани войны австралийское руководство не пойдет и, вероятнее всего, продолжит политику «стратегического балансирования», одновременно укрепляя собственный военный потенциал и потенциал сотрудничества. Австралия будет использовать свой большой опыт развития сотрудничества с региональными государствами в нетрадиционных областях безопасности.

Исходя из меняющейся геополитической обстановки в регионе, австралийское руководство в целях обеспечения стратегической стабильности и безопасности будет вынуждено опираться на имеющиеся минилатеральные соглашения и искать новых партнеров и союзников. В связи с этим можно прогнозировать большую вовлеченность НАТО и Европейского союза в сотрудничество с Австралией и развитие минилатеральных соглашений Австралии с отдельными евро-

пейскими государствами и региональными соседями Японией, Южной Кореей, Новой Зеландией, Индонезией, Индией.

На динамику внешней политики Австралии окажут влияние итоги предстоящих в мае 2025 г. политических выборов. По прогнозам австралийских аналитиков, в состав правительства могут войти представители малых партий, не разделяющих стратегию безопасности традиционных правящих партий.

Примечания

¹ Track 1.5 – диалог между представителями правительств и неправительственными экспертами.

² Track 2 – использование неофициального канала для диалога между неправительственными экспертами без прямого участия правительств.

Список источников

1. Kai He. Rethinking East Asian peace: the perils of over-deterrence and minilateralism // Australian Journal of International Affairs. 2025. Vol. 2 (79). P. 295–305. doi: 10.1080/10357718.2025.2459314
2. Михайленко В.И. Роль минилатеральных соглашений в Индо-Тихоокеанской политике США и Китая // Вестник Пермского университета. Политология. 2025. № 1 (19). С. 121–129. doi: 10.17072/2218-1067-2025-1-121-129
3. The Latest on Southeast Asia: U.S. Withdrawal from JETP. URL: <https://www.csis.org/blogs/latest-southeast-asia/latest-southeast-asia-us-withdrawal-jetp> (accessed: 16.03.2025).
4. Statement on United States tariffs. URL: <https://www.pm.gov.au/media/statement-united-states-tariffs> (accessed: 18.03.2025).
5. Singh D. How A Ceasefire in Ukraine Could Affect Asian Security / Fulcrum. 2025. Feb. 14. URL: <https://fulcrum.sg/how-a-ceasefire-in-ukraine-could-affect-asian-security/> (accessed: 19.02.2025).
6. Wang Yuzhu. New Regionalism. Reshaping the Future of Globalization // China Quarterly of International Strategic Studies. 2020. Vol. 2 (06). P. 249–256. doi: 10.1142/S2377740020500116
7. Захарьев Я.О. Почему Австралия превращается в развитого ведомого игрока глобального и регионального пространства // Экономические отношения. 2021. № 3 (11). С. 557–564. doi: 10.18334/eo.11.3.113403
8. Сведенцов В.Л. Значение AUKUS для Австралии в контексте геополитического соперничества США и КНР // Проблемы национальной стратегии. 2024. № 6 (87). С. 196–223.
9. Пале С.Е. Китай, Австралия и страны Океании: кто с кем против кого // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. Т. 2, № 2 (55). С. 64–73. doi: 10.31696/2072-8271-2022-12-2-55-064-073
10. Международная безопасность: новый миропорядок и технологическая революция / отв. ред. А.Г. Арбатов и др. М. : Весь мир, 2023. 432 с.
11. Кочегуров Д.А. Австралия во внешней и оборонной политике США на современном этапе // США и Канада: экономика, политика, культура. 2024. № 11 (659). С. 58–75. doi: 10.31857/S2686673024110047
12. Sil R., Katzenstein P.J. Beyond Paradigms: Analytic Eclecticism in the Study of World Politics. URL: https://www.researchgate.net/publication/257267574_Beyond_Paradigms_Analytic_Eclecticism_in_the_Study_of_World_Politics (accessed: 04.04.2025)
13. He K., Feng H. IR Theory and Australia's Policy Change Towards China, 2017–2022 : An Introductory Essay // Journal of Contemporary China. 2024. doi: 10.1080/10670564.2024.2365246. URL: <https://research-repository.griffith.edu.au/server/api/core/bitstreams/d12257c9-fdd3-4fcf-a656-ac2dfd132c3a/content> (accessed: 10.03.2025).
14. Australia and the Indian Ocean region // Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. URL: <https://www.dfat.gov.au/international-relations/regional-architecture/indian-ocean/Pages/indian-ocean-region> (accessed: 10.03.2025)
15. 2017 Foreign Policy White Paper // Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. URL: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/2017-foreign-policy-white-paper.pdf> (accessed: 21.02.2025).
16. Defence Networks // Lowy Institute. URL: <https://power.lowyinstitute.org/> (accessed: 21.02.2025).
17. Patton S. From global to regional: Australia's focus narrows // Lowy Institute. 2024. June 13. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/global-regional-australia-s-focus-narrows> (accessed: 23.02.2025).
18. Tesch P. AUKUS: Two pillars, three fallacies // Lowy Institute. 2025. March 13. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/aukus-two-pillars-three-fallacies> (accessed: 16.03.2025).
19. 2024 National Defence Strategy and 2024 Integrated Investment Program Australian Government. Defence. URL: <https://www.defence.gov.au/about/strategic-planning/2024-national-defence-strategy-2024-integrated-investment-program> (accessed: 25.02.2025).
20. Keary J. China's navy sends a steady drumbeat of ships around Australia // Australia Strategic Policy Institute. 2025. March 10. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/chinas-navy-sends-a-steady-drumbeat-of-ships-around-australia/> (accessed: 16.03.2025).
21. Pezzullo M. Australia's defences must be ready in two years. Here's what to do two years. Here's what to do // Australia Strategic Policy Institute. 2025. March 8. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/australias-defences-must-be-ready-in-two-years-heres-what-to-do/> (accessed: 16.03.2025).
22. Parker J. With Chinese warships nearby, Australia needs to step up as a maritime power // Australia Strategic Policy Institute. 2025. Feb. 26. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/with-chinese-warships-nearby-australia-needs-to-step-up-as-a-maritime-power/> (accessed: 16.03.2025).
23. Yaacob A.R., Priyandita G., Laksmi S. Southeast Asia's Security Landscape. Lessons for the ADF // Lowy Institute. 2023. Oct. 11. URL: <https://www.lowyinstitute.org/publications/southeast-asia-s-security-landscape-lessons-adf> (accessed: 23.02.2025).
24. Knott M. "We need a plan B": Admiral's call for AUKUS rethink over unreliable Trump // The Sidney Morning Herald. 2025. March 13. URL: <https://www.smh.com.au/politics/federal/we-need-a-plan-b-admiral-s-call-for-aukus-rethink-over-unreliable-trump-20250312-p5lizw.html> (accessed: 14.03.2025).
25. AUKUS Pillar 2 // Parliament of Australia. URL: https://www.aph.gov.au/About_Parliament/Parliamentary_departments/Parliamentary_Library/Research/FlagPost/2024/August/AUKUS_Pillar_2 (accessed: 18.03.2025).
26. Warren A., Hunt Ch.T. What a Trump return might mean for AUKUS and the Quad. A nascent regional security "minilateral" architecture is vulnerable to Trump's brand of disruption // Lowy Institute. 2024. Oct. 28. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/what-trump-return-might-mean-aukus-quad> (accessed: 10.03.2025).
27. Carouso J. Australia's Trade Challenges in 2025. Commentary. URL: <https://www.csis.org/analysis/australias-trade-challenges-2025> (accessed: 31.03.2025).
28. Agreement between the Government of the Republic of the Philippines and the Government of Australia concerning the Status of Visiting Forces of Each State in the Territory of the Other State // Senate of the Philippines. URL: https://legacy.senate.gov.ph/15th_congress/treaties/agreement%20govt%20rp%20and%20govt%20of%20australia%20visiting%20forces.pdf (accessed: 31.03.2025).

29. Judson J. US Army plans Australia test of missile launcher that has irked China // DefenseNews. 2025. March 27. URL: https://www.defensenews.com/land/2025/03/27/us-army-plans-australia-test-of-missile-launcher-that-has-irked-china/?utm_source=sailthru&utm_medium=email&utm_campaign=dfn-asia (accessed: 03.04.2025).
30. Washington Summit Declaration // North Atlantic Treaty Organization. 2024. July 10. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_227678.htm (accessed: 25.03.2025).
31. Hardy J. NATO's collective power – and Australia's role // Lowy Institute. 2024. July 12. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/nato-s-collective-power-australia-s-role> (accessed: 25.03.2025).
32. Relations with Australia // North Atlantic Treaty Organization. 2024. Oct. 24. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_48899.htm (accessed: 29.03.2025).
33. Bisley N. Australia Rues “Extreme Strategic Loneliness” // Fulcrum. 2025. Apr. 7. URL: <https://fulcrum.sg/australia-rues-extreme-strategic-loneliness/> (accessed: 07.04.2025).
34. China country brief // Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. 2024. Dec. URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/china/china-country-brief#:~:text=sister%2Dcity%20relationships-,Trade%20and%20investment,%24212.7%20billion%20in%202023%2D24> (accessed: 03.04.2025).
35. How Interagency Campaigns Can Counter Chinese Gray Zone Incursions in the Pacific / commentary by B. Jensen, K. McInnis, A. Aldisert. 2025. March 13. URL: <https://www.csis.org/analysis/how-interagency-campaigns-can-counter-chinese-gray-zone-incursions-pacific> (accessed: 07.04.2025).
36. Chan J., Patalano A. Strategic Warning Time and the Importance of Thinking Ahead // IDSS Papers. 2025. March 28. № 045/2025.
37. Singh S. India and the QUAD: The Opportunities and Challenges of Trump 2.0 // IDSS Papers. 2025. March 21. № 037/2025.

References

1. Kai He. (2025) Rethinking East Asian peace: the perils of over-deterrence and minilateralism. *Australian Journal of International Affairs*. 2(79). pp. 295–305. DOI: 10.1080/10357718.2025.2459314
2. Mikhaylenko, V.I. (2025) Rol' minilateral'nykh soglasheniy v Indo-Tikhookeanskoj politike SSHa i Kitaya [The role of minilateral agreements in the Indo-Pacific policy of the United States and China]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*. 1(19). pp. 121–129. DOI: 10.17072/2218-1067-2025-1-121-129
3. CSIS. (n.d.) *The Latest on Southeast Asia: U.S. Withdrawal from JETP*. [Online] Available from: <https://www.csis.org/blogs/latest-southeast-asia/latest-southeast-asia-us-withdrawal-jetp> (Accessed: 16th March 2025).
4. Australia. (n.d.) *Statement on United States tariffs*. [Online] Available from: <https://www.pm.gov.au/media/statement-united-states-tariffs> (Accessed: 18th March 2025).
5. Singh, D. (2025) How A Ceasefire in Ukraine Could Affect Asian Security. *Fulcrum*. 14th February. [Online] Available from: <https://fulcrum.sg/how-a-ceasefire-in-ukraine-could-affect-asian-security/> (Accessed: 19th March 2025).
6. Wang Yuzhu. (2020) New Regionalism. Reshaping the Future of Globalization. *China Quarterly of International Strategic Studies*. 2(06). pp. 249–256. DOI: 10.1142/S2377740020500116
7. Zakhariyev, Ya.O. (2021) Pochemu Avstraliya prevrashchaetsya v razvito go vedomogo igroka global'nogo i regional'nogo prostranstva [Why Australia is turning into a developed led player in the global and regional space]. *Ekonomicheskie otnosheniya*. 3(11). pp. 557–564. DOI: 10.18334/eo.11.3.113403
8. Svedentsov, V.L. (2024) Znachenie AUKUS dlya Avstralii v kontekste geopoliticheskogo sopernichestva SSHa i KNR [The importance of AUKUS for Australia in the context of geopolitical rivalry between the United States and China]. *Problemy natsional'noy strategii*. 6(87). pp. 196–223.
9. Pale, S.E. (2022) Kitay, Avstraliya i strany Okeanii: kto s kem protiv kogo [China, Australia and the countries of Oceania: who is with whom against whom]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*. 2(55). pp. 64–73. DOI: 10.31696/2072-8271-2022-12-2-55-064-073
10. Arbatov, A.G. et al. (ed.) *Mezhdunarodnaya bezopasnost': novyy miroporyadok i tekhnologicheskaya revolyutsiya* [International Security: New World Order and Technological Revolution]. Moscow: Ves' mir.
11. Kochegurov, D.A. (2024) Avstraliya vo vneshney i oboronnoy politike SSHa na sovremennom etape [Australia in US Foreign and Defense Policy at the Current Stage]. *SSHa i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. 11(659). pp. 58–75. DOI: 10.31857/S2686673024110047
12. Sil, R. & Katzenstein, P.J. (n.d.) *Beyond Paradigms: Analytic Eclecticism in the Study of World Politics*. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/257267574_Beyond_Paradigms_Analytic_Eclecticism_in_the_Study_of_World_Politics (Accessed: 4th April 2025).
13. He, K. & Feng, H. (2024) IR Theory and Australia's Policy Change Towards China, 2017–2022: An Introductory Essay. *Journal of Contemporary China*. DOI: 10.1080/10670564.2024.2365246. [Online] Available from: <https://research-repository.griffith.edu.au/server/api/core/bitstreams/d12257c9-fdd3-4fcf-a656-ac2dfd132c3a/content> (Accessed: 10th March .03.2025).
14. Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. (n.d.) *Australia and the Indian Ocean region*. [Online] Available from: <https://www.dfat.gov.au/international-relations/regional-architecture/indian-ocean/Pages/indian-ocean-region> (Accessed: 10th March 2025).
15. Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. (2017) *2017 Foreign Policy White Paper*. [Online] Available from: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/2017-foreign-policy-white-paper.pdf> (Accessed: 21st February 2025).
16. Lowy Institute. (n.d.) Defence Networks. Asia Power Index. [Online] Available from: <https://power.lowyinstitute.org/> (Accessed: 21st February 2025).
17. Patton, S. (2024) From global to regional: Australia's focus narrows. *Lowy Institute*. 13th June. [Online] Available from: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/global-regional-australia-s-focus-narrows> (Accessed: 23rd February 2025).
18. Tesch, P. (2025) AUKUS: Two pillars, three fallacies. *Lowy Institute*. 13th March. [Online] Available from: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/aukus-two-pillars-three-fallacies> (Accessed: 16th March 2025).
19. Australia. (2024) *2024 National Defence Strategy and 2024 Integrated Investment Program Australian Government. Defence*. [Online] Available from: <https://www.defence.gov.au/about/strategic-planning/2024-national-defence-strategy-2024-integrated-investment-program> (Accessed: 25th February 2025).
20. Keary, J. (2025) China's navy sends a steady drumbeat of ships around Australia. *Australia Strategic Policy Institute*. 10th March. [Online] Available from: <https://www.aspistrategist.org.au/chinas-navy-sends-a-steady-drumbeat-of-ships-around-australia/> (Accessed: 16th March 2025).
21. Pezzullo, M. (2025) Australia's defences must be ready in two years. Here's what to do two years. Here's what to do. *Australia Strategic Policy Institute*. 8th March. [Online] Available from: <https://www.aspistrategist.org.au/australias-defences-must-be-ready-in-two-years-heres-what-to-do/> (Accessed: 16th March 2025).
22. Parker, J. (2025) With Chinese warships nearby, Australia needs to step up as a maritime power. *Australia Strategic Policy Institute*. 26th February. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/with-chinese-warships-nearby-australia-needs-to-step-up-as-a-maritime-power/> (Accessed: 16th March 2025).
23. Yaacob, A.R. & Priyandita, G. & Laksmi, S. (2023) Southeast Asia's Security Landscape. Lessons for the ADF. *Lowy Institute*. 11th October. [Online] Available from: <https://www.lowyinstitute.org/publications/southeast-asia-s-security-landscape-lessons-adf> (Accessed: 23rd February 2025).
24. Knott, M. (2025) “We need a plan B”: Admiral's call for AUKUS rethink over unreliable Trump. *The Sydney Morning Herald*. 13th March. [Online] Available from: <https://www.smh.com.au/politics/federal/we-need-a-plan-b-admiral-s-call-for-aukus-rethink-over-unreliable-trump-20250312-p5lizw.html> (Accessed: 14th March 2025).
25. Parliament of Australia. (n.d.) *AUKUS Pillar 2*. [Online] Available from: https://www.aph.gov.au/About_Parliament/Parliamentary_departments/Parliamentary_Library/Research/FlagPost/2024/August/AUKUS_Pillar_ (Accessed: 18th March 2025).

26. Warren, A. & Hunt, Ch.T. (2024) What a Trump return might mean for AUKUS and the Quad. A nascent regional security “minilateral” architecture is vulnerable to Trump’s brand of disruption. *Lowy Institute*. 28th October. [Online] Available from: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/what-trump-return-might-mean-aukus-quad> (Accessed: 10th March 2025).
27. Carouso, J. (2025) *Australia’s Trade Challenges in 2025. Commentary*. [Online] Available from: <https://www.csis.org/analysis/australias-trade-challenges-2025> (Accessed: 31st March 2025).
28. Senate of the Philippines. (n.d.) *Agreement between the Government of the Republic of the Philippines and the Government of Australia concerning the Status of Visiting Forces of Each State in the Territory of the Other State*. [Online] Available from: https://legacy.senate.gov.ph/15th_congress/treaties/agreement%20govt%20rp%20and%20govt%20of%20australia%20visiting%20forces.pdf (Accessed: 31st March 2025).
29. Judson, J. (2025) US Army plans Australia test of missile launcher that has irked China. *DefenseNews*. 27th March. [Online] Available from: https://www.defensenews.com/land/2025/03/27/us-army-plans-australia-test-of-missile-launcher-that-has-irked-china/?utm_source=sailthru&utm_medium=email&utm_campaign=dfn-asia (Accessed: 3rd April 2025).
30. North Atlantic Treaty Organization. (2024) *Washington Summit Declaration*. 10th July. [Online] Available from: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_227678.htm (Accessed: 25th March 2025).
31. Hardy, J. (2024) NATO’s collective power – and Australia’s role. *Lowy Institute*. 12th July. [Online] Available from: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/nato-s-collective-power-australia-s-role> (Accessed: 25th March 2025).
32. North Atlantic Treaty Organization. (2024) *Relations with Australia*. 24th October. [Online] Available from: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_48899.htm (Accessed: 29th March 2025).
33. Bisley, N. (2025) Australia Rues “Extreme Strategic Loneliness”. *Fulcrum*. 7th April. [Online] Available from: <https://fulcrum.sg/australia-rues-extreme-strategic-loneliness/> (Accessed: 7th April 2025).
34. Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. (2024) *China country brief*. December. [Online] Available from: <https://www.dfat.gov.au/geo/china/china-country-brief#:~:text=sister%20city%20relationships-,Trade%20and%20investment,%24212.7%20billion%20in%202023%2D24> (Accessed: 3rd April 2025).
35. Jensen, B., McInnis, K. & Aldisert, A. (eds) (2025) *How Interagency Campaigns Can Counter Chinese Gray Zone Incursions in the Pacific*. 13th March. [Online] Available from: <https://www.csis.org/analysis/how-interagency-campaigns-can-counter-chinese-gray-zone-incursions-pacific> (Accessed: 7th April 2025).
36. Chan, J. & Patalano, A. (2025) Strategic Warning Time and the Importance of Thinking Ahead. *IDSS Papers*. 28th March. № 045/2025.
37. Singh, S. (2025) India and the QUAD: The Opportunities and Challenges of Trump 2.0. *IDSS Papers*. 21st March. № 037/2025.

Сведения об авторе:

Михайленко Валерий Иванович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: valery.mikhaylenko@urfu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Mikhaylenko Valeriy I. – Dr. Sci. (History), professor; professor of the Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: valery.mikhaylenko@urfu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.04.2025; принята к публикации 15.05.2025

The article was submitted 08.04.2025; accepted for publication 15.05.2025

Научная статья

УДК 93/94

doi: 10.17223/19988613/95/16

Соперничество СССР и США в области культурной дипломатии в Иране в 1939–1953 гг.

Максим Юрьевич Сурков

*Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, surkov.maksim@urfu.ru*

Аннотация. Рассматривается история соперничества СССР и США на территории Ирана в 1939–1953 гг. ВОКС и Иранское общество культурных связей с СССР выступали акторами советской культурной политики, в которой принимали участие ведущие левые интеллектуалы Ирана Саид Нафиси, М.Т. Малик ош-Шоара Бахар. США опирались на положительный имидж своей страны, связи в области образования и общество Иран–Америка. Участие американских спецслужб в устранении правительства М. Моссадыка привело к потере имиджа США в Иране.

Ключевые слова: Иран, культурная дипломатия, ВОКС, США, холодная война

Для цитирования: Сурков М.Ю. Соперничество СССР и США в области культурной дипломатии в Иране в 1939–1953 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 95. С. 121–129. doi: 10.17223/19988613/95/16

Original article

The Clash of Cultural Diplomacy Strategies of the USSR and the U.S. in Iran in 1939–1953

Maksim Yu. Surkov

*Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation, surkov.maksim@urfu.ru*

Abstract. During World War II Iran proved itself vital for the security of the southern regions of the USSR and the stability of oil extraction for Great Britain. Allied forces entered Iran in August 1941 and both USSR cultural diplomacy actors and their US and British counterparts found themselves in the best position for disseminating their culture and way of life through different mediums. Both the USSR and US relied upon local organisations staffed with Iranians and de jure independent from foreign governments. The All-Union Society for Cultural Ties with Abroad (VOKS), soviet cultural diplomacy body, facilitated the establishment of the Iranian Society for Cultural Ties with the USSR - Anjoman-i Ravabet-i Farhangi-ie Iran va Ittihad-i Jamahir-i Shuravi (the Iran-USSR Society) and provided necessary guidance. Prominent Iranian writers, including Sadegh Hedayat and Mohammad Taqi Bahar, participated in the activities of this society. The Tudeh Party members were among the most active supporters of the Iran-USSR Society, though it proved to be fatal for the society after Shah's crackdown on the Tudeh Party. The Iran-USSR Society was notorious for its widespread distribution of its regional offices in such cities as Mashhad, Rasht, Isfahan, Tabriz and Urmia. The US also established a friendship society called Iran America Society. OSS officer D. Wilber was tasked with the mission. British intelligence reports indicate that Soviet cultural diplomacy with its film demonstrations, public lectures and well-maintained discipline of Soviet troops was producing a favourable impact within the country supported by the image of Socialist modernity that was praised by Iranian left-wing intellectuals. Iranians initially considered the USA to be the “third power” that can be used as a leverage in dealing with the UK and USSR, and Iranian elite’s preferences for Washington was clearly expressed in the 1949 visit of Mohammad Reza Pahlavi to the US. Cables from the US Embassy in Tehran indicate that the Americans were very meticulous in their strategic planning for cultural rivalry with the USSR, carefully outlying target groups, penetrating in the local press and radio and also waging psychological war against prominent Soviet figures popular with Iraninans. CIA psy-op against famous Soviet poet A. Lahuti was carried out by D. Wilber and, though carefully staged, proved a failure. Sometimes the exhibitions of the VOKS were targeted by nationalist mobs instigated by the Nationalist Socialist Workers Party of Iran (SUMKA). Both Friendship Societies published magazines in Persian, Payam-i Naw being the pro-Soviet one, and Iran-America being its counterpart. Despite the initial predisposition of the Iranians towards the US, Soviet cultural diplomacy efforts secured a strong position that was strengthened after the coup d’etat of August, 1953, when the image of the U.S. was blackened forever.

Keywords: Iran, cultural diplomacy, VOKS, USA, cold war

For citation: Surkov, M.Yu. (2025) The Clash of Cultural Diplomacy Strategies of the USSR and the U.S. in Iran in 1939–1953. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 95. pp. 121–129. doi: 10.17223/19988613/95/16

Введение

Стратегическая важность Ирана как транспортного коридора, как богатой нефтью и другими полезными ископаемыми страны с тысячелетней культурой и историей в 1930-е гг. осознавалась как в самом Иране, где, несмотря на усиление диктатуры шаха Резы Пехлеви после гибели или отстранения от власти его ближайших соратников [1. С. 65], шла довольно интенсивная модернизация, так и за его пределами: вакуум, вызванный нежеланием шаха развивать отношения с СССР, быстро заполнялся расширением сотрудничества с Германией, которая экспортировала свое промышленное оборудование и присылала специалистов. С началом Второй мировой войны, несмотря на нормализацию отношений с Советским Союзом, Иран продолжал активно сотрудничать с нацистской Германией, что вызывало беспокойство как Великобритании, так и СССР, особенно после начала Великой Отечественной войны. В условиях мирового конфликта объявленный Ираном нейтралитет выглядел довольно слабой гарантией неприкосновенности советских южных границ и британской нефти, особенно после событий в Ираке: восстания Рашида Али Гайлани в апреле 1941 г. В августе 1941 г. советские войска буквально за шесть дней поставили север Ирана под контроль, британцы наступали с юга. 16 сентября Реза-шах отрекся от престола и был отправлен на о. Маврикий, а его сын Мохаммад Реза Пехлеви (1941–1979) и про-британский премьер-министр Мохаммед Али-хан Форуги были вынуждены во всем сотрудничать с войсками союзников. По союзному договору 29 января 1942 г. Ирану были даны гарантии независимости. Ввод войск в Иран предоставил возможность не только для обеспечения транзита грузов в СССР, но и для активного транзита советской культуры в Иран. Великобритания, а позже и США также активно развивали культурную дипломатию в этой стране, причем к концу войны cultural offensive США и СССР стало одним из сюжетов уже холодной войны.

Культурная дипломатия США в Иране: истоки и развитие

Дипломатические отношения США и Ирана были установлены в 1856 г. [2. С. 161]. Иранское направление внешней политики в XIX в., а также в первой четверти XX в. для Белого дома не представляло большого интереса. В этот период американское присутствие, особенно культурное, в Иране обеспечивалось в основном деятельностью миссионеров, которые, присутствуя в стране с 1838 г. [3. Р. 216], основывали школы и больницы. Куда большую заинтересованность в налаживании отношений проявляли именно иранцы, рассматривая американских советников, в частности М. Шустера, как противовес влиянию в Иране Великобритании и Российской империи.

С восшествием на престол новой династии Пехлеви в 1925 г. культурные связи продолжали крепнуть, в том числе благодаря частной инициативе: в 1926 г. А. Поуп основал в Нью-Йорке Американский институт персидского искусства и археологии. Вместе со своей супругой Ф. Акерман он организовал выставку персидского искусства в музее Пенсильвании в Филадельфии, а также провел Первый международный конгресс иранского искусства и археологии. Активно вели исследовательскую работу и американские академические институты: Чикагский восточный институт организовал в 1933 и 1934 гг. раскопки в Персеполе. Именно во время этих раскопок Э. Херцфилд обнаружил Ахеменидский административный архив глиняных табличек, который (более 30 тыс. табличек) в 1937 г. был временно передан музею этого института по личному разрешению Резы-шаха для исследований.

Американский дипкорпус до войны был представлен в Иране временным поверенным в делах К.Х. Энгертом, посланником, тремя сотрудниками представительства в Тегеране, двумя сотрудниками консульства в столице и одним сотрудником в Тебризе [4. С. 74]. Столь малая численность личного состава накануне войны говорит о низкой заинтересованности в иранских делах, которую отечественные исследователи объясняют нахождением Ирана в советско-британской зоне влияния, американским изоляционизмом, а также тем, что в самом Иране в качестве «третьей силы» до войны рассматривалась, скорее, Германия. Кроме того, Иран стал предпринимать попытки противодействия культурному влиянию Штатов на собственную молодежь: в 1939 г. был поднят вопрос об экспроприации американских школ (этот вопрос подробно рассмотрен в работе А. В. Чучкалова [5]).

После начала Второй мировой войны, когда СССР и Германия заключили пакт о ненападении, в Тегеране стали рассматривать именно США как возможную третью силу, а также экономического партнера, что наталкивалось на изоляционистские настроения американских элит. После ввода войск союзников в Иран в августе 1941 г. и вступления США во Вторую мировую войну (США ввели свои первые подразделения в Иран в 1942 г.) наступил качественный перелом в отношениях США и Ирана, причем эти отношения выстраивались на основе уже сформировавшихся к 1941 г. культурных связей. В пользу США работал и авторитет посланника США Л. Дрейфуса в Тегеране (с 1939 г.) и его супруги Г. Дрейфус, которые активно занимались благотворительностью: основали госпиталь в бедном районе южного Тегерана для больных тифом, а также интернат [6. С. 200], – и более чем столетнее сотрудничество в области образования. Были предприняты попытки вернуться к ситуации до 1940 г.: начались активные переговоры о возобновлении деятельности миссионерских школ, причем, как отметил К. Халл в телеграмме посланнику в Иране Дрейфусу 29 октября 1941 г., в интересах США было не столько

предоставить помощь Ирану, сколько через присутствие американских учителей и врачей сдерживать попытки советских войск советизировать занятые ими области, не дать советскому командованию возможности открыть свои, советские школы на этой территории [7. Р. 378]. В начале 1943 г. возобновило свою деятельность Общество культурных связей Ирана и США (Iran America Society) [8. С. 44]. Его президентом был Х. Исфандияри, председатель меджлиса, а вице-президентом – американский посланник [9. Р. 3]. М. Кира-сирова ссылается на воспоминания Д. Уилбера, офицера Управления стратегических служб (OSS), утверждавшего, что именно он основал это общество, которое курировалось Отделом культурного сотрудничества Госдепартамента, получало от него книги, фильмы и использовало эти материалы для лекций, кинопоказов и общения с будущими студентами американских учебных заведений. Тем не менее конкурировать с советским обществом было трудно: в мае 1946 г. в нем состояло более 600 членов, а только в мешхедском отделении просоветского Общества – 500 [10. Р. 443–444]. В противовес просоветскому журналу «Пайам-е ноу» общество Iran–America в 1946 г. начало издавать журнал Iran and the USA на персидском и английском языках [11], а также посольство прорабатывало вопрос издания пропагандистского журнала, формально независимого от посольства, при участии редактора журнала «Мехр» М. Мовагара с антисоветским содержанием [12]. После принятия в 1948 г. закона Смита–Мундта в рамках Госдепартамента появилась Программа международной информации и образовательного обмена (USIE), в задачи которой входила координация усилий по продвижению американской культуры во всем мире для «создания постоянной атмосферы доброй воли и понимания, которая будет мотивировать другие народы и их правительства действовать в соответствии с целями и намерениями правительства США» [13].

Важным мероприятием, продемонстрировавшим интерес к Америке и ее культуре, была организованная поездка шаха Мохаммада Резы Пехлеви в США 16–20 ноября 1949 г. Правда, стоит отметить, что в этот период шах по крайней мере старался лавировать между США и СССР: по информации, поступившей от посла СССР в Иране И.В. Садчикова, в январе 1951 г. начальник канцелярии шаха Нурзад в беседе со вторым секретарем посольства Кузнецовым высказал мысль о желании шаха посетить СССР [14], правда, поездка не состоялась.

В мае 1953 г. сотрудник Отдела по связям с общественностью посольства США в Тегеране Э. Уэллс подготовил меморандум для посла Л. Хендерсона, в котором кратко описал основные направления пропагандистской работы в Иране [15]. На основании этого документа можно сделать вывод, что американцы работали как «на массу», так и с лидерами, с которыми сотрудники Культурной секции посольства неформально встречались и обсуждали преимущества американской позиции над советской. С массами работу проводили сотрудники библиотеки, причем они сделали специальную выставочную полку, «разоблачающую

агрессивные цели коммунизма». Во время музыкальных вечеров гостям «ненавязчиво» напоминали о том, как советские деятели культуры контролируются партией. Отдел печати издавал антисоветские листовки и брошюры (например, коммунистическое государство изображалось в виде красной Венераиной мухоловки, куда летят на смерть ничего не подозревающие пчелы). В журнале «Мехр» было опубликовано 6 антикоммунистических статей, подготовленных с участием американских специалистов. За два года 260 статей и комментариев было помещено в тегеранских и провинциальных газетах. Что касается кино, то из 15 наименований антикоммунистических фильмов только один касался иранской проблемы, и он был посвящен азербайджанскому кризису. Заметно, что американцы уделяли огромное внимание подготовке будущей проамерикански настроенной элиты: 4 марта 1950 г. начала работать комиссия по программе обмена Фулбрайта по Ирану, а в июле 1950 г. американский посол Г.Ф. Грейди направил в Госдепартамент план работы по усилению культурного и идеологического влияния США в стране, где подчеркивалась роль программ обмена, особенно для первой целевой группы – шах, его двор и несколько сотен семей (помимо этой группы, выделялось еще восемь: лидеры мнений в неграмотной среде, т.е., муллы, вожди племен, военные, рабочие, интеллектуалы, люди с западным образованием, просто грамотные, языковые меньшинства). Посол особо подчеркивал роль кино в воздействии на отношение иранцев к США, своему правительству и будущему страны, а также необходимость опоры на местные каналы распространения информации, чтобы не вызывать отторжения у иранцев [16. Р. 1] (ввиду чего, видимо, в августе 1950 г. Voice of America возобновила свою работу по сближению с Радио Тегеран [17]). В сентябре 1950 г. ЦРУ в своем меморандуме «Текущая иранская проблема» отмечало, что в условиях активной советской пропаганды и недостаточной финансовой помощи со стороны США иранскому правительству, возглавляемому генералом Х.А. Размара, «невероятно сложно придерживаться строгой прозападной политики» [18. Р. 1]. Американцы, отмечая успехи советской радиопропаганды, постарались ответить на этот вызов в том числе и расширением культурной экспансии и жестким контролем над иранскими кинотеатрами: посольство США обратило внимание, что в них демонстрировался фильм «Северная звезда» (реж. С. Голдвин, 1943), где формировался положительный образ Советского Союза, и обратилось в Госдепартамент с просьбой провести работу с дистрибьюторами по недопущению попадания таких фильмов в прокат [19].

В августе 1953 г. координирование внешнеполитической пропаганды перешло к созданному указом президента Д. Эйзенхауэра Информационному агентству США (USIA), ознаменовав начало «золотого века» американской публичной дипломатии [20. Р. 5], но именно в этот период грубое вмешательство спецслужб США и Великобритании во внутренние дела страны нанесло непоправимый удар по имиджу США в Иране.

Культурная дипломатия СССР в Иране

Советская дипломатия могла опираться, с одной стороны, на очень долгий опыт отношений между странами (дипломатические отношения были установлены в 1592–1593 гг.) [21. С. 65], однако, с другой стороны, не в пользу СССР играло иранское восприятие своего северного соседа как угрозы, причем в 1930-е гг. этот антисоветский курс только усилился. Особую опасность Реза-шах видел в распространении главного советского оружия – коммунистической идеологии, и как законодательно, так и репрессивно боролся с этим. В культурной сфере восприятие советского государства накладывалось на взаимодействие с императорской Россией, в частности с казаками Персидской казачьей бригады, которые изображались жестокими и бессердечными, как в рассказе известного иранского писателя М. А. Джамаль-заде «Медвежья услуга». Тем не менее работа по расширению культурных связей велась, например по линии Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС): с момента появления этой организации в 1925 г. ее Восточный отдел активно занялся продвижением советской культуры в Иране – популяризировались советские кинофильмы, направлялись учебники русского языка, шла работа по организации товарищества «Первое персидское книгоиздательство», сотрудничеству в области образования и организации советских трудовых школ, книгообмена [22], организовывались поездки иранских граждан в СССР [23]. Многие иранцы учились в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), созданном еще в 1921 г., активно занимаясь общественной работой, переводя труды классиков марксизма на персидский язык [24. С. 159]. С 11 по 18 сентября 1935 г. в Ленинграде и Москве прошел III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии [25], почетными председателями которого были с иранской стороны председатель Совета министров Ирана М.А. Форуги, с советской – председатель Совета Народных Комиссаров СССР В.М. Молотов, а председателями – народный комиссар по просвещению РСФСР А.С. Бубнов, министр народного просвещения Ирана А.А. Хекмат, профессор Фр. Зарре, академик И.А. Орбели.

Британская разведка 7 мая 1940 г. отмечала, что была заново открыта советская школа для русскоговорящих в Тегеране. 10 июля 1940 г. посол пригласил дипломатический корпус и иранские высшие чины на просмотр фильма «Петр Великий», перед которым демонстрировали 35-минутную ленту с первомайским парадом 1939 г. 23 февраля 1941 г. советский военный атташе пригласил всех военных атташе на празднование Дня Красной Армии, что произошло впервые. 10 марта 1941 г. советский посол пригласил дипломатический корпус и иранские высшие чины на просмотр фильма «Чапаев» [26. Р. 574, 579].

После августа 1941 г. сложилась уникальная возможность для продвижения советских идей и культуры, которая только усилилась после побед Красной Армии над нацистскими войсками в 1943 г. Именно в этом году было основано Иранское общество куль-

турной связи с СССР (Анджоман-е равабет-е фарханги-йе Иран ва Эттехад-е Джамахир-е Шурави) по инициативе как ВОКСа, так и иранских интеллектуалов, в частности С. Нафиси, в феврале 1943 г., по решению Фархангестана и после одобрения этого Министерством культуры, а зарегистрировано 30 октября 1943 г. [27. С. 44]. ЦРУ оценивало советскую финансовую помощь этому обществу в 75 тыс. долл. в год, однако иранский исследователь А. Арианрад считает, что основным источником дохода общества были членские взносы, сборы за показ фильмов, доходы с продажи книг и журналов, финансовая помощь его членов. После антимосадыковского переворота 1953 г. эти поступления резко снизились, и именно поэтому деятельность общества практически сошла на нет [28. С. 58-59]. Тем не менее он указывает, что это общество было важным элементом советской культурной дипломатии в Иране и особенно отмечает I-й Съезд писателей Ирана 1946 г. и выставку изящных искусств Ирана. В резолюции Съезда отмечалось, что иранским писателям следует, опираясь на традиции персидской литературы по противостоянию злу и угнетению, служить делу прогресса Ирана, создавать литературу социальной направленности, созвучную проблемам общества [29. Р. 155]. Сильно сказалось на деятельности общества то, что большая часть его членов была либо членами партии «Туде», либо ее сторонниками, и после покушения на шаха и запрета деятельности партии многие члены общества стали воздерживаться от участия в его деятельности; т.е. его узкая социальная база была существенным недостатком. Программы, организованные обществом, американцы оценивали как «тяжеловатые»: длинные речи, годовщины разных событий, скучные статьи в журнале «Пайам-е ноу», но это нельзя считать объективной оценкой. В деятельности общества были задействованы многие выдающиеся иранские писатели – М.Т. Бахар, С. Хедаят; в качестве руководителей общества старались подбирать людей влиятельных, но связанных либо с царской Россией, либо с СССР своим жизненным опытом: А. Джаханбани был женат на русской и получил военное образование в России до революции, а А.-Х.М. Ансари учился в Санкт-Петербурге [11. Р. 431]. Интересно, что руководство обществом было коллегиальным: первыми председателями общества были выбраны бывший премьер-министр Ирана А. Сохейли и посол СССР К.А. Михайлов [30. С. 58]. Обществом организовывались выставки: с 7 июня по 8 июля 1953 г. прошла 4-я выставка работ художников [31]. Высоко ценили члены общества и вклад советского поэта А. Лахути, нашедшего после 1922 г. вторую родину в Советской России: в своих поэмах он подчеркивал неразрывную связь между народом Ирана и народами СССР (в частности, таджиками), а также познакомил иранцев в годы войны с трудами А.С. Пушкина [10. Р. 444].

В апреле 1943 г. посланник в Тегеране сэр Р. Баллард направил министру иностранных дел Великобритании Э. Идену копию разведывательного отчета, составленного военным атташе британской миссии. В нем отмечалось, что, помимо эффекта от советских пропагандистских мероприятий и учреждений – двух хоро-

ших книжных магазинов, где были представлены художественная, научно-техническая литература и периодические издания, постоянной выставки и читального зала, демонстрации фильмов в Тегеране, Тебризе и Мешхеде, – положительно сказалась на облике советской России «прекрасная дисциплина русских войск в Персии, их хорошее отношение к народу... удовлетворенность своей системой и хорошие отношения, очевидно, налаженные между офицерами и рядовыми» [9. Р. 3]. Советская культурная дипломатия и ее программы были направлены не только на персоговорящих: в апреле 1943 г. в Исфахане состоялся показ фильма о жизни Ленина на армянском языке [32. Р. 709]. 28 февраля 1948 г. Л. Барнетт, британский консул в Исфахане, отчитываясь за прошедший 1947 г., отметил, что развитием отделения Иранского общества культурных связей с СССР, официально открытого 14 июня, занимался вице-консул М. Сагов. Общество отметило 600-летие (так в источнике) основания Москвы, 30-летие революции и 24-ю годовщину смерти Ленина, демонстрировало русские фильмы (например, фильм в кинотеатре «Маяк» о визите принцессы А. Пехлеви в Москву, который был очень тепло встречен публикой [32. Р. 37]) и обладало отличной комнатой для чтения, которой британцам из Англо-Иранского института нечего было противопоставить [32. Р. 13].

К 1947 г. советской культурной дипломатией и пропагандой занималось несколько учреждений – советское посольство, ВОКС (сотрудники которого, в отличие от своих американских и британских коллег, в массе своей владели фарси) [11. Р. 3], Иранское общество культурной связи с СССР, польские и югославские культурные организации [33. Р. 75] путем распространения продукции советского кинематографа, радиопередач, пресс-релизов, спонсирования иранской прессы, финансирования поездок делегаций мусульман и христиан из СССР в Иран, поездок иранцев в СССР, а также Интурист, Ирансовтранс и ТАСС. Американцы считали, что советская культурная дипломатия добилась успеха лишь у небольшой прослойки образованных иранцев (учителей, студентов и молодых писателей), а также религиозных и племенных меньшинств, но не смогла добиться формирования просоветского настроения у большей части мусульманского населения страны [33. Р. 78]. Тем не менее стоит отметить, что деятельность ВОКСа, Иранского общества культурной связи с СССР находилась в более широком контексте, чем простое продвижение советской культуры на Восток. Опираясь на ресурсы общества, иранские интеллектуалы воспринимали и адаптировали советский проект модерна, реализуя свой собственный культурный проект модернизации Ирана в культурной сфере [34. Р. 810–812].

Американские аналитики делили деятельность советской культурной дипломатии на две части: информационную, которую реализовывало посольство, и культурную, которой занималось Генконсульство в Тегеране посредством ВОКСа. В здании бывшего японского представительства в январе 1945 г. открылся Дом культуры. На конец 1946 г. в его штате было около 20 советских граждан. ВОКС состоял из 9 секций:

научной, медицинской, спортивной, музыкальной, изобразительных искусств, театральной, сельского восстановления, промышленного искусства. Как минимум 8 сотрудников преподавали русский язык 800 иранским студентам. Представительства ВОКСа находились в Мешхеде, Реште, Бендер-Пехлеви, Керманшахе, Исфахане и Ахвазе. Главный представитель ВОКС в Иране автоматически является членом совета директоров Иранского общества культурной связи с СССР, которое также имело свои отделения в Мешхеде, Исфахане, Реште, Тебризе и Урмие.

В Тебризе в 1944 г. открылась советская средняя школа при местном отделении общества (750 учащихся в 1944 г., 1 000 в 1945 г.) с обучением на русском, персидском и азербайджанском языках. В постановлении № 13421 от 24 июня 1944 г. за подписью В.М. Молотова об открытии этой школы отмечалось, что она предназначалась для «обучения детей командированных из СССР азербайджанских работников и детей местного азербайджанского населения» [35]. Союзники СССР (Польша, Югославия) также были задействованы в культурных мероприятиях. С 1946 г. активно работало Общество культурных связей Югославии и Ирана, председателем которого был А. Салех, лидер партии «Иран».

Отдельно стоит выделить советскую медицинскую помощь иранскому народу посредством открытой в мае 1943 г. Больницы советского Красного креста. В 1947 г. отмечалось, что у больницы есть филиалы в Реште и Мешхеде. До июня 1947 г. госпиталь возглавлял полковник О. Бароян, представитель Советского Красного Креста на Ближнем Востоке. Он активно публиковался в персидских медицинских журналах и пользовался авторитетом у иранских врачей. ЦРУ подозревало его в том, что он являлся главой советской политической разведки на Ближнем Востоке [33. Р. 105]. Иранцы с благодарностью вспоминают эту больницу: Н. Хедади отмечает, что «иранские чиновники следили за тем, чтобы русские не занимались политической пропагандой, но они совершенно этим не занимались, и своей правильно налаженной работой и поведением продвигали культуру своей страны [36]». В донесении о деятельности 4-й армии в Иранском Азербайджане в 1945 г. отмечалось, что проводились прививки против эпидемических заболеваний, было осмотрено 63 955 человек [37].

Визиты религиозных деятелей из СССР в Иран также имели место: в мае 1945 г. в Тегеране останавливался Патриарх Московский Алексей на пути в Сирию и Палестину, в июне того же года в паломничество в Кум и Мешхед отправился шейх уль-ислам Ахунд Али-Заде, в ноябре 1945 г. по пути в Мекку в Иране побывали 14 мусульманских духовных лиц, в том числе Главный муфтий Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана шейх уль-ислам Эшон Бабахан ибн Абдулмажидхан [33. Р. 105–106].

Распространение советской кинопродукции шло по каналам Совкино и контролируемых им кинотеатров в Тегеране и Реште, а также через сеть кинотеатров Райак и провинциальные театры. Визиты в Иран советских артистов во время и после войны пользова-

лись большой популярностью. В 1943 г. в Иране перед большой аудиторией, включавшей и семью шаха, выступал советский композитор Л.К. Книппер, он представил специально написанную им для этого случая оркестровую сюиту на иранские темы «Маку» [34. Р. 816]. В уже упомянутом донесении из 4-й армии приводится следующая статистика: было проведено 1 340 киносеансов (охват – 1,2 млн чел.), 160 концертов армейской художественной самодеятельности, прочитано 1 182 лекции, организовано 54 группы изучения русского языка, а также в 17 городах проведены выставки достижений СССР [37].

Стратегию советской пропаганды силами прессы в ЦРУ оценивали следующим образом: «Советы аккуратно направляли определенный сегмент иранской прессы в направлении, враждебном иным зарубежным державам и иранскому правительству и дружественном к СССР» [33. Р. 106]. На Иран вещали несколько станций из Москвы, Баку, Еревана, Тбилиси и Ташкента на персидском, азербайджанском, армянском языках. Советское посольство участвовало в передачах, транслировавшихся Радио Тегеран, принадлежавшему правительству Ирана, четыре раза в неделю: получасовая музыкальная программа в воскресенье, 15-минутная политическая передача в понедельник, получасовая культурная программа в среду и получасовая политическая программа в пятницу.

Работа советских культурных учреждений даже в Тегеране не всегда шла гладко: от временного поверенного СССР в Иране Атрощенко поступила информация в МИД А.Я. Вышинскому, а от того – В.М. Молотову, что 13 августа 1952 г. группа вандалов появилась на выставке ВОКС «Новости дня» на ул. Надери, разбила витрины и украла портрет И.В. Сталина. Посольство считало это акцией иранских националистов из фашистской организации СУМКА, которую возглавлял Д. Моншизаде, направленной на дискредитацию правительства Моссадыка [38]. Контрпропагандой занимались американские спецслужбы: с 1948 г. ЦРУ проводило в Иране операцию TP-BEDAMN по подрыву советского влияния. В рамках этой активно спонсируемой американским правительством операции Д. Уилбер, офицер OSS, а впоследствии ЦРУ, организовал психологическую операцию против советского поэта А. Лахути, выбрав его целью по той причине, что, по его мнению, именно А. Лахути, а не лидеров партии «Туде», советские стратеги готовили в качестве национального лидера просоветского Ирана, а также потому, что его марксистская по духу поэзия буквально заполонила тегеранские книжные лавки и распространяла коммунистические идеи. Уилбер написал подложную «черную» автобиографию поэта, в которой А. Лахути высказывал разочарование в советском проекте и объявлял, что сбежал в Пакистан; Эта подделка должна была уронить статус А. Лахути, но поэт, опубликовав собствен-

ную автобиографию в 1954 г. и путем долгих переговоров с советскими лидерами смог свести на нет последствия этой операции. Сама подделка довольно быстро была проанализирована советскими органами, и в Союзе писателей СССР верно назвали эту публикацию типичной американской пропагандой [10. Р. 442–449].

Заключение

Таким образом, обзор культурной дипломатии США и СССР в Иране в 1939–1953 гг. показывает, что обе страны примерно в одно время, т.е., после ввода войск союзников, получили широкие возможности для продвижения своей культуры и образа жизни. Стоит выделить отличие в предвоенном взаимодействии стран: США в Иране были представлены в основном миссионерами, которые занимались просвещением и медициной, а также частным бизнесом, при этом официальный Вашингтон старался как можно реже вмешиваться во внутренние дела Ирана, поэтому Тегеран рассматривал США как вероятную «третью силу», на которую можно было опереться. Статус СССР как источника мировой коммунистической революции в Иране и память о Гилянской революции накладывались на негативный опыт взаимодействия с имперской Россией (раздел сфер влияния в 1907 г., подавление Конституционной революции), в результате советской дипломатии, особенно в послевоенные годы, приходилось работать в обстановке негативной культурной памяти, а также идеологической конфронтации с противником, позиции которого в этом поле были прочнее.

Можно выделить общие черты в культурной дипломатии двух стран. Во-первых, помимо посольств в продвижении культуры были задействованы различные общества (в советском случае это ВОКС и Иранское общество культурной связи с СССР, в американском – общество Иран–Америка), которые контролировались государственными органами. Во-вторых, и СССР, и США задействовали все способы доставки нужной информации потребителю (радио – «Радио Москва» и «Голос Америки»; кинофильмы; литература; пресса, причем как официально связанная с этими государствами, так и формально независимая). С другой стороны, заметно, что в этот период советским пропагандистам было труднее: сказывались современные события (азербайджанский кризис 1946 г.), проявлялась агрессия со стороны националистически настроенных иранских кругов. В 1953 г. ситуация изменилась коренным образом: после свержения М. Мосаддыка американцы утратили свои преимущества, вмешавшись в дела страны напрямую, и, несмотря на видимое укрепление американских позиций и американское cultural offensive, кредит доверия был утрачен. Советский Союз взял курс на нормализацию отношений и развитие культурных связей.

Список источников

1. Арабаджян З.А. Иран от революции до революции (история в лицах). М. : Т-во научных изданий КМК, 2018. 159 с.
2. Румянцев В.П. Между реформами и репрессиями: эволюция американо-иранских отношений в XIX – первой половине XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 161–166.

3. Rostam-Kolayi J. From Evangelizing to Modernizing Iranians: The American Presbyterian Mission and Its Iranian Students // *Iranian Studies*. 2008. Vol. 41 (2). P. 213–239.
4. Встречными курсами: политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. / отв. ред. В.Т. Юнгблуд. Киров : ВятГУ, 2014. 510 с.
5. Чучалов А.В. Американская дипломатия и закрытие школ пресвитерианской образовательной миссии в Иране (август 1939 – январь 1942 гг.) // *Вестник Вятского государственного университета*. 2006. № 14. С. 222–232.
6. Фатхи К., Рашидпур А. Культурные отношения Ирана и США с шахривара 1320 г. до переворота 28 мордада 1332 г. // *Вестник истории международных отношений*. 1385 (2006). № 29. С. 196–236. (на перс. яз.)
7. Foreign Relations of the United States (FRUS), 1941: The British Commonwealth, The Soviet Union, The Near East and Africa. Washington DC : United States Government Printing Office, 1959. Vol. III. 1151 p.
8. Арианрад А. Общество культурных связей Ирана и СССР // *Вестник истории международных отношений*. 1396 (2017). № 70. С. 43–62. (на перс. яз.)
9. Ext 5000/41(10) Persia-Internal Situation. Supply of information to the Viceroy // British Library: India Office Records and Private Papers, IOR/L/PS/12/560 // Qatar Digital Library. URL: https://www.qdl.qa/archive/81055/vdc_100000000517.0x000115 (accessed: 08.07.2021).
10. Kirasirova M. My Enemy's Enemy: Consequences of the CIA Operation against Abulqasim Lahuti, 1953–54 // *Iranian Studies*. 2017. Vol. 50 (3). P. 439–465.
11. Mossaki N., Ravandi-Fadai L. A Guarded Courtship: Soviet Cultural Diplomacy in Iran from the Late 1940s to the 1960s // *Iranian Studies*. 2018. Vol. 51 (3). P. 427–454.
12. United States Embassy. Iran Cable from Loy Henderson to the Department of State. 1952. May 2 // National Archives. Record Group 59. Records of the Department of State. Decimal Files, 1950–1954. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB78/propaganda%20061.pdf> (accessed: 07.07.2021).
13. United States International Information and Educational Exchange Program: Semi-annual Report of the Secretary of State to Congress. United States. Dept. of State. 1949. July.
14. Report to I.V. Stalin on Possible Visit of the Iranian Shah to Moscow. 1951. January / obtained by J. Hasanli and translated for CWIHP by G. Goldberg // History and Public Policy Program Digital Archive, RGASPI. F. 82. Op. 2. D. 1219. L. 31–33. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/119161> (accessed: 07.07.2021).
15. United States Embassy. Iran Despatch from Loy Henderson to the Department of State. Attaching Memorandum Entitled 'Report on the Use of Anti-Soviet Material within Iran during Period Covered by Last Two Years'. 1953. May 29 // National Archives. Record Group 59. Records of the Department of State. Decimal Files, 1950–1954. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB78/propaganda%20096.pdf> (accessed: 07.07.2021).
16. United States Embassy. Iran Cable from Henry F. Grady to the Department of State. Proposed New Program for USIE, Iran. 1950. July 6 // National Archives. Record Group 59. Records of the Department of State. Decimal Files, 1950–1954. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB78/propaganda%20006.pdf> (accessed: 08.07.2021).
17. United States Embassy. Soviet Union Cable from Alan G. Kirk to the Department of State. 1950. Aug. 19 // National Archives. Record Group 59. Records of the Department of State. Decimal Files, 1950–1954. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB78/propaganda%20007.pdf> (accessed: 08.07.2021).
18. Current Iranian Problem : Central Intelligence Agency Intelligence Memorandum, Number 332. 1950. Sept. 20 // Harry S. Truman : library & museum. URL: <https://www.trumanlibrary.gov/library/research-files/central-intelligence-agency-intelligence-memorandum-number-332-current> (accessed: 08.07.2021).
19. United States Embassy. Iran Cable from Edward C. Wells to the Department of State. Motion Pictures – Pro-Soviet Feature Film North Star. 1950. Dec. 28 // National Archives. Record Group 59. Records of the Department of State. Decimal Files, 1950–1954. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB78/propaganda%20012.pdf> (accessed: 08.07.2021).
20. Krenn M.L. The History of United States Cultural Diplomacy: 1770 to the Present Day. London : Bloomsbury Academic, 2017. 198 p.
21. Хушант-Махдави А. История международных отношений Ирана с начала правления Сефевидов до конца Второй мировой войны (1500–1945 гг.). Тегеран, 1355. (на перс. яз.)
22. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5283. Оп. 1а. Д. 67, 78, 243.
23. ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 148, 242.
24. Атабаки Т., Раванди-Фадаи Л. Жертвы времени: жизнь и судьба иранских политических деятелей и трудовых мигрантов в межвоенный период / отв. ред. Н.М. Мамедова, Д.В. Волков; Ин-т востоковедения РАН (Москва), Междунар. ин-т социальной истории (Амстердам). 2-е изд., испр., доп. М. : ИВ РАН ; Издатель Воробьев А.В., 2020. 532 с.
25. Третий международный конгресс по иранскому искусству и археологии (1935 г.) // Архив Российской академии наук. Санкт-Петербургский филиал. URL: <http://ranar.spb.ru/rus/vystavki/id/671/> (дата обращения: 08.07.2021).
26. Coll 28/97(1). Persia. Diaries. Tehran Intelligence Summaries // British Library: India Office Records and Private Papers, IOR/L/PS/12/3503 // Qatar Digital Library. URL: https://www.qdl.qa/archive/81055/vdc_100000000648.0x00003e (accessed: 09.07.2021).
27. Каменева М. Вторая мировая война и национально-культурное развитие Ирана // *Иран и вторая мировая война : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения*. М., 2011. С. 42–45.
28. Арианрад А. Общество культурных связей Ирана и СССР // *Вестник истории международных отношений*. 1396 (2017). № 70. С. 43–62. (на перс. яз.)
29. Matin-Asgari A. Both Eastern and Western: An Intellectual History of Iranian Modernity. Cambridge : Cambridge University Press, 2018. 370 p.
30. Шейххани М. Общество культуры, попавшее в капкан политики (на перс. яз.). URL: <http://www.iichs.ir/s/8421> (дата обращения: 08.07.2021).
31. Четвертая художественная выставка Общества советско-иранской дружбы // *Пайам-е ноу*. 1332. № 8-9. (на перс. яз.). URL: <http://ensani.ir/file/download/article/20120514083152-7024-43.pdf> (дата обращения: 08.07.2021).
32. Coll 28/116. Persia (Iran). Isfahan – Consular situation reports [7r] (13/876) // British Library: India Office Records and Private Papers, IOR/L/PS/12/3529 // Qatar Digital Library. URL: https://www.qdl.qa/archive/81055/vdc_100080345027.0x00000e (accessed: 09.07.2021).
33. Iran : Report. 1947. Aug. 1. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp78-01617a001400070001-8> (accessed: 06.07.2021). L. 8.
34. Pickett J. Soviet Civilization through a Persian Lens: Iranian Intellectuals, Cultural Diplomacy and Socialist Modernity 1941–55 // *Iranian Studies*. 2015. Vol. 48 (5). P. 805–826.
35. Decree by the USSR Council of People's Commissars on Establishing a School in Tabriz. 1944. June 24 / obtained for CWIHP by J. Hasanli and translated for CWIHP by G. Goldberg // History and Public Policy Program Digital Archive, GAPPOD. F. 1. Op. 89. D. 79. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/120517> (accessed: 07.07.2021).
36. Открытие русской больницы в Тегеране // *Иранское студенческое новостное агентство*. (на перс. яз.). URL: <https://tinyurl.com/eftetah-i-bimarestan> (дата обращения: 03.07.2021).
37. Letter to Nikolai Aleksandrovich. 1945. July / contributed by J. Hasanli and translated by G. Goldberg // History and Public Policy Program Digital Archive, GAPPOD. F. 1. Op. 89. D. 106. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/120498> (accessed: 07.07.2021).
38. Report to V.M. Molotov on Fascist Vandalism in Tehran. 1952. Aug. 16 / obtained by J. Hasanli and translated for CWIHP by G. Goldberg // History and Public Policy Program Digital Archive, RGASPI. F. 82. Op. 2. D. 1219. L. 112–113. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/119170> (accessed: 07.07.2021).

References

1. Arabadzhyan, Z.A. (2018) *Iran ot revolyutsii do revolyutsii (istoriya v litsakh)* [Iran from revolution to revolution (history in faces)]. Moscow: T-vo nauchnykh izdaniy KMK.
2. Rumyantsev, V.P. (2015) Between reforms and repressions: the evolution of American-Iranian relations in the 19th – first half of the 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 397. pp. 161–166. (In Russian).
3. Rostam-Kolayi, J. (2008) From Evangelizing to Modernizing Iranians: The American Presbyterian Mission and Its Iranian Students. *Iranian Studies*. 41(2). pp. 213–239.
4. Yungblud, V.T. (2014) *Vstrechnymi kursami: politika SSSR i SShA na Balkanakh, Blizhnem i Srednem Vostoke v 1939–1947 gg.* [On opposite courses: the policy of the USSR and the USA in the Balkans, the Near and Middle East in 1939–1947]. Kirov: VyatGGU.
5. Chuchkalov, A.V. (2006) Amerikanskaya diplomatiya i zakrytie shkol presviterianskoy obrazovatel'noy missii v Irane (avgust 1939 – yanvar' 1942 gg.) [American diplomacy and the closure of schools of the Presbyterian educational mission in Iran (August 1939 – January 1942)]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 14. pp. 222–232.
6. Fatkhi, K. & Rashidpur, A. (1385/2006) Kul'turnye otnosheniya Irana i SShA s shakhrivara 1320 g. do perevorota 28 mordada 1332 g. [Cultural relations between Iran and the USA from Shahrivar 1320 to the coup of 28 Mordad 1332]. *Vestnik istorii mezhdunarodnykh otnosheniy*. 29. pp. 196–236. (In Persian).
7. Foreign Relations of the United States (FRUS). (1951) 1941: *The British Commonwealth, The Soviet Union, The Near East and Africa*. Vol. 3. Washington DC: United States Government Printing Office.
8. Arianrad, A. (1396/2017) Obshchestvo kul'turnykh svyazey Irana i SSSR [Society for Cultural Relations of Iran and the USSR]. *Vestnik istorii mezhdunarodnykh otnosheniy*. 70. pp. 43–62. (In Persian).
9. Qatar Digital Library. (n.d.) *Ext 5000/41(10) Persia-Internal Situation. Supply of information to the Viceroy*. British Library: India Office Records and Private Papers, IOR/L/PS/12/560 // [Online] Available from: https://www.qdl.qa/archive/81055/vdc_100000000517.0x000115 (Accessed: 8th July 2021).
10. Kirasirova, M. (2017) My Enemy's Enemy: Consequences of the CIA Operation against Abulqasim Lahuti, 1953–54. *Iranian Studies*. 50(3). pp. 439–465.
11. Mossaki, N. & Ravandi-Fadai, L. (2018) A Guarded Courtship: Soviet Cultural Diplomacy in Iran from the Late 1940s to the 1960s. *Iranian Studies*. 51(3). pp. 427–454.
12. United States Embassy. (1952) *Iran Cable from Loy Henderson to the Department of State*. 1952. May 2. National Archives. Record Group 59. Records of the Department of State. Decimal Files, 1950–1954. [Online] Available from: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB78/propaganda%20061.pdf> (Accessed: 7th July 2021).
13. USA. (1949) *United States International Information and Educational Exchange Program: Semi-annual Report of the Secretary of State to Congress*. United States. Dept. of State. July.
14. History and Public Policy Program Digital Archive, RGASPI. (1951) *Report to I.V. Stalin on Possible Visit of the Iranian Shah to Moscow*. 1951. January / obtained by J. Hasanli and translated for CWHIP by G. Goldberg. Fund 82. List 2. File 1219. pp. 31–33. [Online] Available from: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/119161> (Accessed: 7th July 2021).
15. United States Embassy. (1953) *Iran Despatch from Loy Henderson to the Department of State. Attaching Memorandum Entitled 'Report on the Use of Anti-Soviet Material within Iran during Period Covered by Last Two Years'*. May 29. National Archives. Record Group 59. Records of the Department of State. Decimal Files, 1950–1954. [Online] Available from: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB78/propaganda%20096.pdf> (Accessed: 7th July 2021).
16. United States Embassy. (1950a) *Iran Cable from Henry F. Grady to the Department of State. Proposed New Program for USIE, Iran*. 1950. July 6. National Archives. Record Group 59. Records of the Department of State. Decimal Files, 1950–1954. [Online] Available from: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB78/propaganda%20006.pdf> (Accessed: 8th July 2021).
17. United States Embassy. (1950b) *Soviet Union Cable from Alan G. Kirk to the Department of State*. 1950. August 19. National Archives. Record Group 59. Records of the Department of State. Decimal Files, 1950–1954. [Online] Available from: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB78/propaganda%20007.pdf> (Accessed: 8th July 2021).
18. USA. (1950) *Current Iranian Problem: Central Intelligence Agency Intelligence Memorandum, Number 332*. 1950. September 20. Harry S. Truman: library & museum. [Online] Available from: <https://www.trumanlibrary.gov/library/research-files/central-intelligence-agency-intelligence-memorandum-number-332-current> (Accessed: 8th July 2021).
19. United States Embassy. (1950c) *Iran Cable from Edward C. Wells to the Department of State. Motion Pictures – Pro-Soviet Feature Film North Star*. 1950. December 28. National Archives. Record Group 59. Records of the Department of State. Decimal Files, 1950–1954. [Online] Available from: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB78/propaganda%20012.pdf> (Accessed: 8th July 2021).
20. Krenn, M.L. (2017) *The History of United States Cultural Diplomacy: 1770 to the Present Day*. London: Bloomsbury Academic.
21. Khushang-Makhdavi, A. (1355) *Istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy Irana s nachala pravleniya Sefevidov do kontsa Vtoroy mirovoy voyny (1500–1945 gg.)* [History of Iran's International Relations from the Beginning of the Safavid Rule to the End of World War II (1500–1945)]. Tegeran: [s.n.]. (In Persian).
22. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-5283. List 1a. File 67, 78, 243.
23. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-5283. List 4. File 148, 242.
24. Atabaki, T. & Ravandi-Fadai, L. (2020) *Zhertvy vremeni: zhizn' i sud'ba iranskikh politicheskikh deyateley i trudovykh migrantov v mezhozennoy period* [Victims of Time: The life and fate of Iranian political figures and labor migrants in the interwar period]. 2nd ed. Moscow: RAS; Izdatel' Vorob'ev A.V.
25. The Archives of the Russian Academy of Sciences. (1935) *Tretiy mezhdunarodnyy kongress po iranskomu iskusstvu i arkhologii (1935 g.)* [The Third International Congress on Iranian Art and Archaeology]. [Online] Available from: <http://ranar.spb.ru/rus/vystavki/id/671/> (Accessed: 8th July 2021).
26. Qatar Digital Library. (n.d.) *Coll 28/97(1). Persia. Diaries. Tehran Intelligence Summaries*. British Library: India Office Records and Private Papers, IOR/L/PS/12/3503 [Online] Available from: https://www.qdl.qa/archive/81055/vdc_1000000000648.0x00003e (Accessed: 9th July 2021).
27. Kameneva, M. (2011) Vtoraya mirovaya voyna i natsional'no-kul'turnoe razvitiye Irana [World War II and the National-Cultural Development of Iran]. In: *Iran i vtoraya mirovaya voyna [Iran and World War II]*. Moscow: RAS. pp. 42–45.
28. Arianrad, A. (1396/2017) Obshchestvo kul'turnykh svyazey Irana i SSSR [Society for Cultural Relations of Iran and the USSR]. *Vestnik istorii mezhdunarodnykh otnosheniy*. 70. pp. 43–62. (In Persian).
29. Matin-Asgari, A. (2018) *Both Eastern and Western: An Intellectual History of Iranian Modernity*. Cambridge: Cambridge University Press.
30. Sheykhan, M. (n.d.) *Obshchestvo kul'tury, popavshee v kapkan politiki* [Cultural Society Trapped in Politics]. [Online] Available from: <http://www.iichs.ir/s/8421> (Accessed: 8th July 2021). (In Persian).
31. Anon. (1332) Chetvertaya khudozhestvennaya vystavka Obshchestva sovetsko-iranskoy družby [The Fourth Art Exhibition of the Soviet-Iranian Friendship Society]. *Payam-e nou*. 8–9. [Online] Available from: <http://ensani.ir/file/download/article/20120514083152-7024-43.pdf> (Accessed: 8th July 2021). (In Persian).

32. Qatar Digital Library. (n.d.) *Coll 28/116. Persia (Iran). Isfahan – Consular situation reports [7r] (13/876)*. British Library: India Office Records and Private Papers, IOR/L/PS/12/3529. [Online] Available from: https://www.qdl.qa/archive/81055/vdc_100080345027.0x00000e (Accessed: 9th July 2021).
33. CIA. (1947) *Iran: Report. 1947. August 1.* p. 8. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp78-01617a001400070001-8> (Accessed: 6th July 2021).
34. Pickett, J. (2015) Soviet Civilization through a Persian Lens: Iranian Intellectuals, Cultural Diplomacy and Socialist Modernity 1941–55. *Iranian Studies*. 48(5). pp. 805–826.
35. History and Public Policy Program Digital Archive, GAPPOD. (1944) *Decree by the USSR Council of People's Commissars on Establishing a School in Tabriz. 1944. June 24 / obtained for CWIHP by J. Hasanli and translated for CWIHP by G. Goldberg*. Fund 1. List 89. File 79. [Online] Available from: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/120517> (Accessed: 7th July 2021).
36. Iranian Student News Agency. (n.d.) *Otkrytie russkoy bol'nitsy v Tegerane* [Opening of a Russian Hospital in Tehran]. [Online] Available from: <https://tinyurl.com/eftetah-i-bimarestan> (Accessed: 3rd July 2021).
37. History and Public Policy Program Digital Archive, GAPPOD. (1945) *Letter to Nikolai Aleksandrovich. 1945. July. Contributed by J. Hasanli and translated by G. Goldberg*. Fund 1. List 89. File 106. [Online] Available from: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/120498> (Accessed: 7th July 2021).
38. History and Public Policy Program Digital Archive, RGASPI. (1952) *Report to V.M. Molotov on Fascist Vandalism in Tehran. 1952. Aug. 16. Obtained by J. Hasanli and translated for CWIHP by G. Goldberg*. Fund 82. List 2. File 1219. pp. 112–113. [Online] Available from: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/119170> (Accessed: 7th July 2021).

Сведения об авторе:

Сурков Максим Юрьевич – аспирант кафедры истории России исторического факультета Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: surkov.maksim@urfu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Surkov Maxim Yu. – Postgraduate Student at the Department of History of Russia of the Faculty of History Ural Institute for the Humanities, Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: surkov.maksim@urfu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.08.2021; принята к публикации 15.05.2025

The article was submitted 25.08.2021; accepted for publication 15.05.2025

Научная статья
УДК 94(575.1)
doi: 10.17223/19988613/95/17

Развитие филиалов зарубежных вузов в Узбекистане при Президенте Ш.М. Мирзиёеве

Олим Таиркулович Турдикулов¹, Алишер Гаффарович Муминов²

¹ Томский государственный университет, Томск, Россия

² Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан

¹ olim.tairkulovich@gmail.com

² alisher.nuuz@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены особенности филиалов зарубежных вузов в Узбекистане, открытие которых является одним из ключевых инструментов интернационализации высшего образования страны. Проведен анализ государственной политики, направленной на развитие филиалов зарубежных вузов, включая выявление целей и мер поддержки. Исследована динамика ключевых параметров работы филиалов зарубежных вузов: количество филиалов, набор, направления подготовки, внутренняя и внешняя география и др. Выделены основные проблемы, с которыми сталкиваются филиалы зарубежных вузов и сам Узбекистан в качестве страны, принимающей зарубежные вузы.

Ключевые слова: филиалы зарубежных вузов, интернационализация, высшее образование, Узбекистан, Россия

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10036, <https://rscf.ru/project/23-78-10036/>

Для цитирования: Турдикулов О.Т., Муминов А.Г. Развитие филиалов зарубежных вузов в Узбекистане при Президенте Ш.М. Мирзиёеве // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 95. С. 130–139. doi: 10.17223/19988613/95/17

Original article

Development of international branch campuses in Uzbekistan under President Sh.M. Mirziyoyev

Olim T. Turdikulov¹, Alisher G. Muminov²

¹ Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

² National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Republic of Uzbekistan

¹ olim.tairkulovich@gmail.com

² alisher.nuuz@gmail.com

Abstract. This research aims to identify the features of international branch campuses (IBCs) in Uzbekistan, recognized as a key instrument of the state policy for the internationalization of higher education to enhance its quality, coverage, and competitiveness. The study is based on the analysis of strategic documents of the Republic of Uzbekistan in the field of higher education, legislative acts, statistical data from the Uzbekistan Agency of Statistics, information from the Ministry of Higher Education, Science, and Innovation of the Republic of Uzbekistan, as well as research works by experts in this field.

The research revealed that IBCs have become an important tool for the internationalization of higher education in Uzbekistan. This is supported by indicators in this field for the years 2016–2023. For example, during this period, the number of IBCs in the country increased from 7 to 30, the number of educational programs/specialties rose from 80 to 161, and the number of students grew from approximately 8 000 to 33 375. Moreover, while before 2016, IBCs were located only in the capital, in recent years, they have spread to five more regions of the republic. The external geography of the IBCs has also diversified, with their number increasing from 5 countries to 12. Thus, the development of IBCs represents a strategic step towards modernizing higher education in Uzbekistan, providing more accessible education, enhancing the qualification of personnel, fostering a competitive educational environment, developing partnerships, and stimulating investments in the education sector.

Additionally, the main problems faced by the IBCs and Uzbekistan as the host country of foreign universities were identified. These include cultural and language differences, the specifics of the educational system, the accreditation system, disparities in educational standards, and other challenges.

Keywords: international branch campuses, internationalization, higher education, Uzbekistan, Russia

Acknowledgements: The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation, Project № 23-78-10036, <https://rscf.ru/en/project/23-78-10036/>

For citation: Turdikulov, O.T., Muminov, A.G. (2025) Development of international branch campuses in Uzbekistan under President Sh.M. Mirziyoyev. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 95. pp. 130–139. doi: 10.17223/19988613/95/17

Введение

После прихода к власти в 2016 г. новый глава государства Ш.М. Мирзиёев начал широкомасштабные реформы в различных областях, включая систему высшего образования страны. В отличие от предыдущего периода, нынешние власти Узбекистана сделали ставку на форсированную, масштабную интернационализацию высшего образования как способ увеличения его доступности, качества, международной конкурентоспособности. Одним из приоритетных механизмов интернационализации стало открытие филиалов зарубежных вузов (ФЗВ). Данный механизм получил определенное развитие при первом президенте Узбекистана И.А. Каримове: в 2002–2014 гг. в Узбекистане было открыто 7 филиалов зарубежных вузов. Однако на современном этапе государственный курс на привлечение зарубежных вузов в Узбекистан стал намного более интенсивным по масштабу и времени реализации: за 2018–2022 гг. количество филиалов в стране увеличилось с 7 до 30, что стало беспрецедентным для стран Центральной Азии. Более того, в планы руководства Узбекистана входит довести количество филиалов вузов до 45 к 2030 г.

Цель данного исследования – выявление особенностей филиалов зарубежных вузов в Узбекистане и их роли в развитии системы высшего образования страны. Для достижения данной цели в работе поставлены следующие задачи:

- проанализировать цели государственной политики Узбекистана в отношении филиалов зарубежных вузов, особенности правового регулирования и меры поддержки их открытия;
- рассмотреть динамику развития филиальной сети зарубежных вузов по таким параметрам, как набор студентов, количество обучающихся, уровни образования, области знаний, география партнеров, языковой аспект, управление и стоимость обучения;
- выявить основные проблемы, с которыми сталкиваются филиалы зарубежных вузов в Узбекистане и сам Узбекистан в качестве страны, принимающей зарубежные вузы.

Государственные цели и меры поддержки

Мировой опыт свидетельствует, что развивающиеся страны являются основными государствами, принимающими зарубежные высшие учебные заведения. По мнению Р. Гаррота и соавт., у таких стран-импортеров есть три основных мотива для создания филиалов зарубежных университетов:

- повышение конкурентоспособности экономики страны;
- обеспечение контроля над «мягкой силой» по отношению к себе;

– международное признание национальной системы образования [1].

Не отрицая данные цели, Узбекистан также имеет свои стратегические цели в отношении создания ФЗВ в стране, которые нашли отражение в стратегических и других государственных документах, связанных со сферой высшего образования. В принятой в 2019 г. Концепции развития системы высшего образования Республики Узбекистан до 2030 года создание филиалов престижных зарубежных учебных заведений связывается с достижением в том числе следующих задач:

- создание конкурентоспособной среды в высшем образовании;
- расширение охвата высшим образованием (до 50%);
- повышение качества подготовки высококвалифицированных кадров;
- развитие государственно-частного партнерства в сфере высшего образования;
- привлечение инвестиций в образование [2].

В Концепции также были установлены следующие показатели в отношении количества ФЗВ: 23 филиала в 2019 г., 26 в 2020 г., 31 в 2023 г., 36 в 2025 г., 45 в 2030 г. [2] Можно сказать, что Узбекистан на сегодняшний день почти полностью выполняет намеченные планы.

Для достижения показателей был принят ряд мер по поддержке деятельности ФЗВ в Узбекистане. Первой из них стало постановление Президента Республики Узбекистан от 29 декабря 2017 г. № ПП-3454 «О прогнозе основных макроэкономических показателей и параметрах государственного бюджета Республики Узбекистан на 2018 год». В данном постановлении было определено, что иностранные высшие учебные заведения, аккредитованные в Республике Узбекистан, освобождаются от всех видов налогов и сборов на пятилетний период [3]. В 2019 г. был принят указ Президента Республики Узбекистан № УП-5635 «О государственной программе по реализации стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах в “Год активных инвестиций и социального развития”», в котором предусмотрены специальные поручения соответствующим министерствам и ведомствам для создания филиалов высших учебных заведений зарубежных стран (приведен список из четырех таких учреждений) [4].

В 2019 г. было принято постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-4391 «О мерах по внедрению новых принципов управления в систему высшего и среднего специального образования». В данном постановлении предусмотрено освобождение от уплаты всех видов налогов на доходы, полученные в ходе осуществления образовательной деятельности вузов на территории Республики Узбекистан. Также в постановлении предусмотрено освобождение от единого социального платежа в части фонда оплаты труда ино-

странных работников для зарубежных высших образовательных учреждений, осуществляющих подготовку кадров в рамках совместных программ, а также филиалов (центров) в соответствии с взаимными соглашениями с высшими образовательными учреждениями в Республике Узбекистан. Эти освобождения будут действовать до 2025 г. [5]. Данное обстоятельство свидетельствует о практическом продлении сроков реализации Постановления Президента Республики Узбекистан № ПП-3454, принятого в 2017 г., на дополнительные два года.

В 2022 г. было принято постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-279 «Об организации приема на учебу в государственные высшие образовательные учреждения». Согласно постановлению, начиная с 2022–2023 учебного года для подготовки кадров в иностранных и негосударственных организациях высшего образования, действующих в стране, на основе государственного гранта (т.е. на бюджетной основе) будет выделяться 1 000 мест. Это мероприятие направлено на укрепление доверия и интереса общества к ФЗВ [6].

Кроме того, поддержка открытия ФЗВ осуществляется за счет передачи им принадлежащих государству помещений под корпуса, привлечения государственных компаний, заинтересованных в их выпускниках, в качестве спонсоров развития материально-технической базы и промышленных партнеров.

Динамика ФЗВ

В 2016 г. количество ФЗВ в Узбекистане составляло 7, или 9% от общего числа вузов в стране (77 вузов) [7]. За период правления нового президента Узбекистана Ш.М. Мирзиёева наблюдается бурный рост количества всех типов вузов в стране. За последние семь лет общее число вузов выросло почти в три раза, при этом количество ФЗВ выросло более чем в 4 раза (рис. 1).

В табл. 1 приведены данные по каждому открытому филиалу. Основное количество новых ФЗВ было открыто в 2018–2021 гг. В 2022 г. был открыт только один филиал.

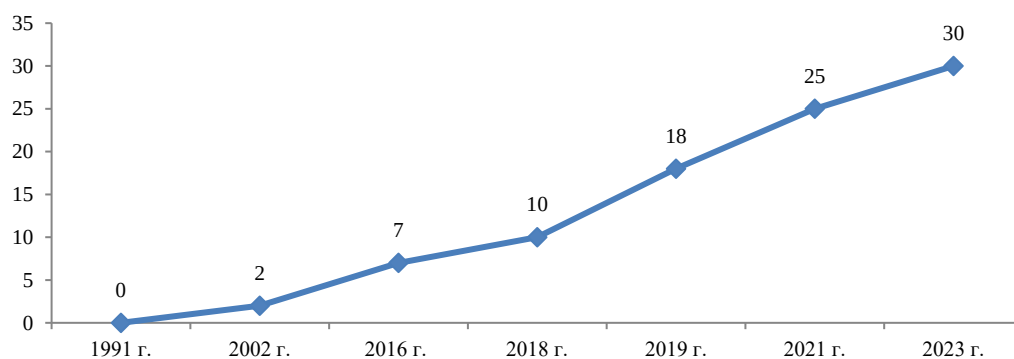

Рис. 1. Динамика роста количества ФЗВ в Узбекистане (1991–2023) [7–10].
Показатели даны по годам начала приема студентов в ФЗВ

Таблица 1

Филиалы зарубежных университетов, открытые в Узбекистане (на декабрь 2023 года) [9, 11]

№	Филиалы зарубежных вузов	Год ¹	Страна	Кол-во студентов ³
1	Ташкентский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова	2002	Россия	810
2	Ташкентский филиал Международного Вестминстерского университета	2002	Великобритания	4 442
3	Ташкентский филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова	2006	Россия	811
4	Ташкентский филиал Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина	2007	Россия	751
5	Сингапурский институт развития менеджмента в Ташкенте	2007	Сингапур	4 528
6	Ташкентский филиал Туринского политехнического университета	2009	Италия	2 598
7	Ташкентский филиал Университета Инха	2014	Юж. Корея	1 668
8	Bucheon University в г. Ташкенте	2018	Юж. Корея	1 832
9	Университет Аджу в г. Ташкенте	2018	Юж. Корея	1 465
10	Ташкентский филиал Российского национального исследовательского ядерного университета «МИФИ»	2018	Россия	261
11	Филиал Национального исследовательского технологического университета «МИСиС» в г. Алматы	2018	Россия	854
12	Филиал Высшей школы менеджмента информационных систем в г. Фергане	2018	Латвия	188
13	Университет Шарда в Узбекистане	2019	Индия	650
14	Филиал Астраханского государственного технического университета в Ташкентской области	2019	Россия	1 123
15	Университет Амита в г. Ташкенте	2019	Индия	451
16	Центр реализации образовательных программ «Webster University» в г. Ташкенте	2019	США	4 548
17	Ташкентский филиал Национального исследовательского университета «МЭИ»	2019	Россия	1 004

Окончание табл. 1

18	Филиал Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева в г. Ташкенте	2019	Россия	570
19	Белорусско-Узбекский институт межотраслевых прикладных технических квалификаций в г. Ташкенте	2019	Беларусь	1 585
20	Ташкентский филиал Московского государственного института международных отношений (университет МГИМО)	2019	Россия	454
21	Филиал Турецкого университета экономики и технологий TOBB ETÜ Tashkent	2020	Турция	162
22	Международный университет “Vinaгу” в г. Ургенч ²	2020	Малайзия	0
23	Ташкентский филиал Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена	2020	Россия	821
24	Филиал Санкт-Петербургского государственного университета в г. Ташкента	2021	Россия	23
25	Андижанский филиал Варшавского университета управления “Collegium Humanum”	2021	Польша	377
26	Ташкентский филиал Пизанского университета	2021	Италия	97
27	Ташкентский филиал Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова	2021	Россия	229
28	Джизакский филиал Казанского федерального университета	2021	Россия	642
29	Ташкентский филиал Российского национального исследовательского медицинского университета им. Н.И. Пирогова	2021	Россия	0
30	Международный сельскохозяйственный университет	2022	Великобритания	431
	Всего			33 375

Примечания. ¹ Год открытия ФЗВ отображает год принятия решения об их открытии. ² По информации Министерства высшего образования, науки и инноваций Республики Узбекистан от 10.02.2024 г., лицензия вуза приостановлена [10]. ³ Данные получены из информационной системы NEMIS в режиме реального времени (на 08.02.2024)

Правила приема

Параметры приема в ФЗВ реализуются по-иному, чем в государственных вузах. Эти параметры, включая квоту, условия приема, порядок отбора, размер контрактной оплаты и язык обучения, согласовываются с «головным» вузом филиала и утверждаются Попечительским советом филиала [6].

В ФЗВ на одно место претендуют от 2 до 7 абитуриентов, в то время как в столичных государственных вузах в 2018 г. этот показатель колебался от 4 до 12 человек. Общее количество квот по всем ФЗВ, по данным 2018 г., составляло всего 5% от общего числа квот в государственных вузах. Низкий уровень конкуренции между абитуриентами в ФЗВ объясняется преимущественно двумя факторами: языком и стоимостью обучения [12].

Также начиная с 2022–2023 учебного года выделяется 1 000 мест для подготовки кадров на основе государственного гранта в зарубежных университетах и их филиалах, в частных вузах, действующих в стране. Министерство высшего образования, науки и инноваций является государственным заказчиком подготовки кадров на основе государственного гранта в зарубеж-

ных и негосударственных высших образовательных организациях, осуществляющих деятельность в стране. После окончания вступительных экзаменов в ФЗВ, осуществляющих деятельность в республике, в месячный срок в соответствии с последовательностью баллов между студентом, набравшим наибольшее количество баллов и изъявившим желание получить государственный грант, соответствующей высшей образовательной организацией и Министерством высшего образования, науки и инноваций заключается трехсторонний договор. При этом продолжительность обязательства отработки студента устанавливается государственным заказчиком с учетом специфики направления образования [6].

Количество студентов

Согласно данным Минвуза Узбекистана, количество студентов, обучающихся в ФЗВ в 2023–2024 учебном году, составляет 33 375 человек, или 2,5% от общего числа студентов в стране. Этот показатель практически не отличается от данных 2016 г/ [13], поскольку, как уже отмечалось выше, количество и возможности приема в других типах вузов (государственных и частных) также увеличились в несколько раз.

Таблица 2

Численность студентов в ФЗВ Узбекистана (на 08.02.2024) [9]

По типам вузов	Всего	Государственный		Частный		ФЗВ
	1 337 569	998 190		306 458		
По уровню образования	Бакалавриат	Магистратура		Ординатура		
	30 961	1 960		0		
По формам оплаты	Бюджет			Платно		
	3 690			29 231		
По полу	Муж.			Жен.		
	20 531 (62%)			12 390 (38%)		
По формам обучения	Очно	Заочно	Вечер.	Дистанц.	СОП	
	27 775	3 296	349	36	1 465	
По курсам	1-й курс	2-й курс	3-й курс	4-й курс	5–6-й курсы	
	15 722	7 909	6 182	2 959	149	

Примечание. Данные получены из информационной системы NEMIS в режиме реального времени. ¹ На сайте Минвуза Узбекистана отсутствует информация о численности студентов Ташкентского филиала МГИМО в различных разрезах, не считая общего количества.

Анализ численности студентов в ФЗВ Узбекистана на февраль 2024 г. показывает, что основную массу студентов представляют бакалавры, что подчеркивает актуальность и востребованность программ бакалавриата в этих образовательных учреждениях. Анализ форм оплаты обучения свидетельствует, что 89% студентов оплачивают обучение самостоятельно, что может говорить о финансовой устойчивости этих филиалов. Анализ по формам обучения демонстрирует, что студенты проявляют интерес к разным формам обучения, однако наблюдается абсолютное предпочтение очной формы. Полученная обширная информация является важ-

ным элементом для понимания текущего состояния системы высшего образования в стране и может служить основой для формирования стратегий развития данного сегмента образования (табл. 2).

Среди ФЗВ в Узбекистане доля российских вузов составляет 46,7%, а количество студентов в них – 25%. Непропорциональность в 21,7% указывает на то, что, несмотря на значительное количество филиалов российских вузов в Узбекистане, количество студентов в них ниже, чем в филиалах университетов других стран, таких как Южная Корея, Великобритания, США, Сингапур, Италия и Беларусь (табл. 3).

Таблица 3

Численность студентов в ФЗВ в разбивке по странам [9]

№	Страны с филиалами вузов в Узбекистане	Количество вузов	Количество студентов	В %
1	Россия	14	8 353	25
2	Южная Корея	3	4 965	14,9
3	Великобритания	2	4 873	14,6
4	США	1	4 548	13,6
5	Сингапур	1	4 528	13,5
6	Италия	2	2 695	8,1
7	Беларусь	1	1 585	4,8
8	Индия	2	1 101	3,3
9	Польша	1	377	1,1
10	Латвия	1	188	0,6
11	Турция	1	162	0,5
	Всего	29	33 375	100

Качество обучения

Повышение качества образования и подготовка конкурентоспособных кадров в Узбекистане стали приоритетом с 2017 г. Это отчетливо проявляется в содержании стратегических документов последних лет: Стратегии действий Республики Узбекистан на 2017–2021 гг., Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы, Стратегии Узбекистан – 2030 и Концепции развития системы высшего образования Республики Узбекистан до 2030 года. Эта тенденция изучается в научных работах исследователей в данной области [14].

Обучение в ФЗВ таких стран, как Россия, Великобритания, Южная Корея, Италия и Сингапур, присутствующих на рынке высшего образования страны, все-

гда считалось весьма престижным среди абитуриентов и их родителей. Кроме того, качество кадров, подготовленных ФЗВ за последние 15 лет правления первого президента Узбекистана И. Каримова, выступало эффективной рекомендацией для развития этого направления на новом этапе.

Однако есть ФЗВ, который за прошедший период продемонстрировал отрицательные результаты в области образования и в итоге был лишен лицензии на осуществление деятельности. Речь идет о Малайзийском международном университете Binary в г. Ургенче. В 2020 г. этому университету было разрешено вести деятельность в Узбекистане, однако в январе 2024 г. его функционирование было прекращено на основании решения суда [12].

Таблица 4

Зарубежные вузы в глобальном рейтинге Quacquarelli Symonds, которые имеют филиалы в Узбекистане (рейтинг на 2024 г.) [15]

№	Вузы с филиалами в Узбекистане	Место в глобальном рейтинге QS
1	Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова	87
2	Санкт-Петербургский государственный университет	315
3	Пизанский университет	349
4	Казанский (Приволжский) федеральный университет	396
5	Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»	461
6	Московский государственный институт международных отношений (МГИМО)	526
7	Ajou university	631
8	Национальный исследовательский технологический университет МИСиС	681
9	Inha university	691
10	University of Westminster	711
11	Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова	791
12	Amity university	1 001
13	Национальный исследовательский университет «МЭИ»	1 200
14	Российский химико-технологический университет имени Д. И. Менделеева	1 200
15	Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена	1 200

По состоянию на март 2024 г. из 29 действующих ФЗВ в Узбекистане 15 являются филиалами учебных заведений, включенных в мировой рейтинг Quacquarelli Symonds (QS) 2024 (табл. 4). Один из них, Sharda University (Индия), занимает в региональном рейтинге QS Asia 750-е место. Остальные 13 филиалов принадлежат высшим учебным заведениям, не входящим в глобальный университетский рейтинг.

Направления / специальности подготовки

Динамика количества образовательных программ и специальностей показывает рост по всем уровням образования. Так, за последние 7 лет количество направле-

ний бакалавриата в ФЗВ увеличилось в 2,3 раза (или на 234%), общее количество специальностей магистратуры возросло в 1,2 раза (или на 128%). Общее количество направлений и специальностей увеличилось с 80 (в 2016 г.) до 161 (в 2023 г.), т.е. прирост составил более 200%. Это составляет 10% от общего числа направлений и специальностей вузов в Узбекистане (табл. 5).

С целью определения приоритетных направлений и специальностей, предпочтительных для ФЗВ в Узбекистане, проведен анализ эволюции в разрезе области знаний до и после 2017 г. Результаты анализа свидетельствуют о динамике изменений в структуре образовательных программ.

Таблица 5

Динамика развития направлений / специальностей в ФЗВ в Узбекистане (на 08.02.2024)

Показатели	Бакалавриат	Магистратура	Всего
Рост в 1991–2016 гг.	55	25	80
Рост в 2017–2023 гг.	129	32	161
Число направлений и специализаций в ФЗВ	184	57	241
Во всех вузах страны [9]	1 629	791	2 420

Примечание. Таблица составлена на основе информации, полученной с официальных сайтов ФЗВ в Узбекистане на 07.02.2024.

Таблица 6

Распределение направлений / специальностей филиалов зарубежных вузов в Узбекистане по областям знаний за период с 2016 по 2023 г.

Области знание	Бакалавриат				Магистратура			
	2016/2017		2023/2024		2016/2017		2023/2024	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Гуманитарная сфера, искусства и образования	5	9	42	22,8	8	32	16	28
Социальная сфера, экономика и право	33	60	70	38	15	60	35	61
Производственно-техническая сфера	17	31	49	26,7	2	8	5	9
Сельское и водное хозяйство	0	0	7	3,8	0	0	0	0
Здравоохранение и социальное обеспечение	0	0	11	6	0	0	0	0
Сфера услуг	0	0	5	2,7	0	0	1	2
Всего	55	100	184	100	25	100	57	100

Примечание. Таблица составлена на основе информации, полученной с официальных сайтов филиалов зарубежных вузов в Узбекистане на 07.02.2024.

Среди направлений бакалавриата выявлено снижение в областях «Социальная сфера, экономика и право» и «Производственно-техническая сфера», в то время как «Гуманитарная сфера, искусства и образование» демонстрирует увеличение. Новые направления, такие как «Сельское и водное хозяйство», «Здравоохранение и социальное обеспечение» и «Сфера услуг», становятся более привлекательными для ФЗВ. В программах магистратуры наблюдается уменьшение специальностей в области «Гуманитарная сфера, искусства и образование» и рост в сфере «Социальная сфера, экономика и право», при этом появилась новое направление – «Сфера услуг». Эти изменения свидетельствуют о стремлении ФЗВ адаптировать свои образовательные программы под запросы рынка труда и социокультурные изменения в обществе (табл. 6).

Также одной из основных причин создания ФЗВ в Узбекистане стало реформирование отраслей промышленности и подготовка кадров для передовых секторов экономики. Первоочередной потребностью стала подготовка специалистов для современных энергетических, промышленных, сельскохозяйственных,

образовательных и медицинских отраслей. Например, филиалы Российского государственного нефтегазового университета им. И.М. Губкина и Национального научно-исследовательского технологического университета «МИСиС» специализируются на развитии нефтегазовой и горнодобывающей промышленности, а филиал Туринского политехнического университета – на подготовке кадров для автомобильной промышленности Узбекистана [16].

Подписание соглашения о строительстве атомной электростанции между Россией и Узбекистаном в 2018 г. послужило толчком к открытию филиалов Российского национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» в 2018 г. и Национального исследовательского университета «МЭИ» в 2019 г. [17]. Эти и многие другие примеры свидетельствуют, что деятельность филиалов зарубежных университетов в Узбекистане направлена на подготовку конкурентоспособных кадров в сферах, определенных государством как стратегически важные для развития страны. Они также служат индикаторами приоритетных направлений развития Узбекистана.

География внутренняя и внешняя

Внутреннее географическое распределение ФЗВ в Узбекистане в период с 2016 по 2023 г. отражает значительный рост и разнообразие структуры образовательных учреждений. Первые зарубежные высшие учебные заведения были созданы еще в 2002 г. в Ташкенте, и в течение последующих 16 лет подобные учебные заведения не открывались в других регионах. Однако с 2018 г. началось открытие филиалов зару-

бежных вузов в Ташкентской, Андижанской, Ферганской, Хорезмской и Джизакской областях. Проведенный анализ показывает, что г. Ташкент во внутренней географии ФЗВ имеет явное преимущество по количеству зарубежных высших учебных заведений за рассматриваемый период. На 2023 г. 22 из 30, или 73%, таких образовательных учреждений, действующих в стране, было расположено в Ташкенте. Ташкентская и Андижанская области занимают второе и третье места по количеству филиалов (табл. 7).

Таблица 7

Географическое распределение ФЗВ внутри Узбекистана (2016-2023 гг.) [9]

№	Распределение ФЗВ по областям	2016/2017 уч. г.		2023/2024 уч. г.	
		кол-во	%	кол-во	%
1	г. Ташкент	7	100	22	73,4
2	Ташкентская обл.	—	—	3	10
3	Андижанская обл.	—	—	2	6,7
4	Ферганская обл.	—	—	1	3,3
5	Хорезмская обл.	—	—	1	3,3
6	Джизакская обл.	—	—	1	3,3
7	Бухарская обл.	—	—	—	—
8	Кашкадарьинская обл.	—	—	—	—
9	Навоийская обл.	—	—	—	—
10	Наманганская обл.	—	—	—	—
11	Самаркандская обл.	—	—	—	—
12	Сурхандарьинская обл.	—	—	—	—
13	Сырдарьинская обл.	—	—	—	—
14	СР Каракалпакстан	—	—	—	—
	Всего	7	100	30	100

Таблица 8

Географическое распределение ФЗВ Узбекистана по странам мира (2016-2023 гг.) [9]

№	Страны	2016/2017 уч. г.		2023/2024 уч. г.	
		Кол-во	в %	Кол-во	в %
1	Россия	3	42,8	14	46,7
2	Южная Корея	1	14,3	3	10
3	Великобритания	1	14,3	2	6,5
4	Италия	1	14,3	2	6,5
5	Индия	—	—	2	6,5
6	Сингапур	1	14,3	1	3,4
7	Латвия	—	—	1	3,4
8	США	—	—	1	3,4
9	Беларусь	—	—	1	3,4
10	Турция	—	—	1	3,4
11	Малайзия*	—	—	1	3,4
12	Польша	—	—	1	3,4
	Всего	7	100	30	100

Примечание. Таблица составлена на основе информации, полученной с официальных сайтов филиалов зарубежных вузов в Узбекистане на 07.02.2024.

Внешнее географическое распределение ФЗВ в Узбекистане также претерпело изменения в сторону расширения географии. Если до 2017 г. на рынке высшего образования страны присутствовали университеты только пяти стран, то на текущий момент их количество увеличилось за счет еще семи стран Европы и Азии. Проведенные исследования, направленные на анализ доли зарубежных вузов в образовательной системе страны, свидетельствуют, что среди них Россия занимает первое место с заметным отрывом. Российские университеты создали 14 из 30 филиалов зарубежных вузов в Узбекистане, или 46,7%. Остальные учебные заведения принадлежат пяти странам Азии (Южная Корея, Индия, Сингапур, Турция, Малайзия),

пяти странам Европы (Великобритания, Италия, Латвия, Белоруссия, Польша) и США (табл. 7)

Управление

Управление в ФЗВ в Узбекистане организуется с учетом их международного характера. Обычно такие филиалы имеют структуру управления, которая согласуется с политикой «головного» университета в стране-родителе. Типичные черты управления в подобных филиалах включают в себя согласование стратегических решений с головным университетом, управление финансовыми и административными аспектами, а также обеспечение соответствия программам и стандар-

там зарубежного университета. Кроме того, с учетом местных особенностей и законодательства управление филиалами может включать в себя взаимодействие с местными органами власти и обеспечение соблюдения требований в сфере образования Узбекистана.

Управление в ФЗВ Узбекистана частично регулируется рядом нормативных документов страны. В соответствии с установленным порядком ректор или директор, исполнительный директор ФЗВ назначается на должность и освобождается от занимаемой должности Кабинетом Министров по рекомендации руководителя соответствующего министерства и ведомства по подчиненности. Проректоры, заместители директора ФЗВ назначаются на должность и освобождаются от занимаемой должности руководителями соответствующих министерств и ведомств по подчиненности по рекомендации ректора высшего образовательного учреждения, при этом:

- кандидат на должность проректора по учебной, научной работе и инновациям (заместителя директора филиала) согласовывается с Министерством высшего образования, науки и инноваций Республики Узбекистан;

- кандидат на должность первого проректора (первого заместителя директора филиала) по вопросам молодежи и духовно-просветительской работе согласовывается с Министерством молодежной политики и спорта Республики Узбекистан [5].

Порядок внутреннего административного и академического управления в ФЗВ полностью автономен, однако должен соответствовать законодательству Узбекистана. Это обеспечивает взаимодействие между интересами зарубежных вузов и требованиями местного законодательства, обеспечивая высокий уровень образовательных стандартов и соответствие ФЗВ нормам и целям Республики Узбекистан.

Язык обучения

Основными языками обучения в ФЗВ являются русский (главным образом в российских вузах) и английский (в остальных случаях). Зачастую для поступления в вузы с английским языком обучения необходим сертификат IELTS с уровнем от 5,0 до 6,0, в зависимости от конкретного учебного заведения.

Использование иностранного языка, преимущественно русского или английского, в качестве основного средства обучения рассматривается как основополагающий фактор, влияющий на относительно невысокий интерес к зарубежным филиалам вузов. Существенная разница в спросе на подобные учебные заведения в сравнении с государственными и частными университетами страны объясняется главным образом требованиями к владению иностранными языками.

Анализ данных за последние 7 лет свидетельствует о практическом равенстве числа иностранных вузов, преподающих на русском и английском языках в Узбекистане. Однако отмечается увеличение интереса местных студентов к русскоязычным вузам, что связано с открытием новых филиалов российских университетов в Узбекистане за данный период.

Основные проблемы

Филиалы зарубежных вузов в Узбекистане и сам Узбекистан как страна, принимающая зарубежные вузы, сталкиваются с рядом общих проблем и препятствий, которые могут затруднить их успешное взаимодействие.

Проблемы иностранных филиалов в Узбекистане:

- Культурные и языковые различия: иностранные филиалы сталкиваются с вызовами культурной адаптации студентов и преподавателей, что может влиять на эффективность образовательного процесса.

- Финансовые ограничения и ресурсы: филиалы могут столкнуться с финансовыми трудностями из-за недостаточного финансирования со стороны родительского университета. Недостаток доступа к необходимым образовательным ресурсам и кадрам может оказать влияние на качество предоставляемых услуг.

- Специфика образовательной системы: иностранные университеты могут сталкиваться с трудностями в адаптации своих образовательных программ к местным требованиям.

- Соблюдение нормативов и правил: филиалы должны соответствовать местным законодательным нормативам и правилам, что может потребовать дополнительных усилий и адаптации.

- Конкуренция на рынке образования: иностранные филиалы могут конкурировать с местными университетами за студентов, что требует разработки эффективных стратегий привлечения.

Проблемы Узбекистана как страны, принимающей (импортирующей) ФЗВ:

- Социокультурные различия: различия в социокультурных нормах могут создавать проблемы взаимопонимания между иностранными университетами и местными обществами, образовательными структурами и государственными органами.

- Система аккредитации и поддержки: Узбекистан может столкнуться с вызовами в создании эффективной системы аккредитации и поддержки деятельности иностранных университетов.

- Диспропорция в образовательных стандартах выражается в расхождении между государственными и зарубежными образовательными стандартами, что в большинстве случаев приводит к их несоответствию. Это создает ситуацию, при которой в одной стране существует несколько образовательных стандартов.

- Управление качеством: гарантирование качества образования в иностранных филиалах может потребовать разработки эффективной системы управления и мониторинга.

Решение данных проблем требует внимательного взаимодействия между иностранными университетами и местными образовательными органами, а также стратегий, направленных на улучшение качества образовательного процесса и внедрение инноваций.

Выводы

ФЗВ в Узбекистане играют заметную роль в достижении важных стратегических задач в области

высшего образования страны. На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

– 55% ФЗВ, действующих в Узбекистане, являются подразделениями вузов, включенных в мировые и региональные рейтинги. Таким образом, через филиалы ведущие зарубежные вузы будут вносить свой вклад в формирование конкурентоспособной образовательной среды. Они обогащают образовательное пространство страны путем внедрения международных образовательных практик, передовых методик преподавания и современных стандартов.

– Деятельность филиалов способствует увеличению доступности высшего образования лишь в незначительной степени, однако в перспективе, по мере увеличения количества филиалов и развития уже открытых филиалов, их роль в обеспечении доступности образования может заметно вырасти.

– ФЗВ предоставляют студентам возможность получения образования, соответствующего мировым стандартам. Это способствует повышению качества подготовки высококвалифицированных специалистов, готовых к успешной карьере в международном контексте.

– Функционирование филиалов способствует укреплению сотрудничества между государственными и негосударственными образовательными структурами, формируя эффективные модели партнерства для совместного развития и внедрения инноваций в образовательную сферу.

– ФЗВ являются потенциальными источниками инвестиций в образование, привлекая дополнительные финансовые ресурсы для модернизации инфраструктуры, внедрения современных образовательных технологий и обновления учебных программ.

Суммируя вышесказанное, можно заключить, что ФЗВ в Узбекистане содействуют достижению государственных целей развития высшего образования, способствуя интеграции в мировое образовательное пространство и поддерживая устойчивое развитие образования в стране. Развитие сети ФЗВ представляет собой стратегический шаг в сторону модернизации высшего образования Узбекистана, обеспечивая более доступное образование, повышение квалификации кадров, развитие партнерских отношений и стимулирование инвестиций в образовательный сектор.

Список источников

- Garrett R., Kinser K., Lane J. E., Merola R. International branch campuses: Trends and developments 2016 // The Observatory on Borderless Higher Education. 2016. URL: <https://www.obhe.org/resources/international-branch-campuses-trends-and-developments-2016> (дата обращения: 11.02.2024).
- Концепция развития системы высшего образования Республики Узбекистан до 2030 года : Указ Президента Республики Узбекистан от 08.10.2019 № УП-5847 // LexUZ on-line. URL: <https://lex.uz/ru/docs/4545887> (дата обращения: 11.02.2024).
- О прогнозе основных макроэкономических показателей и параметрах государственного бюджета Республики Узбекистан на 2018 год : постановление Президента Республики Узбекистан от 29.12.2017 № ПП-3454 // LexUZ on-line. URL: <https://lex.uz/docs/3480354?ONDATE=31.12.2017> (дата обращения: 12.02.2024).
- О государственной программе по реализации стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах в «Год активных инвестиций и социального развития» : Указ Президента Республики Узбекистан от 17.01.2019 № УП-5635 // LexUZ on-line. URL: <https://lex.uz/docs/4168749> (дата обращения: 12.02.2024).
- О мерах по внедрению новых принципов управления в систему высшего и среднего специального образования : постановление Президента Республики Узбекистан от 11.07.2019 № ПП-4391 // LexUZ on-line. URL: <https://lex.uz/docs/4415487> (дата обращения: 12.02.2024).
- Об организации приема на учебу в государственные высшие образовательные учреждения : постановление Президента Республики Узбекистан от 15.06.2022 № ПП-279 // LexUZ on-line. URL: <https://lex.uz/docs/6070837> (дата обращения: 12.02.2024).
- Образование в Узбекистане : сб. Ташкент : Гос. комитет по статистике Республики Узбекистан, 2021.
- Образование в Узбекистане : сб. Ташкент : Гос. комитет по статистике Республики Узбекистан, 2023.
- Статистика // Министерство высшего образования, науки и инноваций Республики Узбекистан. URL: <https://stat.edu.uz/>
- Министерства высшего образования, науки и инноваций Республики Узбекистан : официальный телеграм-канал. URL: <https://t.me/eduuz/>
- Ташкентский филиал Московского государственного института международных отношений (университет МГИМО). URL: <https://uzb.mgimo.ru/>
- Мелибаев Н. Чему учат в филиалах иностранных вузов в Узбекистане // Фергана : информационное агентство. 2018. URL: https://dzen.ru/a/W5_Qd_8NdQCqCVRk (дата обращения: 13.02.2024).
- Троицкий Е.Ф., Юн С.М. Узбекистан: новый этап интернационализации высшего образования // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 10. С. 157–168.
- Погорельская А.М., Кобзева О.П. Иностранные вузы на рынке высшего образования Узбекистана // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 191–198. doi: 10.17223/19988613/83/25
- QS World University Rankings 2024: Top global universities. URL: <https://www.topuniversities.com/world-university-rankings> (accessed: 08.04.2024/)
- Туринский Политехнический университет в городе Ташкенте. URL: <https://uzavtosanoat.uz/company/turinskii-politexniceskii-universitet-v-gorode-taskente> (дата обращения: 11.04.2024).
- О сотрудничестве в строительстве на территории Республики Узбекистан атомной электростанции : соглашение между Правительством Республики Узбекистан и Правительством Российской Федерации от 07.09.2018 // LexUZ on-line. URL: <https://lex.uz/docs/4057901> (дата обращения: 11.04.2024).

References

- Garrett, R., Kinser, K., Lane, J.E. & Merola, R. (2016) International branch campuses: Trends and developments 2016. *The Observatory on Borderless Higher Education*. 9th November. [Online] Available from: <https://www.obhe.org/resources/international-branch-campuses-trends-and-developments-2016> (Accessed: 11th February 2024).
- The Republic of Uzbekistan. (2019) *Kontseptsiya razvitiya sistema vysshego obrazovaniya Respubliki Uzbekistan do 2030 goda: Ukaz Prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 08.10.2019 № UP-5847* [The concept of development of the higher education system of the Republic of Uzbekistan until 2030: Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated 08.10.2019 No. UP-5847]. [Online] Available from: <https://lex.uz/ru/docs/4545887> (Accessed: 11th February 2024).
- The Republic of Uzbekistan. (2017) *O prognoze osnovnykh makroekonomicheskikh pokazateley i parametrah gosudarstvennogo byudzheta Respubliki Uzbekistan na 2018 god: postanovlenie Prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 29.12.2017 № PP-3454* [On the forecast of the main macroeconomic indicators and parameters of the state budget of the Republic of Uzbekistan for 2018: Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan dated 29.12.2017 No. PP-3454]. [Online] Available from: <https://lex.uz/docs/3480354?ONDATE=31.12.2017> (Accessed: 12th February 2024).

4. The Republic of Uzbekistan. (2019) *O gosudarstvennoy programme po realizatsii strategii deystviy po pyati prioritetnym napravleniyam razvitiya Respubliki Uzbekistan v 2017–2021 godakh v ‘God aktivnykh investitsiy i sotsial’nogo razvitiya’*: Ukaz Prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 17.01.2019 № UP-5635 [On the state program for the implementation of the action strategy for five priority areas of development of the Republic of Uzbekistan in 2017–2021 in the “Year of Active Investments and Social Development”: Decree No. UP-5635 of the President of the Republic of Uzbekistan dated 17.01.2019]. [Online] Available from: <https://lex.uz/docs/4168749> (Accessed: 12th February 2024).
5. The Republic of Uzbekistan. (2019) *O merakh po vnedreniyu novykh printsiptov upravleniya v sistemu vysshego i srednego spetsial’nogo obrazovaniya: postanovlenie Prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 11.07.2019 № PP-4391* [On measures to introduce new management principles into the system of higher and secondary specialized education: Resolution No. PP-4391 of the President of the Republic of Uzbekistan dated 11.07.2019]. [Online] Available from: <https://lex.uz/docs/4415487> (Accessed: 12th February 2024).
6. The Republic of Uzbekistan. (2022) *Ob organizatsii priema na uchebu v gosudarstvennye vysshie obrazovatel’nye uchrezhdeniya: postanovlenie Prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 15.06.2022 № PP-279* [On the organization of admission to study in state higher educational institutions: Resolution No. PP-279 of the President of the Republic of Uzbekistan dated 15.06.2022]. [Online] Available from: <https://lex.uz/docs/6070837> (Accessed: 12th February 2024).
7. The Republic of Uzbekistan. (2021) *Obrazovanie v Uzbekistane* [Education in Uzbekistan]. Tashkent: State Statistics Committee of the Republic of Uzbekistan.
8. The Republic of Uzbekistan. (2023) *Obrazovanie v Uzbekistane* [Education in Uzbekistan]. Tashkent: State Statistics Committee of the Republic of Uzbekistan.
9. Ministry of Higher Education, Science and Innovation of the Republic of Uzbekistan. (n.d.) *Statistika* [Statistics]. [Online] Available from: <https://stat.edu.uz/>
10. Ministry of Higher Education, Science and Innovation of the Republic of Uzbekistan. [Online] Available from: <https://t.me/eduuz/>
11. The Tashkent Branch of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). [Online] Available from: <https://uzb.mgimo.ru/>
12. Melibaev, N. (2018) *Chemu uchat v filialakh inostrannykh vuzov v Uzbekistane* [What is taught in branches of foreign universities in Uzbekistan]. [Online] Available from: https://dzen.ru/a/W5_Qd_8NdQCqCVRk (Accessed: 13th February 2024).
13. Troitskiy, E.F. & Yun, S.M. (2021) Uzbekistan: novyy etap internatsionalizatsii vysshego obrazovaniya [Uzbekistan: a new stage of internationalization of higher education]. *Vysheee obrazovanie v Rossii*. 30(10). pp. 157–168.
14. Pogorelskaya, A.M. & Kobzeva, O.P. (2023) Foreign universities in the higher education market of Uzbekistan. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 83. pp. 191–198. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/83/25
15. *QS World University Rankings 2024: Top global universities*. [Online] Available from: <https://www.topuniversities.com/world-university-rankings> (Accessed: 8th April 2024).
16. *Turin Polytechnic University in Tashkent*. [Online] Available from: <https://uzavtosanoat.uz/company/turinskii-politexniceskii-universitet-v-gorode-taskente> (Accessed: 11th April 2024).
17. The Republic of Uzbekistan. (2018) *O sotrudnichestve v stroitel’stve na territorii Respubliki Uzbekistan atomnoy elektrostantsii: soglasenie mezhdru Pravitel’stvom Respubliki Uzbekistan i Pravitel’stvom Rossiyskoy Federatsii ot 07.09.2018* [On cooperation in the construction of a nuclear power plant in the Republic of Uzbekistan: agreement between the Government of the Republic of Uzbekistan and the Government of the Russian Federation dated September 7, 2018]. [Online] Available from: <https://lex.uz/docs/4057901> (Accessed: 11th April 2024).

Сведения об авторах:

Турдикулов Олим Т. – аспирант кафедры мировой политики факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: olim.tairkulovich@gmail.com

Муминов Алишер Г. – доктор политических наук, профессор Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека (Ташкент, Узбекистан). E-mail: alisher.nuuz@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Turdikulov Olim T. – Postgraduate Student of the Department of World Politics, School of History and Politics, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olim.tairkulovich@gmail.com

Muminov Alisher G. – DSc in Political Science, Professor and Dean of Faculty of History in the National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek (Tashkent, Republic of Uzbekistan). E-mail: alisher.nuuz@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 05.06.2024; accepted for publication 15.05.2025

Статья поступила в редакцию 05.06.2024; принята к публикации 15.05.2025

Original article
UDC 94(549.1)
doi: 10.17223/19988613/95/18

Tradition and Transformation: The Role of Pashtunwali in Shaping Women's Political Identities

Sulman Shah

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, sulmanshah455@gmail.com

Abstract. This research investigates the impact of Pashtunwali on the women of Pashtun's political behavior, concentrating on how it restricts their political involvement. Via feminist geographical framework, the research engages in thematic textual analysis of historical texts and case studies, including the Afghan activist Malala Joya, the study highlights how legal reforms, education and social movements resist the gender's values of Pashtunwali. It concludes that while Pashtunwali implements values of patriarchy, reinterpretation of its values can assist women in their political rights and fostering change.

Keywords: Pashtunwali, gender roles, political identity, women's empowerment, transformation

For citation: Shah, S. (2025) Tradition and Transformation: The Role of Pashtunwali in Shaping Women's Political Identities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 95. pp. 140–148. doi: 10.17223/19988613/95/18

Научная статья

Традиция и трансформация: роль пуштунвали в формировании политической идентичности женщин

Сулман Шах

Томский государственный университет, Томск, Россия, sulmanshah455@gmail.com

Аннотация. Рассматривается традиционный пуштунский кодекс поведения, пуштунвали, и его влияние на политическую идентичность и участие пуштунских женщин. Пуштунвали, неписанный племенной кодекс, регулирующий социальное поведение, устанавливает строгие гендерные роли, которые ограничивают участие женщин в общественной и политической жизни. В кодексе особое внимание уделяется таким понятиям, как честь (нанг), гостеприимство (мелмастья) и уединение (пурда), которые определяют частную и общественную сферы и способствуют ограничению женщин домашними обязанностями. Несмотря на эти ограничения, в статье исследуется, как современные факторы, такие как образование, правовые реформы и общественные движения, меняют гендерное пространство.

Центральное место в исследовании занимает противоречие между традиционными ценностями и современным стремлением к гендерному равенству, поскольку пуштунские женщины все чаще требуют участия в политической и общественной жизни. Используя феминистский географический подход, в статье исследуются способы, с помощью которых пуштунвали создает гендерное пространство, ограничивая мобильность женщин и их политическую активность. В то время как формальное участие в политической жизни по-прежнему в значительной степени ограничено пуштунвали, неформальные формы политического влияния, такие как социальная активность, посредничество в конфликтах и семейные переговоры, позволяют женщинам косвенно участвовать в политических процессах.

В статье использованы этнографические и исторические тексты, а также тематические исследования, в том числе об активности Малалай Джойи, афганской женщины, которая бросила вызов пуштунвали, чтобы утвердить свою политическую идентичность. Сопrotивление Джойи подчеркивает потенциал развития пуштунвали, демонстрируя, как образование и феминистские движения бросают вызов патриархальным структурам. Исследование подчеркивает, что, хотя гендерные нормы пуштунвали глубоко укоренились, они не являются непреодолимыми для изменений, особенно по мере того, как женщины получают образование, политические права и участвуют в глобальных феминистских движениях.

В исследовании делается вывод о том, что пуштунвали, несмотря на ограничительные меры, предлагает возможность для переосмысления, где такие ключевые ценности, как прощение и гостеприимство, могут быть адаптированы для содействия гендерному равенству и расширению политических прав и возможностей женщин. В документе содержится призыв к переоценке традиционных норм в патриархальных обществах, предполагающий, что аналогичные преобразования могут быть произведены в отношении гендерных норм в других сельских и племенных обществах, где политическая активность женщин также ограничена культурными традициями. В исследовании подчеркивается, что традиции и современность не обязательно должны быть взаимосвя-

ключающими, и благодаря их переосмыслению гендерное равенство может быть достигнуто в таких культурных рамках, как пуштунвали.

Ключевые слова: пуштунвали, гендерные роли, политическая идентичность, расширение прав и возможностей женщин, трансформация

Для цитирования: Шах С. Традиция и трансформация: роль пуштунвали в формировании политической идентичности женщин // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 95. С. 140–148. doi: 10.17223/19988613/95/18

Introduction

Pashtunwali is the unwritten tribal code of the Pashtun people, which has been an entrenched framework governing Pashtun community for centuries. It is the compendium guide for social behavior that would regulate interpersonal relations, tribal governance, conflict resolution, and define the roles of individuals. Although deeply embedded within Pashtun identity and tradition [1]. Pashtunwali also compels gendered spaces and roles, with particular emphasis on women's restricted spatial mobility and political engagement. Pashtunwali is the informal tribal code for the Pashtun people that have been an entrenched framework in governing the Pashtun communities for centuries. It is the compendium guide to social behavior that regulates interpersonal relations, tribal governance, conflict resolution, and defines the roles of individuals [2].

This paper analyses how Pashtunwali remains relevant today for Pashtun women, especially in relation to state laws and globalized norms, which have initiated external pressure on the system [3]. Although the basics of Pashtunwali relating to nang, or honor, melmastia, or hospitality, and badal, or revenge, remain strongly influential, its gendered framework, purdah, limits women to private, domestic roles, severely circumscribing them to public and political life [4]. This tension between tradition and modernity, particularly in women's rights matters, poses the important question: How does a traditional legal and ethical code like Pashtunwali shape the political identities of Pashtun women? Can it be reinterpreted or challenged to allow greater political agency for women? In what ways do modern developments in education, legal reforms, and social movements cut across the gender norms? This paper shall attempt to answer these questions through a critical review of the gendered spaces created by Pashtunwali, examining the possibility for change as the Pashtun society confronts modernizing forces.

A central question in this research is: In what ways does Pashtunwali, as a traditional and patriarchal code, shape and constrain the political identities and participation of women in Pashtun society, and how might it be reinterpreted or repurposed to open up space for greater female agency in the public sphere? The tension between tradition and modernity forms the crux of this inquiry, as it foregrounds how the gendered construction of Pashtunwali - involving the emphasis on purdah and notions of zan and nang - circumscribes women's mobility and political participation. Through an investigation into education, legal reforms, and modern feminist movements, the study probes the possibility of transformation which can be attained within the Pashtun cultural context. Can Pashtunwali evolve into its core value while leaving an opening for the rising call for women's rights and political representation?

That will orient the research in discussing a possibility of change in the dynamics on the sociopolitical dimensions within the Pashtun society as it struggles with globalization norms and the imposition of modern characteristics of gender equality.

Literature Review

Pashtunwali is the uncoded tribal code of conduct for the people of Pashtun, has been an important framework guiding their personal and social behavior, and social relationships for ages [1]. Several prominent works have formed the understanding of Pashtunwali and its role in defining gender roles, specifically the women's role in the society of Pashtun. Significant contributions in the literature include the early works such as Barth's (1959) "Political Leadership among Swat Pathans", and Elphinstone's (1815) "An Account of the Kingdom of Caubul", as well as a later contribution from the writer like James (1962) in "The Way of the Pathans". These sources provide significant information about the core values of Pashtunwali [2].

In the literature, The Pashtun code of life is often highlighted in terms of its gendered nature, with many scholars noting the rooted patriarchy entrenched in the code. For instance, Colonel Jonathan Hawkins Highlights the complete enforcement of women's responsibilities within domestic domain, where women are considering firstly as a protector and guardian of family respect, restricted by expectations of modesty and submission [5]. The duty of women must be defined through their political and public life's participation. Ashish Shukla (2019) says that women are respected due to their duties in protecting the family honor, and their non participation in the political and public domains proves the importance of patriarchy in Pashtun society [6]. This framework purifies them in invisible in formal political domain like jirga, a council of traditional elders, where important decisions are made.

Further, Barth's ethnographic work (1959) in Swat Pathan society highlights how Pashtunwali's gender values not only govern individual behavior but also combine male dominance in the public domain [7]. Fayaz ud Din (2019) underscores an indirect shift in political participation, perceiving a rise in Pashtun women's involvement in local democracy, credited to growing education levels and developing social behaviors towards women's roles [8]. Shukla (2019) and Hawkins (1950) both point to the cumulative role of women in casual policymaking procedures, though they remain omitted from formal leadership roles.

Recent studies have exposed that legal and educational reforms are central to optimistic changing in gender norms. Farooq, Bashir and Muhammad (2024) note that educational preaching and campaigns in Khyber Pakhtunkhwa have contributed to an important increase in female literacy,

which in turn has permitted to struggle against the gendered restrictions imposed by Pashtunwali. As more women are gaining education, they become aware of their social and political rights. These findings repeat those of Fayaz ud Din (2019), who reports a flow in Pashtun women's participation in local governance' specifically via women's quotas in provincial assemblies and in other departments. These steps, while controversial in more traditional areas, are observed as significant drivers of women's political engagement [7].

Though, Malika Afridi (2019) and other feminist scholars argue that these reforms, while giving rights to women, are still positioned within an agenda that always focuses traditional Pashtun norms. Feminist geography provides a theoretical lens to recognize these gendered spaces, highlighting how women resist the restrictions of Pashtunwali to revive their political identities. Afridi (2019) emphasizes that women, in spite being restricted to private domain, are not passive; they involve in informal political activities like social activism and family mediation, which encourages them to put influence on political decisions [9].

Despite important research on Pashtunwali and its influence on gender roles, there are important gap in literature, importantly in connection to the political involvement of Pashtun women. Much of the existing literature highlights on cultural analysis and the preventive nature of Pashtunwali, but few studies investigate the connection between women's political agency and between traditional gender roles [10]. While Shukla (2019) and Afridi (2019) have started to investigate this connection, they were unsuccessful to fully analyze the particular role of legal reforms, education and social movements in changing for women within the Pashtun context. Additionally, empirical studies on how women in different regions resist these changing dynamics are limited [7].

This study aims to fill these gaps by contribution a detailed examination of the how political identities of Pashtun women are formed by both traditional values and modern factors. By investigating how legal, educational reforms and social movements interconnect with Pashtunwali, this study provides a more significant understanding of how women in Pashtun society negotiate their political rights. It also explores the role of informal political participation, such as social activism and conflict mediation, in reviving political lives in Pashtun communities.

Methodology

This study is following a feminist geographical framework to investigate how the code of Pashtunwali structure and restricts gendered space and, in turn, commands women's political participation. The connection of gender, power, and space highlights how Pashtunwali's multi-dimensional limitations create a boundary between private and public domains, determining women's political identities. The research design is dual in nature, the thematic textual analysis of the main traits of Pashtunwali and case study analysis of Pashtun women who have resisted these limitations. Both methods are managed by secondary sources, providing a complex and empirical and comprehensive basis for the study.

The thematic textual analysis legal, historical and ethnographic texts that highlights the rules of Pashtunwali, such as Nang (Honor), Purdah (Seclusion), Zan (Women's honor). Primary sources for this analysis include Barth's (1959) "Political Leadership among Swat Pathans", Elphinstone's (1815) "An Account of the Kingdom of Caubul", James's "The Way of the Pathans". These sources highlight key perceptions into Pashtunwali and its gender norms. The main principles from these texts will be coded thematically to regulate how Pashtunwali implement gendered barriers, with particular emphasis on women's roles within the private range and the domination of their public involvement.

This study implements also case study of Pashtun woman, focusing on secondary data sources that recorded their experiences of directing or challenging Pashtunwali's gendered limitations. These case study will be drawn from biographies and autobiographies of Pashtun women, which make available personal accounts of their political activism and lives. The media reports and scholarly articles are also included of Pashtun women, including the profile of Malala Joya. Malala Joya is an Afghan activist who resisted both Pashtunwali and patriarchal structures of the Pashtun's code. These case studies will provide valuable insights into how the women of Pashtun have either obeyed to or struggled against the traditional gender roles implemented by Pashtunwali, and how they have involved with public and political life in indirect or refined ways.

The analysis is based entirely on secondary data from legal documents, historical texts, biographies and media reports. All these sources will be analyzed via narrative agender analysis to trace the political routes of Pashtun women, specifically their involvement with or struggle against the Pashtunwali's gender values. Thematic coding will be applied to find repeated themes of gendered space, political participation and the negotiations of cultural roles. Additionally, a comparative approach will be applied to investigate the differences in Pashtunwali's gender values in different settings, highlighting how modern aspects like legal reforms, education and social movements affect women's participation in public life.

Theoretical Framework

The study of the gendered spaces that have shaped the political identities of women in Pashtun society is done using feminist geography. It explains how space is socially constructed, and gender roles are maintained through division between public and private spaces. The women are confined in the private/domestic sphere, while the Pashtunwali space is dominated more by men in the public sphere. Such spatial segmentation further reinforces male hegemony by excluding women from governance and decision-making powers and ensconcing them again within domestic walls. Subservience and modesty were their domain; politics was not. The built gendered spaces of Pashtun society also directly influence the political identity of women: its restriction upon women's participation in the public sphere. While purdah as a rule keeps women physically away from men, it also prohibits them from any political and public forums, such as the jirga, which serves as the nucleus of tribal government. It underlines the view

that politics is for males and the role of women is confined to the private sphere, which further means a weak political impact by them.

Discussion

Pashtunwali is more than an unwritten cultural code; it also acts as a comprehensive moral, ethical, social, and legal system in the Pashtun society. Compared to the modern systems of statutory law prevalent in the lands, Pashtunwali is very much alive because it lives on through forms like the *jirga* (tribal council) and social consensus. These customary actions enforce its concepts, making it quite effective in keeping social life in order and relationship norms intact within the Pashtun communities [11]. This is what makes strict gender roles and the corresponding spatial hierarchies defining features of Pashtunwali, mapping the boundaries of public and private life. More central values of Pashtunwali are *nang* (honor), *melmastia* (hospitality), *badal* (revenge), *nanawati* (forgiveness), and *purdah* (privacy). These values are highly gendered, reinforcing men's dominance over public domains while restricting women to housecraft. Another such prescription is *purdah*, which affects for the social and physical distancing of men from women, thus making it virtually impossible for women to be openly worked or to take part in political life [12].

Pashtunwali, on the other hand, provides the ultimate authority in more rural areas, where state governance may be virtually absent or weak. The most profound impact of the code is actually in these contexts, extending beyond the ambit of interpersonal relations to govern also the spatial and social hierarchies that give shape and definition to gendered spaces. Women are expected to maintain family honor through modesty, obedience, and seclusion, and behavior is tightly controlled so that no dishonor befalls the family or tribe [13]. Pashtunwali is not, however, impervious to change. More contact between Pashtun society and outside forces such as globalization, reforms of the state, and women's rights movements may increasingly make the re-construction of the code possible to allow for increased participation of women in public and political life. Education and law reforms have already begun to challenge these traditional gender norms by putting tools in the hands of women to negotiate their roles within Pashtun society. Still, how far Pashtunwali can be changed while its core cultural identity is kept intact is a matter of great debate [3].

In Pashtun society, women are meant to be regarded as guardians of family honor, and their activities have to be monitored in such a way that they do not cause some kind of dishonour to their families. To that end, their conduct, dressing, and public appearance are regulated in such a manner as to meet the expected moral standards [14]. Women, being honor-keepers, are expected mainly to preserve the prestige of their families through submission, modesty, and chastity. In many cases, perceived dishonor among females through acts such as defiance of family expectations, unsanctioned mobility, or transgressing into roles traditionally reserved for the opposite gender will carry with it severe consequences, including social ostracism, physical violence, and even honor killings [12].

The women approach is very strong in patriarchal traditions, where a man is seen as the protector of his female members and the women have to return this by maintaining the moral standard of the family. Public participation, political engagement, and leadership traditionally have been the order of men, as they had to act as representatives of their respective families and tribes before tribal councils (*jirgas*) and other communal decision-making forums. The exclusion of women from the public sphere legitimizes and perpetuates the mindset that a woman belongs indoors, not outside; in society, it is observed that a woman performs her roles if she had borne children and married [15].

Ultimately, *nanawati* enables women to bring about negotiations of solutions and persuade conflicted parties to reconcile. As mothers, sisters, or wives, women may have significant influence over male members of their families, guiding their decisions and dictating the direction of tribal feuds. Indeed, it is indirect political participation which allows women to surmount some of the disabilities of Pashtunwali, even though formal leadership lies outside their reach [16].

Having outlined the foundational role of Pashtunwali in determining gender roles, the next sections investigate how modern forces, above all education and law reform, challenge such traditional structures. The most important indirect political influence source in the world of Pashtuns is perhaps *nanawati* that means forgiveness for peace and settlement [17]. Older women in the family are mostly forwarded as negotiators to secure peace and forgiveness between the warring factions [18]. Therefore, in this role, women are now an integral part of social life to maintain harmony in society but are excluded from formal institutions of politics, like the *jirga*. Navigating these informal channels, Pashtun women have been able to participate in political decisions without head-on challenge to the patriarchal structure of Pashtunwali [6].

As an indicator that provided women with a limited position within political life, conflict mediation proved to be fundamental in itself, but education has rather emerged to be the actual agent challenged by the gendered limitations of Pashtunwali [19]. Although men and women are roughly evenly taking on this program of formal education, women begin to question the traditional norms placed upon them within the private sphere [20]. Education empowers women with knowledge and skills but also increases their understanding of rights and allows them to ask for participation in more public life [21].

One simple example of the power of education is the growing participation of Pashtun women in local elections and as champions of women's rights. More educated women are going to take community leadership roles, challenge the isolation, and push for changes that will allow greater gender equality across social and political landscapes [8]. In this manner, education equips Pashtun women with the capability to define new roles as they enter the public domain from that of the private, domestic one. On the contrary, education equips women with advocacy tools and addresses directly the gender reforms which challenge the existing gender norms embedded within Pashtunwali. As these women begin to take up the public sphere, they change their narrative at both family and community levels

and become role models for future generations. Education has thus now become an instrument through which women's political identities may develop in the Pashtunwali context [17].

At the second level of legal reforms, the political landscape for Pashtun women is being transformed. State-driven initiatives in quota lists for women on local councils and reserved seats in parliament make it possible for more women than have heretofore to be formally represented within decision-making processes [22]. Reforms that impact exclusionary practices of Pashtunwali, that old set of inhibitions surrounding women's presence in the public sphere—have a direct bearing. For example, the introduction of women's quotas in local governance means that Pashtun women are given the opportunity to represent their communities in ways not previously possible. Quotas are highly important in the expansion of women's representation in political institutions and provide a voice for them in matters of policy considerations. Even though opposed by the conservative elements of Pashtun society at its implementation, these reforms mark a giant step forward in the reinterpretation of Pashtunwali to include women in public life [23].

The work of the Pashtun diaspora has, at the same time, been vital to the progress of working out and disseminating progressive ideas among Pashtun society [24]. Many stay within the Western diaspora, where different cultural and legal systems are more likely to support the notion of gender equality. Exposure often then leads to a reinterpretation of those cultural values when members of the diaspora return home, bringing with them perspectives on women's roles in public life that are new for those in their home country [25]. The communities shape the current discourse on women's rights within Pashtun society through remittances, social media, and diaspora activism [26]. Mass movements across transnational feminist movements, for instance the Malala Fund, which campaigns for the right to education and political participation of girls and women, have been impactful in similar ways [27]. They bridge local Pashtun and global feminist activism, resulting in a momentum for change. International activism by Pashtun women, such as Malala Yousafzai, has motivated many within the Pashtun community to reexamine gender roles that the Pashtunwali embedded in their traditions [28].

Although Pashtunwali is extremely flexible in matters other than gender, it has been extremely conservative about change in gender roles, particularly about the participation of women in politics [29]. The code stresses the concept of purda and zan in such a way that it does not allow women to be as mobile as men and restricts their access to most matters of public life [30]. Such challenges to these restrictions are forcefully opposed by the conservative elements in Pashtun society, which view such changes as a threat to the integrity of Pashtunwali and the moral fabric of the tribe [31]. However, education, legal reforms, and feminist movements are increasingly challenging this traditional gender role. The educated women of cities are questioning the traditional constraints imposed by Pashtunwali and especially demanding opportunities to engage in public and political life [32]. Other laws

legislated by the government with the intent to end the discrimination against women, including protection of rights to education, inheritance, and political representation, have also opened new avenues through which women can continue to challenge constraints of Pashtunwali [33].

Results and Analysis

A very critical finding of this study is the constant and deeply felt tension between traditional gender norms of Pashtunwali and the growing demand for women's political participation in modern Pashtun society. As Pashtunwali continues to be a highly influential force over the roles of women, especially at the rural level, it has been mentioned that some factors are causing transformations in women's political identities [34]. These findings in the study indicate that gender roles defined within Pashtunwali are still embedded but not completely impervious to change, especially when women take advantage of social movement, education, and legal reforms in order to step out into public life.

Naturally enough, it reflects the tension of complex dynamics between Pashtunwali's expectations of long-seated, gendered conduct and the imperative of rising women in the political arena of modern Pashtun society. Traditional values of zan (women's honor) and nang (family honor) continue to exercise considerable control over women's roles—a fact particularly pertinent in rural areas, which is still beholden to the traditional social framework of Pashtunwali [35]. However, it can be seen how education, amongst many other elements, is playing a key role in shaping the transformation of women's political identities as well as the ascendance of women's rights movements. Despite these developments however, the strong hold zan and nang continue to have over social conduct and the way and manner women participate in it set the bounds for political participation.

Still, the biggest hindrance that continues to this date and remains prevalent in women's participation with public and political life is the focus on zan and nang within Pashtunwali. Zan is the honor of women but not a personal attribute; it is actually a collective one. The attitude of a woman and her behavior, even her appearance in public, reflects directly upon the family and tribe [36]. Any political expedition into the public leadership directly undermines the nang of the family; anything that amounts to activity dislodging it from such roles is therefore detrimental to its survival [37]. This very cultural structure leads to strict restraint on movements, relations, and public appearances of women. Their lives are very strictly governed for modest standards and purda [38]. Analysis underlines strict public space nature in villages where Pashtunwali is the order of the day that somehow allows women in any form of public life, especially to be present in political domains like jirga. Here again their participation has been widely ostracized or resisted as this is considered to be against the profound zan and nang. Even when women expressed an interest in public decision-making, there were heavy societal and familial forces to pull them in the opposite direction, thereby perpetuating the notion that politics is exclusively a male preserve [39].

The result was that women often remained within the private sphere, wherein their contributions would be limited strictly to domestic and familial responsibilities, with practically no input into political matters [15].

The research, however, also makes a few notations regarding powerful Pashtun families in which women have managed, over the years, to exert influence indirectly. Such women are often placed into the role of a custodian of family honor; they are often allowed into disputes among the tribes or between conflicting parties. In such scenarios, women are informal political actors who employ their roles inside the family framework to influence some decisions political [40]. For instance, a woman can apply her role as an intermediary for negotiations or appeal for reconciliation while remaining within the confines of Pashtunwali but adhering to all tenets. This duality in the role of adherence to tradition and subtle manipulation of power dynamics indicates that while Pashtunwali creates strict limitations within public roles for women, it offers an extent of flexibility when women act upon the code's general ideals of family honor. This pattern of indirect political participation underlines the complex ways by which women may exercise influence even in the context of Pashtunwali [41].

Perhaps one of the strongest transformative agents opposing the status quo, by imbibing progressive values within the ethos of Pashtunwali, is education [42]. With increased access to formal education on the part of Pashtun women, they are in a better position to challenge such strict rules imposed on them within the cultural framework and demand higher participation in public life [43]. From the study, the very fact that emerges is that the educated women are more likely to negate the typical gender roles and imbibe such politically significant practices such as voting and running for offices, advocacy, and organizing in their respective communities.

While education helps in achieving personal power, it goes beyond this as there is an elongation of changing wider society. Insofar as women make their appearance in public and political life, they dethrone stereotypes that for centuries have confined women to the private sphere. Visible role models make it easier for other women to mimic them, and ripples create waves that affect how communities come to understand gender roles. The presence of educated women in political spaces legitimized the idea that there is a space for women's quality contribution to governance, leadership, and community development, which encourages more women to take active work in politics. Though Pashtunwali still regulates the role of women in society, there is a critical avenue through which women can redefine their identities and assert their political rights within the frame of tradition [44].

Social movements, especially women's rights and peacebuilding movements have become very important arenas of social change for the redefinition of women's political identity within the prism of Pashtunwali. Social movements therefore become arenas from which women can begin to take up active political action, declare equal gender status, and seek to transform the use of male-female relationality based on Pashtunwali. The collective aspect of social movements enables women to struggle

for laws that will be enacted on their favor, enhance their political representation, and heighten the consciousness of their rights—all contrary to the cultural tradition that defines the roles of each within society [45].

From the discussion, it is evident that organizations for Afghan and Pakistani women's rights have been very active in fighting for the inclusion of women into public decision-making processes rather than excluding them, particularly within the cultural forums, like the *jirga*. These organizations have played an important role in lobbying for legal changes that promote women's rights and make their participation in other political spheres an eventuality. For example, advocacy to include more women in political spheres has led to having more women in the areas Pashtunwali is practiced, as results of quotas and reserved seats in local councils and national parliaments [46].

These social movements' impacts go beyond immediate legal reform because by advocating reforms on women's inheritance rights, ownership of property, and access to education, these movements are slowly rearranging the attitude of society toward women's roles in the public sphere [47]. With the occurrence of these reforms, women would get new opportunities for political participation without negating the core values of Pashtunwali. This equilibrium between tradition and modernity is essential to regions where there is a struggle to move forward women's rights in the face of challenge from local conservative factions [48].

Case Study: Malalai Joya – Defying Tradition to Assert Political Identity

The activist, Malalai Joya is an outspoken Afghan and former member of the Afghan parliament representing how a Pashtun woman navigated and challenged the constraints of Pashtunwali to express her political identity. Joya was born in 1978 in Afghanistan's Farah Province [48]. She became one of the loudest critics against the Taliban and Afghan warlords, criticizing corruption and violence in the region, which had become epidemics. While Joya comes from an orthodox Pashtun family, she goes against the grain of norms that suggest one ought to remain confined in the private sphere as stipulated by Pashtunwali by making herself extremely visible and confrontational in a public sense [49].

Joya learned about *zan* (women's honor) and *purda* (seclusion) that are an integral part of Pashtunwali since childhood. The norms suggest that women should always be kept hidden behind closed doors so that the honor of the family is always safe and secure. However, she also perceived the ability of education in breaking those bonds [50]. Her mother had formally been educated, and this taught Joya the independence of her seeking knowledge as a form of empowerment. With education, Joya is given access to intellectual tools and social awareness that will challenge the patriarchal systems ruling her society [51]. Her political life has in fact started with the fall of Taliban's regime in early 2000s, because she is an activist for women rights and is struggling for literacy programs to reach the women and girls in refugee camps. She finally spoke out against

warlords and fundamentalists who will dominate Afghan politics; they differ in many ways, though sharing the same patriarchal values as Pashtunwali. In this, Joya squarely put a challenge to the gender ideology of Pashtunwali, which viewed the public appearance of women as offending the honor of the family [52].

Her most notable defiance was in 2003, when she presented to Afghanistan's Constitutional Loya Jirga - the Grand Assembly-but she opposed publicly the inclusion of warlords in the assembly. Speaking out to a largely patriarchal audience, her speech was both a challenge to the power of the warlords and to the gendered norms of Pashtunwali that aimed to silence women in politics. Joya's actions were highly controversial because she busted the unwritten rules of Pashtunwali by commanding her place in the traditionally male-dominated political landscape [53]. Despite many severe attempts on her life to assassinate her and undermine her movements, Joya did not back down in this glorious mission of fighting for women's rights and democracy in Afghanistan. This was set against the conservative Pashtun concept of *zan*, under which a woman's behavior is seen as reflecting the family and the tribe she comes from and can shame them all. This was a marked departure from the past when she played the role of deviationist - a woman who can sit through public scorn and violate Pashtunwali strictures in order to mete out justice and equal gender rights [54].

While Joya's actions have brought much criticism, her work is an evident example of reinterpretation of Pashtunwali. Radical feminist scholars would argue that Pashtunwali is highly patriarchal but can be reinterpreted and can become inclusive. In this regard, the case of Joya illustrates the manner in which she challenged traditional roles of women under Pashtun culture by making appeals to broader justice and fairness that are cultural values also at the heart of Pashtunwali. Her lobbying on behalf of Afghan women's rights can be appreciated as an attempt to redefine the boundaries in today's Afghanistan through Pashtunwali: that Afghan women's involvement in politics is a significant and essential aspect of national progress [55].

Joya's life experience in public oratory, political activism, and international advocacy illustrates how women, even those living under the restrictive framework of Pashtunwali, can assume political identities using education and activism [56]. Her activism has created an atmosphere where other Afghan and Pakistani women are beginning to take more liberties in challenging traditional gender roles, effectively changing over time and meaningfully how the Pashtun view the public lives of women [57].

Malalai Joya is another clear manifestation of the interaction between tradition and modernity that lives in the lives of Pashtun women today. Pashtunwali has certain strict gender roles and restrictions on public activity determined by it, but what Joya did symbolizes that change is possible within these very traditional systems. This is where the transformation from the refugee camp to the parliament by Joya makes visible how education and politics can contest and assume control of political life over patriarchal norms. The controversial acts of Joya, hence, redo the face-changing scenarios of women's

political identities in Pashtun society and raise powerful arguments for a reinterpretation of traditional values so that these women's growing role in politics is taken into account.

Conclusion

His study of Pashtunwali provides clear evidence of deep tension between tradition and transformation as it shapes the women's political identities within Pashtun society. While putting up a heavy restriction on the participation of women within the public sphere, it also throws open doors for the women to engage in political activities by employing informal mechanisms. The dilemma of tradition and transformation stands right at the center of evolving political identities of Pashtun women as they need restraint within Pashtunwali and their demands for representation and equality in politics. Everything-ranging from education, legal reforms, to social movements has really contributed to changing political identities of women in ways that they can bridge tradition and claims to participate in politics.

Further and future studies should instead be focused on how to reinterpret or reposition this traditional Pashtun code for the advancement of gender equality and women's political empowerment in Pashtun society. That would mean going deeper into where tradition, law, and gender converge as locations of congruence and conflict that allow scholars and policymakers to dig deeper into the complexities of the representations of women within tribal and patriarchal societies. This research points to a deep tension between tradition and transformation in how Pashtunwali shapes women's political identities. The code of Pashtunwali severely limits women's public life but also offers the possibility, though limited, by which women may influence politics, indirectly or in family structures. The difficulty lies in how this patriarchally rooted system can adapt and open its way for increasing pressure to include women in the political world and for greater gender equality.

The implications of the findings of this research are more general: how the law and customary codes in other patriarchal societies could similarly be reworked to interpret newer, more inclusive gender norms. Pashtunwali is not unique in its role as a cultural system preserving male dominance while marginalizing women from public and political life. Such cultural codes exist across other tribal and rural societies around the world and provide the context for social regulation. The main insight here is that such traditional norms are fundamentally amenable to transformation through feminist reinterpretation and policy reform. This can be applied to other contexts in which the political agency of women is constrained by deeply entrenched cultural practices. The world women's rights movement and increasing consciousness of gender equality norms have already begun influencing cultures like the Pashtuns, hence tradition should not really go against modernity. Through reinterpretation of values like *nana-wati* (forgiveness) and *melmastia* (hospitality) by the means of inclusivity allows the culture to stay alive but it also provides progress at the same time.

References

1. Spain, J.W. (1962) *The ways of the Pathans*. London: Rober Hale Limited.
2. Elphinstone, M. (2008) *An Account of the Kingdom of Caubul*. London: Kessinger Publishing.
3. Shams-ur-Rehman, G. (2015) Pashtunwali and Islam: The Conflict of Authority in the Traditional Pashtun Society. *Pakistan Journal of Social Sciences*. 35(1), pp. 297–307.
4. Pamir, E., Asadullah, W. & Khalid Ahmad Habib. (2023) Some Aspects of Pashtun Culture. *Randwick International of Social Sciences Journal*. 4(3), pp. 743–748.
5. Hawkins, J. (2009) The Pashtun Cultural Code: Pashtunwali. *Australian Defense Force Journal*. pp. 16–27.
6. Shukla, A. (2015) The Pashtun Tribal Identity and Codes: At Odds with Pakistan's Post-9/11 Policies. *THAAP Journal*. pp. 45–64.
7. Afridi, M. (2023) Women's Political Participation in Pakistan: A Case Study of Ex-FATA. *Pakistan Social Sciences Review*. 7(3), pp. 935–948.
8. Din, Fayaz ud. (2019) *Voters turnout in Erstwhile FATA elections remains 26.2pc*. ECP. Peshawar: FATA Research Centre.
9. Khan, F., Akhmad, B. & Shahid, M. (2024) Unlocking Potential: A Critical Analysis of the Opportunities and Impact of Women's Political Participation in Khyber Pakhtunkhwa (Pakistan). *Journal of Asian Development Studies*. 13(03), pp. 162–174.
10. Yousuf, F. (2021) *Women, Patriarchy, and Traditional Methods*. Routledge: Handbook of Feminist Peace Research. pp. 89–98.
11. Wasai. (2023) *Continuity and Change in Pashtun Culture after 9/11: A Case Study of South Waziristan*. PhD Thesis. Islamabad: Taxila Institute of Asian Civilizations (TIAC), Quaid-I-Azam University.
12. Anwar, H. (2024) An investigation into the dynamics of Pakhtunwali: An analysis of conflicts among the Afridi Tribe. *Journal of International Relations and Social Dynamics*. 3(1), pp. 16–24.
13. Shah, R. & Shah, S.A. (2024) Preserving Tradition and Embracing Change: A Study of Masculinities in Pashtun Society. *Südasiens-Chronik – South Asia Chronicle*. 13. pp. 49–78. DOI: 10.18452/28185
14. Dinakhel, M.A. & Neelam, F. (2023) A Comparative Analysis of the Poetry of Pashtun Female Millennials in Afghanistan and Pakistan. *Südasiens-Chronik – South Asia Chronicle*. 13. pp. 79–114.
15. Rzehak, L. (2011) *Doing Pashto: Pashtunwali as the Ideal of Honourable Behaviour and Tribal Life Among the Pashtuns*. Afghanistan Analysts Network.
16. Jamal, A., Omer, J. & Khwaja, N. (2024) Tradition as Transformation: The Role of Pashtun Hujra in Conflict Resolution, Peacebuilding and Social Change. *Taboo*. 22(2), pp. 128–143.
17. Khan, S., Faheem, M., & Gul, S. (2019). Understanding Pashtunwali and the Manifestation of Pashtun Nationalism in Pakistan: A Conceptual Analysis. *Global Social Sciences Review*. IV(I), pp. 264–270. DOI: 10.31703/gssr.2019(IV-I).35
18. Caroe, O. (1958) *The Pathans*. London: Macmillan and Company Limited.
19. Ali, A. (2024) An Examination of the "Walwar" Tradition among the "Pashtun" in Urdu and Pashtu Literature. *Al-Qirtas*. 3(01), pp. 105–113.
20. Jamal, A. (2014) Men's Perception of Women's Role and Girls' Education among Pashtun Tribes of Pakistan: A Qualitative Delphi Study. *Cultural and Pedagogical Inquiry*. 6(2), pp. 17–34.
21. Naz, A. & Hafeez-ur-Rehman Chauhdry. (2011) Pakhtunwali Versus Islam; A Comparative Analysis of Women's Rights In Islam And Their Violation Under Pakhtunwali (Pakhtun Code Of Life). *International Journal of Humanity and Social Sciences*. 1(2), pp. 22–32.
22. Jan, S.S. (2023) *Cultural Constraints and Women Education; A Case Study of Women's Higher Education in District Mardan*. PhD Thesis. Department of Sociology, Forman Christian College (AChartered University).
23. Khan, M.I.Z., Hashim, S. & Wagma Khattak, S. (2022) Perception of the Community toward Female Education in Lower Dir, Khyber Pakhtunkhwa. *Indian Journal of Economics and Business*. 21(2), pp. 361–364.
24. Khan, S. (2016) Impact of Father Education on Female Education in Pashtun Society of District Charsadda, Pakistan. *Imperial Journal of Interdisciplinary Research (IJIR)*. 2(4), pp. 1013–1019.
25. Brydon, L. (1989) *Women in the Third World: Gender Issues in Rural and Urban Areas*. Rutgers University Press.
26. Utas, Bo. (2016) *Women in Islamic Societies*. Routledge.
27. Mohyuddin, A. & Khan, N. (2015) Socioeconomic Causes of Devaluation of Pashtun Values (Case Study of Village Chakdara, Lower Dir, Khyber Pakhtunkhwa). *The Explorer Islamabad: The Journal of Social Sciences*. 1(12), pp. 442–448.
28. Khan, M. Taimur S. (2016) *Pakistanizing Pashtun: The linguistic and Cultural disruption and Re-invention of Pashtun*. PhD Thesis, American University Washington.
29. Green, N. (2008) Tribe, Diaspora, and Sainthood in Afghan History. *The Journal of Asian Studies*. 67(01), pp. 171–211.
30. Haidar, S. (2018) The image of Pashtuns and the Malala Fund: A discourse analysis of Malala's interview. *Issues in Political Discourse Analysis*. 5(1), pp. 62–75.
31. Caron, J.M. (2007) Afghanistan Historiography and Pashtun Islam: Modernization Theory's Afterimage. *History Compass*. 5(2), pp. 315–329.
32. Khan, S. (2019) The Interplay of Nationalism and Religion in Pashtun Society: An Analysis. *Global Social Sciences Review*. IV(III), pp. 235–240.
33. Alam, A. & Bano, A. (2023) A Journey of a Thousand Miles: A Step Toward a Pashtun Women's Movement in Khyber Pakhtunkhwa. *Südasiens-Chronik – South Asia Chronicle*. 13. pp. 115–142.
34. Aziz, L., Rabia, A. & Asim Muneeb Khan. (2022) Episteme and experiences about Pashtunwali: The standpoint of Pashtun women of Khyber Pakhtunkhwa, Pakistan. *Pakistan Journal of Social Research*. 3(3), pp. 204–215. DOI: 10.52567/pjsr.v3i3.242
35. Sanauddin, N., Khan, Z., Ahmad, S. & Khurshaid. (2015) Women and armed conflict: Cultural obstacles to Pashtun women's participation in peace-building. *Pakistan Journal of Criminology*. 7(4), pp. 141–154.
36. Khayyam, U., Ehsan. I. & Syed, S. (2018) Socio-cultural dynamics and their relation with the participatory development in the Pashtun tribal society of Pakistan. *Teaduste Akadeemia Kirjastus*. 2. pp. 173–184.
37. Khan, K.B., Jaafar, N.I. & Zakaria, S.B. (2024) The role of collectivist cultural practices in supporting a hybrid payment system among small and medium enterprises (SMEs) in Pakistan. *Future Business Journal*. 10(49). DOI: 10.1186/s43093-024-00334-4
38. Mohammad, F., Thomas, A.R. & Tabassum, I. (2016) Honor, Revenge in Socio-Geographic Space of Pashtuns. *Pakistan Journal of Criminology*. 8(3), pp. 74–90.
39. Khan, H. & Bashir, I. (2017) Pakhtoonwali – Ethical Code of Honor among Pakhtoons. *Language in India*. 17(3), pp. 502–507.
40. Bazai, F., Ms Ruqia Rehman, Mujeeb ur-Rehman, & Abdul Qadir. (2020) Pashtunwali as geostrategic challenge in Pak-Afghan Relation. *BALUCHISTAN REVIEW*. 45(1), pp. 299–307.
41. Pelevin, M. (2022) Seeking Protection and Reconciliation: A Pashtun Legal Custom in Recorded Tribal Histories. *International Journal of Middle East Studies*. 54. pp. 687–704.
42. Khan, M., Khan, G. & Muhammad, N. (2022) Barriers to Girl's Education in Khyber Pakhtunkhwa, Pakistan: A Case Study of South Waziristan, Tehsil Makeen. *The Discourse*. 8(2), pp. 1–15.
43. Rafiuddin, M., Waqar, S. & Ghaffoor, H. (2023) Barriers to Girl's Education in Rural Areas of Mardan: Cultural Norms, Safety, and Facilities. *Al-Mahdi Research Journal*. 5(2), pp. 564–576.
44. Jamal, A. (2016) Why He Won't Send His Daughter to School—Barriers to Girls' Education in Northwest Pakistan: A Qualitative Delphi Study of Pashtun Men. *Sage Open*. 6(3), pp. 1–14.

45. Khan, A.Z. (2021) *The politics of identity and space: Muslim female students' discourses on their experiences in secular high schools*. Doctor of Philosophy Department of Curriculum, Teaching and Learning Ontario Institute for Studies in Education University of Toronto.
46. Rostami-Povey, E. (2007) Gender, agency and identity, the case of Afghan women in Afghanistan, Pakistan and Iran. *The Journal of Development Studies*. February. pp. 294–311.
47. Bashir, H. et al. (2021) Invisible Shackles In The Feet Of Pakhtun Women Hampering Their Political Progress. *Webology*. 18(5). pp. 866–882.
48. Jafri, Q. (2021) The Pashtun Protection Movement (PTM) in Pakistan. *International Center on Nonviolent Conflict*. 8. pp. 1–44.
49. Rahim, S. (2021) Women Political Activism and Public Spaces in Pashtun Society in Pakistan. *Global Political Review*. IV(II). pp. 25–32.
50. Haq, Baha Ul, Ikram Badshah, & Javed Mehsud. (2018) The Birth of a Social Movement (A Case Study of Pashtun Tehfuz (Protectio Movement). *Global Anthropological Studies Review*. 1(1). pp. 20–27.
51. Ahmad, R.Q. & Khan, R. (2020) The rise of peripheral nationalism in Pakistan and the Pashtun Tahafuz movement. *Asian Ethnicity*. June. pp. 215–229.
52. Das, D. & Malalai, J. (2022) Restricted access A Transnational Feminist Perspective on the US-NATO Military Withdrawal from Afghanistan: In Conversation with Malalai Joya. *Feminist Formations*. 34(3). pp. 106–126.
53. Fathima, A. (2023) War, Dissent and Resistance: An Analysis of Malalai Joya's A Woman among Warlords. *New Literaria: An International Journal of Interdisciplinary Studies in Humanities*. 4(2). pp. 128–133. DOI: 10.48189/nl.2023.v04i2.014
54. Osman, W. (2019) Media and Imperialism in the Global Village: A Case Study of Four Malalais. In: Aswin, P. & Sriram, M. (eds) *Global Digital Cultures: Perspectives from South Asia*. University of Michigan Press.
55. Joya, M. (2011) No nation can liberate another nation. *Overland*. pp. 3–7.
56. Varghese, N.T. (2018) No Longer Birds with Broken Wings: Grappling against the Subjugation of the Afghan Woman A Concrete Introspection of Malalai Joya's Raising My Voice. *Language in India*. 149(157). pp. 149–157.
57. Ismi, A. (2003) Interview by Malalai Joya. *Warlords to the left of me, druglords to the right: Afghan member of Parliament Malalai Joya is stuck in the middle with Canada*. 15th April.

Information about the author:

Shah Sulman – PhD Student at Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: sulmanshah455@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Сведения об авторе:

Шах Сульман – аспирант факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sulmanshah455@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 27.02.2025; accepted for publication 15.05.2025

Статья поступила в редакцию 27.02.2025; принята к публикации 15.05.2025

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Научная статья

УДК 930.2

doi: 10.17223/19988613/95/19

Проблемы сравнительно-исторического метода и исторических аналогий в публикациях Г.С. Фридлянда

Дмитрий Петрович Мочалов

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия, dosoldschool@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются взгляды Григория Самойловича Фридлянда на ряд методологических вопросов, связанных с проблемами сравнительно-исторических исследований. На примере сравнительных исследований революций новой и новейшей европейской истории в публикациях Фридлянда раскрывается широкий спектр проблем, связанный с различением сравнений и аналогий, проведением границы сравнительных исследований и конкретными подходами к проведению сравнений. Прослежена взаимосвязь историко-методологических и философских взглядов Г.С. Фридлянда как проявление влияния философии на методологию частной дисциплины.

Ключевые слова: исторический материализм, методология истории, марксизм, Фридлянд, сравнительные исследования

Для цитирования: Мочалов Д.П. Проблемы сравнительно-исторического метода и исторических аналогий в публикациях Г.С. Фридлянда // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 95. С. 149–155. doi: 10.17223/19988613/95/19

Original article

Problems of the comparative-historical method and historical analogies in the publications of G.S. Fridlyand

Dmitrii P. Mochalov

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation, dosoldschool@yandex.ru

Abstract. The comparative historical method has gained immense popularity at the present stage of development of historical science. The reverse side of this popularity is the threat of its vulgarization and, accordingly, application errors. The purpose of this study is to clarify the views of the early Soviet historian Grigorij Samojlovich Fridlyand on the problems of comparative historical research. The relevance of such consideration is given by the fact that the historiography of historical science methodology has not yet been fully formed, as well as the history of the development of individual research methods. The review was carried out on the materials of articles, reviews, polemical notes and other periodic publications by G.S. Fridlyand in the leading periodicals of that time. The study revealed that on the basis of discussions around the similarities and differences between the French Revolution and the October Revolution, Fridlyand managed to develop a number of key issues of the comparative method: the distinction between comparisons and analogies, the main lines of comparison of historical phenomena and processes, the possibility of comparisons in the chronological context, the comparison of particular differences in similar objects and single matches for dissimilar objects. When considering the views of Fridlyand, special attention was paid to accusations of opportunism by modern researchers, as well as the relationship between his historical and philosophical views. Summarizing the publications of this author, a number of fundamental conclusions were made. The first of these was a statement of the profound influence that Marxism and its system of philosophical categories had on Fridlyand in resolving particular questions of discipline. Only this system gives the key to understanding the apparent contradictions in his constructions and allows explaining why in each specific case the author comes to certain conclusions while evaluating this or that historical analogy. A similar approach, associ-

ated with the use of a system of categories, may be relevant for modern researchers who tend to get confused about the identity and distinction of historical processes and phenomena. It is impossible not to note the purely applied significance of a number of ready-made conclusions, such as, for example, Fridlyand's criticism of the modernization of history on the example of attributing analogies to the phenomena of the past with the phenomena of current or recent political reality. In conclusion, it is noted that while the history of methodology development and specific examples of the use of various research techniques are still poorly reflected in studies, an analysis of the methodological views of historians from the past will be of great importance for training new personnel in historical science and further understanding of the conditions for its development.

Keywords: historical materialism, methodology of history, Marxism, Fridlyand, comparative studies

For citation: Mochalov, D.P. (2025) Problems of the comparative-historical method and historical analogies in the publications of G.S. Fridlyand. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 95. pp. 149–155. doi: 10.17223/19988613/95/19

Сравнительно-исторический метод сегодня занимает значительное место среди техник, к которым прибегают передовые исследователи. Количество и тематическое разнообразие компаративных исследований не оставляет сомнений, что эта методика оставит свой след на всей исторической науке нашего периода. Вместе с тем, обретая популярность, та или иная идея становится уязвимой для вульгаризации. На это накладывается та проблема, что современные методологические пособия, излагая развитие методологии в общих чертах, редко прибегают к конкретным примерам успешного использования того или иного метода, мало говорят об историческом развитии его применения.

В данном материале на примере журнальных публикаций (критических, полемических и т.д.) советского историка Григория Самойловича Фридлянда мы постараемся проиллюстрировать ту роль, которую играет понимание методологических установок историков далекого прошлого для адекватного восприятия полученных ими в исследованиях выводов. Ближайшими задачами для нас станут рассмотрение позиции Фридлянда относительно сравнения европейских революций нового и новейшего времени, раскрытие взаимосвязи понимания сравнительно-исторического метода с философскими взглядами Фридлянда и господствующей на тот момент научной парадигмой, а также выяснение вопроса о соотношении между методологическими декларациями и реальной практикой исследования в его работах.

Особый интерес представляет то, что Г.С. Фридлянд был одновременно и видным историком своего времени, и философом, т.е. имел особую подготовку для решения таких сложных вопросов. Григорий Фридлянд в философских дискуссиях 1920-х гг. примыкал к так называемым «деборинцам», вместе с которыми выступал учредителем Общества воинствующих материалистов [1. С. 225–226], регулярно публиковался в подконтрольных им изданиях, а также работал с целым рядом видных учеников А.М. Деборина в рамках Института Маркса и Энгельса [2. С. 268–269]. Также Фридлянд был задействован в работе Института истории в рамках секции по методологии истории [3. С. 221].

Как уже было отмечено, современные методологические учебные пособия почти всегда излагают историю методологии как дисциплины, но далеко не так подробны в истории конкретных техник исследования и иллюстраций их применения на конкретном материале. Литература, специально посвященная сравнительно-

историческому методу, появляется только в позднесоветское время, когда обособляется и сама методологическая проблематика. Можно упомянуть публикации Э.С. Маркаряна [4] и Э.Л. Мелконяна [5]. Но преимущественно тема остается в рамках общей методологии общественных наук, потому можно упомянуть такие сборники, как «Методологические проблемы общественных наук» (1979) [6] или «Проблемы методологии социального познания» (1985) [7].

Постсоветская литература в этом плане более конкретизирована, о чем могут свидетельствовать публикации М.М. Кромма [8], выпуск «Рабочих тетрадей по компаративистике» и переводы ранее недоступных русскоязычному читателю авторов, разрабатывающих данный подход. Однако это положительное достижение почти полностью перекрывалось жесточайшим методологическим кризисом, который возник после историографической ситуации перестройки. В таких условиях интерес ко всяким методологическим проблемам в принципе был длительное время чрезвычайно низок.

Тем не менее заметим, что все вышеперечисленные публикации мало похожи на историографию вопроса, потому как в подавляющем большинстве отражают современное авторам состояние сравнительных исследований, но не их историю, тем более для такого узкого периода, как 1920-е гг.

Конкретно историография, посвященная Г.С. Фридлянду, также может дать чрезвычайно мало. Она практически не акцентирует внимание на методологическом аспекте его творчества. В «Очерках истории исторической науки в СССР» Григорий Самойлович Фридлянд упоминается в связи с методологическими дискуссиями тех лет, но его взгляды как особый предмет рассмотрения не выделяются [9]. В работе «Великая французская революция в советской историографии» А.В. Гордона также упоминаются только самые общие контуры дискуссий тех лет [10].

Вместе с тем при рассмотрении журнальных публикаций Григория Самойловича Фридлянда бросается в глаза то пристальное внимание, которое он уделял проблеме исторической аналогии. Вообще проблема аналогии и в принципе всякого сравнения волновала многих авторов того времени. Например, один из лидеров «механистического» направления в советской философии Любовь Исааковна Аксельрод возводила этот метод чуть ли не на вершину раскрытия исторической закономерности, считая методы естественно-

научного эксперимента (в виде так называемого «неконтролируемого эксперимента») равно возможными как для естественных, так и для общественных наук [11. С. 12]. Другой видный «механист» Захар Цейтлин стремился доказать, что марксистскую политэкономию возможно объяснить по аналогии с классической механикой Ньютона [12. С. 137].

Вместе с тем советский общественед Филарет Тележников, так же как и Фридлянд, тесно примыкавший к «диалектикам», в своей обширной статье, посвященной категории «причинности», отмечал, что преувеличение роли аналогии и «ей подобных приемов» характерно именно для механистического понимания причинности [13. С. 36]. В свою очередь, использование именно этого понимания причинности в современном автору общественедении – неотъемлемая черта позитивизма тех лет [13. С. 59, 70–71].

В целом идея статьи такова, что аналогия находит свое полное оправдание на уровне механики, где вполне возможно абстрагироваться от качества взаимодействующего и где можно с уверенностью утверждать, что та же самая причина всегда вызовет то же самое действие, а причина равна действию. Последнее надо понимать так, что меньшая вещь не может вызвать большую, малые причины не влекут больших последствий, и наоборот, большие причины не влекут малых следствий. Уже здесь видно, что это действительно более применимо к закону сохранения энергии, чем к путям человеческой истории. Использование аналогии и сравнения при изучении социальной материи, безусловно, допускается, но лишь в отдельных сторонах предмета [13. С. 70–71].

Если у Тележникова замечания по этому поводу носят более общеметодологический характер, то Фридлянд продолжает ту же линию, но на конкретном историческом материале. Г.С. Фридлянд нигде не отрицает, что аналогия как мыслительная операция является одним из исходных пунктов для выведения закономерностей, но также ставит вопрос о границах. Какие аналогии плодотворны, а какие являются поверхностными и претендуют скорее на звание полемического приема, нежели действительно способа добычи истинного знания? Фридлянд на материале термидора французской революции обозначает две равные крайности: либо полное отождествление истории Октября с историей Великой французской революции, либо постулирование невозможности проводить между ними всякую параллель.

По мнению Фридлянда, попытка перенести рассуждения о французском термидоре на ситуацию в СССР бесплодна, но не по той причине, что аналогии между двумя революциями невозможны в принципе, а потому, что в данном конкретном вопросе речь идет о различных способах производства, имеющих свои внутренние закономерности и, соответственно, особый характер их революционного разрешения. То есть аналогия мыслится возможной, но в некой иной плоскости [14. С. 158–159]. Еще раз Фридлянд затрагивает тему сравнительно-исторического метода, рассматривая работы французского историка Анри Сэ. Критикуя его подход к данному методу, Фридлянд замечает, что

для успешного применения одного зарубежному автору не хватает монизма. Сравнения поверхностны и бессистемны, поскольку нет единого критерия, того ядра, что является решающим при разграничении явлений [15. С. 22–23]. Говоря философским языком, в построениях Анри Сэ нельзя отделить сущность события, в которой больше необходимого, от явлений, в которых много случайного и кажущегося. Это и приводит к дурным аналогиям.

В качестве позитивного примера сравнения, каким его видел критик, можно привести сопоставление Фридляндом в одном из предисловий английской и французской революции [16. С. 126–128]. Исходя из принятой им марксистской методологии, общность содержания обеих революций, связанных со сменой феодального общественно-экономического строя на капиталистический, позволяет сопоставлять формы их конкретного протекания. Это позволяет ему в принципе сравнивать два события, произошедших в различных государствах и разделенных почти столетием. Но это вовсе не значит, что обнаруженные различия несущественны. Тот факт, что в случае Англии буржуазия была вынуждена взять себе в союзники часть дворянства, а во Франции – народ (в смысле предпролетарских слоев и крестьянства), существенно определил как ход революции, так и ее последствия, хотя обе фундаментально, на уровне смены общественно-экономической формации, добились равного результата. То есть сравнение, по Фридлянду, корректно, если у процессов с единым содержанием сравнивается форма.

Некоторые, пусть и неглубокие, пояснения можно найти в его публикациях о методике преподавания. Учитывая, как крепко сам Фридлянд связывал методику преподавания предмета с методологией, в нем господствующей [17. С. 97], прислушаться к этим пояснениям будет небезынтересно. Таким образом можно выяснить, что аналогией Фридлянд считает поверхностные обобщения, вульгаризированный вариант сравнительно-исторического метода, когда пытаются сопоставить разнородные явления во всей их полноте. [17. С. 107]. В свою очередь, добросовестность сравнения состоит в том, что берут для сравнения не просто сопоставимые объекты, что лишь начало задачи, но и ограничивают такие объекты конкретными сторонами [18. С. 186].

Отдельно отметим, что речь здесь идет о статьях 1924 года. Они не только отражают самые ранние, начальные взгляды Фридлянда на проблему, но и показывают, что необходимость затуманивать троцкистский тезис о «советском термидоре» еще далеко, а вопрос автора уже интересует. Это важно, так как А.В. Гордон вообще рассматривает всю тему с историческими аналогиями у Г.С. Фридлянда как своеобразную попытку отмежеваться от политических кампаний против троцкизма, который пророчил советской власти скорое повторение судьбы якобинской диктатуры. Это как бы ориентирует современного исследователя не воспринимать написанное Фридляндом всерьез и смотреть на его методологические замечания только как на выражение конъюнктуры [10. С. 55–56]. Но дело в том, что абсолютно идентичный взгляд на аналогии в деле

сравнения двух революций Фридлянд высказывал еще на заре карьеры, в 1923 г. [19; 20. С. 14, 16]. И вплоть до 1931 г. [21. С. 3] в его взгляде на этот вопрос прослеживается планомерное развитие, но никак не резкая перемена.

Последнее можно зафиксировать только в 1936 г., но и здесь обновление взглядов шло в несколько ином русле. В довольно, казалось бы, типичной для своего времени статье под названием «Энгельс как историк», ссылаясь на одно из писем Энгельса, Г.С. Фридлянд ставит вопрос о втором пути исторического сравнения [22. С. 88]. Первый отмечен в его прежних публикациях: брать однородные процессы и сравнивать частные расхождения. В упомянутом же письме приведено требование Энгельса сравнивать историю Германии не с Польшей, а с наиболее передовыми странами того времени, с той же Францией, чтобы четче высвечивать различия. Более того, по мнению классика марксизма, сравнение Германии именно с Францией дает нужный масштаб, поскольку в последней «происходит как раз обратное тому, что происходит у нас» [22. С. 89]. Отдельно отметим, что в 1924 г. Г.С. Фридлянд категорически выступал против подобного подхода касательно истории России и Западной Европы, считая, что это приведет к слишком вульгарным аналогиям. Тогда еще Фридлянд не задумывался о том, что различие, несхожесть могут быть не только предпосылкой, но и результатом [17. С. 107]. А вот Энгельс вполне себе мыслил сравнение неких общих частных у различных в целом обществ, с чем к середине 1930-х гг. соглашался уже и Фридлянд. Разработка подобной техники исследования представляла бы значительный интерес как с точки зрения соотношения с философскими достижениями советского марксизма тех лет, так и с точки зрения собственно исторических исследований. Увы, но на этом месте нить обрывается, поскольку творческий и жизненный путь Фридлянда закончился на следующий год после публикации, а атмосфера научной среды тех лет не располагала к новаторству.

Как уже упоминалось, по характеру замечаний в монографии «Великая французская революция в советской историографии» можно заключить, что для ее автора определенное разрешение вопроса об аналогиях у Г.С. Фридлянда было способом уйти от давления политической действительности того времени [10. С. 55–56]. С этой точки зрения его взгляды вполне могут показаться путанными и конъюнктурными: подозрительно удобно, что исторические аналогии оказываются невозможны там, где они в тот момент были наиболее необходимы политической оппозиции. Вместе с тем все эти сомнения уходят, если вспомнить активное увлечение Фридлянда философией того времени.

Обобщая его публикации за разные годы, можно прийти к выводу, что Григорий Самойлович считал возможными сравнения, связанные с подведением событий Октября и Великой французской революции к общему знаменателю в смысле общих закономерностей революционного процесса. В таком случае и французская, и Октябрьская революции в равной степени являются единичными проявлениями некоего общего, революционного процесса вообще. Он искал, и с точки

зрения категориального аппарата марксизма делал это верно, общее, особенное и единичное революционного процесса. Можно представить себе это как вертикальную связь различных революций, отстоящих друг от друга на ленте времени на значительное расстояние, с неким общим над ними. К слову, вообще всю проблему общественно-экономических формаций и их переходов Фридлянд характеризовал не иначе как конкретизацию общего, особенного и единичного применительно к исторической науке [23. С. 7].

Однако в плоскости другой пары категорий, сущности и явления, для него, опять же как для марксиста, подобные сравнения были невозможны. Условно это можно изобразить как горизонтальную связь уже между самими различными видами революций разных эпох, т.е. вневременную, стирающую границы между эпохами, которые они отделяют. Само собой, такие аналогии для марксиста, коим был Г.С. Фридлянд, были невозможны. Во-первых, равенство всех революций, – в сущности, горизонтальное, для удобства изложения, – подрывало вышеобозначенную вертикальную связь. Если «в сущности» все революции тождественны и в них нет индивидуального, то общую теорию революционного процесса невозможно построить – нечего обобщать. Наоборот, существует уже готовая, почти гегельянская «идея революционного процесса вообще», которая целиком воплощается в единичных явлениях в различные моменты времени. Таким образом, полные аналогии можно выстраивать даже между Октябрьской и Нидерландской революциями, но уже незачем: объектом рассмотрения на самом деле станет эта метафизическая идея.

Вместо того чтобы расширить базу сравнительно-исторического метода, подобный подход нивелировал бы ее – что сравнивать, если все революции в истории есть проявление какой-то гипостазированной надисторической сущности, «революции вообще»? В них нет ничего самостоятельного, уникального, достойного индивидуального подхода. Это был бы уже путь предельной схематизации.

Во-вторых, в марксизме «явление» не совпадает с «сущностью». Хотя сущность существует только в явлениях и через явления, а не за ними, последние имеют несводимое, специфическое содержание, искажающее его. Явления не только несамостоятельны, но и шире сущностей, потому что полны второстепенных и случайных связей. Полагаться только на их сравнения для выявления сущности – значит отождествлять сущность и явление, сравнением и систематизацией последних исчерпать изучение предмета вместо подлинно исторической реконструкции конкретного. Собственно, это то, в чем часто обвинялся позитивизм тех лет, и здесь мы возвращаемся к исходному философскому пункту, от которого оттолкнулись, упоминая Ф.Е. Тележникова.

Многие явления, характерные для современного капитализма, существовали и в Древней Греции. Например, товарный обмен. Вместе с тем характер организации общественного производства, который этот товарный обмен выражал, с точки зрения марксизма был бесконечно далек от современного. Явление

товарного обмена дожило до нашего времени, но аналогировать товарный обмен того времени и современный именно с целью доказать тождество прячущейся за ними сущности – это не путь марксизма. Хотя, как мы увидели, к концу своего пути Фридлянд пришел к тому, что изучение частных, отдельных явлений, выражающих разные сущности, также возможно и нужно, но проработать эту проблему как следует уже не успел.

В рассуждениях Фридлянда нет конъюнктуры, по крайней мере в очевидном виде, поскольку в марксизме сущность действительно слишком интегративная категория, включающая в себя отдельные стороны ряда других категорий, и потому выступает как наиболее устойчивое в процессе развития.

Вот об этом и говорит Фридлянд, не допуская аналогий между французским термидором и советским: их сравнение даст что угодно, но не желаемое для многих в ту эпоху тождество. Каждый из них может быть понят в основе своей только при изучении индивидуальных фактов.

Но в месте с тем, по мнению Фридлянда, «установление причинной связи исторических явлений начинается и сводится к установлению типичного в индивидуальном», само познание индивидуального есть лишь раскрытие общего [24. С. 151–152]. Противоречий в этих двух подходах не возникает потому, что рассматриваемое явление или процесс мыслятся им в системе категорий марксизма. Тогда и сравнение может идти по линии сопоставления различных форм протекания тождественных по своему содержанию процессов. Сравнение может идти по линии сущности и явления. В конце концов сравнение может дать материал для конструирования общей теории революционного процесса, которую можно абстрагировать от опыта конкретных, индивидуально-своеобразных революций, т.е. по линии категорий общего и особенного. Вот такую аналогию Фридлянд допускает и сам. Анализируя смену власти различных группировок буржуазии в годы Великой французской революции, Фридлянд приходит к выводу, что сутью этого процесса было вытеснение партий, представляющих какие-то определенные группировки буржуазии, той, которая сможет консолидировано представлять интересы всего класса. Это было совершенно необходимо, поскольку на первых порах аристократия, поддерживая наиболее близкие ей слои буржуазии, делала попытку спасти свой порядок на почве другого класса. Таким образом, по его мнению, закономерен и оппортунизм в социалистических революциях XX в. – почти все они начинаются с умеренных, выражающих объективные интересы не всего рабочего класса, а лишь рабочей аристократии. Это также, по его мнению, представляет собой попытку спасти капиталистические порядки на почве рабочего класса [25. С. 162–163].

Несмотря на то, что аналогии между двумя революциями, особенно в свете будущих событий периода сталинизма и периода перестройки, все же превратили «советский термидор» в устойчивое выражение, обозначающее внутреннее перерождение общественного строя в СССР, надо признать, что Фридлянд, пусть

и ошибочно отрицая возможность этого перерождения вообще, оказался по-своему прав методологически. Даже если обозначать события 1930-х гг. или перестройки как «советский термидор», – он, безусловно, имел свои внутренние исторические закономерности, не сводимые к схеме французской революции. Достаточно указать уже на то, что не вполне ясно, к какому периоду относить «термидор» Октября, какова его длительность и даже был ли он вообще. В этом плане в истории действительно произошло нечто качественно новое, не сводимое к событиям краха якобинской диктатуры. Если бы проблема действительно решалась по аналогии, на которую раньше просто налагался идеологический запрет, то подобные вопросы сегодня вообще не стояли бы.

Значит ли это, что конъюнктура вообще не влияла на методологические позиции Фридлянда и их воплощение в жизнь? Отнюдь нет. На дискуссии о народо-вольцах он обронил довольно интересную реплику: «У Маркса в одной из рецензий на работы Б. Бауера о христианстве высказана мысль, что в каждом данном историческом явлении мы должны изучать главным образом то, что в нем остается от прошлого, а не столько содержащиеся в нем зародыши будущего. Эта мысль должна удерживать наших историков от естественного желания открывать в Марате, Бабефе или народо-вольцах большевиков» [26. С. 136]. В самом деле, с этим сложно не согласиться, поскольку подобная аналогия в прошлое действительно представляет собой скорее прием нечистоплотной полемики, нежели сколько-нибудь ценное знание. Например, признать марксизм «разновидностью Спинозизма», а такие дискуссии в историко-философских исследованиях 1920-х гг. имели место, – значит сказать нечто новое и важное для понимания предпосылок возникновения диалектического материализма. Другое дело – верно ли это, но сама постановка вопроса серьезна. Однако называть Спинозу первым диалектическим материалистом в истории или «первым марксистом до Маркса» – значит вульгарно модернизировать историю общественной мысли. Это значит осознанно ставить цель повесить на мыслителя некий ярлык, который в зависимости от замысла авторов должен или отпугивать от Спинозы всех испуганных большевизмом в современности, или, наоборот, обеспечивать непогрешимость положений его философии для всякого, кто желает себя отождествлять с современными коммунистическими течениями. Ярлык, поскольку для понимания Бенедикта Спинозы и его времени подобная характеристика не дает вообще ничего нового, выступая просто как полемический прием. Причем отнюдь небезобидный, поскольку делает исследователя более уязвимым к ошибкам послезнания.

Правда, нужно заметить, что аналогиям, направленным из прошлого в будущее, также следовало бы выставить определенные границы. Представляется, что существует некая черта, за которой их плодотворность заканчивается. В этом плане Фридлянд сделал некоторое упущение.

Однако наиболее печально то, что в первую половину 1930-х гг. «большевизация» французской рево-

люции будет осуществляться руками самого Фридлянда, причем апофеозом ее станет попытка «открыть большевика» в Марате, в осуждении которой солидарны как советские, так и постсоветские работы [9. С. 647–649; 10. С. 67–68]. Здесь, в отличие от отношения к историческим аналогиям, есть безусловное расхождение между декларациями и практическими результатами исследования.

Таким образом, мы увидели, что полноценное понимание выводов, к которым приходил Фридлянд по поводу сравнения европейских революций, невозможно без выяснения его взглядов на сам метод исторического сравнения, поскольку уже на этом этапе в самом подходе заложен определенный спектр решений. Взятые вне этого контекста выводы теряют ту слаженность и динамику, которые имеют, будучи поняты в контексте определенного мировоззрения. В таком случае есть риск, что они могут быть обесценены

в историографическом исследовании просто потому, что оказываются неправильно понятыми. К тому же данный подход позволяет судить о конкретном авторе, избегая модернизации, трезво осознавая методологические возможности тех лет и мировоззренческие рамки, в которых находились историки прошлого.

Безусловно, подобный подход не является панацеей. Проблема неадекватности результатов декларируемым методологическим принципам, а также банальной непоследовательности, конъюнктурности не исчезает. Более того, в таком случае сколь угодно детальное выяснение методологических установок автора прошлого просто не дает ничего нового для понимания. Но как раз изучение реальной практики применения тех или иных методов и позволяет с большей или меньшей уверенностью утверждать, что природа тех или иных результатов в действительности не такова, как это декларируется изначально.

Список источников

1. Заседание Общества Воинствующих Материалистов // Под знаменем марксизма. 1927. № 4. С. 208–227.
2. Цобель Э.О. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса // Печать и революция. 1927. № 7. С. 257–269.
3. В институте истории при Комкадемии // Историк-марксист. 1929. № 14. С. 221–227.
4. Маркарян Э.С. Об основных принципах сравнительного изучения истории // Вопросы истории. 1966. № 7. С. 18–31.
5. Мелконян Э.Л. Проблемы сравнительного метода в историческом знании. Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1981. 129 с.
6. Методологические проблемы общественных наук / под ред. Л.Ф. Ильичева. М. : Наука, 1979. 472 с.
7. Проблемы методологии социального познания / под ред. В.А. Штоффа. Л. : Изд-во ЛГУ, 1985. 181 с.
8. Кром М.М. Введение в историческую компаративистику. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 247 с.
9. Очерки истории исторической науки в СССР / под ред. М.В. Нечкиной. М. : Наука, 1966. Т. 4. 854 с.
10. Гордон А.В. Великая французская революция в советской историографии. М. : Наука, 2009. 380 с.
11. Аксельрод Л.И. (Ортодокс) Критика основ буржуазного обществоведения и материалистическое понимание истории : курс лекций. 2-е изд. М. : ЛИБРОКОМ, 2010. 104 с.
12. Цейтлин З.А. Наука и гипотеза : историко-критическое исследование математических начал натуральной философии в связи с учением о методе естествознания и общественных наук. М. ; Л. : ГИЗ, 1926. 216 с.
13. Тележников Ф.Е. Проблема причинности с точки зрения диалектического материализма // Вестник коммунистической академии. 1927. № 24. С. 20–73.
14. Фридлянд Ц. 9-е термидора // Историк-марксист. 1928. № 7. С. 158–188.
15. Фридлянд Ц. Марксизм и западноевропейская историография // Историк-марксист. 1929. № 14. С. 13–35.
16. Фридлянд Ц. Выставка по истории Великой французской революции // Летописи марксизма. 1928. № 5. С. 126–128.
17. Фридлянд Ц. О методике преподавания истории // Сборник по вопросам партпросвещения. М. : Изд. Ком. ун-та им. Я.М. Свердлова, 1924. С. 96–116.
18. Выдержки из стенограммы заседания кафедры истории Свердловского университета // Сборник по вопросам партпросвещения. М. : Изд. Ком. ун-та им. Я.М. Свердлова, 1924. С. 173–243.
19. Фридлянд Ц. Рецензия: Albert Mathiez. "Le bolschévisme et le jacobinisme" // Печать и революция. 1923. № 2. С. 156–158.
20. Фридлянд Ц. Круговорот профессора истории // Печать и революция. 1923. № 6. С. 8–19.
21. Фридлянд Ц. Предисловие // Эрдэ Д.И. 9 термидора в исторической литературе. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1931. С. 3–4.
22. Фридлянд Ц. Энгельс как историк // Историк-марксист. 1936. № 2 (54). С. 82–89.
23. Фридлянд Ц. Энгельс об истории как науке // Историк-марксист. 1935. № 8-9 (48-49). С. 5–27.
24. Фридлянд Ц. Два шага назад // Под знаменем марксизма. 1928. № 2. С. 147–161.
25. Фридлянд Ц. Ленин и война 1914–1918 гг. // Под знаменем марксизма. 1924. № 2. С. 148–172.
26. Дискуссия о Народной воле в обществе историков-марксистов // Историк-марксист. 1930. № 15. С. 86–143.

References

1. *Pod znamenem marksizma*. (1927) Zasedanie Obshchestva Voinstvuyushchikh Materialistov [Meeting of the Society of Militant Materialists]. 4. pp. 208–227.
2. Tsobel, E.O. (1927) Institut K. Marksa i F. Engel'sa [The Institute of K. Marx and F. Engels]. *Pechat' i revolyutsiya*. 7. pp. 257–269.
3. Anon. (1929) V institute istorii pri Komakademii [At the Institute of History at the Communist Academy]. *Istoriik-marksist*. 14. pp. 221–227.
4. Markaryan, E.S. (1966) Ob osnovnykh printsipakh sravnitel'nogo izucheniya istorii [On the Basic Principles of Comparative Study of History]. *Voprosy istorii*. 7. pp. 18–31.
5. Melkonyan, E.L. (1981) *Problemy sravnitel'nogo metoda v istoricheskoy znaniy* [Problems of the Comparative Method in Historical Knowledge]. Erevan: the Academy of Sciences of the ArmSSR.
6. Ilichev, L.F. (ed.) (1979) *Metodologicheskie problemy obshchestvennykh nauk* [Methodological Problems of Social Sciences]. Moscow: Nauka.
7. Shtoff, V.A. (ed.) (1985) *Problemy metodologii sotsial'nogo poznaniya* [Problems of the Methodology of Social Knowledge]. Leningrad: LSU.
8. Krom, M.M. (2015) *Vvedenie v istoricheskuyu komparativistiku* [Introduction to Historical Comparative Studies]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
9. Nechkina, M.V. (ed.) (1966) *Ocherki istorii istoricheskoy nauki v SSSR* [Essays on the History of Historical Science in the USSR]. Vol. 4. Moscow: Nauka.
10. Gordon, A.V. (2009) *Velikaya frantsuzskaya revolyutsiya v sovetskoj istoriografii* [The Great French Revolution in Soviet Historiography]. Moscow: Nauka.

11. Akselrod, L.I. (Ortodoks) (2010) *Kritika osnov burzhuaznogo obshchestvovedeniya i materialisticheskoe ponimanie istorii* [Critique of the Foundations of Bourgeois Social Science and the Materialistic Understanding of History]. 2nd ed. Moscow: LIBROKOM.
12. Tseytlin, Z.A. (1926) *Nauka i gipoteza: istoriko-kriticheskoe issledovanie matematicheskikh nachal natural'noy filosofii v svyazi s ucheniem o metode estestvoznaniya i obshchestvennykh nauk* [Science and Hypothesis: A Historical and Critical Study of the Mathematical Principles of Natural Philosophy in Connection with the Doctrine of the Method of Natural Science and Social Sciences]. Moscow; Leningrad: GIZ.
13. Telezhnikov, F.E. (1927) Problema prichinnosti s tochki zreniya dialekticheskogo materializma [The Problem of Causality from the Point of View of Dialectical Materialism]. *Vestnik kommunisticheskoy akademii*. 24. pp. 20–73.
14. Fridlyand, Ts. (1928) 9-e termidora [The 9th Thermidor]. *Istorik-marksist*. 7. pp. 158–188.
15. Fridlyand, Ts. (1929) Marksizm i zapadnoevropeyskaya istoriografiya [Marxism and Western European Historiography]. *Istorik-marksist*. 14. pp. 13–35.
16. Fridlyand, Ts. (1928) Vystavka po istorii Velikoy frantsuzskoy revolyutsii [Exhibition on the History of the Great French Revolution]. *Letopisi marksizma*. 5. pp. 126–128.
17. Fridlyand, Ts. (1924) O metodike prepodavaniya istorii [On the Methods of Teaching History]. In: *Sbornik po voprosam partprosveshcheniya* [Collection on Party Education Issues]. Moscow: Ya. M. Sverdlov Communist University. pp. 96–116.
18. Anon. (1924) Vyderzhki iz stenogrammy zasedaniya kafedry istorii Sverdlovskogo universiteta [Excerpts from the transcript of the meeting of the history department of Sverdlovsk University]. In: *Sbornik po voprosam partprosveshcheniya* [Collection on Party Education Issues]. Moscow: Ya. M. Sverdlov Communist University. pp. 173–243.
19. Fridlyand, Ts. (1923) Retsenziya: Albert Mathiez. “Le bolschévisme et le jacobinisme” [Review: Albert Mathiez. “Le bolschévisme et le jacobinisme”]. *Pechat' i revolyutsiya*. 2. pp. 156–158.
20. Fridlyand Ts. (1923) Krugovorot professora istorii [The cycle of a history professor]. *Pechat' i revolyutsiya*. 6. pp. 8–19.
21. Fridlyand, Ts. (1931) Predislovie [Preface]. In: Erde, D.I. *9 termidora v istoricheskoy literature* [The 9th Thermidor in Historical Literature]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo. pp. 3–4.
22. Fridlyand, Ts. (1936) Engel's kak istorik [Engels as a Historian]. *Istorik-marksist*. 2(54). pp. 82–89.
23. Fridlyand, Ts. (1935) Engel's ob istorii kak nauke [Engels on History as a Science]. *Istorik-marksist*. 8–9 (48–49). pp. 5–27.
24. Fridlyand, Ts. (1928) Dva shaga nazad [Two Steps Back]. *Pod znamenem marksizma*. 2. pp. 147–161.
25. Fridlyand, Ts. (1924) Lenin i voyna 1914–1918 gg. [Lenin and the War of 1914–1918]. *Pod znamenem marksizma*. 2. pp. 148–172.
26. Anon. (1930) Diskussiya o Narodnoy vole v obshchestve istorikov-marksistov [Discussion about the People's Will in the Society of Marxist Historians]. *Istorik-marksist*. 15. pp. 86–143.

Сведения об авторе:

Мочалов Дмитрий Петрович – соискатель ученой степени кандидата исторических наук Оренбургского государственного педагогического университета (Оренбург, Россия). E-mail: dosoldschool@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Mochalov Dmitry P. – Applicant for a Degree Candidate of Historical Sciences at Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russian Federation). E-mail: dosoldschool@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; принята к публикации 15.05.2025

The article was submitted 20.11.2023; accepted for publication 15.05.2025

Научная статья
УДК 94(47); 930(075.8)
doi: 10.17223/19988613/95/20

Организация Первой всеобщей переписи населения 1897 года в Вооруженных силах Российской империи

Юрий Владимирович Семенов

Томский государственный университет, Томск, Россия, semen_sbp@rambler.ru

Аннотация. Анализируется организация Первой всероссийской переписи 1897 г. в Вооруженных силах Российской империи. Отмечено, что перепись проводилась отдельно по воинским частям и по оставшемуся военному сословию казаков. Сведения переписи, по мнению автора, достаточно достоверны и по ряду параметров являются единственными в своем роде, например по этническому (языковому) составу воинских частей.

Ключевые слова: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года, Вооруженные силы Российской империи

Для цитирования: Семенов Ю.В. Организация Первой всеобщей переписи населения 1897 года в Вооруженных силах Российской империи // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 95. С. 156–161. doi: 10.17223/19988613/95/20

Original article

Organization of the First General Population Census of 1897 in the Armed Forces of the Russian Empire

Yuri V. Semenov

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, semen_sbp@rambler.ru

Abstract. The article examines the problems faced by the compilers of the 1897 census during its conduct in the armed forces of the Russian Empire. Despite extensive plans and programs, the involvement of prominent scientists and statesmen of Russia (P.P. Semenov-Tyan-Shansky, I.O. Struve, N.A. Troinitsky, etc.), insufficient funding for the census, the lack of lengthy preparatory work and truthful information about it, and as a result, distrust of the census itself among the population, as well as the catastrophically low overall literacy, the result was not perfect. The census materials could not be published in full. The census in the armed forces was conducted on a national basis, but by special Military committees. The new Charter on Universal Military Service and the new requirements for mobilization resources and principles of army recruitment that arose with its adoption had the greatest impact on these circumstances. The Charter radically changed the system of recruitment, deployment and mobilization deployment of the Imperial army and irregular formations of Cossack troops. A Military Committee was established as part of the Main Census Commission and a special member with the rank of deputy chairman, General P.O. Shcherbov-Nefedovich (a representative from the Military Department), was appointed to the commission. In accordance with the Regulations on Conducting the Census, local commanders were directly responsible for the census in military departments, data was accumulated at headquarters and departments at all levels, checked and submitted through the Military Committee of the Main Census Commission headed by the Minister of the Interior. The main problem was to collect and summarize information from all other departments that had military personnel in their composition (the Ministry of Internal Affairs, the Ministry of Justice, a separate corps of Gendarmes, a Separate Corps of Border Guards and some other departments). Many military personnel were the members of the census commissions, especially in the governorates - General. Since the percentage of literate people in the armed forces was several times higher than that of civilians, the calculations in these subjects were more accurate and faster. The author believes that despite all the errors and inaccuracies, the census materials can unambiguously give an idea of the trends in the development of the society of the Russian Empire in all matters, and, in particular, the national (ethnic) composition and deployment of armed groups at the end of the 19th century.

Keywords: The first general population census of the Russian Empire in 1897, the armed forces of the Russian Empire

For citation: Semenov, Yu.V. (2025) Organization of the First General Population Census of 1897 in the Armed Forces of the Russian Empire. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 95. pp. 156–161. doi: 10.17223/19988613/95/20

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года была и остается на сегодняшний день ценнейшим источником по истории России. Несмотря на то, что работа по окончательному завершению переписи, полному оформлению результатов в объемные и исчерпывающие общие своды по империи в целом и, самое главное, по оперативной корректировке наличных статистических и счетных данных была так и не завершена, материалы позволяют проводить глубокий анализ практически по всем аспектам существования государства, получать информацию по каждому региону и группам населения Российской империи конца XIX – начала XX в.

Объемы и масштаб проведенной переписной работы, характер и качественный состав привлеченных для этого сил и средств удивляют даже по нынешним меркам (замечая это как один из территориально ответственных за Всероссийскую перепись 2020 г. и могу сказать об этом достаточно профессионально и объективно). Даже в подборе статистических таблиц губернских материалов (тома или рабочие тетради) поражает глубина анализа и скрупулезность разработчиков и исполнителей проекта. Достаточно сказать для примера, что из 25 таблиц переписи две касаются «лиц, одержимых физическими недостатками», а в двух таблицах по группам населения учитываются «умалишенные и находящиеся на излечении душевнобольные». Такое сугубое внимание к состоянию здоровья населения объясняется стремлением организаторов переписи точно знать состояние мобилизационного ресурса армии.

Перепись охватывает практически все стороны материальной и «религиозной» жизни всех сословий Российской империи, иностранных подданных, постоянно пребывающих на ее территории. Подробно рассматриваются вопросы вероисповедания, возрастные и сословные группы, группы занятий, национальность, доходы и даже классовые особенности регионов. Также достаточно подробно освещались вопросы браков, грамотности, временной и постоянной миграции, распределения населения в империи по национальному признаку. Впервые был показан полный состав национальностей Российской империи (например, учтены, пусть и по-разному называемые в разных регионах, енисейские тюрки, тунгусы (-ссы, -зы), кара-киргизы, кайсак-киргизы, кара-кайсаки и казахи с киргизами; сиро-халдеи – караимы, айсоры и пр.) с анализом их экономического, религиозного, возрастного состояния и мест расселения.

По итогам переписи национальный состав Российской империи был следующим: при более чем 125-миллионном населении в России проживало более 100 наций и народов, при этом только шесть народов составляли более 90% населения: русские – 66,78%, в том числе великорусские – 66,33%, малорусские – 26,66%, белорусские – 7,01%; поляки – 6,3%, финские – 4,3%, евреи – 4,0%, турко-татары – 10%, литовско-латышские – 2,46%, германские – 1,44% [1. С. VI–XVII].

Несмотря на обширные планы и программы, привлечение видных ученых и государственных деятелей России (П.П. Семенов-Тянь-Шанский, И.О. Струве, Н.А. Тройницкий и др.), недостаточное финансирова-

ние переписи, отсутствие длительной подготовительной работы и правдивых сведений о ней и, как следствие, недоверие к вопросам самой переписи у населения, а также катастрофически малая общая грамотность привели к тому, что получившаяся картина, к сожалению, была не совсем идеальной. Кроме того, таблицы в томах изобилуют орфографическими, арифметическими ошибками (несоответствие сумм в столбцах и строках и одинаковых значений внутри и между разными таблицами), а также ошибками наборного и типографского ряда (несовпадение форм и оглавлений внутри таблиц и между таблицами). Поскольку в 1885 г. в России был отменен «подушный налог», Министерство финансов изрядно сократило финансирование работ (к примеру, стоимость переписи 1900 г. в США составляла 13,5 коп. на человека, а в России – 4,2 коп. на человека). Для обработки результатов за границей были закуплены счетные машины – табуляторы Голлерита, с методом шифрования нанесением меток ручным пробиванием в картах, а также несколько сотен арифмометров, но по причине малого финансирования пришлось привлекать малообразованных людей, что и породило массу ошибок, указанных выше [2. С. 30–33].

Все вышеперечисленное, а также затягивание сроков обработки результатов (на 8 лет) и неравномерный выход в печать губернских томов привели к определенной потере интереса общества к ожидаемому анализу результатов Первой всеобщей переписи. Смерть в 1913 г. главного «инициатора и исполнителя» переписи Н.А. Тройницкого, а впоследствии и Первая мировая война в 1914 г. сделали нереальными как полное окончание работы над Первой переписью, так и проведение второй переписи, запланированной на 1910, а затем на 1915 г. [3. С. 116–118]. Несмотря ни на что, Николай Александрович Тройницкий смог добиться, чтобы в 1905 г. вышел общеимперский свод по Российской империи в двух томах, однако, как записано в предисловии к первому тому, «...ввиду отсутствия кредитов со стороны Министерства финансов» [4. С. 4], работа по своду была выполнена не очень качественно (арифметические ошибки, несоответствия с губернскими томами).

Также в обоих томах «Общего свода по империи результатов разработки данных “Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 Января 1897 года”» (далее – Свод), при всех их международных стандартах («русско-французская билингва»), как отмечает сам Н.А. Тройницкий, урезано количество сводных таблиц и изменены формы самих таблиц в сторону уменьшения и объединения. Например, вошли не в полном объеме или не вошли вовсе многие таблицы по о. Сахалину, Амурской области. Данные по 18 из 89 областей и губерний выполнены не в томах, а в тетрадях (2–3 тетради на губернию), что происходило из-за недостатка финансирования и времени, а также желания местных властей получить пусть и не совсем полные, но «быстрые» издания и в более дешевых частных типографиях. Это часто не позволяет в Своде сделать подробный анализ по каждой губернии, краю или области без использования томов по губерниям, а для каждой губернии для полноты еще желательно

проводить анализ не только в целом, а и по округам (уездам). Также не проводилась перепись населения в Финляндии, Хиве и Бухаре (только подданных империи, в них проживавших). Вот как в предисловии ко второму тому Свода пишет об этом сам Николай Александрович Тройницкий: «...До начала 1902 года Центральным Статистическим Комитетом были обнародованы по 18 губерниям и объём столицам “первая” тетради результатов первой всеобщей переписи населения Империи 1897 года и по 6-ти губерниям “вторая”. Тетради эти, кроме таблиц, проектированных для разработки Главною Переписною Комиссией, содержат еще значительное число таблиц, выработанных самим Комитетом, которые последний признавал полезными в научном и практическом отношении. Особое Совещание, образованное по Высочайшему повелению, в январь 1902 года под председательством Товарища Министра Внутренних Дел, сенатора П.Н. Дурново, на которое, в виду определившегося к тому времени недостатка первоначально ассигнованных на перепись сумм, — было возложено окончательное установление общего плана дальнейшей разработки материалов первой всеобщей переписи населения 1897 г. и определение суммы необходимых для сего расходов, нашло предложенную Центральным Статистическим Комитетом программу разработки слишком обширной и признало необходимым, с целью возможного сокращения дальнейших расходов, значительно ограничить ее рамки. По этим соображениям Особое Совещание выработало в окончательной форме 25 таблиц, которые и были представлены на рассмотрение Государственного Совета вместе со сметными исчислениями сумм, необходимых к ассигнованию на окончание разработки. Эти таблицы, одобренные Государственным Советом в общем их состав, были указаны к неуклонному исполнению.

В отличие от принятого ранее Комитетом плана, Особое Совещание постановило произвести разработку одного только наличного населения, без разделения его, как это делалось Центральным Статистическим Комитетом, на постоянное и временно-пребывающее, и вкл. по всем таблицам в общую массу населения иностранных подданных, которых Комитет предполагал разработать, по всем занесенным в переписные листы признакам, отдельно от русских подданных. Засим сведения о численности постоянного населения, временно-пребывающих и временно-отлучившихся, Особое Совещание предложило в общей таблице.

Вместе с тем, Особое Совещание признало более целесообразным, чтобы результаты переписи были издаваемы по губерниям, общей книгой для каждой, за исключением лишь таблицы XX-й (занятия населения), которую Комитету предложено обнародовать по районам, т.е. для целого ряда известных губерний или областей вместе, причем определение состава и числа районов предоставлено усмотрению Центрального Статистического Комитета.

Разработка данных переписи, согласно с требованиями выработанного Особым Совещанием плана,

производится Центральным Статистическим Комитетом, как и ранее, посредством счетно-табличных электрических машин, изобретенных Германом Голлеритом. Путем ряда пропусков через эти машины личных карточек зарегистрированного при переписи населения, Центральный Статистический Комитет получает все требуемые подсчеты как простые, так и сложные, за исключением таблицы I, которая составляется из местных подсчетов и исправляется сообразно с более точными результатами, получаемыми из машинных подсчетов...» (сохранены авторские орфография и пунктуация) [1. С. I].

Я впервые столкнулся со статистическими архивными материалами такого рода и, признаться, был очень озадачен проблемами предстоящей работы:

1) где найти полный пакет томов;

2) как обрабатывать таблицы Переписи по 4–6 листов без непрерывности, внутренних границ по строкам и столбцам, с визуальным плохо распознаваемым шрифтом Brokgauz&Efron, с не высшим качеством сканирования и непропорциональностью размещения самих сканированных листов исходного документа, невозможностью программного перевода в современные электронные таблицы (процент ошибок и сдвигов по таблицам при программной обработке выше 75%).

Кроме того, таблицы изобилуют орфографическими, арифметическими ошибками (несоответствие сумм в столбцах и строках, неодинаковые значения внутри таблиц и между разными таблицами; имеющиеся в каждом томе списки ошибок и опечаток не всегда полны по рассматриваемым мной данным, не учитывают всех ошибок, а являются, скорее, «дополнением» и зачастую плохо соответствует термину «исправление»). Эффективным показал себя лишь один метод — работа с бумажными носителями после распечатывания (линейка и цветные карандаши).

Основная методика подсчета и анализа интересующих меня проблем достаточно проста, но трудоемка. Для производства подсчетов брались данные томов Переписи 1897 г. по губерниям, областям и тома Свода. Губернии и области брались из состава военных округов Российской Империи по Военному министерству, эскадр, флотилий и портов по Морскому ведомству, земель казачьих войск, дислоцированных в Азиатской России (Средняя Азия, Сибирь, Дальний Восток), — Казанского военного округа, Закаспийской области (с Сыр-Дарьинской флотилией), Бухарского эмирата и Хивинского ханства, Туркестанского (с Аму-Дарьинской флотилией), Омского и Приамурского военных округов, Сибирской флотилии и Главного Командира Владивостокского Порта, а также входящих в военные округа территориально Астраханского, Оренбургского, Уральского, Семиреченского, Сибирского, Забайкальского, Амурского (с Амурской флотилией) и Уссурийского казачьих войск, для сравнения из западных областей — Волынской, Подольской, Люблинской.

Сравнительные таблицы содержат распределенные количественные показатели по рассматриваемым мной категориям:

— по вооруженным силам: общее количество населения по губерниям, количество самодеятельного

(«ведущего самостоятельное хозяйство») мужского населения (в вооруженных силах и в казачестве в «боевую» численность на то время учитывались только мужчины), члены их семейств обоих полов, процентное соотношение для сравнительного анализа-показателя доли вооруженных сил от общего самодеятельного населения губернии;

– по *войсковым казакам*: казачье население мужского и женского пола, общее количество казачьего населения и процентное соотношение для сравнительного анализа показателя доли казачьего населения не от самодеятельного мужского населения, а от общего населения губернии (так как в таблицах не указывались самодеятельные войсковые казаки (т.е. на действительной военной службе), а только мужское и женское население, поэтому вычислить число казаков служилых возрастов не представляется возможным).

Данные по вооруженным силам берутся из таблицы XXII губернских и областных томов переписи «Распределение населения по группам занятий и по народностям на основании знания родного языка»; данные по войсковым казакам берутся из таблицы XXIV губернских и областных томов переписи «Распределение населения по родному языку, сословиям и состояниям».

И по вооруженным силам, и по войсковым казакам все цифры выбираются по национальностям, которые присутствуют в графах: «вооруженные силы» – таблица XXII, «войсковые казаки» – таблица XXIV, в том числе члены семей и женский пол казачьего населения. Сравнительный анализ-показатель доступен для каждой национальности по обоим видам военного населения и членов семей как внутри любой группы, так и в общих губернских (в целом за губернии) показателях. Для проверки показателей в общем по губернии в случае возможных расхождений использовались таблицы I «Наличное население и постоянное» и таблицы VIII «Распределение населения по сословиям». Доля арифметических ошибок и ошибок форматирования иногда была достаточна велика: так, при составлении таблицы только по Томской губернии «вышли» 12 ошибок и несоответствий итоговых цифр в самих таблицах XXII и XXIV, и несовпадение с таблицами VIII и общими данными по соответствующим таблицам Свода. Поэтому основные расчеты делались только по таблицам XXII и XXIV губернских томов и тетрадей.

По итогам всех просчитанных мной таблиц XXII и XXIV по вооруженным силам и войсковым казакам этих губерний и областей замечено, в каждой из них *в общей части* начала этих двух таблиц «По губернии» присутствуют представители одной или нескольких «остальных славянских, романской, латышско-литовской, турецко-татарской, финно-угорской группы, кавказских горцев, прочих и не указавшие народности», однако в этих же таблицах, но в графах «По уездам, округам и городам» их нет в указанных количествах или отсутствуют вообще. Таким образом, данные в каждой губернии по вооруженным силам и казакам разнятся и не совпадают, но *по общей части* таблиц цифры в самих томах большинства губерний и областей совпадают со связанными таблицами и со Сводом по империи. Однако расхождение не составляет боль-

шой цифры (по каждому субъекту менее 0,01% по категории в целом), не влияет на общий результат и не меняет тенденцию по исследуемому вопросу. Данное обстоятельство, скорее всего, было вызвано слабым техническим обеспечением счета (счетчики пользовались как счетами, так и арифмометрами, но многие продолжали считать вручную и в уме), ограниченными сроками и сокращением финансирования, а также тем, что Петербург и губернии жестко требовали от комиссии по переписи цифр «правдивых и немедленно». Практически в каждом томе имеется масса неточностей и ошибок: к примеру, о. Сахалин (нет разбивки в округах по национальностям) [5], Приморская область (во всех трех тетрадах некоторые населенные пункты разнятся по названию, данные по военнослужащим не совпадают по всем таблицам) [6]. Кроме того, например, по европейским губерниям есть курьезные факты: Том XVII Ковенская губерния – нумерация обложки XLII – 42 (это Тамбовская губерния) [7], Сувалкская губерния, Кальварийский уезд – все военнослужащие перенесены в другие строки таблицы [8. С. 118–159] и т.п. Большинство вышеназванного, на мой взгляд, обусловлено во многом ошибками типографий (несовпадение форм, оглавлений внутри таблиц и между таблицами можно объяснить заказами в типографиях низшего уровня, печатавших по заказу местных властей, особенно в тетрадах).

К сожалению, во всех подсчетах наверняка присутствуют и мои личные огрехи, так как качество печатных знаков архивных материалов, в большинстве оцифрованных, нечеткое, в особенности в цифрах (шрифты Brokgauz&Efron не могут дать уверенности в правильности подсчета, особенно после запятой). Тем не менее есть просто образцово просчитанные «субъекты империи», например Астраханская, Казанская губернии и ряд других, что, я думаю, связано с большим процентом учебных заведений и военных (т.е. грамотных переписчиков) в общем количестве населения.

Перепись в Вооруженных силах проходила в общегосударственном порядке, но особыми Военными комитетами, а непосредственно – воинскими начальниками [9. С. 14–15]. Наибольшее влияние на данные обстоятельства в рассматриваемый период, 1897–1905 гг., оказал новый Устав о всеобщей воинской повинности и возникшие вместе с его принятием новые требования к мобилизационным ресурсам и принципам комплектования армии. Устав кардинально менял систему комплектования, размещения и мобилизационное развертывание императорской армии и иррегулярных формирований казачьих войск (в составе Главной переписной комиссии был создан Военный комитет, и в состав комиссии был введен специальный член в ранге заместителя председателя – генерал П.О. Щербов-Нефедович (представитель от Военного ведомства) [2. С. 11]. Однако из-за несовершенства самих табличных форм замечен один интересный факт, объясняющий многие несовпадения по количеству и дислокации военнослужащих по губерниям и областям: происходит своеобразное «зادвоение числа войсковых казаков». В таблицах XXIV, как я ранее заметил,

«...не указывались самодеятельные войсковые казаки (т.е. на действительной военной службе), а только мужское и женское население...»; поэтому не представляется возможным определить, какое точно количество казаков-военнослужащих входит в графы «вооруженные силы» в таблицах XXIV, особенно это видно по тем субъектам империи, где дислоцировано большое количество казачьих частей или куда входят земли какого-либо из казачьих войск. В соответствии с Положением о проведении переписи, за перепись в военных ведомствах отвечали непосредственно командиры на местах, данные накапливались в штабах и управлениях всех уровней, проверялись и представлялись через Военный комитет Главной переписной комиссии, возглавляемой министром внутренних дел. Так как в военных ведомствах действовала четкая и давно налаженная система учета личного состава всех категорий, подробные до каждого человека штаты и списки воинских частей от министра до солдата, присутствовала на уровне закона дисциплина, приказы и контроль исполнения, особых проблем с проведением переписи не возникало. Данный факт виден во всех томах губерний и областей России и по Своду, где Вооруженные силы показаны по империи, по географическим частям государства и группам губерний и по 16 категориям от генералов (адмиралов) до служителей и сторожей пограничной стражи и посчитаны все русские подданные в Финляндии, Бухаре и Хиве. Кроме того, у Военного и Морского ведомств была уже более полувека отработанная система ежегодных Всеподданнейших докладов на Высочайшее Имя, практически во многом идентичная по форме итоговым выводам переписи. Основная проблема, я думаю, заключалась в сборе и обобщении информации от всех других ведомств, имевших военнослужащих в своем составе (Министерство внутренних дел, Министерство юстиции, Отдельный корпус жандармов, Отдельный корпус пограничной стражи и др.). Также множество военнослужащих входило в состав переписных комиссий, особенно в генерал-губернаторствах. Так как процент грамотных в вооруженных силах был несколько раз выше по сравнению со штатским, то, соответственно, и подсчеты в этих субъектах были точнее и быстрее выполнялись. Однако в казачестве грамотных было меньше, учет казаков велся только в штатском – посословно (т.е. как по всем обычным губерниям), а подробный воинский велся только на действующих военнослужащих. В станицах, поселках и хуторах учет и перепись возлагались на станичных и хуторских атаманов и писарей, грамотность казаков хоть была и выше, чем крестьян, однако с уровнем городов несравнима – отсюда и проблемы и несостыковки в таблице XXIV.

В советской историографии итоги этой переписи часто и справедливо подвергались критике по количественному и качественному составу, но, по моему мнению, это связано с отсутствием в данных необходимого классового разделения населения, – в переписи он сословно-конфессиональный. К тому же перепись не завершили полностью, и это был первый опыт всеобщего учета населения в стране. Главным было то, что император и правительство после переписи впер-

вые увидели *свою* страну без «потемкинских деревень и оптимизма придворной прессы». Отсталая, аграрная, глубоко неграмотная Россия – колоссальная по размерам страна (одна шестая часть суши) с населением в 125 680 862 чел. (3-е место в мире), грамотность которого составляла всего лишь 21%, с гигантским переизбытком населения и острой нехваткой крестьянской земли в центральной части страны. Численность крестьянских семей постоянно росла, а проблема земли не решалась, что создавало взрывоопасную обстановку. Одним из вариантов решения этой проблемы стало переселение крестьян в восточные регионы страны. Никаких иных выводов из переписи руководством государства сделано не было. «В конце XIX в. перепись населения стала крайне популярна в Европе. Только там ее проводили для того, чтобы проводить корректировку социальной и экономической политики. Николай II как “хозяин земли русской” хотел не отставать от европейских монархий и похвастаться, чем “хозяин земли русской” владеет. В царской России перепись провели как бухгалтерский учет, а не ради того, чтобы на базе этой информации скорректировать систему социального обеспечения или экономических приоритетов», – считает историк и публицист Евгений Спицын [10]. Однако все-таки положительным выводом из Переписи 1897 г. стали «Столыпинские реформы» – переселение на окраины 1906–1917 гг., что резко активизировало проходящее с 1880-х гг. обустройство окраин империи, но для осознания необходимости этого понадобилось поражение в русско-японской войне.

Первая советская перепись 1923 г. в соответствии с Постановлением Совнаркома была проведена уже намного качественнее, по «общемировым принципам», и происходила она на фоне постоянного сравнения с «царской».

Однако я считаю, что в целом процент ошибок невелик, не искажает общую картину и дает возможность полностью увидеть и изучить все без исключения социально-экономические, политические и многие другие проблемы. Кроме того, именно по итогам Переписи 1897 г. мы имеем общую цифру населения 125 680 682 человека и среднюю плотность населения по губерниям и областям 6,7 чел. на версту. В отношении этнического состава Вооруженных сил и казачьих формирований Азиатской России по итогам Первой Всероссийской переписи 1897 г. показатели состояния населения Российской империи интересующих категорий практически полностью достоверны и четко показывают принципы, системность и тенденции развития, что и подтверждается постоянно проводимыми мной при работе с архивными источниками сравнительными выборочными (в спорных моментах) проверками показателей из разных источников (например, в моем случае – ежегодные Всеподданнейшие отчеты Морского и Военного Министерств на имя Императора Всероссийского). Несмотря на все ошибки и неточности, материалы могут дать четкое представление о тенденциях развития общества Российской империи во всех аспектах, в частности по национальному (этническому) составу и размещению вооруженных формирований в период 1897–1905 гг.

Список источников

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб. : Тип. Н.Л. Ныркина, 1905. Вып. 2. 463 с.
2. От измерений до изменений : краткая история переписей населения. М. : Росстат, 2022. 180 с.
3. Елисеева И.И. и др. Переписи населения в России. М. : Статистика России, 2022. 459 с.
4. Общий свод по империи результатов разработки данных «Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 Января 1897 года. СПб., 1905. Т. 1: Законодательный отдел. 357 с.
5. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : в 89 т. / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1899. Т. 77: Остров Сахалин. Тетр. 1. 18 с.; 1904. Тетр. 2. 81 с.
6. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : в 89 т. / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1899. Т. 76: Приморская область. Тетр. 1. 46 с.; 1900. Тетр. 2. 56 с.; 1905. Тетр. 3. 242 с.
7. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : в 89 т. / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1903. Т. 16: Ковенская губерния. 244 с.
8. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : в 89 т. / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1904. Т. 59: Сувалкская губерния. 205 с.
9. Положение о Первой всеобщей переписи населения Российской Империи. СПб. : Изд. Центр. Стат. Комитета М-ва внутренних дел. 1895. 23 с.
10. Первая и последняя: как проходила Всеобщая перепись населения Российской империи // Русское географическое общество. 2022. 9 фев. URL: <https://rgo.ru/activity/redaction/articles/pervaya-i-poslednyaya-kak-prokhodila-vseobshchaya-perepis-naseleniya-rossiyskoy-imperii> (дата обращения: 30.03.2025).

References

1. Troynitsky, N.A. (ed.) (1905) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. Obshchiy svod po imperii rezul'tatov razrabotki dannykh Pervoy vseobshchey perepisi naseleniya, proizvedennoy 28 yanvarya 1897 goda* [The First General Population Census of the Russian Empire, 1897. General summary for the empire of the results of the processing of data from the First General Population Census, conducted on January 28, 1897]. Vol. 2. St. Petersburg: N.L. Nyrkin.
2. Rosstat. (2022) *Ot izmereniy do izmeneniy : kratkaya istoriya perepisey naseleniya* [From measurements to changes: a brief history of population censuses]. Moscow: Rosstat.
3. Eliseeva, I.I. et al. (2022) *Perepisi naseleniya v Rossii* [Population censuses in Russia]. Moscow: Statistika Rossii.
4. Russian Empire. (1905) *Obshchiy svod po imperii rezul'tatov razrabotki dannykh Pervoy vseobshchey perepisi naseleniya, proizvedennoy 28 Yanvarya 1897 goda* [General summary for the empire of the results of the processing of data from the First General Population Census, conducted on January 28, 1897]. Vol. 1. St. Petersburg: Zakonodatel'nyy otdel.
5. Troynitsky, N.A. (ed.) (1899a) *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [The First General Census of the Russian Empire in 1897]. Vol. 77. St. Petersburg.
6. Troynitsky, N.A. (ed.) (1899b) *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [The First General Census of the Russian Empire in 1897]. Vol. 76. St. Petersburg.
7. Troynitsky, N.A. (ed.) (1903) *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [The First General Census of the Russian Empire in 1897]. Vol. 16. St. Petersburg.
8. Troynitsky, N.A. (ed.) (1904) *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [The First General Census of the Russian Empire in 1897]. Vol. 59. St. Petersburg.
9. Russian Empire. (1895) *Polozhenie o Pervoy vseobshchey perepisi naseleniya Rossiyskoy Imperii* [Regulations on the First General Population Census of the Russian Empire]. St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs.
10. Russian Geographical Society. (2022) *Pervaya i poslednyaya: kak prokhodila Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii* [The First and the Last: How the General Population Census of the Russian Empire Was Conducted]. 9th February. [Online] Available from: <https://rgo.ru/activity/redaction/articles/pervaya-i-poslednyaya-kak-prokhodila-vseobshchaya-perepis-naseleniya-rossiyskoy-imperii> (Accessed: 30th March 2025).

Сведения об авторе:

Семенов Юрий Владимирович – соискатель кафедры российской истории Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: semen_sbp@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Semenov Yuri V. – Candidate of the Degree of Candidate of Historical Sciences at the Department of Russian History, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: semen_sbp@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.04.2025; принята к публикации 15.05.2025

The article was submitted 22.04.2025; accepted for publication 15.05.2025

Научная статья

УДК 94; 930

doi: 10.17223/19988613/95/21

Матримониальная политика Филиппа II Македонского: новый взгляд на старую дискуссию

Наталья Юрьевна Сивкина¹, Елизавета Юрьевна Борисова²

¹ Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

² Независимый исследователь, Нижний Новгород, Россия

¹ natalia-sivkina@yandex.ru

² elizaveta_borisova20@mail.ru

Аннотация. Цель данной работы – выяснение роли династических союзов в общей политике македонского царя Филиппа II. Научная новизна исследования заключается в том, что авторы предлагают новый взгляд на матримониальную политику Филиппа II Македонского. Сделан вывод, что рассуждения о полигамности македонского царя – историографический конструкт. Архаические традиции македонской монархии позволяли царю легко возвращать жен и вступать в новые браки, а формирование негативных представлений греков о Филиппе способствовало распространению слухов о полигамности македонского царя.

Ключевые слова: Македония, Филипп II Македонский, Олимпиада, матримониальная политика, античная дипломатия

Для цитирования: Сивкина Н.Ю., Борисова Е.Ю. Матримониальная политика Филиппа II Македонского: новый взгляд на старую дискуссию // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 95. С. 162–169. doi: 10.17223/19988613/95/21

Original article

The matrimonial policy of Philip II of Macedon: a new look at an old discussion

Natalya Yu. Sivkina¹, Elizaveta Yu. Borisova²

¹ Nizhny Novgorod Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

² Independent Researcher, Nizhny Novgorod, Russian Federation

¹ natalia-sivkina@yandex.ru

² elizaveta_borisova20@mail.ru

Abstract. Philip II, king of Macedonia, was a famous military and statesman of antiquity. One of the important tasks facing the king was to strengthen his own power and ensure the security of the borders. Philip used skillfully not only military forces, but also the conclusion of marriage alliances.

The object of this study is the matrimonial policy of King Philip. The subject of the study is the peculiarities of relations between Macedonia and other cities (tribes, states) and their impact on the position of wives and children at the court of the king. The purpose of this work is to determine the role of dynastic unions in the diplomatic practice of the Macedonian king. In addition, it is supposed to resolve the issue of what form a divorce could take, which might make it possible to introduce new arguments into the dispute about Philip's polygamy or monogamy. The article uses a system of methods and principles that are traditional for ancient research. The principle of consistency is necessary to analyze the main controversial issues of the topic, the principle of historicism made it possible to study the phenomenon of interest in its formation and development. The main research methods are general scientific - analysis and synthesis, as well as special ones - comparative historical, comparative genetic and the retrospective methods.

The main source is the work of Athenaeus «The Feast of the Wise Men» (II century AD). This is the only source that not only lists all seven of Philip's wives, but also indicates the reasons for these marriages. However, the information is rather fragmentary. All sources have significant shortcomings: their data are contradictory, the information is often ambiguous, the authors lived much later than the time described and were of non-Macedonian origin. Therefore the issue of Philip's marriage policy has been raised many times, but the discussions still remain relevant. This problem was addressed by such researchers as J. Worthington, E. D. Carney, A. Tronson, K. A. Kilyashova. Most of them adhere to the traditional point of view about the polygamy of the Macedonian king and the use of marriage as a means of strengthening foreign policy stability. The version about the monogamy of the Macedonian king is not so common in scientific literature. In particular, it is supported by F.W. Walbank and K. A. Kilyashova.

The scientific novelty of this study lies in the fact that the authors offer a new look at the matrimonial policy of Philip II of Macedon. The authors come to the conclusion that the reasoning about the polygamy of the Macedonian king is a his-

toriological construct. The archaic traditions of the Macedonian monarchy allowed the king to easily return wives and enter into new marriages. And the negative ideas of the Greeks about Philip contributed to the spread of rumors about the polygamy of the Macedonian king.

Keywords: Macedonia, Philip II of Macedon, the Olympias, matrimonial politics, ancient diplomacy

For citation: Sivkina, N.Yu., Borisova, E.Yu. (2025) The matrimonial policy of Philip II of Macedon: a new look at an old discussion. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 95. pp. 162–169. doi: 10.17223/19988613/95/21

История знает множество дипломатических средств и приемов, обеспечивающих как внутривластную, так и внешнеполитическую стабильность государств. Одним из таких орудий является заключение династических союзов, которое берет свое начало еще с конца бронзового века. Если проследить развитие этого феномена вплоть до Нового времени, можно заметить, что данная стратегия была неотъемлемой частью политики и дипломатии большинства правителей Европы и Азии. Не стала исключением и античная Македония, где династические браки использовались как инструмент мира и союза, расширения территориальной и политической власти.

Практика заключения династических браков зародилась в античной Македонии начиная с правления Александра I (498/7–454 гг. до н.э.), но получила широкое распространение лишь спустя столетие при Филиппе II Македонском (359–336 гг. до н.э.), «величайшем из царей в Европе» (Diod. XVI. 1. 3). Только за первую половину своего царствования (до 346 гг. до н.э.) он заключил пять брачных союзов, а позднее еще два. Традиционно считается, что матримониальная политика македонских царей преследовала две цели: во-первых, политическую, во-вторых, династическую – рождение как можно большего числа сыновей, потенциальных наследников [1. С. 161]. Начальный период правления Филиппа в Македонии был сложным [2. С. 92]: гибель его старших братьев и слабая позиция государства на международной арене сделали насущной необходимостью проведение реформ. Поэтому для укрепления собственной власти, обеспечения безопасности границ и стабилизации внешнеполитической ситуации Филипп II активно использовал среди широкого арсенала дипломатических средств заключение брачных союзов. При этом вторая задача брачной политики – рождение наследников – имела для царя не менее важное значение. Несмотря на очевидную цель заключения династических браков, в исторической науке по-прежнему дискуссионным остается вопрос о характере этих брачных союзов. Основой дискуссии является вопрос о полигамности македонских царей. Дело в том, что имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют сделать однозначного вывода в пользу полигамного характера брачных союзов Филиппа II. Основным аргументом сторонников этой точки зрения является то, что царь заключил беспрецедентное количество браков за весьма короткий промежуток времени. К сожалению, мы не располагаем прямыми указаниями и в пользу моногамности македонского царя.

Нарративные источники предоставляют достаточно противоречивые сведения о первом этапе правления Филиппа II Македонского и, в частности, его брачных союзах. Особую важность для анализа матримониаль-

ной политики Филиппа II представляет фрагмент из жизнеописания македонского царя, составленный перипатетиком Сатиром в IV в. до н.э. и позднее вошедший в сочинение Афиней «Пир мудрецов» (II в. н.э.). Это единственный источник, где не только перечисляются все семь жен Филиппа, но и указывается причина этих браков: «Филипп вступал в новый брак при каждой новой войне» (Athen. XIII. 5). Однако автор не упоминает о разводах царя. У Афиней же впервые высказывается предположение, что фессалийские браки Филиппа вообще не были законными.

Данный фрагмент неоднократно подвергался исследователями резкой критике. Например, К.Ю. Белох впервые изменил порядок первых трех жен македонского царя [3. С. 361]. Труд Афиней, бесспорно, остается интересным источником нравов, обычаев, общественной и частной жизни древних греков, однако анализ традиций и обычаев македонян требует более пристального внимания и одновременного сравнения с другими источниками при изучении отдельных сторон жизни и деятельности Филиппа Македонского. Большинство историков отстаивают точку зрения, что главной целью Афиней было не истинное описание личных взаимоотношений македонского двора, а лишь демонстрация сложностей, причиняемых многоженством (раздоры при дворе после брака с Клеопатрой). Однако следует упомянуть, что в тексте все же нет четкого указания на полигамность Филиппа.

Отдельные упоминания о женах македонского царя встречаются в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха (I в. н.э.). И хотя отдельной биографии Филиппа II Плутарх не написал, жизнеописания Пелопида и Александра имеют непосредственное отношение к жизни и деятельности данного македонского царя. Сам Плутарх во Введении к биографии Александра говорит о том, что цель жизнеописания – не биография, а характеры («этосы») героев. Плутарха интересуют, прежде всего, «добродетель или порочность», т.е. морально-этический подход является ведущим на протяжении всего повествования. В данном исследовании представляется крайне важным обратить внимание на этот факт при анализе характеристики Филиппы, третьей жены Филиппа II, названной Плутархом «распутной» женщиной (Plut. Alex. 77. 5). В соответствии с морально-этическим подходом Плутарх подбирал материал из многочисленных источников. Мельчайшие факты, события, описания и анекдоты тщательно собирались им и включались в общую художественную ткань. В связи с этим проблемой данного источника является достоверность сведений. Кроме того, не следует забывать, что моралист пишет о македонских обычаях, воспринимая их через призму греческого образования и нравов.

Поэтому его оценки этической стороны жизни царя довольно трудно признать правильными.

Некоторые сведения о женах Филиппа Македонского можно обнаружить и в эпитоме сочинения Помпея Трога «История Филиппа» (*Historiae Philippicae*), составленной Юстином (II–III вв. н.э.). Анализируя данный источник, следует помнить, что автор не только сильно сократил оригинал, но и искажил его. Произвольность подхода Юстина ясна из предисловия, где он определяет принципы, которыми руководствовался: «...я на досуге... извлек все, наиболее достойное внимания, и опустил то, что не могло ни доставить удовольствия... ни послужить полезным примером» [4. С. 48]. Как известно, это произведение обнаруживает следы использования многих авторов, но какие именно греческие и римские первоисточники использовались Трогом, определить весьма затруднительно [5. Р. 7]. Важным является и то, что Юстин, как, вероятно, и Помпей Трог, враждебно относится к македонскому дому. Например, неоднократно подчеркивается низкое положение третьей жены Филиппа или говорится о том, что Филипп всегда вероломно грабил союзные города и продавал в рабство женщин и детей, хотя известно, что царь неоднократно относился со снисхождением к побежденным (Just. IX. 8. 2; XIII. 2. 1).

В целом основные нарративные источники, в которых с разной степенью подробностей отражены аспекты матримониальной политики македонского царя, очень противоречивы. Каждое из сочинений имеет существенные недостатки, которые влияют на выяснение характера брачных союзов Филиппа II. Кроме того, источники не только дают неоднозначную, часто двусмысленную информацию, но и, что не менее важно, все они являются поздними для описываемого времени и немакедонскими по происхождению. Учитывая, что сочинения в основном греческие, в них зачастую чувствуется отрицательное отношение автора к македонскому дому, что вполне могло отразиться и на характеристике брачной политики Филиппа II, который воспринимался греками как варвар.

Стоит подчеркнуть, что при детальном анализе всех упомянутых выше источников не удается обнаружить ни одного прямого указания на полигамный характер союзов Филиппа Македонского. Ни в одном из источников не говорится о том, что македонский царь был женат одновременно хотя бы на двух женщинах. Целью настоящего исследования является выяснение роли брачных союзов в общей политике Филиппа II Македонского, что поможет прояснить особенности его матримониальных отношений и, в частности, понять, насколько правомерно говорить о полигамности македонского царя.

Вопрос о характере браков Филиппа II Македонского в исторической литературе поднимался множество раз различными исследователями, однако до сих пор продолжает вызывать острые дискуссии в научном обществе. К этой проблеме обращались такие исследователи, как Й. Уортингтон, Е.Д. Кэрни, А. Тронсон, К.А. Киляшова. Как уже было упомянуто ранее, большинство из них придерживается традиционной точки зрения о полигамности македонского царя и использо-

вании брака как средства укрепления внешнеполитической стабильности. Йен Уортингтон сыграл огромную роль в систематизации накопленных литературных, эпиграфических и археологических материалов, касающихся непосредственно жизни и правления Филиппа II. Естественно, в монографии «Филипп II Македонский» [6] исследователь не обошел и вопрос о брачной политике царя. Следуя за измененной К.Ю. Белохом хронологией Афиней, Уортингтон ставит брак Филиппа II и Филы из Элимиотиды на первое место, относя его к 364 г. до н.э. и связывая с необходимостью укрепления дипломатической связи с Верхней Македонией еще до его восшествия на престол, во время наместничества в Амфакситиде. Второй брак с Аудатой Уортингтон относит к 359 г. и связывает его с первым соглашением с иллирийцами в этом же году. Третий брак (358 г. до н.э.) Уортингтон называет с фессалийской женщиной Филинной и указывает на укрепление связей с Лариссой, одним из могущественных городов Фессалии. Четвертый брак (357 г. до н.э.) – с Олимпиадой, дочерью царя Эпира Нептолема I и, соответственно, с укреплением отношений с Эпиром. Пятый брак (352 г. до н.э.) – с племянницей ферского тирана Ясона, Никесиполидой и победой македонского царя на Крокусовом поле над Ферами (Уортингтон считает этот брак одним из условий договора). Шестой брак (342 г.) – с дочерью царя гетов фракийкой Медой и укреплением связей с Фракией, вскоре полностью присоединенной к Македонии. Наконец, седьмой брак (337 г. до н.э.) – с представительницей знатного македонского рода Клеопатрой, на которой, как подтверждают источники, в нарушение привычного порядка Филипп женился по любви. Характерно, что Уортингтон однозначно считает македонского царя многоженцем, который не имел обыкновения разводиться с одной женой, чтобы жениться на другой [6. С. 233]. Аналогичной точки зрения на хронологию, цели заключения браков и полигамность македонского царя придерживается Е.Д. Кэрни. Ее монография *Women and Monarchy in Macedonia* [7] представляет собой исследование роли царских женщин от классического периода греческой истории до римского завоевания. В книге рассматриваются женщины династий Аргеадов и Антигонидов, наибольшее внимание уделяется женам Филиппа II и вопросу о полигамии при дворе царей. Кэрни подробно рассказывает обо всех женах Филиппа II, приводит дискуссионные точки зрения на их происхождение и роль, которую они сыграли при македонском дворе, и также считает, что царь заключал новый брак, не разводясь с предыдущей женой.

Версия о моногамности македонских царей не так распространена в научной литературе. В частности, она поддерживается известным британским антиковедом Ф.У. Уолбэнком, который в статье *Monarchies and monarchic ideas* [8], говоря о характере эллинистических монархий, утверждает, что эллинистические цари обычно были моногамны, хотя это часто могло сопровождаться сменой жен. Ярким примером как раз и является матримониальная политика Филиппа II. Наиболее полно данная точка зрения раскрывается в работах К.А. Киляшовой. В частности, в статье «Брачная поли-

тика царей династии Аргеадов. Проблема полигамии» [9] автор, сравнивая брачную политику Филиппа II и Александра Великого, приходит к выводу о невозможности одновременных браков Филиппа II с несколькими женщинами по объективным обстоятельствам, что подтверждается рядом исторических свидетельств (в частности, сочинением Стефана Византийского, которое многие авторы обделяют вниманием, рассматривая многочисленных жен Филиппа, и единственным упоминанием в этом сочинении смерти Никесиполиды). В противоположность матримониальной политике Филиппа приводятся брачные союзы Александра Великого, чья политика отражала адаптацию персидского института брака и поэтому не исключала полигамности. Отчасти этот вопрос освещается и в диссертации К.А. Кияшовой «Политическая роль женщин при дворе македонских царей династии Аргеадов» [10]. Здесь доказывается точка зрения о том, что политика Филиппа II, направленная на заключение династических союзов после каждой крупной войны, не была нововведением этого царя, а практиковалась задолго до его правления, начиная с Аминты I. Хотя, безусловно, брачная политика Филиппа отличалась беспрецедентным количеством союзов.

Характерно, что все исследователи однозначно сходятся в том, что Филипп, заключая брак при каждой новой войне, использовал подобную практику для обеспечения внешнеполитической стабильности македонской державы. Действительно, заключение династических союзов имело широкое распространение в античной Македонии, и Филипп подобно своим предшественникам использовал это средство, но следовали ли македонский царь обязательствам и какое действительное значение имели для него подобные браки?

Например, очевидно, что по политическим соображениям был заключен брак с иллирийской княжной Аудатой, оба фессалийских брака Филиппа (с Филой и Никесиполидой), брак с Олимпиадой и Медой. Первый брак македонского царя с Филой Элемейской также может быть объяснен политической нестабильностью в Македонии, в частности возможными претензиями на власть различных вождей Верхней Македонии и Элимеотиды. И вполне вероятно, что династический союз между Филой, «дочерью Дерды II Элимейского, сестры Дерды III и Махаты» (Athen. XIII. 5), и Филиппом мог бы урегулировать отношения с этим регионом еще до восшествия будущего царя на престол, скрепив дипломатический союз с Верхней Македонией. Но какой из перечисленных союзов реально укрепил отношения двух стран (правителей, городов)?

Если начать с первого брака, то о судьбе Филы нам ничего не известно, в дальнейшем о ней не сохранилось ни одного упоминания ни в одном источнике. С одной стороны, это может означать, что она рано умерла. С другой стороны, можно предположить, что поскольку детей, которые сыграли бы важную роль в жизни страны, от этого брака не было, то и упоминать о ней авторам было неинтересно. Однако обратим внимание на другое обстоятельство: в начальный период своего правления Филипп постепенно подчинил области Перрибию, Орестиду, Пелагонию и Элимео-

тиду [6. С. 62]. К 348 г. до н.э. с их самостоятельностью было покончено. Иными словами, династический союз Филиппа с первой женой не помог установить прочные дипломатические отношения между соседями и не гарантировал Элимеотидским вождям неприкосновенности их территорий. Определенно можно сказать, что брак с Филой для Филиппа имел лишь одно значение: он на некоторое время обезопасил престол от возможных претендентов. Когда царь укрепился на троне, союз (если Фила не умерла раньше) перестал играть какое-либо значение, тем более что детей от этого брака не зафиксировано.

Гораздо интереснее с политической точки зрения был второй брак Филиппа II с иллирийской княжной Аудатой, который был призван гарантировать союз между македонским царем и царем дарданов Бардилом [11. С. 237]. Достоверно неизвестно, в какое именно время был оформлен этот брачный союз. Например, Уортингтон относит его к 359 г. до н.э. и связывает с первым соглашением македонян и иллирийцев, заключенным после смерти Пердикки III. Любопытно, что ретроспективный взгляд на данный династический союз показывает непрочность и этого двустороннего договора. Уже на следующий год македонский царь разгромил иллирийского царя Бардила, который был ближайшим родственником новоиспеченной жены Филиппа. Пояснение Диодора: «...иллирийцы все еще выступали как враги, и он [Филипп] был честолюбив, чтобы победить их также войною» (Diod. XVI. 4. 3), — показывает, что династический брак не имел значения ни для той, ни для другой стороны. Это сражение стало одной из первых битв македонян, подробно описанных античными авторами. Филипп, руководствуясь собственной выгодой и желанием обеспечить безопасность македонской границы, не посчитал важным соблюдать условие династического союза. Конечно, существует мнение, что этот брак был заключен не ранее 358 г. до н.э., т.е. уже после полного разгрома иллирийского войска [7. Р. 58], однако на этой точке зрения настаивает лишь Е.Д. Кэрни, которая подобным образом пыталась доказать полигамность македонского царя.

О дальнейшей судьбе этого брака практически ничего неизвестно. Однако для настоящего исследования важен тот факт, что Аудата родила Филиппу дочь Кинану, которую воспитали в иллирийской манере. Полиэн сообщает, что «Кинна, дочь Филиппа, упражнялась в военном деле, предводительствовала войсками и сражалась с врагами. И, сражаясь против иллирийцев, она, нанеся их царице смертельный удар в шею, сбросила ее с коня и перебила многих из обращенных в бегство иллирийцев» (Polyaen. VIII. 60). Как девочка, родившаяся на македонской земле, смогла получить превосходное иллирийское воспитание и настолько хорошо изучить тонкости военного дела иллирийцев? Более того, каким образом она могла возглавить войско, ведь в Македонии это было мужской прерогативой. Ответ вполне очевиден: девочка росла не при македонском дворе, а при дворе ее иллирийских родственников, куда она попала, вероятнее всего, вместе с матерью. Можно вспомнить также, что по прошествии года Филипп не только разгромил Бардила, но и,

вероятно, взял следующую жену – Филинну. Иными словами, Аудата, уже родившая дочь, была отправлена вместе с ребенком на родину. Необходимости в проживании Кинаны в Македонии не было, поскольку для Филиппа одной из целей заключения браков наряду с обеспечением стабильности царства было и рождение наследника. Следовательно, царь не был сильно заинтересован в дочери и не настаивал на том, чтобы оставить ее при дворе. Уже на родине Аудата, скорее всего, и воспитала свою дочь по иллирийским обычаям, в том числе обучила верховой езде, охоте и боевым искусствам. Впоследствии отец вспомнил о дочери, когда ему понадобился очередной династический союз, – Филипп выдал Кинану замуж за своего племянника Аминту, сына погибшего брата, царя Пердикки III (Polyaen. VIII. 60). Таким образом, Филипп нейтрализовывал угрозу трону со стороны племянника.

Возможно, основу для сближения Македонии с Фессалией Филипп также попытался заложить путем заключения брачных союзов с женщинами из двух самых могущественных городов Фессалии. Филинна из Ларисы стала матерью Филиппа Арридея, а Никесиполида из Фер, вероятно, была матерью Фессалоники. Проблема статуса и хронологии фессалийских браков Филиппа вызывает, тем не менее, множество вопросов. Ряд исследователей, в том числе К.Ю. Белох, не рассматривают связи македонского царя с Никесиполидой или Филинной как законные. Дело в том, что Афиней в своем рассуждении использует термин *παίδοτοκίστρα* (прижил детей), чтобы обозначить характер отношений Филиппа с ними, вместо привычного *γαμέειν* (женился) [12. Р. 121], что вполне может указывать на незаконный характер отношений царя с фессалийскими женщинами. В связи с этим обращают на себя внимание намеки в источниках на происхождение и род деятельности Филинны. Например, Плутарх называет ее «распутной» женщиной (Plut. Alex. 77. 5), а Юстин – «блудницей из Лариссы» и танцовщицей (Just. IX. 8. 2; XIII. 2. 1). Однако маловероятно, что Филипп заключил брак, преследующий в том числе политическую цель укрепления связей с Ларисой, с женщиной низкого происхождения. Скорее всего, мы имеем дело с предвзятым отношением древних авторов: варвар Филипп берет в жены либо таких же варварок, либо греческих блудниц, либо женщин из семьи тирана.

С другой стороны, как известно, Филинна была матерью Арридея, сводного брата Александра Македонского. Брак с Филинной, таким образом, обеспечивал не только политическую функцию, но и рождение возможного наследника македонского престола. Однако в источниках неоднократно подчеркивается, что Арридей был «незаконнорожденным и к тому же слабоумным» (Plut. Alex. 10. 2). Заявление о незаконности рождения Арридея в данном случае нельзя ставить в зависимость от якобы низкого положения его матери или отсутствия у нее официального статуса жены. Объяснение, вероятно, кроется в том, что древние авторы знали, кто займет трон Филиппа и станет его преемником. Поэтому попытались объяснить тот непонятный для них факт, почему старший сын не полу-

чил в наследство царство. Их рационализация и привела к объяснению, что Арридей был незаконнорожденным, а его мать имела недостойное царя происхождение.

Можно, конечно, отметить, что сам Филипп не рассматривал Арридея в качестве наследника. Несмотря на то, что Арридей и Александр Македонский были примерно одного возраста, источники не сообщают нам ни о воспитании, ни об обучении Арридея, не упоминается он ни в одной военной кампании при жизни Филиппа II. Но и перечисленные факты не являются аргументом в пользу незаконности брака или мезальянса. В Македонии не было традиции провозглашать наследником исключительно старшего сына, главное для страны – способность преемника вести за собой войско. Однако уже в юные годы мальчики показали, кто из братьев способен стать лидером, а кого природа обделила такими задатками. Неудивительно поэтому, что Филипп не готовил Арридея к управлению царством, не рассматривал его в качестве наследника македонского престола.

Когда Филипп женился в четвертый раз, Арридей не уехал с матерью на ее родину, он остался при македонском дворе, так как на тот момент был единственным сыном македонского царя. Но мы ничего не слышим о его матери, даже в знаменитом эпизоде о том, как Олимпиада, опасаясь, что сын Филиппа будет наследником Филиппа, а не ее сын, положила на лицо спящего Арридея отравленный платок. Конечно, история явно направлена на очернение Олимпиады, которую древние авторы превратили в страшного монстра. С другой стороны, мы имеем очередную попытку объяснения историками слабых умственных способностей старшего сына Филиппа. Что же стало с Филинной после нового брака царя? К сожалению, источники молчат о ней. Но это молчание можно трактовать в том смысле, что Филинна, как Аудата, получила возможность вернуться домой, только без ребенка. В этом случае понятно, почему о ней не упоминают в пассаже о платке и почему ее можно назвать «блудницей» – муж вернул ее семье.

Пятой женой македонского царя (уже после Олимпиады), вероятно, была племянница бывшего ферского тирана Ясона Никесиполида. Возможно, этот брак был одним из условий договора между Феррами и македонским царем после победы Филиппа весной 352 г. до н.э. на Крокусовом поле. Однако достоверно неизвестно, что брак мог быть заключен сразу же после этой победы Филиппа. Многие исследователи связывают его с данным событием потому, что якобы имя дочери Никесиполиды – Фессалоники («Фессалийская победа») – отсылает к победе над врагом, поэтому можно предположить, что имеется в виду именно разгром армии Ономарха [6. С. 103]. Однако А. Тронсон утверждает, что это имя могло подразумевать более ранний фессалийский триумф Филиппа, который не был зафиксирован в источниках [12. Р. 122]. Вопрос о том, была ли вообще Фессалоника дочерью именно Никесиполиды, сам по себе является дискуссионным. Фессалоника выросла при дворе отца, а не была отправлена, подобно Кинане, предположительно, на родину

матери в Фессалию. Кроме того, источники сообщают, что воспитывалась девочка в доме Олимпиады и даже какое-то время проживала с ней в Эпире (Diod. XIX. 35. 5). В связи с этим некоторые историки склонны рассматривать Фессалонику как дочь Олимпиады, а вовсе не как ее падчерицу. Единственное упоминание о дальнейшей судьбе самой Никесиполиды сохранилось лишь в сочинении Стефана Византийского, сообщающего, что Филипп женился на ней, но она умерла через двадцать дней после рождения дочери [9. С. 243]. Стоит отметить, что и брак с Никесиполидой не обеспечил Филиппу дружественных отношений с Ферами, которые так и остались врагами Македонии на всем протяжении Третьей Священной войны [13. С. 243].

Характерно, что не обеспечил стабильности в отношениях с другим пограничным государством, Эпиром, и четвертый брак Филиппа с самой известной впоследствии женщиной эллинского мира Олимпиадой, дочерью царя Эпира Неоптолема I. Плутарх утверждает, что Филипп II влюбился в Олимпиаду во время отправления культа в Самофракии (Plut. Alex. 2.1). Однако, несмотря на возможные чувства, в то же время это был явно политический союз между двумя северными династиями против иллирийской угрозы. Установление тесных дипломатических взаимоотношений с Эпиром стало новшеством в истории внешней политики Македонии [14. Р. 308]. Однако нельзя с полной уверенностью утверждать, что подобным дипломатическим жестом, которым стал политический брак Филиппа и Олимпиады, были улучшены отношения Эпира и Македонии, о чем свидетельствует поход македонского царя в 350 г. до н.э. против Арриба, царя племени молоссов, который при этом был дядей Олимпиады. Детали этого похода неизвестны, но в конечном итоге Македония вышла победителем [6. С. 109] и укрепила свое влияние в Эпире. Также сохранились свидетельства Юстина о том, что Филипп превратил Александра, племянника Арриба и младшего брата Олимпиады, впоследствии ставшего царем Эпира, в своего любовника с целью благосклонного отношения эпирского дома к Македонии: «...всеми способами, то обещая юноше царскую корону, то притворяясь влюбленным, склонил юношу к преступной связи с ним. Филипп рассчитывал, что впоследствии Александр будет ему вполне покорным либо из чувства стыда, либо из чувства благодарности за обещанное благодеяние, царскую власть» (Just. VIII. 6. 6–8).

Олимпиада родила Филиппу сына Александра, которого отец, так как слабые способности его сводного брата стали уже заметны, готовил к будущей государственной и военной карьере. Закономерен вопрос: на каких основаниях Олимпиада осталась при дворе, когда Филипп ввел в дом Никесиполиду? Мы явно видим, что Олимпиада в Эпир не уезжала, она оставалась в Македонии до последнего брака Филиппа с Клеопатрой. Конечно, ее положение при дворе отличалось от всех остальных женщин царя: она была матерью предполагаемого наследника. Но ее, видимо, постигла участь остальных жен, когда Филипп женился на Никесиполиде, – она фактически получила «развод». Здесь уместно вспомнить о том, что отношения между

ней и Филиппом уже охладели, особенно после истории со спящим в постели Олимпиады змеем. Вероятно, мы имеем очередное рациональное объяснение позднейшими авторами разрыва между супругами.

Почему же тогда Олимпиада не вернулась в Эпир, как это произошло, видимо, с Филинней? Именно потому, что она была матерью наследника и до семи лет фактически занималась его воспитанием.

Не являлся значимым и шестой брак царя с Медой, дочерью царя гетов, заключенный через 15 лет после брака с Олимпиадой. Об этом браке сведений вообще нет. Политического укрепления отношений или сближения с гетами не произошло, – стоит вспомнить, что позднее Александр предпримет против них поход (Arr. I. 2. 5). И тот факт, что детей от этого союза не появилось, означал, что при дворе Меда, хотя и оставалась некоторое время законной женой, не играла никакой роли. Когда Филипп задумал жениться на Клеопатре, она, вероятнее всего, вернулась на родину, как в свое время Аудата.

Таким образом, практически все браки Филиппа II, хоть и были политическими актами, но не стали залогом внешнеполитической стабильности царства. Македонский царь в первую очередь руководствовался не интересами сохранения браков и вытекающими из них обязательствами, а собственной выгодой и безопасностью македонской державы. Как показывает дальнейшее развитие отношений с государствами, договоры, заключенные между ними и Филиппом, имели кратковременное значение для македонского царя, а жены выступали своеобразной разменной монетой при заключении подобных союзов. Версия о полигамности царя стала следствием позднейших представлений и рационализаций. Вероятнее всего, в македонской практике времен Филиппа II в принципе не существовало официальной необходимой процедуры развода, царь отсылал очередную жену домой, намереваясь вступить в новый брак. При этом дети женского пола следовали за матерью, мужского – воспитывались при дворе отца. Все это лишний раз напоминает об архаичных пережитках македонской монархии. Исключение могла представлять жена, родившая не просто сына, а возможного преемника царя, которая, хотя и теряла статус жены, сохраняла статус матери наследника. О полигамности как традиционной черте македонской политики нет свидетельств ни до Филиппа, ни после него. Браки Пердикки II с Симихой и Клеопатрой и Аминты III с Эвридикой и Гигеей нельзя относить к полигамным, так как и здесь нет четких указаний на одновременность этих браков. Отличалась своей спецификой и брачная политика Александра Великого, у которого было три жены. В отличие от своего отца он женился сравнительно поздно, уже после завершения великих завоеваний, а его решение вступить в браки диктовалось и политическими соображениями, и адаптацией к новым условиям персидских брачных институтов, в которых была распространена полигамия [9. С. 246]. Интересно, что попытки распространить подобную практику на своих солдат посредством известного массового бракосочетания эллинской знати и солдат македонской армии с девушками из персидских благородных семейств

в Сузах (Diod. XVII. 107. 6; Plut. Alex. 70. 3) не увенчались успехом, поскольку после смерти Александра большая часть македонян отказалась от своих персидских жен. Характерно, что и в этом случае процедура «развода» была, видимо, весьма простой.

Таким образом, полигамность в Македонии – скорее, историографический конструкт. Основой его стали неудачные попытки древних авторов рационализировать историю, зная ее последствия. Многочисленные жены македонского царя не имели никакого политического влияния и выступали лишь разменной монетой при заключении союзов с враждебными государствами. Период правления Филиппа II был переломным для Македонии и всего греческого мира. Неудиви-

тельно, что царь, показавший себя не только военным лидером, но и выдающимся дипломатом, коварным и хитрым правителем, использовал любую возможность для извлечения прибыли и возвышения государства, в том числе и династические союзы. Архаические традиции македонской монархии позволили царю легко возвращать жен и вступать в новые браки. А тот факт, что время правления этого неординарного человека совпало с переходной эпохой, с подчинением Греции Македонией, способствовало формированию негативных представлений о Филиппе и в том числе о полигамности македонского царя.

Список сокращений

- Arr. – Арриан. Поход Александра // Флавий Арриан / пер. с лат. М.Е. Сегреенко. URL: <http://militera.lib.ru/h/arrian/index.html>
 Athen. – Афиней. Пир мудрецов // Симпосий Συμπόσιον / пер. с древнегреч. Н.Т. Голикевича. URL: <http://simposium.ru/ru/node/868>
 Diod. – Диодор Сицилийский. Историческая библиотека // Симпосий Συμπόσιον / пер. с древнегреч. Г.П. Власова и др. URL: <http://simposium.ru/ru/node/863>
 Just. – Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «История Филиппа» // Симпосий Συμπόσιον / пер. с древнегреч. А.А. Деконского, М.И. Рижского. URL: <http://simposium.ru/ru/node/35>
 Plut. – Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Александр // Плутарх. Сравнительные жизнеописания : в 2 т. / пер. с древнегреч. М.Н. Ботвинника, И.А. Перельмута. URL: <http://ancientrome.ru/antlitrt.htm?a=1439003300>

Список источников

1. Сивкина Н.Ю. Эллинизация Македонии в IV–III вв. до н.э.: к вопросу о политическом аспекте объективного процесса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6 (3). С. 157–167.
2. Сивкина Н.Ю., Борисова Е.Ю. Обстоятельства вступления Филиппа II Македонского на престол: проблемы и дискуссии // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 6. С. 84–92. doi: 10.7256/2454-0609.2021.6.36871
3. Белох К.Ю. Греческая история / пер. с нем. М.О. Гершензона. 3-е изд. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2009. Т. 2. 454 с.
4. Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма) / под ред. В.И. Кузищина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 240 с.
5. Walbank F.W. Sources for the period // The Cambridge Ancient History. 1984. Vol. VII. P. 1–22.
6. Уорthingтон Йен. Филипп II Македонский / пер. с англ. С.В. Иванова. СПб.; М.: Евразия: Клио, 2018. 400 с.
7. Carney E.D. Women and Monarchy in Macedonia. Norman: University of Oklahoma Press, 2000. 369 p.
8. Walbank F.W. Monarchies and monarchic ideas // The Cambridge Ancient History. 1984. Vol. VII. P. 62–100.
9. Кияшова К.А. Брачная политика царей династии Аргеадов. Проблема полигамии // Университетский научный журнал. 2018. № 38. С. 240–248. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34973082>
10. Кияшова К.А. Политическая роль женщин при дворе македонских царей Аргеадов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2018. 20 с.
11. Борза Ю.Н. История античной Македонии (до Александра Великого) / пер. с англ. М.М. Холода. СПб.: Филол. фак. СПбГУ; Нестор-История, 2013. 592 с.
12. Tronson A. Satyrus the Peripatetic and the Marriages of Philip II // The Journal of Hellenic Studies. 1984. Vol. 104. P. 116–126.
13. Шофман А.С. История античной Македонии. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1960. Ч. 1. 300 с.
14. Carney E.D. Oikos Keeping: Women and Monarchy in the Macedonian Tradition // A Companion to Women in the Ancient World. Wiley-Blackwell, 2012. P. 304–314.

References

1. Sivkina, N.Yu. (2012) Ellinizatsiya Makedonii v IV–III vv. do n.e.: k voprosu o politicheskom aspekte ob'ektivnogo protsesssa [Hellenization of Macedonia in the 4th–3rd centuries BC: towards the political aspect of the objective process]. *Vestnik Nizhego-rodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 6(3), pp. 157–167.
2. Sivkina, N.Yu. & Borisova, E.Yu. (2021) Obstoyatel'stva vstupleniya Filippa II Makedonskogo na prestol: problemy i diskussii [Circumstances of Philip II of Macedon's accession to the throne: problems and discussions]. *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 6, pp. 84–92. DOI: 10.7256/2454-0609.2021.6.36871
3. Belokh, K.Yu. (2009) *Grecheskaya istoriya* [Greek History]. Translated from German by M.O. Gershenzon. 3rd ed. vol. 2. Moscow: Gos. publ. ist. b-ka Rossii.
4. Kuzishchin, V.I. (1982) *Istochnikovedenie Drevney Gretsii (epokha ellinizma)* [Source studies of Ancient Greece (the Hellenistic era)]. Moscow: Moscow State University.
5. Walbank, F.W. (1984) Sources for the period. *The Cambridge Ancient History*. VII. pp. 1–22.
6. Worthington, I. (2018) *Filipp II Makedonskiy* [Philip II of Macedon]. Translated from English by S.V. Ivanov. St. Petersburg; Moscow: Evraziya: Klio.
7. Carney, E.D. (2000) *Women and Monarchy in Macedonia*. Norman: University of Oklahoma Press.
8. Walbank, F.W. (1984) Monarchies and monarchic ideas. *The Cambridge Ancient History*. VII. pp. 62–100.
9. Kilyashova, K.A. (2018) Brachnaya politika tsarey dinastii Argeadov. Problema poligamii [Marriage policy of the kings of the Argead dynasty. The problem of polygamy]. *Universitetskiy nauchnyy zhurnal*. 38, pp. 240–248. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34973082>
10. Kilyashova, K.A. (2018) *Politicheskaya rol' zhenshchin pri dvore makedonskikh tsarey Argeadov* [Political role of women at the court of the Macedonian kings of the Argeads]. Abstract of History Cand. Diss. Kazan.
11. Borza, Yu.N. (2013) *Istoriya antichnoy Makedonii (do Aleksandra Velikogo)* [History of Ancient Macedonia (before Alexander the Great)]. Translated from English by M.M. Kholod. St. Petersburg: St. Petersburg State University; Nestor-Istoriya.

12. Tronson, A. (1984) Satyrus the Peripatetic and the Marriages of Philip II. *The Journal of Hellenic Studies*. 104. pp. 116–126.
13. Shofman, A.S. (1960) *Istoriya antichnoy Makedonii* [History of Ancient Macedonia]. Vol. 1. Kazan: Kazan State University.
14. Carney, E.D. (2012) Oikos Keeping: Women and Monarchy in the Macedonian Tradition. In: James, S.L. & Dillon, S. (eds) *A Companion to Women in the Ancient World*. Wiley-Blackwell. pp. 304–314.

Сведения об авторах:

Сивкина Наталья Юрьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Древнего мира и Средних веков Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия). E-mail: natalia-sivkina@yandex.ru

Борисова Елизавета Юрьевна – независимый исследователь (Нижний Новгород, Россия). E-mail: elizaveta_borisova20@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Sivkina Natalia Yu. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages at the Institute of International Relations and World History of the Nizhny Novgorod Lobachevsky State University (Nizhniy Novgorod, Russian Federation). E-mail: natalia-sivkina@yandex.ru

Borisova Elizaveta Yu. – Independent Researcher (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: elizaveta_borisova20@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.03.2022; принята к публикации 15.05.2025

The article was submitted 13.03.2022; accepted for publication 15.05.2025

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Научная статья

УДК 94(47)

doi: 10.17223/19988613/95/22

Визуальный образ Царства Польского во второй половине XIX – начале XX в. в российской прессе и печатных изданиях

Дарья Игоревна Павличенко

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, dasha00.000@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены иллюстрации в альбомах, журналах и других изданиях второй половины XIX – начала XX в., изображающие Царство Польское. Цель исследования – проанализировать, как его образ представлялся на визуальном материале и комментариях к нему, и определить характеристики, которыми наделялись поляки и Царство Польское иллюстраторами и авторами статей. Научная новизна работы заключается в анализе не только вербальной, но и визуальной составляющей образа Царства Польского. В результате определено, что иллюстрации не были свободны от трансляции авторами негативного стереотипа.

Ключевые слова: Царство Польское, визуальный образ, Российская империя, этнографические альбомы

Для цитирования: Павличенко Д.И. Визуальный образ Царства Польского во второй половине XIX – начале XX в. в российской прессе и печатных изданиях // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 95. С. 170–180. doi: 10.17223/19988613/95/22

Original article

Visual image of Congress Poland in the second half of the 19th – early 20th centuries in the Russian press and printed publications

Darya I. Pavlichenko

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, dasha00.000@yandex.ru

Abstract. The article deals with illustrations in albums, magazines and other publications of the second half of the 19th – early 20th centuries, depicting the Kingdom of Poland. The purpose of the study is to analyze how the image of the Kingdom of Poland was presented on visual material and comments on it and to determine the characteristic that the Poles and the Kingdom of Poland were endowed with by illustrators and authors of articles. Popular ethnographic albums containing articles about the Poles are considered: «Description ethnographique des peuples de la Russie» by T. D. Pauli, «Russian peoples: pen and pencil sketches» by N. Zograf, «Peoples of the Earth» by A. Ostrogorsky. The magazines «Niva», «Picturesque Review», «Peoples of Russia» are involved. Also the article considers the encyclopedia "Picturesque Russia". The scientific novelty of the work lies in the analysis of not only the verbal, but also the visual component of the image of the Kingdom of Poland. As a part of the work, each essay and illustration is examined for the transmission of certain stereotypes about the Poles, and the stereotype is analyzed on being negative or positive. As a result, it was determined that the illustrations were not free from the transmission of negative stereotypes by the authors. In almost all publications, the Poles were portrayed from a negative point of view, which, according to the author, was caused by the memory of the November, January and Krakow uprisings.

Keywords: Congress Kingdom of Poland, visual image, the Russian Empire, ethnographic albums

For citation: Pavlichenko, D.I. (2025) Visual image of Congress Poland in the second half of the 19th – early 20th centuries in the Russian press and printed publications. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 95. pp. 170–180. doi: 10.17223/19988613/95/22

Вторая половина XIX в. – время расцвета иллюстрированных изданий, огромное множество которых печаталось и на территории Российской империи. Нередкими стали и историко-географические и этнографические издания, а также статьи в периодике.

Целью этих публикаций была популяризация сведений о странах и населяющих их народах среди широкого круга читателей; они не претендовали на научность (этнография XIX в. в принципе разделяла весьма ненаучное мнение о наличии тех или иных черт характера у определенного народа). Безусловно, историко-географические и этнографические материалы в популярных изданиях, излюбленных публикой, содержали определенные стереотипы, однако в рамках настоящей статьи подобный стереотип как раз и интересен.

Было принято решение ограничить хронологические рамки второй половиной XIX в. и рубежом XIX и XX вв. (до 1914 г.) по нескольким причинам: во-первых, данный период является наиболее богатым на иллюстрированные издания, а во-вторых, в российских источниках данного периода могли наиболее ярко отразиться некоторые негативные стереотипы о поляках (период после Январского восстания).

Важно, что все привлеченные источники были одобрены цензурой Министерства просвещения, поэтому можно считать, что в них публиковалась официальная позиция властей. Целью таких изданий, как правило, было не только формирование визуального образа того или иного народа, но и создание образа «чужого» и «своего».

Русским человеком поляк воспринимался в первую очередь как ревнивый католик, деспотичный шляхтич и неисправимый революционер. Л.Е. Горизонтов писал: «В Российской империи за поляками закрепилась репутация непримиримо враждебных государственному порядку элементов. Убеждение это крепло от одного польского заговора и восстания к другому, достигнув своего апогея в 60-е гг. XIX в.» [1. С. 100]. С другой стороны, государственными чиновниками поляки зачастую воспринимались как «стоящие на высшей степени цивилизации сравнительно с Россией» [2. С. 322].

Что касается польского «нрава», то здесь существенно заметно влияние польского автостереотипа. На рубеже XVIII и XIX вв. польские писатели и общественные деятели создают польский автостереотип, опираясь на который Адам Мицкевич сконструировал особенности польского народа. Поляк у Мицкевича неупорядочен и податлив, непрактичен, не заинтересован в общественной и политической жизни, пассивен, экзальтирован, весел – в общем, во всем противопоставлен члену западного мира. Таким образом, в польской и русской литературе складывается весьма конкретный стереотип о поляке. По утверждению М.В. Лескинен, именно портрет, составленный А. Мицкевичем был воспринят французской и русской историографией второй половины XIX в. [3. С. 120]. Наша цель – выявить, в какой степени воспринятый портрет Мицкевича можно увидеть на визуальном материале.

В середине XIX в. начинается «новый этап осмысления народности и этничности в России, а также их отождествления, когда в русской беллетристике под

французским влиянием весьма популярным становится жанр так называемых «физиологий», или «типов»» [4. С. 49]. И эти «типы» и «физиологии», в соответствии с уровнем развития этнографической науки данного периода, были собирательными. М.В. Лескинен приводит цитату В.Г. Белинского, которая дает нам понять, что человек середины XIX столетия понимал под «типом»: «...их [типов] авторы должны обладать умениями “живописца с натуры”, а “сущность типа состоит в том, чтоб, изображая, например, хоть водовоза, изображать не какого-нибудь одного водовоза, а всех в одном”» [4. С. 50]. В этой связи интересно и то, насколько подлинной была картина, которую рисовали русские.

В 1862 г. выходит иллюстрированный альбом «Этнографическое описание народов России» Густава-Теодора Паули (1817–1867), создание и издание которого было приурочено к тысячелетию Российского государства. Существовавшие на тот момент этнографические публикации уже мало соответствовали научному уровню середины века, поэтому целью труда Паули было также и восполнение образовавшейся лакуны в этнографической осведомленности читателей. Все иллюстрации сделаны с натуры, выполнены очень качественно и реалистично. Тексты же писались учеными-этнографами, поэтому издание считалось не только роскошным, но и авторитетным.

В соответствующей главе альбома даны две иллюстрации, на которых изображены поляки. Первая изображает поляков из разных городов и губерний. Заметно, что они не относятся к одной социальной группе: мы видим и крестьян, и горожан (рис. 1).

На второй иллюстрации изображены мужчина и две девушки из окрестностей Кракова. Хотя альбом и подразумевал описание народов, находящихся в составе Российской империи, его создатели, по всей видимости, решили пойти дальше и описать ту часть Польши, которая в состав империи не вошла (рис. 2).

В целом мы имеем дело с обобщенным описанием отличительных черт любого славянина. Но отметим, что наблюдается несколько пренебрежительное сравнение поляков с великороссами: «Внешностью поляки сильно отличаются от великороссов: голова у них меньше, они не столь рослые, черты их более тонкие. Им не хватает той особенной гармонии – если можно так выразиться – между душой и телом, своего рода уверенности, которой в известной мере обладают великороссы. Польское дворянство в целом довольно отчетливо отличается от народной массы» [5. С. 116].

В одежде поляков с иллюстраций заметна тенденция к представлению типично-обобщенного. По мнению автора описания, «представители знати одеваются вполне по-европейски» [5. С. 117], что противоречит иллюстрации. Даже если предположить, что краковяк со второй иллюстрации является «представителем знати», то одет он явно не по-европейски: на нем конфедратка и жупан. Конфедратка, судя по тому, что она в альбоме встречается еще дважды: на первой иллюстрации ее носит ребенок, и она упоминается в отрывке с описанием польского костюма («знать носит... цилиндрические шапки... но ниже и с квадратным куском ткани

сверху» [5. С. 117]), являлась для авторов раздела достаточно важной составляющей образа поляка. Можно предположить, что таким образом транслировался сте-

реотип о поляке-революционере, ведь конфедератка использовалась польскими повстанцами в ходе Ноябрьского и Краковского восстаний.

Dessiné d'après nature par différents artistes groupé par G. H. PAULI.

Lith. par Wierzbicki et fils à Berlin.

POLONAIS DE DIFFÉRENTS GOVERNEMENTS.

ПОЛЯКИ РАЗНЫХЪ ГУБЕРНІЙ.

Radom.

Lublin.

Varsovie.

Plotsk.

Augustowo.

РАДОМЪ.

ЛЮБЛИНЪ.

ВАРШАВА.

ПЛОЦКЪ.

АВГУШТОВО.

Рис. 1. Поляки. Из альбома Г.-Т. Паули

Dessiné d'après nature par G. H. PAULI.

Lith. par J. B. Steiner à Munich.

ПОЛЯКИ
(ОБЩЕСТВО КРАКОВА)
Polonais
(Amateurs de Cracovie.)

Рис. 2. Поляки. Из альбома Г.-Т. Паули

Следующий альбом – «Русские народы: наброски пером и карандашом» (1894), изданный под редакцией русского зоолога и антрополога Н.Ю. Зографа. Создателями издания ставилась конкретная цель – кратко ответить на те вопросы, которые потенциально могли возникнуть у русского человека при контакте с другими «русскими» народами (к концу века Польша обозначалась как «Привислинский край» и, в общем-то, согласно официальной доктрине империи, считалась ее окраиной). Издание содержит «таблицы» – иллюстрации на основе рисунков Л. Белянкина.

В первой части издания (альбом выпущен в двух частях) есть очерк о поляках с иллюстрацией. Иллюстрация поделена на девять пронумерованных частей, из которых шесть изображают поляков, а остальные три – предметы польского дома и убранства (рис. 3).

На иллюстрации изображены представители мазуров, курпов, великополян, краковян и жителей окрестностей Люблина. Из всех них более или менее подробно описываются только мазуры, и поскольку литография

черно-белая, то задача определить, где именно изображены мазуры, представляется весьма затруднительной.

В одежде поляков составитель очерка выделяет «мужской кунтуш, расшитый шнурами, с откидными рукавами, шапку конфедратку, да разноцветные сапоги со шпорами» [6. С. 18]. Он подчеркивает, что описанный костюм – это костюм прежних панов, а костюм народный проще и беднее и сохраняется почему-то только у мазуров, «тогда как в Южной Польше пиджак, картуз, шляпа и городское платье почти совсем вытеснили красивые национальные костюмы» [6. С. 18].

В целом не создается впечатления, что перед нами крестьяне (хотя иллюстрации свидетельствуют об обратном: мы видим избу, вилы, веретено, лапти). Девушки затянуты в корсеты, мужчины в волошках – это не те признаки, которые на рубеже веков говорили о принадлежности к крестьянству. Возможно, автор иллюстрации считал дворянскую одежду более узнаваемой и, собственно, более «польской» (на иллюстрации есть и традиционная конфедратка).

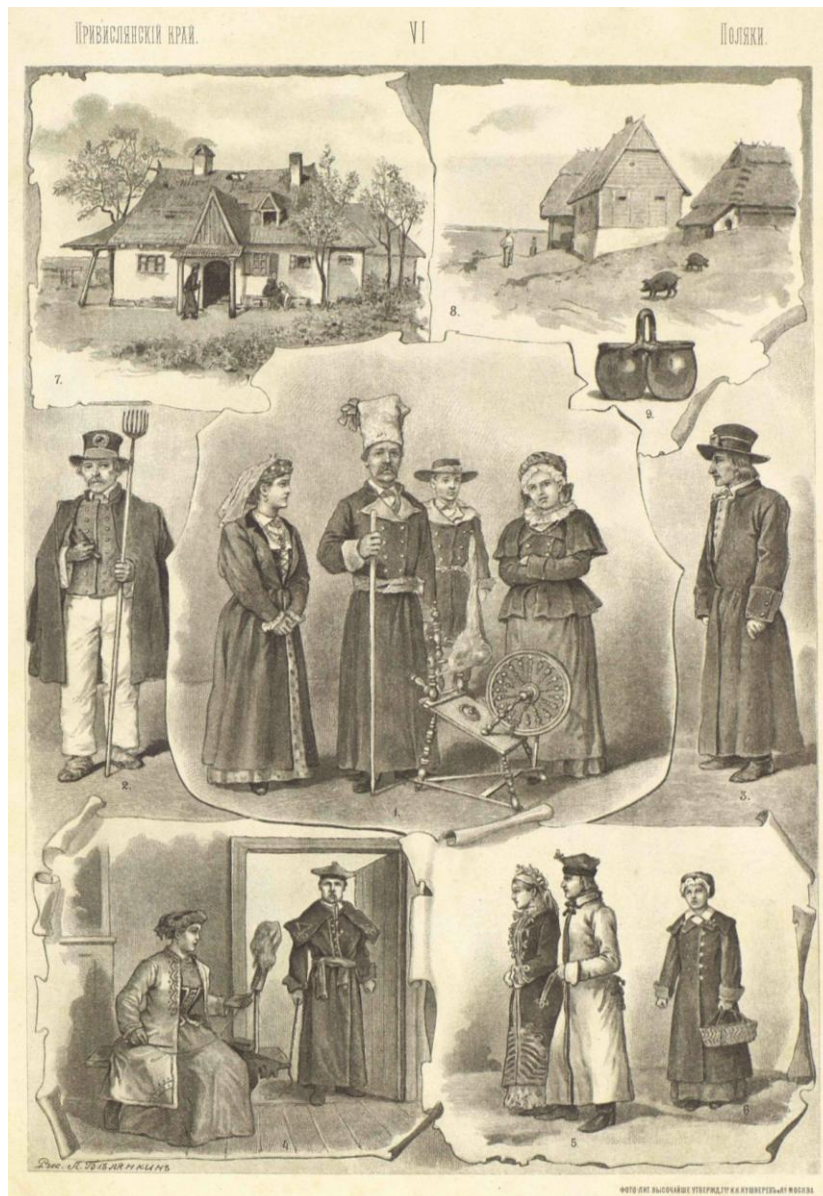

Рис. 3. Поляки. Из альбома Н.Ю. Зографа

В 1903 г. выходит еще одно издание в трех томах с географическими, историческими и этнографическими очерками – «Народы земли: географические очерки жизни человека на земле», подготовленное коллективом авторов под редакцией А.Я. Острогорского. Весь материал разделен на три тома и скомпонован в соответствии с частями света.

В рамках работы интересен третий том, посвященный Европе. В частности, в нем содержится очерк о поляках, причем в разделе, посвященном народам России (рис. 4). Примечательно и то, что очерк под названием «Поляки» начинается со слов: «Царство Польское, иначе Привислинский край, есть обломок распавшегося государства...» [7. С. 72], – а при описании разделов в главе, посвященной истории, ни слова не говорится о двух других участниках раздела «польского пирога». Являлся ли такой ход способом конструирования имперской идентичности? Вопрос спорный: с одной стороны, может показаться, что да, поскольку и в других источниках этого периода встречается попытка перенести «национальное» в плоскость «имперского», а с другой стороны, автор очерка упоминает, что фон польской общественной жизни остается национальным, что весьма странно, поскольку проводится русификаторская политика.

Рис. 4. Поляки. Из книги А.Я. Острогорского

В самом очерке указывается, что польские «племена» мало разнятся между собой, потому что «общественные и национальные связи сплотили все эти племена в одно целое, в котором исчезают куявяки, ксенжаки, курпы и т.п.» [7. С. 73]. Это удивительно, поскольку почти во всех других российских источниках нам пытались наглядно продемонстрировать различия между польскими субэтническими группами если не в чертах внешности, то как минимум в их гардеробе.

Переходя к описанию поляков, автор очерка пишет, что польскому крестьянину долгим рабством были привиты такие черты, как «приниженность, подобиострастность и лицемерие по отношению к имеющим силу и власть. Польский крестьянин переносит оскорбления... Однако природная даровитость и стремление к свободе, столь характерные для польской шляхты, не чужды и крестьянству» [7. С. 73]. Но при этом полякам, по мнению автора, присущи «широкое гостеприимство и добродушие, часто переходящие в искреннюю сердечность» [7. С. 73–74], что подтверждается им в описании их внешнего вида: «Выражение физиономии, оживленное веселостью и добротой, часто без заметного перехода становится грустным и страдающим» [7. С. 74].

В эпоху Великих реформ Александра II появилась идея, что просвещать необходимо не только культурную элиту, но и малообразованные слои населения империи. Эта идея нашла свое отражение в сфере печати – распространение получают иллюстрированные периодические издания.

Одним из таких периодических изданий был журнал «Нива» – самый широко тиражируемый журнал на территории Российской империи. Он издавался еженедельно в Санкт-Петербурге с 1870 по 1917 г. и охватывал широкий круг различных тем. В отдельном разделе «Этнографические картины и культурно-исторические очерки» публиковались разнообразные материалы по истории костюма, этнографии, географии и т.д. Но рубеж веков характеризуется, по всей видимости, падением интереса к разделу, поскольку он переименовывается в «Географические, астрономические и этнографические очерки», и «астрономическая» составляющая заметно больше. В последних выпусках данный раздел и вовсе отсутствует.

Первое обращение к полякам на страницах «Нивы» встречается уже в № 16 за первый год выпуска (1870). В номере напечатана статья [8. С. 247] с иллюстрацией, посвященная кочевникам на берегах Вислы (иллюстрация «Польские сплавщики», иллюстрировал Ю. Коссака, гравировал Рашевский; рис. 5). Неназванный автор очерка подчеркивает «полудикость» сплавщиков, о чем свидетельствует описание их образа жизни, но не внешний вид: они выглядят как обычные крестьяне, без всяких намеков на «полудикий» образ жизни. Мужчина даже носит конфедратку и жупан, несмотря на кочевой образ жизни).

Следующая статья на «польскую тематику» посвящена Варшаве (№ 7 и 8, год IV, 1873). Статье сопутствуют две гравюры – «Лазенковский дворец в Варшаве», «Резервуар в Лазенках в Варшаве». П. Полевой (автор статьи) описывает Варшаву как «красивый город, полный удобств и приятный во многих отношениях» [9. С. 110] (а о средневековой Варшаве он говорит как о беспорядочной и неопрятной). В целом у Полевого Варшава создает впечатление весьма красивого и изящного города: «Варшава, веселая, нарядная, комфортабельная, с увеличивающимся трудолюбивым, развитым населением, должна по справедливости заслуживать все наше внимание... Во многих отношениях... может она послужить образцом для нас...» [9. С. 126]. Что важно для нас в этой статье, так это акцент на то,

что такой Варшава, по мнению автора, была не всегда. Видимо, он предполагает, что владычество Российской империи на этих землях привело город в благодатный вид.

Рис. 5. Польские сплавщики. Из журнала «Нива»

Короткая статья в № 42 за 1873 г. посвящена Люблину (автор не указан). Она содержит небольшую историческую сводку и перечень основных достопримечательностей города. Статья напечатана вместе с иллюстрацией Э. Гораздовского с рисунка с натуры Боярского «Вид города Люблина», на которой Люблин так же имеет благоприятный вид спокойного и очень красивого города.

В № 33 за 1875 г. опубликована еще одна статья с иллюстрацией, в которой читателю предлагается ознакомиться с Варшавскими достопримечательностями. Сам очерк с иллюстрацией посвящен Варшавской ратуше. По мнению автора, площадь, где располагается Ратуша, является одной из изящнейших в Варшаве. Иллюстрация ничем не отличается от предыдущих, но с целью подтвердить слова автора справляется.

В № 37 в комплекте за 1876 г. также есть статья о Варшаве, посвященная Саксонскому саду (автор указан как Баг-аго, рисунок и гравюра выполнены Гораздовским). Большую часть статьи автор посвятил истории Саксонского сада, но, описывая его внешний вид, он подчеркнул роскошную растительность, велико-

лепный запах цветов, пение птиц. На иллюстрации к статье изображено светское мероприятия в Саксонском саду.

Еще одна статья за авторством М.А. Анненкова в № 33 от 1887 г. посвящена Люблину. Различие только в содержании статей: если первая описывала сам Люблин и его историю, то вторая сосредоточивается вокруг городских достопримечательностей. Визуальный образ же читается только по иллюстрации «Виды города Люблина» (оригинальный рисунок Скорнякова, гравировал М. Рашевский). В целом никаких признаков стереотипизации тут не обнаруживается.

В № 22 за 1892 г. помещена уже четвертая статья, посвященная Варшаве (автором выступил уже писавший о Варшаве П.Н. Полевой). Описывается история Польши начиная с разделов Речи Посполитой; акцент сделан на установлении в Польше российской власти, после чего увеличивается доля русского населения города. Отмечаются и изменения, которые произошли с городом в последнюю треть столетия: «...узкие, грязные улицы расширились и обстроились высокими, прекрасными домами, явились новые скверы и гульбища, город во всех направлениях покрылся сетью конножелезных дорог» [10. С. 492]. И снова мы встречаем суждения о преображении города с приходом туда имперской администрации: если прежде Варшава была грязным и неудобным городом, то после прихода русских властей она меняется в лучшую сторону. И снова Полевой оценивает современную ему Варшаву очень высоко. Иллюстрации его слова подтверждают (их тут, к слову, целых шесть; иллюстрации выполнены А. Рихтером) и изображают очень симпатичные и элегантные достопримечательности города.

По всей видимости, со временем у русского читателя интерес падает как к польской тематике, так и к этнографии в целом: ближе к 1890-м гг. сюжетов о Привислинском крае становится все меньше и меньше, а затем они и вовсе пропадают.

Так или иначе, очерки о польских городах встречаются в «Ниве» шесть раз, и все они посвящены крупным городам – Варшаве и Люблину, хотя разнообразие позволяло бы авторам статей рубрики более или менее регулярно публиковать статьи о Польше и не повторяться.

В самих статьях мы не заметили намеренных попыток сильно исказить в негативную сторону образ поляка и его города. Сделать выводы, судя по одной иллюстрации, изображающей поляка, очень тяжело, если не невозможно. Можно отметить только один момент: судя по всему, бытовало убеждение, что Польша и поляки пребывали в «полудиком» состоянии до перехода под власть Российской империи (во всяком случае намеки на это есть и в единственной статье о поляках, и в нескольких статьях о польских городах). И если польские города со временем преобразились и приобрели цивилизованный вид, то с населением бывшей Речи Посполитой было сложнее, и они свое «полудикое» состояние сохранили.

Еще одним журналом, в котором печатались этнографические очерки, было «Живописное обозрение стран света» – еженедельный иллюстрированный

журнал, который выходил в Санкт-Петербурге с 1872 по 1906 г. Будучи научно-популярным журналом, «Живописное обозрение» включало в себя как поэзию и прозу, так и статьи научного характера. Ко многим иллюстрациям, в отличие от «Нивы», здесь полноценная статья не дается – в некоторых случаях редакторы ограничиваются небольшими описаниями в разделе «К рисункам».

В № 42 от 1873 г. опубликована иллюстрация, на которой изображены два «общих» польских типа и четыре «частных» (рис. 6). Персонажи на иллюстрации не оригинальные: они позаимствованы из альбома Г.-Т. Паули «Народы России» (только персонаж в левом верхнем углу кажется оригинальным. Похожего на него персонажа у Паули нет, да и оригинален он как минимум тем, что изображен с бородой – до этого мы бородатых поляков на страницах изданий не встречали).

Здесь поляки, в отличие от предыдущих источников, представлены именно через портреты (изображается польский «тип»), а в предыдущих материалах основное внимание, как кажется, уделялось национальному костюму, потому что через него было легче представить народ и его отличие от других. Подписи не к каждому портрету, к слову, позаимствованы у Паули. Например, поляк, изображенный в правом верхнем углу, у иллюстратора представляет «общий польский тип», а у Паули является жителем Кракова, а девушка в нижнем левом углу успела за 11 лет переехать из Кракова в Люблин. На этой иллюстрации мы не встречаем негативного отображения поляков, но, безусловно, видим наличие стереотипизации в некоторых элементах внешности и одежды: конфедатки и усы на польский манер, достаточно заметный крест на шее у девушки, характерные «орлиные» носы, описанные у Паули.

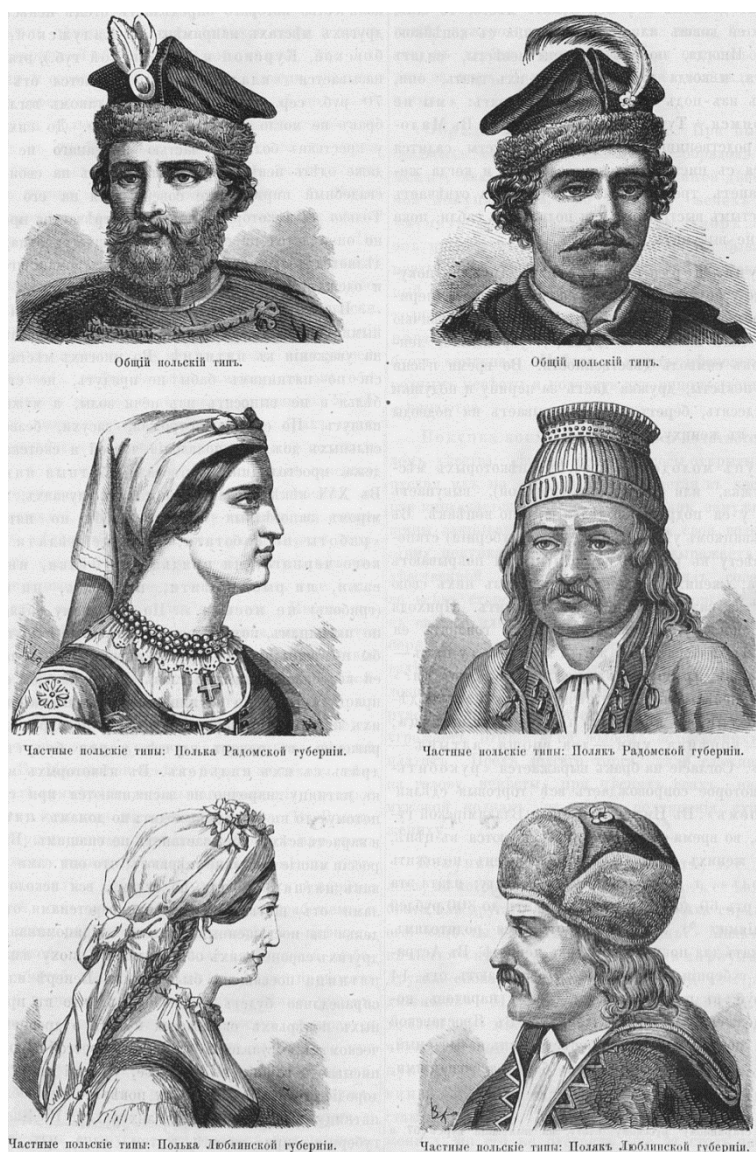

Рис. 6. Поляки. Из журнала «Живописное обозрение стран света»

В № 31 за 1876 г. опубликована статья о Варшаве с иллюстрацией к ней. В статье также приводится история города. И снова мы встречаем то же мнение, которое транслировалось в «Ниве»: «...с учреждением

Царства Польского и присоединением одного к России 20 июня 1815 года все приняло другой вид и возросло с необыкновенной быстротой» [11. С. 491]. На иллюстрации (рисовал А. Григорьев, гравировал Е. Мали-

новский) представлена панорама Замковой площади; изображена польская повседневность – множество людей куда-то едут верхом и идут пешком, эта многочисленность подчеркивается и в самой статье. Искусное выполнение гравюры позволяет судить об отсутствии предрассудков по отношению к современному виду города.

На исходе XIX в. журнал тоже попадает в волну снижения интереса к этнографии, да и к науке в целом. В сравнении с разделами поэзии и прозы научных статей становится в разы меньше. Этнографических же очерков не остается почти совсем.

В рамках работы привлекались и этнографические материалы из сборника «Народы России: этнографические очерки» (1878–1880), издававшегося редакцией еженедельного журнала «Природа и люди». Весьма масштабное научно-популярное издание, описывавшее разные народы в составе Российской империи, пользовалось большой популярностью.

Уже в предисловии к альбому его составители упоминают «Народы России» Г.-Т. Паули. Они отмечают, что издание было действительно роскошным, но вследствие этого далеко не каждый мог себе его позволить. Составители «Народов России» 1878–1880 гг. сочли необходимым сделать альбом более доступным

для широких масс, составив его в меньших размерах и таким образом удешевив его, и издать на русском языке.

Говорить о самой статье в этом сборнике, посвященной полякам, в целом нечего. Высокая оценка альбома Паули, очевидно, и сподвигла без большого количества изменений позаимствовать его текст. То же самое можно сказать и об иллюстрациях. Хотя они и не полностью скопированы из альбома Паули, но выполнены однозначно на его основе.

Необычными произведениями печатной графики являются вкладыши в кондитерские изделия фирмы «Эйнем». В 1896 г. кондитерским предприятием была нарисована и выпущена серия вкладышей «Типы народов земного шара», которые прикладывались к продаваемым шоколаду и какао. Серия состояла из 14 открыток с портретами различных народных типов (опять же, здесь изображены портреты, мы имеем дело с «типами»; рис. 7). Так как далеко не все могли позволить себе покупку достаточно дорогостоящего удовольствия в виде конфет, сказать, что вкладыши стали массовым средством распространения этнографического знания, нельзя, но нужно признать, что такой способ ознакомления с этнографией был очень необычным и оригинальным для увеличения продаж: появлялся стимул для покупки ввиду интереса к коллекционированию.

Рис. 7. Поляки (1, 3). Из вкладыша фирмы Эйнем «Типы народов земного шара»

Н. Михайлова в статье «Этнографические сюжеты в произведениях печатной графики на рубеже XIX–XX веков» обращает внимание, что основой для автора открыток «Эйнема» стало исследование «Народы земли», вышедшее под руководством А. Острогорского. Трудно в полной мере согласиться с Н. Михайловой: первая серия вкладышей вышла в 1896 г., в то время как «Народы земли» издавались с 1903 г. Можно предположить, что существовал третий источник, который и вдохновил обоих иллюстраторов на создание некоторых портретов, но изображений поляков это точно не касается.

На самом вкладыше представлено два портрета с польскими типами – молодой дворянин и пожилой крестьянин. И если по портрету молодого поляка можно однозначно сказать, что перед нами польский тип (характерные усы, шапка-кушма, прическа, хитрый взгляд), то пожилого поляка без соответствующей подписи легко можно было спутать с условным молдаваном (это и борода, которая крайне редко изображалась на польских типах, и смуглый оттенок кожи).

Завершает обзор монументальное 19-томное издание «Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении» – научно-популярный энциклопедический труд, каждый из томов которого посвящен тому или иному региону Российской империи и призван дать наиболее полную информацию по его истории, географии, этнографии, культуре, быту, фольклору и т.д. Данное издание было подготовлено и реализовано типографией товарищества М. О. Вольфа под редакцией П.П. Семенова и издавалось в течение 20 лет: с 1881 по 1901 г. «Живописная Россия» стала одним из самых дорогих изданий в истории российского книгопечатания, а сам М.О. Вольф ждал, что издание найдет сочувствие и интерес у российского читателя.

«Живописная Россия» и инициатор ее создания М.О. Вольф были обвинены М.О. Кояловичем в пропольской ориентации. Сам М.О. Вольф был выходцем из Царства Польского (крещеным евреем). Первоначально его задумкой было издание иллюстрированного труда с описанием Польши, но ситуация

в русско-польских отношениях, изменившаяся после Январского восстания, заставила Вольфа поменять планы и реализовывать эту идею уже через выпуск многотомного издания с описанием всей империи. По словам Л.Е. Горизонтова, «“Живописная Россия” попадала в опасный контекст очередного польского заговора» [12. С. 68]. Хотя, как кажется, инкриминация полонофильских настроений не может в контексте данного издания считаться оправданной, поскольку создатели издания при выпуске томов всего лишь двигались с северо-запада на юго-восток страны.

Отдельный том «Живописной России» (IV) посвящен Царству Польскому (1896). Сам том получился слишком объемным, поэтому был издан в двух частях. Иллюстрации изображают буквально все аспекты польской жизни и истории: это и языческие идолы, и польские выдающиеся деятели, и различные достопримечательности.

Отдельный очерк в первой части тома посвящен быту польского народа (за авторством Е. Карновича – русского историка и писателя, прослужившего 10 лет в Вильне). Здесь нас, конечно же, будут интересовать иллюстрации и описания к ним, то есть именно визуальный компонент.

Первая иллюстрация в очерке называется «Типы мазуров». В очередной раз мы встречаем заимствование из альбома Г.-Т. Паули и снова отмечаем, что если у Паули эта иллюстрация была дана с целью показать различия между польскими типами из разных местностей, то здесь все персонажи являются мазурами, что странно, ведь сам очерк достаточно детально описывает различия во внешности поляков, населяющих разные губернии. По этой причине примечательна и иллюстрация, изображающая калишан: на ней изображены те же персонажи, что и на иллюстрации с типами мазуров, хотя калишане и мазуры – две разные субэтнические группы поляков. Скорее всего, здесь вина лежит на иллюстраторе, который с большой долей неаккуратности воспроизвел одних и тех же персонажей дважды.

Одежда изображенных мазуров слишком разнообразна, чтобы судить о соответствии между описанием и иллюстрацией и делать выводы о каком-то унифицированном костюме мазурских поляков. Мазуров нам описывают людьми, очень честолюбивыми, которые «скорее вынесут жестокую боль, чем словесную обиду» [13. С. 260], однако храбрыми, набожными и трудолюбивыми, ловкими и красивыми.

Судя по всему, Карнович разделял распространенный стереотип не только о поляках, но и в принципе о склонности людей к тем или иным чертам темперамента в зависимости от стороны света, к которой они ближе проживали: так, кашубы описываются как «понурые», они носят длинную темную одежду, великополяки отличаются флегматическим темпераментом и протяжной речью, а поморяне не отличаются подвижностью, обыкновенно мрачны, понуры, почти никогда не поют и не пляшут. Напротив, куявы и калишане «отличаются большей живостью и служат как бы переходом к населению Малой Польши и мазовшанам» [13. С. 246]. Жителей юга автор описывает в более

живом ключе: они разговорчивы, не против попеть, подвижны, любознательны, проворны. Таким образом, можно сделать два вывода: во-первых, Карнович был склонен следовать за дихотомией Север–Юг, где население северных районов было более сдержанным, и, если можно так выразиться, суровым, а население районов южных было более живым и легким; во-вторых, можно отметить, что Карнович не разделял стереотип о польском типе как о едином веселом и жизнерадостном. Для него существовали различия между субэтническими группами поляков. Но определенные переносы распространенных стереотипов на описываемых им поляков все же присутствуют: например, южные поляки разговорчивы, любят петь, живы, веселы, мазуры честолюбивы и т.д.

Представлены и две иллюстрации, на которых изображены «краковяки»: на одной изображено двое взрослых мужчин и один ребенок (рис. 8), на второй – нарядный мужчина. В тексте говорится, что краковяки «телосложения крепкого, подвижны... среднего роста... отличаются живостью» [13. С. 245]. Иллюстрации вполне отражают тот характер, которым наделил краковяков Карнович: по рисункам заметно, что краковяки общительны (не прочь поболтать даже с ребенком) и подвижны. Упоминается и их набожность, которая выражается «в постановке на дорогах множества больших крестов, распятий и статуй Спасителя, Богородицы и разных святых» [13. С. 262], что на иллюстрации действительно отображено: позади персонажей изображен высокий крест.

Краковяки (въ окрестностях Кельской губ.).

Рис. 8. Краковяки. Из книги «Живописная Россия»

Карнович пишет, что в одежде, «по наблюдениям этнографов... отражается весьма ясно характер народа» [13. С. 247]; по мнению этих неназванных этнографов, те места, где носят белый, красный, светло-голубой, зеленый и синий, населяют люди, более подвижные, приветливые и веселые, а там, где носят темные цвета, жители бывают понуры, а если и веселятся, то переодеваются в яркие цвета (подчеркивается, что эта тенденция наряжаться в яркие цвета особенно отчетлива именно у поляков). Судить же о том, насколько «приветливыми» или «понурыми» изображали тех или иных поляков по иллюстрациям, сложно, поскольку гравюры нам даны в черно-белом цвете, и цвет одежды определить невозможно.

Куявяки описываются как сильный, здоровый и трудолюбивый народ. Их гардероб составляют синий сукман, кафтан синего, черного или зеленого цвета, синий пояс, платки на шее и шляпы с узкими полями и широкой тульей либо же конфедератки (т.е. мы уже понимаем, что Карнович относит куявяков, судя по цветам одежды, к народам северным и «суровым»). Курпов, их внешность и одежду, описывать подробно вообще не стали, поскольку они являются отраслью мазуров, но отмечается, что они очень набожны.

Дана и иллюстрация, изображающая крестьянина из Вилянува. Одет он вовсе не «по-крестьянски», во всяком случае, даже если крестьяне и позволяли себе такие вещи, то точно не для работы в поле. Странной она кажется и в связи с тем, что на прочих рисунках крестьяне изображены в более свойственной для них одежде.

На этом подробное описание отдельных групп польского народа в данном очерке в части I заканчивается, что странно, ведь групп в нем названо было куда больше. Свое небольшое продолжение, однако, описание находит во второй части IV тома, в очерке, посвященном географии Польши (за авторством В. Чуйко).

Здесь читателю повторно дается описание краковяков и мазуров, однако уже без иллюстраций с польскими типами. Из нового в данном очерке можно отметить только описание сандомиров, которые представляются читателю рослыми, серьезными и более мрачными, чем краковяки, хотя на них и похожими.

Сами иллюстрации, изображающие поляков и их быт, как кажется, подчеркивают несколько раз упомянутую набожность поляков (снова находит подтверждение наличие стереотипа о поляке как истовом католике). В томе содержится много рисунков, которые иллюстрируют христианскую обрядность поляков; на многих рисунках мы встречаем изображение крестов и икон.

Иллюстрации, изображающие польскую деревню, кажутся весьма реалистичными и свободными от предрассудков. Все достаточно типично: сельская местность, крестьяне, их быт. Интересно, что в очерке о быте польского народа описывается только крестьянский быт. Да и вообще значимым отличием публикаций этого периода на историко-географическую тему является то, что активно эксплуатируется образ крестьянина: именно крестьяне выступают носителями этнических особенностей народа, его культуры (считалось, что крестьянство лучше сохраняет свой «народный характер»).

К городам и их населению обращаются уже в следующем очерке, который называется «Черты минувшей жизни». Иллюстрации в очерке призваны продемонстрировать величественность и красоту отдельных произведений польской архитектуры, а также их внутреннее убранство. В очерке мы, к сожалению, не находим иллюстраций с польскими некрестьянскими типами, но встречаем изображения польской городской повседневности, например празднования Пасхи.

Во второй части два очерка уже посвящены польским городам: отдельный очерк о Варшаве (причем достаточно объемный) и второй про все прочие крупные города. Очерк о Варшаве содержит так много иллюстраций и фотографий, что позволяет читателю как бы в буквальном смысле «побывать в городе», не выходя при этом из собственного дома. Примечательно, что одна из иллюстраций позаимствована из журнала «Живописное обозрение». Она является точной ее копией, поскольку даже образно изображенные люди полностью совпадают с теми, что мы видим на страницах «Живописного обозрения».

В целом же Варшава после изучения очерка оставляет достаточно благоприятное впечатление. Изображено огромное количество польских достопримечательностей. Детально выполненные рисунки и описания к ним позволяют судить о том, что автор – В. Чуйко – высоко оценивал внешний вид Варшавы и был свободен от предрассудков.

Что касается прочих городов, то здесь, судя по всему, в очередной раз была предпринята попытка подчеркнуть стереотипную набожность поляков: в огромном количестве приводятся художественные иллюстрации и фотографии костелов, кафедральных соборов и церквей. Общие же виды представлены по большей части фотографиями, но за редким исключением.

Вообще иллюстрациями и фотографиями польской природы и городской среды снабдили почти все очерки, очевидно, с той целью, чтобы читатель как можно лучше смог понять и представить, кто такой поляк и где он живет.

Таким образом, проанализировав источники, в которых дается визуальное изображение поляков и Царства Польского, можно сделать следующие выводы. По большей части визуальный образ Царства Польского действительно транслировался через определенный набор стереотипов, которые встречаются практически в каждом источнике. Как правило, стереотип выражался в польской одежде – «традиционные» элементы польского национального гардероба встречались даже на тех иллюстрациях, на которых их в принципе быть не должно было. В более поздних источниках (например, «Народы земли» и «Живописная Россия») встречается и перенос черт, которые традиционно приписываются полякам, таких как честолубие, веселость, набожность, подобиострастность и при этом стремление к свободе, на весь польский народ.

Наше предположение, что визуальный образ Царства Польского в российских изданиях должен был быть негативным, тоже частично подтвердилось. Стоит отметить, что такое отношение в разной степени проявляется в источниках. Если в самом раннем из

взятых нами источников (у Г.-Т. Паули) мы встречаем как будто несколько пренебрежительное отношение к полякам, то в самом позднем («Народы земли») уже откровенно имеем дело с выделением негативных черт

польского народа. В описаниях польских городов нередко подчеркивалось преобразование их с приходом туда Российских властей, и к современному их виду авторы очерков никаких претензий не имели.

Список источников

1. Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше. М. : Индрик, 1999. 270 с.
2. Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала. 1860–1862 / под ред. Л.Г. Захаровой. М. : Рос. фонд культуры : Студия «Тритэ» Никиты Михалкова, 1999. 558 с.
3. Лескинен М.В. Польский характер в российской этнографии XIX века // Отечественные записки. 2014. № 4 (61). С. 112–130.
4. Лескинен М.В. Материальные атрибуты этнической идентификации в визуальных репрезентациях народов Российской империи // Традиционная культура. 2011. № 1 (41). С. 47–58.
5. Pauli T. Description ethnographique des peuples de la Russie. Saint-Petersbourg : Imprimerie de F. Bellizard, rue de la poste, 1862. № 8. 310 p.
6. Русские народы: наброски пером и карандашом / текст под ред. Н.Ю. Зографа; рис. Л.Л. Белянкина. М. : И.Н. Кушнерев и К°, 1894. 27 с.
7. Народы земли: географические очерки жизни человека на земле / под ред. А.Я. Острогорского. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1903. Т. 3. 490 с.
8. Кочевники по берегам Вислы // Нива. 1870. Год I, № 16. С. 247.
9. Полевой П.Н. Варшава // Нива. 1873. Год IV, № 7. С. 110–111; № 8. С. 124–126.
10. Полевой П.Н. Город Варшава // Нива. 1892. Год XXIII, № 22. С. 492–494.
11. Город Варшава // Живописное обозрение. 1872. № 31. С. 490–491.
12. Горизонтов Л.Е. «Польская цивилизованность» и «русское варварство»: основания для стереотипов и автостереотипов // Миф Европы в литературе и культуре Польши и России. М. : Индрик, 2004. С. 62–75.
13. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под ред. П.П. Семенова. СПб. : Изд-во т-ва М.О. Вольф, 1896. Т. IV, ч. 1. 516 с.

References

1. Gorizontov, L.E. (1999) *Paradoksy imperskoy politiki: Polyaki v Rossii i russkie v Pol'she* [Paradoxes of Imperial Policy: Poles in Russia and Russians in Poland]. Moscow: Indrik.
2. Milyutin, D.A. (1999) *Vospominaniya general-fel'dmarshala. 1860–1862* [Memories of a Field Marshal. 1860–1862]. Moscow: Russian Cultural Foundation: Nikita Mikhalkov's Trite Studio.
3. Leskinen, M.V. (2014) Pol'skiy kharakter v rossiyskoy etnografii XIX veka [Polish Character in Russian Ethnography of the 19th Century]. *Otechestvennye zapiski*. 4(61). pp. 112–130.
4. Leskinen, M.V. (2011) Material'nye atributy etnicheskoy identifikatsii v vizual'nykh reprezentatsiyakh narodov Rossiyskoy imperii [Material Attributes of Ethnic Identification in Visual Representations of the Peoples of the Russian Empire]. *Traditsionnaya kul'tura*. 1(41). pp. 47–58.
5. Pauli, T. (1862) *Description ethnographique des peuples de la Russie*. Vol. 8. Saint-Petersbourg: Imprimerie de F. Bellizard, rue de la poste.
6. Zograf, N.Yu. (ed.) (1894) *Russkie narody: nabroski perom i karandashom* [Russian peoples: Sketches in pen and pencil]. Moscow: I.N. Kushnerev i K°.
7. Ostrogorskiy, A.Ya. (ed.) (1903) *Narody zemli: geograficheskie ocherki zhizni cheloveka na zemle* [Peoples of the Earth: Geographical essays on human life on the Earth]. Vol. 3. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.
8. Anon. (1870) Kochevniki po beregam Visly [Nomads along the banks of the Vistula]. *Niva*. 6. pp. 247.
9. Polevoy, P.N. (1873) Varshava [Warsaw]. *Niva*. 7. pp. 110–111; 8. pp. 124–126.
10. Polevoy, P.N. (1892) Gorod Varshava [The city of Warsaw]. *Niva*. 22. pp. 492–494.
11. Anon. (1872) Gorod Varshava [The city of Warsaw]. *Zhivopisnoye obozrenie*. 31. pp. 490–491.
12. Gorizontov, L.E. (2004) "Pol'skaya tsivilizovannost'" i "russkoe varvarstvo": osnovaniya dlya stereotipov i avtostereotipov ["Polish Civilization" and "Russian Barbarism" Grounds for Stereotypes and Autostereotypes]. In: Leskinen, M.V. & Khorev, V.A. (eds) *Mif Evropy v literature i kul'ture Pol'shi i Rossii* [The Myth of Europe in the Literature and Culture of Poland and Russia]. Moscow: Indrik. pp. 62–75.
13. Semenov, P.P. (eds) *Zhivopisnaya Rossiya: Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii* [The Picturesque Russia: Our Fatherland in Its Land, Historical, Tribal, Economic, and Everyday Meanings]. Vol. 4(1). St. Petersburg: M.O. Volf.

Сведения об авторе:

Павличенко Дарья Игоревна – магистрант Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: dasha00.000@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Pavlichenko Darya I. – Master's Student, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: dasha00.000@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.02.2022; принята к публикации 15.05.2025

The article was submitted 11.02.2022; accepted for publication 15.05.2025

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY

Научная статья

УДК 903.2

doi: 10.17223/19988613/95/23

Новые материалы комплекса Быстрянка: к вопросу о начальном этапе истории населения северных предгорий Алтая скифо-сакского времени

Юрий Тапасович Мамадаков¹, Николай Николаевич Серегин²,
Святослав Сергеевич Радовский³, Владимир Петрович Семибратов⁴

¹ Научный центр «Наследие Сибири», Барнаул, Россия

^{2,3,4} Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

¹ utm54@yandex.ru

² nikolay-seregin@mail.ru

³ radovskiy1996@mail.ru

⁴ semibratovvladimir@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена введению в научный оборот и культурно-хронологической интерпретации новых материалов раскопок на комплексе Быстрянка в северных предгорьях Алтая. Осуществлен анализ зафиксированных сооружений, а также обнаруженного инвентаря в контексте полученных ранее сведений об объектах данного памятника. Представлены основания для определения датировки каменно-земляных объектов Быстрянского некрополя и публикуемого кургана № 3 в рамках 1-й половины – середины VI в. до н.э. Установлено, что обозначенные комплексы отражают сложные процессы сложения быстрянской археологической культуры.

Ключевые слова: быстрянская культура, северные предгорья Алтая, погребальный комплекс, ранний железный век, хронология

Благодарности: Статья подготовлена в рамках реализации программы развития Алтайского государственного университета «Приоритет 2030».

Для цитирования: Мамадаков Ю.Т., Серегин Н.Н., Радовский С.С., Семибратов В.П. Новые материалы комплекса Быстрянка: к вопросу о начальном этапе истории населения северных предгорий Алтая скифо-сакского времени // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 95. С. 181–191. doi: 10.17223/19988613/95/23

Original article

New materials of the Bystryanka complex: to the question of the initial stage of the history of the population of the Altai northern foothills in the Scythian-Saka period

Yuri T. Mamadakov¹, Nikolay N. Seregin², Svyatoslav S. Radovsky³, Vladimir P. Semibratov⁴

¹ Scientific Center “Heritage of Siberia”, Barnaul, Russian Federation

^{2,3,4} Altai State University, Barnaul, Russian Federation

¹ utm54@yandex.ru

² nikolay-seregin@mail.ru

³ radovskiy1996@mail.ru

⁴ semibratovvladimir@mail.ru

Abstract. One of the topical problems of the archeology of North and Central Asia remains the low degree of knowledge about the processes of formation of nomadic communities in the Scythian-Saka time. The purpose of this article is the publication of new materials of the Bystryanka necropolis, located in the northern foothills of Altai and being eponymous for the Bystryanka archaeological culture. The source base of the work was, first of all, the results of the study of three burial mounds of the site (No. 2, 3, 26). In addition, the study involved information about other objects of the Bystryanka burial ground, as well as materials from excavations of the Altai complexes and adjacent territories of the Scythian era.

The study is based on an integrated approach that involves the use of various methods. As part of the characteristics of the accompanying inventory items from the published burials, the method of morphological analysis was used, as well as the method of analogies, which made it possible to clarify the dating of the discovered items. A certain amount of information was obtained in the course of studying the recorded characteristics of the funeral rite, which were compared with information about the synchronous complexes of North and Central Asia.

It has been established that at least two groups of objects are distinguished in the Bystryanka necropolis, characterized by a number of features: 1) relatively small earth mounds; there is no accompanying horse burial; a rather small inventory, as a rule, included ceramic dishes; 2) large stone and earth embankments (up to 40m in diameter); accompanying burial of a horse in the same grave with a person or in a separate chamber; representative inventory, which included weapons and items made of precious metals. New excavation materials confirm this differentiation: mound No. 2 belongs to the first group, and objects No. 3 and 26 belong to the second.

The analysis of the materials obtained allows us to conclude that the culture of the population that left the published burials of the Bystryanka necropolis has a «transitional» image. Taking into account some features of the inventory (the spread of weapons, an increase in the number of iron products), as well as a change in the funeral rite, which is not directly comparable with the traditions of the population of the Biye and Mayemir cultures, there are grounds for narrowing the dating of the stone and earthen objects of the Bystryanka necropolis, including the published mound No. 3, within the first half – the middle of the VI century BC. The materials obtained reflect the complex processes of the formation of the Bystryanka archaeological culture.

Keywords: Bystryan culture, northern foothills of Altai, burial complex, early Iron Age, chronology

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the Altai State University development program “Priority 2030”.

For citation: Mamadakov, Yu.T., Seregin, N.N., Radovsky, S.S., Semibratov, V.P. (2025) New materials of the Bystryanka complex: to the question of the initial stage of the history of the population of the Altai northern foothills in the Scythian-Saka period. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 95. pp. 181–191. doi: 10.17223/19988613/95/23

Введение

Несмотря на то, что комплекс Быстрянка (Быстрянский могильник) выступает эпонимным для обозначения культуры населения северных предгорий Алтая скифо-сакского времени, его интерпретация не вполне однозначна. Материалы, полученные в ходе раскопок памятника, оказались неоднородными, что стало причиной формирования различных концепций исследователей о культурной и хронологической принадлежности объектов некрополя.

Первые исследования на комплексе Быстрянка, включавшие раскопки 14 курганов раннего железного века, осуществлены Алтайской экспедицией Общества изучения Сибири под руководством директора Бийского музея С.М. Сергеева в 1930 г. [1]. В 1932 г. А.П. Марковым по заданию Новосибирского музея на площади могильника изучено еще пять курганов этого же времени [2]. Продолжение работ на некрополе связано с масштабными изысканиями Саяно-Алтайской экспедиции под общим руководством С.В. Киселева в 1935 г. В рамках этих исследований С.М. Сергеевым и А.П. Марковым раскопано 15 объектов [3]. В опубликованных материалах отмечено разделение вскрытых курганов на две группы: более крупные, с насыпью из земли, обложенной булыжником, и небольшие, с земляной надмогильной конструкцией [4. С. 90–92; 5. С. 629–632; 6. С. 61].

К настоящему времени в научный оборот введены лишь результаты раскопок 1930 г. [6], а также кратко представлены сведения о работах, осуществленных в 1935 г. [4. С. 90–92; 5. С. 629–632]. Полученные материалы демонстрируют вариативность обрядовой практики и материальной культуры населения, оставившего Быстрянский некрополь. Анализ сформированных

данных позволил исследователям предположить, что комплекс создавался в разное время и демонстрирует существование нескольких культурных групп [7. С. 129–130; 8. С. 286–287; 9. С. 161–162]. Ряд специалистов относят изученные объекты к быстрянской археологической культуре [10. С. 56; 11. С. 234; 12. С. 138].

Одним из факторов, определяющих значение материалов Быстрянского некрополя, является наличие в его составе погребений, относящихся к начальным этапам истории населения северных предгорий Алтая скифо-сакского времени. Фиксация раннего комплекса объектов позволяет рассматривать ряд дискуссионных вопросов, связанных с реконструкцией процессов сложения культур региона обозначенного периода. Данное обстоятельство определяет как актуальность детального анализа уже имеющихся материалов, так и продолжение точечных исследований на памятнике. В настоящей статье представлены результаты раскопок трех курганов Быстрянского некрополя, а также различные аспекты их интерпретации в контексте современных представлений об истории Алтая и сопредельных территорий скифской эпохи.

Характеристика источников

Археологический комплекс Быстрянка расположен к югу и юго-востоку от одноименного села, по обе стороны от Чуйского тракта, в Красногорском районе Алтайского края (рис. 1).

После долгого перерыва в 1999–2000 гг. раскопки на данном памятнике осуществлены Быстрянским археологическим отрядом Научно-исследовательского сектора Алтайского государственного университета под руководством Ю.Т. Мамадакова. Основной задачей экспедиции стало исследование объектов, попадавших

в зону реконструкции Чуйского тракта. В результате было раскопано три кургана: два в 1999 г. (№ 2, 3) и

один в 2000 г. (№ 26), расположенных в северной части комплекса (рис. 2).

Рис. 1. Расположение комплекса Быстрянка.

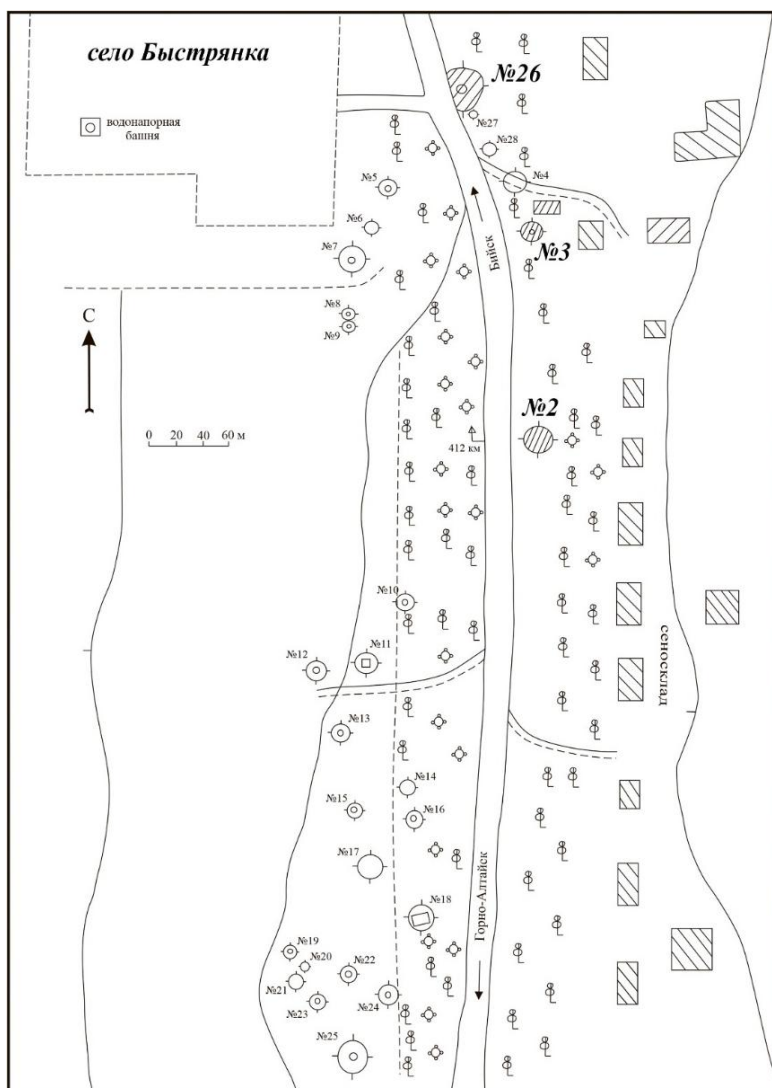

Рис. 2. План комплекса Быстрянка

Курган № 2 до раскопок представлял собой задернованную земляную насыпь подовальной формы, вытянутую с юго-востока на северо-запад. Размеры объекта – $8,5 \times 7,5$ м, максимальная высота – 0,65 м. Северо-западный сектор насыпи частично разрушен в ходе строительных работ на Чуйском тракте. Под наземной конструкцией на уровне материка выявлены контуры подовальной ямы, ориентированной по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток. Размеры могильного пятна составляли $2,5 \times 1,87$ м.

Верхние слои могилы подвергались частым физическим воздействиям, что фиксируется по меняющимся контурам погребения (рис. 3). Установлено, что захоронение совершено в подпрямоугольной яме с закругленными углами (размеры $1,85 \times 1,04$ м при глубине 1,7 м), ориентированной по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. Погребение оказалось ограблено в древности. В могиле зафиксированы скопления костей человека, локализованные в западной и восточной частях ямы. Разрозненность останков умершего не позволяет достоверно определить положение и ориентировку.

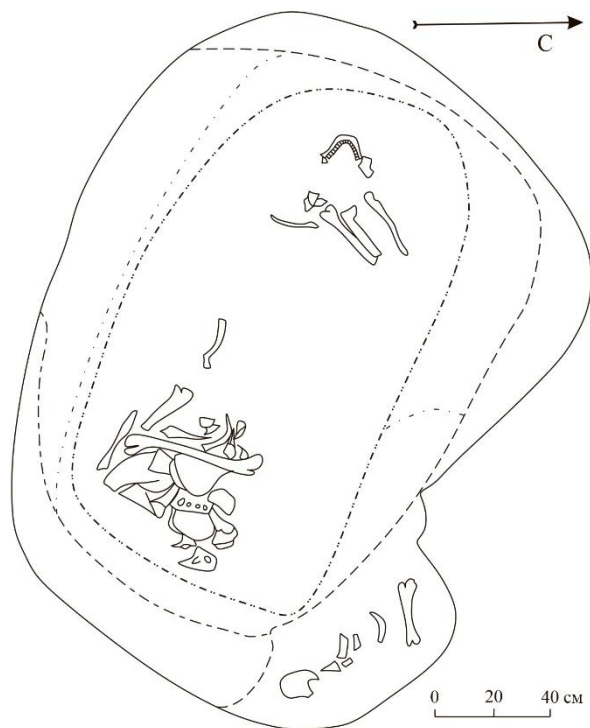

Рис. 3. Быстринский некрополь. План погребения кургана № 2 (раскопки 1999 г.)

Какие-либо дополнительные конструкции и предметы инвентаря не обнаружены.

Курган № 3 представлял собой задернованную и поросшую деревьями насыпь слегка подовальной формы, вытянутую по линии север-юг. Размеры наземной конструкции составили 18×16 м, максимальная высота – 1,4 м. В центральной части кургана видна западина с задернованными камнями глубиной до 0,8 м. Образовавшаяся яма некоторое время использовалась местными жителями как место для свалки мусора. Северо-восточная часть насыпи разрушена в ходе строительных работ, а северо-западный сектор – при прокладке полевой дороги.

После снятия дерна и зачистки камней выявлена частично разрушенная крепида кургана, состоявшая из крупных булыжников, аккуратно подогнанных друг к другу. Установлено, что наземная конструкция представляла собой земляную насыпь, обложенную камнем в два-три слоя. На глубине 1,25 м от наивысшей точки кургана выявлены нечеткие контуры ямы, нарушенной грабительским раскопом.

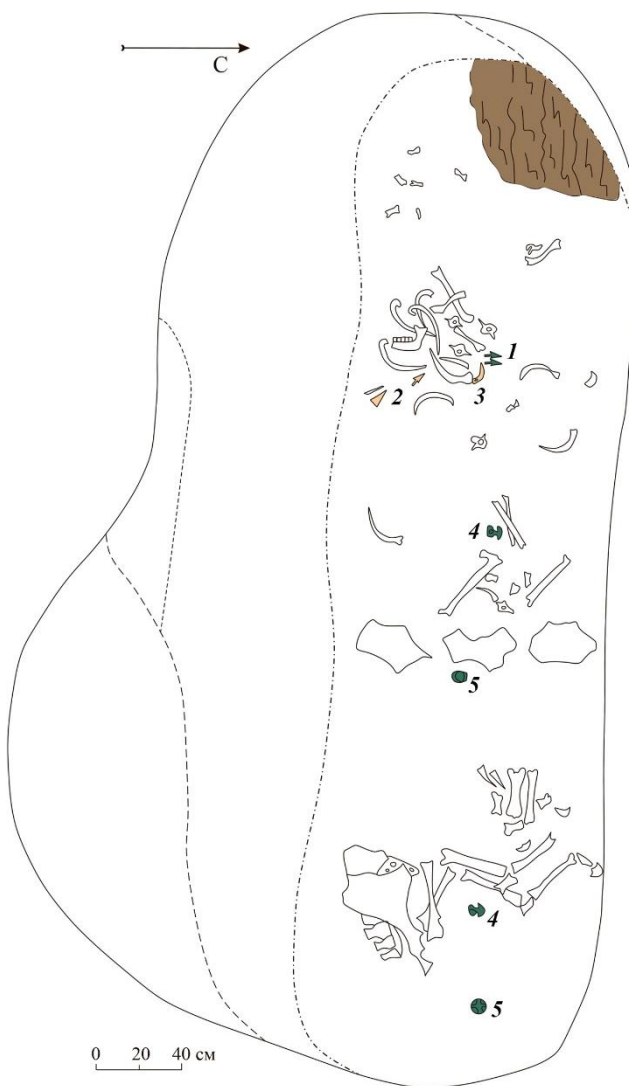

Рис. 4. Быстринский некрополь. План погребения кургана № 3 (раскопки 1999 г.): 1 – бронзовый наконечник стрелы; 2 – костяной наконечник стрелы; 3 – клык кабана; 4 – бронзовая застежка; 5 – бронзовый распределитель ремней

Изначальные границы подпрямоугольной центральной ямы с закругленными углами зафиксированы на глубине 2 м, до которой доходил грабительский раскоп. Размеры могилы, имевшей отвесные стенки и ориентированной по линии запад–восток, составили $4,9 \times 1,45$ м, глубина – до 3,2 м. На дне ямы обнаружено частично ограбленное захоронение человека в сопровождении лошади (рис. 4).

Останки умершего, сильно потревоженные грабителями, находились в западной и центральной частях могилы. Над костяком в некоторых местах сохранились фрагменты деревянного перекрытия. Судя по зафиксированной ситуации, человек был ориентирован головой в западный сектор горизонта. Среди костей погребенного обнаружено два бронзовых и два костяных наконечника стрел, а также клык кабана с просверленным отверстием. Отметим, что последняя из перечисленных находок могла относиться к конскому снаряжению.

Сопроводительное захоронение лошади, также нарушенное в ходе ограбления, выявлено в восточной части могильной ямы. Животное находилось на земляном приступке.

Судя по неповрежденным костям задних конечностей, с большой долей вероятности лошадь была уложена на левый бок и ориентирована головой на запад. Среди костей животного, а также в центральной части могилы обнаружены элементы снаряжения, изготовленные из бронзы: две уздечные застёжки, целый распределитель ремней и фрагмент такого же изделия, а также две ворворки.

Курган № 26 до раскопок представлял собой задернованную насыпь округлой формы диаметром 36 м и высотой до 2,5 м. Юго-западная и северо-восточная части наземной конструкции сильно разрушены в ходе строительных работ на Чуйском тракте и при прокладке кабеля телефонной связи. В центре кургана фиксировалась западина (размеры $5,8 \times 5$ м, глубина 0,95 м), вытянутая с севера–северо-востока на юг–юго-запад. От нее в северном направлении шла канава-траншея размерами 9×2 м, глубиной 0,9 м. В ходе работ установлено, что насыпь состояла из земли, обложенной камнями в один–два слоя. У основания кургана зафиксирована частично разрушенная крепида из крупных булыжников.

Под наземной конструкцией на уровне материка выявлены контуры округлой ямы, диаметр которой составил 4,5 м. В заполнении могилы на разном уровне встречены рваные камни и кости животных. Дно могилы зафиксировано на глубине 2,65 м. В ходе раскопок останки человека и какие-либо предметы не обнаружены. Вероятно, объект был полностью ограблен в древности. Вместе с тем нельзя исключать, что раскопки данного кургана были осуществлены в 1930-е гг., хотя какая-либо информация об этом отсутствует.

Несмотря на ограбленность всех раскопанных объектов, в ходе исследований получен определенный объем информации об особенностях наземных и внутримогильных конструкций, специфике обрядовой практики, а также о составе предметного комплекса.

Анализ и интерпретация материалов

При осуществлении культурно-хронологической интерпретации погребений, раскопанных в 1999–2000 гг. целесообразно использовать материалы предшествующих исследований Быстрянского некрополя. Представляется возможным утверждать, что на памятнике выделяются по меньшей мере две группы объектов, характеризующихся следующими отличительными признаками:

1) земляные курганы относительно малых размеров; сопроводительное захоронение лошади отсутствует; довольно немногочисленный инвентарь, как правило, включал керамическую посуду;

2) крупные каменно-земляные насыпи (до 40 м в диаметре); сопроводительное захоронение лошади в одной могиле с человеком или в отдельной камере; представительный инвентарь, в состав которого входили предметы вооружения и изделия из драгоценных металлов.

Примечательно, что, по заключению С.М. Сергеева и А.П. Маркова, объекты первой группы включали захоронения женщин и детей, в то время как под каменно-земляными курганами, вероятно, были похоронены мужчины-воины [2; 6. С. 65]. Данное наблюдение подтверждается зафиксированным составом инвентаря, однако следует признать, что при отсутствии антропологических определений любые заключения являются преждевременными. Также сложно пока сделать однозначные выводы по поводу хронологического соотношения выделенных групп, основой для чего должны стать как детальное изучение обнаруженного предметного комплекса, так и данные радиоуглеродного анализа.

Судя по имеющимся материалам, курган № 2 (раскопки 1999 г.) относится к первой группе объектов. На это указывают главным образом земляная насыпь небольших размеров и отсутствие сопроводительного захоронения лошади. Принимая во внимание выявленную западную ориентировку большинства погребенных на Быстряном некрополе [4. С. 91–92; 6. С. 65], можно предполагать таковую и для рассматриваемого объекта.

Курган № 3, очевидно, должен быть включен во вторую группу сооружений. Его отличают довольно крупная каменно-земляная насыпь, наличие сопроводительного захоронения лошади и присутствие предметов вооружения в инвентаре. При этом, учитывая ограбленность объекта, предметный комплекс погребения, очевидно, был гораздо представительнее. Возможно, ко второй группе относится и курган № 26, имевший схожую структуру и размеры насыпи. Не исключено, что находки отдельных костей животных в заполнении могильной ямы были связаны с захоронением лошади.

Для определения культурной принадлежности раскопанных комплексов наибольшее значение имеет курган № 3. С одной стороны, ряд характеристик объекта соответствует погребальной практике населения быстрянской культуры: насыпь в виде земляного холма, обложенного булыжником; значительная глубина могилы; наличие деревянного перекрытия; располо-

жение взнузданной лошади на приступке; ориентировка умершего человека и животного в западный сектор горизонта [10. С. 56–58; 13; 14]. Вместе с тем заметны некоторые отклонения от условного «стандарта» обрядности обозначенной общности. Во-первых, захоронение лошади расположено не как обычно (к югу от человека, справа от него), а в ногах и с востока, частично над умершим. Похожие ситуации крайне редко фиксируются в ходе раскопок комплексов быстрианской культуры. Во-вторых, не совсем типичен набор инвентаря. В погребениях быстрианской культуры наиболее распространенной категорией находок является керамическая посуда. При этом ни в одном из каменно-земляных объектов Быстрианского некрополя такие изделия не выявлены. Кроме того, довольно своеобразным является значительное количество предметов вооружения, обнаруженного в ходе раскопок таких курганов обозначенного памятника.

Несмотря на фиксацию в составе сопроводительного инвентаря, выявленного в погребениях под каменно-земляными курганами Быстрианского некрополя, явных параллелей с комплексами раннескифского времени, напрямую связать рассматриваемые объекты с майэмирской или бийкенской культурами не представляется возможным. По совокупности характеристик обрядовой практики (наземные конструкции, погребальная камера, положение и ориентировка умершего человека, а также наборы вещей) традиции населения обозначенных общностей имеют ряд серьезных отличий [15–17].

Определение хронологии публикуемых объектов в значительной степени основывается на рассмотрении облика предметов, происходящих из погребения кургана № 3. Довольно показательны два бронзовых наконечника стрел, имеющие черешковый способ насада (рис. 5, 1, 2, 6, 1). Длина первого изделия – 5 см, второй образец несколько крупнее – 5,6 см. Черешки обоих предметов округлые в сечении, в месте насада на древко уплощены, у одного из наконечников ближе к основанию имеется утолщение; жалыца предметов оттянуты книзу. В монографии О.С. Лихачевой [12. С. 43] рассматриваемые находки отнесены к трехлопастным наконечникам с треугольным абрисом пера. На наш взгляд, второе изделие имеет утяжеленный трехгранный боек и сводчатую форму пера, поэтому его следует отнести к трехгранно-трехлопастным наконечникам килевидного абриса.

Аналогии первому бронзовому наконечнику происходят в основном с территории лесостепного и предгорного Алтая, из материалов быстрианской, каменской и староалейской культур [18. Рис. 3, 9, 10; 19. Рис. 5, 10, 13, 11; 20. Рис. 42, 8, 9; 21. Рис. 110, 6–9]. В предметном комплексе кочевников горной части региона таких изделий существенно меньше [22. С. 88. Рис. 1, 2–6]. Отметим, что у одного из наконечников, обнаруженных в ходе раскопок погребения бийкенской культуры некрополя Элекманар-II, обнаружено утолщение на черешке, подобное находке из кургана № 3 Быстрианского могильника [23. Рис. 6, 11]. Предметы такого типа, зафиксированные на Алтае, датированы О.С. Лихачевой [12. С. 53] в рамках VII–III вв. до н.э. По мнению В.Д. Кубарева и П.И. Шульги [24. С. 91–92], подобные

изделия появились в раннескифское время и получили наибольшее распространение в V–IV вв. до н.э.

Второй бронзовый наконечник стрелы из кургана № 3 имеет аналогии в материалах отдельных комплексов Алтая раннескифского времени [23. Рис. 6, 11; 24. С. 91. Рис. 69, 1], а также ранних памятников каменской и староалейской культур [19. Рис. 9, 6; 25. Рис. 2]. Кроме того, схожие морфологические характеристики зафиксированы у изделий из кургана № 8 могильника Быстрианка (раскопки 1930 г.) [6. Рис. 2, 20–21], находок из объекта № 27 некрополя Балык-Соок-I [24. Рис. 12, 12–13] и кургана № 2 комплекса Нижняя Каянча [26. С. 243. Рис. 1, 2]. Наконечники из двух последних обозначенных памятников так же, как находка из кургана № 3, отличаются удлиненным черешком, что, вероятно, свидетельствует о хронологической близости рассматриваемых предметов вооружения.

В специальной литературе представлен ряд суждений о времени бытования наконечников стрел такого типа у населения Алтая и сопредельных территорий. По мнению Ю.Ф. Кирюшина и А.А. Тишкина [15. С. 83], подобные предметы существовали в VII–V вв. до н.э., однако наиболее вероятный период их массового использования пришелся на VI в. до н.э. Согласно заключению В.Д. Кубарева и П.И. Шульги [24. С. 91–92], наконечники стрел с обозначенными морфологическими характеристиками получили распространение в восточной части Евразии в VII–VI вв. до н.э., и к V–IV вв. до н.э. постепенно трансформировались в облегченные трехлопастные типы изделий. О.С. Лихачевой [12. С. 54] рассматриваемые предметы вооружения датированы в рамках VII–III до н.э.

Наряду с бронзовыми наконечниками стрел в могиле обнаружены два костяных (рис. 5, 3–4, 6, 2–3). Первый предмет (рис. 5, 3, 6, 2) черешковый, трехгранный, со сводчатой головкой; в его основании оформлены подтреугольные вырезы, образующие шипы. Наконечник довольно крупный: длина его составляет 7,1 см. Одна из граней изделия имеет слабовыраженную приталенность, что несколько сближает его с башневидными наконечниками. Многочисленные аналогии рассматриваемой находке известны в материалах раскопок комплексов скифской эпохи Алтая [27. Рис. 4, 23–26; 28. Рис. 24, 25; 21. Рис. 111, 2а], в том числе в объектах предгорной части региона [29. Рис. 6, 4–5; 30. Рис. 2, 24–25].

Второй костяной наконечник (рис. 5, 4, 6, 3) имеет втульчатый способ насада и трехгранное сечение. Общая длина изделия составляет 5,2 см. Подобные предметы получили несколько меньшее распространение в памятниках Алтая скифской эпохи, однако также имеют серию аналогий [21. Рис. 111, 5б; 24. Рис. 12, 9; 28. Рис. 26, 3; 31. Рис. 3, 4]. Следует отметить, что костяные наконечники из кургана № 3 выполнены достаточно небрежно, форма предметов неровная, часть граней слабо выражена или отсутствует.

С точки зрения уточнения времени сооружения кургана № 3 определенное значение имеют предметы конского снаряжения, обнаруженные в погребении. При этом следует отметить, что в захоронении находился далеко не полный комплект сбруи, что, очевидно, связано с ограбленностью объекта.

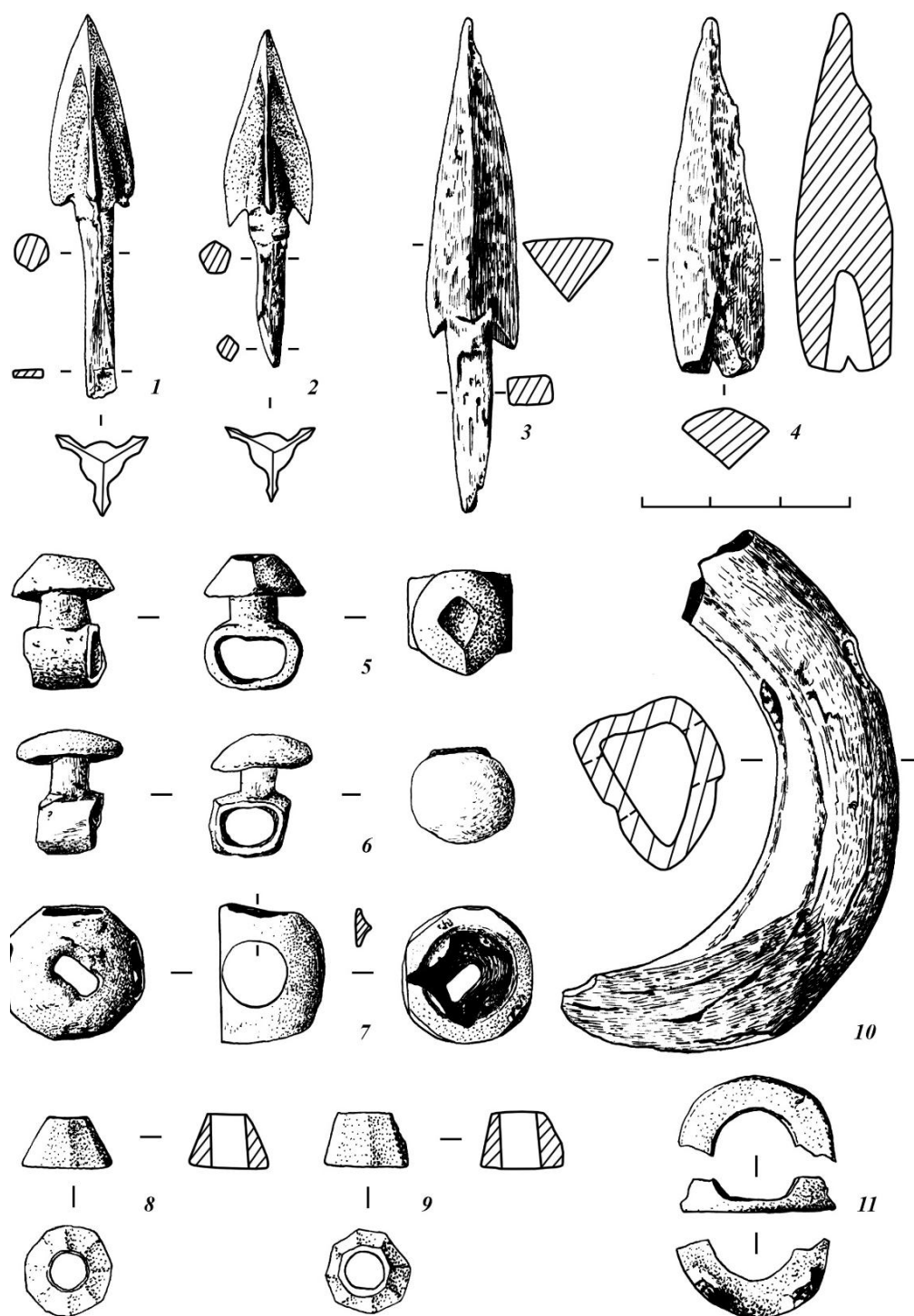

Рис. 5. Быстрянский некрополь. Предметы инвентаря из погребения кургана № 3:
1–2, 5–9, 11 – бронза; 3–4, 10 – кость, рог

Две бронзовые застёжки (рис. 5, 5, 6, 6, 4, 5) представляют собой изделия в виде подовального или округлого кольца с шляпкой на шпильке. Края шляпки одной из находок в нижней части загнуты, образуя грань, у второй – опущены плавно. Такие предметы обычно рассматриваются исследователями в качестве застёжек ремней конской сбруи [15. С. 72]. По мнению П.И. Шульги [16. С. 82, 94], они использовались для фиксации подбородных и нагрудных ремней. Судя по имеющимся материалам, застёжки рассматриваемого типа получили довольно широкое распространение

у населения Алтае-Саянского региона и Казахстана в раннескифское время [15. С. 72; 16. С. 82; 32. С. 59]. Наиболее близкие аналогии изделиям из погребения кургана № 3 Быстрянского некрополя происходят из памятников майэмирской культуры [16. Рис. 58]. Подобный же предмет обнаружен А.П. Марковым в захоронении объекта № 21 могильника Суртайка-I [2; 33. Рис. 3, 9].

Другим элементом конского снаряжения являются два распределителя ремней, представленные одним целым изделием и фрагментом (рис. 5, 7, 11, 6, 6, 7).

Диаметр сохранившегося полностью предмета составляет 2,1 см, высота – 1,9 см. Такие распределители были весьма распространенным элементом матери-

альной культуры кочевников Алтая и сопредельных территорий раннескифского времени [15. С. 72; 16. С. 80–81; 32. С. 57–59].

Рис. 6. Быстрианский некрополь. Предметы инвентаря из погребения кургана № 3: 1, 4–9 – бронза; 2–3, 10 – кость, рог

Столь же частой находкой в археологических комплексах рассматриваемого региона были ворворки, изготовленные из кости или цветного металла. Бронзовые изделия, обнаруженные в погребении кургана № 3 Быстрианского некрополя (рис. 5, 8, 9, 6, 8, 9), имеют традиционную конусовидную форму и грани на внешней поверхности. Диаметр публикуемых предметов – 1,2–1,4 см. По мнению П.И. Шульги [16. С. 84–85], большинство ворворок в сбруе использовалось для застегивания суголовных, реже холочных ремней. Близкие аналогии публикуемым предметам происходят из археологических комплексов Горного Алтая и северо-западных предгорий раннескифского времени [15. Рис. 39, 7, 56, 5; 16. Рис. 59, 1–15].

Вероятно, к конскому снаряжению относится также подвеска из нижнего клыка кабана (рис. 5, 10, 6, 10). Подобные изделия, вероятнее всего, использовали для украшения узды или седельных ремней [34. С. 127]. Находка из погребения кургана № 3 имеет отверстие в верхней части диаметром 0,7 см. Длина изделия – 8,1 см, ширина – 2,3 см. Наиболее ранними свидетель-

ствами использования подобных предметов в конской сбруе являются материалы комплекса Аржан-I, где просверленные клыки кабанов найдены среди костей животных [35. С. 26. Рис. 14, 3]. На Алтае схожие изделия фиксируются начиная с раннескифского времени [15. Рис. 37, 4], получая наибольшее распространение в объектах раннего этапа пазырыкской культуры [9. Рис. 16, 6; 34. Рис. 2, 4; 36. Табл. XLIX, 5–8]. Отметим, что в нескольких погребениях быстрианской культуры обнаружены имитации клыков кабана, изготовленные из рога и бронзы [10. Рис. 1, 9, 10; 30. Рис. 1, 15; 31. Рис. 6, 6].

Осуществленный анализ общих и особенных характеристик обрядовой практики и сопроводительного инвентаря позволяет сделать вывод о «переходном» облике культуры населения, оставившего публикуемые погребения Быстрианского некрополя. Наиболее полные аналогии материалам, полученным в ходе раскопок захоронения кургана № 3, происходят из комплексов Алтая и сопредельных территорий VII–V вв. до н.э. При этом зафиксированные элементы погре-

бального обряда и обнаруженные предметы вооружения тяготеют к объектам северных предгорий Алтая скифо-сакского времени, а конское снаряжение и отсутствие керамической посуды сближают объект с памятниками раннескифского периода. Принимая во внимание некоторые особенности инвентаря (распространение оружия, увеличение количества изделий из железа), а также изменение погребального обряда, несопоставимого прямым образом с традициями населения бийкенской и майэмирской культур, имеются основания для сужения датировки каменно-земляных объектов Быстрянского некрополя и рассматриваемого кургана № 3 в рамках первой половины – середины VI в. до н.э.

Заключение

Публикуемые в настоящей статье результаты раскопок Быстрянского некрополя, а также полученные в ходе предшествующих исследований данные позволяют вновь обратиться к вопросу о происхождении быстрянской культуры.

Различные аспекты реконструкции сложных процессов сложения населения северных предгорий Алтая скифо-сакского времени представлены в ряде работ археологов [8. С. 286–287; 36. С. 84–85; 37; 38; 39. С. 68–69; 40. С. 135–136]. Не погружаясь в детальное рассмотрение сформированной к настоящему времени историографии вопроса, отметим, что практически все исследователи указывали на участие в формировании быстрянской культуры по крайней мере двух компо-

нентов – местного (большереченского) и пришлого кочевого населения скифского круга.

Судя по имеющимся материалам, каменно-земляные курганы Быстрянского некрополя маркируют начальный этап истории одноименной культуры, в определенной степени демонстрируя процессы ее сложения. На наш взгляд, эти захоронения оставлены представителями военизированной кочевой группы, пришедшей на территорию северных предгорий Алтая в начале VI в. до н.э. (возможно, в конце VII в. до н.э.) и ассимилировавшей местное большереченское население. Результатом данного смешения стала устойчивая культура развитого этапа быстрянской общности, получившая отражение в ключевых характеристиках погребального обряда [10. С. 56–58; 13; 14].

Очевидны перспективы дальнейшего изучения как Быстрянского некрополя и других информативных комплексов, так и одноименной культуры в целом. Ключевым фактором для детализации истории населения северных предгорий Алтая скифо-сакского времени является уточнение хронологии конкретных объектов, в том числе путем системного радиоуглеродного датирования имеющихся материалов. Вероятно, определенные сведения о присутствии различных компонентов в составе общности могут быть получены в ходе палеогенетических исследований. Наконец, принимая во внимание тот факт, что раскопки значительной части погребений быстрянской культуры осуществлены в начале XX в. по устаревшей методике, большое значение имеет организация точечных раскопок для расширения пока довольно фрагментарной источниковой базы.

Список источников

1. Сергеев С.М. Материалы археологических раскопок в с. Быстрянка. Архив в 1930 г. // Архив Бийского краеведческого музея. Ф. 2. Д. 3.
2. Марков А.П. Отчет о раскопках курганных могильников у сел Быстрянского и Суртайского в 1932 г. // Архив БКМ. Ф. 2. Д. 6.
3. Сергеев С.М. Дневник раскопок у с. Быстрянского в 1935 г. // Архив БКМ. Ф. 2. Д. 19.
4. Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды Государственного исторического музея. 1941. Вып. 16. С. 75–117.
5. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 642 с.
6. Завитухина М.П. Курганы у с. Быстрянского в Алтайском крае (по раскопкам С.М. Сергеева в 1930 г.) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1966. Вып. 8. С. 61–77.
7. Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, Горно-Алт. отд-ние, 1989. 214 с.
8. Абдулганеев М.Т. О компонентах сложения быстрянской культуры // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 285–287.
9. Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и верхнем Приобье. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015. Ч. II. 322 с.
10. Киреев С.М. Погребения быстрянской культуры // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 54–58.
11. Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул: Азбука, 2008. 479 с.
12. Лихачёва О.С. Вооружение и военное дело населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н.э.). Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2020. 304 с.
13. Радовский С.С., Серегин Н.Н. Ориентировка погребенных в некрополях быстрянской культуры северных предгорий Алтая (скифо-сакское время) // Северные Архивы и Экспедиции. 2020. Т. 4, № 4. С. 83–94.
14. Радовский С.С., Серегин Н.Н. Погребальные сооружения населения быстрянской культуры скифо-сакского времени (северные предгорья Алтая) // Северные Архивы и Экспедиции. 2020. Т. 4, № 1. С. 20–37.
15. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. 232 с.
16. Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Барнаул: Азбука, 2008. Ч. I. 276 с.
17. Шульга П.И. Могильник раннескифского времени Гилёво-10 в предгорьях Алтая. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2016. 258 с.
18. Иванов Г.Е. К археологической карте верховьев рек Касмалы и Барнаулки // Археология и этнография Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 24–52.
19. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Могильник раннего железного века Староалейка 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 115–134.
20. Киреев С.М., Акимов Т.А., Бородавский А.П., Бородавская Е.Л. Археологические памятники и объекты Майминского района. Горно-Алтайск: АКИН, 2008. 144 с.
21. Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 329 с.
22. Худяков Ю.С. Коллекция оружия скифского времени из могильника Салдам и Усть-Эдиган // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1995. С. 87–101.

23. Степанова Н.Ф. Погребения в каменных ящиках и их датировка // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 54–69.
24. Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 282.
25. Шамшин А.Б., Демин М.А., Навротский П.И. Раскопки курганного могильника раннего железного века Михайловский-VI на юге Кулунды // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул : Изд-во АлтГПУ, 1992. С. 60–68.
26. Тишкин А.А., Кирышин Ю.Ф., Семibrатов В.П. Предметный комплекс из памятника скифо-сакского времени Нижняя Каянча на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2011. Т. XVII. С. 243–247.
27. Шульга П.И. Ранние костяные наконечники стрел из курганов скифского времени на Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 43–61.
28. Кирышин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. 292 с.
29. Полторацкая В.Н. Могильник Березовка I // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. Вып. 3. С. 74–88.
30. Завитухина М.П. Курганный могильник Сростки-II на Алтае // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л. ; М. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1966. Вып. XXVII. С. 51–53.
31. Завитухина М.П. Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. Вып. 3. С. 89–108.
32. Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М. : РОССПЭН, 1997. 187 с.
33. Абдулганеев М.Т., Папин Д.В. Памятники раннескифского времени в междуречье Бии и Катунь // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 5–13.
34. Мамадаков Ю.Т. Аварийные раскопки могильника Катанда-3 // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 125–131.
35. Грязнов М.П. Аржан : царский курган раннескифского времени. Л. : Наука, 1980. 64 с.
36. Могильников В.А., Уманский А.П. Курганы раннего железного века на Чумыше // Краткие сообщения Института археологии. 1981. Вып. 167. С. 80–86.
37. Тишкин А.А. Памятники раннего железного века лесостепного предгорья Алтая // Проблемы археологии Северной Азии : к 80-летию академика А.П. Окладникова. Чита, 1988. С. 65–66.
38. Киреев С.М. Роль миграционных процессов в сложении быстринской культуры // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и Средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 118–120.
39. Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб. : Вичи, 1996. 100 с.
40. Могильников В.А. К характеристике раннего железного века северо-западных предгорий Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 134–138.

References

1. Sergeev, S.M. (1930) *Materialy arkheologicheskikh raskopok v s. Bystryanka. Arkhiv v 1930 g.* [Materials of archaeological excavations in the village. Bystryanka. The Archive in 1930]. The Archive of the Biysk Museum of Local History. Fund 2. File 3.
2. Markov, A.P. (1932) *Otchet o raskopkakh kurgannykh mogil'nikov u sel Bystryanskoye i Surtayskoye v 1932 g.* [Report on excavations of burial mounds near the villages of Bystryanskoye and Surtayskoye in 1932]. The Archive of the Biysk Museum of Local History. Fund 2. File 6.
3. Sergeev, S.M. (1935) *Dnevnik raskopok u s. Bystryanskogo v 1935 g.* [Diary of excavations near the village. Bystryanskoye in 1935]. The Archive of the Biysk Museum of Local History. Fund 2. File 19.
4. Evtukhova, L.A. & Kiselev, S.V. (1941) *Otchet o rabotakh Sayano-Altayskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1935 g.* [Report on the work of the Sayano-Altai archaeological expedition in 1935]. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya*. 16. pp. 75–117.
5. Kiselev, S.V. (1951) *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri* [Ancient history of Southern Siberia]. Moscow: USSR AS.
6. Zavitukhina, M.P. (1966) *Kurgany u s. Bystryanskogo v Altayskom krae (po raskopkam S.M. Sergeeva v 1930 g.)* [Barrows near the village of Bystryanskoye in the Altai region (based on the excavations of S.M. Sergeev in 1930)]. In: *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Collection of the State Hermitage]. Vol. 8. Leningrad: State Hermitage. S. 61–77.
7. Surazakov, A.S. (1989) *Gornyy Altay i ego severnye predgor'ya v epokhu rannego zheleza. Problemy khronologii i kul'turnogo razgranicheniya* [Mountain Altai and its northern foothills in the Early Iron Age. Problems of chronology and cultural delimitation]. Gorno-Altaysk: Alt. kn. izd-vo, Gorno-Alt. otd-nie.
8. Abdulganeev, M.T. (2001) *O komponentakh slozheniya bystryanskoy kul'tury* [On the components of the Bystryanskaya culture]. In: Chindina, L.A. (ed.) *Prostranstvo kul'tury v arkheologo-etnograficheskom izmerenii. Zapadnaya Sibir' i sopredel'nye territorii* [The space of culture in the archaeological and ethnographic dimension. Western Siberia and adjacent territories]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 285–287.
9. Shulga, P.I. (2015) *Snaryazhenie verkhovoy lozhadi v Gornom Altaye i verkhnem Priob'e* [Riding horse equipment in the Altai Mountains and upper Ob region]. Vol. 2. Novosibirsk: SB RAS.
10. Kireev, S.M. (1992) *Pogrebeniya bystryanskoy kul'tury* [Burials of the Bystryanskaya culture]. In: *Problemy izucheniya istorii i kul'tury Altaya i sopredel'nykh territoriy* [Problems of studying the history and culture of Altai and adjacent territories]. Gorno-Altaysk: GANIIYaL. pp. 54–58.
11. Frolov, Ya.V. (2008) *Pogrebal'nyy obryad naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya v VI v. do n.e. – II v. n.e. (po dannym gruntovykh mogil'nikov)* [Funeral rite of the population of the Barnaul Ob region in the 6th century BC – 2nd century AD (according to data from ground burial grounds)]. Barnaul: Azbuka.
12. Likhacheva, O.S. (2020) *Vooruzhenie i voennoe delo naseleniya Lesostepnogo Altaya v rannem zheleznom veke (VIII–I vv. do n.e.)* [Armament and military affairs of the population of the Forest-Steppe Altai in the early Iron Age (8th–1st centuries BC)]. Barnaul: IP Kolmogorov I.A.
13. Radovskiy, S.S. & Seregin, N.N. (2020) *Orientirovka pogrebeniykh v nekropolakh bystryanskoy kul'tury severnykh predgoriy Altaya (skifo-sakskoe vremya)* [Orientation of those buried in the necropolises of the Bystryanskaya culture of the northern foothills of Altai (Scythian-Saka time)]. *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii*. 4(4). pp. 83–94.
14. Radovskiy, S.S. & Seregin, N.N. (2020) *Pogrebal'nye sooruzheniya naseleniya bystryanskoy kul'tury skifo-sakskogo vremeni (severnye predgor'ya Altaya)* [Burial structures of the population of the Bystryanskaya culture of the Scythian-Saka period (northern foothills of Altai)]. *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii*. 4(1). pp. 20–37.
15. Kiryushin, Yu.F. & Tishkin, A.A. (1997) *Skifskaya epokha Gornogo Altaya* [Scythian era of Gorny Altai]. Vol. 1. Barnaul: Altai State University.
16. Shulga, P.I. (2008) *Snaryazhenie verkhovoy lozhadi i voinskie poyasa na Altaye* [Riding horse equipment and military belts in Altai]. Vol. 1. Barnaul: Azbuka.
17. Shulga, P.I. (2016) *Mogil'nik ranneskijskogo vremeni Gilevo-10 v predgor'yakh Altaya* [The Early Scythian Burial Ground Gilevo-10 in the Altai Foothills]. Novosibirsk: NSU.
18. Ivanov, G.E. (1982) *K arkheologicheskoy karte verkhov'ev rek Kasmaly i Barnaulki* [On the Archaeological Map of the Upper Reaches of the Kasmaly and Barnaulka Rivers]. In: *Arkheologiya i etnografiya Altaya* [Archaeology and Ethnography of Altai]. Barnaul: Altai State University. pp. 24–52.
19. Kiryushin, Yu.F. & Kungurov, A.L. (1996) *Mogil'nik rannego zheleznoogo veka Staroaleyka 2* [The Early Iron Age Burial Ground Staroaleyka 2]. In: *Pogrebal'nyy obryad drevnikh plemen Altaya* [Funeral Rite of the Ancient Tribes of Altai]. Barnaul: Altai State University. pp. 115–134.
20. Kireev, S.M., Akimova, T.A., Borodovskiy, A.P. & Borodovskaya, E.L. (2008) *Arkheologicheskie pamyatniki i ob'ekty Mayminskogo rayona* [Archaeological monuments and objects of the Maiminsky district]. Gorno-Altaysk: AKIN.

21. Shulga, P.I., Umanskiy, A.P. & Mogilnikov, V.A. (2009) *Novotroitskiy nekropol'* [Novotroitskiy necropolis]. Barnaul: Altai State University.
22. Khudyakov, Yu.S. (1995) Kolleksiya oruzhiya skifskogo vremeni iz mogil'nika Saldam i Ust'-Edigan [Collection of weapons of the Scythian period from the burial ground of Saldam and Ust-Edigan]. In: *Izvestiya laboratorii arkheologii* [News of the Laboratory of Archeology]. Gorno-Altaysk: GAGU. pp. 87–101.
23. Stepanova, N.F. (1996) Pogrebeniya v kamennykh yashchikakh i ikh datirovka [Burials in stone boxes and their dating]. In: *Pogrebal'nyy obryad drevnikh plemen Altaya* [Funeral rites of the ancient tribes of Altai]. Barnaul: Altai State University. pp. 54–69.
24. Kubarev, V.D. & Shulga, P.I. (2007) *Pazyrykskaya kul'tura (kurgany Chui i Ursula)* [Pazyryk culture (mounds of Chui and Ursula)]. Barnaul: Altai State University.
25. Shamshin, A.B., Demin, M.A. & Navrotskiy, P.I. (1992) Raskopki kurgannogo mogil'nika rannego zheleznoogo veka Mikhaylovskiy-VI na yuge Kulundy [Excavations of the burial mound of the early Iron Age Mikhailovsky-VI in the south of Kulunda]. In: *Voprosy arkheologii Altaya i Zapadnoy Sibiri epokhi metalla* [Issues of archeology of Altai and Western Siberia of the Metal Age]. Barnaul: AltGPU. pp. 60–68.
26. Tishkin, A.A., Kiryushin, Yu.F. & Semibratov, V.P. (2011) Predmetnyy kompleks iz pamyatnika skifo-sakskogo vremeni Nizhnyaya Kayancha na Altae [Object complex from the monument of the Scythian-Saka period Nizhnyaya Kayancha in Altai]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. XVII. Novosibirsk: SB RAS. pp. 243–247.
27. Shulga, P.I. (2002) Rannie kostyanye nakonechniki strel iz kurganov skifskogo vremeni na Altae [Early bone arrowheads from Scythian burial mounds in Altai]. In: *Materialy po voennoy arkheologii Altaya i sopredel'nykh territoriy* [Materials on military archeology of Altai and adjacent territories]. Barnaul: Altai State University. pp. 43–61.
28. Kiryushin, Yu.F. & Stepanova, N.F. (2004) *Skifskaya epokha Gornogo Altaya* [Scythian era of Gorny Altai]. Vol. 3. Barnaul: Altai State University.
29. Poltoratskaya, V.N. (1961) Mogil'nik Berezovka I [Berezovka I burial site]. In: *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Collection of the State Hermitage]. Vol. 3. Leningrad: State Hermitage. pp. 74–88.
30. Zavitukhina, M.P. (1966) Kurgannyi mogil'nik Srostki-II na Altae [The burial mound of Srostki-II in Altai]. In: *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha* [Papers of the State Hermitage]. Vyp. XXVII. Leningrad; Moscow: State Hermitage. pp. 51–53.
31. Zavitukhina, M.P. (1961) Mogil'nik vremeni rannikh kochevnikov bliz g. Biyska [The burial mound of the early nomads near the town of Biysk]. In: *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Collection of the State Hermitage]. Vol. 3. Leningrad: State Hermitage. pp. 89–108.
32. Itina, M.A. & Yablonskiy, L.T. (1997) *Saki Nizhney Syrdar'i (po materialam mogil'nika Yuzhnyy Tagitsken)* [Saki of the Lower Syr Darya (based on the materials of the Yuzhny Tagitsken burial ground)]. Moscow: ROSSPEN.
33. Abdulganeev, M.T. & Papin, D.V. (1999) Pamyatniki ranneskifskogo vremeni v mezhdurech'e Bii i Katuni [Monuments of the Early Scythian Period in the Interfluvium of the Biya and Katun]. In: *Itogi izucheniya skifskoy epokhi Altaya i sopredel'nykh territoriy* [Results of the Study of the Scythian Epoch of Altai and Adjacent Territories]. Barnaul: Altai State University. pp. 5–13.
34. Mamadakov, Yu.T. (1995) Avariynye raskopki mogil'nika Katanda-3 [Emergency Excavations of the Katanda-3 Burial Ground]. In: *Problemy okhrany, izucheniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Altaya* [Problems of Protection, Study, and Use of the Cultural Heritage of Altai]. Barnaul: Altai State University. pp. 125–131.
35. Gryaznov, M.P. (1980) *Arzhan: tsarskiy kurgan ranneskifskogo vremeni* [Arzhan: royal burial mound of the early Scythian period]. Leningrad: Nauka.
36. Mogilnikov, V.A. & Umanskiy, A.P. (1981) Kurgany rannego zheleznoogo veka na Chumyshe [Burial mounds of the early Iron Age on Chumysh]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief communications of the Institute of Archaeology]. Vol. 167. pp. 80–86.
37. Tishkin, A.A. (1988) Pamyatniki rannego zheleznoogo veka lesostepnogo predgor'ya Altaya [Early Iron Age monuments of the forest-steppe foothills of Altai]. In: *Problemy arkheologii Severnoy Azii: k 80-letiyu akademika A.P. Okladnikov* [Problems of Archaeology of Northern Asia: On the 80th anniversary of Academician A. P. Okladnikov]. Chita: [s.n.]. pp. 65–66.
38. Kireev, S.M. (1994) Rol' migratsionnykh protsessov v slozhenii bystryanskoy kul'tury [The role of migration processes in the formation of the Bystryanskaya culture]. In: *Paleodemografiya i migratsionnye protsessy v Zapadnoy Sibiri v drevnosti i Srednevekov'e* [Paleodemography and migration processes in Western Siberia in ancient times and the Middle Ages]. Barnaul: Altai State University. pp. 118–120.
39. Marsadolov, L.S. (1996) *Istoriya i itogi izucheniya arkheologicheskikh pamyatnikov Altaya VIII–IV vekov do n.e. (ot istokov do nachala 80-kh godov XX veka)* [History and results of the study of archaeological sites of Altai of the 8th–4th centuries BC (from the origins to the early 1980s)]. St. Petersburg: Vichi.
40. Mogilnikov, V.A. (1999) K kharakteristike rannego zheleznoogo veka severo-zapadnykh predgoriy Altaya [On the characteristics of the early Iron Age of the northwestern foothills of Altai]. In: *Itogi izucheniya skifskoy epokhi Altaya i sopredel'nykh territoriy* [Results of the study of the Scythian era of Altai and adjacent territories]. Barnaul: Altai State University. pp. 134–138.

Сведения об авторах:

Мамадаков Юрий Тапасович – кандидат исторических наук, директор ООО Научный центр «Наследие Сибири» (Барнаул, Россия). E-mail: utm54@yandex.ru

Серегин Николай Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

Радовский Святослав Сергеевич – хранитель фондов Музея археологии и этнографии Алтая, младший научный сотрудник Лаборатории древней и средневековой археологии Евразии Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: radovskiy1996@mail.ru

Семибратов Владимир Петрович – кандидат исторических наук; старший научный сотрудник Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: semibratovvladimir@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Mamadakov Yuri T. – Candidate of Historical Sciences, Director of Scientific Center “Heritage of Siberia” LLC (Barnaul, Russia). E-mail: utm54@yandex.ru

Seregin Nikolay N. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Archeology, Ethnography and Museology, Altai State University (Barnaul, Russia) E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

Radovsky Svyatoslav S. – Curator of Collections at the Museum of Archeology and Ethnography of Altai, Junior Researcher of the Laboratory of Ancient and Medieval Archaeology of Eurasia, Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: radovskiy1996@mail.ru

Semibratov Vladimir P. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: semibratovvladimir@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.02.2022; принята к публикации 15.05.2025

The article was submitted 08.02.2022; accepted for publication 15.05.2025

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

PROBLEMS OF THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Научная статья

УДК 93:378(571.16)

doi: 10.17223/19988613/95/24

Формирование томской научной школы кибернетики (1950–1960-е гг.)

Антон Геннадьевич Костерев¹, Максим Юрьевич Ким²

^{1,2} Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия

¹ antonkosterev@rambler.ru

² maksim.i.kim@tusur.ru

Аннотация. На основе научно-школьного подхода реконструирован процесс формирования томской кибернетики с целью выявления основных факторов развития отдельного направления местной вузовской науки. Особое внимание уделено предпосылкам становления кибернетики в Томске. Прослеживается инфраструктурное развитие нового научного направления на базе трех томских вузов. Делается вывод о создании в Томске к началу 1970-х гг. одного из важнейших кибернетических центров страны, что стало основой для запуска проекта АСУ хозяйством Томской области.

Ключевые слова: кибернетика, научная школа, Томский университет, ТПИ, ТИРиЭТ

Благодарности: Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания «Наука», код научной темы FEWM-2024-0014.

Для цитирования: Костерев А.Г., Ким М.Ю. Формирование томской научной школы кибернетики (1950–1960-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 95. С. 192–201. doi: 10.17223/19988613/95/24

Original article

The Formation of the Tomsk Scientific School of Cybernetics (1950–1960s)

Anton G. Kosterev¹, Maksim Yu. Kim²

^{1,2} Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation

¹ antonkosterev@rambler.ru

² maksim.i.kim@tusur.ru

Abstract. The article reconstructs the process of formation of the Tomsk scientific school of cybernetics in order to identify the main prerequisites and factors for the development of a separate area of local university science, which seems very relevant in the context of the development of modern research universities. The body of sources used for this purpose is represented mainly by the materials from periodicals and memoirs of contemporaries. The work emphasizes that the re-actualization of cybernetics occurs in connection with the understanding by the country's leadership of the need, based on a scientific approach, to use computer technology in economic management. Particular attention is paid to the prerequisites for the formation of cybernetics in Tomsk, which are directly related to the well-known radiophysicist V.N. Kessenich. The direct development of cybernetics is associated with the arrival of Moscow University graduate P.P. Biryulin in Tomsk, who managed with the support of V.N. Kessenich to unite talented graduates of Tomsk University to study issues of information theory and computer technology. They (A.D. Zakrevsky, V.P. Tarasenko, F.P. Tarasenko, G.A. Medvedev, etc.) will subsequently become the heads of individual scientific directions formed on the basis of Tomsk cybernetics. It is concluded that the atmosphere of a university city, filled with a certain amount of intellectual freedom, had a great influence on the formation of Tomsk cybernetics. The special role of representatives of the capital's scientific schools in the emergence of cybernetics in Tomsk is emphasized. A special feature of the organization of Tomsk science within the framework of university research institutes is revealed, which ensured a synergistic effect of interaction between science and education within the framework of cybernetics. A conclusion is drawn about a natural connection between the institutionalization in Tomsk of radiophysics as a basic innovation of the fourth technological order and cybernetics as the fifth. It is noted that, in contrast to the radiophysical school, the Tomsk cybernetic school was characterized by such features as deliberation and polycentrism. It is recorded that by the beginning of the 1970s Tomsk has become one of the most important cyber centers in the country; this became the main prerequisite for the launch of the Tomsk region automated control system project.

Keywords: cybernetics, scientific school, Tomsk University, TPI, TIRiET

Acknowledgements: The work is funded within the framework of the basic part of the state task “Science” FEWM-2024-0014.

For citation: Kosterev, A.G., Kim, M.Yu. (2025) The Formation of the Tomsk Scientific School of Cybernetics (1950–1960s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 95. pp. 192–201. doi: 10.17223/19988613/95/24

Ретроспективе кибернетических исследований в Томске и ключевым персоналиям этого научного направления посвящено относительно много работ, раскрывающих, как правило, содержание основных этапов становления и эволюции данной области знания. В основном они носят фактографический характер, за редким исключением, не выходя за описательно-повествовательные рамки. При этом томская школа кибернетики в них почти не просматривается как целостный межвузовский феномен – прослеживаются лишь отдельные траектории научных поисков в этом направлении внутри конкретных институций высшего образования. Соответственно, за границами исследовательского внимания раз за разом остаются движущие силы и факторы ее возникновения и развития именно в таковом качестве.

Первые попытки осмысления исторического пути, пройденного томской кибернетикой, начались достаточно рано – уже в 1980-е гг. [1, 2]. Спустя 30 лет это начинание было продолжено в обобщающей работе университетских историков [3]. Несомненным достоинством данного труда следует признать включенность судьбы кибернетики в общий контекст науки Томского университета середины – второй половины XX в. Кроме того, авторы углубили предложенную их предшественниками интерпретацию причин и обстоятельств появления кибернетики в среде радиофизиков. Особый акцент был сделан на неформально-личностном факторе, сыгравшем особую роль в институционализации этого маргинального поначалу ответвления томской радиофизической школы, основоположником и многолетним лидером которой являлся такой неоднозначный персонаж, как В.Н. Кессених.

Кибернетиков Томского университета в качестве части научно-педагогической корпорации рассматривали в своих исследованиях представители школы истории науки и высшего образования в Сибири, сложившейся под руководством С.Ф. Фоминых, – А.В. Литвинов, К.В. Петров, А.С. Ульянов, А.Г. Костерев, А.Н. Сорокин, В.В. Расколец, А.О. Степнов [4–7]. До недавнего времени в работах этого коллектива знаковые фигуры первого поколения томских кибернетиков выступали скорее как представители радиофизического сообщества, занимавшиеся кибернетикой, нежели как собственно кибернетики; вопрос системного воссоздания истории кибернетики как минимум в стенах Томского университета возник лишь недавно. В то же самое время в большинстве приведенных исследований присутствуют выраженные черты научно-школьного подхода к истории вузовской науки, что значительно облегчает решение поставленной нами задачи.

Гораздо более скупо освещена история кибернетики Томского политехнического университета, все еще

ожидающая своего глубокого аналитического осмысления [8–12]. В имеющихся публикациях есть возможность не более чем восстановить основные вехи и имена в богатой истории одного из наиболее важных для этого вуза направлений, ставшего в свое время частью его «витрины». С формальной точки зрения кибернетика политеха так или иначе освещена, но вскрытия всей внутренней подоплеки ее идейного и организационного оформления, а также направляющих факторов развития произведено пока еще не было.

Приблизительно то же самое можно сказать и об историографическом опыте относительно кибернетики ТУСУРа. Регулярно оказывавшееся ей внимание до сих пор ограничивалось форматом парадно-юбилейных изданий [13–14]. Впервые конкретно вузовский аспект феномена томской кибернетики на примере ТУСУРа затрагивался в широком контексте истории радиофизики и радиотехники в старейшем научно-образовательном центре Сибири [15–17]. Уже тогда было выдвинуто предположение о том, что дочерняя по отношению к местной радиофизике томская кибернетика во многом воспроизводила базовые институциональные черты своей материнской школы. В целом же тусуровская кибернетика как отдельный сегмент томской кибернетической школы только недавно начала планомерно разрабатываться как самоценная исследовательская тема.

Приведенный краткий обзор свидетельствует, что при безусловном наличии определенного историографического задела детальной панорамной картины складывания кибернетической школы Томска, во всей полноте раскрывающей ее функционирование как отдельной подсистемы местного научно-образовательного комплекса посредством реконструкции закономерностей ее эволюции и механизмов внутренних взаимосвязей, на сегодняшний день не представлено. Заполнение этой исследовательской лакуны и видится целью настоящей работы. Новизна ее при этом будет определяться теоретически значимыми выводами, позволяющими посредством построения интерпретирующей модели концептуально обобщить уже имеющееся знание о томской школе кибернетики как трансинституциональном научно-образовательном феномене.

Обращаясь к генезису составных частей томской кибернетики, надлежит указать, что их возникновение и развитие были во многом обусловлены спецификой субстрата их произрастания – университетского города, атмосфера которого есть важнейший драйвер интеграции высшего образования и науки. Здесь же весьма продолжительное время играло свою определяющую роль и еще одно обстоятельство: сосредоточение на «пяточке» небольшого города нескольких крупных вузов, имевших общенациональное значение, сопровождалось широкой практикой совместительства пе-

дагогических кадров, на ранних порах являвшихся представителями разных региональных и столичных школ, что зачастую индуцировало поли- и трансдисциплинарный модус проводимых представителями преподавательского сообщества исследований, выливаясь в итоге в синтетический характер томской вузовской науки как институционального целого [18].

Соответственно, рассмотрение путей и форм складывания кибернетики в вузах Томска представляется продуктивным не иначе как в контексте состояния томской вузовской науки вообще и ее физико-инженерной компоненты в частности. Отдельный акцент при этом имеет смысл сделать на томской радиофизике, ибо именно ей было суждено стать прародительницей местной кибернетики.

Провозвестником кибернетики в Томске можно с полным на то основанием считать В.Н. Кессениха, первое пришествие которого из столицы в «Сибирские Афины» в 1930 г. для усиления только что открытого при Томском университете Сибирского физико-технического института заложило глубокий теоретический фундамент под разрозненные исследования в различных областях радиофизики [19. С. 189–195]. Масштаб его фигуры был таков, что он успел оказать самое непосредственное влияние на все три томских вуза, в которых в дальнейшем получила свое развитие кибернетика: не только на университетских радиофизиков, но и на радиотехников Томского политехнического института (ТПИ), а через них – на первое поколение инженеров-исследователей открывшегося еще при его жизни в 1962 г. Томского института радиоэлектроники и электронной техники (ТИРиЭТ) [7].

Научное наследие В.Н. Кессениха, находившегося на стыке центральной и периферийной науки и органично совмещавшего в себе различные модусы ценностно-профессиональных ориентаций, им присущих, являет собой характерный и весьма любопытный пример относительно удачной попытки реализации масштабной программы региональных прикладных исследований на высоком теоретическом уровне, что позволяло продуцировать технологические новации, приближая периферийные научные практики к стандартам центральных.

Инициированные В.Н. Кессенихом работы по радиофизике в Сибирском физико-техническом институте (СФТИ; в 1932 г. вошел в состав Томского университета) предшествовали мощному «научному десанту» московских и ленинградских радиотехников (Е.И. Филалко и др.) в Томский политех на рубеже 1940–1950-х гг., приведшему вскоре к выделению из его состава нового вуза – ТИРиЭТа. В этом плане его деятельность предвосхитила получившую в дальнейшем все более широкое распространение практику по созданию «точек роста» на уже подготовленной для этого периферии за счет кадрового усиления из центра. При этом развернутые им достаточно амбициозные радиофизические исследования определенным образом подтягивали за собой уже имевшихся здесь и до этого радиотехников, воспитывая в них известную инженерную и научную смелость. Здесь мы видим одно из ключевых обстоятельств процессов научно-школьной институцио-

нализации в томских вузах: своевременную «прививку» науки кадрами из центра, предрасполагавшую местное педагогическое сообщество к привлечению будущих профессиональных инженеров к исследовательской деятельности на постоянной основе.

В дальнейшем это привело к институционализации основных направлений местной науки на базе учебно-научных связей вузов с вузовскими же НИИ, совокупно располагавшими определенными ресурсами для развития уже ведущихся исследований и начала новых. Эта черта станет одной из принципиальных особенностей Томска как научного центра [20]. С другой же стороны, эта специфика заключалась в «иммиграционном» характере местной науки, формировавшейся из представителей различных школ и направлений, в разное время и по разным причинам прибывавших в город со всей страны.

В конечном итоге процессы регионализации научного потенциала к середине XX в. придали томской научно-образовательной локации уникальный облик, черты которого органично сочетали в себе организационно-кадровую привязку научной деятельности к образовательным учреждениям и вместе с тем самоценность и самодостаточность науки самой по себе, что дает определенные основания говорить о гибридном характере вузовского кластера местного научно-образовательного комплекса (наиболее иллюстративный пример тому являл собой узкоспециализированный инженерный вуз ТИРиЭТ, чем-то напоминавший отраслевой НИИ).

Именно при научно-административном покровительстве чуткого к перспективам пограничных областей знания В.Н. Кессениха на радиофизическом факультете университета и зарождается оригинальная томская научная школа кибернетики. Учитывая рассмотренные выше особенности томской вузовской науки, вполне закономерным видится отпочкование кибернетики от местной школы радиофизики – это явилось логичным продолжением уже ведшихся здесь в интересах связи и радиолокации исследований в области статистической радиофизики и было обусловлено потребностями обработки радиофизической информации методами математической статистики, требовавшими использования дефицитных вычислительных устройств, которые радиофизикам приходилось разрабатывать и конструировать самостоятельно, что выводило некоторых из них на освоение теоретических проблем вычислительной техники, откуда было уже рукой подать до теории информации и управления, т.е. до собственно кибернетики. Поэтому вполне естественным образом первым домом для томской кибернетики стали стены СФТИ.

Данное обстоятельство является краеугольной специфичной чертой томской университетской кибернетики как исторически первой формы реализации здесь этой науки, – она выросла не из прикладной математики, как в случаях подавляющего большинства других кибернетических центров страны, а из радиофизики. И в этом заключается уникальность автохтонного опыта самостоятельного ее освоения вузовскими учеными.

Непосредственно же начало научных исследований одновременно в нескольких областях кибернетики связано с появлением в 1954 г. в Томске П.П. Бирюлина – выпускника аспирантуры кафедры радиофизики Московского университета, приехавшего в Томск по приглашению В.Н. Кессениха [21], познакомившегося с ним как с переводчиком книги Норберта Винера на закате московского этапа своей карьеры [6]. Причем, что важно, приглашался он сюда все-таки не как кибернетик, а в качестве специалиста по распространению радиоволн (научная специализация В.Н. Кессениха) в слоистых средах [21]. Справедливости ради стоит отметить, что приезд П.П. Бирюлина как носителя и популяризатора кибернетических идей состоялся на благодатную и уже подготовленную почву. Ученики В.Н. Кессениха аспирант Ф.П. Тарасенко и пятикурсник А.Д. Закревский к тому моменту уже несколько лет самостоятельно осваивали кибернетику, успев познакомиться с именами Норберта Винера и Клода Шеннона [22. С. 181].

В следующем 1955 году на кафедре радиофизики Томского университета В.А. Филоненко организовал студенческий кружок по конструированию аналоговых вычислительных устройств, а под непосредственным руководством молодого доцента П.П. Бирюлина начал работу научный семинар, из участников которого сложился спаянный столь характерным для радиофизиков энтузиазмом коллектив таких же молодых преподавателей, аспирантов и студентов (А.Д. Закревский, братья Ф.П. Тарасенко и В.П. Тарасенко, Г.А. Медведев и др. – все они были учениками В.Н. Кессениха), занимавшийся различными вопросами теории информации и средств вычислительной техники. Все это осуществлялось при прямом содействии со стороны заведовавшего кафедрой радиофизики и возглавлявшего радиофизический факультет В.Н. Кессениха, который традиционно не был скуп не только на критику неизбежных первых неудач своих подопечных, но и на оказание в критические моменты необходимой помощи, что позволило в конечном итоге сохранить перспективное направление, уже успевшее зарекомендовать себя [22. С. 15].

Организационная же поддержка со стороны В.Д. Кузнецова и М.А. Кривова – директора и заместителя директора СФТИ, где работали многие члены этой группы, позволила в 1957 г. создать в институте проблемную лабораторию счетно-решающих устройств и одноименную лабораторию в университете [1. С. 285]. Тогда же, в 1957 г., по очередной настойчивой инициативе П.П. Бирюлина на кафедре радиофизики была открыта новая специальность – электронно-вычислительная техника и автоматика, обучавшиеся по которой студенты начали осваивать работу на ЭВМ в только что открывшейся лаборатории. Развитие специальности приведет в 1960 г. к выделению по предложению В.Н. Кессениха в составе радиофизического факультета одноименной кафедры, возглавит которую Ф.П. Тарасенко. Со временем от нее отпочкуется целый ряд самостоятельных кафедр, коллективы которых будут заниматься различными направлениями кибернетики, программирования и математической логики. В 1962 г.

факультет пополнился еще одной кафедрой – статистической радиофизики и общей теории связи, опять-таки возглавленной Ф.П. Тарасенко. На базе этих двух кафедр и лаборатории счетно-решающих устройств в дальнейшем будет развернут новый факультет – прикладной математики (позднее – факультет прикладной математики и кибернетики) [23].

Таким образом, институционализация кибернетики как нового для Томска научного направления началась на базе СФТИ. Во второй половине 1950-х гг. здесь разворачиваются исследования одновременно по нескольким смежным направлениям: кибернетике и теории информации (П.П. Бирюлин, А.Д. Закревский, Г.А. Медведев, А.А. Уткин, В.П. и Ф.П. Тарасенко), автоматизации программирования и логическому синтезу дискретных устройств (А.Д. Закревский), автоматическому управлению (П.П. Бирюлин, Г.А. Медведев, В.П. Тарасенко) [4. С. 16–17]. Отсюда очевиден научный потенциал молодого коллектива, позволявший охватывать комплексные проблемы переднего края тогдашней науки.

Любопытный и показательный факт: еще в начале 1950-х гг. центральное руководство со своей стороны предлагало университетскому правлению создать крупный вычислительный центр, способный решать задачи макрорегионального масштаба, но встретило решительный отказ, мотивировка которого включала в себя целый комплекс причин: от соображений сугубо материально-технического толка до внутрикорпоративной ревности одних ученых к другим [24]. В любом случае очевидно, что как минимум вычислительная техника по состоянию на тот момент все еще находилась на периферии внимания региональной вузовской науки. Во многом эта своеобразная боязнь амбициозных инициатив объясняется определенной ментальной ригидностью местных администраторов, воспитанной неизбывной «анемией» ресурсного и кадрового дефицита, предостанавливавшего у них реактивную логику выживания (сохранения уже имеющегося потенциала), а не проактивное мышление развития (изыскания неочевидных путей его наращивания), тем более если подобные инициативы спускались сверху, расширяя зону их ответственности.

Все вместе это, конечно же, лишний раз напрямую свидетельствует о том, что обстоятельства зарождения кибернетики в Томске (как, впрочем, и в целом по стране) были крайне непростыми, представляя собой переплетение препятствий и трудностей как объективного, так и субъективного характера: политико-идеологических, административных, кадровых и материально-технических. Однако при этом необходимо принимать во внимание и тот факт, что принципиально непреодолимыми все эти препоны не были: в любом случае общемировые научные веяния как до этого, так и после так или иначе находили пути и формы своего институционального воплощения в жизнь. Другое дело, что в каждом конкретном случае решение подобного рода вопросов зачастую зависело не только и не столько от воли центра, сколько от позиции, занятой местным научным истеблишментом: при наличии желания им, как правило, находились силы и изыскива-

лись требуемые средства для организации нужных институций. В случае томской кибернетики мы как раз и видим наглядный пример того, как организаторы вузовской науки в далеко не самой благоприятной для этого обстановке прилагали целенаправленные усилия по закреплению здесь заинтересовавших их практик, при том что практически эти же самые люди в других случаях поступали прямо противоположным образом: в 1930-е гг. В.Н. Кессених и В.Д. Кузнецов не дали прижиться в СФТИ теоретической физике, а в 1950–1960-е гг. В.Д. Кузнецов и ректор ТПИ А.А. Воробьев выступали против открытия в Томске академических структур [15, 20].

Проблемная лаборатория счетно-решающих устройств, где трудилась возглавляемая А.Д. Закревским дискретная группа, в эти годы выполняла все возрастающий объем вычислительных работ по заказам вузов и предприятий не только Томска, но и других сибирских городов (включая уже академический Новосибирск) [25. Л. 102]. Лаборатория быстро разрасталась – центральное руководство охотно выделяло штатные места, занимавшиеся лучшими выпускниками радиофизического и механико-математического факультетов университета. Вскоре это была уже не одна, а шесть лабораторий, вместе составлявшие целый отдел кибернетики под руководством Ф.П. Тарасенко. На рубеже 1960–1970-х гг. это привело к постановке вопроса о необходимости расширения штатов и возможном развертывании отдела в отдельный НИИ, однако этого так и не произошло, поскольку значительная часть наиболее ценных членов исследовательского коллектива приняла предложение о переходе на новое место работы со стороны Белорусской академии наук.

Все это красноречиво свидетельствует о том, что уже тогда – спустя всего лишь десятилетие после первых шагов радиофизиков в сторону кибернетики – Томский университет и СФТИ превратились как минимум в региональный центр научных исследований в данной области, имевших, что весьма характерно, как прикладной, так и фундаментальный характер. Другим квалифицирующим признаком этого стало явное проступание научно-школьных контуров томской кибернетики в 1960-е гг., практически с самого начала своего возникновения носившей характер интеллектуальной «грибницы»: набранный темп проведения исследований и их осязаемые результаты позволяли совсем еще молодым лидерам одновременно сразу нескольких направлений быстро обзаводиться учениками, сходу формируя фактически собственные научные школы.

Во-первых, это школа теории дискретных устройств, выросшая под руководством А.Д. Закревского. Работки А.Д. Закревского и его учеников внесли существенный вклад в развитие алгебры логики, теории автоматов и логических сетей, теории алгоритмов и рекурсивных функций, теории графов и теории кодирования. К концу 1960-х – началу 1970-х гг. школа А.Д. Закревского в Томске успела разветвиться на три направления: развитие логической теории дискретных устройств, направленное на автоматизацию логического проектирования; разработка моделей и методов

решения логико-комбинаторных задач; автоматизация программирования [3. С. 38].

Не меньшее значение имела и школа корреляционно-экстремальных систем занимавшегося вопросами практического приложения кибернетики В.П. Тарасенко, постепенно складывавшаяся в основанной и возглавляемой им лаборатории адаптивных и оптимальных систем СФТИ. Одной из первых в стране она развивала теоретические основы корреляционно-экстремальных систем управления навигацией и инженерные практики по их промышленному применению. В целом же научная школа В.П. Тарасенко вслед за своим учителем концентрировалась на проблемах автоматического и автоматизированного управления сложноорганизованными объектами, разрабатывая теорию самонастраивающихся систем. В начале 1970-х гг., перейдя на работу в недавно открытый вуз – Томский институт автоматизированных систем управления и радиоэлектроники (ТИАСУР; до 1971 г. ТИРиЭТ), В.П. Тарасенко и здесь создал ячейку своей школы, возглавляя кафедру оптимальных и адаптивных систем управления.

Невероятная обширность интересов научного поиска его брата – Ф.П. Тарасенко – привела к тому, что он сумел организовать научную школу, развивавшуюся сразу по двум отдельным направлениям: статистический анализ данных и разработка моделей социально-экономических систем и непараметрические и робастные статистические методы в кибернетике, т.е. фактически две независимые друг от друга научные школы. Во многом это было обусловлено изначальной постановкой для себя в середине 1950-х гг. еще совсем молодым исследователем фундаментальных вопросов кибернетики о понятии, природе и параметрах информации, что придавало результатам любой практически значимой работы общенаучный характер значимости. Это же, в свою очередь, сподвигло ученого выйти на новые рубежи знания: его научное наследие далеко не ограничивается трудами в указанных двух направлениях, простираясь от первого в стране «Введения в курс теории информации» до международно признанных хрестоматийных работ по системному анализу [26. С. 413–416]. Это как раз тот самый весьма нечастый случай, когда масштаб фигуры лидера научной школы не исчерпывается содержанием ее деятельности.

Г.А. Медведев, занимавшийся близкой с братьями Тарасенко тематикой, положил начало школе приложения статистических методов исследования к системам автоматического управления, получившей общесоюзную известность благодаря своим разработкам статистической теории автоматических дискретных систем. Ядром школы стала возглавленная учеником Г.А. Медведева Б.А. Гладких кафедра статистической радиофизики, абсорбировавшая на эти исследования своих лучших выпускников. К концу 1960-х – началу 1970-х гг. коллектив под руководством Г.А. Медведева приступил к перспективной теме приложения методов теории распознавания образов к различным областям практической деятельности, выйдя в рамках этого направления на проблемы математического обеспечения аппаратно-программных комплексов обработки и выдачи графической информации (графостроителей).

Но практически сразу же новорожденная университетская кибернетика понесла существенные кадровые потери: уже в 1960 г. в Бийск переезжает ее первый организатор П.П. Бирюлин, в 1971 г. уезжает в Минск А.Д. Закревский, уговорив уехать вместе с ним А.А. Уткина, сделавшего это на следующий год, а в 1974 г. за ними последовал и Г.А. Медведев. Вызвано это было тяжелыми жилищно-материальными условиями и отсутствием реальных перспектив их улучшения [5] – так в очередной раз проявила себя советская специфика вторичности приоритетов периферийной вузовской науки, отягощенная хронической инфраструктурной недостаточностью Томска. С другой же стороны, это стало показателем того, что Томск однозначно состоялся как кибернетический центр общесоюзного значения, становясь донором для развития этого направления в других регионах страны.

Приблизительно в то же самое время (с начала 1950-х гг.) кибернетические исследования независимо от университетских изысканий стартуют и в Томском политехническом институте с той лишь разницей, что если в университете кибернетика явилась порождением радиофизики, то в политехе в момент своего появления она была призвана, прежде всего, сопровождать разработки в области ядерной энергетики, которые активно велись здесь на специально открытом в 1950 г. для подготовки специалистов-ядерщиков физико-техническом факультете (собственный бетатрон томские политехники имели уже в 1947 г.) [27]. Первые работы в этом направлении были выполнены специально выделенной научной группой, курировавшейся доцентом В.Н. Титовым, и состояли в разработке методов и приборов технологического контроля нового вида энергии [9. С. 195].

Несмотря на это отличие, параллельные корни политеховской кибернетики можно обнаружить схожим образом уходящими в институтскую радиотехнику. Именно она первоначально приютила здесь такие направления, как автоматизация и телемеханика: в 1956 г. на не так давно открывшемся радиотехническом факультете был начат набор на новую специальность «Автоматические, телемеханические и электроизмерительные приборы и устройства», а уже через два года – в 1958 г. – была образована и соответствующая кафедра – автоматики и телемеханики. В том же году на ней начинается подготовка инженеров по специальности «Математические и счетно-решающие приборы и устройства», что фактически заложило основы для развития в ТПИ прикладной математики и вычислительной техники. Еще через два года – в 1960 г. – для обеспечения этой специальности была открыта одноименная кафедра.

В 1961 г. в институте был открыт новый факультет – автоматики и вычислительной техники, на котором через год была создана кафедра инженерной вычислительной математики, с 1965 г. ставшая выпускать инженеров-математиков по специальности «Применение средств вычислительной техники». Интересно, хоть и вполне объяснимо, что воссозданная в том же 1962 г. в ТПИ после отделения от него ТИРиЭТа кафедра радиотехники была вновь открыта именно в составе фа-

культета автоматики и вычислительной техники, замкнув тем самым круг структурных превращений одного передового научно-технического направления в другое [11].

Исходя из сказанного, можно сделать уверенный вывод о том, что для институционализации кибернетики значение радиотехники здесь было приблизительно сопоставимо со значением радиофизики в университете. Основной причиной этому, безусловно, послужил фундаментальный характер радиотехнического образования, задававшийся общей принадлежностью к школе Кессениха–Сапожникова и приближавший радиотехников к радиофизикам. Если же посмотреть шире, то каждый в своем вузе они не просто выполняли системообразующие учебно-научные функции, но в чем-то даже несли еще и некую общекультурную миссию: радиофизика и радиотехника – базовые инновации стремительно осваивающегося в те годы страной четвертого технологического уклада.

Характерная закономерность: всемерно способствовал развитию новых для института направлений многолетний ректор-реформатор ТПИ, один из крупнейших организаторов томской вузовской науки А.А. Воробьев – выпускник университета и ученик основателя СФТИ (где и сам одно время трудился) академика В.Д. Кузнецова. Под его крылом оперялись политеховские кибернетики: он оказывал административную, научную, материальную поддержку как новым структурным подразделениям вверенного ему института, так и конкретным людям, помогая выделением поначалу остро недостающих средств на лабораторное оборудование, в защите требуемых нормативами кандидатских и докторских диссертаций, предоставлением необходимого минимума жилищных условий для молодых сотрудников [11]. В данном ракурсе – судьбоносной значимости для будущего еще не вставшей на ноги томской кибернетики – его персона вполне соизмерима с В.Н. Кессенихом. Обоих неумоимых организаторов и ревностных поборников интересов вузовской науки объединял не только управленческий талант эффективного распоряжения реальными возможностями, но и тонкое профессиональное чутье на возможную реальность, открывавшуюся развертыванием новых научных фронтов.

Начатые ранее на различных кафедрах и в лабораториях кибернетические исследования были продолжены и значительно расширены в выделенном в 1958 г. в структуре ТПИ Научно-исследовательском институте ядерной физики, электроники и автоматики (НИИЯФЭА) [8. С. 243], сыгравшем для институционализации политеховской кибернетики примерно такую же роль, что и СФТИ для университетской (в идейном, организационном и кадровом отношениях) [5].

В конце 1960-х гг. в политехническом институте берет свое начало и еще одно прикладное направление кибернетики, связанное с тогдашней широкой актуализацией организационных и психолого-педагогических проблем высшей школы, для решения которых привлекались возможности вычислительной техники – разработка и создание автоматизированных систем управления вузом. В 1967 г. по инициативе все того же А.А. Воробьева была открыта лаборатория управления,

в которой под началом профессора В.З. Ямпольского, ставшего впоследствии ведущим организатором политеховской кибернетики, сложилась небольшая, но энергичная группа исследователей проблем управления в высшей школе, занимавшаяся решением вопросов практического использования математических методов исследования операций (математического программирования, теории массового обслуживания, календарного планирования) и ЭВМ для оптимизации управления организационными системами. И это все при том, что к тому времени в политехническом институте еще не было сделано даже первого выпуска инженеров-математиков. Поэтому разработки томских политехников в этой области можно считать во всех смыслах пионерными. Чуть позже они будут с охотой подхвачены в ТИРиЭТе.

В 1969 г. лаборатория стала основой, на которой в составе первого в стране факультета управления и организации производства была открыта новая кафедра – оптимизации систем управления, возглавленная В.З. Ямпольским (первый набор студентов состоялся уже в 1968 г. и был осуществлен сразу на третий курс). Созданный здесь В.З. Ямпольским научно-педагогический коллектив со временем разовьется в знаменитый на весь Советский Союз кибернетический центр ТПИ – учебно-научно-производственный комплекс «Кибернетика», в дальнейшем специализировавшийся на автоматизации производственных процессов – от коровников до нефтяных месторождений, выведя своими промышленными разработками томский политех в число лидеров страны в этой области.

Кибернетика в новом томском вузе – ТИРиЭТе – по понятным причинам начала свое развитие приблизительно на десятилетие позднее. Показательно и в то же время вполне закономерно, что ее основы здесь были заложены не бывшими политеховцами-радиотехниками, а все теми же университетскими радиофизиками. В 1964 г. в новообразованном институте была открыта кафедра технической кибернетики, заведовать которой по причине острейшего кадрового голода был приглашен тогда еще аспирант Б.С. Рябышкин – один из участников кружка П.П. Бирюлина.

Полученные сотрудниками кафедры ценные научно-практические результаты спустя не так много времени привели к кардинальной институциональной трансформации всего института. Их трудами уже на рубеже 1960–1970-х гг. кибернетика фактически стала одним из профилирующих направлений радиоэлектронного института. Осмысление сложившейся ситуации повлекло за собою дальнейшие структурные изменения. В конечном счете все это и приведет в 1971 г. к переименованию ТИРиЭТа в ТИАСУР. Факультет систем управления, включивший в себя кибернетиков и традиционно один из самых мощных в вузе, будет организован в 1973 г.

Особое место среди новых подразделений реформированного института с полным на то правом заняла кафедра оптимальных и адаптивных систем управления, создателем и заведующим которой стал недавно утвержденный в звании профессора В.П. Тарасенко, частично пересадивший сюда из СФТИ уже окрепшие

ростки своей научной школы исследований корреляционно-экстремальных систем. Переход В.П. Тарасенко как одного из лидеров томской кибернетики на новое место работы не просто мощно теоретически фундаментализировал уже успевшую прижиться еще в ТИРиЭТе техническую кибернетику, но и знаменовал собой дополнительное влияние университетской исследовательской традиции в узкоспециализированный инженерный институт.

Решающим же событием в плане институционализации кибернетики в уже третьем по счету томском вузе стал перевод в 1972 г. в его состав из политехнического института едва созданного там НИИ автоматизации и электромеханики, осуществленный в целях значительного усиления научно-технической базы подготовки специалистов по автоматизации управления, повышения качества их обучения и развития научно-исследовательской работы в этом направлении. Появление очередного вузовского НИИ (и одного из самых успешных) закрепляло специфику томской науки, одновременно фиксируя ТИАСУР как один из внутренних очагов местной кибернетики.

Подводя итоги анализа периода зарождения и становления томской кибернетики как отдельного самостоятельного направления местной вузовской науки, приходится признавать, что, несмотря на все обозначенные нами нюансы, основные закономерности ее институциональной судьбы на раннем этапе существования в целом укладываются в русло специфики научно-школьных традиций Томска. Поэтому фиксация этих закономерностей будет одновременно и акцентуацией наиболее рельефных черт томской кибернетики как сети межвузовских научных школ.

Как уже отмечалось, огромное влияние на формирование томской кибернетики оказала сама атмосфера университетского города, наполненная известной долей интеллектуальной свободы, переоценить значение которой крайне сложно ввиду всей «скользкости» на первых порах кибернетики как сферы научно-практической деятельности. Вузовская наука, выносившая здесь в своих недрах кибернетику, как таковая традиционно рассматривалась как нечто вторичное по отношению к образовательной деятельности и поэтому столь же хронически недофинансировалась, но при этом и никогда не была под таким же контролем, как академическая и отраслевая.

Следующий тесно связанный с этим фактором аспект заключался в особой роли представителей столичных научных школ, немало поспособствовавших самому появлению кибернетики в Томске: как П.П. Бирюлин, инициировавший исследования в этой области среди молодых да ранних радиофизиков, так и «пригревшие» их в университете и СФТИ В.Н. Кессених и В.Д. Кузнецов не были воспитанниками собственно томской науки, в большей или меньшей степени являясь носителями центральных научных традиций. Это привносило необходимый элемент широты административного мышления и видения научной перспективы за неизбежными, но преходящими сложностями становления новых учебно-научных направлений. Схожая ситуация наблюдалась и в Томском политех-

ническом институте, где кибернетическим изысканиям предшествовали радиотехнические практики по разработке сложных систем, ставшие возможными только после прибытия группы московских и ленинградских специалистов.

Другой, не меньший по своей важности аспект, сыгравший решающую роль в успешной институционализации томской кибернетики, состоял в уникальной черте местной науки: одной из ведущих форм ее организации были вузовские НИИ, на базе которых новые научные направления крепили, порой превращаясь в полноценные школы. Критически важным это было для кибернетики, изысканиям в сфере которой было опасно ограничиваться абстрактным теоретизированием на кафедрах. С одной стороны, ориентированные на прикладную науку СФТИ, НИИЯФЭА, НИИАЭМ с самого начала предоставили возможность молодым кибернетикам продемонстрировать возможности практического применения результатов своих исследований. С другой стороны, свойственная томским вузам глубокая интеграция научной деятельности в учебный процесс обеспечивала новорожденной кибернетике стабильный приток свежей кадровой крови, насыщая открывавшиеся лаборатории и отделы, а затем и кафедры с факультетами наиболее способными студентами и лучшими выпускниками.

Характеризуя теперь уже непосредственно саму томскую кибернетическую школу, отметим, что ее внешние контуры явились естественным продолжением расширявшихся границ местной школы радиофизики – плод устойчивой тенденции к регионализации научно-образовательного потенциала. В данном разрезе установлена закономерная связь между институционализацией в Томске радиофизики как базовой инновации четвертого технологического уклада и кибернетики как пятого. Развитие дочерней школы шло в том же прикладном направлении, что и материнской: приложения достижений науки к нуждам военно-промышленного комплекса и народного хозяйства. При этом, в отличие от радиофизической, томской кибернетической школе были свойственны такие черты, как делидеризация и полицентризм, обусловленные тем, что начало ей бы-

ло положено одновременно целой группой молодых исследователей приблизительно одного возраста (в том числе и прежде всего – легендарными выпускниками радиофизического факультета Томского университета 1957 г.). Эти свойства сообщали ей организационную гибкость и исследовательский динамизм, столь необходимые для развития новой отрасли знания.

Отсюда, равно как и из уже не раз приводившейся томской специфики в целом, проистекали и все остальные характерные черты этой региональной кибернетической школы, во многом унаследованные от своего радиофизического субстрата, такие как открытость и многопрофильность составлявших ее коллективов, взаимоперекрывающаяся специализация их участников, междисциплинарность проводимых ими исследований и, как следствие, синтетический характер складывавшихся на их основе новых научных направлений и самостоятельных школ.

В совокупности весь этот взаимосвязанный набор объективных и субъективных условий и обстоятельств, формировавший уникальное сочетание качеств, на примере томской кибернетики в очередной раз отображает закономерности складывания научных школ «снизу» – оно осуществлялось совместными усилиями зараженных духом времени интеллектуально одаренных студентов и талантливых молодых ученых: решая актуальные прикладные задачи (актуальность которых не в последнюю очередь была обусловлена надстоящими социально доминирующими «сверхценными» идеями), они формировали вокруг себя не только новое пространство научного поиска, но и в то же самое время те атрибуты своего обустройства в нем, что конвенционально принято считать научной школой.

Одним из важнейших критериев состоятельности научной школы является устойчивое воспроизводство стандартов качества проводимых исследований, заданных ее основателями, при расширении кадровых и организационно-структурных границ. Это свидетельствует о соответствии ему зафиксированного нами статуса Томска как одного из важнейших кибернетических центров страны, прочно закрепившегося за ним к началу 1970-х гг.

Список источников

1. Синяев В.С., Кирсанова Е.С., Плотникова М.Е. и др. Томский университет. 1880–1980 : очерк истории и деятельности / отв. ред. М.Е. Плотникова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1980. 431 с.
2. Развитие математики, механики и кибернетики в Томском университете : сб. ст. / ред. Е.Д. Томилов, Р.Н. Щербаков. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. 122 с.
3. Расколец В.В., Степнов А.О. Прикладная математика, кибернетика и информатика в Томском государственном университете: от студенческого кружка до учебного института (1955–2021 гг.). Томск : Том. гос. ун-т, 2022. 256 с.
4. Сибирский физико-технический институт : история института в документах и материалах (1941–1978 гг.) / под ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во НТЛ, 2006. 296 с.
5. Сорокин А.Н. Становление и развитие исследований в области кибернетики в Томском научно-образовательном комплексе в 1950–1960-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 373. С. 127–130.
6. Расколец В.В. История одной инициативы: об истоках кибернетики в Томском государственном университете // Сибирский архив. 2021. № 4 (10). С. 153–166.
7. Костерев А.Г., Ким М.Ю., Расколец В.В. Владимир Николаевич Кессених: советский физик между центром и периферией // Вопросы истории естествознания и техники. 2023. Т. 44, № 2. С. 307–340.
8. Васильева В.А., Гагарин А.В., Городнева Р.Р. и др. Томский политехнический университет. 1896–1996 : исторический очерк / под ред. А.В. Гагарина. Томск : Том. политехн. ун-т, 1996. 448 с.
9. Андреев Г.Г., Беляев А.Е., Беляев Л.А. и др. Становление и развитие научных школ Томского политехнического университета. 1896–1996 : исторический очерк / под ред. Ю.П. Похолкова, В.Я. Ушакова. Томск, 1996. 249 с.
10. Коновалов В.И. 50 лет кафедре автоматики и компьютерных систем ТПУ // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 317, № 5. С. 204–209.

11. Малышенко А.М., Гайворонский С.А. 50-летие факультета автоматики и вычислительной техники. Этапы большого пути // Известия Томского политехнического университета. 2011. Т. 318, № 5. С. 169–177.
12. Глушко Н.М., Массель Л.В., Дейнеженко А.Л. Начало подготовки инженерно-математиков в Томском политехническом институте // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3. С. 74–81.
13. Кто есть кто в истории ТУСУРа / сост. В.В. Подлипенский, Г.С. Шарыгин; под общ. ред. Ю.А. Шурыгина. Томск : Изд-во Том. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2009. 199 с.
14. 50 лет Томскому государственному университету систем управления и радиоэлектроники / сост. В.В. Подлипенский, Г.С. Шарыгин; под общ. ред. Ю.А. Шурыгина. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2012. 532 с.
15. Костерев А.Г., Расколец В.В., Ким М.Ю. Томский институт радиоэлектроники и электронной техники в контексте развития регионального научно-образовательного пространства (1960–1970-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 186–196.
16. Расколец В.В., Костерев А.Г., Ким М.Ю. Томский институт радиоэлектроники и электронной техники: научный вклад в развитие профильных отраслей // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 149–161.
17. Костерев А.Г., Ким М.Ю. Идеинные и организационные предпосылки открытия Томского института радиоэлектроники и электронной техники (1945–1962 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 87. С. 44–51.
18. Костерев А.Г., Хаминов Д.В. Томский научно-образовательный комплекс (посл. четв. XIX – сер. XX в.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 9. С. 13–20.
19. Фоминых С.Ф., Некрылов С.А., Берцун Л.Л., Литвинов А.В. Профессора Томского университета : биографический словарь / гл. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 2. 540 с.
20. Костерев А.Г., Расколец В.В., Ким М.Ю. Профессиональное сообщество томских ученых-радиофизиков в первой половине XX века: центр-периферийные отношения // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 74. С. 197–205.
21. Медведев Г.А. Об истории открытия факультета прикладной математики в Томском государственном университете // Вестник Томского государственного университета. 2000. № 271. С. 12–13.
22. Друзей прекрасные черты : выпускники РФФ-57 о ТГУ и о себе : сб. ст. / сост. Ю.М. Гармаш, В.А. Замотринский, Г.А. Медведев и др.; ред. М.П. Рыжинская и др. Томск : Изд-во НТЛ, 2007. 239 с.
23. Демин В.В., Завьялов А.С., Малянов С.В. Первый и единственный за Уралом // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 278. С. 6–16.
24. Воробейчиков Э.С. Как это было. Субъективные заметки очевидца того, как рождалась и была реализована идея создания радиофизического факультета в Томском университете. 26 с. // Архив радиофизического факультета Томского государственного университета.
25. Архив Сибирского физико-технического института (СФТИ) им. академика В.Д. Кузнецова. Фонд М.А. Кривова. Д. 62.
26. Фоминых С.Ф., Некрылов С.А., Берцун Л.Л. и др. Профессора Томского университета : биографический словарь / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. Т. 3. 530 с.
27. Бойко В.И., Вергун А.П., Долматов О.Ю., Дядик В.Ф., Петлин И.В. Становление физико-технического образования в Сибири // Атомная энергия. 2021. Т. 131, № 1. С. 3–7.

References

1. Sinyaev, V.S., Kirsanova, E.S., Plotnikova, M.E. et al. (1980) *Tomskiy universitet. 1880–1980: ocherk istorii i deyatelnosti* [Tomsk University. 1880–1980: An essay on history and activities]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Tomilov, E.D. & Shcherbakov, R.N. (eds) (1981) *Razvitie matematiki, mekhaniki i kibernetiki v Tomskom universitete* [Development of Mathematics, Mechanics, and Cybernetics at Tomsk University]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Raskolets, V.V. & Stepnov, A.O. (2022) *Prikladnaya matematika, kibernetika i informatika v Tomskom gosudarstvennom universitete: ot studentcheskogo krughka do uchebnogo instituta (1955–2021 gg.)* [Applied Mathematics, Cybernetics, and Informatics at Tomsk State University: from a Student Circle to an Educational Institute (1955–2021)]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Fominykh, S.F. (ed.) *Sibirskiy fiziko-tekhnicheskii institut: istoriya instituta v dokumentakh i materialakh (1941–1978 gg.)* [Siberian Institute of Physics and Technology: History of the institute in documents and materials (1941–1978)]. Tomsk: NTL.
5. Sorokin, A.N. (2013) Stanovlenie i razvitie issledovaniy v oblasti kibernetiki v Tomskom nauchno-obrazovatel'nom komplekse v 1950–1960-e gg. [Formation and development of research in the field of cybernetics in the Tomsk Scientific and Educational Complex in the 1950–1960s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal of History*. 373. pp. 127–130.
6. Raskolets, V.V. (2021) Istoriya odnoy initsiativy: ob istokakh kibernetiki v Tomskom gosudarstvennom universitete [The history of one initiative: on the origins of cybernetics at Tomsk State University]. *Sibirskiy arkhiv*. 4(10). pp. 153–166.
7. Kosterev, A.G., Kim, M.Yu. & Raskolets, V.V. (2023) Vladimir Nikolaevich Kessenikh: sovetskii fizik mezhdru tsentrom i periferiei [Vladimir Nikolaevich Kessenikh: Soviet physicist between the center and the periphery]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 44(2). pp. 307–340.
8. Vasilieva, V.A., Gagarin, A.V., Gorodneva, R.R. et al. (1996) *Tomskiy politekhnicheskii universitet. 1896–1996: istoricheskii ocherk* [Tomsk Polytechnic University. 1896–1996: A historical essay]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
9. Andreev, G.G., Belyaev, A.E., Belyaev, L.A. et al. (1996) *Stanovlenie i razvitie nauchnykh shkol Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. 1896–1996: istoricheskii ocherk* [Formation and development of scientific schools of Tomsk Polytechnic University. 1896–1996: A historical essay]. Tomsk: [s.n.].
10. Kononov, V.I. (2010) 50 let kafedre avtomatiki i komp'yuternykh sistem TPU [50 years of the Department of Automation and Computer Systems of TPU]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. 317(5). pp. 204–209.
11. Malyshechenko, A.M. & Gayvoronskiy, S.A. (2011) 50-letie fakul'teta avtomatiki i vychislitel'noy tekhniki. Etapy bol'shogo puti [50th Anniversary of the Faculty of Automation and Computer Engineering. Stages of a Long Journey]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. 318(5). pp. 169–177.
12. Glushko, N.M., Massel, L.V. & Deynezenko, A.L. (2016) The beginning of engineering-mathematics education in Tomsk Polytechnic Institute. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3. pp. 74–81. (In Russian).
13. Shurygin, Yu.A. (ed.) (2009) *Kto est' kto v istorii TUSURa* [Who is who in the history of TUSUR]. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.
14. Shurygin, Yu.A. (ed.) (2012) *50 let Tomskomu gosudarstvennomu universitetu sistem upravleniya i radioelektroniki* [50 years of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics]. Tomsk: Tomsk. University of Control Systems and Radioelectronics.
15. Kosterev, A.G., Raskolets, V.V. & Kim, M.Yu. (2022) Tomsk Institute of Radioelectronics and Electronic Technology in the context of the development of regional Scientific and Educational space (1960-1970s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 186–196. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/80/21
16. Raskolets, V.V., Kosterev, A.G. & Kim, M.Yu. (2022) Tomsk Institute of Radioelectronics and Electronic Engineering: Scientific contribution to the development of specialized industries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 480. pp. 149–161. (In Russian). DOI:

17. Kosterev, A.G. & Kim, M.Yu. (2024) Ideynye i organizatsionnye predposylki otkrytiya Tomskogo instituta radioelektroniki i elektronnoy tekhniki (1945–1962 gg.) [Ideological and Organizational Prerequisites for the Opening of Tomsk Institute of Radio Electronics and Electronic Engineering (1945–1962)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 87. pp. 44–51.
18. Kosterev, A.G. & Khaminov, D.V. (2012) Tomskiy nauchno-obrazovatel'nyy kompleks (posl. chetv. XIX – ser. XX v.) [Tomsk Scientific and Educational Complex (last quarter of the 19th – mid-20th centuries)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 9. pp. 13–20.
19. Fominykh, S.F., Nekrylov, S.A., Bertsun, L.L. & Litvinov, A.V. (1998) *Professora Tomskogo universiteta: biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University: Biographical Dictionary]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
20. Kosterev, A.G., Raskolets, V.V. & Kim, M.Yu. (2021) Professional community of Tomsk scientistsradiophysicists in the first half of the XX century: centerperipheral relations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 74. pp. 197–205. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/74/25
21. Medvedev, G.A. (2000) Ob istorii otkrytiya fakul'teta prikladnoy matematiki v Tomskom gosudarstvennom universitete [On the history of the opening of the Faculty of Applied Mathematics at Tomsk State University]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 271. pp. 12–13.
22. Garmash, Yu.M., Zamotirinskiy, V.A., Medvedev, G.A. et al. (2007) *Druzey prekrasnye cherty: vypuskniki RFF-57 o TGU i o sebe* [The wonderful features of friends: graduates of RFF-57 about TSU and about themselves]. Tomsk: NTL.
23. Demin, V.V., Zavyalov, A.S. & Malyanov, S.V. (2003) Pervyy i edinstvennyy za Uralom [The First and Only Beyond the Urals]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 278. pp. 6–16.
24. Vorobeychikov, E.S. (n.d.) *Kak eto bylo. Sub'ektivnye zametki ochevidtsa togo, kak rozhдалas' i byla realizovana ideya sozdaniya radiofizicheskogo fakul'teta v Tomskom universitete* [How It Was. Subjective Notes of an Eyewitness on How the Idea of Creating a Radiophysics Department at Tomsk University Was Born and Implemented]. The Archive of the Radiophysics Department of Tomsk State University.
25. *The Academician V.D. Kuznetsov Archive of the Siberian Physics and Technology Institute (SPTI)*. The M.A. Krivov Fund. File 62.
26. Fominykh, S.F., Nekrylov, S.A., Bertsun, L.L. et al. (2001) *Professora Tomskogo universiteta: biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University: Biographical Dictionary]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
27. Boyko, V.I., Vergun, A.P., Dolmatov, O.Yu., Dyadik, V.F. & Petlin, I.V. (2021) Stanovlenie fiziko-tekhnicheskogo obrazovaniya v Sibiri [Formation of physics and engineering education in Siberia]. *Atomnaya energiya*. 131(1). pp. 3–7.

Сведения об авторах:

Костерев Антон Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: antonkosterev@rambler.ru

Ким Максим Юрьевич – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: maksim.i.kim@tusur.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Kosterev Anton G. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Social Work at Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: antonkosterev@rambler.ru

Kim Maksim Yu. – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of History and Social Work at Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: maksim.i.kim@tusur.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.11.2024; принята к публикации 15.05.2025

The article was submitted 11.11.2024; accepted for publication 15.05.2025

РЕЦЕНЗИИ

BOOK REVIEW

Рецензия

УДК 94(47)"1941/1945"(049.32)

doi: 10.17223/19988613/95/25

«...мы сделали то, что мы были должны»: рецензия на книгу Буториной О.В., Ничикова А.В., Юновидова А.С. Обычная дивизия великой войны. 385-я стрелковая Кричевская. 1941–1945. М.: Весь мир, 2024. 672 с.

Виктор Владимирович Расколец

Томский государственный университет, Томск, Россия, predator-101@mail.ru

Аннотация. Рецензируется монография О.В. Буториной, А.В. Ничикова, А.С. Юновидова «Обычная дивизия великой войны. 385-я стрелковая Кричевская. 1941–1945». Дается краткое содержание книги, подчеркивается характер ее изложения в стиле военной хроники. Анализируется источниковая база исследования, на основе чего заключается о комплексном подходе авторов к подбору источников. Сделан вывод о том, что рецензируемая книга представляет собой целостное монографическое издание, опирающееся на солидную источниковую базу и повествующее не только о военной, но и о социальной стороне Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, 385-я стрелковая Кричевская дивизия, историческая память, социальная история

Для цитирования: Расколец В.В. «...мы сделали то, что мы были должны»: рецензия на книгу Буториной О.В., Ничикова А.В., Юновидова А.С. Обычная дивизия великой войны. 385-я стрелковая Кричевская. 1941–1945. М.: Весь мир, 2024. 672 с. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 95. С. 202–205. doi: 10.17223/19988613/95/25

Book review

“...we did what we had to”: Review of the book by Butorina O.V., Nichikov A.V., Yunovidov A.S. An ordinary division of the great war. 385th rifle Krichevskaya. 1941–1945. Moscow: Ves mir, 2024. 672 p.

Viktor V. Raskolets

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, predator-101@mail.ru

Abstract. The article reviews the monograph by Butorina O.V., Nichikov A.V., Yunovidov A.S. An ordinary division of the Great War. 385th Krichiev Rifle. 1941–1945. Four key stages of the 385th Division's combat operations are distinguished: 1) the division's participation in the Battle of Rzhev near the Moscow-Warsaw Highway; 2) defense with episodes of offensive actions in the Oryol (now Kaluga) region; 3) liberation of the Smolensk region and Belarus; 4) participation in operations in Poland and Germany. The source base of the study is analyzed, emphasizing its comprehensiveness, which is achieved through the use of a wide range of sources: combat journals of various levels of military formations, reports from the headquarters of the 385th Division and daily operational reports from the front, periodicals, memoirs, front-line letters and diaries, and background information. It is noted that the book, by the nature of its writing, largely belongs to the genre of military chronicles, which is due to the specifics of a source base, as well as the authors' idea of the most reliable and neutral coverage of the history of the division. It is emphasized that the book meets all the signs of a monographic study, such as a comprehensive exhaustion of the stated topic, review by reputable scientists, a scientific style of presentation, and a reference apparatus for the study. It is indicated that the long history of the community of the 385th division, the extensive composition of participants, the circumstances of collecting material, writing and publishing the book allow us to consider it as a result of a public project implemented by the descendants of the division and supported by all caring people. It is concluded that the book is a holistic monographic publication based on a solid source base and telling not only about the military, but also the social side of the Great Patriotic War. The book is recommended to the specialists in the history of the Great Patriotic War, researchers of everyday life in wartime, as well as to all readers interested in the history of this event.

Keywords: Great Patriotic War, 385th Krichiev Rifle Division, historical memory, social history

For citation: Raskolets, V.V. (2025) “...we did what we had to”: Review of the book by Butorina O.V., Nichikov A.V., Yunovidov A.S. An ordinary division of the great war. 385th rifle Krichevskaya. 1941–1945. Moscow: Ves mir, 2024. 672 p. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 95. pp. 202–205. doi: 10.17223/19988613/95/25

Сохранение исторической памяти – один из краеугольных камней фундамента идентичности нации, ее коллективного самосознания и репрезентации. Пожалуй, не существует нации, мыслящей себя вне системы исторических координат. Одним из столпов идентичности российской, а в прошлом – советской нации является Великая Отечественная война, которая стала символом подвига и героизма народов СССР. Неслучайно Президент РФ В.В. Путин своим указом объявил 2025 г. годом Защитника Отечества – в этом году исполняется 80 лет Победы СССР в Великой Отечественной войне.

История отдельных стрелковых дивизий в период Великой Отечественной войны насчитывает множество работ, выходящих еще в советских период [1–3]. Однако нельзя не согласиться с авторами рецензируемой монографии в том, что их книга не только подробно рассказывает о «менее известных операциях с привлечением рассекреченных материалов» [4. С. 17], но и показывает войну с точки зрения простого человека.

Монография повествует об истории 385-й стрелковой дивизии начиная от формирования в августе 1941 г. во Фрунзе и заканчивая Парадом Победы 24 июня 1945 г., куда были приглашены наиболее отличившиеся солдаты и офицеры дивизии. Боевые действия разделены на четыре ключевых этапа:

- 1) участие дивизии в Ржевской битве у Московско-Варшавского шоссе;
- 2) оборона с эпизодами наступательных действий в Орловской (ныне Калужской) области;
- 3) освобождение Смоленщины и Белоруссии;
- 4) участие дивизии в операциях на территории Польши и Германии.

Каждый из этапов расписан очень подробно, вплоть до небольших боевых стычек, ввиду чего книга приобретает характер военной хроники. Стиль повествования достаточной сухой и по-военному лаконичный. Во многом это обусловлено обращением к ключевым источникам – журналам боевых действий дивизии, ее стрелковым полкам и артиллерии, донесениям штаба дивизии и суточным оперативным сводкам. Чтобы включить действия дивизии в более широкий контекст, добавить стройность изложения авторы-составители активно использовали журналы более крупных формирований: корпуса, армии и фронта. Системность и точность повествования достигается обращением к широкому кругу источников: периодической печати (сводки Совинформбюро, «Красная звезда», малотиражные издания ветеранских организаций, газета дивизии), а также воспоминаниям и работам Г.К. Жукова, К.К. Рокоссовского, С.М. Штеменко, Ф.Д. Панкова, которые позволяют включить действия дивизии в исторический контекст событий. Опирались авторы и на документальные сборники, справочные издания и очерки о Великой Отечественной войне [5–8], работали с фондами музеев (музей им. М.В. Фрунзе в Бишкеке, Музей бое-

вой славы московской школы № 187 в Москве, Исторический музей г. Кричева в Беларуси). Заслуга авторов, таким образом, заключается прежде всего в том, что они смогли найти, переработать и представить в виде последовательного, стройного и непротиворечивого повествования огромный массив информации по истории конкретной стрелковой дивизии.

«Военный характер» книги подкрепляется многочисленными иллюстрациями – схемами районов боевых действий и действий дивизии, а также батальонов, рот и более мелких групп в операциях и боях. Это позволяет существенно упростить восприятие текстовой информации, изобилующей большим количеством деталей, и представить читателю как общую картину действий, так и ее динамику. Помимо этого, в тексте приводятся статистические таблицы, а также фотографии солдат и офицеров дивизии. И здесь снова читатель может убедиться в том, какую огромную работу проделали авторы-составители монографии.

Монография «Обычная дивизия великой войны. 385-я стрелковая Кричевская. 1941–1945» – это книга не только о боевых действиях, но и о простых людях. Само название «Обычная дивизия великой войны...» формирует некоторое противопоставление масштабного, великого и надличностного простому, повседневному и человеческому. Это обусловлено, прежде всего, историей и спецификой создания самой книги, идея которой долгое время вынашивалась и которая затем писалась потомками солдат и офицеров дивизии. Первый труд в этом направлении был закончен в 2013 г., когда вышла книга А.С. Юновидова «Одинокая война. Неизвестный подвиг 385-й стрелковой дивизии», посвященная ее участию в Ржевско-Вяземской операции [9].

Авторы книги – член-корреспондент РАН, профессор О.В. Буторина, кандидат военных наук, капитан первого ранга в отставке А.В. Ничиков и военный историк А.С. Юновидов – не просто так указаны в книге как «авторы-составители». Авторами они считают командиров, «которые своей подписью и честью отвечали за достоверность изложенного» [4. С. 13]. Такое позиционирование исходит не только из описанного выше внимательного следования за историческими источниками и стиля повествования. Оно также обусловлено родственными связями авторов-составителей с военными 385-й дивизии: О.В. Буторина – внучка сержанта Д.К. Ольмеченко, помощника командира минометного расчета 1270-го стрелкового полка, а А.В. Ничиков – племянник старшего лейтенанта П.В. Ничикова, командира взвода 1268-го стрелкового полка. Поэтому авторы-составители для достижения максимальной объективности постарались эмоционально дистанцироваться от героев повествования. Во многом это им удалось: история боевого пути 385-й дивизии лишена какого бы то ни было излишнего пафоса и возвеличивания. Так, повествуя о событиях взятия Кричева, в честь которого указом Верховного главнокомандова-

ния дивизиям, принимавшим участие в освобождении города, было присвоено почетное звание Кричевских, авторы-составители отмечают: «С высоты сегодняшнего дня можно сказать, что Кричев не был важным опорным пунктом врага. После того как фронт рухнул, немецкие части стремительно бежали на запад, не оказывая серьезного сопротивления» [4. С. 240]. В книге подчеркивается «обыкновенность» дивизии, которой не пришлось быть «на острие удара», но которая тем не менее сыграла важную роль в деле обеспечения «безопасности наиболее уязвимых мест театра военных действий» [4. С. 17].

Своеобразный вид авторства (авторы-составители) не умаляет высокого научного уровня книги, которая соответствует всем признакам монографического исследования: комплексное исчерпание заявленной темы, рецензирование со стороны авторитетных ученых, научный стиль изложения, справочный аппарат исследования.

Вместе с тем рецензируемый труд – это не просто монография. Длительная история сообщества 385-й дивизии, обширный состав участников, обстоятельства сбора материала, написания и издания книги позволяют рассматривать ее как результат общественного проекта, воплощенного потомками дивизии, поддержанного всеми неравнодушными людьми. Цель же его – сохранение коллективной памяти о социальной группе.

Выше уже было сказано о том, что авторы проанализировали значительный объем источников разного характера, позволяющий сформировать комплексное представление о боевом пути 385-й дивизии. Однако эти материалы давали в большей степени представление о войне, чем о людях. Значительно «очеловечивают» книгу фронтовые письма и дневники (капитан Ф.Т. Смирнов, санинструктор М.Я. Иванов), рукописные воспоминания участников событий (полковник А.И. Нестеров, связист Б.С. Орешкин), а также 43 очерка, составленных родственниками и потомками военнослужащих 385-й дивизии. Кроме того, авторы опирались на произведения современников событий: документальную повесть В. Деева и Р. Петренко «Про-

стреленные километры», а также на воспоминания ветеранов дивизии, опубликованные в 1985 г. [10–11].

В результате подвиг, совершенный солдатами и офицерами 385-й дивизии, предстает одновременно и как героический поступок, и как суровое испытание, и как глубоко личное пережитое горе. В хронику Великой войны тут и там оказываются вплетены простые человеческие судьбы, многие из которых оборвались трагически. Солдаты и офицеры, неоднократно рассказывая о подвигах и свершениях, отмечают неудачи командования, неправильно спланированного и скоординированного операцию, жертвующего солдатами понапрасну, грубость начальствующего состава, требующего во что бы то ни стало выполнить поставленную задачу. Отмечают они с поразительной, порою неприглядной остротой, как по-разному (и не всегда героически) люди ведут себя на войне, какими желаниями и мыслями они наполнены. Именно такая история войны – героическая и беспощадно ломающая человеческие судьбы – представляется нам подлинно настоящей.

Таким образом, книга О.В. Буториной, А.В. Ничикова, А.С. Юновидова «Обычная дивизия великой войны. 385-я стрелковая Кричевская. 1941–1945» является целостным монографическим изданием, опирающимся на солидную источниковую базу и повествующим не только о военной, но и о социальной стороне Великой Отечественной войны.

Данная книга была написана потомками солдат и офицеров 385-й дивизии для увековечивания их памяти и предназначена в первую очередь для их сообщества. Однако этим ее значение не исчерпывается. Монография будет полезна историкам, специализирующимся на изучении боевых действий Великой Отечественной войны, поскольку вводит в оборот значительное количество неопубликованных источников. Она также будет ценна для тех, кто занимается историей повседневности и положения человека в периоды военных конфликтов. Наконец, книга представляет большую ценность для любого читателя, интересующегося тематикой Великой Отечественной войны.

Список источников

1. Кузнецов П.Г. Пролетарская Московско-Минская : военно-исторический очерк о гвардейской Пролетарской Московско-Минской дивизии. М. : Воениздат, 1975. 295 с.
2. Драган И.Г. Виленская Краснознаменная : боевой путь 144-й стрелковой Виленской Краснознаменной дивизии, орденов Суворова, Кутузова, Александра Невского дивизии. М. : Воениздат, 1977. 151 с.
3. Ганичев Д.В., Муриев Д.В. Дорогами мужества : боевой путь 50-й стрелковой Запорожско-Кирвоградской Краснознаменной, орденов Суворова и Кутузова дивизии. М. : Воениздат, 1988. 182 с.
4. Обычная дивизия великой войны. 385-я стрелковая Кричевская. 1941–1945 / авт.-сост. О.В. Буторина, А.В. Ничиков, А.С. Юновидов. М. : Весь мир, 2024. 672 с.
5. Жилин В.А., Греджев В.А., Сапрыкин М.А. и др. Битва под Москвой : хроника, факты, люди : в 2 кн. М. : ОЛМА-Пресс, 2001. Кн. 1. 926 с. (Серия «Архив»).
6. Жилин В.А., Греджев В.А., Сапрыкин М.А. и др. Битва под Москвой : хроника, факты, люди : в 2 кн. М. : ОЛМА-Пресс, 2001. Кн. 2. 1022 с. (Серия «Архив»).
7. Кривошеев Г.Ф., Андроников В.М., Буриков П.Д., Гуркин В.В. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь : новейшее справочное издание. М. : Вече, 2010. 384 с.
8. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма : исторические очерки, документы и материалы. М. : Наука, 1973. Т. 1. 766 с.; Т. 2. 663 с.
9. Юновидов А.С. Одинокая война : неизвестный подвиг 385-й стрелковой дивизии. М. : Весь Мир, 2013. 360 с.
10. Деев В., Петренко Р. Простреленные километры : документальная повесть. Фрунзе : Кыргызстан, 1973. 192 с.
11. От Фрунзе до Эльбы : сб. воспоминаний / сост. М.В. Сорокин, З.Х. Музафаров. Фрунзе : Кыргызстан, 1985. 151 с.

References

1. Kuznetsov, P.G. (1975) *Proletarskaya Moskovsko-Minskaya: voenno-istoricheskiy ocherk o gvardeyskoy Proletarskoy Moskovsko-Minskoy divizii* [Proletarian Moscow-Minsk: military-historical essay on the Guards Proletarian Moscow-Minsk Division]. Moscow: Voenizdat.
2. Dragan, I.G. (1977) *Vilenskaya Krasnoznamennaya : boevoy put' 144-y strelkovoy Vilenskoy Krasnoznamennoy divizii, ordenov Suvorova, Kutuzova, Aleksandra Nevskogo divizii* [Proletarian Moscow-Minsk: military-historical essay on the Guards Proletarian Moscow-Minsk Division]. Moscow: Voenizdat.
3. Ganichev, D.V. & Muriev, D.V. (1988) *Dorogami muzhestva: boevoy put' 50-y strelkovoy Zaporozhsko-Kirvogradskoy Krasnoznamennoy, ordenov Suvorova i Kutuzova divizii* [Along the roads of courage: the combat path of the 50th Rifle Zaporizhzhya-Kirvograd Red Banner, Orders of Suvorov and Kutuzov Division]. Moscow: Voenizdat.
4. Butorina, O.V., Nichikov, A.V. & Yunovidov, A.S. (2024) *Obychnaya diviziya velikoy voyny. 385-ya strelkovaya Krichevskaya. 1941–1945* [An ordinary division of the Great War. 385th rifle Krichevskaya. 1941–1945]. Moscow: Ves' mir.
5. Zhilin, V.A., Gredzhev, V.A., Saprykin, M.A. et al. (2001a) *Bitva pod Moskvoy: khronika, fakty, lyudi* [The Battle of Moscow: Chronicle, Facts, People]. Vol. 1. Moscow: OLMA-Press.
6. Zhilin, V.A., Gredzhev, V.A., Saprykin, M.A. et al. (2001b) *Bitva pod Moskvoy: khronika, fakty, lyudi* [The Battle of Moscow: Chronicle, Facts, People]. Vol. 2. Moscow: OLMA-Press.
7. Krivosheev, G.F., Andronikov, V.M., Burikov, P.D. & Gurkin, V.V. (2010) *Velikaya Otechestvennaya bez grifa sekretnosti. Kniga poter': noveyshee spravochnoe izdanie* [The Great Patriotic War Without the Classification Mark. The Book of Losses: The Latest Reference Publication]. Moscow: Veche.
8. Dashichev, V.I. (1973) *Bankrotstvo strategii germanskogo fashizma: istoricheskie ocherki, dokumenty i materialy* [Bankruptcy of the Strategy of German Fascism: Historical Essays, Documents and Materials]. Moscow: Nauka.
9. Yunovidov, A.S. (2013) *Odinokaya voyna: neizvestnyy podvig 385-y strelkovoy divizii* [A lonely war: the unknown feat of the 385th rifle division]. Moscow: Ves' Mir.
10. Deev, V. & Petrenko, R. (1973) *Prostrelennye kilometry: dokumental'naya povest'* [Shot-through kilometers: a documentary story]. Frunze: Kyrgyzstan.
11. Sorokin, M.V. & Muzafarov, Z.Kh. (eds) (1985) *Ot Frunze do El'by: sb. vospominaniy* [From Frunze to the Elbe: A collection of memoirs]. Frunze: Kyrgyzstan.

Сведения об авторе:

Расколец Виктор Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета, старший преподаватель кафедры российской истории Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: predator-101@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Raskolets Viktor V. – Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow at the Problematic Research Laboratory of History, Archeology and Ethnography of Siberia at Tomsk State University, Senior Lecturer at the Department of Russian History at Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: predator-101@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.02.2025; принята к публикации 15.05.2025

The article was submitted 04.02.2025; accepted for publication 15.05.2025

Рецензия

УДК 070:655.552(470.41-25)"1758/1918"

doi: 10.17223/19988613/95/26

**Рецензия на монографию Бик-Булатова А.Ш. Очерки истории
казанской журналистики 1758–1918. Выпуск 2. Казань:
Издательский дом Маковского, 2021. 976 с.**

Вячеслав Вениаминович Шевцов

Томский государственный университет, Томск, Россия, totleben@yandex.ru

Аннотация. Монография Айрата Шамилевича Бик-Булатова посвящена характеристике особенностей и закономерностей развития периодической печати Казанской губернии в дореволюционный период. Текст состоит из восьми разделов, в которых в жанре очерков представлена не только история газет и журналов региона, но и история казанского гражданского общества, общественных инициатив, взаимоотношений власти и провинциальной интеллигенции. Автор демонстрирует высокий уровень детализации знаковых событий и фигур казанской журналистики, доказывает, что поле ее деятельности было гораздо шире, чем у современных изданий.

Ключевые слова: периодическая печать, журналистика, Казань

Для цитирования: Шевцов В.В. Рецензия на монографию Бик-Булатова А.Ш. Очерки истории казанской журналистики 1758–1918. Выпуск 2. Казань: Издательский дом Маковского, 2021. 976 с. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 95. С. 206–208. doi: 10.17223/19988613/95/26

Book review

**Review of the book by Bik-Bulatov A.Sh. Essays on the history of Kazan
Journalism 1758–1918. Issue 2. Kazan: Makovsky Publishing House, 2021. 976 p.**

Vyacheslav V. Shevtsov

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, totleben@yandex.ru

Abstract. The monograph by Airat Shamilevich Bik-Bulatov is devoted to the features and patterns of development of the periodical press of the Kazan province in the pre-revolutionary period. The text of the monograph consists of eight sections. The main sources of the research are newspapers and journals of the Kazan province - official, particular, specialized, national Tatar periodicals. The purpose of the study is to give the most complete overview of all the circumstances of the emergence and development of periodicals in the region, to show the activities of editors, journalists, and the relationship between the press and the provincial administration.

The essay genre allows the author to freely move from one publication, plot or period to another, without close chronological dependence between them and intermediate conclusions, to conduct a narrative with a large number of private details and digressions.

The author demonstrates a high level of detail in the significant events and figures of Kazan journalism, proving that the field of its activity was much wider than that of modern publications. It is surprising that there are no such important components for a scientific publication as an indication of the circulation of the monograph, DOI code, information about the scientific editor and reviewers.

The huge volume of presented material did not allow the author to summarize the results of his research in such an important section for a scientific monograph as "Conclusion". It is noteworthy that the scientific reference apparatus is limited only to a combined personal and newspaper index; footnotes or endnotes to literature and documentary sources are completely absent. Only sometimes they are presented in brackets, including a reference to Wikipedia, which is not entirely appropriate in a scientific text.

In general, the text of the monograph is written in a living literary language in a certain author's style, which reveals Airat Shamilevich as an active journalist and public figure. The author demonstrates a high level of immersion in the topic of his research, thoroughly provides all the details and the smallest details of significant events and figures of Kazan journalism, which is undoubtedly of interest to researchers of Russian pre-revolutionary journalism.

Keywords: periodicals, journalism, Kazan

For citation: Shevtsov, V.V. (2025) Review of the book by Bik-Bulatov A.Sh. Essays on the history of Kazan Journalism 1758–1918. Issue 2. Kazan: Makovsky Publishing House, 2021. 976 p. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 95. pp. 206–208. doi: 10.17223/19988613/95/26

Монография Айрата Шамилевича Бик-Булатова посвящена характеристике особенностей и закономерностей развития периодической печати Казанской губернии в дореволюционный период и представляет собой вторую часть одноименного труда (Очерки истории Казанской журналистики (1811–1918). Чебоксары: Free Poetry, 2020. 242 с.). Первая часть была более кратким и по содержанию, и по хронологии приближением к теме, вторая же развивает ее, дополняя новыми сюжетами, в более широких хронологических рамках, в объеме почти тысячи страниц. Выбранный автором жанр очерка позволяет свободно переходить от одного издания, сюжета или периода к другому без тесной хронологической зависимости между ними и промежуточных выводов, вести повествование с большим количеством частных подробностей и отступлений.

Первый раздел монографии посвящен первой газете региона – «Казанским известиям». Если обычно у истоков провинциальной прессы стояли официальные губернские ведомости, то в Казанской губернии создание первой газеты было самостоятельной гражданской инициативой, которая, правда, не могла обойтись без губернаторской поддержки. В качестве движущих сил и факторов возникновения казанской прессы названы Первая Казанская мужская гимназия, а затем Казанский университет, куда перешла группа молодых преподавателей – энтузиастов провинциальной печати. Подробно охарактеризована деятельность первых редакторов и журналистов «Казанских известий», показаны связи казанской и московской интеллигенции. Директора гимназий во многих российских губерниях, как и в Казани, выступали в роли редакторов неофициальной части губернских ведомостей и их авторов. Любопытен пассаж в определении представителем «культурного десанта» из Москвы (М.И. Веревкин, первый директор Казанской гимназии) уровня развития казанской провинции как «Тартария» в схожем ряду аналогичных синонимов для подчеркивания его низкого уровня «Китайщина» и «Туретчина», которые использовались в русской прессе.

Второй раздел монографии «Пресса. Власть. Общество» посвящен ключевой фигуре общественно-политических процессов середины XIX в. А.П. Щапову и возникшей вокруг его областнических идей полемике. «Областнический» модус казанской журналистики представлен «Камско-Волжской газетой», с которой сотрудничали и сибирские областники – Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев. В роли прогрессивных администраторов, принимавших участие в развитии газетной прессы, показаны фигуры казанских губернаторов Б.А. Мансурова и С.П. Шипова. Последний использовал подведомственные ему «Казанские губернские ведомости» как информационную площадку для повышения эффективности управления и борьбы со злоупотреблениями чиновников. Губернатор А.К. Гейнс способствовал открытию официального «Волжско-Камского слова» для того, чтобы освещать состояние и интересы края в умеренно-консервативном ключе.

Большая часть третьего раздела связана с историей возникновения и развития «Казанских губернских ведомостей». Тесная связь редакторов «Казанских гу-

бернских ведомостей» с университетской профессурой помогла выдвинуть ее неофициальную часть на лидирующие позиции среди других аналогичных правительственных изданий. Университетские и гимназические преподаватели, образованные чиновники и помещики выступали в качестве основных авторов, поскольку профессии журналиста и, соответственно, журналистики в современном понимании еще не существовало. Как и в других аналогичных изданиях, показана роль редактора неофициальной части, от уровня образования и трудолюбия которого зависело общественное значение единственной местной газеты.

Четвертый раздел характеризует содержание казанской отраслевой и специализированной периодики – изданий научных обществ, «Записок Императорского Казанского экономического общества», «Православного собеседника», казанских представителей охотничьих очерков.

Один из наиболее объемных разделов – пятый – посвящен расцвету казанской периодики в конце XIX в., когда не только возникает, но и успешно функционирует система частной периодики различной тематической и идейной направленности, представители которой вступают в конкурентные отношения между собой. Здесь подробно охарактеризованы взгляды Н.М. Ядринцева по поводу модели провинциальной областной газеты со своими взглядами и интересами, а не в виде «подголоска столичной прессы». В этом отношении сибирские и казанские газеты роднит «кинородческий вопрос», о котором пишет автор.

Шестой раздел рассказывает о национальной татарской печати, вклад в изучение которой тем более важен, что история татаро-мусульманской журналистики находится в процессе становления и никак не отражена в учебных курсах. Даже сама постановка вопроса о характере отношений русской и татарской казанской печати и рассмотрение направленности основных изданий национальной печати уже можно расценивать как определенный исследовательский прорыв.

Седьмой раздел характеризует казанскую прессу в период Первой русской революции и «думской монархии». Показаны размежевание местных газет по партийной принадлежности и «информационные войны» между ними. Отрадно, что автор избегает выделения такого направления в печати, как «экстремистское», или «деструктивное», что становится отличительной чертой работ последних двух десятилетий, сохраняя такие определения, как «радикальные», «оппозиционные», «революционные», «социал-демократические», «эсеровские» издания и «политизация казанской прессы».

Заключительный, восьмой раздел о казанской прессе в 1910-е гг. представляет интерес в том отношении, что в годы Первой мировой войны в своей публицистике, как умеренно-либеральной, так и ура-патриотической, казанские газеты выходят на уровень обсуждения общероссийских и даже международных проблем военного и будущего послевоенного времени.

Огромный объем представленного материала не позволил автору обобщить результаты своего исследования в таком важном для научной монографии разделе, как Заключение. Обращает на себя внимание, что

научно-справочный аппарат ограничен лишь объединенным именным и газетным указателем, подстрочные или концевые сноски на литературу и документальные источники полностью отсутствуют. Лишь иногда они представлены в скобках, включая и отсылку к Википедии, что не совсем уместно в научном тексте.

Вызывает удивление отсутствие таких важных для научного издания составляющих, как указание на тираж монографии, код DOI, сведения о научном редакторе и рецензентах.

Сведения об авторе:

Шевцов Вячеслав Вениаминович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: totleben@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Shevtsov Vyacheslav V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: totleben@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

В целом текст монографии написан живым литературным языком в определенном авторском стиле, что выдает в Айрате Шамилевице действующего журналиста и общественного деятеля. Автор демонстрирует высокий уровень погружения в тему своего исследования, досконально приводит все детали и мельчайшие подробности знаковых событий и фигур казанской журналистики, что, несомненно, представляет интерес для исследователей российской дореволюционной журналистики.

Статья поступила в редакцию 22.07.2024; принята к публикации 15.05.2025

The article was submitted 22.07.2024; accepted for publication 15.05.2025

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

SCIENTIFIC LIFE

Научная статья

УДК 94+327

doi: 10.17223/19988613/95/27

Всероссийская научная конференция «Основные тенденции во внешней политике США XX–XXI вв.»

Оксана Геннадьевна Лекаренко¹, Игорь Александрович Кочев²

^{1, 2} Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ olekarenko@gmail.com

² igor_kochev@yahoo.com

Аннотация. Приводится информация о всероссийской научной конференции «Основные тенденции во внешней политике США XX–XXI вв.», состоявшейся в Национальном исследовательском Томском государственном университете 20–21 марта 2025 г. Цель конференции заключалась в выявлении основных тенденций во внешней политике США XX–XXI вв. с акцентом на американском доминировании в экономических, политических, социокультурных процессах в различных регионах мира.

Ключевые слова: американские исследования, внешняя политика США, научная конференция, международные отношения, Томский государственный университет

Для цитирования: Лекаренко О.Г., Кочев И.А. Всероссийская научная конференция «Основные тенденции во внешней политике США XX–XXI вв.» // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 95. С. 209–213. doi: 10.17223/19988613/95/27

Original article

All-Russian scientific conference “Major trends in US foreign policy in the 20th–21st centuries”

Oksana G. Lekarenko¹, Igor A. Kochev²

^{1, 2} Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ olekarenko@gmail.com

² igor_kochev@yahoo.com

Abstract. The report provides information about the All-Russian scientific conference "Major Trends in US Foreign Policy in the 20th–21st Centuries", held at the National Research Tomsk State University on March 20–21, 2025. This event continues the tradition of holding conferences on American studies, which were organized by the Department of Modern, Contemporary History and International Relations in the 1990s – 2010s. Further study of the US domestic and foreign policy is of great importance in the light of the new geopolitical situation in the world. The purpose of the conference was to identify the main trends in the US foreign policy in the 20th–21st centuries with an emphasis on American dominance in economic, political, socio-cultural processes in various regions of the world. The conference was attended by American researchers from universities and academic institutes from fourteen cities of the Russian Federation. A total of 34 reports were presented. The conference participants discussed the specifics of US foreign policy at the turn of the late 19th and early 20th centuries, the conceptual foundations and regional directions of American foreign policy during the Cold War, and the methods and means used by the United States of America to achieve its strategic priorities at the present stage. The reports presented, devoted to various aspects of the US foreign policy, were performed at a high level. The participants proposed to continue the fruitful discussion that began during the conference.

Keywords: American studies, US foreign policy, scientific conference, international relations, Tomsk State University

For citation: Lekarenko, O.G., Kochev, I.A. (2025) All-Russian scientific conference “Major trends in US foreign policy in the 20th–21st centuries”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 95. pp. 209–213. doi: 10.17223/19988613/95/27

20–21 марта 2025 г. в Национальном исследовательском Томском государственном университете состоялась всероссийская научная конференция «Основные тенденции во внешней политике США XX–XXI вв.». Данное мероприятие продолжило традицию проведения конференций по американистике, которые были организованы кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений в 1990–2010-е гг. По итогам конференций было издано 11 выпусков сборников статей «Американские исследования в Сибири» [1]. Цель состоявшейся конференции заключалась в выявлении основных тенденций во внешней политике США XX–XXI вв. с акцентом на американском доминировании в экономических, политических, социокультурных процессах в различных регионах мира. В конференции приняли участие опытные и молодые исследователи, представляющие университеты и академические институты из 14 городов Российской Федерации: от Архангельска и Санкт-Петербурга до Иркутска и Владивостока. Всего было представлено 34 доклада. С приветствием к участникам конференции обратилась заведующая кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений О.Г. Лекаренко. Она отметила, что традиция изучения внешней политики Соединенных Штатов Америки в Томском государственном университете была заложена в 1960–1970-е гг. и связана с именем основателя кафедры профессора С.С. Григорьевича. Усилиями С.С. Григорьевича и его учеников Томск превратился в один из признанных центров американских исследований в России [2]. О.Г. Лекаренко акцентировала внимание на важности продолжения изучения политики США в новой геополитической ситуации.

На пленарном заседании выступили Н.А. Цветкова, и.о. директора Института США и Канады РАН (Москва), и В.В. Романов, профессор Тамбовского государственного университета. В своем докладе Н.А. Цветкова охарактеризовала подходы к структурному устройству мировой политической системы в политических культурах США, России и Китая. Автор показала, как исторический опыт и устойчивые ментальные паттерны каждой из стран формируют предпочтения в выборе моделей международного порядка: от однополярной и биполярной моделей до многополярной и даже особой иерархической системы по конфуцианскому образцу. По мнению Н.А. Цветковой, основной стратегической целью США может быть консервация однополярности, России – возврат к биполярному равновесию или хотя бы закрепление в качестве одного из ключевых игроков в многополюсном мире, Китая – установление иерархичной структуры с Китаем в качестве центрального актора. Н.А. Цветкова подчеркнула, что понимание этих различий необходимо для выработки конструктивного диалога и поиска форматов, способных обеспечить устойчивость и безопасность в международных отношениях в период новой «встряски».

В.В. Романов обратился к трактовке американского гегемонизма сторонниками внешнеполитической концепции консервативного интернационализма. На примерах отдельных этапов внешней политики США автор рассмотрел, как ключевые идеи консервативного интернационализма определяли приоритеты амери-

канской дипломатии в борьбе за лидерство на мировой арене. В.В. Романов также показал, насколько исторические традиции данного вектора внешнеполитической мысли и внешнеполитической практики США влияют на стратегию и тактику администрации президента Д. Трампа. Автор доклада отметил, что хотя риторика нынешней администрации США тяготеет к изоляционизму, ее внешнеполитические действия, вдохновленные идеями гамильтонианства, скорее, свидетельствуют о приверженности Белого дома интервенционистскому курсу.

На первой секции (модератор И.А. Кочев) были рассмотрены вопросы внешней политики США на рубеже XIX–XX вв. Л.В. Байбакова (Московский государственный университет) на примере челночной дипломатии США в русско-японской войне, инициации Гаагской конференции 1907 г., посреднических усилий США при разрешении марокканского кризиса и создании Постоянной палаты международного правосудия при Лиге Наций наглядно продемонстрировала, как американские администрации активно использовали не только «большую дубинку», но и «мягкую силу» на пути к мировому лидерству в начале XX в. И.Р. Давидян (Московский государственный университет) подробно остановилась на аспектах установления американского протектората над Филиппинами как «неинкорпорированной территорией», приобретенной в результате испано-американской войны 1898 г. А.Ю. Шабает (Московский государственный университет) отразил работу американского Комитета общественной информации в годы Первой мировой войны, сосредоточившись на работе с кинематографом как основным инструментом пропаганды. В докладе было показано, как прокатчики и звезды первой величины (М. Пикфорд, Ч. Чаплин) участвовали в рекламе военных облигаций, добровольческих формирований и демонизации кайзеровской Германии, а бдительные цензоры следили не только за содержанием фильмов на внутреннем рынке, но и за экспортом кинематографической продукции.

О.А. Аршинцева (Алтайский государственный университет; Барнаул) искала истоки американского лидерства в миротворческих усилиях В. Вильсона. Аттестовав кризис института глобального лидерства, автор усомнилась в способности США к коллективному лидерству или принятию полицентризма, предложив рассматривать модель адхократического коллективизма в качестве альтернативы мировой гегемонии США. П.А. Михеева (Северный (Арктический) федеральный университет; Архангельск) осветила место Арктики в культурной памяти США. Особое внимание было уделено арктическим экспозициям в музеях трех штатов, художественной литературе и печати на тему освоения Аляски. Автор доклада отметила, что, несмотря на все усилия по формированию арктической идентичности, результаты опросов среди американцев неутешительны: кроме жителей Аляски никто не считает США арктической нацией, а пугающее количество школьников и вовсе склонны думать об Аляске как об острове. Секцию завершил доклад Ю. Фэн (Санкт-Петербургский государственный университет), в котором

было рассмотрено соотношение изоляционизма и интервенционизма во внешней политике США. Ю. Фэн попыталась вдохнуть вторую жизнь в дебаты начала XX в. об изоляционизме и интервенционизме как стратегических альтернативах американской внешней политики, применив их для анализа внешней политики США после холодной войны и сделав вывод об эклектизме на практике этих двух теоретических подходов.

В ходе работы секции развернулась оживленная дискуссия о том, с какого момента можно причислять США к великим державам и каковы признаки американской неформальной империи, если этот термин вообще применим к Соединенным Штатам Америки.

На второй секции (модератор О.Г. Лекаренко) обсуждались концептуальные основания и региональные направления внешней политики США в годы холодной войны. Секцию открыл доклад А.Е. Фоминых (Марийский государственный университет; Йошкар-Ола), посвященный теме космоса в публичной дипломатии США. На материалах Информационного агентства США, таких как публикации в иллюстрированном журнале «Америка», экспонаты американских тематических выставок в Советском Союзе и др., автор продемонстрировал пропагандистское сопровождение успехов США в космической гонке с СССР. В докладе было показано, что в публичной дипломатии США присутствовали элементы не только конкуренции, но и духа товарищества, ярко проявившиеся в освещении совместного советско-американского проекта «Союз–Аполлон» (1975). По мнению А.Е. Фоминых, с приходом в космическую тему негосударственных акторов в лице Илона Маска тема лидерства США в освоении космического пространства снова становится одной из ведущих в американской публичной дипломатии.

А.Е. Фельдт (Северный (Арктический) федеральный университет; Архангельск) обратился к теме истоков негативного отношения к СССР в американском общественном мнении с началом холодной войны. В докладе был поставлен вопрос: только ли резкое охлаждение отношений между двумя странами в первые послевоенные годы сформировало негативное восприятие бывшего союзника в американском обществе или истоки изменений в американском общественном мнении следует искать ранее, в предвоенные годы? Ответ на поставленный вопрос, по мнению А.Е. Фельдта, следует искать в освещении американской периодической печатью событий внутренней и внешней политики СССР в период с 1937 г. по июнь 1941 г. С началом холодной войны негативные стереотипы восприятия СССР, сформированные во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. были «оживлены» средствами массовой информации и стали основой для негативного отношения к СССР в американском общественном мнении.

О.В. Рябов (Российский государственный педагогический университет; Санкт-Петербург) посвятил свой доклад роли американского кинематографа в легитимации образа Америки как лидера «свободного мира». На материале около 30 игровых, документальных и анимационных фильмов, выпущенных в США в 1947–1963 гг., автор проанализировал создание культа «сво-

боды» в американском кинематографе времен холодной войны.

Секция продолжилась докладом К.В. Минковой (Санкт-Петербургский государственный университет), посвященным разработке Соединенными Штатами Америки выгодных им «правил игры» в области международной торговли и финансов. По мнению К.В. Минковой, в 1930-е гг. США приближались к статусу великой державы, выдвинув ряд предложений в области развития мировой торговли. Автор доклада подробно рассмотрела процесс создания Бреттон-Вудских финансовых институтов и план Международной торговой организации в контексте отношений США с СССР и Великобританией. А.В. Зайцева (Московский государственный университет) осветила тему развития представлений о глобальном лидерстве США на страницах консервативного журнала «Национальное обозрение» (1955–1965). О.Г. Лекаренко (Томский государственный университет) остановилась на участии США и стран Западной Европы в Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). По мнению О.Г. Лекаренко, поведение США и западноевропейских стран на общеевропейском совещании можно рассматривать как пример «разделенного лидерства» в западном блоке. США, не особо заинтересованные, но и не выступавшие категорически против проведения совещания, передоверили своим союзникам в Западной Европе формулирование повестки дня СБСЕ. З.И. Мамедов (Самарский социально-педагогический колледж) осветил тему генезиса и эволюции Центрального разведывательного управления США на начальном этапе холодной войны.

С.К. Ильин (Кемеровский государственный медицинский университет) подробно рассмотрел борьбу президента и конгресса США по вопросу о применении Закона о военных полномочиях 1973 г. в ходе американской интервенции в Ливан 1982–1984 гг. Е.С. Тодыков (Российский химико-технологический университет; Москва) остановился на американском проекте создания многосторонних ядерных сил НАТО как способе сдержать появление ядерной программы ФРГ. Ю.П. Попов (Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники) сфокусировал свое внимание на роли США в процессе заключения Основопологающего договора между ФРГ и ГДР 1972 г.

Секцию завершил доклад В.П. Румянцева (Томский государственный университет), посвященный деятельности Л.Б. Джонсона на посту сенатора. В продолжение трудов американских историков постревизионистского направления автор доклада опроверг тезис о слабой компетентности Л.Б. Джонсона в вопросах внешней политики. По мнению В.П. Румянцева, использованные Л.Б. Джонсоном приемы, избранная тактика и акцентированное внимание на ряде проблем внешней политики США являются весьма показательными для понимания функционирования американской политической системы, в том числе и с точки зрения текущей мировой ситуации.

Обсуждение на третьей секции (модератор Л.Н. Смолякова) концентрировалось вокруг способов и средств, используемых Соединенными Штатами Америки для

достижения своих стратегических приоритетов в современном мире. В.Е. Болдырев (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; Владивосток) рассмотрел этапы эволюции стратегического и экономического диалога США с КНР, использовавшегося Вашингтоном в 2009–2016 гг. в качестве инструмента интеграции КНР в американскую глобальную сферу. Доклад М.Д. Беновой (Томский государственный университет) был посвящен анализу стратегии США в сфере «зеленой экономики» в годы президентства Дж. Байдена в контексте конкуренции с КНР в области инновационных технологий и борьбы за доступ к природным ресурсам. Тема энергетической политики администрации Дж. Байдена была продолжена в докладе Л.Н. Смоляковой (Томский государственный университет).

И.В. Олейников (Иркутский государственный университет) посвятил свое выступление анализу отношений в треугольнике США–КНР–Новая Зеландия. Предметом доклада Г.В. Торопчина (Новосибирский государственный технический университет) стала категория «достоверности» позитивных гарантий безопасности, предоставляемых Соединенными Штатами Америки своим союзникам в АТР (Япония, Республика Корея, Австралия). По мнению автора, достижение критической отметки в уровне недоверия пороговых государств к внешним гарантиям безопасности может привести к принципиальному решению данных государств о переводе собственных ядерных программ на военные рельсы. Л.В. Дериглазова, Томский государственный университет, обратилась к военным компаниям XXI в. под руководством США, их урокам, оценкам успешности и обоснованию применения военной силы. Лидирующая роль США в боснийском конфликте 1992–1995 гг. была рассмотрена в докладе Ю.А. Шегимаго (Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники).

В своем выступлении И.А. Соков (Волгоградский государственный университет) представил результаты исследования, проведенного центром «Американа». Автор акцентировал внимание на новых механизмах, которые стали использовать США для поддержания своего мирового господства в третьем десятилетии XXI в., и разнице между действиями демократической и республиканской администраций. М.И. Черкашин (Институт мировой экономики и международных отношений РАН; Москва), посвятил свой доклад внутриполитическим факторам формирования внешней политики США на современном этапе. По мнению автора, внешнеполитические действия США, хотя и рационализируются в контексте принимаемых страте-

гических документов, на самом деле в большинстве случаев объясняются скорее логикой внутривнутриполитической или бюрократической борьбы, нежели стратегическими соображениями.

М.Н. Волков (Агентство стратегических инициатив; Москва), обратился к проблеме военно-технологического лидерства США в эпоху искусственного интеллекта. Автор отметил, что после окончания холодной войны в связи со снижением размеров гособоронзаказа в США и монополизацией рынка военных подрядчиков Пентагона начались кризисные явления в американском ВПК. Однако, по мнению М.Н. Волкова, стремительное развитие прорывных технологий (космический Интернет, искусственный интеллект, дронификация войны) позволяет сделать вывод о перспективах сохранения американского военно-технологического лидерства в горизонте 2035–2040 гг.

А.С. Сергунин (Санкт-Петербургский государственный университет) охарактеризовал политику США в отношении двух основных арктических маршрутов: Северного морского пути и Северо-западного прохода, контролируемых соответственно Россией и Канадой.

«Мягкая сила» научно-образовательного сотрудничества США и Казахстана в 2014–2024 гг. была проанализирована в докладе А.В. Котика (Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»). Автор пришел к выводу, что научно-образовательная политика позволяет США сохранять определенное влияние в Казахстане и воздействовать на политические элиты страны.

В.Е. Габышев (Тюменский государственный университет) остановился на проблеме возрастающей роли КНР в сфере экспорта ядерно-энергетических технологий и ее влиянии на отношения США со странами Латинской Америки. По мнению В.Е. Габышева, предлагаемые КНР крупные инфраструктурные проекты, дополненные принципом «невмешательства» во внутренние дела латиноамериканских государств, могут способствовать вытеснению США из их традиционной сферы влияния. Представленные на секции несколько докладов на тему развития ядерной энергетики способствовали развитию оживленной дискуссии о перспективах «мирного атома» в «зеленой» экономике и потенциале России на этом рынке.

Участники конференции отметили высокий научный уровень и прекрасную организацию мероприятия, выступили с предложением продолжить плодотворную дискуссию, завязавшуюся в ходе конференции, а также выразили надежду, что конференции, посвященные исследованиям Соединенных Штатов, в стенах ТГУ вновь станут доброй традицией университета.

Список источников

1. Американские исследования в Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995–2012. Вып. 1–11.
2. Жигалов Б.С. У истоков сибирской американистики (к 90-летию профессора С.С. Григорцевича) // Американские исследования в Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. С. Вып. 9. С. 11–16.

References

1. Pelipas, M.Ya. et al. (eds) (1995–2012) *Amerikanskie issledovaniya v Sibiri* [American Studies in Siberia]. Tomsk: Tomsk State University Press.
2. Zhigalov, B.S. (2007) *U istokov sibirskoy amerikanistiki (k 90-letiyu professora S.S. Grigortsevicha)* [At the origins of Siberian American studies (on the 90th anniversary of Professor S.S. Grigortsevich)]. In: *Amerikanskie issledovaniya v Sibiri* [American Studies in Siberia]. Vol. 9. Tomsk: Tomsk State University Press. pp. 11–16.

Сведения об авторах:

Лекаренко Оксана Геннадьевна – доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: olekarenko@gmail.com

Кочев Игорь Александрович – старший преподаватель кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: igor_kochev@yahoo.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Lekarenko Oksana G. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Chair of the Department of Modern, Contemporary History and International Relations of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olekarenko@gmail.com

Kochev Igor A. – Senior Lecturer, Department of Modern, Contemporary History and International Relations of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: igor_kochev@yahoo.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.04.2025; принята к публикации 15.05.2025

The article was submitted 09.04.2025; accepted for publication 15.05.2025

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2025 № 95

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский

Главный редактор – В.П. Зиновьев

Ответственный секретарь – Е.А. Федосов

Подписано к печати 27.06.2025 г. Формат 60х84^{1/8}. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Печ. л. 26,8. Усл. печ. л. 24,9. Тираж 50 экз. Заказ № 6368. Цена свободная.

Дата выхода в свет 10.07.2025 г.

Редактор Е.Г. Шумская

Оригинал-макет Е.Г. Шумской

Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Редакторы-переводчики – Е.А. Михайлицина, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет

Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: <http://journals.tsu.ru/history>

Founder – Tomsk State University

Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь Е.А. Федосов
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Editorial Office and Publisher Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Egor Fedosov
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Издательство:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательство Томского государственного университета
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher:

Tomsk State University Press,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru